This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3096.12.5

Harvard College Library

BOUGHT WITH GIFTS RECEIVED
THROUGH THE COMMITTEE
APPOINTED BY THE BOARD
OF OVERSEERS TO VISIT THE
DEPARTMENT OF ECONOMICS

А. А. КАУФМАНЪ.

РУССКАЯ ОБЩИНА

Въ процессѣ ея зарожденія и роста.

БИБЛІОТЕКА
КООПЕРАТИВНОГО
ИНСТИТУТА
ВСЕРОСС.-КООПЕР. ВЫСШ. Ш.
№ 5206

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1908.

Slav 3096.12.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF THE
OVERSEERS COMMITTEE
TO VISIT THE
DEPARTMENT OF ECONOMICS
Apr 23, 1930

Незабвенной памяти

Александра Ивановича

Чупрова.

Едва ли не самая неблагопріятная особенность соціальныхъ наукъ по сравненію съ науками естественными,—особенность, въ высшей степени вредно отражающаяся и на научномъ изслѣдованіи, и на научномъ знаніи,—это столь обычное, въ области общественныхъ наукъ, смѣшеніе *категоріи дѣйствительнаго* и *категоріи должнаго;* области *научнаго познанія* и сферы *общественныхъ симпатій.* Ученый изслѣдователь защищаетъ или опровергаетъ извѣстную научную теорію, потребители науки, иначе сказать, читающая публика, воспринимаютъ—или отвергаютъ ее, и воспринимаютъ или отвергаютъ не только разумомъ, но и вѣрой, потому что она кажется имъ отвѣчающей—или противорѣчащей извѣстнымъ соціальнымъ идеаламъ. Примѣровъ такого вліянія соціальныхъ симпатій и идеаловъ на научное изслѣдованіе или научное познаніе можно было бы привести сколько угодно изъ области теоретической экономіи; назову только одинъ такой, можетъ-быть наиболѣе рѣзкій, примѣръ—вопросъ о цѣнности. Не мало примѣровъ того же рода можно привести и изъ области аграрныхъ отношеній,—и однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ является здѣсь вопросъ о происхожденіи общины. Тѣ, кто симпатизируетъ общинѣ, стараются во что бы то ни стало доказать, что община, съ характерными для нея уравнительными формами землепользованія, является продуктомъ самостоятельнаго народнаго творчества, что она имѣетъ свои корни въ сѣдой старинѣ; тѣ, кто считаетъ ее вредною и нежелательною, усиливаются доказать, что община, въ частности русская община, навязана крестьянству извнѣ, что она—продуктъ помѣщичьяго и чиновничьяго давленія. Какъ и во всякой другой области соціальнаго познанія, смѣшеніе категорій дѣйствительнаго и желательнаго и здѣсь безцѣльно, даже съ точки зрѣнія исповѣдуемыхъ одними или

другими экономическихъ и общественныхъ идеаловъ. Если бы было неопровержимо доказано, что община—продуктъ самостоятельнаго народнаго творчества,—это нисколько не предрѣшило бы вопроса о ея полезности въ настоящемъ и въ будущемъ; община могла бы все-таки быть вреднымъ пережиткомъ, обреченнымъ на естественное исчезновеніе. И наоборотъ,—если бы было точно установлено, что община была въ свое время, въ тѣхъ или другихъ видахъ, извнѣ навязана народу,—это, само по себѣ, нисколько не помѣшало бы ей быть институтомъ, желательнымъ какъ съ точки зрѣнія доставляемыхъ имъ нынѣ выгодъ, такъ и въ особенности—въ виду таящихся въ немъ, можетъ-быть, началъ лучшаго соціальнаго будущаго. Смѣшеніе это представляется безцѣльнымъ,—и тѣмъ не менѣе оно существуетъ; тѣмъ не менѣе оно, несомнѣнно, играетъ первостепенную роль въ исторіи научной разработки вопроса о происхожденіи общины.

Но вопросъ о происхожденіи общины—это *историческій* вопросъ, одинъ изъ вопросовъ исторіи русскихъ аграрныхъ отношеній. А всякое историческое изученіе представляетъ другую существенную особенность, опять-таки крайне неблагопріятно отражающуюся на историческомъ познаніи. Исторія имѣетъ дѣло *не съ конкретными фактами*, поддающимися непосредственному наблюденію, *а со свидѣтельствами* объ этихъ фактахъ; не съ живыми людьми, а съ мертвыми документами. Она знаетъ то, что̀ засвидѣтельствовано документами, и не знаетъ, *не можетъ* знать того, что совершилось, не оставивъ за собой документальнаго слѣда. И съ этою особенностью приходится особенно серьезно считаться, когда мы имѣемъ дѣло съ историческимъ изученіемъ экономической и соціальной жизни народныхъ массъ, притомъ въ такой поголовно-безграмотной странѣ, какъ Россія. Въ заключительной главѣ настоящей книги мнѣ придется подробно выяснить значеніе этой чисто-методологической особенности историческаго изученія въ вопросѣ о происхожденіи русской общины. Но уже здѣсь я долженъ отмѣтить, что основанное на документахъ историческое изученіе можетъ давать, въ подобнаго рода вопросахъ, лишь обрывки знанія,—обрывки, дающіе не только крайне неполную, но неизбѣжно одностороннюю картину изучаемаго явленія.

И вотъ, на помощь историческому изученію,—на помощь исторіи, оперирующей съ мертвыми документами, является то, что̀ можно, съ полнымъ правомъ, назвать „живою исторіей“: является, въ интересующемъ насъ вопросѣ о происхожденіи общины, изученіе эволюціи землепользованія у крестьянъ въ Азіатской и на нѣкоторыхъ рѣдко-населенныхъ окраинахъ Европейской Россіи, а также у длиннаго ряда не-русскихъ племенъ нашей страны, у которыхъ эта эволюція происходитъ попутно съ переходомъ ихъ отъ кочевого къ осѣдло-земледѣльческому быту. Мы *видимъ* здѣсь воочію тотъ процессъ сложенія общины, который историкамъ приходится возсоздавать, по отрывочнымъ свидѣтельствамъ источниковъ; и примѣняя, съ должною, конечно, осторожностью, методъ переживаній, мы заключаемъ отъ наблюдаемаго нами настоящаго къ покрытому густою завѣсой историческому прошлому.

Вышедшая болѣе десяти лѣтъ тому назадъ моя книга „Крестьянская община въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг.“ была какъ бы главою изъ этой „живой исторіи“, значеніе которой, съ точки зрѣнія „метода переживаній“, мнѣ уже тогда было совершенно ясно. Въ этой книгѣ я имѣлъ въ виду свести въ одну общую картину результаты мѣстныхъ изслѣдованій, охватившихъ до того времени четыре губерніи такъ называемой коренной Сибири,—изслѣдованій, въ которыхъ я лично, въ теченіе ряда лѣтъ, принималъ непосредственное участіе. Со времени выхода въ свѣтъ этой книги накопился огромный новый матеріалъ: сибирскія экспедиціонныя изслѣдованія распространились на Забайкалье; руководимая Ф. А. Щербиной статистическая экспедиція подвергла почти сплошному изслѣдованію землепользованіе и хозяйство киргизъ трехъ необъятныхъ областей степного края. И вотъ, я рѣшаюсь выступить съ новою работой, задачи и рамки которой я ставлю нѣсколько иначе. Въ моей „Крестьянской общинѣ въ Сибири“ я ставилъ себѣ ограниченную, такъ сказать, географически задачу: описать эволюцію и современное состояніе формъ землепользованія *въ одномъ опредѣленномъ районѣ*, охватывавшемъ, какъ я сказалъ, четыре губерніи коренной Сибири. Въ настоящее время я задаюсь цѣлью прослѣдить *процессъ сло-*

женія общины, какъ онъ наблюдается у крестьянскаго и инородческаго населенія какъ той же Сибири, такъ европейской Россіи и Кавказа. Моя задача теперь гораздо шире,—но въ то же время и нѣсколько уже: въ моей прежней работѣ я подробно описывалъ не только слагающуюся, но и уже сложившуюся, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, общину, иначе сказать—основанія земельно-податныхъ разверстокъ и технику сибирскихъ передѣловъ. Въ настоящей книгѣ я касаюсь *этихъ* вопросовъ лишь постольку, поскольку это представляется необходимымъ съ точки зрѣнія основныхъ задачъ моего изслѣдованія: поскольку это необходимо, чтобы установить непосредственную связь наблюдаемыхъ въ тѣхъ или другихъ районахъ формъ общинно-уравнительнаго пользованія съ болѣе ранними, до-передѣльными формами, отсылая за всѣми подробностями къ моей „Крестьянской общинѣ въ Сибири".

Моя теперешняя работа основывается на несравненно болѣе широкомъ матеріалѣ, нежели „Крестьянская община въ Сибири"; тѣмъ не менѣе, я и теперь не задаюсь цѣлью исчерпать *всего* имѣющагося, частью мнѣ извѣстнаго, частью, можетъ-быть, и оставшагося мнѣ неизвѣстнымъ, матеріала. Въ основѣ моихъ построеній и заключеній и теперь лежатъ результаты систематическихъ экспедиціонныхъ изслѣдованій, выполненныхъ, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, въ Сибири, киргизскомъ краѣ, въ Закавказьѣ, на вологодскомъ сѣверѣ и т. п. Это—матеріалъ, такъ сказать, перваго разбора, при всѣхъ своихъ частныхъ недостаткахъ удовлетворяющій, въ общемъ, самымъ строгимъ методологическимъ требованіямъ; къ этому матеріалу, притомъ, я могу отнестись со строгою критикой, въ виду наличности у меня извѣстнаго запаса относящихся къ соотвѣтственнымъ районамъ личныхъ наблюденій. Этотъ матеріалъ и использованъ мною, мнѣ думается, исчерпывающимъ образомъ. Довольно широко я пользовался и разнаго рода другими источниками,—но ихъ я не стремился исчерпать: я пользовался ими, главнымъ образомъ, постольку, поскольку они годились мнѣ для ближайшаго выясненія или для иллюстраціи того, что даютъ для моей темы результаты мѣстныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій.

Въ основѣ настоящей книги лежитъ курсъ, читанный мною, въ весеннемъ семестрѣ 1907 года, въ Московскомъ университетѣ. Этотъ курсъ былъ началомъ моей преподавательской дѣятельности въ университетѣ, и обрабатывая его для печати, я имѣлъ въ виду представить задуманную работу въ Московскій же университетъ въ качествѣ докторской диссертаціи. Я считаю поэтому своимъ нравственнымъ долгомъ на первыхъ страницахъ этой книги принести мою искреннюю благодарность юридическому факультету ставшаго мнѣ роднымъ Московскаго университета, открывшему мнѣ доступъ къ академической дѣятельности и тѣмъ самымъ давшему толчокъ къ возникновенію этой книги. Я особенно благодарю моихъ, въ настоящее время, дорогихъ товарищей, проф. А. А. Мануилова и Н. А. Каблукова, изъ которыхъ первому я обязанъ мыслью искать ученой степени и того, что̀ называютъ академическою карьерой, а второй является, можно сказать, воспріемникомъ настоящей работы, которая, вѣроятно, не появилась бы въ свѣтъ безъ его иниціативы и безъ его необыкновенно-сердечнаго нравственнаго содѣйствія. И я думаю, что не могу найти лучшаго способа выразить мою глубокую признательность Московскому университету и въ особенности его юридическому факультету, какъ посвящая эту книгу памяти А. И. Чупрова, съ такою славою занимавшаго въ Московскомъ университетѣ соединенную каѳедру политической экономіи и статистики,—нашего общаго учителя.

А. К.

Май 1908 г.

Сокращенныя обозначенія главнѣйшихъ источниковъ [1]).

Статистическіе матеріалы экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей:	
а. сводный текстъ	...уѣздъ, с.
б. примѣчанія къ таблицамъ	...уѣздъ, п.
Матеріалы изслѣдованія Забайкальской области:	
а. X выпускъ, содержащій монографію М. А. Кроля о формахъ землепользованія	*Кроль.*
б. прочіе выпуски	Забайкал., вып...
Матеріалы по изслѣдованію Тобольск. и Томск. губ.	Зап.-Сиб., вып...
Матеріалы по изслѣдованію Ирк. и Енис. губ. . . .	Ирк.-Енис., томъ и выпускъ.
Матеріалы по изслѣдованію Закавказск. края	Закавказ., томъ.
«Горный Алтай», по изслѣдованію С. П. Швецова . .	*Швецовъ.*
«Матеріалы» изслѣд. кабинетск. части Томск. округа	Томск. окр.
Кулаковъ и Кузнецова, Минус. и Ачинск. инородцы	*Кулаковъ.*
Кулаковъ, Ольхонъ	Ольхонъ.
Сѣрошевскій, Якуты	*Сѣрошевскій.*
Гродековъ. Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области	*Гродековъ.*
Егіазаровъ. Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ. Крест. община	*Егіазаровъ.*
Щербина. Земельная община Кубанскихъ казаковъ .	*Щербина*
Бородинъ. Уральское казачье войско	*Бородинъ.*
Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону.	*Харузинъ.*
Качоровскій. Русская община, томъ I.	*Качоровскій.*
Большаковъ. Община у зырянъ	*Большаковъ.*
Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ	*Приклонскій.*
Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири	Сибирск. община.
Тоже. Зем. отн. и общин. порядки въ Забайкальѣ . .	*Кауфманъ,* Забайкал.
Тоже, отчеты по командировкамъ въ Тургайскую, Уральскую область, Туркестанъ	*Кауфманъ,* Тург. Урал., Турк.

---

[1]) См. прим. на стр. 5—7 и стр. 219—222.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе V
Списокъ сокращенныхъ обозначеній источниковъ XI

Часть первая. Кочевники. 1

Глава I. Кочевой бытъ и его эволюція 3

Значеніе изученія кочевого быта и кочевого землепользованія. Обзоръ источниковъ (3). Характеристика чисто-кочевого быта (6). Чисто-кочевой бытъ и переходныя формы—числовыя данныя (16). Эволюція жилища (21), земледѣлія (24), способовъ содержанія скота (30); сокращеніе кочевокъ (35); измѣненія въ потребленіи (38). Основныя причины этой эволюціи: административное воздѣйствіе, примѣръ (39); сокращеніе земельнаго простора (45). Взаимоотношеніе скотоводческой и земледѣльческой культуры (49).

Глава II. Кочевое землепользованіе и родовой бытъ . . . 58

Характеристика чисто-кочевого землепользованія (58); фактическое обособленіе (60). Значеніе родовой связи (64); родовое неравенство (69). Соціальная дифференціація кочевниковъ и ея значеніе въ эволюціи кочевого быта (72). Отношеніе правительства къ родовому быту (81); естественное разложеніе послѣдняго (85).

Глава III. Эволюція кочевой общины 90

Общая схема эволюціи (90). Что̀ такое кочевая община (93). Селитебныя единицы (93); попытки установленія земельной общины; постепенное обособленіе землевладѣнія (96). Эволюція формъ владѣнія отдѣльными угодьями: зимнія пастбища (110), осенне-весеннія и лѣтнія пастбища (118), сѣнокосы и пашни (122). Общій выводъ (125).

Глава IV. Эволюція кочевого землепользованія 127

Сѣнокосныя угодья у киргизъ (127): кошеніе сообща, передѣлы (129); «подворное» владѣніе (132); постепенность эволюціи пользованія покосами (136). Пользованіе покосами

Стр.

у якутовъ и алтайцевъ (142), у бурятъ (144); значеніе огораживанія, ближайшая характеристика «утѣсненія» (145). Формы пользованія пашнями у киргизъ (150), алтайцевъ, бурятъ (155); орошаемыя пашни (159), утуги (164). Основанія земельно-платежныхъ разверстокъ (166). Артельныя соединенія (170). Условія, вліяющія на эволюцію формъ землепользованія у осѣдающихъ кочевниковъ: законъ и административное давленіе (173); заимствованіе у русскихъ (175).

Глава V. Будущее кочевого землепользованія (землевладѣніе и землепользованіе на Кавказѣ) 179

Общія условія природы и хозяйства (180). Родъ и родовая община (181); ея разложеніе—значеніе посторонних элементовъ (184). Личное владѣніе (186). Подворно-общинное владѣніе у закавказскихъ крестьянъ, разложеніе общины (188); роль администраціи и податной системы (191); условія хозяйства (194). Закавказское подворное владѣніе (196). Формы пользованія общинными угодьями (201). Земельно-платежныя разверстки (209). Артельныя соединенія (213).

Часть вторая. Русская крестьянская община въ процессѣ ея сложенія. 217

Глава I. Предварительныя замѣчанія 219

Обзоръ источниковъ (219). Общая характеристика районовъ слагающейся общины, въ частности Сибири. Условія населенности (223). Землевладѣніе (226). Характеръ хозяйства въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія и въ сѣверномъ полѣсьѣ (230). Соціальное разслоеніе (234).

Глава II. Вольная заимка и первобытный захватъ 237

Исторія вопроса (237). Общая характеристика первобытнаго захвата въ связи съ процессомъ заимочнаго разселенія (217). Общая схема эволюціи землепользованія (244). Вольное пользованіе (246). Чистый захватъ (248). Взаимоотношеніе этихъ формъ (253); роль захвата и труда (253). Предѣлы распространенности вольной формы (257). Существенный смыслъ первобытнаго захвата (261). Отчего зависитъ направленіе эволюціи (267).

Глава III. Вольная заимка и уравнительное землепользованіе. 269

Неравномѣрность захватнаго пользованія (269); значеніе сокращенія земельнаго простора (272); роль податной системы (273). Рѣшающее значеніе «утѣсненія», сущность его (275). Роль переселенцевъ [1]), ссыльныхъ, администра-

[1]) См. по этому вопросу „приложеніе“ въ концѣ книгѣ (стр. 441).

Стр.

тивнаго давленія (281), межеванія (283). — Процессъ перехода отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ. Послѣдовательность его по отношенію къ разнымъ угодьямъ (284). Борьба селеній съ заимками и хуторами (288). Эволюція формъ пользованія пастбищами (291), усадебными мѣстами (293). Эволюція пользованія пашнями: чистый и ограниченный захватъ (298). Отводы простые и отводы-отрѣзки (307); общее поравненіе (310); частичный передѣлъ (312) и т. д. Эволюція формъ пользованія покосами: вольные покосы (316), покосы въ районахъ заимокъ, сѣнокосныя расчистки (318). Эволюція формъ пользованія лѣсомъ (322).

Глава IV. Грядущее вольной заимки (сибирскіе передѣлы) . 328

Общеее поравненіе (328). Основные типы передѣловъ—передѣлъ по старшинству и торги (329). Лежащіе въ основѣ ихъ формальные принципы (335) и вещественные интересы (337). Ограниченія «торговъ» (339). «Уравновѣшеніе сортовъ» (340). Передѣлъ «по старшинству» и захватное пользованіе (341). Зависимость формъ передѣла отъ свойствъ угодій (345). Особенности пахотныхъ распорядковъ въ Сибири (347). Пахотные передѣлы: ихъ сроки (350), преобладающіе типы (352); отношеніе къ расчисткамъ (354). Сѣнокосные передѣлы: частота ихъ (358), преобладающіе типы передѣла незаливныхъ покосовъ (363), заливныхъ луговъ (365). Жеребьевка (367). Лѣсные передѣлы (369).

Глава V. Эволюція землевладѣнія 374

Положеніе межевого дѣла и значеніе межеваній (374); формальное разграниченіе и фактическое распредѣленіе владѣній (378). Первоначальное отсутствіе землевладѣнія (379). «Утѣсненіе» и дробленіе владѣній (381); особенности эволюціи въ зырянскомъ краѣ (382) и на сѣверѣ Сибири (384); группировки въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія (387). «Путаница владѣній» (388). Волостная община и ея земельные порядки (389); причины ея образованія (393). Распаденіе волостной общины (396), его причины (399) и значеніе съ точки зрѣнія эволюціи общинныхъ порядковъ (401). Выводы относительно происхожденія общины (404).

Заключеніе. Живая исторія общины и ея значеніе 408

Разногласія по вопросу о происхожденіи общины (408). Ихъ корень — въ характерѣ историческихъ источниковъ. (410). Общія соображенія по вопросу о значеніи документовъ (411). Документы и дѣйствительность на примѣрѣ тургайскихъ арендъ (413). Административное давленіе въ исторіи общины въ Сибири (415), его ограниченное значеніе (417). Административное давленіе въ исторіи общины въ Европейской Россіи (422). Значеніе податной системы (428). Возможная роль административнаго воздѣйствія (430). Неизбѣжная односторонность показаній документальныхъ источниковъ (435). Роль и предѣлы убѣдительности «метода переживаній» (439).

Стр.

Приложеніе къ III главѣ второй части. Цифровыя данныя о формахъ землепользованія въ переселенческихъ поселкахъ 441

Источники и группировка матеріала (441). Основная таблица (444) и выводы изъ нея (449). Группировка по этнографическому составу поселковъ (450); группировка территоріальная (451). Заключеніе (454).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кочевники.

ГЛАВА I.

Кочевой бытъ и его эволюція.

Согласно изложенному въ предисловіи общему плану настоящей работы, первая часть ея будетъ посвящена эволюціи землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ. Эволюція кочевого землепользованія представляетъ совершенно исключительный интересъ съ точки зрѣнія какъ занимающаго насъ, ближайшимъ образомъ, спеціальнаго вопроса о происхожденіи русской общины и объ условіяхъ, вызвавшихъ ея развитіе въ извѣстномъ направленіи, такъ и болѣе широкаго общаго вопроса объ эволюціи земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній. Съ первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія особое значеніе имѣютъ два обстоятельства: во-первыхъ, изученіе эволюціи землевладѣнія и землепользованія у многочисленныхъ *не*-русскихъ племенъ, каково наше кочевое населеніе, заставляетъ совершенно отказаться отъ славянофильскаго взгляда на общину, какъ на специфическій продуктъ *русскаго* духа, русскихъ привычекъ, русскаго историческаго развитія; во-вторыхъ, оно можетъ не мало способствовать выясненію значенія такихъ факторовъ, какъ требованія закона, какъ административное давленіе и основанная на подушной подати финансовая система, — факторовъ, которымъ приписывается такая крупная творческая роль въ исторіи эволюціи русской общины. Съ второй, болѣе общей, точки зрѣнія нельзя не отмѣтить, прежде всего, того обстоятельства, что кочевое населеніе до сихъ поръ еще не вышло изъ пеленокъ родового быта; изученіе эволюціи землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ дастъ, поэтому, богатый матеріалъ для выясненія связи между болѣе ранними — родовыми, и болѣе поздними—общинными формами пользованія и владѣнія. Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ еще другое: въ то время, какъ основной принципъ традиціонной русской общины — это „принципъ равенства всѣхъ передъ землею“ [1]); въ то время, какъ русская община лишь *внѣ* себя

[1]) *С. П. Швецовъ*, „Крестьянская община, схема ея возникновенія и развитія“ (СПБ. 1906), стр. 18.

имѣетъ дѣло съ остатками феодальнаго землевладѣнія, кочевая община *сама* изобилуетъ отношеніями болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго феодальнаго характера, стоящими въ рѣшительномъ противорѣчіи съ „принципомъ равенства“ и въ частности — „равенства всѣхъ передъ землею“. Наконецъ—last not least—изучая эволюцію землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ, мы съ особенною ясностью и отчетливостью можемъ наблюдать тѣсную зависимость тѣмъ формъ, въ которыя складываются земельныя отношенія, отъ чисто хозяйственныхъ условій, въ частности—отъ способовъ и формъ скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства; или, пользуясь извѣстною формулою Маркса, мы съ особою отчетливостью и ясностью видимъ, что тѣ обычно-правовыя нормы, которыя регулируютъ земельныя отношенія, являются лишь надстройкой надъ чисто-производственными отношеніями; тѣ и другія, въ послѣднемъ счетѣ,—функціей постепенно растущей густоты населенія. Это, можно думать, происходитъ отъ того, что амплитуда колебаній тѣхъ хозяйственныхъ формъ, какія мы наблюдаемъ у кочевниковъ, несравненно шире, чѣмъ у крестьянъ: разстояніе между нынѣ уже вымирающимъ, типичнымъ, чисто-кочевымъ хозяйствомъ и хозяйствомъ болѣе или менѣе осѣвшихъ кочевниковъ, съ постоянными жилищами, правильнымъ земледѣліемъ и стойловымъ содержаніемъ скота, во много разъ больше, чѣмъ разстояніе между самымъ экстенсивнымъ и самымъ интенсивнымъ крестьянскимъ земледѣльческо-скотоводческимъ хозяйствомъ, — *тамъ* разница въ родѣ, *здѣсь* она только въ степени. А разъ это такъ, то весьма естественно, что эти несравненно болѣе рѣзкія, у кочевниковъ, различія въ условіяхъ быта и хозяйства несравненно рѣзче и нагляднѣе отражаются на формахъ земельныхъ отношеній.

Но это послѣднее обстоятельство, въ связи со сравнительно малою извѣстностью условій кочевого быта и хозяйства, заставляетъ насъ нѣсколько расширить рамки нашего изложенія. Когда мы желаемъ говорить объ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія у крестьянъ, мы можемъ, въ сущности, приступать непосредственно къ дѣлу, а затѣмъ, гдѣ нужно, отмѣчать связь описываемыхъ нами формъ съ тѣми или другими, болѣе или менѣе общеизвѣстными, особенностями или потребностями крестьянскаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства того или другого района. Напротивъ, кочевой бытъ, а въ особенности тѣ безконечно-пестрыя, незамѣтно сливающіяся другъ съ другомъ переходныя ступени, на которыхъ стоитъ въ настоящее время хозяйство подавляющаго большинства кочевого населенія, настолько мало извѣстны и до послѣдняго времени были такъ мало изслѣдованы, что ограничиться простою ссылкою на ту или другую изъ этихъ ступеней нѣтъ никакой возможности: такая ссылка, въ большинствѣ случаевъ, останется непонятною и нимало не будетъ способствовать выясненію тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ

слагаются извѣстныя формы земельныхъ отношеній. Той характеристикѣ послѣднихъ, которая составляетъ нашу прямую задачу, мы должны, поэтому, предпослать хотя бы самую сжатую характеристику кочевого быта и хозяйства, въ особенности же того эволюціоннаго процесса, который переживаетъ это хозяйство и который тѣснѣйшимъ образомъ, связывается съ процессомъ эволюціи кочевого землевладѣнія и землепользованія. Такая характеристика и составитъ содержаніе настоящей главы [1]).

[1]) Основными источниками для всей первой части настоящей работы, являются: а) *для киргизъ* — труды снаряженной въ 1896 г. и работавшей до 1902 г. „экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей"; экспедиція эта работала подъ общимъ руководствомъ Ф. А. Щербины, ближайшее же веденіе дѣла на мѣстахъ лежало въ разное время на В. А. Владимірскомъ, Л. К. Чермакѣ и Е. П. Добровольскомъ. Экспедиціею подвергнуто сплошному изслѣдованію, съ похозяйственною переписью, 12 уѣздовъ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей, но, къ сожалѣнію, разработка и изданіе ея трудовъ закончены только по 8 уѣздамъ (2 Тург., 3 Акм. и 3 Семипал. обл.), выходъ же въ свѣтъ трудовъ экспедиціи по остальнымъ четыремъ уѣздамъ угрожаетъ, повидимому, затянуться на продолжительное время. По каждому изъ упомянутыхъ 8 уѣздовъ имѣется особый томъ „Матеріаловъ по изслѣдованію киргизскаго землепользованія и хозяйства, собранныхъ и разработанныхъ эксп. по изсл. Ст. обл."; въ каждомъ такомъ томѣ имѣется сводный текстъ съ общею характеристикой условій и порядковъ землепользованія и хозяйства въ уѣздѣ, а затѣмъ по семи уѣздамъ (кромѣ Кокчетавскаго) напечатанъ весьма цѣнный конкретный матеріалъ въ видѣ особыхъ „примѣчаній къ поаульнымъ таблицамъ", представляющихъ собой выдержки изъ подлинныхъ записей изслѣдованія. Этотъ матеріалъ открываетъ широкую возможность провѣрки и дополненія тѣхъ общихъ поуѣздныхъ описаній и характеристикъ, которыя даются въ принадлежащемъ перу гг. Щербины и Чермака сводномъ текстѣ. Нельзя не отмѣтить, однако, что содержаніе „примѣчаній" отличается крайнею неравномѣрностью, зависящею, надо думать, отъ неравнокачественности использованнаго въ нихъ сырого матеріала: для однѣхъ мѣстностей „примѣчанія" представляютъ собой подробныя характеристики земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній, для другихъ содержаніе ихъ сводится къ немногимъ бѣглымъ замѣчаніямъ; для однѣхъ мѣстностей „примѣчанія" систематически освѣщаютъ тѣ или другіе вопросы, которые по другимъ мѣстностямъ оставлены совершенно безъ вниманія и т. д. Благодаря этому содержаніемъ „примѣчаній" приходится пользоваться преимущественно въ видѣ иллюстрацій къ тому, что дастъ сводный текстъ, дѣлать же какіе-либо количественные выводы, основанные на подсчетѣ имѣющихся въ „примѣчаніяхъ" указаній, не представляется возможнымъ.

б) *Для бурятъ* — труды снаряженной въ 1897 году особой экспедиціи для изслѣдованія Забайкалья, состоявшей подъ высшимъ руководствомъ статсъ-секретаря А. Н. Куломзина и подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ В. Ю. Григорьева, при ближайшемъ участіи Е. А. Смирнова. Организація и программы этой экспедиціи имѣли много общаго съ организаціей и программами частью экспедиціи Ф. А. Щербины, частью иркутско-енисейской экспедиціи 1887 — 1892 гг.; въ отличіе отъ той и другой, забайкальская экспедиція закончила мѣстное изслѣдованіе въ одинъ годъ, а въ 1898 году уже выпустила въ свѣтъ его результаты, въ видѣ 16 томовъ, подъ общимъ заглавіемъ „Высоч. учрежденн., подъ предсѣдат. ст.-секр. Куломзина, Комиссія для изслѣдованія землевлад. и землепольз. въ Забайкальской области. Матеріалы", и своднаго тома подъ заглавіемъ „Забайкалье" (*Н. И. Разумова*). Существенное содержаніе трудовъ забайкальской экспедиціи по вопросамъ, соприкасающимся съ предметомъ настоящей работы, использовано въ *моей* книжкѣ „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ" (Иркутскъ. 1900), гдѣ имѣются и нѣкоторыя соображенія, касающіяся критики этихъ трудовъ. Здѣсь мнѣ достаточно будетъ

Характерныя черты типическаго, чисто-кочевого быта достаточно общеизвѣстны: скотоводство, какъ единственный источникъ продовольственныхъ средствъ и—поскольку существуетъ денежное или вообще мѣновое хозяйство—единственный же источникъ пріобрѣтенія покупныхъ полезностей и пополненія денежнаго бюджета; использованіе естественныхъ пастбищъ въ видѣ подножнаго корма, какъ единственный способъ содержанія скота, при со-

---

отмѣтить, что въ отношеніи подбора сотрудниковъ забайкальская экспедиція была поставлена, въ общемъ, въ далеко худшія условія, чѣмъ иркутско-енисейская или киргизская, что, конечно, не могло не отразиться на собранномъ первою матеріалѣ. Крайне пестрымъ оказался и составъ лицъ, которымъ поручена была обработка матеріала (которая велась не по уѣздамъ, а *по вопросамъ*). Въ то время, поэтому, какъ написанный спеціалистомъ, *М. А. Кролемъ*, X томъ „Матеріаловъ", посвященный формамъ землепользованія, представляетъ собой, несмотря на значительную дефектность матеріала, одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ литературу вопроса, разработку данныхъ о землевладѣніи въ VIII томѣ или о податныхъ раскладкахъ въ XV томѣ приходится, напротивъ, признать крайне неудовлетворительною (см. названную *мою* книгу, стр. 70—71). Само собою понятно, что названный источникъ касается исключительно забайкальскихъ бурятъ. Иркутскіе буряты, вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ Иркутской губерніи, были изслѣдованы иркутско-енисейскою экспедиціею 1887—1892 гг. О трудахъ этой экспедиціи мнѣ придется подробно говорить во второй части настоящей работы; они являются однимъ изъ основныхъ источниковъ для изученія формъ землевладѣнія и землепользованія сибирскихъ крестьянъ. Но для изученія земельныхъ отношеній у бурятъ они не даютъ, въ сущности, почти никакого матеріала,—иркутская экспедиція въ изданныхъ ею текстовыхъ сборникахъ почти не отмѣчаетъ тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ земельныя и хозяйственныя отношенія бурятъ отъ таковыхъ же отношеній у крестьянъ. Нѣкоторыя данныя относительно иркутскихъ бурятъ мы извлекли изъ изданной Геогр. обществомъ работы *П. Е. Кулакова* „Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурятъ Еланц. и Кутульск. вѣдомствъ, Ирк. губ.", представляющей собой итоги произведеннаго г. Кулаковымъ мѣстнаго изслѣдованія. Кромѣ того, мы пользовались его же работой „Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ", помѣщенной въ книгѣ „Минус. и Ачинск. инородцы; статьи А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Красн. 1899"; въ этой работѣ использованъ матеріалъ мѣстнаго обслѣдованія, а также архивныя данныя, касающіяся названныхъ инородцевъ.

в) *Якуты*—работа *В. Сѣрошевскаго* „Якуты" (СПБ., 1890). Работа представляетъ собой частью сводъ болѣе ранняго литературнаго матеріала, главнымъ же образомъ результаты личныхъ наблюденій автора во время многолѣтняго пребыванія въ Якутскомъ краѣ. Работа эта не имѣетъ того сплошного массоваго характера, какимъ отличаются источники, цитированные выше; самыя характеристики формъ владѣнія и пользованія не всегда отличаются желательною опредѣленностью, но зато работа г. Сѣрошевскаго даетъ массу цѣнныхъ конкретныхъ наблюденій, нерѣдко бросающихъ яркій свѣтъ на *жизненный смыслъ* тѣхъ фактовъ, которымъ другіе изслѣдователи давали лишь болѣе или менѣе схематическую характеристику.

г) *Алтайскіе инородцы*—работа *С. П. Швецова* „Горный Алтай" (Томскъ. 1900 — 1901). Работа эта представляетъ собою результатъ экспедиціоннаго изслѣдованія; будучи цѣликомъ выполнена однимъ изъ лучшихъ знатоковъ крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ Сибири, во всеоружіи многолѣтнихъ наблюденій и продолжительнаго статистическаго опыта, она представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для изученія процесса осѣданія кочевниковъ и эволюціи ихъ землепользованія.

д) *Кочевники и осѣдлое населеніе* (см. ниже, гл. V) *Закавказья*—„Сводъ матеріаловъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ За-

вершенномъ отсутствіи не только искусственнаго производства кормовыхъ средствъ, но даже сохраненія ихъ впрокъ, и въ связи съ этимъ—правильное, по временамъ года, перемѣщеніе людей и стадъ, въ зависимости отъ возможности использованія пастбищъ и водныхъ источниковъ; переносныя жилища—юрты, какъ единственный родъ жилищъ, при совершенномъ отсутствіи постоянныхъ жилыхъ или хозяйственныхъ помѣщеній. Вотъ какими

кавказскаго края", въ частности работа *г. Бахтадзе* „Кочевники" и работы *г. Егіазарова* „Крестьянская община въ такихъ-то губерніяхъ". Работы эти представляютъ собою сводъ напечатанныхъ въ 7 томахъ, въ поуѣздной разработкѣ, результатовъ мѣстнаго изслѣдованія, произведеннаго въ 5 закавказскихъ губерніяхъ въ 1884—1886 гг. Внутренняя цѣнность ихъ, однако, далеко ниже, чѣмъ источниковъ, указанныхъ подъ пп. а — г. Съ одной стороны, довольно случайный составъ изслѣдователей, работавшихъ притомъ каждый въ своемъ уѣздѣ и, повидимому, безъ объединяющаго руководства спеціалиста, заставляетъ съ извѣстною осторожностью отнестись къ самому матеріалу, собранному изслѣдованіемъ; съ другой —сводка и разработка матеріала, въ особенности въ работѣ г. Егіазарова и въ написанной по тому же матеріалу его книгѣ „изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ. Сельская община", окрашена нѣсколько предвзятымъ взглядомъ: г. Егіазаровъ—горячій сторонникъ и поклонникъ общинныхъ и въ частности великорусскихъ общинно-передѣльныхъ формъ, и эта его симпатія къ общинѣ слишкомъ рѣзко окрашиваетъ, какъ мнѣ придется отмѣчать въ своемъ мѣстѣ, и его характеристики и его оцѣнки тѣхъ фактовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло.

Независимо отъ этихъ основныхъ источниковъ, авторъ широко пользовался книгой *Н. И. Гродекова* — „Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинск. области. Т. I" (Ташкентъ. 1889), представляющею собою сводку матеріаловъ по киргизскому обычному праву, въ частности по вопросамъ родового быта и землепользованія, а также цитируемыми въ своихъ мѣстахъ сборниками и монографіями по обычному праву гг. М. М. Ковалевскаго, Самоквасова, Леонтовича, Е. И. Якушкина и др. Матеріаломъ этой послѣдней категоріи авторъ пользовался, однако, съ большою осторожностью въ виду серьезныхъ сомнѣній въ его достовѣрности, вытекающихъ изъ способовъ и условій собиранія данныхъ объ обычномъ правѣ и, въ частности, изъ его окраски, соотвѣтствующей взглядамъ и интересамъ на массы кочевого населенія, а его привилегированнаго меньшинства (см. *Якушкинъ*. „Обычное право русск. инородцевъ", М. 1899, стр. 72 и 182; *Абрамовъ* въ замѣткѣ по поводу работъ М. М. Ковалевскаго въ „Русск. Мысли" за 1884 г., февраль), затѣмъ авторъ не мало пользовался статьями гг. *Хворостанскаго* и *Шкапскаго* въ редактированномъ послѣднемъ сборникѣ „Вопросы колонизаціи", вып. I. (СПБ. 1906); въ статьѣ перваго особенно цѣнны данныя повторнаго изслѣдованія, произведеннаго въ 1905 г. въ одной изъ киргизскихъ волостей Кустанайскаго уѣзда, въ статьѣ второго—личныя его наблюденія и предварительные результаты изслѣдованій, произведенныхъ среди каракиргизовъ Семирѣчинской области. Наконецъ, говоря о землепользованіи и хозяйствѣ киргизъ, авторъ опирался, въ значительной мѣрѣ, на свои личныя наблюденія, сдѣланныя во время неоднократныхъ рекогносцировочныхъ экскурсій по разнымъ частямъ Киргизской степи. Наблюденія эти использованы, до извѣстной степени, въ отчетахъ по этимъ экскурсіямъ, напечатанныхъ подъ заглавіями: „Отчетъ... по командировкѣ въ Тургайскую область лѣтомъ 1906 г. для выясненія возможности ея колонизаціи", СПБ. 1897; „Къ вопросу о русской колонизаціи Туркестанскаго края; отчетъ по командировкѣ 1903 года", СПБ. 1904, и работы подъ тождественнымъ заглавіемъ по Уральской области, СПБ. 1904. Въ этихъ работахъ см. болѣе раннюю литературу и другіе источники, касающіеся киргизскаго землепользованія и хозяйства.

чертами характеризуется первобытное кочеваніе въ трудахъ киргизской экспедиціи:

„Первый номадъ, овладѣвшій стадомъ овецъ (и верблюдовъ), вначалѣ, надо полагать, долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы онѣ не разбѣжались или, лучше сказать, не ускользнули изъ его рукъ. Онъ навѣрное даже не направлялъ своихъ стадъ, а только шелъ за ними, давалъ имъ ночлегъ около своей кибитки и охранялъ ихъ отъ нападенія волковъ и другихъ хищниковъ. Животныя же шли за кормомъ и за погодой. Начиная съ половины марта, когда на югѣ, по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и южнѣе, на границѣ нашихъ владѣній, солнечные лучи растапливаютъ снѣжные увалы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ подножные корма здѣсь совершенно истощаются, киргизскія стада начинаютъ передвигаться на сѣверъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ постепенно въ этомъ направленіи начинаетъ оживляться и развиваться растительность. Осенью, когда на сѣверѣ пріостанавливается ростъ травъ, оскудѣваютъ водные источники, понижается температура, стада поворачиваютъ обратно и идутъ на югъ... Болѣе или менѣе значительное пониженіе температуры заставляетъ быстро покидать стоянку и двигаться дальше на югъ; поднявшіеся бураны гонятъ стада и кочевниковъ опять въ томъ же направленіи, потому что чѣмъ южнѣе, тѣмъ меньше бываетъ бурановъ. Эти передвиженія съ юга на сѣверъ и обратно вызываются, въ общемъ, тѣми же причинами, которыми обусловливаются вообще передвиженія животныхъ, какъ перелетъ птицъ или передвиженія американскихъ зубровъ и буйволовъ, сѣверныхъ оленей и дикихъ лошадей...“ [1]).

Таковъ характеръ кочеванія значительной части киргизъ Уральской и Сыръ-Дарьинской областей, совершающихъ перекочевки между Аральскимъ моремъ или среднеазіатскими песками, съ одной стороны, и ковыльными степями сѣвера—Тургайской и Акмолинской областей—съ другой. Амплитуда ихъ кочевокъ достигаетъ 1000 верстъ въ одинъ конецъ; всего 2 или 3 мѣсяца они проводятъ на лѣтнихъ (джайляу), приблизительно столько же—на зимнихъ стойбищахъ (кстау), и болѣе полугода у нихъ проходитъ въ перекочевкѣ — весною съ юга на сѣверъ, осенью обратно,—съ сѣвера на югъ. Все имущество такихъ кочевниковъ перевозится на верблюдахъ, въ томъ числѣ ихъ переносныя жилища, юрты; колесныхъ экипажей они еще не знаютъ, какъ не знаютъ постоянныхъ построекъ ни для людей, ни для скота. Да имъ и нельзя имѣть постоянныхъ построекъ, даже на зиму: „въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ киргизы также кочуютъ, какъ и лѣтомъ, но только на небольшія разстоянія, и дольше оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ“ [2]).

---

[1]) Кустанайск. у., 7—9; см. также Атбас. XXVI и слѣд.

[2]) Атбасарскій у., XXVI. Почти также характеризуетъ кочевки калмыковъ проф. Леонтовичъ въ своей монографіи „Калмыцкое право“: „Степнякъ-

Сходныя явленія и до сихъ поръ еще наблюдаются и среди забайкальскихъ бурятъ. По даннымъ изслѣдованія 1897 года, 11,8% въ группѣ кочевыхъ инородцевъ и 5,8% въ группѣ казаковъ-бурятъ—„кочевники чистаго типа, совершенно не имѣющіе постоянныхъ жилищъ и круглый годъ проводящіе въ переносныхъ юртахъ". И это—наиболѣе характерный признакъ чисто кочевого быта: „передвижная войлочная юрта нисколько не связываетъ хозяина съ мѣстомъ, гдѣ онъ стоитъ: сегодня онъ въ одной „пади" (ложбинѣ. А. К.), чрезъ недѣлю или двѣ переносится въ другую, чрезъ мѣсяцъ — въ третью". И „хотя наиболѣе сохранившіе кочевой типъ буряты и имѣютъ свои излюбленныя мѣста кочевокъ, но эти мѣста мѣняются въ зависимости отъ урожая травъ, отъ большей или меньшей суровости зимы, отъ количества выпадающихъ въ томъ или другомъ году снѣжныхъ осадковъ и т. п. причинъ", при чемъ „многіе закаменскіе бурята кочуютъ въ голодные годы, со своимъ скотомъ, на земли армакскихъ тунгусовъ, а пограничные инородцы и казаки—въ Монголію"[1]). Кочевой бытъ не знаетъ не только межевыхъ или административныхъ, но даже государственныхъ границъ: и какъ буряты, если нужно, откочевываютъ въ Монголію, такъ киргизы, при надобности, уходятъ на зиму въ хивинскіе или китайскіе предѣлы, а закавказскіе курды, когда случится, не стѣсняются перекочевывать въ турецкіе или персидскіе предѣлы.

Впрочемъ, закавказскіе кочевники, вмѣстѣ съ сыръ-дарьинскими и семирѣченскими каракиргизами, а также съ значительною частью киргизъ южныхъ, прилегающихъ къ Семирѣчью и къ китайской границѣ, уѣздовъ Семипалатинской области, принадлежатъ уже къ другому кочевому типу. Чего *степные* киргизы, калмыки или буряты достигаютъ, совершая перекочевку въ меридіональномъ направленіи, того же *горные* кочевники достигаютъ, передвигаясь къ лѣту—въ горы изъ долинъ, а къ зимѣ возвращаясь изъ горъ въ долины. Въ Закавказьѣ, напримѣръ, рѣзко различаются три высотныя полосы: низменная, крайне жаркая, которая лѣтомъ представляетъ собою, въ естественномъ состояніи,

---

скотоводъ,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ за своимъ стадомъ съ мѣста на мѣсто, примѣняясь къ степнымъ условіямъ ухода и прокормленія скота, какъ охотникъ переселяется вслѣдъ за дикимъ стадомъ, въ видахъ мѣстныхъ удобствъ истребленія его на свои нужды" (236); въ исторической основѣ кочеванія въ значительной мѣрѣ лежитъ, по мнѣнію г. Леонтовича, первобытное хищничество—оно „вызываетъ кочевой строй у степняковъ-скотоводовъ и придаетъ сильную политическую организацію ихъ родовымъ союзамъ" (236, 237, 239). Но основной смыслъ кочеванія—въ его экономическихъ мотивахъ: „калмыкъ кочуетъ въ видахъ прокормленія и охраны скота, приспособляясь къ мѣстнымъ, именно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ степи"; такіе перегоны „зависятъ также отъ самаго характера и направленія хозяйственной культуры калмыковъ—отъ подвижности, бродячести ея основного элемента — стадъ и табуновъ, и отъ исключительнаго значенія послѣднихъ въ степномъ хозяйствѣ" (246).

[1]) Забайкальск. XIII, 24, 74—76; *Кроль* 59—61; *Кауфманъ*, Забайк., 16—19.

безплодную и большею частью безводную пустыню, а къ зимѣ, послѣ осеннихъ дождей, одѣвается богатымъ травянымъ покровомъ; средняя—предгорная и нагорная, по условіямъ климата и характеру растительности похожая на среднюю и южную Россію; и высокогорная, въ тѣсномъ смыслѣ слова альпійская, которая бо̀льшую часть года остается подъ снѣгомъ, лѣтомъ же представляетъ собою превосходныя альпійскія пастбища. И вотъ, закавказскіе кочевники проводятъ зиму и раннюю весну на кишлагахъ [1]), въ низменной, необитаемой лѣтомъ полосѣ, гдѣ ихъ скотъ въ это время используетъ засохшую осеннюю, а потомъ — свѣжую весеннюю траву. Эта трава очень скоро выгораетъ, и тогда начинается кочевка. Цѣлью ея являются эйлаги высокогорной полосы. Но горныя пастбища, „вслѣдствіе положенія ихъ на разныхъ высотахъ, обнажаются изъ-подъ снѣговъ постепенно“; поэтому „кочевникамъ на пути приходится дѣлать частые привалы, а вслѣдствіе этихъ остановокъ, повторяющихся и на обратномъ пути къ зимовникамъ, они безпощадно вытравляютъ пастбища, выгоны и даже посѣвы мѣстныхъ крестьянъ“ [2]). Время пребыванія на эйлагахъ — это золотое время кочевника (и, конечно, въ условіяхъ не только горныхъ, но и степныхъ кочевокъ!) — „заботъ о пропитаніи себя и своихъ стадъ у кочевниковъ лѣтомъ меньше, чѣмъ зимой. Корма для скота на кочевкахъ вволю, а разъ сытъ скотъ, значитъ, обезпечены и кочевники. И во все продолженіе лѣта только изрѣдка спускается курдъ съ горъ, чтобы сбыть съ рукъ сыръ и тому подобные молочные продукты, а также запастись кое-чѣмъ для семьи. Все остальное время онъ безотлучно въ горахъ, пока морозы и холода не сгонятъ его оттуда на плоскость и не заставятъ подумать о зимовникахъ. Тогда начинается обратное шествіе съ горъ, и кочевники снова водворяются въ своихъ зимовникахъ, и снова наступаютъ для нихъ тяжелые дни, отравляемые заботами о кормѣ скота и тоскою бездѣлья...“ [3]). Приблизительно то же въ Туркестанѣ—у каракиргизъ и у другихъ кочевниковъ разсматриваемаго горнаго типа: зиму они проводятъ на жаркой, лѣтомъ необитаемой низменности, разбивая свои юрты либо въ пескахъ—барханахъ, среди высокихъ песчаныхъ бугровъ, либо въ прирѣчныхъ долинахъ, среди камышей; на весну перекочевываютъ на не менѣе „голодныя“, лѣтомъ, лёссовыя степи, которыя, послѣ весеннихъ дождей, ненадолго покрываются роскошною травой, а на лѣто поднимаются на горныя пастбища Каратаускихъ горъ или Туркестанскаго горнаго массива.

---

[1]) Кишлаги—зимнія пастбища низменной, эйлаги—лѣтнія пастбища горной полосы; слова эти одного корня съ однозначащими киргизскими словами кстау—зимовка, и джайляу—лѣтовка.

[2]) Закавказ. III, 98—101. Объ этомъ см. ниже.

[3]) Тамъ же.

Уже изъ сказаннаго ясно, въ какой тѣснѣйшей зависимости стоятъ кочевой бытъ и кочевое хозяйство отъ естественныхъ условій, въ особенности же отъ климата и отъ характера растительнаго покрова. Кочевой бытъ — это непрерывное приспособленіе человѣка и его хозяйства къ природѣ, которая всецѣло доминируетъ надъ нимъ, и которой кочевникъ всецѣло подчиняется. И въ этомъ приспособленіи кочевникъ достигаетъ огромнаго искусства: на безводныхъ степяхъ-пустыняхъ, среди каменистыхъ горъ, онъ используетъ обширныя пространства такихъ земель, которыя или безусловно, или, по крайней мѣрѣ, въ ихъ современномъ видѣ, не могутъ быть использованы ни при какомъ иномъ хозяйствѣ. „Кочевникъ,—говоритъ одинъ изъ видныхъ участниковъ киргизской экспедиціи, Л. К. Чермакъ, — въ однихъ мѣстахъ пользуется превосходными пастбищами, въ другихъ, наоборотъ, съ рискомъ за собственную жизнь и за цѣлость скота, проходитъ безжизненную голодную степь; киргизъ самый лучшій и самый желательный хозяинъ въ степи, и что̀ всего замѣчательнѣе — этотъ именно хозяинъ полупустыни оказывается самымъ богатымъ владѣльцемъ скота“ [1]). И многіе желали бы законсервировать кочевое хозяйство, а потому являются противниками какъ проникновенія въ степь крестьянъ-переселенцевъ, такъ даже распространенія земледѣлія среди самихъ кочевниковъ. „Мы должны,—говоритъ, напримѣръ, авторъ монографіи о скотоводствѣ въ Тургайской области, г. Добросмысловъ, — заботиться не о насажденіи земледѣльческой культуры въ киргизскихъ степяхъ, а принимать всѣ мѣры и напрягать всѣ усилія, чтобы киргизская степь осталась по старому скотоводческою страной,—при упадкѣ скотоводства въ Россіи наши обширнѣйшія киргизскія степи должны быть всецѣло сохранены, какъ мѣста, исключительно предназначенныя для скотоводческой культуры“ [2]).

Это—конечно преувеличеніе вѣрной въ основѣ своей мысли. Исключительно—скотоводческое, чисто—кочевое хозяйство, если и является естественно-историческою необходимостью, то развѣ только для „степей-пустынь“ разныхъ категорій, и то лишь поскольку онѣ недоступны для искусственнаго орошенія. Говоря же вообще, такое хозяйство *не естественно - историческая* [3]), а — при извѣстной совокупности условій — *хозяйственная* и *культурная* необходимость. Кочеваніе, неизбѣжное при извѣстномъ со-

---

[1]) Атбасарск. у. XXXVI.

[2]) *Добросмысловъ*, Скотоводство въ Тургайской области, стр. 287—288.

[3]) Такою естественно-историческою необходимостью, едва ли правильно, признаетъ кочеваніе астраханскихъ калмыковъ проф. *Лонтовичъ*: „Малая производительность почвы,—говоритъ онъ,—недостатокъ въ калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ и земледѣлія, отсутствіе проточныхъ водъ и вообще хорошей системы водоснабженія составляютъ коренныя причины, заставляющія степное населеніе держаться кочевого образа жизни и дѣлающія невозможнымъ (sic) прочное заселеніе и колонизацію калмыцкой степи“ (Калм. право, 243).

ставѣ стадъ и при отсутствіи сѣнокошенія и земледѣлія, становится не только излишнимъ, но неудобнымъ и стѣснительнымъ при другой совокупности условій; на извѣстной ступени эволюціи кочеваніе является просто пережиткомъ", обрядомъ, а въ концѣ-концовъ совершенно исчезаетъ. Распространенія земледѣлія среди кочевниковъ можно желать или не желать — мы увидимъ ниже, что *не* желать его нѣтъ, въ дѣйствительности, основаній; быстрое распространеніе его среди кочевого населенія есть *фактъ*, и притомъ *основной* фактъ переживаемой кочевниками бытовой и хозяйственной эволюціи.

Однако я забѣжалъ значительно впередъ,—я долженъ теперь вернуться къ нити своего изложенія и остановиться нѣсколько подробнѣе на тѣхъ формахъ, въ которыхъ проявляется зависимость кочевника и кочевого хозяйства отъ природы и приспособляемость перваго къ послѣдней. Здѣсь необходимо, прежде всего, остановиться на данныхъ о составѣ стадъ. Какъ выяснено тысячелѣтнимъ опытомъ, каждый видъ домашняго скота оказываетъ предпочтеніе опредѣленнымъ типамъ пастбищъ: „солонцеватыя степи считаются лучшимъ пастбищемъ для овецъ и верблюдовъ; лошади предпочитаютъ степи, покрытыя ковылемъ, и лѣтомъ онѣ преимущественно ѣдятъ мелкіе нѣжные злаки, сравнительно мало затрогивая высокій ковыль. Рогатый скотъ ѣстъ всякія травы, но предпочитаетъ листовникъ, чаще встрѣчающійся по берегамъ озеръ, болотъ и рѣчекъ" [1]). Это—въ условіяхъ сѣверной, ковыльной полосы киргизскихъ степей. Нѣсколько южнѣе, въ средней полосѣ степей, травяныя степи уступаютъ первенство полыннымъ лёссовымъ степямъ; между тѣмъ растущая на этихъ степяхъ „черная трава", будучи отличнымъ кормомъ для овецъ и верблюдовъ, непригодна ни для лошадей, ни для рогатаго скота. Еще южнѣе, въ районѣ средне-азіатскихъ степей-пустынь, исчезаютъ и полыни — преобладаніе переходитъ къ разнообразнымъ представителямъ пустынной флоры, извѣстнымъ у русскаго населенія подъ собирательнымъ именемъ „колючекъ", которыя обладаютъ приблизительно такою же односторонней кормовою годностью, какъ „черныя травы" средней полосы, и только горныя лѣтовки представляютъ собой богатыя травяныя пастбища, годныя для всѣхъ видовъ скота, но особенно привлекательныя для лошадей и для рогатаго скота. Далѣе: лошади, верблюды и овцы не только хорошо выносятъ тысячеверстныя кочевки,—послѣднія, при хорошемъ кормѣ, даже благопріятствуютъ ихъ хорошему нагулу; мало того, лошади и особенно верблюды не только передвигаются сами, но переносятъ своего хозяина съ семьею, юртой и со всѣмъ его несложнымъ скарбомъ. Напротивъ, рогатый скотъ совершенно неспособенъ къ дальнимъ перекочевкамъ, — это скотъ, по самой природѣ своей,

[1]) Кустайск. у., 94.

склонный къ осѣдлому образу жизни. И что̀, можетъ-быть, еще важнѣе: лошади, овцы и верблюды—скотъ, способный *тебеневать*, добывать себѣ зимою кормъ изъ-подъ снѣга; рогатый скотъ—это скотъ *не тебенюющій*: разъ только трава прикрыта снѣгомъ, онъ не въ состояніи добыть ея, и потому въ нашихъ широтахъ не можетъ содержаться круглый годъ на подножномъ корму. Понятно, при такихъ условіяхъ, что кочевники *чистаго* типа вовсе не могутъ держать рогатаго скота; что они стремятся держать возможно большее число верблюдовъ, какъ вьючнаго скота, и что затѣмъ пропорція въ ихъ стадахъ каждаго изъ трехъ видовъ тебенюющаго скота должна зависѣть отъ характера находящихся въ ихъ распоряженіи пастбищъ; и въ частности, возможность содержанія лошадей всецѣло предрѣшается наличностью травяныхъ пастбищъ, необходимость ограничиваться овцами и верблюдами—преобладаніемъ „колючекъ“ и „чернаго корма“. И дѣйствительно, если взять наиболѣе близкую къ чисто-кочевому типу группу „вѣчныхъ кочевниковъ“ Атбасарскаго уѣзда, то изъ ста головъ скота (*безъ* перевода на крупный) у нихъ окажется: овецъ—76,6, верблюдовъ 9,2, лошадей 12,6 —и всего 1,6 головъ рогатаго скота, которыя, конечно, цѣликомъ должны быть отнесены на счетъ уже отклонившихся отъ чисто кочевого типа хозяйствъ. Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы стали на примѣрѣ отдѣльныхъ мѣстностей детальнѣе прослѣживать зависимость состава стадъ отъ характера пастбищъ, и это представляется тѣмъ болѣе безполезнымъ, что наличный матеріалъ не даетъ возможности выдѣлить чистыхъ кочевниковъ отъ разныхъ переходныхъ типовъ. Приведу только, въ видѣ примѣра, двѣ посѣщенныя мною киргизскія волости Чимкентскаго уѣзда (Сыр.-Дар. обл.), центромъ кочевій которыхъ является пространство между р. Таласомъ и горами Каратау: пастбища одной изъ нихъ, Джилы-булакской, имѣютъ по преимуществу характеръ степей-пустынь, и потому здѣсь держатъ сравнительно мало лошадей и много верблюдовъ; вторая, Каракольская, используетъ отличныя горныя лѣтовки, но мало пригодныя для верблюдовъ, а потому держитъ очень много лошадей и почти не имѣетъ верблюдовъ.

Итакъ, прежде всего, выборъ для всякаго времени года соотвѣтствующихъ пастбищъ и соотвѣтствующій характеру послѣднихъ подборъ скота. А затѣмъ—высоко развитое, далеко не легкое *искусство выпасыванія*, имѣющее въ основѣ своей детальное знакомство, такъ сказать, съ пастбищною географіей степи и съ потребностями и привычками разнаго рода скота. Очень нелегкая задача уже и лѣтній выпасъ,—для каждой части весны, лѣта и осени надо найти соотвѣтствующее пастбище и водопой, надо использовать его, пока оно покрыто наиболѣе сочною травою и когда скотъ на немъ наименѣе страдаетъ отъ насѣкомыхъ, надо успѣть во время попасть на слѣдующую пастбищную стоянку. Но несравненно болѣе трудная задача—*зимній* выпасъ;

здѣсь требуется несравненно больше вниманія и сообразительности, весьма часто — смѣлости и даже самоотверженія. Вотъ, напримѣръ, какъ описывается зимній выпасъ овецъ въ одномъ изъ сборниковъ киргизской экспедиціи:

„Съ начала зимы, пока снѣгъ еще не глубокъ, стараются использовать такія части своего кстау, которыя (позже) заносятся глубокимъ снѣгомъ и становятся, такимъ образомъ, недоступными для овецъ. По мѣрѣ того, какъ снѣгу выпадаетъ больше, пастьбу переносятъ на болѣе открытые дѣйствію сносящихъ снѣгъ вѣтровъ, преимущественно западные и юго-западные склоны горъ. Но и эти послѣдніе не всѣ равноцѣнны. И среди нихъ имѣются особенно цѣнные кусочки, приберегаемые киргизами на бурные дни, когда овецъ на открытыхъ пастбищахъ пасти нельзя. Какъ при прогонѣ на пастбище, такъ и при пастьбѣ, стараются, чтобы овцы не топтали зря пастбище, во избѣжаніе потери части корма, а шли бы не разбредаясь, въ порядкѣ, и въ порядкѣ же вытравляли дочиста назначенное пастбище. Съ наступленіемъ весны овецъ начинаютъ пасти по гривкамъ, пригрѣваемымъ солнцемъ, на которыхъ раньше всего показывается съѣжая трава; по низинамъ трава начинаетъ расти позже, да кромѣ того тамъ въ это время года бываетъ слишкомъ сыро, что̀ вредно для овецъ. Не менѣе трудное дѣло—зимняя пастьба лошадей: „зимою лошади пасутся только днемъ, а съ наступленіемъ темноты, табунъ собирается въ одно мѣсто, и за нимъ приходится наблюдать, чтобы онъ не двигался, что̀ и выполняется по очереди табунщиками. Въ хорошія ночи это наблюденіе не представляетъ затрудненій, въ ненастье же это очень трудная обязанность. Опытный табунщикъ предвидитъ по погодѣ наступленіе бурана и поэтому заблаговременно старается подвести табунъ къ какой-нибудь защитѣ въ родѣ лѣса или холмовъ, за которой лошади могли бы укрыться отъ бурана. Всѣ усилія табунщиковъ во время бурана сводятся къ тому, чтобы задержать лошадей на мѣстѣ, не позволять имъ итти по вѣтру. Пустить лошадей, это значитъ потерять добрую часть ихъ, ибо онѣ разбредутся, отобьются отъ табуна и погибнутъ. Можно себѣ представить, какихъ трудовъ стоитъ табунщикамъ удерживать табунъ, если нѣтъ горной защиты, когда буря рветъ, слѣпитъ и заглушаетъ голосъ“... [1])

Совершенно естественно, при такихъ условіяхъ, что пастьба скота занимаетъ весьма почетное мѣсто въ хозяйственномъ быту кочевниковъ. Въ то время, напр., какъ, у сибирскихъ крестьянъ скотъ пасутъ, въ видѣ правила, лица, неспособныя къ болѣе тяжелымъ, земледѣльческимъ работамъ—старики, больные, ссыльно-поселенцы, — выпасъ скота у кочевниковъ представляетъ собою главное мужское занятіе, у богачей поручаемое наемнымъ

[1]) Усть-Каменогорск. у., 45—46, 49—50.

пастухамъ. Мужчины въ кочевомъ быту занимаются и доеніемъ. Главная масса работы, въ частности — вся работа по домашнему хозяйству, лежитъ на женщинѣ, которая представляетъ собою главную рабочую силу кочевой семьи. Положеніе женщины крайне подчиненное, что̀ находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ рядѣ символическихъ обычаевъ: она держитъ стремя, когда ея мужъ садится на коня; ей достаются опредѣленные, менѣе почетные куски мяса, а то и просто обглодки. А между тѣмъ, повторяю, на женщинѣ въ кочевомъ быту лежитъ главная масса работы: „единственная работа, которую исполняютъ собственно одни мужчины,—это пастьба скота, работа очень несложная и легкая (разъ найдено мѣсто для выпаса! А. К.) лѣтомъ и крайне трудная и отвѣтственная зимой. Въ послѣднее время, мужчины начали косить сѣно и выполнять нѣкоторыя земледѣльческія работы. Наконецъ мужчины бываютъ иногда ремесленниками, занимаясь кузнечествомъ, приготовленіемъ обуви, арбъ и проч. И, тѣмъ не менѣе, на долю мужчины все - таки приходится очень мало труда, сравнительно съ трудомъ женщины. Та же самая женщина, на которой лежитъ масса чисто женскихъ и общехозяйственныхъ работъ, выполняетъ почти всѣ работы мужскія—пасетъ скотъ, убираетъ сѣно, жнетъ хлѣбъ и т. п. Когда мужчина участвуетъ въ женской работѣ, обычай отводитъ ему очень крошечную роль. Поставить, напримѣръ, юрту считается неприличнымъ для мужчины. Но когда женщины притащатъ на себѣ или на арбѣ необходимые матеріалы, установятъ нижнюю часть, обтянутъ кошмами, свяжутъ веревками и проч., мужчина обязанъ въ теченіе двухъ-трехъ минутъ подержать на палкѣ такъ называемый чангаракъ, на которомъ удерживается верхняя часть юрты; въ другихъ случаяхъ, когда женщина шьетъ, приготовляетъ кошмы, стряпаетъ, возится съ дѣтьми и проч., мужчины не оказываютъ даже такихъ малыхъ услугъ, какъ держаніе на палкѣ чангарака. Хотя хозяиномъ въ киргизской семьѣ и является, такимъ образомъ, мужчина, но работникомъ, главною созидающею силою киргизскаго благосостоянія, оказывается женщина“ [1]).

По характеру раздѣленія труда внутри семьи наши русскіе кочевники не составляютъ, такимъ образомъ, исключенія изъ общеизвѣстнаго общаго правила [2]). Не составляютъ они исключенія и въ другомъ отношеніи —но слабости развитія болѣе широкаго, общественнаго раздѣленія труда. Останавливаться на этомъ вопросѣ детально намъ нѣтъ необходимости, въ виду его слиш-

---

[1]) Кокчетавск. у., 68—69.

[2]) *Леонтовичъ*, Калм. право, 194: „У калмыковъ женщина всегда играла въ домашнемъ обиходѣ роль главной рабочей и производительной силы, выносившей на своихъ плечахъ всѣ заботы и труды кочевого хозяйства“; обстановка кочевой жизни „такова, что большая часть домашнихъ хлопотъ выпала на долю женщины“.

комъ отдаленнаго отношенія къ тѣмъ собственно вопросамъ, которые составляютъ непосредственный предметъ настоящей работы. Намъ совершенно достаточно отмѣтить, что общественное раздѣленіе труда среди кочевниковъ развито весьма слабо, если не считать тѣхъ послѣдствій дифференціаціи кочевниковъ по благосостоянію, о которыхъ намъ придется говорить частью въ настоящей, частью въ слѣдующей главѣ, и которыя, впрочемъ, также обнаруживаются уже не въ чисто кочевомъ быту, а въ фазисѣ перехода къ осѣдлому, скотоводческо-земледѣльческому быту. Въ частности, весьма слаба среди кочевниковъ—даже въ этомъ фазисѣ!—дифференціація обрабатывающей промышленности: „благодаря примитивному складу кочевой жизни, говоритъ Ф. А. Щербина [1]), въ хозяйствѣ киргиза не успѣли еще сложиться ни обрабатывающая промышленность, ни личныя потребности, удовлетвореніе которыхъ вызывало бы развитіе тѣхъ или другихъ отраслей промышленности".

Таковы существеннѣйшія черты типичнаго, чисто-кочевого быта. Въ чистомъ видѣ онъ сохранился, однако, какъ мы отчасти видѣли, лишь въ очень небольшихъ размѣрахъ, такъ что сдѣланная выше его характеристика относится не столько къ *настоящему* моменту, сколько къ *прошлому*, нерѣдко, впрочемъ, настолько недавнему, что изучать его было возможно по непосредственнымъ, живымъ воспоминаніямъ. Мы видѣли, напримѣръ, что въ Забайкальской области въ качествѣ „чистыхъ кочевниковъ", круглый годъ проводящихъ въ юртахъ, зарегистрировано всего 11,8% кочевыхъ инородцевъ и 5,8% казаковъ-бурятъ,—да и они, въ концѣ-концовъ, не чистые кочевники, ибо громадное большинство ихъ коситъ сѣно [2]). Въ наиболѣе сохранившемъ типичный кочевой бытъ уѣздѣ Акмолинской области, Атбасарскомъ, къ разряду „вѣчныхъ кочевниковъ" отнесено всего 2749 хозяйствъ изъ общаго числа 12837, или 21,4%, да и они, въ концѣ-концовъ, не всѣ чистые кочевники, ибо 10,9% изъ нихъ косятъ сѣно [3]). У киргизъ нѣкоторыхъ, еще наиболѣе далекихъ отъ осѣдло-земледѣльческаго быта мѣстностей Усть-Каменогорскаго уѣзда скотъ „еще на памяти стариковъ и не зналъ, что такое сѣно"—теперь значительно

---

[1]) Кокчет. у., 144.

[2]) Вотъ какъ характеризуется, напр., бытъ кочевыхъ бурятъ еще въ собранныхъ въ 1823 г. „обычаяхъ братскихъ Верхоленскаго вѣдомства": „всѣ некрещеные буряты жизнь имѣютъ кочевую, единственно для лучшаго содержанія скота. Лѣтомъ кочуютъ на мѣстахъ, удобныхъ къ скотскому выпуску, *дабы не вытравливать онымъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заготовляется къ зимѣ сѣно*, а зимой на тѣ самыя мѣста, гдѣ косится сѣно, для того, что съ осени до снѣга, а весной до лучшаго исправленія новыхъ травъ, скотъ прокармливается на кошенинахъ и отавахъ, въ теченіе же самой зимы менѣе имѣютъ затрудненія насчетъ перевозки сѣна" (*Самоквасовъ*, Сборн. обычн. права сибирск. инородцевъ, 78—79).

[3]) Атбасарскій у., XIII и XXX.

распространились и кормленіе скота сѣномъ, и теплыя помѣщенія для скота, хотя все это пока „лишь тѣ поправки, которыя киргизъ взялъ со стороны къ своему хозяйственному обиходу“ [1]). Вообще болѣе или менѣе все, что̀ мы можемъ наблюдать въ настоящее время, это—разнообразнѣйшія переходныя формы, начиная отъ такихъ, гдѣ новое, дѣйствительно, представляетъ собой лишь несущественныя поправки къ старому кочевому быту, и кончая такими, гдѣ старыя кочевыя формы остаются лишь переживаніемъ, утратившимъ, иногда, всякое реальное значеніе. То-же самое у бурятъ: въ то время, какъ на одномъ концѣ той длинной лѣстницы переходныхъ типовъ, какую рисуетъ намъ мѣстное изслѣдованіе, стоятъ—мы видѣли—чистые, по крайней мѣрѣ, въ жилищномъ отношеніи, кочевники, на другомъ стоятъ буряты, официально перешедшіе въ разрядъ „осѣдлыхъ инородцевъ“ и, дѣйствительно, вполнѣ осѣвшіе: по даннымъ подворнаго описанія, число домовъ у нихъ больше, чѣмъ домохозяйствъ, переносныхъ юртъ совершенно нѣтъ, и даже почти исчезли деревянныя юрты—эта своеобразная бурятская форма полукочевого жилища. То же самое и въ Закавказьѣ: изслѣдованіе 80-хъ гг. описываетъ селенія, „гдѣ болѣе половины домохозяевъ живетъ круглый годъ въ кибиткахъ и передвигается съ мѣста на мѣсто со своими стадами,—но мало-по-малу кибитки стали замѣняться домами, и, надо думать, чрезъ нѣсколько лѣтъ населеніе совершенно осядетъ“. Уже сводка данныхъ изслѣдованія показала, „какъ трудно разграничить населеніе по образу его жизни“, ибо въ матеріалахъ изслѣдованія „кочевое населеніе иногда смѣшивается съ полукочевымъ и осѣдлымъ, перекочевывающимъ лѣтомъ въ горы“ [2]). Нечего уже и говорить объ официально-осѣдломъ населеніи Закавказья, а также Туркестана, предки котораго, въ отдаленномъ прошломъ, были такими же кочевниками, и среди котораго и до сихъ поръ мѣстами сохранились слѣды кочевого быта.

Чтобы дать понятіе о крайней пестротѣ этихъ переходныхъ формъ и о широкой амплитудѣ колебаній, достаточно уже нѣсколькихъ поуѣздныхъ цифръ. Процентъ сѣющихъ хлѣбъ дворовъ, въ Омскомъ уѣздѣ падающій до 3,2, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ составляетъ 14,6, въ Атбасарскомъ 30,3,—но уже въ Акмолинскомъ 61,4; въ Кустанайскомъ уѣздѣ онъ достигаетъ 77%, въ Актюбинскомъ даже 94,2%,—земледѣліемъ въ этомъ уѣздѣ занимаются, значитъ, уже почти поголовно, а процентъ непашущихъ далеко ниже, чѣмъ у крестьянъ самыхъ земледѣльческихъ мѣстностей Сибири. Средній *на сѣющее* домохозяйство размѣръ посѣвной площади: въ Каркаралинскомъ уѣздѣ 0,4 дес., въ Акмолинскомъ и четырехъ другихъ уѣздахъ отъ 1,4 до 1,9 дес., въ Кустанайскомъ 3,7, въ Актюбинскомъ даже 6,17 дес.—почти

[1]) Усть-Каменогорск. у., 51—52.
[2]) Закавказ. III, 78, 81, 117.

столько же, сколько у крестьянъ-старожиловъ, напримѣръ, Енисейской губерніи. Колебанія *общихъ размѣровъ* скотоводства сравнительно ничтожны, что̀ очень характерно, ибо показываетъ, что различія въ степени естественнаго простора въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваются различіями въ распространенности сѣнокошенія: по шести уѣздамъ Акмолинской и Семипалатинской областей среднее число головъ скота въ переводѣ на крупный колеблется между 24 и 25,2, въ Кокчетавскомъ оно составляетъ 19,9, въ Кустанайскомъ 21,7, въ Актюбинскомъ 18,2 головъ. Тѣмъ рѣзче колебанія въ *составѣ* скота, обусловливаемыя, съ одной стороны, степенью близости къ осѣдлому хозяйству, съ другой — характеромъ пастбищъ, степенью изобилія сѣнокосовъ, отчасти и экономическими условіями, дѣлающими выгоднымъ содержаніе гдѣ однихъ, гдѣ другихъ видовъ скота. Наиболѣе характерны съ занимающей насъ точки зрѣнія цифры верблюдовъ, этого спутника кочевого быта, и рогатаго скота — спутника осѣданія. И вотъ, въ то время какъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области на 100 головъ скота въ переводѣ на крупный приходится 31 верблюдъ и всего 12 головъ рогатаго скота, въ Ташкентскомъ уѣздѣ количество послѣдняго достигаетъ 45,8, а количество первыхъ падаетъ до 3,2%. Въ сѣверныхъ киргизскихъ областяхъ верблюдовъ вообще гораздо меньше; однако въ Атбасарскомъ уѣздѣ они составляютъ еще 6,1%, въ Омскомъ и Усть-Каменогорскомъ уже только 0,4%, а въ Актюбинскомъ ихъ уже почти вовсе нѣтъ; количество рогатаго скота въ Атбасарскомъ, Усть-Каменогорскомъ, Каркаралинскомъ уѣздѣ не превышаетъ 9%, въ Омскомъ, Павлодарскомъ, Кустанайскомъ оно поднимается до 23—26%, въ томъ же Актюбинскомъ—даже до 33%. Различія эти рѣзко отражаются и на бюджетѣ и потребленіи: доходъ отъ земледѣлія въ Кокчетавскомъ, Омскомъ, Петропавловскомъ уѣздахъ не превышаетъ, по бюджетнымъ даннымъ, рубля на душу; въ шести другихъ уѣздахъ онъ колеблется между 1 руб. 68 коп. и 3 р. 62 к., въ Усть-Каменогорскомъ достигаетъ уже 5 р. 17 к., въ Кустанайскомъ — 10 р. 44 к., въ Актюбинскомъ — даже 25 руб. 35 коп. на душу; и въ то время, какъ омскій киргизъ, потребляя въ годъ, въ среднемъ, на душу, 7 п. 4 фун. мяса и 63 ведра молока, съѣдаетъ хлѣба всего 4 пуд. 37 фун., — въ Актюбинскомъ уѣздѣ, при все еще значительномъ потребленіи животныхъ продуктовъ (мяса 4 п. 33 фун., молока 39 вед.), среднее потребленіе хлѣба достигаетъ уже 16 п. 11 фун. — значитъ, всего на одну треть ниже широко разсчитанныхъ и значительно выше „голодныхъ“ нормъ крестьянскаго потребленія. Не менѣе рѣзкія различія наблюдаются и у забайкальскихъ бурятъ: въ Читинскомъ уѣздѣ, наиболѣе близкомъ къ чисто-кочевому типу, на 100 кочевыхъ домохозяйствъ приходится 40 домовъ, а 34,8% имѣютъ однѣ только переносныя юрты; въ двухъ другихъ уѣздахъ — Ак-

шинскомъ и Троицкосавскомъ — количество домовъ тоже еще невелико: на 100 хозяйствъ оказалось въ первомъ 39, во второмъ 57 домовъ; но съ однѣми переносными юртами въ одномъ уже только 6,5, въ другомъ 2%; значитъ, преобладаніе здѣсь принадлежитъ уже переходному типу жилища — постояннымъ деревяннымъ юртамъ. Въ остальныхъ трехъ уѣздахъ — Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ—домовъ приходится уже 76, 83 и даже 121 на каждыя 100 хозяйствъ, а чистые кочевники, имѣющіе однѣ юрты, составляютъ уже всего только 0,6, 0,8 и даже 0,0%. Почти столь же рѣзки колебанія размѣровъ запашекъ: въ среднемъ на дворъ засѣвается въ Акшинскомъ и Баргузинскомъ уѣздахъ 0,4 и 0,8%, въ Селенгинскомъ 3,0, въ Троицкосавскомъ даже 4,0 десятины.

Еще любопытнѣе, цифровыя сопоставленія по болѣе дробнымъ территоріальнымъ единицамъ. Возьмемъ, для примѣра, два киргизскихъ уѣзда, стоящихъ на противоположныхъ концахъ интересующей насъ лѣстницы осѣданія,—Атбасарскій и Актюбинскій. Процентъ сѣющихъ въ четырехъ сѣверныхъ районахъ Атбасарскаго уѣзда колеблется между 55 и 71%, въ двухъ другихъ онъ достигаетъ уже только 15,9 и 5,2, у чуйскихъ киргизъ падаетъ почти до нуля — до 0,6%. Количество рогатаго скота трехъ изъ сѣверныхъ районовъ поднимается до 17 — 21% общаго количества скота, при количествѣ овецъ, колеблющемся между 48 и 56%; въ направленіи къ югу процентъ рогатаго скота падаетъ до 11,8, 6,2 и даже 1,6, зато овцы составляютъ 60, 70 и 77% всего скота. Что касается Актюбинскаго уѣзда, то въ западной его части, въ среднемъ, на одно домохозяйство 7,8 дес. посѣва, въ южной 4,4, въ сѣверной и восточной—3,7 и 3,6 дес. Приблизительно параллельно измѣняется составъ скота: рогатый скотъ составляетъ въ двухъ первыхъ 47,7 и 43,3%, въ восточной части уже только 30,2%, лошади въ западномъ районѣ 30, въ восточномъ 46,1% [1]).

Нелишнее привести еще нѣсколько цифръ, которыя дадутъ представленіе о *темпѣ* совершающейся эволюціи [2]). Вотъ, напримѣръ, какъ шелъ ростъ запашекъ у киргизъ Тургайской области: въ 1875 году посѣвная площадь не превышала 17 тыс. дес.; къ 1881 г. она достигла 34 тыс.; въ 1894 году было засѣяно уже 93 тыс., въ 1898—154 тыс., въ 1902 г. 216 тыс. дес. Ростъ запашекъ шелъ параллельно съ убылью количества скота и съ измѣненіемъ его состава: въ 1870 году на кибитку приходилось

---

[1]) Цифры эти взяты частью непосредственно изъ табличнаго матеріала, частью изъ текстовыхъ сборниковъ; такъ какъ онѣ имѣютъ здѣсь исключительно значеніе иллюстраціи, то я считаю лишнимъ оправдывать ихъ точными ссылками.

[2]) Эти цифры взяты изъ офиціальныхъ источниковъ; точность ихъ, конечно, невысока, но достаточна для грубыхъ сопоставленій.

всего скота (безъ перевода на крупный) 75 головъ, высѣяно было хлѣба 32 пуда; въ 1879 г. соотвѣтственныя цифры были 58 и 48, въ 1889 г.—42 и 109, въ 1895 г. 30 и 116; но убыль скота относится цѣликомъ къ овцамъ и верблюдамъ: съ 1870 по 1890 годъ количество первыхъ упало съ 1041 до 786 тыс., вторыхъ—съ 61 до 29 тыс.; количество лошадей (497 и 470 тыс.) почти не измѣнилось, количество рогатаго скота возросло съ 159 до 271 тыс. Сѣнокошеніе появилось въ сѣверныхъ уѣздахъ области не ранѣе средины XIX в., а въ 1895 г. въ среднемъ на кибитку было накошено въ Актюбинскомъ уѣздѣ 490, въ Кустанайскомъ 512 пудовъ сѣна.

Въ Уральской области количество высѣянныхъ четвертей, въ среднихъ по пятилѣтіямъ (начиная съ 1877—1881 г.) цифрахъ, возрастало такъ: 14 тыс., 22, 46, 39 (неурожай!) и 63 тыс. Въ частности, въ Уральскомъ уѣздѣ оно возросло болѣе чѣмъ впятеро—съ 10 до 51 тыс., и притомъ безъ всякой, въ общемъ, убыли скотоводства: если взять среднія за трехлѣтія 1877—1879 и 1900—1902, то убыль, съ 411 до 319 тыс., окажется только для лошадей; количество овецъ возросло съ 1499 до 1960 тыс., верблюдовъ—съ 175 до 197, рогатаго—съ 206 до 496 тыс.

Въ Якутской области въ 1841 г. было высѣяно всего 1753 четв., въ 1888 г. 21 тыс.; такимъ образомъ, въ теченіе почти полувѣка хлѣбопашество, въ абсолютныхъ цифрахъ, росло довольно медленно; но въ 1889 г. оказалось высѣяно уже 40 т., въ 1890 г.—51 тыс. четв.

Если затѣмъ попытаться прослѣдить послѣдовательность занимающей насъ эволюціи, какъ она проявлялась по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ быта и хозяйства, то въ видѣ правила можно сказать, что сначала появляются постоянныя зимнія жилища и сѣнокошеніе, позже—хлѣбопашество, и центромъ хозяйственной дѣятельности весьма скоро становится и остается сѣнокошеніе. „Въ настоящее время,—говоритъ Сѣрошевскій,—якуты представляютъ чуть не единственный на землѣ народъ, для котораго сборъ травы пріобрѣлъ первенствующее значеніе,—только у якутовъ длинная и снѣжная зима, съ замѣной коней рогатымъ скотомъ, выдвинула на первый планъ сборъ травъ“. Въ дѣйствительности, отмѣчаемое Сѣрошевскимъ явленіе имѣетъ несравненно болѣе общій характеръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы приведенную въ примѣчаніи на стр. 16 выписку изъ „обычаевъ“ Верхоленскихъ бурятъ, относящуюся къ 1823 г., или сопоставить данныя о размѣрахъ запашекъ и сѣнокошенія у крестьянъ и у кочевыхъ бурятъ Забайкальской области: въ среднемъ на дворъ крестьяне распахиваютъ въ Читинскомъ уѣздѣ 8,6, буряты—1,3 дес.; для Верхнеудинскаго соотвѣтственныя цифры 11 и 2,2 дес., для Селенгинскаго, гдѣ буряты въ наибольшей степени осѣли, — 6,2 и 3,0 дес. Вездѣ, значитъ, буряты по размѣрамъ запашекъ далеко отстали отъ

крестьянъ. Напротивъ, по размѣрамъ сѣнокошенія они стоятъ далеко впереди послѣднихъ: въ то время, какъ у крестьянъ, въ тѣхъ же трехъ уѣздахъ, въ среднемъ на дворъ накашивалось 360, 200 и 265 пудовъ сѣна, буряты накашивали 638, 1284 и 388 пудовъ. Забайкальскіе буряты—отчасти благодаря орошенію и унавоживанію, покосовъ, — заготовляютъ такую массу сѣна, что въ общемъ выводѣ по области могутъ давать своему многочисленному скоту не меньшее почти количество сѣна, чѣмъ даютъ, при втрое меньшихъ размѣрахъ скотоводства, забайкальскіе крестьяне. Ясно, что центръ тяжести хозяйства и у нихъ лежитъ несравненно ближе къ сѣнокошенію, чѣмъ къ какой-либо иной отрасли хозяйства, а въ частности—къ земледѣлію. Приблизительно въ такомъ же порядкѣ идетъ процессъ осѣданія и у киргизъ сѣверной части киргизскаго края, имѣющихъ зимовыя стойбища въ полосѣ ковыльныхъ и вообще травяныхъ степей: во всѣхъ уѣздахъ этой полосы процентъ хозяйствъ съ запашкой значительно ниже, чѣмъ процентъ хозяйствъ съ постоянными зимними жилищами и съ сѣнокошеніемъ [1]), — ясно, что значительная часть киргизъ, уже начавъ косить сѣно и давно обзаведясь постоянными зимними жилищами, еще долго послѣ того продолжаетъ обходиться безъ запашки. „Земледѣліе,—читаемъ мы въ Каркаралинскомъ сборникѣ,—начало распространяться весьма недавно, и изъ 1101 аула, имѣющихъ запашку, 585 завели ее въ послѣднія десятилѣтія, прочіе же пашутъ не долѣе 30—40 лѣтъ. Къ сѣнокошенію киргизы обратились гораздо раньше — въ таблицахъ сплошь и рядомъ указывается, что начали косить сѣно 50—60 лѣтъ тому назадъ, а иные аулы уже 100 лѣтъ какъ дѣлаютъ запасы сѣна“ [2]). Впрочемъ, для того же уѣзда и для смежнаго съ нимъ Усть-Каменогорскаго „извѣстны и обратные случаи, гдѣ земледѣліе предшествовало сѣнокошенію“,—это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ „удобныхъ для сѣнокошенія мѣстъ мало, а хлѣбопашеству благопріятствовала возможность орошенія пашенъ“ [3]); и случаи, гдѣ постоянныя жилища появились значительно позднѣе и сѣнокошенія и хлѣбопашества,—въ одной, напримѣръ, волости Усть-Каменогорскаго уѣзда „постоянныя постройки стали возводить позже, чѣмъ пахать землю и косить сѣно; Омербекъ, 75-лѣтній старикъ, говоритъ, что ему было лѣтъ 50, когда начали строить дома, а хлѣбъ сѣяли задолго до его рожденія“ [4]). И что въ этой средней, переходной полосѣ является въ большей или меньшей мѣрѣ исключеніемъ, то въ южной полосѣ, среди туркестанскихъ

---

[1]) По Павлодарскому у. домохозяйствъ съ запашкой 24, косящихъ сѣно 86%; по Омскому соотвѣтственныя цифры—3,3 и 93%, по Кокчетавскому—22 и 91, по Атбасарскому—31 и 75%, по Кустанайскому—77 и 93%. Домохозяйствъ съ постоянными зимними жилищами по всѣмъ уу. болѣе 99%.

[2]) Каркарал. у. 66.

[3]) Тамъ же.

[4]) Усть-Каменог. у., *п.* 28.

киргизъ, является уже общимъ правиломъ. Естественныя условія туркестанскихъ степей—пустынь гдѣ совершенно исключаютъ, гдѣ до послѣдней степени суживаютъ возможность сѣнокошенія, а сравнительно мягкій климатъ гораздо менѣе настоятельно требуетъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ. Поэтому, здѣсь прежде всего появляется земледѣліе, всегда связанное съ искусственнымъ производствомъ кормовыхъ средствъ—съ посѣвами люцерны и кормовыхъ видовъ проса; постройки появляются прежде всего не жилыя, а хозяйственныя—амбары-землянки для сѣмянъ и т. п., главное же—помѣщенія для скота, и очень значительная часть туркестанскихъ киргизъ, уже давно занимаясь земледѣліемъ и имѣя теплые хлѣва, весь годъ проводятъ въ юртахъ, которыя на зиму ставятся въ огорожи скотныхъ дворовъ и присыпаются, для тепла, снѣгомъ и навозомъ.

Вообще эволюція жилища у кочевниковъ представляетъ едва ли не наиболѣе пеструю картину. „Первыя жилища, — читаемъ мы, напримѣръ, въ статистическомъ сборникѣ по Омскому уѣзду [1]),—построенныя лѣтъ 50 тому назадъ, представляли какія-то норы, почти скрытыя въ землѣ. Теперь жилище средне-зажиточнаго киргиза представляетъ четыреугольникъ, обнесенный или плетнемъ, если это въ лѣсистой мѣстности, или оградой, сложенной изъ стараго навоза или изъ дерна. Весь этотъ четыреугольникъ, заключающій и жилое помѣщеніе, и дворъ, и хлѣвъ для скота, покрытъ жердями и хворостомъ, на которые наложено сѣно, преимущественно надъ хлѣвами. Жилье, обычно изъ дерна или сырцоваго кирпича, состоитъ изъ одной или большаго числа комнатъ съ земляннымъ поломъ, большая часть котораго приподнята вершковъ на 6 — 8, и иногда настлана досками, иногда также земляная. Двери низенькія, окна небольшія, затянутыя обыкновенно пузыремъ и одинарныя; высота потолка аршина 3. Рядомъ съ жильемъ находится кладовая—холодное помѣщеніе, въ которомъ хранятся мясные и др. запасы, имѣющая обычно круглую форму съ конусообразной крышей“.

Я намѣренно привелъ, въ подробномъ извлеченіи, характеристику киргизскаго жилища въ одной изъ болѣе отсталыхъ мѣстностей сѣверной полосы киргизскаго края; эта характеристика свидѣтельствуетъ о значительномъ сходствѣ киргизскаго зимового стойбища съ русскою деревней, или, можетъ-быть, еще больше—съ деревней осѣдлыхъ татаръ. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Актюбинскій уѣздъ или лѣсистые районы Кустанайскаго, поселенія киргизъ производятъ впечатлѣніе уже настоящихъ крестьянскихъ деревень, съ аккуратно сложенными бревенчатыми, саманными или дерновыми избами, огороженными дворами, многочисленными хозяйственными постройками и огромными ометами сѣна и соломы. Въ туркестанскихъ степяхъ киргизская осѣдлость тяготѣетъ къ

[1]) Стр. 29—30.

совершенно другому типу, — къ типу сартскаго „кишлака", съ его глинобитными постройками. Гдѣ осѣданіе пошло болѣе далеко и киргизы приблизились къ типу сартскаго осѣдло-земледѣльческаго хозяйства, тамъ киргизскія усадьбы пріобрѣтаютъ характеръ настоящихъ осѣдлостей: каждая усадьба, огороженная высокою, крѣпко-сложенною глинобитною стѣною и располагающаяся обыкновенно среди тѣнистаго, разведеннаго на арычной водѣ фруктоваго сада — это цѣлый комплексъ изъ жилого дома обычнаго среднеазіатскаго типа, теплыхъ хлѣвовъ и всякаго рода хозяйственныхъ построекъ [1]).

Очень характерна эволюція жилища у средне-сибирскихъ кочевниковъ, бурятъ и якутовъ. Здѣсь между подвижною юртою и осѣдлымъ жилищемъ-домомъ вдвигается, какъ мы отчасти видѣли, еще промежуточный типъ жилища—неподвижная бревенчатая юрта; такія юрты ставятся и на зимникахъ, и на лѣтникахъ, и перекочевка совершается правильно, между зимнею и лѣтнею юртой. О постепенности жилищной эволюціи этого типа даютъ понятіе слѣдующія любопытнѣйшія цифры: на каждыя 100 хозяйствъ кочевыхъ бурятъ приходится домовъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 83, въ Селенгинскомъ — 76, въ Троицкосавскомъ — 57, Читинскомъ—40, въ Акшинскомъ—29; % хозяйствъ, имѣющихъ постоянныя юрты-лѣтники, въ томъ же порядкѣ уѣздовъ: 88,7,75,5,63,0, 31,8 и 36,1; на 100 хозяйствъ приходится такихъ постоянныхъ юртъ: 164, 143, 138, 104, 122, переносныхъ юртъ—77, 73, 125, 227, 197. Ясно, что постоянные лѣтники—переходная бытовая форма отъ чисто кочевого къ чисто осѣдлому быту: по пяти уѣздамъ процентъ домохозяйствъ съ лѣтниками очень близко подходитъ къ проценту домохозяйствъ съ домами, и обѣ эти величины измѣняются параллельно съ числомъ постоянныхъ юртъ въ лѣтникахъ и въ обратномъ направленіи съ числомъ переносныхъ юртъ. Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что кочевникъ, обзаводящійся домомъ для зимняго жилья, при этомъ еще не сразу перестаетъ кочевать, — онъ только замѣняетъ переносную юрту постоянною, которую ставитъ на своемъ лѣтникѣ [2]).

Строго говоря, въ порядкѣ логической постепенности слѣдовало бы теперь перейти къ формамъ эволюціи скотоводства въ направленіи отъ чисто-кочевого къ осѣдлому типу содержанія скота, ибо она, въ видѣ правила, начинается раньше, чѣмъ появляется земледѣліе. Но въ видахъ удобства изложенія я предпочитаю остановиться сначала на земледѣліи, и уже затѣмъ перейти къ скотоводству, сѣнокошенію и способамъ къ содержанія скота.

Очень интересны сообщаемыя Сѣрошевскимъ [3]) данныя о зарожденіи земледѣлія у якутовъ. „Въ старину,—говоритъ онъ со

Кауфманъ, Туркест., 139—140.

[2]) *Кауфманъ*, Забайкал., 17, 18. Любопытныя цифры см. „Ольхонъ", 28.

[3]) Стр. 289.

словъ „стариковъ“,—сѣяли хлѣбъ такъ: вскопаютъ кой-какъ землю лопатой—только бы чернѣла, разбросаютъ сѣмя, затѣмъ возьмутъ суковатую раскидистую вѣтвь за конецъ и волочатъ по пашнѣ“. Еще въ срединѣ 50-хъ гг. XIX вѣка, по приводимому Сѣрошевскимъ свидѣтельству Маака, „вся обработка почвы заключалась въ томъ, что ковыряли землю на $^1/_4$ или на $^1/_3$ вершка желѣзною лопатой, называемою „хоружъ“; для посѣва „деревянною лопатой отгребали нѣсколько сверху землю, бросали сѣмена и тою же лопатой набрасывали землю обратно“. А между тѣмъ въ настоящее время „послѣ скотоводства второе мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ у якутовъ земледѣлію“, и притомъ „значеніе его быстро растетъ; оно захватываетъ все бо̀льшія пространства, привлекаетъ къ себѣ все возрастающую долю силъ и капитала и въ недалекомъ будущемъ грозитъ кореннымъ переворотомъ быту самыхъ богатыхъ и густо-населенныхъ улусовъ“ [1]). Самые пріемы земледѣлія у якутовъ уже мало чѣмъ отличаются отъ пріемовъ сибирскаго крестьянства: „вскапываніе земли подъ посѣвъ лопатой или копорулей, бороньба лопатой, граблями или суковаткой встрѣчаются уже очень рѣдко, на окраинахъ, и то только среди бѣднѣйшаго населенія; всюду уже пашутъ сабанами, а въ долинѣ Лены даже колесухами, въ которыя впрягаютъ лошадей или быковъ“ [2]). При этомъ характерно и на первый взглядъ даже парадоксально слѣдующее обстоятельство: въ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе пока наименѣе развито, при безпредѣльномъ, практически, просторѣ, якуты гораздо меньше пользуются новями, чѣмъ въ настоящихъ земледѣльческихъ улусахъ, гдѣ просторъ гораздо меньше; этотъ кажущійся парадоксъ объясняется, однако, очень просто: несклонность распахивать цѣлины наблюдается „тамъ, гдѣ земледѣліе играло до этого незначительную роль въ хозяйствѣ и отвоевало себѣ изъ суммы общаго труда столь незначительную часть, что не стоило относить пашни далеко отъ усадьбы“, гдѣ поэтому предпочитали продолжать пахать поддворныя, хотя и выпаханныя, земли, „рискуя даже меньшимъ урожаемъ“.

У всѣхъ вообще кочевниковъ, весьма естественно, преобладаютъ болѣе или менѣе экстенсивныя или даже самыя экстенсивныя, первобытныя формы залежнаго хозяйства. Та степень „утѣсненія“, которая не позволяетъ уже киргизамъ, якутамъ или бурятамъ оставаться при чисто пастбищномъ, исключительно скотоводческомъ хозяйствѣ, представляется еще весьма широкимъ просторомъ по сравненію съ потребностями даже первобытнаго земледѣлія, особенно тамъ, гдѣ послѣднее пока еще достигло лишь ничтожнаго количественнаго развитія. Во многихъ мѣстностяхъ киргизской степи все дѣло и по-сейчасъ сводится къ посѣвамъ проса на цѣлинныхъ земляхъ; съ такихъ земель снимаютъ 1—2

[1]) Тамъ же, 286.
[2]) Тамъ же, 292.

посѣва и затѣмъ забрасываютъ ихъ на неопредѣленное время, и посѣвы въ такихъ мѣстностяхъ производятся не на лучшихъ суглинистыхъ, а въ видѣ правила — на худшихъ, песчаныхъ почвахъ: при своихъ первыхъ посѣвахъ кочевникъ заботится не столько о достоинствѣ почвы, сколько о легкости ея обработки. Въ мѣстностяхъ, гдѣ пашутъ сравнительно давно, посѣвы производятъ уже не только на цѣлинахъ, но и на отдохнувшихъ залежахъ; въ юго-западной части Кустанайскаго уѣзда есть залежи, которыя, по словамъ стариковъ, начинаютъ распахиваться уже въ четвертый разъ. Дальше залежной системы не пошелъ пока и Актюбинскій уѣздъ, наиболѣе земледѣльческій изъ уѣздовъ киргизскаго края—и это опять-таки вполнѣ понятно: земли и здѣсь, съ точки зрѣнія потребностей земледѣльческаго хозяйства, чрезвычайно много—въ среднемъ по уѣзду 280 дес., въ наиболѣе малоземельной волости—100 дес. на кибитку. Вотъ почему „нигдѣ въ уѣздѣ нѣтъ еще и намека на переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ использованія земли". Но „самые пріемы залежнаго хозяйствованія довольно разнообразны и мѣняются по отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ естественныхъ условій: въ однихъ мѣстахъ большое число лѣтъ подъ рядъ сѣется хлѣбъ и меньше лежитъ въ залежи земля, въ другихъ обратно; мѣстами преобладаютъ въ сѣвооборотѣ одни виды хлѣба, мѣстами начинаютъ входить въ него другіе" [1]); въ частности, наблюдается постепенное вытѣсненіе посѣвовъ проса посѣвами пшеницы,—явленіе совершенно понятное, потому что пшеница требуетъ несравненно болѣе тщательной обработки земли, нежели довольствующееся минимальною обработкою просо; вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и распространяется овесъ—спутникъ стойловаго кормленія рогатаго скота. И характерно, что эта смѣна хлѣбовъ особенно рѣзко проявляется у болѣе состоятельныхъ группъ, могущихъ и лучше обрабатывать землю, и лучше кормить свой рабочій скотъ: посѣвы проса въ безлошадной и однолошадной группахъ составляютъ еще 92,2 и 87,5%, въ группѣ съ 16—25 лошадьми—76,9, у имѣющихъ болѣе 100 лошадей—даже только 51,6% всей площади посѣвовъ; процентъ пшеницы въ соотвѣтственныхъ группахъ 6,4 и 9,5, 15 и 35,8%, процентъ овса—1,1 и 2,9, 7,9 и 12,5%.

Чрезвычайно интересное явленіе—*поливное* земледѣліе у осѣдающихъ кочевниковъ,—значитъ очень высокая форма земледѣльческаго хозяйства, являющаяся непосредственно на смѣну самымъ первобытнымъ кочевымъ формамъ и весьма долго существующая совмѣстно съ послѣдними. Поливное земледѣліе, пожалуй, наиболѣе типичная для осѣдающихъ и осѣвшихъ кочевниковъ форма земледѣльческаго хозяйства,—и это опять-таки вполнѣ естественно: кочевники охотнѣе всего занимали степныя пространства, гдѣ крайне малое количество осадковъ либо вовсе исключало возмож-

[1]) Актюбинск. у., 35.

ность земледѣлія подъ дождь, либо, во всякомъ случаѣ, дѣлало его слишкомъ рискованнымъ занятіемъ [1]). Вотъ почему мы встрѣчаемся съ поливнымъ земледѣліемъ и у забайкальскихъ бурятъ, и у алтайскихъ или енисейскихъ инородцевъ, тѣмъ болѣе, конечно, у южныхъ, туркестанскихъ киргизъ и въ Закавказскомъ краѣ, и искуственное орошеніе въ такой мѣрѣ сдѣлалось наслѣдственною привычкой, что въ Туркестанѣ, сплошь и рядомъ, орошаются такія пашни, на которыхъ вполнѣ возможны, хотя и нѣсколько рискованны, посѣвы подъ дождь, и на которыхъ—мы увидимъ ниже—такіе посѣвы и вводятся пришлымъ элементомъ [2]). Во всѣхъ поименованныхъ инородческихъ районахъ ирригаціонныя сооруженія и поливное земледѣліе имѣютъ вѣковую и даже многовѣковую давность: во многихъ мѣстностяхъ южной Сибири современныя инородческія оросительныя сооруженія—не болѣе какъ возобновленныя „чудскія канавы“, а многія изъ такихъ канавъ еще ожидаютъ своего возобновленія [3]); въ Туркестанѣ нѣкоторые изъ большихъ магистральныхъ арыковъ были сооружены еще во времена Тамерлана, а самая возможность осуществленія этихъ грандіозныхъ сооруженій стоитъ, повидимому, въ тѣсной связи съ политическимъ и общественнымъ строемъ среднеазіатскихъ и вообще восточныхъ деспотій. Типъ послѣднихъ—это „типъ полунезависимыхъ патримоніальныхъ государствъ, гдѣ ханъ-правитель смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственную вотчину или помѣстье. Будучи непосредственно заинтересованы въ процвѣтаніи земледѣлія, ханы обращали особенное вниманіе на правильную ирри-

---

[1]) По свидѣтельству изслѣдователей Забайкальской области, широкое распространеніе искусственнаго орошенія въ области, при экстенсивномъ, въ другихъ отношеніяхъ, строѣ хозяйства — слѣдствіе частыхъ засухъ, иногда повторяющихся по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ, при которыхъ „единственнымъ вѣрнымъ средствомъ обезпеченія урожая является примѣненіе ирригаціи, устройство которой къ тому же облегчается изобиліемъ горныхъ рѣчекъ съ высокимъ паденіемъ“ (Забайк., XI, 102). Въ западномъ Забайкальѣ, при этомъ, ирригація несравненно болѣе распространена, чѣмъ въ восточномъ; разница эта, которой изслѣдованіе не пытается объяснить, повидимому, объясняется гораздо бо́льшимъ, въ восточномъ Забайкальѣ, годовымъ, а главное—лѣтнимъ количествомъ осадковъ (IV, 164 — 167), слѣдовательно, меньшею потребностью въ ирригаціи. Въ западномъ Забайкальѣ, въ бассейнѣ Баргузина, орошаютъ поля *всѣ* безъ исключенія инородческія общины, и орошается отъ 25 до 100%, въ большинствѣ селеній — около 60% всѣхъ полей; второе мѣсто по распространенности земледѣлія занимаетъ бассейнъ Селенги,—и здѣсь есть селенія, гдѣ орошается 50, 75 и до 100% пашенъ. Въ восточномъ Забайкальѣ „ирригація примѣняется въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и является дѣломъ новымъ, не имѣющимъ, въ отношеніи устройства ирригаціонныхъ сооруженій и самого способа поливки, той практики, какая издавна выработалась въ западномъ Забайкальѣ“ (XI, 109).

[2]) *Кауфманъ*, Туркест., 113—119.

[3]) Такъ, въ Забайкальѣ мѣстное населеніе и въ частности буряты, какъ удостовѣряетъ авторъ монографіи о земледѣліи въ Забайкальской обл., пошло по *стопамъ древнѣйшихъ* обитателей страны, населявшихъ ее значительно раньше колонизаціи русскими и примѣнявшихъ искусственное орошеніе, повидимому, въ *широкихъ размѣрахъ* (Забайкальск., XI, 102).

гацію, безъ которой занятіе земледѣліемъ и садоводствомъ было немыслимо"; вся тяжесть работъ по проведенію и ремонту каналовъ и по постройкѣ другихъ ирригаціонныхъ сооруженій, конечно, „всецѣло ложилась на крестьянское сословіе"; но къ нарядамъ по ирригаціи „населеніе относилось болѣе сочувственно, чѣмъ къ другимъ повинностямъ, уже потому, что оно само заинтересовано было въ ней. Неудивительно, поэтому, если всѣ такъ называемыя мусульманскія провинціи Закавказья (а также Туркестанъ!) покрыты были сѣтью оросительныхъ каналовъ и другихъ ирригаціонныхъ сооруженій" [1])...

Здѣсь не мѣсто, конечно, подробно останавливаться на техникѣ поливного земледѣлія, — необходимо, однако, въ краткихъ чертахъ охарактеризовать различные способы вывода воды на культурныя земли, встрѣчающіеся у кочевниковъ. Въ зависимости отъ характера воднаго источника практикуется четыре главныхъ типа орошенія. Въ предгорныхъ районахъ, вообще въ бассейнахъ небольшихъ рѣкъ и рѣчекъ съ быстрымъ теченіемъ, вода выводится на поля при посредствѣ болѣе или менѣе обширныхъ системъ оросительныхъ каналовъ, берущихъ воду гдѣнибудь выше по теченію рѣки; какъ ни примитивны при этомъ тѣ техническія средства, которыми распоряжаются туземные строители оросительныхъ каналовъ, они, однако, по свидѣтельству спеціалистовъ, вполнѣ „умѣютъ пользоваться мелкими рѣчками для устройства орошенія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигли въ этомъ отношеніи прекрасныхъ результатовъ". Въ мѣстностяхъ, гдѣ орошаютъ насчетъ озеръ или степныхъ рѣкъ и рѣчекъ со слишкомъ слабымъ теченіемъ или вовсе безъ теченія, чаще всего поднимаютъ воду на поля помощью чигирей—колесъ примитивнѣйшаго устройства; гдѣ поле расположено повыше надъ лѣтнимъ уровнемъ воды, ставятъ по два или по три чигиря, одинъ надъ другимъ. Въ отличіе отъ предыдущаго способа, требующаго коллективнаго труда, чигирное орошеніе—предпріятіе чисто индивидуальнаго характера: чигирь можетъ устроить каждый отдѣльный земледѣлецъ, „игинчи", и орошается чигиремъ ничтожная площадь: по даннымъ, относящимся къ 60-мъ годамъ, въ бассейнѣ рѣки Тургая 1116 чигирями орошалось около 1200 дес., съ небольшимъ по десятинѣ на чигирь. Оба способа имѣютъ затѣмъ, однако, и общую черту: значительность затратъ труда, связанныхъ съ орошеніемъ,—даже однѣхъ только текущихъ затратъ, не говоря объ огромныхъ, иногда, основныхъ затратахъ [2]), связан-

---

[1]) Закавказск., III, 46. См. также *Гакстгаузенъ*, Закавказскій край, I, 53 и 166.

[2]) Въ Забайкальѣ наиболѣе распространенный типъ оросительныхъ сооруженій—„канава шириной около $1^1/_2$ аршина и глубиной отъ $^3/_4$ до 1 арш., обходящаяся населенію, при денежной оцѣнкѣ затрачиваемаго натурою труда, отъ 50 до 100 р. за 1 версту"; мѣстами канавы достигаютъ глубины $1^1/_2$ и даже 2 арш., но встрѣчаются и „простыя борозды, сдѣланныя сохой" (Забайк.

ныхъ съ самимъ сооруженіемъ оросительныхъ каналовъ: ежегодный ремонтъ арыковъ и ихъ головныхъ сооруженій; подготовка полей къ поливному посѣву, состоящая въ нивеллировкѣ и разбивкѣ на „атызы"—раздѣленныя валиками, точно выравненныя площадки; наконецъ самый поливъ, частота котораго очень различна, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій,—въ южной части Тургайской области, напримѣръ, тучныя почвы поливаются два раза въ лѣто, болѣе тощія — три и даже четыре раза, и число поливокъ еще увеличивается при бездождьѣ, зноѣ и изсушающихъ вѣтрахъ.

Очень своеобразны, затѣмъ, способы орошенія, практикуемые киргизами въ нѣкоторыхъ „тугайныхъ" мѣстностяхъ на побережьяхъ большихъ рѣкъ, напримѣръ, по Сыръ-Дарьѣ, въ предѣлахъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Рѣка течетъ здѣсь въ собственныхъ наносахъ, *выше* окружающей степи. Предназначенную для орошенія площадь иногда просто затопляютъ весеннею водой, а затѣмъ по спадѣ воды засѣваютъ хлѣбомъ; иногда весеннюю воду задерживаютъ плотинами въ многочисленныхъ, разбросанныхъ по тугаю озерахъ и протокахъ, а затѣмъ чигирями поднимаютъ на поля. Общая тому и другому пріему характерная черта — крайняя рискованность, достаточно характеризуемая киргизскимъ названіемъ тентякъ-су — „глупая вода": частые прорывы плотинъ сплошь и рядомъ оставляютъ пашни безъ воды или, наоборотъ, затопляютъ уже сдѣланные посѣвы [1]).

Наконецъ четвертый, можетъ-быть, наиболѣе трудный и неблагодарный типъ—кяризное орошеніе, практикуемое въ предгорныхъ мѣстностяхъ Туркестана и Закавказья, тамъ, гдѣ вода берется изъ ключей: ключевую воду собираютъ въ подземныхъ галлереяхъ, кяризахъ, и затѣмъ выводятъ на поверхность земли.

Какъ бы то ни было, въ мѣстностяхъ, гдѣ практикуется искусственное орошеніе, вода, если можно такъ выразиться, всецѣло доминируетъ надъ землей; это, во-первыхъ, потому, что запасы воды, могущей быть использованною для орошенія, въ видѣ правила гораздо меньше, чѣмъ сколько нужно было бы для полива всѣхъ земель, годныхъ для культуры; во-вторыхъ—потому, что самый выводъ воды сопряженъ съ значительными затратами труда, которыя обусловливаютъ и трудовое право „оживителя" какъ на воду, такъ и на „оживленную" ею землю. Ниже (гл. 4-ая и 5-ая) мы увидимъ, какъ это доминирующее значеніе воды отражается на формахъ пользованія орошаемыми землями. Здѣсь необходимо показать, какъ оно отражается на системахъ эксплуатаціи этихъ земель: эти послѣднія всецѣло

XI, 103). Въ Туркестанѣ, собственно у осѣдающихъ кочевниковъ, магистральные каналы, повидимому, не крупнѣе.

[1]) Обо всемъ этомъ см. подробнѣе въ *моихъ* отчетахъ по Тургайск. обл. (стр. 16 и др.) и Туркест. краю (ст. 76—104). Тамъ же литература вопроса.

опредѣляются отношеніемъ запасовъ ирригаціонной воды къ размѣрамъ доступной для орошенія площади. Если взять, въ видѣ примѣра, Сыръ-Дарьинскую область, то мы увидимъ, что въ южныхъ, предгорныхъ районахъ области, гдѣ запасъ земли сравнительно ограниченъ, а вода имѣется въ изобиліи, каждое поле заливается по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ, съ соблюденіемъ извѣстнаго чередованія высѣваемыхъ растеній. Въ районѣ тугаевъ Перовскаго уѣзда, гдѣ населеніе располагаетъ въ избыткѣ и землею и водою, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выводъ воды принятыми у мѣстныхъ киргизъ пріемами(стр. 28) не представляетъ никакого затрудненія, земледѣльческое хозяйство имѣетъ совершенно безпорядочный, кочевой характеръ: выведя воду на какую-либо площадь, киргизы засѣваютъ ее, пока хорошо родится хлѣбъ, а при малѣйшемъ пониженіи урожайности переносятъ посѣвы на какую-либо другую площадь. Наконецъ въ районѣ Каратаускихъ горъ, гдѣ площадь удобныхъ для поливной культуры земель чрезвычайно обширна, а количество воды весьма ограничено, поддающаяся орошенію земля какъ бы разбивается на смѣны, изъ которыхъ каждая засѣвается одинъ годъ, а затѣмъ остается въ залежи все время, пока посѣвы обходятъ остальныя части той же площади; есть поля, которыя послѣ каждаго посѣва отдыхаютъ 10 и даже 15 лѣтъ, — есть и такія, гдѣ число лѣтъ отдыха падаетъ до пяти, трехъ и даже ниже [1]).

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности техническаго характера относительно ирригаціоннаго земледѣлія; достаточно отмѣтить, что въ средне-азіатскихъ степяхъ и въ Закавказьѣ поливное земледѣліе нигдѣ не имѣетъ чисто зернового характера: уже въ средней полосѣ киргизскихъ степей въ сѣвооборотъ, кромѣ колосовыхъ хлѣбовъ, обязательно входятъ люцерна, разные виды кормового проса, джугара, бахчевыя растенія; въ южной полосѣ, а также въ Закавказьѣ, къ этимъ видамъ растеній присоединяются еще рисъ, нерѣдко хлопокъ, а у наиболѣе приблизившихся къ осѣдлому быту серьезное значеніе имѣетъ плодовое садоводство. Искусственное орошеніе не только до послѣдней степени сокращаетъ вѣроятность неурожаевъ, но обезпечиваетъ населенію и весьма высокую среднюю урожайность; уже у чуйскихъ киргизъ средній урожай пшеницы не ниже самъ-15 или 90 п. съ десятины, пищевого проса—150 (обычныя колебанія 120—180), кормового—180 пудовъ [2]). Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что осѣдающіе кочевники района поливного земледѣлія, при сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ запашекъ, не только покрываютъ свои продовольственныя и хозяйственныя потребности, но и продаютъ излишекъ продуктовъ. Въ Чуйскомъ районѣ, засѣвая въ среднемъ 2,1 дес. на семью, „киргизы работаютъ уже на

---

[1]) *Кауфманъ*, Туркест., 149—150.
[2]) Каркар. у., 72.

отпускъ, и при запашкѣ въ 2 — 3 дес. на хозяйство не нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ, потребляя сами въ среднемъ по 9,3 пуд. хлѣба“ [1]). Еще лучшіе результаты даетъ, конечно, киргизское земледѣліе въ южной полосѣ степей, въ районѣ туркестанскихъ предгорій. Здѣсь уже къ концу генералъ-губернаторства К. П. фонъ-Кауфмана, значитъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. XIX в., киргизское земледѣліе не только удовлетворяло продовольственнымъ потребностямъ, но работало уже на сбытъ; съ тѣхъ поръ оно, конечно, значительно развилось [2]), и если, тѣмъ не менѣе, киргизы этой мѣстности веснами до сихъ поръ прикупаютъ хлѣбъ, то исключительно благодаря легкомысленнымъ осеннимъ продажамъ или чаще — запродажамъ слишкомъ большой части новаго урожая. Мало того: сѣверъ Сыръ-Дарьинской области принадлежитъ къ наиболѣе отсталымъ мѣстностямъ средне-азіатской области поливного земледѣлія, а между тѣмъ уже въ концѣ прошлаго вѣка, „въ благопріятный годъ, при сносномъ урожаѣ, населеніе Казалинскаго уѣзда мало нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ“, и ввозъ послѣдняго происходилъ только въ неурожайные годы [3]).

Само собою разумѣется, что неполивное экстенсивное земледѣліе, какъ оно практикуется въ сѣверной полосѣ киргизскихъ степей, не можетъ давать такихъ блестящихъ результатовъ, и для покрытія продовольственныхъ нуждъ, а тѣмъ болѣе для полученія продажныхъ избытковъ требуется, конечно, гораздо бо̀льшая площадь посѣвовъ. И дѣйствительно во всей этой сѣверной полосѣ только въ Актюбинскомъ уѣздѣ (а также, если не цѣликомъ, то частью, въ смежномъ съ нимъ Уральскомъ уѣздѣ, не изслѣдованномъ экспедиціею) земледѣліе не только обезпечиваетъ, при среднемъ на душу потребленіи хлѣба въ 16 пудовъ, продовольственныя нужды населенія, но даетъ и довольно значительный вывозъ, впрочемъ, почти исключительно проса: въ концѣ 90-хъ годовъ этого послѣдняго вывозилось изъ уѣзда свыше милліона пудовъ, и актюбинское киргизское просо (подъ названіемъ оренбургскаго) успѣло пріобрѣсти извѣстность въ южныхъ портахъ.

Перехожу теперь къ измѣненіямъ въ характерѣ скотоводства, сопровождающимъ осѣданіе кочевниковъ. Самаго существеннаго изъ нихъ, по его симптоматическому значенію, мнѣ отчасти уже приходилось касаться—именно измѣненій въ *составѣ* скота, смыслъ которыхъ можетъ быть выраженъ въ краткой формулѣ: замѣна *тебенюющаго* скота скотомъ *не тебенюющимъ*,—скота, проводящаго круглый годъ на пастбищѣ, скотомъ, зимою содержи-

---

[1]) Тамъ же, 80; см. также Усть-Каменогор., 65.

[2]) Въ Ташкентскомъ у., еще въ 1877 г. засѣяно было всего 97 милл. пуд.; въ 1902 г. одни только поливные посѣвы занимали 270000 дес.

[3]) *Кауфманъ*, Туркестанъ, 136—137. Послѣдняя цитата — изъ статьи И. В. Аничкова.

мымъ на сѣнѣ. Особенно характерныя измѣненія въ этомъ отношеніи наблюдаются у якутовъ. И у нихъ, какъ и у другихъ кочевниковъ, нѣкогда были овечьи стада, но съ переходомъ якутовъ на сѣверъ они цѣликомъ погибли; рогатаго скота еще немного десятилѣтій тому назадъ у нихъ было далеко меньше, чѣмъ лошадей, а въ 1891 г. на 132 т. лошадей приходилось уже 243 тысячи головъ рогатаго скота; „рогатый скотъ составляетъ главное богатство и основу жизни якутовъ; даже полевыя работы и перевозку тяжестей якуты предпочитаютъ теперь дѣлать на быкахъ. Конь становится мало-по-малу исключительно верховымъ животнымъ, а кумысъ и кобылье мясо—привилегіей богачей“ [1]).

Киргизамъ не приходилось претерпѣвать такихъ рѣзкихъ измѣненій въ ихъ географической и климатической обстановкѣ, овцеводство у нихъ поэтому не исчезло и не собирается, повидимому, исчезать, хотя значительно сократилось въ своихъ размѣрахъ. Но и у нихъ наблюдается перемѣщеніе центра тяжести скотоводческаго хозяйства къ разведенію рогатаго скота. Мы знаемъ, что чистые кочевники вовсе не держали и, поскольку они сохранились, не держатъ рогатаго скота. Даже еще въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, одномъ изъ тѣхъ, гдѣ *чисто*-кочевый бытъ уже совсѣмъ исчезъ, „лошади, несомнѣнно, составляютъ основу благосостоянія кочевника, и роль другихъ отраслей скотоводства въ этомъ отношеніи болѣе ограничена; по крайней мѣрѣ, разведеніе рогатаго скота направлено пока къ болѣе узкимъ хозяйственнымъ цѣлямъ“. [2]). Въ Актюбинскомъ уѣздѣ, какъ мы знаемъ, преобладаніе рогатаго скота выражается уже съ полною ясностью, — но и здѣсь это еще „по преимуществу продовольственный скотъ, по крайней мѣрѣ, въ лѣтнюю пору. Между тѣмъ какъ богачъ-киргизъ, располагающій еще традиціонными цѣнностями степи —табунными лошадьми, питается лѣтомъ кумысомъ, хозяинъ средняго достатка и тѣмъ болѣе бѣднякъ довольствуются коровьимъ молокомъ въ разныхъ его видахъ“ [3]).

Параллельно съ измѣненіемъ состава скота и въ тѣснѣйшей причинной связи съ нимъ идетъ переходъ къ сѣнокошенію и къ стойловому содержанію скота въ теченіе зимней половины года. „Сѣна конямъ не даютъ, — говоритъ Сѣрошевскій, — оно необходимо исключительно для рогатаго скота; и вотъ, съ увеличеніемъ количества послѣдняго, сѣнокошеніе пріобрѣтаетъ мало-по-малу первостепенное значеніе“ [4]); мало того,—самое размноженіе рогатаго скота имѣетъ необходимою предпосылкою образованіе соотвѣтственныхъ сѣнныхъ запасовъ.

---

[1]) Сѣрошевскій, 262, 265.
[2]) Кокчетавск., 105.
[3]) Актюбинск. у., 39.
[4]) Сѣрошевскій, 271.

Сѣнокошеніе вездѣ—явленіе болѣе или менѣе новое, хотя въ видѣ правила, какъ я упоминалъ, предшествующее земледѣлію. Такъ, еще Гмелинъ, бывшій въ Якутской области въ первой половинѣ XVIII вѣка, „совершенно не упоминаетъ о запасахъ травы, хотя въ Якутскъ онъ прибылъ по осени и, будь это теперь, стоги сѣна не могли бы ускользнуть отъ вниманія такого детальнаго и добросовѣстнаго наблюдателя“ [1]). Между тѣмъ въ настоящее время „населеніе отъ мала до велика работаетъ въ сѣнокосъ, не покладая рукъ, не досыпаетъ и не доѣдаетъ, лишь бы собрать и сберечь лишнюю горсть сѣна; запасъ сѣна, его доброкачественность и количество составляютъ гордость и мѣрило благосостоянія хозяевъ [2]). „Въ сѣнокосъ—уже сложилась якутская пословица — день годъ кормитъ“; сѣнокосъ — настоящая якутская страда, и недавніе лѣнивые кочевники въ этотъ періодъ становятся неузнаваемы“ [3]). Не меньше, конечно, значеніе сѣнокошенія у бурятъ или сѣверныхъ киргизъ. Въ среднемъ по всей Забайкальской области у инородцевъ на работника накашивается 780 пуд., въ Баргузинскомъ уѣздѣ—949, въ Верхнеудинскомъ даже 1284 пуда; въ среднемъ на кормовую единицу скота у инородцевъ приходится, въ поуѣздныхъ цифрахъ, 31, 43, 23 и 19 пудовъ, у крестьянъ въ томъ же порядкѣ уѣздовъ — 37, 24, 32 и 25 пудовъ, въ среднемъ по области у первыхъ—29, у вторыхъ—30 пудовъ [4]). Забайкальскіе кочевники, содержащіе скотъ значительную часть зимы, а частью даже круглый годъ, на подножномъ корму, тѣмъ не менѣе, даютъ ему, въ среднемъ, столько же сѣна, сколько крестьяне. А отсюда, между прочимъ, тотъ интересный выводъ, что зимняя пастьба у кочевниковъ на наблюдаемой въ Забайкальѣ ступени осѣданія возмѣщаетъ уже не недостатокъ сѣна, а отсутствіе или недостатокъ вспомогательныхъ, „гуменныхъ“ кормовъ [5]).

Повторяю, у забайкальскихъ, а можно думать, и у иркутскихъ бурятъ сѣнокошеніе сдѣлалось первенствующею отраслью хозяйства; это въ достаточной степени доказывается такимъ характернымъ фактомъ, какъ унаваживаніе такъ называемыхъ утужныхъ сѣнокосовъ, при повсемѣстномъ еще господствѣ самыхъ экстенсивныхъ формъ залежнаго земледѣлія [6]).

---

[1]) 272.
[2]) 282.
[3]) 283.
[4]) Забайкал., XIII, 101.
[5]) См. *Кауфманъ*, Забайкал., 49.
[6]) Объ утугахъ и относящемся къ нимъ обычномъ правѣ подробно говорится уже въ составленныхъ въ 1823 году сборникахъ обычнаго права бурятъ (*Самоквасовъ*, назв. соч., 79): „На сѣнокосныхъ мѣстахъ земли назмятся и называются утугомъ; также подводится на оныя посредствомъ канавъ, изъ рѣчекъ вода и отпущается по сѣнокосному мѣсту; симъ трудолюбіемъ хозяевами получаются знатныя въ сѣнокошеніи выгоды“. Характерно, что составитель обычаевъ, считающій нужнымъ по отношенію только еще зарождавшагося хлѣбо-

У киргизъ сѣнокошеніе достигаетъ той же степени развитія лишь въ немногихъ уѣздахъ, наиболѣе далеко ушедшихъ по пути эволюціи къ осѣдлому хозяйству,—именно въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ мною изъ офиціальныхъ источниковъ, въ среднемъ на кибитку въ 1895 году было накошено въ первомъ — 503, во второмъ — 490 пудовъ. Экспедиція Щербины даетъ для Актюбинскаго уѣзда гораздо болѣе высокую среднюю поуѣздную цифру — 920 пуд., съ колебаніями по волостямъ отъ 450 до 1150 пудовъ на хозяйство. Въ Акмолинской области сѣнокошеніе у киргизъ гораздо менѣе развито: высшую поуѣздную среднюю даетъ Кокчетавскій уѣздъ, съ 425 п. на хозяйство.

Техника сѣнокошенія у осѣдающихъ кочевниковъ, по крайней мѣрѣ, у киргизъ и якутовъ, стоитъ чрезвычайно низко: даже въ такомъ уѣздѣ, какъ Актюбинскій, „киргизы косятъ чрезвычайно поздно, большею частью въ іюлѣ или августѣ, когда трава успѣла уже въ значительной мѣрѣ посохнуть; скошенная трава весьма долго лежитъ въ рядахъ, при дождяхъ гніетъ и т. д., а потому сѣно получается большею частью либо черное и гнилое, либо сухое, похожее какъ по виду, такъ и по питательности, на солому“ [1]). Однако и здѣсь можно констатировать несомнѣнный прогрессъ. Еще недавно въ высшей степени неудовлетворительная, якутская уборка сѣна въ настоящее время, по свидѣтельству Сѣрошевскаго, „отличается отъ русской только въ подробностяхъ, главнымъ образомъ въ его сушкѣ и сортировкѣ. Въ болѣе культурныхъ, густо населенныхъ мѣстностяхъ отличія эти постепенно слабѣютъ, но они довольно ясно выступаютъ на окраинахъ, гдѣ сохранилась старая привычка къ подножному корму и естественное въ силу этого стремленіе къ возможно многочисленнымъ стадамъ“ [2]). Въ частности, кочевники частью уже окончательно перешли, частью переходятъ отъ такихъ первобытныхъ орудій какъ горбуша (якуты!) или серпъ (южные киргизы!), къ косѣлитовкѣ, при чемъ—замѣтимъ здѣсь же, забѣгая нѣсколько впередъ, — въ этомъ случаѣ, одномъ изъ немногихъ, приходится, несомнѣнно, констатировать извѣстное вліяніе примѣра русскаго населенія. Характерное и весьма важное явленіе въ эволюціи землевладѣнія и хозяйства собственно у сѣверныхъ киргизъ,—это распространеніе машиннаго сѣнокошенія. Первыя сѣнокосилки появились у киргизъ въ началѣ 90-хъ гг. XIX вѣка; въ немного лѣтъ онѣ пріобрѣли широкое распространеніе и значеніе, повліявъ, какъ мы увидимъ ниже, даже на порядки пользованія ковыльными степями: главное значеніе ихъ въ томъ, что онѣ

пашества отмѣтить фактъ распространенія его „въ нынѣшнее время въ хорошо преимущественномъ видѣ“, для утуговъ не дѣлаетъ такого рода указанія.

[1]) *Кауфманъ*, Тургайск., 105.

[2]) Сѣрошевскій, 275.

дают возможность косить сухой ковыль, не поддающійся ручной косѣ, а кошеніе ковыля позволяетъ значительно ослабить послѣдствія столь гибельныхъ, въ степяхъ, неурожаевъ травы на коренныхъ сѣнокосныхъ угодьяхъ.

Самое измѣненіе способовъ содержанія скота, въ частности переходъ отъ зимняго выпаса къ стойловому содержанію скота, какъ отчасти видно изъ приведенныхъ выше (стр. 32) данныхъ по Забайкальской области, происходитъ съ большою постепенностью, и зимній выпасъ еще долго комбинируется съ сѣнокошеніемъ и кормленіемъ сѣномъ. Въ такомъ уѣздѣ, какъ Кокчетавскій, сѣнокошеніе и стойловое содержаніе скота „служатъ пока лишь подспорьемъ собственно для пастбищнаго хозяйства. Лошади, за исключеніемъ небольшого количества рабочихъ и верховыхъ да отчасти ожеребившихся кобылицъ и больныхъ особей, пасутся круглый годъ на пастбищахъ, и громаднѣйшее большинство ихъ никогда не пробуетъ сѣна. Овцы въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ не болѣе мѣсяца не выгоняются въ разное время изъ закутъ на пастбища, да въ нѣкоторые мѣсяцы и вообще при суровой погодѣ подкармливаются вечеромъ двумятремя охапками сѣна на сотню головъ, и лишь имѣющія ягниться и объягнившіяся остаются нѣкоторое время на сѣнѣ“ [1]). Въ Актюбинскомъ уѣздѣ стойловое содержаніе скота сдѣлало гораздо большіе успѣхи, но тоже лишь по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ скота, главнымъ образомъ къ рабочимъ лошадямъ (для которыхъ, мы видѣли, здѣсь уже сѣютъ овесъ!) и къ дойному скоту. Нерабочія лошади и здѣсь содержатся еще по преимуществу на подножномъ корму и только подкармливаются сѣномъ; при плохомъ урожаѣ кормовъ онѣ собираются въ отгонные табуны-косы (см. ниже) и угоняются куда-нибудь на хорошія тебеневки; „сѣномъ ихъ кормятъ только тогда, когда никакъ нельзя добыть подножнаго корму, и только настолько, чтобы такъ или иначе поддержать ихъ существованіе до весны“ [2]).

Не менѣе рѣзкія различія въ способахъ содержанія скота наблюдаются и у сибирскаго полукочевого населенія. Вотъ данныя о средней продолжительности содержанія на подножномъ корму у забайкальскихъ инородцевъ, сравнительно съ такими же данными для крестьянъ: въ среднемъ по области, средняя продолжительность подножнаго корма для рабочихъ лошадей и у инородцевъ и у крестьянъ не превышаетъ 153 дней; для дойныхъ коровъ у первыхъ 199, у вторыхъ 180 дней; соотвѣтственныя цифры для овецъ 452 и 221, для недойнаго рогатаго скота 243 и 405, для гулевыхъ лошадей 282 и 224 [3]). Въ отношеніи содержанія рабочихъ лошадей забайкальскіе кочевники, такимъ

---

[1]) Кокчетавск. у., 79.
[2]) Актюбинск. у., отдѣлъ „Исчисленіе колич. сѣна“, 2—3.
[3]) Забайкал. XIII, 67—68.

образомъ, сравнялись съ крестьянами; очень невелика (всего $2^1/_2$ недѣли) разница для дойныхъ коровъ, — и здѣсь, значитъ, кочевой типъ содержанія скота почти отошелъ въ область прошлаго; но для гулевого рогатаго скота разница достигаетъ почти полуторыхъ, для гулевыхъ лошадей — почти двухъ мѣсяцевъ, въ поуѣздныхъ же цифрахъ средняя продолжительность подножнаго корма гулевого скота достигаетъ 318 (Селенгинскій у.) и даже 365 дней (Верхнеудинск. у.), — значитъ, данныя отрасли скотоводства всецѣло или почти всецѣло остались при кочевомъ типѣ содержанія скота.

Рядомъ съ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія и съ измѣненіемъ характера скотоводства, въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи со всѣми этими измѣненіями, идетъ сокращеніе кочевокъ. Въ то время, когда прежде откочевывали съ весны на цѣлое лѣто и возвращались къ зимовкамъ только позднею осенью, у имѣющихъ запашку періодъ лѣтованія распадается на нѣсколько частей; только сравнительно небольшую часть лѣта — отъ конца ярового посѣва до начала сѣнокоса — они могутъ кочевать свободно, сообразуясь съ мѣстоположеніемъ лучшихъ кормовъ; всю весну они проводятъ за пахотой и посѣвомъ, конецъ лѣта и раннюю осень — за сѣнокосомъ и уборкой хлѣба. Весной, на время полевыхъ работъ и посѣва, киргизы ставятъ свои кибитки около самыхъ зимовокъ и пасутъ скотъ на ближайшихъ къ послѣднимъ выгонахъ; по окончаніи посѣва, слѣдовательно уже въ маѣ, они откочевываютъ на лѣтовки, но уже со второй половины іюня возвращаются къ зимовкамъ, около которыхъ остаются со своимъ скотомъ на все время сѣнокоса и жатвы; если то и другое кончается рано, то послѣднюю часть осени они проводятъ опять на лѣтовкахъ, но чаще остаются на призимовочныхъ стойбищахъ до наступленія зимы [1]).

Эта картина измѣненія характера кочевокъ можетъ представлять множество варіантовъ, въ зависимости, съ одной стороны, отъ степени развитія, въ извѣстной мѣстности, земледѣлія и сѣнокошенія, а съ другой — отъ топографіи мѣстности и отъ обусловленнаго ею относительнаго расположенія зимовыхъ стойбищъ, пахотныхъ земель и сѣнокосовъ. Напримѣръ, атбасарскіе и т. п. киргизы, вышедшіе уже изъ чисто-кочевой стадіи, но еще сравнительно мало занимающіеся земледѣліемъ, при своихъ кочевкахъ считаются съ требованіями не столько земледѣлія, сколько сѣнокошенія: „Ко времени покоса, т.-е. къ концу іюля, они стараются подойти поближе къ своимъ покосамъ и уже не отходятъ далеко отъ своихъ призимовочныхъ пастбищъ. По уборкѣ покосовъ, примѣрно около половины августа, аулы приходятъ на свои обособленныя пастбища, и только табуны богачей ходятъ вдали отъ зимовокъ, на площадяхъ общаго пользованія.

[1]) *Кауфманъ*, Тургайск., 100—101.

Въ среднемъ прииишимскіе киргизы проводятъ 3—3$^1/_2$ мѣсяца внѣ своихъ зимовыхъ стойбищъ“ [1]).

На первомъ мѣстѣ, повторяю, сокращеніе кочевокъ обусловливается развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія. Но въ томъ же направленіи вліяетъ затѣмъ и самое измѣненіе домашней обстановки,—разъ начавшись, процессъ осѣданія самъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ дальнѣйшее осѣданіе; „современное киргизское хозяйство, обзаведшееся громоздкими предметами домашняго обихода, привязанное многими хозяйственными заботами къ кстау, слишкомъ громоздко, чтобы дѣлать кочевки по требованію лошадей, которыя однѣ, въ видѣ коса (см. ниже) продолжаютъ исконный обычай скотовода“ [2]).

Въ зависимости отъ степени развитія земледѣлія и сѣнокошенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости, между прочимъ, отъ той дифференціаціи по благосостоянію, о значеніи которой будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, современныя кочевки, въ предѣлахъ любого уѣзда, даже части уѣзда, представляютъ чрезвычайно пеструю картину; даже въ такой глухой мѣстности, какъ Каркаралинскій уѣздъ, встрѣчаются такія, болѣе или менѣе значительныя, группы, которыя, „на джайляу“ не кочуютъ, а все лѣто стоятъ“ тамъ, „гдѣ у нихъ расположены пашни“ [3]). Но само собою разумѣется, что сокращеніе кочевокъ съ особенною рѣзкостью должно проявляться въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Актюбинскій уѣздъ или сѣверъ Уральской области; киргизы здѣсь уже не признаютъ себя „кочевниками“ — слово „кочевникъ“ они употребляютъ для обозначенія тѣхъ киргизъ, которые на лѣто прикочевываютъ къ нимъ съ юга. „Отличительную особенность пастбищныхъ порядковъ“ въ Актюбинскомъ уѣздѣ „представляетъ крайняя сконцентрированность кочевокъ. Актюбинскія общинно-аульныя группы не только кочуютъ на близкихъ разстояніяхъ, но и не всюду пользуются возможностью кочевать на такія угодья, какъ джайляу, или находиться въ теченіе достаточно продолжительнаго періода времени на нихъ, несмотря на обиліе превосходныхъ кормовъ и благопріятныя условія для использованія“ [4]). Изъ 129 общинъ уѣзда только въ восьми скотъ проводитъ на призимовочныхъ угодьяхъ или въ стойлѣ менѣе 330 дней, въ 68-ми — отъ 300 до 330, въ 53-хъ общинахъ — болѣе 330 дней, 30 общинъ или 23,2% общаго числа круглый годъ проводятъ на призимовочныхъ угодьяхъ; такія общины, въ сущности, совсѣмъ перестали кочевать; „перекочевка“ у нихъ по существу мало чѣмъ отличается отъ отгона скота на дальнія пастбища, какъ онъ практикуется у сибирскихъ крестьянъ.

---

[1]) Атбасарскій у., XXIV.
[2]) Омскій у., 54.
[3]) Каркар. у., п., 25.
[4]) Актюбинск. у., 16—17.

Мнѣ пришлось выше упомянуть о „косахъ". Это—отгонные зимніе конскіе табуны, проводящіе большую или меньшую часть зимы на удаленныхъ отъ зимовыхъ стойбищъ тебеневкахъ. Какъ мѣтко указано въ цитированной выше выдержкѣ изъ Омскаго сборника, прежде *все* хозяйство кочевало вслѣдъ за лошадьми; когда начинается осѣданіе, скотоводческое хозяйство зимой раздваивается—лошади выдѣляются въ косы. Еще въ Кустанайскомъ уѣздѣ въ косахъ отгоняется до 85,6 %, по отдѣльнымъ волостямъ—до 94,6 % всѣхъ лошадей. Для крупныхъ хозяевъ-скотоводовъ, хотя бы и сдѣлавшихъ серьезные шаги въ направленіи къ осѣданію, отгонъ косовъ — экономическая необходимость: „табунъ въ 100 лошадей можетъ круглый годъ пасти одинъ человѣкъ, но для прокормленія такого количества животныхъ зимой сѣномъ потребовалось бы 15.000 пудовъ сѣна, для заготовки котораго" въ сѣнокосную страду „должны были бы косить 10—20 работниковъ" [1]).

Пастьба косами—крайне важный факторъ на первоначальныхъ ступеняхъ осѣданія. Но въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Актюбинскій уѣздъ, гдѣ осѣданіе сдѣлало большіе успѣхи, и косы—явленіе уже отмирающее: они „составляются лишь въ исключительные годы, при недородахъ травы и необходимости отгона лошадей на сторону"; составленіе косовъ „соединено уже съ затрудненіями, такъ какъ хозяевъ, имѣющихъ самостоятельные табуны, мало, а составлять „косы изъ отдѣльныхъ особей неудобно и убыточно" [2]).

Приведенная характеристика процесса сокращенія кочевокъ относится, главнымъ образомъ, къ киргизамъ, и притомъ къ киргизамъ сѣверной полосы. Но вполнѣ аналогичная эволюція совершается и среди киргизъ, имѣющихъ зимовыя стойбища въ южной полосѣ киргизскаго края; она даже ускоряется и обостряется здѣсь благодаря необходимости полива пашенъ: разъ въ промежутокъ между концомъ ярового посѣва и началомъ уборки травъ и хлѣба поля приходится два или три раза полить, то киргизъ и вовсе не можетъ отдалиться отъ нихъ больше чѣмъ на немного десятковъ верстъ, потому что иначе не будетъ имѣть возможности прикочевывать къ нимъ для поливки [3]). Аналогичныя явленія наблюдаются, конечно, и въ другихъ кочевыхъ районахъ. Такъ, „якуты съ переходомъ къ рогатому скоту стали болѣе осѣдлы,—въ началѣ этотъ переходъ былъ вызванъ, между прочимъ, недостаткомъ свободныхъ пастбищъ, но совершившись, онъ, въ свою очередь, закрѣпилъ населеніе" [4]). Правда, по свидѣтельству Сѣрошевскаго, якуты и до сихъ поръ отличаются большою подвижностью, по сравненію даже съ сосѣдями - бурятами: „даже рогатый скотъ въ неурожай сѣна они перегоняютъ

[1]) Кустанайск. у., 100.
[2]) Актюбинск. у., 32.
[3]) *Кауфманъ*, Тургайск., 112.
[4]) *Сѣрошевскій*, 268.

за сотни верстъ изъ нагорныхъ луговъ въ долины рѣкъ, гдѣ сѣно все-таки дешевле и обильнѣе. Табуны лошадей они безъ всякаго стѣсненія, по малѣйшему поводу, перегоняютъ изъ одной мѣстности въ другую, особенно тамъ, гдѣ не угрожаетъ имъ покража“ [1]),— но ясно, что здѣсь рѣчь идетъ уже не о правильномъ кочеваніи, а о сохранившихся слѣдахъ старыхъ кочевыхъ привычекъ. Быстрымъ темпомъ сокращеніе кочевокъ идетъ и у южно-сибирскихъ инородцевъ. Въ одномъ изъ вѣдомствъ енисейскихъ татаръ еще въ 40-хъ г.г. не кочевало только 20%, въ 80-хъ г.г.—уже 55% всѣхъ стойбищъ, и среднее разстояніе кочевки сократилось съ 2,4 до 0,98 верстъ: „прежде кочевали, пока домовъ не было, амбаровъ, пашни, если теперь кочевать, надо нанимать караулить заимки—всего не увезешь“ [2]). Едва ли не рѣзче всего, однако, процессъ сокращенія и прекращенія кочевокъ выразился у алтайскихъ инородцевъ. Здѣсь даже воспоминанія стариковъ, по свидѣтельству г. Швецова, не идутъ дальше времени (60—70 лѣтъ назадъ!), когда „ежегодныя перекочевки совершались на 10—15“, и только „болѣе богатыми на 50—100 и болѣе верстъ, при чемъ въ теченіе лѣта нѣсколько разъ перемѣнялось мѣсто стоянки, по мѣрѣ уменьшенія корма для скота. Въ настоящее время границы перекочевокъ не выходятъ за предѣлы двухъ-трехъ, рѣдко болѣе верстъ, но очень часто ограничиваются двумя-тремя сотнями саженъ; многіе же алтайцы, обѣднѣвъ и уменьшивъ количество содержимаго скота, вовсе перестали перекочевывать, оставаясь и лѣто и зиму на одномъ и томъ же мѣстѣ. И это встрѣчается и тамъ, гдѣ земледѣліе почти неизвѣстно. „Въ этомъ случаѣ цѣль кочевника — это „оградить свой сѣнокосъ отъ потравъ своимъ же скотомъ. Вотъ почему нерѣдко можно встрѣтить случаи, когда лѣтовка (по-алтайски—„яйло“) переносится только за поскотину, огораживающую сѣнокосъ, а зимовка (по-алтайски—„кышту“) находится внутри поскотины, вблизи заготовленнаго сѣна“ [3]).

Мнѣ отчасти приходилось уже касаться, въ предыдущемъ изложеніи [4]), тѣхъ измѣненій въ характерѣ потребленія, которыя, конечно, сопровождаютъ переходъ кочевника отъ типично-кочевого, чисто скотоводческаго, къ осѣдлому или полуосѣдлому, скотоводческо-земледѣльческому или земледѣльческо-скотоводческому хозяйству. Я приводилъ, въ частности, установленныя киргизскою экспедиціей продовольственныя нормы омскихъ и актюбинскихъ киргизъ. „Въ обоихъ случаяхъ,— читаемъ мы по этому поводу въ Актюбинскомъ сборникѣ,—въ продовольственную норму входитъ масса животныхъ продуктовъ, но у актюбинскаго

---

[1]) То же, 269—270.
[2]) *Кулаковъ*, 101, 103.
[3]) Горн. Алтай, 144—146.
[4]) Стр. 18.

киргиза эта норма приближается къ обычной для культурнаго человѣка смѣшанной пищѣ, съ достаточнымъ количествомъ хлѣба, тогда какъ у омскаго скотовода пища оказывается исключительно животною, какою питаются обыкновенно малокультурныя народности, на примитивныхъ стадіяхъ развитія скотоводческаго быта“ [1]).

Тотъ же процессъ—замѣна сначала продуктовъ, коневодства продуктами рогатаго скота, затѣмъ переходъ къ смѣшанной, растительно-животной пищѣ, наблюдается вездѣ: и у южныхъ киргизъ [2]), и у забайкальскихъ бурятъ [3]), и у якутовъ. Я не имѣю надобности приводить здѣсь относящихся къ этому предмету данныхъ и показаній источниковъ, ибо самый предметъ имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ темѣ настоящей работы; но не могу обойти молчаніемъ любопытнѣйшихъ наблюденій г. Сѣрошевскаго, показывающихъ, какъ переходъ отъ кочевого къ осѣдлому быту сопровождается измѣненіемъ не только бытовыхъ, но до нѣкоторой степени и физіологическихъ привычекъ. Еще не такъ давно якуты совсѣмъ не могли ѣсть хлѣба,—у нихъ, по ихъ же выраженію, отъ него „горѣло сердце“; а теперь уже не обходятся безъ хлѣба. Этотъ быстрый переворотъ въ области питанія „былъ бы для якутскихъ желудковъ, несомнѣнно, черезчуръ крутымъ, не будь они къ нему подготовлены прежнимъ потребленіемъ мучныхъ суррогатовъ и сосновой заболони“. А въ результатѣ этого переворота „тупоумные, вѣчно голодные дендрофаги исчезаютъ, превращаясь, гдѣ только доступно земледѣліе, въ немного тяжеловатыхъ, но воздержныхъ и предпріимчивыхъ производителей и потребителей хлѣба“ [4])...

Мы разсмотрѣли на предыдущихъ страницахъ главнѣйшіе симптомы, въ которыхъ проявляется эволюція отъ кочевого къ осѣдлому быту и хозяйству. Теперь необходимо, хотя бы вкратцѣ, остановиться на тѣхъ моментахъ, которыми обусловливается эта эволюція. Начну съ тѣхъ изъ нихъ, которые играютъ, на мой взглядъ, второстепенную или третьестепенную роль. Это, прежде всего, административное давленіе или воздѣйствіе. Сколько-нибудь существенную роль оно могло играть только на Кавказѣ, гдѣ русское правительство, изъ чисто-полицейскихъ соображеній (вопросъ о разбояхъ!), постоянно стремилось „прекратить“ кочевки и „обратить“ кочевниковъ къ осѣдлому быту. Однако и здѣсь, повидимому, только два кочевья были „водворены осѣдло насильственно, по распоряженію мѣстной администраціи“, — это „исторія, едва ли не единственная въ своемъ родѣ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ „кочевники водворялись осѣдло безъ понужденія, совершенно добровольно, при чемъ главною къ тому

---

[1]) Актюбинскій у., 34.
[2]) *Кауфманъ*, Туркест., 137—138.
[3]) Забайкал., XIV, 241 и слѣд.
[4]) *Сѣрошевскій*, 327.

побудительною причиною служили чисто экономическія соображенія“ [1]). Еще меньше можетъ быть рѣчь объ активномъ воздѣйствіи правительственной власти на осѣданіе бурятъ или киргизъ. Правда, законы, регулирующіе, или, лучше сказать, стремящіеся регулировать, между прочимъ, земельныя отношенія киргизъ, содержатъ рядъ постановленій, ограждающихъ права осѣдающихъ киргизъ на ихъ усадьбы и культурныя угодья; правда, администрація при разборѣ споровъ и столкновеній, возникающихъ на почвѣ борьбы между кочевымъ и осѣдлымъ бытомъ, неизмѣнно становилась и становится на сторону послѣдняго. Но законъ, поскольку онъ задавался цѣлью урегулировать земельныя отношенія киргизъ, до сихъ поръ являлся немногимъ болѣе, нежели мертвою буквой; а главное—и законъ и администрація не играли здѣсь активно-творческой роли, они только шли навстрѣчу явленіямъ, совершавшимся, и тенденціямъ, проявлявшимся среди самихъ кочевниковъ,—явленіямъ и тенденціямъ, обусловленнымъ глубокими внутренними причинами [2]).

Не такъ легко разрѣшается вопросъ о воздѣйствіи примѣра русскихъ земледѣльцевъ—крестьянъ, казаковъ и т. п., селившихся по окраинамъ кочевыхъ районовъ (сибирская или оренбургская казачьи линіи!) или внѣдрявшихся среди степей, на самовольно-занятыхъ или отведенныхъ правительствомъ земляхъ. Руководитель киргизской экспедиціи Ф. А. Щербина придаетъ именно этому фактору преобладающее значеніе. „Причину различной распространенности земледѣльческихъ занятій,—говоритъ онъ въ сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду,—въ средѣ кочевого населенія въ разныхъ частяхъ уѣзда надо искать исключительно въ сосѣдствѣ русскихъ поселеній, казачьихъ и крестьянскихъ“; „земледѣліе наиболѣе распространено въ тѣхъ волостяхъ, въ предѣлахъ которыхъ и пограничо размѣщено наибольшее число русскихъ по-

---

[1]) Закавказ., III, 120.

[2]) Г. Кулаковъ въ своихъ работахъ, посвященныхъ енисейскимъ инородцамъ и ольхонскимъ бурятамъ (*Кулаковъ*, 71—79, *Ольхонъ*, 82, 83, 87), съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ „насажденію“ земледѣлія и осѣдлости. „Едва ли,—справедливо замѣчаетъ онъ послѣ обзора мѣръ, принимавшихся по отношенію къ енисейскимъ инородцамъ,—мѣропріятія, подобныя перечисленнымъ, могли оказать какое-нибудь значительное вліяніе на развитіе земледѣлія. Мѣропріятія большею частью начинались и кончались перепиской и строгими предписаніями. Никакихъ жизненныхъ мѣръ, для того, чтобы пріохотить населеніе къ занятію земледѣліемъ, научить земледѣльческой техникѣ и вообще облегчить переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, администрація не предпринимала“ (Кулаковъ, 78). У ольхонскихъ бурятъ можно усмотрѣть извѣстную хронологическую связь между „воздѣйствіями“ и распространеніемъ земледѣлія. Но эта связь не причинная: „очевидно, не одно только усердіе администраціи заставляло населеніе дѣлать затраты труда и средствъ на развитіе земледѣлія: ольхонскіе буряты и безъ предписаній начальства отлично уже понимаютъ пользу земледѣльческаго хозяйства тамъ, гдѣ возможна его постановка на болѣе или менѣе правильную и прочную ногу“ (Ольхонъ, 87).

селеній", при чемъ „обыкновенно дѣло начиналось съ того, что „русскій" или самъ производилъ для киргиза извѣстныя земледѣльческія работы или училъ его, какъ надо это дѣлать" [1]).

Отрицать извѣстное значеніе русскаго примѣра, вообще соприкосновенія съ русскими земледѣльцами, несомнѣнно не приходится. Очень многіе киргизы сѣверной полосы учились пахать и сѣять хлѣбъ у своихъ арендаторовъ, въ особенности испольщиковъ — крестьянъ, съ которыми они работали совмѣстно; существенную роль въ дѣлѣ распространенія земледѣлія у киргизъ сыграла распашка русскими цѣлинъ, подъемъ которыхъ былъ не подъ силу умѣнью и инвентарю киргизъ; иногда киргизы выучивались земледѣльческимъ работамъ, служа батраками у крестьянъ; въ сѣверныхъ степяхъ они заимствовали у русскихъ поселенцевъ ихъ землеобработочныя орудія и вездѣ — „россійскую" соху-литовку. И, несмотря на это, вліянія русскаго элемента отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать. Даже въ сборникахъ той же киргизской экспедиціи можно найти указанія, опровергающія или, во всякомъ случаѣ, не подтверждающія категорическое мнѣніе ея руководителя. Изъ сборника по Павлодарскому уѣзду мы узнаемъ, напримѣръ, что „близость русскихъ поселеній отражается не столько на внутреннемъ строѣ хозяйственной жизни киргизъ, сколько на чисто внѣшнихъ ея сторонахъ, и, во всякомъ случаѣ, является гораздо слабѣйшимъ факторомъ, чѣмъ естественныя условія той или иной мѣстности. *Такъ, большой* $^0/_0$ *земледѣльческихъ хозяйствъ на правой сторонѣ Иртыша нужно объяснить не столько вліяніемъ русской жизни, сколько пригодностью, удобствомъ самой почвы*" [2]). Подчеркнутыя здѣсь слова имѣютъ весьма серьезное общее значеніе для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ: основной аргументъ, выставленный Ф. А. Щербиной въ подтвержденіе его взгляда,—это наблюдаемый на картѣ параллелизмъ между размѣщеніемъ русскихъ поселеній и развитіемъ земледѣлія у киргизъ. Параллелизмъ этотъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ несомнѣнно наблюдается. Но доказываетъ ли онъ наличность *причинной связи* между двумя указанными явленіями? *Потому ли* киргизы въ извѣстныхъ мѣстностяхъ уѣзда въ бо́льшихъ размѣрахъ занимаются земледѣліемъ, что здѣсь поселились русскіе, а не потому, что этому способствовала „пригодность, удобство самой почвы"? Мало того: не этою ли именно „пригодностью" обусловливалось самое размѣщеніе русскихъ, казачьихъ и крестьянскихъ поселеній? Самаго бѣглаго знакомства съ ходомъ русской колонизаціи достаточно, чтобы безъ колебанія дать утвердительный отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ: конечно, казачьи и крестьянскія селенія размѣщались *именно въ наилучшихъ*,

---

[1]) Кокчет. у., 133, 141; см. также Актюбинск. у., 10; Вопр. колонизаціи, 81.

[2]) Павлодар. у., 3—4.

наиболѣе удобныхъ для земледѣлія частяхъ степи. А разъ это такъ, то фактъ географическаго совпаденія русской колонизаціи и киргизскаго земледѣлія ничего не доказываетъ: *русскія поселенія возникали, просто, тамъ же*, гдѣ — въ виду благопріятныхъ почвенныхъ условій—сосредоточивалось киргизское земледѣліе.

Далѣе, отмѣченное географическое совпаденіе дѣйствительно наблюдается *для нѣкоторыхъ уѣздовъ*; но оно совершенно исчезаетъ, если разсматривать не отдѣльные уѣзды, а весь необъятный киргизскій край, или хотя бы даже только одну его сѣверную полосу, непосредственно примыкающую къ русскимъ губерніямъ и до сихъ поръ служившую главнымъ пріемникомъ новой русской колонизаціи. Достаточно указать на Омскій и Петропавловскій уѣзды, непосредственно прилегающіе къ сплошной территоріи сибирскаго казачьяго войска и только узкою полосою этой территоріи отдѣленные отъ земледѣльческаго юга Тобольской губерніи; эти уѣзды въ смыслѣ развитія земледѣлія стоятъ ближе къ послѣднимъ, нежели въ первымъ мѣстамъ. Нечего уже говорить о средней или южной полосѣ: въ первую русская колонизація до сихъ поръ совсѣмъ не проникала, а между тѣмъ здѣсь имѣются такіе крупные издавна земледѣльческіе районы, какъ побережье Чу, не говоря о сотняхъ и, можетъ-быть, тысячахъ мелкихъ пятенъ чигирнаго орошенія. Въ южной (если оставить въ сторонѣ Семирѣчье) первая сѣть русскихъ земледѣльческихъ поселеній возникла въ 1891 — 1892 гг.,— между тѣмъ киргизы уже въ 60-хъ гг. засѣвали десятки тысячъ десятинъ; русскіе поселенцы водворялись именно тамъ, гдѣ процвѣтало киргизское земледѣліе; мало того, необходимыя для ихъ надѣленія, орошаемыя пашни, на тѣхъ или другихъ формальныхъ основаніяхъ, переходили къ нимъ отъ тѣхъ же киргизъ. Въ Тургайской области первыя русскія поселенія возникли въ срединѣ 80-хъ гг., а между тѣмъ площадь киргизскихъ запашекъ за время съ 1875 по 1882 г. возросла съ 17 т. до 44 т. десятинъ.

Если, при всемъ томъ, внѣдреніе въ степь русскихъ поселеній и вообще соприкосновеніе съ русскими нерѣдко являлось толчкомъ къ увеличенію, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ—и къ возникновенію киргизскихъ запашекъ, — то вліяніе соприкосновенія съ русскими далеко не можетъ быть сведено къ такой простой формулѣ. Прежде всего: внѣдреніе русскихъ, способствуя, конечно, развитію *земледѣлія* въ краѣ, далеко не всегда способствовало росту киргизскихъ запашекъ и развитію трудовыхъ навыковъ у киргизъ. Мѣстами наблюдалось даже обратное, психологически легко объяснимое вліяніе: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, киргизу пахать пашню, когда онъ можетъ получить готовую пашню отъ своего арендатора-испольщика?.. И вотъ въ такой мѣстности, какъ Аракарагайская волость, Кустанайскаго уѣзда, въ 80-хъ и 90-хъ гг. являвшаяся главнымъ центромъ крестьянскихъ арендъ и крестьянской колонизаціи Тургайской области, лишь немногіе

киргизы имѣли *собственную* запашку; и если средній на кибитку размѣръ посѣвной площади въ 1896 г. все-таки достигалъ, въ этой волости, 2,1 дес., то это были, въ громадномъ большинствѣ, посѣвы на обработанной крестьянами-испольщиками землѣ. Еще болѣе рѣзкіе факты мнѣ пришлось наблюдать въ Туркестанѣ, въ бассейнѣ р. Таласа: многіе киргизы, раньше пахавшіе землю, бросили запашку — они нашли для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ получать готовый хлѣбъ отъ своихъ испольщиковъ [1]). Съ другой стороны, далеко не просто разрѣшается вопросъ о *качественномъ* вліяніи русскаго примѣра на киргизское земледѣліе. На первый взглядъ крестьянскій сабанъ и крестьянская вспашка подъ пшеницу—большой прогрессъ по сравненію съ киргизскимъ „тисомъ“ и киргизскими посѣвами проса; но почти хроническіе неурожаи и голодовки у крестьянъ, тѣ пустыри и сыпучіе пески, которые оставляетъ за собою крестьянское земледѣліе, не позволяютъ съ особою увѣренностью говорить о высокомъ достоинствѣ крестьянскихъ земледѣльческихъ пріемовъ. Есть и *несомнѣнные* факты отрицательнаго вліянія русскихъ на киргизское земледѣліе. Изъ сборника по Атбасарскому уѣзду мы узнаемъ, напримѣръ, что богарныя (неорошаемыя) пашни въ южной части уѣзда „стали замѣнять собою арычныя полтора-два десятка лѣтъ назадъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ русскихъ переселенцевъ, у которыхъ киргизы заимствовали плугъ, давшій возможность распахивать цѣлину, не поддававшуюся ихъ слабому первобытному „чаинтыз'у“ (буквально чугунный зубъ), которымъ они взрыхляли свои поливныя пашни“; тождественныя указанія мы находимъ въ сборникахъ по Усть-Каменогорскому и Каркаралинскому уѣздамъ [2]). Этимъ путемъ, конечно, достигался быстрый количественный ростъ киргизскаго земледѣлія, но въ качественномъ отношеніи замѣну поливного земледѣлія такою азартною игрою, какою въ условіяхъ киргизскаго края является земледѣліе подъ дождь, едва ли можно назвать иначе, какъ регрессомъ.

Впрочемъ, если и можетъ быть вопросъ о роли русскаго элемента въ дѣлѣ распространенія земледѣлія у *сѣверныхъ* киргизъ, то уже для *средней* полосы, къ которой принадлежатъ только что названные уѣзды, объ этомъ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи. „Земледѣліе,—читаемъ мы, напримѣръ, въ Атбасарскомъ сборникѣ [3]),—существуетъ уже довольно давно и, повидимому, было занесено сюда изъ средней Азіи; на это указываетъ существованіе арычныхъ пашенъ въ настоящее время и остатки грандіозныхъ по размѣрамъ арычныхъ сооруженій въ такихъ мѣстахъ уѣзда, гдѣ теперь орошеніе оставлено и имѣются обыкновенныя неорошаемыя пашни“. И издавнее существованіе земледѣлія у

---

[1]) *Кауфманъ*, Тургайск., 96; Туркест., 136.
[2]) Атбасар. у., XII, Усть-Камен. у., 27, Каркар. у., 81.
[3]) Стр. XII.

киргизъ этой полосы не гипотеза: „въ аульныхъ таблицахъ нерѣдки указанія, что запашка существуетъ 100 лѣтъ и болѣе“ [1]). Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ быть рѣчи о творческой роли русскаго элемента въ южной, туркестанской полосѣ киргизскаго края. Здѣсь киргизское земледѣліе стоитъ въ тѣснѣйшей генетической связи съ земледѣліемъ сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ, и русскіе поселенцы не только не могутъ выступать въ роли учителей земледѣлія, но, напротивъ, сами должны учиться и, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, дѣйствительно учатся у сартовъ и у болѣе осѣдлыхъ киргизъ [2]).

Аналогичныя указанія относительно роли русскаго элемента имѣются и изъ другихъ районовъ, гдѣ совершается эволюція отъ кочевого къ осѣдло-земледѣльческому быту. Такъ, г. Сѣрошевскій разрушаетъ извѣстную легенду о скопцахъ, какъ насадителяхъ земледѣлія въ Якутской области. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—ни одного употребляемаго скопцами земледѣльческаго пріема, ни одного земледѣльческаго орудія, описаніе котораго, какъ извѣстнаго въ Якутской области, не нашлось бы у Палласа, Гмелина, Миддендорфа, Маака и другихъ путешественниковъ, посѣтившихъ этотъ край задолго до водворенія скопцовъ. У скопцовъ нѣтъ „никакихъ земледѣльческихъ традицій, и никакихъ культурныхъ началъ въ якутское земледѣліе они не внесли. Вся ихъ сила въ деньгахъ и въ торговыхъ способностяхъ, такъ какъ въ сущности они больше предприниматели и торговцы хлѣбомъ, чѣмъ хлѣбопашцы“ [3]).

Сходныя данныя имѣются и относительно развитія земледѣлія у забайкальскихъ и иркутскихъ бурятъ, у енисейскихъ и алтайскихъ инородцевъ. Доказательствомъ издавняго и, во всякомъ случаѣ, независимаго отъ русскаго вліянія существованія земледѣлія и для всѣхъ этихъ племенъ являются уже сохранившіяся вездѣ „чудскія канавы“, о которыхъ упоминалось выше. Не лишены значенія и валовыя цифры, характеризующія степень развитія земледѣлія у различныхъ группъ населенія: въ двухъ уѣздахъ Забайкальской области, Селенгинскомъ и Баргузинскомъ, инородцы, числящіеся въ разрядѣ осѣдлыхъ, запахиваютъ не только не меньше, а даже нѣсколько больше, чѣмъ русскіе крестьяне: средній размѣръ запашки у первыхъ 7,3 и 4,6 дес., у вторыхъ 6,2 и 4,1 дес. на домохозяйство. Почти не уступаютъ буряты крестьянамъ и въ Иркутской губерніи: здѣсь буряты запахиваютъ, въ среднемъ по тремъ уѣздамъ, по 10,5 дес., крестьяне-старожилы—по 13,5 дес. на домохозяйство [4]). Въ области техники земледѣлія буряты, несомнѣнно, заимствовали у крестьянъ ихъ сабаны и колесухи, но крестьяне далеко отстали отъ инородцевъ.

[1]) Усть-Каменогорск., 59.
[2]) *Кауфманъ*, Туркест., 34—45.
[3]) *Сѣрошевскій*, 287.
[4]) Изъ итоговыхъ таблицъ.

въ дѣлѣ искусственнаго орошенія полей, а тѣмъ болѣе въ отношеніи ухода за лугами; унавоживаемые и орошаемые покосы-утуги какъ были, такъ и до сихъ поръ остались почти исключительною принадлежностью бурятскаго хозяйства [1]).

Въ виду всей совокупности приведенныхъ данныхъ, я считаю рѣшительно невозможнымъ признать за культурнымъ вліяніемъ русскихъ хлѣбопашцевъ значеніе causae efficientis, основной причины развитія земледѣлія у кочевниковъ, вообще осѣданія послѣднихъ. Это лишь *одинъ изъ очень многихъ* факторовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовавшій въ данномъ направленіи. И *дѣйствовалъ* онъ только тамъ, гдѣ зерно падало на готовую почву уже назрѣвшей внутренней необходимости. „Увеличеніе киргизскаго населенія,—справедливо замѣчаетъ г. Щербина,—и сокращеніе амплитуды кочеваній, жуты (см. ниже), сильно опустошавшіе киргизскія стада, и обѣдненіе какъ результатъ этого, измѣненіе въ пищевой нормѣ и т. п.,—все это прямо или косвенно толкало киргиза на тотъ путь, который показывалъ ему крестьянинъ-переселенецъ, и по которому онъ повелъ его“ [2]). И тамъ, гдѣ оказывалась на лицо соотвѣтственная совокупность условій, переходъ къ земледѣлію совершался и независимо отъ русскаго воздѣйствія.

Уловить количественнымъ способомъ вліяніе тѣхъ разнообразныхъ факторовъ, которыми обусловливалась внутренняя необходимость перехода къ осѣдлости и къ земледѣлію, чрезвычайно трудно, если не вовсе невозможно. Дѣло въ томъ, что просторъ или „утѣсненіе“, возможность продолжать вести чисто кочевое хозяйство или необходимость переходить къ новымъ формамъ, допускающимъ болѣе интенсивное использованіе земли, обусловливается не только и даже не столько *количествомъ*, сколько *качествомъ* угодій; въ частности —производительностью и удобствами использованія пастбищъ, обиліемъ и устойчивостью покосовъ, расположеніемъ водопоевъ и т. п.,—все это признаки, которые не поддаются количественному измѣренію ни каждый въ отдѣльности ни, тѣмъ болѣе, въ ихъ совокупномъ вліяніи на хозяйственную ёмкость тер-

---

[1]) Много говоритъ о непосредственномъ вліяніи примѣра русскихъ крестьянъ изслѣдователь енисейскихъ инородцевъ, г. Кулаковъ. У него есть прямыя указанія на успѣхи земледѣлія, „особенно значительные тамъ, гдѣ этому способствовало сосѣдство русскихъ“ (Кулаковъ, 478); на русское вліяніе вообще и въ частности—вліяніе „высшаго земледѣльческаго хозяйства на низшее скотоводческое“ (тоже, 30), и болѣе опредѣленно, на „примѣръ сосѣдей, русскихъ крестьянъ“ (70). Но мнѣ кажется, что г. Кулаковъ подводитъ подъ понятіе „примѣра“ такія вещи, которыя едва ли могутъ быть подводимы подъ это понятіе: „этотъ примѣръ, говоритъ онъ, дѣйствовалъ вдвойнѣ: съ одной стороны, у инородцевъ подъ вліяніемъ русскихъ расширялись потребности, при чемъ прежде всего инородцы заимствовали хлѣбъ, какъ основной элементъ питанія; съ другой стороны, для того, чтобы не нарушить въ своемъ бюджетѣ равновѣсія, инородцы сами должны были заняться хлѣбопашествомъ“ (тамъ же).

[2]) Кокчетав. у., 135.

риторіи [1]). Вліяніе ихъ настолько осложняетъ дѣло, что кажущійся необъятный просторъ, выраженный въ десятинахъ общей площади, сплошь и рядомъ совмѣщается съ фактически значительною степенью утѣсненія. И этому не приходится удивляться: вѣдь размѣщеніе всякаго населенія по извѣстной территоріи опредѣляется, прежде всего, именно степенью удобства разныхъ частей ея для хозяйственной эксплоатаціи. Если въ одной части, напримѣръ, Кокчетавскаго уѣзда кочевники осѣли впятеро гуще, чѣмъ въ другой, и на кибитку въ первой приходится 150, во второй—750 дес., то это прошло именно оттого, что первая привлекала кочевниковъ тучными пастбищами и обширными лугами, и 750 дес. тощей каменистой степи будутъ, можетъ-быть, гораздо большимъ „утѣсненіемъ", чѣмъ впятеро меньшее количество черноземныхъ степей и луговъ. Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, гдѣ можно съ необыкновенной ясностью, на цифрахъ, прослѣдить зависимость хода осѣданія—правда, не въ первыхъ его стадіяхъ (появленіе постоянныхъ жилищъ и сѣнокошенія), а въ позднѣйшей стадіи, появленія и роста земледѣлія,—отъ сокращенія земельнаго простора. Это—данныя о распространеніи земледѣлія у инородческаго населенія Забайкальской области, параллельно съ распространенностью разныхъ формъ пользованія сѣнокосными угодьями. Въ подстрочномъ примѣчаніи приведена in extenso подсчитанная мною, по даннымъ Забайкальской экспедиціи, табличка, въ которую вошли, кромѣ только что названныхъ, еще нѣкоторые другіе признаки, и которую мнѣ придется еще использовать въ дальнѣйшемъ изложеніи [2]). Въ данную минуту для насъ важно

[1]) Съ этимъ вопросомъ намъ еще придется встрѣтиться ниже, во гл. II части настоящей работы.

[2]) **Разряды населенія, районы и формы пользованія сѣнокосными угодьями.**	Накошено пудовъ сѣна въ среднемъ.		Въ среднемъ на дворъ.	
	На дворъ.	На голову скота.	Скота въ переводѣ на крупн.	Десятинъ мягкой пашни.
I. Некрещеные инородцы:				
а) Восточное Забайкалье.				
Чистый захватъ	745	12	63	0,0
Захватъ и отводъ	661	10	59	0,1
Захватъ и уравнительное пользованіе . . .	1031	21	50	0,1
Чисто уравнительное пользованіе.	497	34	15	3,2
б) Западное Забайкалье.				
Чистый захватъ	911	21	44	
Захватъ и отводъ	1536	43	36	1,5
Захватъ и уравнительное пользованіе. . . .	1064	34	31	2,3
Чисто уравнительное пользованіе	641	24	27	3,3

отмѣтить только одно: строжайшую зависимость между размѣрами *запашекъ*, съ одной стороны, и формами пользованія *покосами*—съ другой. У инородцевъ во всѣхъ группахъ наблюдается еще и другая зависимость: размѣры запашекъ растутъ по мѣрѣ убыли количества скота,—откуда естественно было бы заключить, что ростъ земледѣлія обусловливается необходимостью сокращенія скотоводства. Для меня лично этотъ выводъ и не подлежитъ сомнѣнію. Возможно, однако, и горячими сторонниками кочевого быта дѣйствительно дѣлается и другое заключеніе: что убыль количества скота есть *слѣдствіе* развитія земледѣлія. Но изъ параллелизма развитія земледѣлія и эволюціи формъ пользованія покосами выводъ можетъ быть только одинъ. Размѣры запашки правильно растутъ съ распространеніемъ уравнительныхъ способовъ пользованія покосами; распространеніе этихъ способовъ—я нѣсколько предвосхищаю здѣсь дальнѣйшее изложеніе—*безспорный* признакъ наростающаго недостатка въ покосахъ; сѣнокошеніе у бурятъ необходимый элементъ скотоводческаго хозяйства. *Значитъ, ростъ запашекъ является спутникомъ*

Разряды населенія, районы и формы пользованія сѣнокосными угодьями.	Накошено пудовъ сѣна въ среднемъ.		Въ среднемъ на дворъ.	
	На дворъ.	На голову скота.	Скота въ переводѣ на крупн.	Десятинъ мягкой пашни.
II. Крещеные инородцы:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	959	35	27	3,8
Чисто уравнительныя формы	782	30	26	4,1
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительное пользованіе . . .	1223	52	23	4,0
Чисто уравнительное пользованіе.	582	40	14	6,9
III. Казаки-инородцы (Зап. Забайкалья):				
Захватъ и уравнительныя формы	398	19	20,5	3,3
Чисто уравнительныя формы	467	23	20	4,0
IV. Казаки русскіе:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы.	578	23	25	6,7
Чисто уравнительныя формы	760	32	24	6,8
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	207	21	10	4,6
Чисто уравнительныя формы	306	23	13	6,8
V. Крестьяне:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	299	20	15	4,7
Чисто уравнительныя формы	313	16	18	6,5
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	237	22	11	7,0
Чисто уравнительныя формы	211	18	12	9,4

и, можно утверждать [1]), *слѣдствіемъ сокращенія возможности вести скотоводческое хозяйство.*

Такъ или иначе, сокращеніе земельнаго простора, — несомнѣнно, основной мотивъ, коренная причина, опредѣляющая эволюцію кочевого быта и хозяйства. А на фонѣ, создаваемомъ этимъ основнымъ мотивомъ, конечный поводъ, толчокъ для осѣданія и перехода къ земледѣлію даетъ, нерѣдко, обстоятельство, которое я до сихъ поръ обходилъ въ своемъ изложеніи,—періодическія безкомицы, у киргизъ извѣстныя подъ названіемъ „жута“ или „куянъ-жила“.

Дѣло въ томъ, что при типичномъ кочевомъ бытѣ судьба кочевника и его скотоводческаго хозяйства находится въ безусловной зависимости отъ состоянія травъ на пастбищахъ и отъ состоянія погоды. „Малѣйшая случайность,— говоритъ Ф. А. Щербина въ сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду,—и хозяйство скотовода сразу быстро падаетъ и подрывается въ конецъ. Особенно губительны для скотоводческаго хозяйства неблагопріятныя зимы: „жуты“,—зимніе повальные падежи скота отъ недостатка корма, гололедки, стужи, бурановъ и пр.,—явленіе до извѣстной степени постоянное, періодически повторяющееся [2]). Особенно плохо приходится скоту, когда за лѣтнею засухой наступаетъ зима съ оттепелями и гололедицей, а это, по наблюденіямъ киргизъ, случается въ „годъ зайца“, куянъ-жилъ, одинъ изъ годовъ киргизскаго 12-лѣтняго цикла. Такіе куянъ-жилы прошли по всей киргизской степи въ 1879 — 80 и 1901 — 92 гг.; въ Тургайской области въ результатѣ перваго пало, по офиціальнымъ даннымъ, до 42%, второго—35% всего киргизскаго скота. Нѣсколько менѣе сильный жутъ былъ въ 1896—1898 гг.,— въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, по подсчету киргизской экспедиціи пало 66 т. лошадей, $22^1/_2$ т. рогатыхъ, 4 т. верблюдовъ и 262 т. овецъ, — всего, по самой скромной оцѣнкѣ, на 1.835.000 рублей [3]). До извѣстной степени, правда, послѣдствія „жутовъ“ ослабляются перегономъ скота изъ менѣе благополучныхъ въ болѣе благополучныя мѣстности; съ другой стороны, послѣдствія эти, благодаря быстрому естественному приросту скота, въ значительной мѣрѣ сглаживаются чрезъ немного лѣтъ. Но все же, если вѣрить, по крайней мѣрѣ, сведеннымъ мною за длинный рядъ лѣтъ офиціальнымъ даннымъ по Тургайской области, количество *тебенюющаго* скота послѣ каждаго куянъ-жила уже не возвращается къ уровню, существовавшему до куянъ-жила [4]).

---

[1]) При существующемъ у забайкальскихъ бурятъ запрещеніи распахивать покосы, ростъ запашекъ не могъ быть *причиною* сокращенія сѣнокосной площади.

[2]) Кокчетав. у., III, 112.

[3]) Усть-Каменогор. у., 45; цифры эти относятся къ 12 изъ 14 волостей уѣзда.

[4]) *Кауфманъ*, Тургайск., 90—103.

Главное же — послѣ каждаго жута извѣстная часть среднесостоятельныхъ и даже богатыхъ скотоводовъ остается съ немногими, головами, а то и совершенно безъ всякаго скота. И вотъ каждый куянъ-жилъ, съ одной стороны, все нагляднѣе убѣждаетъ кочевниковъ въ крайней шаткости благосостоянія, основаннаго на одномъ только пастбищномъ скотоводствѣ, а съ другой—хозяйства, потерявшія скотъ, лишаются физической возможности совершать перекочевки; имъ приходится выбирать между обращеніемъ къ хлѣбопашеству или поступленіемъ въ разрядъ бѣдняковъ—байгушей или джатаковъ: съ двумя-тремя лошадьми или быками уже нельзя существовать на доходъ отъ своего скота; но съ тѣми же двумя-тремя головами рабочаго скота можно заготовить землю подъ посѣвъ и обезпечить себя хлѣбомъ на цѣлый годъ; а разъ заведя запашку, киргизъ не прекращаетъ ея и тогда, когда его скотоводство, послѣ нѣсколькихъ благополучныхъ годовъ, возвращается къ прежнему, болѣе высокому размѣру.

Въ концѣ-концовъ сильнѣйшее вліяніе куянъ-жиловъ на осѣданіе кочевниковъ—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; многочисленныя показанія киргизъ, подтверждающія этотъ фактъ, были собраны мною въ 1896 году въ Тургайской области,—вліяніе, въ частности, куянъ-жила 1879—1880 гг. неоднократно удостовѣрялось и киргизскими властями, при доставленіи свѣдѣній для „обзоровъ“ области [1]). Это вліяніе можетъ считаться установленнымъ и для южной полосы киргизскаго края: и здѣсь, по свидѣтельству Н. И. Гродекова, „кочевники, со времени голода въ годъ зайца, сознавъ непрочность скотоводства на принятыхъ началахъ, обратились къ устройству запасовъ травы на зиму и къ земледѣлію“ [2]).

Мы видѣли, такимъ образомъ, что ростъ земледѣлія у кочевниковъ стоитъ въ извѣстной связи съ условіями, вызывающими, съ одной стороны, общій упадокъ, а съ другой—измѣненіе характера скотоводства. Естественно возникаетъ вопросъ: не является ли земледѣліе новымъ факторомъ, въ свою очередь стѣсняющимъ просторъ для скотоводства, и, слѣдовательно, новою причиною его сокращенія? А затѣмъ, какъ отражается вообще совершающаяся эволюція на благосостояніи осѣдающихъ кочевниковъ?

На первый изъ поставленныхъ только что вопросовъ нѣкоторые изъ сторонниковъ кочевого скотоводства, мы видѣли [3]), даютъ утвердительный отвѣтъ. И дѣйствительно, такая рѣзкая полярность между скотоводствомъ и земледѣліемъ у забайкальскихъ бурятъ, какую обнаруживаютъ цифры, приведенныя въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 46—47, невольно порождаетъ мысль, что развитіе

---

[1]) Тоже, 97.
[2]) *Гродековъ*, 102—103.
[3]) Стр. 11.

земледѣлія гибельно для кочевого скотоводства. Но даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какое изъ двухъ сопутствующихъ другъ другу явленій—ростъ земледѣлія или упадокъ скотоводства—должно быть признано *причиною* другого,—во всякомъ случаѣ, для того, чтобы мысль эта могла считаться сколько-нибудь обоснованной, требовалось бы, прежде всего, чтобы такая полярность была болѣе или менѣе общимъ явленіемъ. Этого въ дѣйствительности нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, среднія на хозяйство поуѣздныя цифры земледѣлія и скотоводства по Уральской области: въ Уральскомъ уѣздѣ 3,9 дес., въ Лбищенскомъ—1,2, Темирскомъ—1,8, Гурьевскомъ — 0,6 дес. Скота, въ томъ же порядкѣ уѣздовъ: лошадей 4,6,3,7,3,6,2,6; рогатаго 9,9,7,2,5,1,2,7; овецъ 19, 20, 31, 23. Нѣкоторое сокращеніе размѣровъ овцеводства на земледѣльческомъ сѣверѣ болѣе нежели возмѣщается громаднымъ увеличеніемъ количества рогатаго скота, а отчасти даже и лошадей,—и въ конечномъ итогѣ развитіе земледѣлія въ Уральской области сопровождается скорѣе ростомъ, чѣмъ упадкомъ скотоводства, при коренномъ измѣненіи его состава [1]). Или вотъ рядъ цифръ, полученныхъ г. Шкапскимъ въ нѣсколькихъ изслѣдованныхъ имъ киргизскихъ волостяхъ Семирѣченской области: средній размѣръ запашекъ — 2,9,1,9,1,2,0,7,0,7,0,7; дес.; среднее число головъ скота въ переводѣ на крупный, въ томъ же порядкѣ волостей — 12,5,8,7,19,8,15,2,10,2,8,7. Соотвѣтственныя цифры по ауламъ одной наиболѣе подробно изслѣдованной имъ волости: запашекъ 7,1, 5,5, 3,7, 3,5 дес.; скота, въ томъ же порядкѣ ауловъ, 15,3, 38,9, 7,6, 13,9 головъ. Никакого роста земледѣлія *за счетъ* скотоводства нѣтъ—„размѣры земледѣлія и скотоводства прямо, а не обратно пропорціональны“ [2]). Не подтверждаетъ „полярности“ земледѣлія и скотоводства и сопоставленіе разновременныхъ данныхъ по Тургайской области. Въ одной изъ моихъ спеціальныхъ работъ приведены главнѣйшія поуѣздныя цифры, характеризующія движеніе скотоводства за время по 1895 годъ включительно [3]). Эти цифры обнаруживаютъ безусловный упадокъ скотоводства по двумъ южнымъ уѣздамъ—Иргизскому и Тургайскому, — какъ разъ по тѣмъ уѣздамъ, гдѣ запашки еще слишкомъ малы, чтобы могла быть рѣчь о стѣсненіи ими скотоводства. Изъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ въ одномъ, Актюбинскомъ, скотоводство сократилось болѣе чѣмъ втрое за время съ 1870 по 1881 г., т.-е. за время, *предшествующее* періоду быстраго роста земледѣлія; наблюдаемое одновременно съ послѣднимъ, за послѣдующее пятнадцатилѣтіе, дальнѣйшее сокращеніе коневодства болѣе чѣмъ возмѣщается умноженіемъ рогатаго скота и даже овецъ. Въ Кустанайскомъ уѣздѣ размѣры коневодства и овцевод-

---

[1]) *Кауфманъ*, Уральская, 20—21.
[2]) Вопросы колонизаціи, 33, 37.
[3]) *Кауфманъ*, Тургайская, 92—93.

ства за все тридцатилѣтіе имѣютъ колебательное движеніе, а количество рогатаго скота за послѣднее пятнадцатилѣтіе значительно выше цифръ начала 70-хъ годовъ. Очень любопытны данныя повторнаго изслѣдованія, произведеннаго въ 1905 году, правда, въ одной только волости Кустанайскаго уѣзда, но такой, которая является однимъ изъ центровъ русской колонизаціи края, а въ послѣднее время—и развитія киргизскаго земледѣлія. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ относящимися къ 1898 году цифрами экспедиціи Ф. А. Щербины показываетъ возрастаніе процента сѣющихъ домохозяйствъ съ 72 до 94 %, средняго размѣра запашекъ съ 3,3 до 8,5 (??) десятинъ: среднее же число головъ скота, въ переводѣ на крупный, составляло въ 1898 г. 22,1, въ 1905—21,9 головъ. Объ общей убыли скотоводства, такимъ образомъ, и здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—произошло только перераспредѣленіе все въ томъ же направленіи, соотвѣтствующемъ условіямъ хозяйства осѣдающихъ кочевниковъ: среднее число лошадей и овецъ сократилось съ 12,5 и 3,2 до 11,2 и 2,1, зато количество рогатаго скота возросло съ 6,4 до 8,3 головъ [1]).

Всѣ эти данныя позволяютъ утверждать, что переходъ кочевниковъ къ осѣдлости и земледѣлію отнюдь не имѣетъ своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ сокращенія размѣровъ скотоводства. Но если между земледѣліемъ и скотоводствомъ въ *этомъ* смыслѣ нѣтъ антагонизма, то существуетъ *антагонизмъ понятій, привычекъ и интересовъ* тѣхъ изъ кочевниковъ, которые уже въ большей или меньшей мѣрѣ совершили переходъ къ осѣдлости и земледѣлію, и тѣхъ, которые пока еще остаются при кочевомъ бытѣ и хозяйствѣ; и отсюда — тяжелая, иногда принимающая весьма острыя формы борьба между отживающимъ и нарождающимся типомъ хозяйства.

Дѣло въ томъ, что переходъ извѣстной части кочевниковъ къ осѣдлости и земледѣлію имѣетъ своимъ необходимымъ спутникомъ перераспредѣленіе угодій, въ связи съ этимъ обособленіе землепользованій и превращеніе ихъ въ землевладѣнія, и въ конечномъ результатѣ— сокращеніе пастбищной площади и простора для кочеванія. Возникаютъ все новыя и новыя зимовки съ заберегаемыми при нихъ зимними пастбищами для мелкаго скота; появляются все новые и новые покосы, распахиваются все новыя и новыя пашни. „Разселеніе киргизъ по территоріи уѣзда,—читаемъ мы въ Павлодарскомъ сборникѣ,—продолжается до самого послѣдняго времени. Чуть ли не ежегодно нѣкоторая часть хозяйствъ вынуждена искать себѣ мѣсто для кстау и основываетъ таковые на площадяхъ общаго пользованія—на обширныхъ

[1]) Вопросы колон., 84—85; средняя цифра посѣвной площади (8,05 дес.) не можетъ не внушать, по своей огромности, по сравненію съ цифрой 1898 года, серьезныхъ сомнѣній; вѣроятно, въ эту цифру замѣшались, подъ прикрытіемъ испольщины, арендные посѣвы русскихъ поселенцевъ.

лѣтовочныхъ пространствахъ; иногда устраивающимся на лѣтовкѣ земли отводятся киргизскимъ обществомъ, въ другихъ случаяхъ образованіе кстау среди лѣтовокъ происходитъ самовольно, безъ санкціи общества. Въ первомъ случаѣ аулы, въ большинствѣ, не имѣютъ въ своемъ обособленномъ пользованіи извѣстной территоріи", тогда какъ „поселившіеся съ разрѣшенія общества получаютъ въ свое пользованіе извѣстную площадь, съ болѣе или менѣе опредѣленными границами" [1]). Аналогичный процессъ совершается по всему необъятному пространству киргизскаго края и, конечно, другихъ областей, гдѣ происходитъ осѣданіе кочевниковъ,—совершается тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ интенсивнѣе идетъ самое осѣданіе. Кустанайскіе и актюбинскіе киргизы, напримѣръ, нуждаясь въ земляхъ для распашки и сѣнокошенія, уже давно не довольствуются урочищами, издавна значащимися въ числѣ зимовочныхъ; они то обращаются съ ходатайствами о мѣстахъ „для хлѣбопашества и сѣнокошенія" къ собирающимся время отъ времени особымъ съѣздамъ выборныхъ, которые почти всегда удовлетворяютъ такія ходатайства за счетъ лѣтовочныхъ пространствъ; то, гораздо чаще, просто захватываютъ лѣтовочныя земли подъ покосъ и пашню, и уже post factum, съѣздамъ приходится санкціонировать совершившееся перераспредѣленіе угодій и такъ или иначе удовлетворять пострадавшихъ; случаевъ возстановленія statu quo, повидимому, не бываетъ, ибо съѣзды сознательно избѣгаютъ смѣщенія сколько-нибудь прочно устроившихся зимовокъ и уничтоженія зародившагося земледѣлія и сѣнокошенія [2]).

О размѣрахъ, въ какихъ происходитъ этотъ процессъ, точныхъ данныхъ, конечно, не имѣется. Но можно отмѣтить хотя бы такой фактъ, что при производившихся въ 1904 — 1905 гг. съемкахъ въ Уральскомъ уѣздѣ „лѣтовочныя площади вовсе не могли быть выдѣлены,—настолько онѣ испещрены пашнями, покосами, хуторами и новыми зимовками" [3]). На сѣверѣ Кустанайскаго уѣзда уже къ 1896 году было захвачено подъ зимовки свыше сорока лѣтовочныхъ озеръ [4]). Именно этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается особенная стѣснительность захватовъ для кочевого хозяйства: подъ зимовки и покосы захватываются по преимуществу окраины озеръ, побережья рѣкъ и рѣчекъ, болотца и т. п., и такимъ образомъ прилегающія къ нимъ пастбища становятся непригодными для использованія. Процессъ сокращенія простора для кочевокъ ускоряется и осложняется еще благодаря другому обстоятель-

---

[1]) Павлодарск. у., 12—13.
[2]) *Кауфманъ*, Тургайск. 144.
Вопр. колонизац. 72.
[3]) *Кауфманъ*, l. c.

ству: каждый кочевникъ, заведшійся земледѣльческимъ хозяйствомъ, стремится проводить лѣто возможно ближе къ своимъ зимовочнымъ угодьямъ; онъ стремится поэтому присвоить ближайшія къ своимъ зимовочнымъ угодьямъ пастбищныя урочища въ свое исключительное пользованіе; для этого онъ старается выкочевывать на излюбленныя мѣста ранѣе прибытія постороннихъ кочевниковъ, а послѣдніе, видя мѣста уже занятыми, должны искать себѣ другихъ, еще свободныхъ мѣстъ.

Всѣми очерченными путями площадь пастбищъ, доступныхъ для свободнаго кочеванія, быстро сокращается; еще быстрѣе уменьшается число доступныхъ для лѣтующихъ водопоевъ; самое лѣтованіе, особенно для типичныхъ кочевниковъ, скотъ которыхъ не привыкъ къ пастьбѣ на тѣсныхъ пространствахъ, затрудняется разбросанными среди лѣтовокъ пашнями и покосами; потравы создаютъ для осѣдлыхъ и осѣдающихъ массу поводовъ дѣлать кочующимъ разнообразныя прижимки и стѣсненія, и результатомъ всѣхъ такихъ обстоятельствъ неминуемо должно явиться опять-таки сокращеніе кочевокъ.

Сравнительно легко и просто разрѣшаются проистекающія отсюда столкновенія интересовъ между болѣе или менѣе близкими сосѣдями или земляками: между кочевниками, имѣющими зимовыя стойбища въ какомъ-нибудь одномъ районѣ, тѣмъ болѣе—между членами одной общины или селидебной единицы: живя въ приблизительно однородныхъ условіяхъ, всѣ они если не непосредственно уже ощущаютъ, то сознаютъ потребность въ коренномъ измѣненіи бытовыхъ и хозяйственныхъ порядковъ, и постоянное непосредственное соприкосновеніе облегчаетъ имъ изысканіе способовъ для согласованія требованій того и другого типа хозяйства. Наши источники даютъ намъ фактическія указанія относительно того, какъ достигается такое согласованіе. Мы узнаемъ изъ нихъ о случаяхъ, когда вмѣстѣ съ малоскотными перестаютъ кочевать и ихъ многоскотные сородичи, потому что „стараются поддерживать бѣдняковъ“ [1]); о другихъ, когда нѣсколько ауловъ нанимаютъ общихъ караульщиковъ, чтобы оберегать поля и луга отъ потравъ, или когда, во избѣжаніе необходимости нанимать такихъ караульщиковъ, всѣ вмѣстѣ, въ одно время, откочевываютъ на лѣтовки и возвращаются съ нихъ обратно [2]). Съ другой стороны, полуземледѣльческія общины наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы распашки располагались въ мѣстахъ, наименѣе неудобныхъ съ точки зрѣнія выпаса скота, въ Актюбинскомъ же уѣздѣ многія киргизскія общины заводятъ нѣчто въ родѣ правильнаго пахатно-пастбищнаго оборота—дѣлятъ свои земли на смѣны и чрезъ соотвѣтственные промежутки времени переносятъ пашни на пастбищную цѣлину, а выпасъ—на выпа-

[1]) Актюбинскій, *п.* 33.
[2]) То же, 35—37.

ханныя поля [1]). Въ видѣ исключенія у киргизъ [2]), въ видѣ правила—у алтайскихъ инородцевъ и бурятъ, практикуется и огораживаніе либо присельныхъ выгоновъ, либо культурныхъ угодій,—въ послѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какую важную роль такъ называемыя „поскотины“ играютъ въ эволюціи землевладѣнія у бурятъ.

Гораздо острѣе и труднѣе разрѣшимы тѣ столкновенія, которыя возникаютъ между осѣдающимъ или (въ Закавказьѣ!) вполнѣ осѣвшимъ населеніемъ, съ одной стороны, и типичными кочевниками, не связанными съ данною мѣстностью ничѣмъ, кромѣ временнаго кочеванія или прогона стадъ. Нѣкогда вся Киргизская степь, отъ Хивы и Китайскаго Туркестана до границъ западной Сибири и Оренбургскаго казачьяго войска, была свободна и открыта для кочевокъ; всѣ киргизы составляли одну недифференцированную массу, къ лѣту переливавшую на сѣверъ, къ зимѣ — обратно на югъ. Съ тѣхъ поръ произошла, какъ мы видѣли, рѣзкая дифференціація, при чемъ особенно замѣтные успѣхи осѣданіе сдѣлало въ сѣверной полосѣ киргизскаго края. На югѣ значительная часть населенія осталась еще при болѣе или менѣе типичныхъ формахъ кочевого быта; эти „кочевники“, „кушпели“ или „кушпелинцы“ продолжаютъ на лѣто перекочевывать въ сѣверныя, ковыльныя и травяныя степи; *для нихъ* это попрежнему лѣтовки, на которыя они имѣютъ исконное и, по ихъ убѣжденію, нерушимое право. Но кочевки ихъ крайне неудобны для ихъ сѣверныхъ, полуосѣвшихъ сородичей, ибо связаны съ потравами и хлѣбовъ, и покосовъ, и призимовочныхъ пастбищъ, тщательно заберегаемыхъ на зиму для мелкаго скота. И вотъ, вмѣсто прежней безграничной свободы кочевать какъ угодно и куда угодно, для приходящихъ съ юга „кушпелей“ отводятъ опредѣленныя лѣтовки, опредѣленные водопои, опредѣленные пути для прохода къ лѣтовкамъ,—все это съ такимъ расчетомъ, чтобы возможно меньше стѣснять зарождающуюся осѣдлость. Но, съ одной стороны, осѣдающіе, какъ мы видѣли, не слишкомъ стѣсняются границами отведенныхъ по постановленіямъ съѣздовъ лѣтовокъ и кочевыхъ путей. Съ другой—и сами „кочевники“, и ихъ скотъ остаются при старыхъ кочевыхъ привычкахъ и не соблюдаютъ ни формальныхъ, ни хозяйственныхъ границъ. Отсюда, конечно, безконечныя столкновенія, разрѣшаемыя отчасти болѣе или менѣе явнымъ насиліемъ, чаще — вмѣшательствомъ правительственной власти; старые кочевые обычаи, вырабатывавшіеся при совершенно иныхъ условіяхъ, въ данномъ случаѣ безсильны, но-

[1]) Тамъ же; см. Вопросы колон., 71—72.

[2]) Усть-Каменогор., *п.* 48; судя по моимъ личнымъ наблюденіямъ, впрочемъ, въ свое время надлежащимъ образомъ не фиксированнымъ, я думаю, что огораживаніе (или, что по существу то же, окапываніе) угодій практикуется и въ Актюбинскомъ уѣздѣ.

выхъ же, соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ, нѣтъ. „При неопредѣленности землепользованія,—справедливо писалъ одинъ изъ тургайскихъ губернаторовъ въ приказѣ по области, — и отсутствіи правилъ объ отводѣ участковъ земли подъ хлѣбопашество, сталкивающійся здѣсь земледѣльческій и скотоводческій промыселъ неблагопріятно вліяетъ другъ на друга въ томъ отношеніи, что земледѣліе стѣсняетъ скотоводство распашкою лѣтовочныхъ мѣстъ, а лѣтованіе тормозитъ развитіе хлѣбопашества частыми и иногда неизбѣжными потравами хлѣбовъ во время перекочевокъ“ [1]).

Эти потравы, сплошь и рядомъ, принимаютъ характеръ совершенно разорительный для осѣдающихъ киргизъ и гибельный для ихъ зарождающагося земледѣлія. У одной общины „кстау находится на большомъ кочевомъ пути южныхъ киргизъ; границы, хотя и существуютъ, но не соблюдаются баганалинцами, и призимовочныя пастбища ежегодно ими вытравляются“; у другой „вся земля подвергается неограниченной потравѣ“ скотомъ киргизъ, „приходящихъ ежегодно на лѣтовку“, при чемъ „покосы вытравляются какъ и пастбища“, и даже „мѣры къ охранѣ зимнихъ пастбищъ принимаются только по уходѣ лѣтующихъ ауловъ“; у третьей прокочевывающіе киргизы, „идя на лѣтовку и возвращаясь съ нея, дважды въ годъ основательно вытравляютъ все, не исключая усадебныхъ покосовъ“ [2]). Есть указанія на случаи, когда постоянныя и, весьма вѣроятно, въ значительной степени намѣренныя потравы ведутъ и къ совершенному прекращенію зарождавшагося хлѣбопашества, когда киргизы „раньше занимались хлѣбопашествомъ“, но „бросили, такъ какъ пашня изъ года въ годъ вытравлялась чужимъ скотомъ“ [3]). Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, кочевники, не останавливающіеся, очевидно, предъ захваченными пастбищами и даже покосами, не рѣшаются, однако, травить посѣвовъ,—и на этомъ, очевидно, вновь зарождающемся обычно-правовомъ началѣ основывается своеобразный способъ защиты отъ потравъ—распашка земли по окраинамъ заберегаемой осѣдающими площади. Пашутъ, при этомъ, именно „только для вида, чтобы поддержать свои права на землю“, сѣютъ именно только „для охраны своихъ покосовъ отъ потравы“, и посѣяннаго хлѣба иногда даже не убираютъ [4]). Въ другихъ случаяхъ стараются предупредить потравы просто, такъ сказать, своимъ присутствіемъ, опираясь, очевидно, на основное начало стараго кочевого обычая, ограждающее права того, кто раньше сталъ на извѣстное пастбищное урочище: „охраняя отъ приходящихъ на лѣтовку киргизъ зимнее овечье пастбище, кочуютъ

---

[1]) *Кауфманъ*, Тургайск., 114.
[2]) Атбасарск., *п.* 39; Каркарал *п.* 19, 69, 87, 96 и др.
[3]) Павлодарск., *п.* 12.
[4]) Каркар. у., *п.* 68, Усть-Камен., *п.* 36.

лѣтомъ по внѣшнимъ границамъ своей земли“ [1]); нарочно выселяются на границы своихъ угодій, гдѣ „рѣшаютъ оставаться лѣтомъ для охраны построекъ и пастбищъ [2]), и такимъ образомъ необходимость огражденія занятыхъ осѣдающими угодій отъ „кочевниковъ“ является какъ бы новымъ, самостоятельнымъ мотивомъ, побуждающимъ къ дальнѣйшему сокращенію и даже прекращенію кочеванія, способствующимъ прикрѣпленію осѣдающихъ къ мѣсту новой осѣдлости.

Само собою разумѣется, и выше отчасти уже было отмѣчено, что борьба между осѣдающими и „кочевниками“ ведется далеко не одними только мирными способами. Первые загоняютъ скотъ вторыхъ и стараются донять ихъ взысканіями за потравы, морятъ загнанный скотъ голодомъ и т. п., „кочевники“ мстятъ имъ за это, и вообще за нарушеніе ихъ исконныхъ кочевыхъ правъ, преимущественно „барантою“, угономъ скота, который разсматривается у кочевниковъ не какъ позорящее преступленіе, а какъ законный способъ отстаивать свои права и мстить за обиды [3]). И при загонѣ скота, и при угонѣ, конечно, не обходится безъ дракъ, нерѣдко переходящихъ въ настоящія побоища, при которыхъ подвижные, всегда болѣе или менѣе вооруженные „кочевники“ обыкновенно имѣютъ преимущество передъ своими осѣдлыми врагами.

И какъ само собою разумѣется, этотъ насильственный характеръ борьбы между представителями осѣдлой и кочевой культуры особенно обостряется въ Закавказьѣ. Въ противоположность мирному, въ общемъ, характеру киргизъ или бурятъ, въ Закавказьѣ господствуютъ воинственные нравы; населеніе поголовно вооружено, оно издавна привыкло оружіемъ отстаивать свои права и оружіемъ мстить за обиды; притомъ кочевники, съ одной стороны, и осѣдлое населеніе съ другой, принадлежатъ къ различнымъ расамъ и религіямъ—одни курды и татары, другіе армяне, грузины, и культурно-экономическій антагонизмъ осложняется расовымъ и религіознымъ. Самое противорѣчіе между кочевою и осѣдлою культурой здѣсь, пожалуй, рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было: въ распоряженіи кочевниковъ—лѣтники въ высокогорной полосѣ и зимники на жаркой низменности; посрединѣ—широкая полоса, густо-заселенная издавна-осѣдлымъ населеніемъ. Чрезъ эту полосу кочевники должны проходить по точно опредѣленнымъ, неширокимъ кочевымъ путямъ или прогонамъ, не имѣя права на продолжительныя остановки. Но кочевники не могутъ удовольствоваться быстрымъ проходомъ, — имъ надо по дорогѣ

---

[1]) Каркар. у., *п.* 58, Усть-Камен., *п.* 12.

[2]) Каркар. у., *п.* 96.

[3]) Киргизы „ѣздятъ на воровство и возвращаются съ награбленною корыстью передъ глазами всего народа; и сіе злодѣяніе не только не дѣлаетъ между ними порока, но еще почитается за знаки совершенной храбрости и проворства (Рычковъ, цитирую по *Якушкину*, „Обычн. право“, 114); сходныя указанія у *Леонтовича*, „Калм. право“, 290.

кормить скотъ. И вотъ, они „двигаются медленно, съ большими остановками, съ соблюденіемъ всевозможныхъ условій для должной выкормки и сбереженія скота. Ради этого послѣдняго, въ дорогѣ кочевники не жалѣютъ ничего — ни своего собственнаго труда, ни чужихъ полей". Съ ранней весны и до поздней осени, „день и ночь снуютъ по всѣмъ направленіямъ, по армянскимъ надѣламъ, татары низменности и безпощадно травятъ хлѣба и сѣнокосы. Никакіе полевые сторожа не въ состояніи помѣшать ихъ произволу, а еще менѣе — преслѣдовать виновника. Убійства, пораненія и вообще кровавыя схватки въ сезонъ передвиженія кочевыхъ ордъ, ежегодно обогащаютъ хронику криминальныхъ событій въ краѣ, и всѣ напряженія силъ полиціи рѣдко устраняютъ подобныя столкновенія". Дѣло при этомъ не ограничивается потравами: на почвѣ издавней вражды постоянно практикуются со стороны кочевниковъ угонъ скота, увозъ скошеннаго хлѣба и даже домашнихъ вещей; мѣстами „селяне, живущіе вблизи ихъ пастбищъ, не косятъ хлѣбовъ до ухода кочевниковъ, иначе имъ пришлось бы свозить съ поля хлѣбъ въ самый день покоса, такъ какъ чобанкяръ, пожалуй, не оставитъ ни одного снопа; посѣвы зачастую пропадаютъ отъ непогоды, или необмолоченные остаются въ скирдахъ подъ снѣгомъ, до весны слѣдующаго года" [1] [2]).

---

[1]) Закавказск., III, 98—100.

[2]) Небезынтересное освѣщеніе вопроса о столкновеніи кочевой и осѣдлой культуръ можно найти въ ст. *Г. Ф. Чиркина* „Землеустройство киргизъ въ связи съ колонизаціей степи, напечатанной въ II выпускѣ сборника „Вопросы колонизаціи". Я не могъ использовать этой статьи, ибо появился сборникъ въ свѣтъ, когда моя книга была въ наборѣ.

ГЛАВА II.

Кочевое землепользованіе и родовой строй.

Въ предыдущей главѣ мы дали общую характеристику хозяйственнаго быта кочевниковъ и той эволюціи, которая постепенно приводитъ ихъ къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства. Теперь мы должны перейти къ нашей непосредственной задачѣ и прежде всего охарактеризовать тѣ формы землепользованія, какія свойственны *чисто* кочевому быту. Характернымъ для этого послѣдняго является совершенно свободное, *вольное пользованіе*, при полномъ, въ сущности, отсутствіи *землевладѣнія* и нѣкоторомъ лишь, чисто *фактическомъ* обособленіи стоянокъ и кочевыхъ путей; и все это, какъ мы увидимъ ниже, въ тѣснѣйшей связи съ родовыми группировками кочевниковъ и съ формами родового быта. *Чисто* кочевой бытъ, мы видѣли, явленіе уже отмирающее, и изучать его приходится, въ значительной мѣрѣ, по воспоминаніямъ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, теперь уже мало гдѣ возможно наблюдать въ ихъ чистомъ видѣ и сопровождающія чисто кочевой бытъ формы пользованія землей, — для характеристики ихъ также приходится обращаться, въ значительной мѣрѣ, къ свѣжимъ воспоминаніямъ.

Итакъ, первоначальныя формы отношеній человѣка къ землѣ, свойственныя чисто кочевому быту, — это *полная свобода и общность пользованія землей*. „Всѣмъ кочевымъ народамъ,—говоритъ проф. Леонтовичъ,—присуще воззрѣніе на мѣста ихъ кочевокъ, какъ на общеплеменное поприще ихъ хищнической культуры; старый кочевникъ не зналъ лично и не признавалъ за другими индивидуальнаго права собственности на землю“ [1]). Такъ, у забайкальскихъ инородцевъ, „по установившемуся издревле обычаю, пастбища составляютъ угодье, которымъ могутъ пользоваться всѣ безъ стѣсненія, не только члены одного вѣдомства, но и члены сосѣднихъ вѣдомствъ и группъ населенія, даже не инородческихъ,—такое воззрѣніе создалось, конечно, при условіяхъ почти безграничнаго земельнаго простора и при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи“; тѣмъ болѣе нѣтъ никакихъ ограни-

[1]) *Леонтовичъ*, Калмыц. право, 251.

ченій въ землепользованіи внутри отдѣльныхъ вѣдомствъ,—они „еще теперь разсматриваются членами ихъ, какъ огромныя выгонныя общины, на которыхъ каждый членъ можетъ кочевать въ какомъ угодно направленіи, и съ какимъ угодно количествомъ скота. Правда, не вездѣ члены вѣдомства фактически пользуются своимъ правомъ, но тамъ, гдѣ кочевки на десятки и сотни верстъ сохранились до сихъ поръ, значитъ, именно при чисто кочевомъ бытѣ, всякій инородецъ осуществляетъ свое право въ полной мѣрѣ“ [1]). Приблизительно тоже, впрочемъ, уже больше по воспоминаніямъ, наблюдается у якутовъ,—„до пришествія русскихъ понятія о территоріи были у нихъ крайне смутны, а понятіе о границахъ и поземельной собственности и совершенно отсутствовало; тамъ, гдѣ много еще земельнаго простора, гдѣ нѣтъ земледѣлія или оно незначительно, поземельная собственность внѣ того участка, который находится въ непосредственномъ пользованіи владѣльца, непонятна...“ ...„Границы спрашиваешь?— говорили г. Сѣрошевскому якуты, — а кто ихъ знаетъ! А мы думаемъ такъ: наши земли тамъ, гдѣ живутъ наши люди“ [2]). То же самое и у киргизъ, поскольку у нихъ сохранился чисто кочевой бытъ: „обыкновенно каждая группа ходитъ изъ года въ годъ на одни и тѣ же урочища, хотя лѣтовочныя пастбища считаются совершенно свободными, и до сихъ поръ еще никто не протестуетъ, если на какое-нибудь урочище явится аулъ, ранѣе сюда не приходившій“[3]). У кызыльскихъ и минусинскихъ татаръ „каждый родовичъ или цѣлый улусъ имѣетъ право занимать мѣсто для кочевья, зимовья, пастбищъ и пашни вездѣ, гдѣ только пожелаетъ, лишь бы только другой не занялъ этого мѣста прежде“ [4]). Калмыки „первоначально свободно кочевали по всей степи, занятой при первой перекочевкѣ ихъ въ русскіе предѣлы, безъ точнаго опредѣленія границъ земель, предоставленныхъ имъ для общаго кочевья“ [5]).

Такая неопредѣленность землевладѣнія и свобода землепользованія необходимо связана съ существомъ кочеванія и кочевого хозяйства: „какъ остановки на тѣхъ или другихъ урочищахъ, такъ и время пребыванія на нихъ постоянно изъ года

---

[1]) *Кроль*, 64—66.

[2]) *Сѣрошевскій*, 480—481. „Понятіе территоріи,—говоритъ г. Сѣрошевскій въ другомъ мѣстѣ,—какъ чего-то одного, опредѣленнаго, отсутствовало; если пастбище было достаточно обширно, чтобы прокормить стада нѣсколькихъ родовъ, то хотя бы эти роды принадлежали къ нѣсколькимъ джонамъ, они строили свои урасы (юрты) въ разныхъ концахъ поля и жили мирно, подъ защитой признанныхъ обычаевъ“. См. *Самоквасовъ*, Обычн. право сибир. инородцевъ, 217.

[3]) Атбасарскій, XXIII.

[4]) Кн. Костровъ (цит. по *Якушкину*, Обыкн. право, 269 и 276); см. *В. Ю. Григорьевъ*, Къ вопр. о поземел. устр. инородцевъ Минус. края, СПБ. 1906, стр. 92.

[5]) *Леонтовичъ*, Калм. право, 255.

въ годъ мѣняются въ зависимости отъ измѣненія въ разные годы условій погоды. Въ одномъ году извѣстные кочевники стоятъ на извѣстномъ урочищѣ 2 мѣсяца, такъ какъ этому благопріятствуютъ условія погоды и обиліе кормовъ. Въ слѣдующемъ году тѣ же кочевники могли простоять на томъ же урочищѣ только одинъ день, потому что они задержались въ другихъ мѣстахъ, или потому, что въ моментъ ихъ прихода сюда здѣсь скопилось много кочевниковъ, и другимъ не было мѣста. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, въ этотъ періодъ кочевого хозяйства у населенія не возникало и не могло возникнуть понятія о поземельной собственности, даже не появлялось понятія объ исключительномъ правѣ владѣнія. Въ древнія времена, когда китайцы требовали отъ киргизъ подати, они отвѣчали: „Небо производитъ траву и воду; скотъ есть даръ неба; пасемъ его и себя пропитываемъ сами: за что же будемъ давать другому?“ [1]).

Въ предыдущихъ строкахъ отмѣчалось, однако, что при полномъ отсутствіи понятій о владѣніи и о границахъ извѣстныя группы кочевниковъ „обыкновенно“ кочуютъ извѣстными путями и стоятъ на извѣстныхъ урочищахъ, не пользуясь своимъ правомъ кочеванія на другихъ; что у нихъ, съ другой стороны, имѣются „свои“ опредѣленныя зимнія стоянки. Это и приводитъ насъ къ тому *фактическому обособленію* пользованія, которое, какъ я упоминалъ, наблюдается уже на самыхъ раннихъ стадіяхъ кочевого быта. Это обособленіе принимаетъ различный видъ по отношенію къ лѣтнимъ [2]) пастбищамъ и къ зимнимъ стоянкамъ, что̀ стоитъ въ тѣснѣйшей связи, опять-таки, съ характеромъ ихъ хозяйственнаго использованія. При лѣтнихъ кочевкахъ „мельчайшія кочевыя группы, отдѣльные аулы, состоящіе обыкновенно изъ 2—5 кибитокъ и составляющіе въ сущности одну большую семью, путешествуя на протяженіи сотенъ верстъ по безлюднымъ и дикимъ мѣстностямъ, естественно должны были придерживаться тѣхъ путей, гдѣ они чаще могли встрѣтить или настигнуть своихъ родственниковъ, которые въ случаѣ какой-либо опасности—нападенія крупныхъ хищниковъ или грабителей изъ другихъ ордъ и племенъ, могли бы оказать

---

[1]) Кустанайск. 9—10. Или вотъ другія указанія въ томъ же направленіи: для поддержанія обширнаго скотоводства, по вѣрному замѣчанію Левшина, нужны „мѣста пространныя“, которыя „не могутъ и не должны имѣть точныхъ предѣловъ“, т.-е. должны находиться въ общемъ, безраздѣльномъ пользованіи“ (*Леонтовичъ*, Калм. право, 258). У черкесъ, въ пору кочеванія, „обладаніе землей было возможно лишь въ смыслѣ временной стоянки аула и скота“,—вотъ почему у нихъ были лишь зачатки права „перваго занятія“ до новой перекочевки, какъ первоначальной формы землевладѣнія“ (*Онъ же* Адаты кавк. горцевъ, I, 383).

[2]) Разумѣя подъ этимъ терминомъ все не относящееся къ категоріи зимнихъ пастбищъ—позднѣе, мы увидимъ, это общее понятіе претерпѣваетъ извѣстныя подраздѣленія; см. гл. III.

помощь и защиту“ [1]). Но даже и независимо отъ этого: чтобы пройти эти сотни верстъ и не погибнуть отъ недостатка корма и воды, кочевнику необходимо детальнѣйшее знаніе географіи района его кочевокъ; никакихъ картъ у кочевника, конечно, нѣтъ, да картъ съ нужными кочевнику деталями и не существуетъ,—поэтому, естественно, кочевникъ старается держаться той мѣстности, географію которой онъ частью изучилъ самъ, частью—перенялъ по наслѣдству отъ отца и дѣда, и гдѣ онъ детальнѣйшимъ образомъ знаетъ каждое пастбище, каждый ключикъ и каждую остающуюся отъ таянія снѣга лужу воды. И вотъ, напримѣръ, въ киргизской степи уже „въ началѣ прошлаго (XIX) столѣтія, когда киргизы вели еще совершенно кочевой образъ жизни, всѣ пастбища раздѣлялись между крупными родами въ меридіональномъ направленіи“; каждый родъ и каждое подраздѣленіе рода кочевали, по крайней мѣрѣ, въ годы нормальнаго состоянія кормовъ, все по одной и той же, чрезвычайно длинной и относительно очень узкой полосѣ, и эта полоса или, точнѣе, право кочеванія въ ней, постепенно становилось исключительнымъ правомъ данной группы кочевниковъ [2]). Но пока ихъ образъ жизни сохранялъ чисто кочевой характеръ, „различныя родовыя группы отстаивали исключительно право пользованія тѣмъ или другимъ урочищемъ въ теченіе только извѣстнаго времени года,—при частыхъ перекочевкахъ съ одного урочища на другое, иногда на разстояніе сотенъ верстъ, фактически и нельзя было отстаивать право пользованія урочищемъ въ теченіе круглаго года“, а потому „не существовало какихъ-либо строгихъ разграниченій даже между крупными родами“. При такомъ положеніи дѣлъ „каждый аулъ или родовая группа ауловъ имѣетъ право пользованія извѣстными пастбищами постольку, поскольку они необходимы, и только до тѣхъ поръ, пока на нихъ пасутъ свой скотъ. Покинутыя весною пастбища поступаютъ въ пользованіе того, кто первый занялъ ихъ, хотя бы онъ принадлежалъ къ другому роду или племени. Въ этомъ случаѣ признается право чужеродца пасти свой скотъ только извѣстный періодъ времени, по истеченіи котораго онъ долженъ освободить занятую имъ территорію. Порядокъ этотъ,—справедливо замѣчаетъ составитель Кустанайскаго сборника,—вытекаетъ не изъ взаимнаго соглашенія заинтересованныхъ сторонъ, а изъ того

[1]) Кустан. 9—10.

[2]) Совершенно сходныя указанія мы имѣемъ и относительно кочевого землепользованія у калмыковъ: „полосы кочевья родовыхъ группъ тянутся болѣе или менѣе длинною лентой (путями) по всей улусной полосѣ, не пріурочены къ данному и неизмѣнному пункту улуснаго кочевья“; вообще „пути и полосы перекочевокъ освящены временемъ и народнымъ обычаемъ“, такъ что „постигнувъ укорененную временемъ и обычаями систему перекочевки, почти всегда навѣрное можно сказать, гдѣ именно родъ или извѣстная часть его въ данное время занимаетъ степь своими кибитками“ (*Леонтовичъ*, Калм. право, 256 и 261; см. также 264, 266). См. также упомянутую статью г. *Чиркина* во II вып. „Вопросы колонизаціи“.

общаго сознанія, присущаго кочевникамъ-скотоводамъ, что пастбище есть „даръ неба“, предоставленный въ общее и нераздѣльное пользованіе всѣхъ скотоводовъ“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, подобнаго рода порядки землепользованія имѣютъ свой корень и въ объективныхъ условіяхъ кочевого хозяйства: „зависимость направленія перекочевокъ и продолжительности остановокъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ отъ крайне измѣнчивыхъ изъ года въ годъ условій погоды препятствуетъ образованію какихъ-либо строгихъ земельныхъ разграниченій между отдѣльными группами, родами или аулами“, и наоборотъ—эти условія сплачиваютъ массы кочевниковъ, связанныя самою широкою родовою связью, „въ одну родовую и то же время земельную общину“ [2]).

Инымъ путемъ идетъ обособленіе зимнихъ стоянокъ. И при зимней пастьбѣ чистые кочевники не знаютъ границъ, но уже среди нихъ весьма рано появляется понятіе объ исключительномъ правѣ на *стоянки*. „Признакомъ принадлежности стоянки аулу служитъ пометъ зимовавшаго здѣсь скота, откуда и самое названіе такихъ зимнихъ стоянокъ—„коунъ“ (уплотненный, растоптанный пометъ): если киргизъ проведетъ на какомъ-нибудь мѣстѣ зиму со своимъ скотомъ, оставитъ тамъ коунъ,—на будущую зиму онъ имѣетъ право считать эту стоянку своею“. Съ появленіемъ исключительнаго *права* на „коуны“, въ поясненномъ только что смыслѣ этого слова, связано и первое, въ значительной мѣрѣ фактическое обособленіе самихъ зимнихъ пастбищъ: „по величинѣ „коуна“ можно судить о количествѣ спавшаго на немъ скота, а слѣдовательно, можно приблизительно опредѣлить и пространство окружающихъ пастбищъ, которыя используются этимъ скотомъ (орысъ), что, въ свою очередь, опредѣляетъ мѣстности, гдѣ могутъ быть основаны новыя стоянки (коуны) безъ стѣсненія скота перваго зимовщика и послѣдующихъ“ [3]). Трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло уже съ исключительнымъ *правомъ* на территорію орыса, какъ имѣемъ дѣло съ *правомъ* на самую стоянку, или неприкосновенность орыса—явленіе чисто фактическаго порядка: „занять чужой „коунъ“ (конъ) нельзя,—говоритъ составитель Атбасарскаго сборника [4]); нельзя также основать новый „конъ“ вблизи стараго, *да никто и не сдѣлаетъ этого* [5]), такъ какъ этимъ были бы стѣснены безъ нужды стада и первыхъ заимщиковъ, и *послѣдующихъ*“,—прямое указаніе на то, что право на прилегающее къ „коуну“ пространство, „орысъ“, не нарушается просто потому,

---

[1]) Кустанайскій у., 54 и 19.

[2]) То же 22.

[3]) Тамъ же 26. „Старыя стоянки,—поясняетъ составитель сборника,— цѣнятся, между прочимъ, потому, что оставленный пометъ, во-1-хъ, служитъ топливомъ, а во-2-хъ представляетъ болѣе теплую и мягкую подстилку для скота, чѣмъ голая земля“.

[4]) Стр. VII.

[5]) Курсивъ мой *А. К.*

что ни для кого не можетъ быть расчета нарушить это право. И охраняется неприкосновенность „орыса“ не правовыми, а тоже чисто фактическими способами: „въ полосѣ песковъ избѣгаютъ рыть колодцы близъ „кона“, чтобы лишить воды и тѣмъ помѣшать приходящимъ лѣтомъ, по уходѣ мѣстныхъ киргизъ на сѣверныя лѣсовки, туркестанцамъ вытравлять зимнія пастбища [1]). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ покосовъ и мало площадей, удобныхъ для зимняго выпаса, обособленіе зимнихъ пастбищъ идетъ, однако, уже нѣсколько дальше; такъ, въ Павлодарскомъ уѣздѣ „такія пастбища очень строго охраняются отъ потравы чужимъ скотомъ и приберегаются на черный день“ [2]); въ Каркаралинскомъ „то пространство, которое могло быть охвачено овечьимъ „орысомъ“, считалось въ ненарушимомъ пользованіи аула [3]).

Итакъ, уже здѣсь, въ фазисѣ чисто кочевого быта, мы наблюдаемъ борьбу двухъ факторовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе во всей дальнѣйшей эволюціи кочевого землепользованія: съ одной стороны, изобиліе пастбищъ и неустойчивость ихъ хозяйственнаго использованія способствуютъ сохраненію общности пользованія и препятствуютъ появленію границъ и обособленію земельныхъ владѣній, съ другой—особая цѣнность опредѣленныхъ угодій, въ особенности же начинающій ощущаться въ нихъ недостатокъ, ведетъ къ ихъ сначала фактическому, а потомъ и къ обычно-правовому обособленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы съ первыхъ же нашихъ шаговъ въ направленіи къ изученію формъ кочевого землепользованія встрѣтились съ родовыми отношеніями, лежащими въ основѣ всѣхъ кочевыхъ организацій и группировокъ. На этихъ-то отношеніяхъ мы теперь и должны остановиться; я не задаюсь при этомъ недостижимою для меня цѣлью исчерпать данный трудный и сложный вопросъ, а хочу только намѣтить существеннѣйшія черты родового строя кочевниковъ, поскольку онѣ, прямо или косвенно, отражаются на формахъ кочевого землевладѣнія и землепользованія

Родовая связь у кочевниковъ—это не номинальная только, а несомнѣнная *кровная* связь, оказывающая сильнѣйшее вліяніе на *всѣ* стороны жизни кочевника. Еще теперешніе, самые заурядные киргизы, напримѣръ, въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, могутъ назвать 14—15 предковъ [4]), и существуетъ спеціальная поговорка съ выраженіемъ презрѣнія тому, кто не можетъ перечислить своихъ предковъ до 7-го колѣна [5]). Кровный характеръ этой связи дока-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Павлодарскій у., 40.
[3]) Каркаралинскій у., 21.
[4]) Усть-Каменогорск. у., 1.
[5]) Кустан. у., 59; у Гродекова (13) эта поговорка формулировано такъ: „кто не знаетъ именъ семи своихъ предковъ, тотъ—отступникъ“.

зывается уже существующими до сихъ поръ брачными обычаями [1]): кочевники берутъ женъ исключительно въ чужихъ родахъ или даже ордахъ; даже болѣе или менѣе осѣвшіе, при значительно уже ослабленномъ сознаніи родовыхъ связей, вступаютъ въ браки не ближе 7-го и 8-го колѣнъ,—и они не берутъ женъ въ своихъ общинахъ и даже административныхъ аулахъ—старшинствахъ, ибо всѣ въ общинѣ и старшинствѣ „въ очень близкомъ родствѣ“ [2]). Для киргиза, въ особенности для кочевника, родовая связь, родство, всегда и вездѣ стоятъ на первомъ мѣстѣ: „киргизъ,—говоритъ составитель Усть-Каменогорскаго сборника [3]),— на вопросъ, кто онъ, всегда опредѣлитъ себя принадлежностью къ той или иной родовой вѣтви, а не къ тому или иному старшинству такой-то волости, чего онъ подчасъ и не знаетъ. Такъ же точно онъ отвѣтитъ на вопросъ—чьи эти пашни или покосы?—что эти пашни такого-то рода и т. д. Родовыя связи сказываются въ различныхъ хозяйственныхъ вопросахъ, какъ, напр., при составленіи зимнихъ табуновъ, при проведеніи арыковъ для орошенія полей, при кочеваніи и др., гдѣ всегда киргизы группируются по родамъ, а не по состоятельности, или по какому-либо иному признаку. На похороны собираются не только кровные родственники умершаго, а вся родовая группа, особенно если покойный былъ состоятельный человѣкъ; хоронятъ на родовыхъ кладбищахъ близъ своихъ кстау. Большое вліяніе родовыя связи имѣютъ при выборахъ разныхъ должностныхъ лицъ: біевъ, волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ, когда, поддерживая своихъ кандидатовъ, родовичи надѣются на будущія преимущества въ случаѣ успѣха“. Вообще, по свидѣтельству Н. И. Гродекова [4]), личность находитъ защиту только у своего рода“, мало того—она исчезаетъ передъ властью и отвѣтственностью рода: „за проступки ея отвѣчаетъ родъ; очистительная присяга налагается не на оговоренную личность, а на другое лицо изъ ея рода; взысканіе платитъ и получаетъ родъ, а не лицо; при неуплатѣ хуна убивается не непремѣнно убійца, а любой человѣкъ изъ его рода“. Въ концѣ-концовъ, не даромъ существуетъ мнѣніе (имѣющее, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, и свою оборотную сторону), что „киргизы, имѣющіе зажиточныхъ родовичей, живутъ зажиточнѣе, потому что въ трудныя минуты

---

[1]) М. М. Ковалевскій, проводящій въ своихъ работахъ ту мысль, что родъ и община, собственно какъ единицы владѣнія и пользованія землею, не могутъ быть рѣзко отграничены другъ отъ друга, считаетъ, что „различіе между родомъ и сельскою общиной сводится, во-первыхъ, къ тому, что первый является не только экономическимъ, но и религіознымъ союзомъ, и во-вторыхъ,—что для насъ въ данномъ случаѣ самое важное—къ тому, что родъ обязательно придерживается началъ экзогаміи, которая для сельской общины необязательна“ (*Ковалевскій*, Законъ и обычай на Кавказѣ, I, 64).

[2]) Кустанайск. у., 58—59.

[3]) Стр. 8.

[4]) Стр. 12.

богачи помогаютъ своимъ бѣднымъ родовичамъ“ [1]). Не даромъ существуетъ и киргизская пословица—„лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ царемъ въ чужомъ народѣ [2]): при разрозненности родовъ „бѣдняки, предоставленные самимъ себѣ, годъ отъ году худѣютъ, не имѣя крѣпкой руки, косвенно ими управляющей [3]). Существуетъ даже мнѣніе, что „нравственность киргизъ, принадлежащихъ къ большому роду, значительно выше нравственности пришельцевъ разрозненныхъ родовъ“ [4]),—мнѣніе, которое, конечно, приходится принимать cum magno grano salis.

Группировки кочевниковъ *внутри* большихъ родовыхъ группъ крайне разнообразны и, при всемъ своемъ разнообразіи, стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ нуждъ и удобствъ ихъ производительнаго и потребительнаго хозяйства. Когда якуты не умѣли сохранять пищи впрокъ, „для нихъ было въ высшей степени удобно жить группами такой величины, чтобы кумысъ, получаемый отъ стадъ, и мясо такой крупной скотины, какъ лошадь, потреблялись возможно быстро; въ глубокой древности такія группы представляли первоначальные и неразложенные элементы якутскаго рода“ [5]). Таково объединяющее значеніе общаго потребленія [6]),—нѣсколько ниже, когда я буду говорить о разложеніи рода, мнѣ придется говорить и о значеніи въ данномъ направленіи разныхъ типовъ *производительнаго* скотоводческаго хозяйства. Съ родовою общностью потребленія, въ свою очередь, въ тѣсной связи стоятъ такіе обычаи, какъ обязательное одариваніе и не менѣе обязательное гостепріимство. Обычай обязательнаго одариванія „распространяется на всѣхъ живущихъ по сосѣдству“; но „если принять во вниманіе, что въ прошломъ совмѣстно кочевали только сородичи или союзники, то станетъ понятнымъ родовой характеръ этого архаическаго остатка“ [7]). Отчасти въ связи съ родовымъ бытомъ —и обычаи кочевого гостепріимства. На сѣверѣ Якутскаго края „во многихъ мѣстностяхъ еще за срамъ считаютъ“ взять съ проѣзжаго деньги за пищу: предложеніе принять

---

[1]) То же 16.
[2]) 13.
[3]) 16.
[4]) Тамъ же.
[5]) *Сѣрошевскій*, 443.
[6]) М. М. Ковалевскій, въ своихъ работахъ по обычному праву Кавказа, особенно настаиваетъ на томъ, что родовыя общины придерживаются „началъ полнаго имущественнаго коммунизма *не только въ сферѣ производства*, но и въ сферѣ потребленія“ (*Ковалевскій*, Зак. и обычай, I, 59, 60, 64; *онъ же*— „Современный обычай и древній законъ“, 112, 115). Тѣ источники, которые лежатъ въ основѣ настоящей работы, не позволяютъ намъ сказать что-либо опредѣленное относительно такого рода коммунизма въ его чистомъ видѣ. Ниже намъ придется встрѣтиться только съ явленіемъ, представляющимъ собой, вѣроятно, остатокъ первобытнаго производственнаго коммунизма, именно—съ необыкновеннымъ развитіемъ у кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ разнаго рода артельныхъ соединеній и товарищескихъ формъ труда.
[7]) *Сѣрошевскій*, 437.

деньги „даже крайній бѣднякъ сочтетъ за обиду“ [1]). При этомъ „гостямъ оказываютъ пріемъ, смотря по степени родства“ [2]); самое распредѣленіе кусковъ, напр., убитаго барана, производится по строго установленнымъ издавна правиламъ, смотря по степени близости и почетности родства. Впрочемъ, корень обязательнаго гостепріимства не только въ родовой связи, но и вообще „въ условіяхъ кочевой жизни“ [3]) и передвиженія по степямъ. „Не повезете же вы въ денной путь,—говоритъ легендарный предокъ киргизъ, введшій у нихъ обязательное гостепріимство,—собственнаго барана, а еще болѣе не повезете скотину на путь дальній, особенно при вашемъ способѣ ѣзды—верхомъ. И потому вотъ вамъ мой вѣчный совѣтъ: не берите при взаимномъ посѣщеніи вашемъ другъ съ друга платы за съѣстные припасы; будьте другъ къ другу какъ бы приглашенные гости, пользуйтесь другъ у друга даровымъ, безплатнымъ пріютомъ и угощеніемъ [4]).

Въ чемъ же, спрашивается теперь, роль рода и родовыхъ группировокъ собственно въ эволюціи кочевого землепользованія? Эта роль была чрезвычайно велика, и всю эволюцію формъ разселенія и землепользованія сначала у чистыхъ, а затѣмъ у осѣдающихъ кочевниковъ приходится разсматривать какъ результатъ взаимодѣйствія родового начала и внѣшнихъ условій жизни кочевниковъ. Въ чисто кочевомъ фазисѣ „киргизская община была исключительно родовою группировкою лицъ, связанныхъ между собою кровнымъ родствомъ и единствомъ матеріальныхъ интересовъ. Та или другая группа общинниковъ жила и дѣйствовала вмѣстѣ какъ потому, что это были близкіе по родству представители извѣстнаго рода, такъ и потому, что сообща лучше можно было противодѣйствовать различнаго рода неблагопріятнымъ условіямъ, свойственнымъ примитивнымъ формамъ общежитія—вмѣстѣ родовичи жили, вмѣстѣ пасли свои стада, вмѣстѣ отражали нападенія непріятеля, вмѣстѣ, въ свою очередь, нападали на врага и пр.“).

Мнѣ уже приходилось говорить о значеніи родовыхъ группировокъ, какъ основы территоріальнаго распредѣленія кочевокъ: „при кочеваніи, — говоритъ Н. И. Гродековъ,—киргизы и до настоящаго времени слѣдуютъ древнему обычаю,—кочуютъ обществами одного рода, допуская въ свои аулы изъ другихъ родовъ лишь родственниковъ по женской линіи или бѣдняковъ, нанимающихся въ работники“,—и каждый родъ имѣетъ опредѣленныя мѣста лѣтнихъ и осеннихъ кочевокъ [5]). И та же родовая

---

[1]) То же 441.
[2]) *Гродековъ*, 12.
[3]) Кокчетав. у., 71.
[4]) Актюбинск. у., 12—13.
[5]) *Гродековъ*, стр. 109.

связь лежитъ и въ основѣ болѣе мелкихъ, чѣмъ упоминаемыя г. Гродековымъ кочевыя „общества“, и болѣе постоянныхъ группировокъ кочевого населенія; — „главными признаками, объединяющими каждую такую группу, являются: 1) происхожденіе отъ одного родоначальника или, что то же—отъ разныхъ родоначальниковъ, но состоявшихъ между собою въ близкомъ родствѣ; 2) общій кочевой путь на лѣтовку и обратно, и 3) смежность или сосѣдство зимнихъ стоянокъ“; но такъ какъ „строгаго обособленія кочевыхъ путей и такого же разграниченія зимнихъ пастбищъ между отдѣльными группами не существуетъ, то главнымъ и болѣе постояннымъ основаніемъ соединенія въ одну группу является первый признакъ, который обыкновенно сопровождается вторымъ или обоими послѣдними признаками“ [1]). И эта родовая связь, какъ основа хозяйственныхъ группировокъ, остается общимъ правиломъ и тогда, когда кочевники успѣли далеко отойти отъ стадіи чистокочевого быта: по схемѣ киргизской экспедиціи мельчайшая селитебная единица осѣдающихъ киргизъ, хозяйственный аулъ, объединяется родствомъ въ третьемъ колѣнѣ; та болѣе крупная группировка, которой, какъ мы увидимъ ниже, экспедиція приписываетъ функціи земельной общины,—общинно-аульная или общинно-земельная группа,—въ шестомъ, общая лѣтовка—въ 12-мъ колѣнѣ [2]). А въ связи съ этимъ, само собой понятно, родовыя группировки стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ постепенно слагающимся и формирующимся землевладѣніемъ.

Я говорилъ выше, мимоходомъ, объ оказываемой родомъ защитѣ отъ нападеній; здѣсь приходится имѣть въ виду не только оборону отъ разбоевъ или скотокрадства, но и *борьбу между родами*, являющуюся однимъ изъ основныхъ элементовъ разселенія кочевниковъ, и распредѣленія между ними земель [3]).

---

[1]) Кустанайск. у., 23. Рѣчь здѣсь идетъ собственно о киргизахъ, зимующихъ въ пескахъ на р. Чу.

[2]) Усть-Каменог. у. 16.

[3]) Г. Леонтовичъ въ своихъ работахъ по обычному праву калмыковъ и кавказскихъ горцевъ особенно подчеркиваетъ именно эту сторону вопроса. По его мнѣнію, типическимъ признакомъ и свойствомъ родовыхъ союзовъ является именно и прежде всего „кочевой и военно-дружинный строй, придававшій родовымъ союзамъ характеръ бродячихъ ордъ и дружинъ, занятыхъ добываніемъ военной добычи, скотоводствомъ и охотой“. Именно хищничество „подогрѣвало и закрѣпляло родовыя связи новыми узлами, завязывавшимися съ каждымъ нараставшимъ поколѣніемъ родичей: въ хищническихъ интересахъ родичи держались всегда сплоченно, смыкались въ сложныя и организованныя группы и федераціи“ (*Леонтовичъ*, Калм. право, 183, 210, 313; *его же* Адаты кавк. горцевъ, I, 420). Этою же необходимостью „болѣе организованной и дѣйствительной защиты и охраны кочевниковъ родовымъ нарядомъ“ г. Леонтовичъ объясняетъ возникновеніе „принудительной родовой зависимости“ (genti adscriptio), которой онъ удѣляетъ особенно много вниманія и которая выражается, между прочимъ, въ прямыхъ запрещеніяхъ отдѣльнымъ кибиткамъ или мелкимъ родовымъ соединеніямъ кочевать внѣ предѣловъ территоріи, занятой извѣстнымъ родомъ (Калм. право, 199—201, 207, 213; Адаты, I, 422).

„Огромное значеніе родового начала, — справедливо замѣчаетъ Н. И. Гродековъ,—вытекаетъ изъ права сильнаго“ [1]), и именно поэтому, а не по чему-либо другому, принадлежность къ сильному роду является однимъ изъ условій благосостоянія кочевника. „Пользованіе пастбищами при кочевкахъ,—говоритъ К. П. фонъ-Кауфманъ въ опубликованномъ послѣ его смерти „проектѣ всеподданнѣйшаго отчета [2]),—и стойбищными мѣстами на зимовьяхъ и лѣтовьяхъ кочевниковъ соразмѣрялось, главнымъ образомъ, съ силой отдѣльныхъ родовъ...; сильные роды безъ нужды, не пользуясь сами захваченными пространствами, вытѣсняли слабѣйшихъ соперниковъ, тѣснившихъ, въ свою очередь, другіе, еще болѣе беззащитные роды“. Многочисленныя подтвержденія сказанному мы находимъ и въ трудахъ киргизской экспедиціи. Такъ, въ юго-восточной части Кустанайскаго уѣзда „самые ранніе пришельцы переселились съ Сыръ-Дарьи, гдѣ ихъ притѣснялъ сильный и богатый родъ малой орды—джаппасовцы“; болѣе поздніе переселились изъ одной изъ сѣверныхъ волостей того же Кустанайскаго уѣзда уже въ 60-хъ гг. XIX столѣтія, „изъ-за притѣсненій живущихъ въ этой волости киреевцевъ“ [3]). Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, когда лучшія земли оказались занятыми, „сильные, многочисленные роды начали вытѣснять болѣе слабыхъ съ занятыхъ ими земель, если эти земли привлекали на себя вниманіе богатыхъ; такъ было, напримѣръ, съ родомъ Алтай, уступившимъ свои земли болѣе сильнымъ каракесекамъ, и съ многими другими“ [4]). Такъ шелъ повсемѣстно процессъ освоенія большими родовыми подраздѣленіями значительныхъ частей киргизской территоріи; такъ же, уже на позднѣйшей стадіи, съ измѣненіемъ состава стадъ и съ сокращеніемъ кочевокъ, шелъ процессъ обособленія болѣе мелкихъ родовыхъ группъ: „сильные своею численностью роды, ранѣе захватившіе въ извѣстной мѣстности главнѣйшія урочища, начало вытѣснять изъ своей среды чужеродцевъ и въ то же время охотно приселяли къ себѣ своихъ сородичей“ [5]). Мѣстами, напримѣръ, въ Павлодарскомъ или Кустанайскомъ уѣздѣ, „каждый изъ родовъ занимаетъ, за малыми исключеніями, одну сплошную территорію“ и представляетъ собою, въ общемъ, обособленную по землевладѣнію группу; „внутри каждой такой группы землепользованіе различныхъ отдѣленій и подъотдѣленій главнаго рода складывалось тѣмъ же порядкомъ: каждая изъ площадей, принадлежащихъ глав-

---

На этой сторонѣ вопроса я также не останавливаюсь, главнымъ образомъ потому, что мои основные источники не даютъ никакого, относящагося сюда матеріала.

[1]) Стр. 12.
[2]) Стр. 223—227, 286.
[3]) Кустан. у., 40—41.
[4]) Каркар. у., 41.
[5]) Кустан. у., 56.

нымъ родамъ уѣзда, сначала раздѣляется между ближайшими потомками главнаго родоначальника на 2, 3 и болѣе отдѣльныхъ владѣній, а затѣмъ эти послѣднія владѣнія опять распадаются такимъ же образомъ и по тому же родовому признаку на еще болѣе мелкія земельныя единицы" [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, населеніе тоже состоитъ изъ различныхъ вѣтвей одного и того же большого рода, но эти вѣтви до крайности перемѣшаны между собой; „такая перемѣшанность родовъ указываетъ, на то, что Каркаралинскій уѣздъ былъ ареною, на которой происходили въ теченіе долгаго ряда лѣтъ болѣе или менѣе бурныя столкновенія различныхъ племенъ и родовыхъ группъ одного и того же киргизскаго народа, въ конечномъ результатѣ которыхъ и получилась наблюдаемая нынѣ группировка родовыхъ и иныхъ группъ" [2]).

Мы видѣли, что родъ являлся наступательной и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительной организаціей,—„личность находила защиту только у своего рода" (Гродековъ). Отсюда прочность родовой связи, пока существовалъ благопріятный для родового строя кочевой бытъ. И такъ какъ значеніе родового начала вытекало, главнымъ образомъ, изъ права сильнаго, то значеніе это, естественно, ощущалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе были нравы, чѣмъ чаще столкновенія съ посторонними, враждебными элементами. „Мощная струя общественности, — говоритъ г. Сѣрошевскій, — зародившаяся раньше всякихъ войнъ, на почвѣ совмѣстнаго потребленія добычи..., стремилась организовать роды въ союзы для взаимопомощи, для обузданія вредныхъ всѣмъ хищности, насилія и жестокости" [3]).

Въ этомъ смыслѣ родовой строй, въ свое время, сыгралъ очень важную роль,—онъ былъ первымъ зачаткомъ общественной организаціи. И эта положительная роль, какъ отчасти видно изъ приведенныхъ выше отзывовъ [4]), многими преувеличивается: какъ и кочевой бытъ, сопровождающій его родовой строй имѣетъ своихъ панегиристовъ. Но эти панегиристы едва ли правы. Мы уже видѣли, что отношенія *между* родовыми группами всецѣло основывались на грубой силѣ; выгодныя для болѣе многочисленныхъ и сильныхъ родовъ, эти отношенія вели къ подавленію и угнетенію родовъ малочисленныхъ и слабыхъ [5]). Но и по *внутренней*

[1]) Павлод. у. 4, Кустан. у. 56.
[2]) Каркар., 16.
[3]) *Сѣрошевскій*, 456.
[4]) Стр. 11.
[5]) По обычному праву осетинъ „въ случаѣ обоюднаго убійства сильнѣйшій родъ имѣетъ то преимущество, что слабѣйшій всегда доплачиваетъ, по назначенію медіаторовъ" (*Леонтовичъ*, Адаты II, 4). По свидѣтельству Рычкова, киргизскія власти, въ случаѣ преступленій, не имѣютъ никакого способа наказать виновнаго, потому что, „чѣмъ больше кто изъ нихъ имѣетъ своего роду, тѣмъ больше его могущество въ народѣ, потому что онъ въ случаѣ нужды мо-

своей организаціи родовой строй кочевниковъ покоился на принципахъ, имѣющихъ весьма мало общаго съ эгалитарными принципами хотя бы, напримѣръ, земельной общины. По мѣткому замѣчанію С. П. Швецова, основной принципъ *всѣхъ* извѣстныхъ формъ общины — это „принципъ равенства всѣхъ передъ землей“; въ общинѣ „всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ землѣ, поставлены въ совершенно равныя условія“ [1]), а потому носителями общинной идеи всегда и вездѣ является заинтересованная въ осуществленіи этого принципа рядовая масса. Напротивъ, „носители родовой идеи суть богачи и старѣйшины“ [2]); родовая организація не только не является и не стремится быть воплощеніемъ идеи равенства,— наоборотъ, однимъ изъ существеннѣйшихъ ея элементовъ является рѣзкая соціальная дифференціація, связанная съ чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ или лично-зависимыхъ отношеній. Надъ общимъ уровнемъ киргизской, бурятской, якутской массы, еще больше надъ уровнемъ массы калмыковъ или кавказскихъ горцевъ, выдѣляется немногочисленный, но вліятельный слой родовой и имущественной аристократіи, укрѣпленію котораго очень благопріятствовали если не активная поддержка, то, во всякомъ случаѣ, продолжавшееся очень долго благосклонное невмѣшательство русскаго правительства во внутреннюю жизнь кочевого населенія. Эта аристократія первоначально разсматривалась русскими властями какъ удобное орудіе для управленія кочевыми массами и для укрѣпленія среди нихъ русскаго вліянія, а потому ея представители нерѣдко привлекались къ непосредственному участію въ управленіи кочевыми областями. Этимъ путемъ и всякими другими они сосредоточили въ своихъ рукахъ всестороннюю власть и стали посредниками между русскою администраціей и массою своихъ сородичей. Эти посредники, „представители богатыхъ и вліятельныхъ родовъ, всецѣло озабочены были упроченіемъ собственнаго вліянія, накопленіемъ богатства—земель, скота и денежныхъ капиталовъ“,— въ результатѣ „степь представляетъ собой всѣ признаки феодально-крѣпостническаго строя, не оформленнаго только положительнымъ законодательствомъ“ [3]). Этотъ строй до настоящаго времени сохранился еще даже въ такихъ рѣзкихъ проявленіяхъ, совершенно

жетъ употребить силу семьи своей вмѣсто правосудія и обороны“ (цитирую по *Якушкину*, „Обыч., право русск. инор.“, 114). Вслѣдствіе родового быта киргизъ, судъ бія отвѣтчика никогда не можетъ быть безпристрастнымъ въ отношеніи къ истцу чужеродцу...; родовая солидарность дѣлаетъ невозможнымъ справедливое удовлетвореніе требованій истца изъ другого рода біемъ отвѣтчика, такъ какъ бій этимъ нарушилъ бы священную въ глазахъ киргиза обязанность защищать родича отъ чужеродца; невыполнившій этой обязанности подвергся бы... преслѣдованію со стороны всего рода за нарушеніе родовыхъ интересовъ“ (тамъ же 130).

[1]) Крест. община, 17—18.

[2]) *Гродековъ*, 12.

[3]) Вопросы колонизаціи, I, 60.

притомъ противорѣчащихъ существующему писаному закону, какъ производство особо вліятельными лицами сборовъ въ свою пользу, какъ творимый такими лицами судъ среди своихъ сородичей, какъ негласное ихъ участіе—даже если они офиціально не занимаютъ никакихъ должностей — въ распубликованіи и исполненіи распоряженій русской администраціи [1]). Въ особенно рѣзкихъ формахъ феодальный строй выработался и сохранился среди южныхъ, туркестанскихъ киргизъ, и въ особенности—среди семирѣченскихъ каракиргизъ. „Уже одно существованіе „бѣлой“ и „черной“ кости, — говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ края, г. Шкапскій, — указываетъ на дифференціацію среди киргизъ. Бѣлая кость еще въ старину захватила въ свои руки политическую власть надъ киргизами и цѣпко держится за нее“; главные ея представители (у каракиргизъ „манапы“) издавна „были вожди племенъ, объединявшіе все племя для войны и набѣговъ. Это были князья, у которыхъ были свои вассалы въ лицѣ мелкихъ манаповъ. Во власти послѣднихъ находился весь народъ, который носитъ названіе „букара“, что̀ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ слово въ слово „вотъ чернь“. Взаимныя отношенія между манапами и букарой вполнѣ напоминаютъ отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными. Манапъ обязанъ былъ защищать подданныхъ ему киргизъ. Неисполненіе имъ этой обязанности было главною причиной перехода киргизъ отъ одного манапа къ другому. Обязанность манапа защищать свою букару вызывала и другую обязанность—помогать букарѣ“ [2]). Эта помощь, впрочемъ, является не болѣе какъ слабымъ эквивалентомъ тѣхъ огромныхъ преимуществъ, которыми „бѣлая кость“ пользуется и въ сферѣ землевладѣнія, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; да и оказывается она, въ видѣ правила, вовсе не изъ личныхъ средствъ манапа, а „въ видѣ сбора съ народа, подъ руководствомъ аксакала, устраиваемаго тогда, когда у бѣднаго околѣваетъ весь скотъ“ [3]). Если въ прошломъ власть манаповъ имѣла источникъ, по преимуществу, въ политическомъ значеніи манапства, то теперь главною опорой этой власти является владѣніе землею. „Фактически—говоритъ г. Шкапскій,—киргизы бѣлой кости суть обладатели земли, а рядовая киргизская масса — держатели этой земли, зависимые отъ бѣлой кости. Особенно рельефно это выражено въ Туркестанѣ, гдѣ земледѣліе нуждается въ искусственномъ орошеніи. Представители бѣлой кости, опираясь на свою власть, при помощи народа провели оросительные

---

[1]) Въ данномъ случаѣ я могу сослаться не столько на печатные источники, сколько на личныя наблюденія, какими въ изобиліи располагаетъ, конечно, каждый жившій и работавшій въ киргизскомъ краѣ. Въ литературѣ я нашелъ соотвѣтственныя указанія въ работѣ г. *Леонтовича* о калмыцкомъ правѣ (стр. 351).

[2]) Вопросы колонизаціи, I, 42—43.

[3]) *Гродековъ*, 116.

каналы, а затѣмъ, по духу мусульманскаго права, стали владѣтелями не только этихъ каналовъ, но и земли, орошаемой ими“ [1]).

Я говорилъ до сихъ поръ исключительно и буду дальше говорить преимущественно о киргизахъ потому, что для нихъ наши источники содержатъ, въ данномъ направленіи, наиболѣе изобильный фактическій матеріалъ [2]). Но, напримѣръ, и у якутовъ богатые родовичи при русскихъ воеводахъ стали „князьями“ и „князьцами“; они „забрали небывалую силу и подъ защитой взятокъ и кумовства стали творить надъ своими сородичами всякую неправду“ [3]).

Привилегіи аристократическихъ родовъ, семействъ, отдѣльныхъ лицъ охватываютъ всю жизнь кочевниковъ. Въ земельномъ отношеніи эти привилегіи выражаются въ самыхъ разнообразныхъ, иногда довольно скромныхъ формахъ. Привилегированныя лица, сплошь и рядомъ, входятъ въ составъ той или другой общины, но пользуются особыми преимуществами при распредѣленіи угодій: богачу выдѣляютъ лучшій или большій по размѣру сѣнокосный участокъ,—„я не силой беру, а тѣмъ, что у меня бываетъ много гостей, которыхъ я пою и кормлю,—вотъ, въ благодарность за это мнѣ выдѣляютъ лучшіе участки“ [4]); такъ мотивируетъ такой богачъ представляемыя ему преимущества. Родовыя и т. п. привилегіи проявляются и въ обычаяхъ, регулирующихъ пользованіе пастбищами и лежащихъ въ основѣ возникающихъ при этомъ споровъ: „если споръ происходитъ между біемъ и простымъ киргизомъ, то спорное мѣсто остается за первымъ; если спорящіе простые люди, то уступка дѣлается старшему лѣтами; этому же слѣдуютъ при столкновеніи двухъ біевъ, двухъ аксакаловъ; при равенствѣ спорящихъ принимается во вниманіе старшинство рода или отдѣленія“ [5]). Въ другихъ случаяхъ неравенство земельныхъ правъ принимаетъ болѣе рѣзкія и, такъ сказать, принципіальныя формы; таковы, напр., случаи, когда, при общности права выпаса, распашка извѣстнаго урочища „производится обыкновенно только съ разрѣшенія и по указанію аксакала NN, „потому что онъ богаче и старше другихъ“; или когда одни только „богатые имѣютъ право косить степь“ въ извѣстныхъ урочищахъ; или когда киргизы извѣстной группы (султаны) „свободно пасутъ свой скотъ на земляхъ всѣхъ сосѣднихъ общинъ“, тогда какъ послѣднія на ихъ пастбища гонять скотъ

[1]) Вопр. колониз. 40—41.

[2]) Данныя по вопросу о родовомъ бытѣ, имѣющіяся въ „Матеріалахъ“ забайкальской экспедиціи, оспариваются съ бурятской стороны, а потому я считаю болѣе осторожнымъ не ссылаться на эти данныя. Подробная характеристика феодальныхъ отношеній у калмыковъ и кавказскихъ горцевъ—въ цитированныхъ работахъ *Леонтовича* и *Ковалевскаго*.

[3]) *Скрошевскій*, 482.

[4]) Кустанайскій у., 36.

[5]) *Гродековъ*, 111.

не могутъ [1]). У якутовъ во многихъ мѣстностяхъ „богачи выдѣлили себѣ изъ общинныхъ земель отдѣльные выгоны, даже по нѣскольку выгоновъ, и огородили ихъ“ [2]). Таковы тѣмъ болѣе случаи, когда вся земля или извѣстныя угодья, въ особенности покосъ, считаются „принадлежащими одному аксакалу, захватившему его на правахъ сильнаго“,—всѣ же остальные, хотя и члены той же общины, могутъ пользоваться покосомъ только на арендномъ или испольномъ началѣ—явленіе, составляющее, повидимому, общее правило въ султанскихъ общинахъ, гдѣ зависимые отъ султановъ теленгуты „не имѣютъ покосовъ; они находятся въ единственномъ пользованіи султановъ“ [3]). Въ этихъ султанскихъ общинахъ подобнаго рода неравенство земельныхъ правъ является, повидимому, уже болѣе чѣмъ простымъ захватомъ: въ матеріалахъ киргизской экспедиціи мы находимъ указанія на то, что въ 60-хъ годахъ, въ виду разнесшихся слуховъ о намѣреніи правительства надѣлить всѣхъ киргизъ землею, „султаны, опережая событія, стали надѣлять своихъ теленгутовъ зимними пастбищами“; что одинъ вліятельный султанъ, захвативъ подъ себя, еще въ 30-хъ гг., большую территорію, изъ нея „надѣлилъ сначала своихъ старинныхъ товарищей“, а потомъ—„своихъ кулъ-рабовъ изъ другого рода“ [4]). Въ другихъ случаяхъ мы и посейчасъ встрѣчаемся, наоборотъ, съ совершенно откровеннымъ, нерѣдко насильственнымъ захватомъ. „Примѣчанія“ къ поаульнымъ таблицамъ киргизской экспедиціи изобилуютъ указаніями на „частые споры, всегда возбуждаемые богатымъ сосѣдомъ“; на случаи, когда вліятельный султанъ „раздвигаетъ свою межу въ сторону сосѣда“; когда „богатый и вліятельный киргизъ вытравляетъ своимъ скотомъ земли сосѣдей, вытѣсняя, фактически, изъ собственныхъ земель ихъ хозяевъ“; когда „аулъ, принадлежащій къ маленькому роду, не можетъ завоевать себѣ равноправнаго пользованія лѣтними пастбищами“ [5]), при чемъ вліятельные богачи сплошь и рядомъ опираются на послушный имъ аульный сходъ или на содѣйствіе должностныхъ лицъ киргизской выборной администраціи, которыя помогаютъ имъ облекать ихъ насильственныя дѣйствія въ якобы легальныя формы [6]). Существованіе ясныхъ и твердыхъ границъ — существенное препятствіе для захватовъ; поэтому богачи и вообще вліятельные люди—враги всякихъ границъ и сторонники якобы общаго владѣнія: „какія тамъ границы,—говоритъ по этому поводу киргизская бѣднота!—У кого толстая камча (плеть), тотъ и землю имѣетъ;

---

[1]) Кустан. у., *п.* 116, 122, 125.
[2]) *Строшевскій* 489.
[3]) Каркар. у., 30; см. также *п.* 15, 16, 37, 66.
[4]) Тоже, *п.*, 71 85.
[5]) Каркар. у., 39; *п.* 19, 55, 75 и др.; Павлодар. у., *п.* 12; Усть-Камен. у., *п.* 12, 24 и др.
[6]) Атбасар. у., *п.* 24; Каркар. у., *п.* 21, 23, 48, 54, 72 и др.

вотъ богачи захватили себѣ по 2 и по 3 кстау, а у насъ, бѣдняковъ, и покосы отнимаютъ и кстау“ [1]). Конечно, богачи и вліятельные люди только тамъ не допускаютъ проведенія границъ, гдѣ имѣютъ виды на какой-нибудь захватъ, и очень твердо стоятъ за *свои* границы, когда имъ удалось захватить интересовавшія ихъ земли.

Но едва ли не наиболѣе серьезнымъ проявленіемъ соціальнаго неравенства среди кочевниковъ нужно признать присвоенное себѣ вліятельными лицами *право распоряженія* землею. „Наши сосѣди,—говоритъ опять-таки киргизская бѣднота въ сѣверной полосѣ киргизскаго края,—считаются въ степи начальствующими, имъ потому можно и пахать, и продавать, сдавать въ аренду землю, а намъ нельзя [2]). И дѣйствительно, данныя произведеннаго мною въ 1896 году спеціальнаго изслѣдованія аренднаго вопроса въ Тургайской области [3]) показываютъ, что значительная часть случаевъ сдачи земли въ аренду основывалась исключительно на произволѣ вліятельныхъ родовичей. Совершенно аналогичныя явленія наблюдаются, только въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ, и среди южныхъ киргизъ и каракизъ. „Сдача земли въ аренду русскимъ крестьянамъ,—говоритъ г. Шкапскій,—сдѣлалась одною изъ доходныхъ статей для манаповъ. Считая себя распорядителями земли, они, сдавая землю въ аренду, не считаются съ интересами букары. Послѣдняя или лишается своихъ пашенъ, или же, что случается чаще, лишается воды для орошенія своихъ полей, вслѣдствіи того, что вода направляется на пашни манаповъ или арендаторовъ-крестьянъ“ [4]). Среди туркестанскихъ киргизъ дѣло заходитъ, иногда и того дальше — манапы считаютъ себя въ правѣ даже *продавать* заселенную и разработанную „букарою“ землю,—и въ Сыръ-Дарьинской волости еще въ самое послѣднее время имѣли мѣсто возмутительнѣйшіе случаи продажи земли, занятой цѣлыми поселками полуосѣдлыхъ киргизъ.

На другомъ концѣ выработавшейся на основѣ родового быта соціальной лѣстницы стоитъ полузависимая бѣднота. Одинъ типъ ея — это „посторонніе“, живущіе въ богатыхъ аулахъ: „въ большинствѣ это очень бѣдные люди, служащіе въ работникахъ у мѣстныхъ киргизъ или переселившіеся въ другую волость или другой аулъ, чтобы кочевать вмѣстѣ со своими богатыми родственниками и „питаться ихъ кумысомъ“ [5]); это — нѣчто въ родѣ кліэнтовъ при зажиточныхъ и могущественныхъ патронахъ, — бѣдняки, которые не хотятъ перестать кочевать, но имѣютъ недостаточно инвентаря для самостоятельнаго кочеванія, а потому „присоединяются къ богачу“ при кочеваніи, „при-

[1]) Усть-Каменог. у., 19.
[2]) Кустанайск. у., 50.
[3]) *Кауфманъ*, Переселенцы-арендаторы Тургайск. области СПБ. 1897.
[4]) Вопрос. колониз., 44.
[5]) Кустанайск. у., 75.

служиваютъ ему, пасутъ его скотъ, за что пьютъ его кумысъ и т. п.“ [1]); ими распоряжаются, какъ слугами, за трапезою они получаютъ худшіе куски мяса и т. п. Другой типъ — это „джатаки“ (сидячіе), некочующіе киргизы, по большей части остающіеся на лѣто сторожами при зимовкахъ богачей [2]), за что̀ они получаютъ отъ нихъ въ пользованіе скотъ, нужный для ихъ пропитанія; въ видѣ правила они же косятъ на богачей и исполняютъ для нихъ всѣ необходимыя полевыя работы. На югѣ, въ районѣ поливного хозяйства, они „снимаютъ коши“ у богачей, иначе сказать—ведутъ испольное хозяйство: имѣя на свой „кошъ“ (кибитку) право на землю и на оросительную воду, но не располагая оборотными средствами и инвентаремъ, они обрабатываютъ *свою* землю и поливаютъ ее *своею* водой, получая отъ богача сѣмена, инвентарь и дойный скотъ для продовольствія, за что̀ отдаютъ ему половину урожая [3]).

Объектомъ эксплуатаціи богачей является, однако, и среднесостоятельная кочевая и полукочевая масса. Крупному скотоводу неоткуда взять достаточнаго числа пастуховъ для его тысячныхъ табуновъ. Отсюда „обычай богачей отдавать часть своего скота на выпасъ менѣе состоятельнымъ сородичамъ, которые за это пользуются шерстью, молокомъ и частью приплодомъ взятаго скота“; это практикуется тогда, „когда величина стада богатаго скотовода достигла извѣстнаго предѣла, и когда требуется раздѣлить это стадо на болѣе мелкія группы“; берутъ скотъ на выпасъ, главнымъ образомъ, именно среднесостоятельные; они „оказываютъ богачу нѣкоторую услугу, хотя и небезвыгодную для себя“: имѣя необходимость держать пастуха для своихъ, положимъ, ста головъ, они могутъ тому же пастуху, безъ лишнихъ расходовъ, поручить еще 100 — 200 головъ, взятыхъ на выпасъ у богача, который, въ свою очередь, этимъ способомъ обезпечиваетъ своему скоту лучшее кормленіе и лучшій уходъ. „Обычай этотъ, основанный на сознаніи обязанности помогать другъ другу и на обоюдномъ довѣріи, есть несомнѣнный остатокъ (пережитокъ) отъ тѣхъ временъ, когда скотъ и другое имущество состояли въ общемъ пользованіи рода и считались родовою собственностью“ [4]). Существуетъ и обратная форма пріема скота на выпасъ: *богачи* принимаютъ въ свой табунъ (косъ) лошадей менѣе состоятельныхъ хозяевъ. Такіе богачи „содержатъ обыкновенно 2-хъ или 3-хъ годовыхъ пастуховъ и имѣютъ стада, состоящія изъ 500 — 1.000 головъ лошадей; прибавка къ такимъ стадамъ 200 — 300 головъ не вызываетъ новыхъ расходовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ значительныя выгоды“, именно: „право пасти весь свой табунъ

[1]) Кустан. у., 93.
[2]) Тоже 62.
[3]) *Кауфманъ*, Туркест., 146 и др.
[4]) Кустан. у 12—13.

на землѣ тѣхъ киргизъ, которые припустили своихъ лошадей въ косъ [1]). Иногда такой же смыслъ пріобрѣтаетъ и отдача скота богатыми бѣднымъ родовичамъ. Такъ, „богатые якуты охотно отдаютъ лишнихъ быковъ и коней надежнымъ родовичамъ въ пользованіе даже „задаромъ", „безъ уговора"; они ловко пользуются подобными отношеніями и взимаютъ со своихъ оригинальныхъ вассаловъ массу незначительныхъ, но многочисленныхъ сосѣдскихъ услугъ, безъ которыхъ здѣсь не обходится никакое болѣе крупное хозяйство [2]).

Соціальная дифференціація кочевого населенія рѣзко отражается между прочимъ, и на характерѣ кочеванія, и на составѣ скота, и на постепенности перехода къ осѣдлости и земледѣлію. Такъ, у забайкальскихъ бурятъ „кочевникъ, имѣющій небольшое количество скота, имѣетъ только лѣтникъ и зимникъ; болѣе богатый имѣетъ уже четыре мѣста кочевокъ—къ двумъ указаннымъ у него прибавляется еще осенникъ и весенникъ; наконецъ самые богатые изъ кочевыхъ инородцевъ мѣняютъ мѣсто стойбы своего скота до 10—12 разъ, при чемъ, кромѣ того, имѣютъ всѣ указанные четыре вида стойбищъ" [3]). У калмыковъ выдѣляется особая категорія „сидячихъ"; это—обѣднѣвшіе калмыки, хотя не окончательно лишившіеся скота, „но не имѣющіе его настолько, чтобы нужно было далеко углубляться въ степь, подобно другимъ инородцамъ, обладающимъ большими стадами"; наоборотъ, „чѣмъ больше скотоводъ имѣетъ скота, тѣмъ больше онъ долженъ углубляться въ степь и тѣмъ шире дѣлать кочевые размахи", амплитуда которыхъ колеблется между 25 и 300 и даже болѣе верстами [4]). У киргизъ „выборъ того или иного урочища для лѣтованія зависитъ отчасти отъ богатства аула; болѣе многоскотные идутъ дальше, чаще мѣняютъ свои стоянки, стремясь дать своему скоту постоянно свѣжее, нетронутое пастбище. Бѣдные аулы не ходятъ на дальнія джайлау и во время перекочевки имѣютъ весь свой скотъ около себя" [5]). Однако кочеваніе даже и на сравнительно близкія разстоянія возможно лишь при наличности извѣстнаго минимума вьючнаго или возового скота: для перевозки юрты съ минимальною движимостью требуется 4, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ — 6 верблюдовъ или 4—5 арбъ, значитъ, столько же лошадей или паръ быковъ. Отсюда, напр., въ южномъ киргизскомъ районѣ, такая трехъ или даже четырехъ-членная группировка: самые бѣдные по большей части живутъ осѣдло въ „курганчахъ", нерѣдко даже вовсе не имѣютъ скота и, чаще всего, „держатъ коши" отъ богачей. Имѣющіе, примѣрно, 15—20 головъ барановъ и при этомъ мини-

1) Кустан. у., 105.
2) *Сѣрошевскій*, 421.
3) Забайкал., XIII, 24.
4) *Леонтовичъ*, Калм. право, 263, 269 и др.
5) Атбасарскій у., XXIII.

мальное количество рабочаго скота пашутъ самостоятельно, проводятъ зиму въ юртахъ или курганчахъ и тоже еще совершенно не кочуютъ, а скотъ пасутъ на ближайшихъ къ курганчамъ и пашнямъ пастбищахъ. Обладающіе, примѣрно, 30—40 баранами, при соотвѣтственномъ количествѣ другого скота, также пашутъ и косятъ самостоятельно, но на лѣто откочевываютъ, впрочемъ, на не слишкомъ далекое разстояніе, чтобы имѣть возможность во-время подкочевать къ сѣнокосу и уборкѣ травъ. Наконецъ наиболѣе богатые сами не пашутъ и не косятъ; они вовсе не имѣютъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ и, конечно, кочуютъ на далекія разстоянія: лѣто они проводятъ либо въ горахъ, либо откочевываютъ далеко на сѣверъ, въ предѣлы Акмолинской и Тургайской областей; зиму проводятъ либо въ пескахъ, либо въ камышахъ, весну и осень— либо въ предгорьяхъ, либо на полынныхъ лёссовыхъ степяхъ, которыя весною и осенью даютъ скоту превосходный кормъ [1]).

Съ этими различіями въ характерѣ кочевокъ, очевидно [2]), тѣснѣйшимъ образомъ связаны и различія въ составѣ скота. Въ Павлодарскомъ уѣздѣ, населеніе котораго разбито киргизскою экспедиціей на 8 группъ, отъ безлошадныхъ до имѣющихъ свыше 100 лошадей каждый, среднее на домохозяйство количество разныхъ видовъ скота увеличивается въ возрастающемъ порядкѣ группъ слѣдующимъ образомъ: лошадей — отъ 0 до 275; верблюдовъ — отъ 0,1 до 9,7; овецъ — отъ 5 до 257, среднее же число рогатыхъ не падаетъ ниже 7,6 и не поднимается выше 69 [3]). Низшая, безлошадная группа имѣетъ, въ среднемъ, 0 лош., 7,6 рог., 5 овецъ; для средней, пятой, соотвѣтственныя цифры 19,2, 17,5 и 43,5, для высшей, восьмой, — 275, 69 и 257, — совершенно ясно „стремленіе киргизъ, разъ они выбились, такъ сказать, изъ средняго уровня, разводить лошадей преимущественно предъ всѣми прочими видами скота“, тогда какъ у бѣдноты лишь рогатый скотъ имѣетъ серьезное значеніе, и даже у среднихъ онъ еще конкурируетъ съ лошадьми. По Каркаралинскому уѣзду, гдѣ экспедиція разбила всѣ домохозяйства на 12 группъ, процентное распредѣленіе скота въ низшей (безлошадной) группѣ таково: лошадей, конечно, 0, рогатаго 30,4, овецъ 53,3, козъ 16%; въ четвертой соотвѣтственныя цифры—14,1, 13,3, 62,7 и 7,8%, въ восьмой—22,6, 6,2, 65,4 и 3,8%; въ двѣнадцатой (свыше 100 лошадей) — 39,2, 2,8, 55, 1,4% [4]). Неудивительно, что въ степи сложилась даже поговорка: „лошади — для роскоши, верблюды — для украшенія, овцы — для щедрости, рогатый скотъ — для сытости“ [5]). И независимо отъ указанныхъ выше различій въ характерѣ кочевокъ, „рогатый

---

1) *Кауфманъ*, Туркестанъ, 146.
2) См. выше. стр. 12—13.
3) Павлодар. у., 36—37.
4) Каркарал. у., 54.
5) Тамъ же.

скотъ выгоднѣе для бѣдняковъ, чѣмъ другой скотъ, ибо корова даетъ молока значительно больше, чѣмъ кобыла (раза въ 2—3), молоко коровы идетъ непосредственно въ пищу", и притомъ въ очень разныхъ формахъ, „кобылье же молоко годно исключительно для кумыса. Вотъ почему, если хозяйство не можетъ имѣть много скота, то предпочитаютъ держать корову, а не кобылу, тѣмъ болѣе, что какой же кумысъ отъ одной кобылы! Но кумысъ считается любимымъ напиткомъ киргизъ, и какъ только хозяинъ въ состояніи, онъ заводитъ кобылъ. Конское мясо также предпочитается киргизомъ всякому другому, и только нужда заставляетъ есть мясо рогатаго скота" [1]).

Какова же, спрашивается, роль различныхъ по благосостоянію элементовъ кочевого населенія въ процессѣ перехода къ осѣдлости и земледѣлію? Разсуждая a priori, слѣдовало бы, конечно, ожидать, что движущая роль въ данномъ направленіи принадлежала бѣднѣйшимъ или, въ крайнемъ случаѣ, среднесостоятельнымъ элементамъ, которымъ приходится дѣлать выборъ между деградаціей на положеніе кліэнта у какого-нибудь богатаго патрона и переходомъ къ осѣдлости и земледѣльческому хозяйству. Фактически, однако, въ данномъ отношеніи наблюдается — если опять-таки говорить о киргизскомъ краѣ — существенная разница между сѣверною и южною его полосами. Для *сѣверной* полосы разница между богатыми и бѣдными проявляется больше въ *размѣрахъ*, чѣмъ въ *направленіи* хозяйства: будучи крупнымъ скотоводомъ и въ силу этого совершая со своимъ скотомъ дальнія перекочевки, богачъ здѣсь, въ то же время, въ бо̀льшихъ размѣрахъ занимается и земледѣліемъ, имѣетъ большій домъ, заготовляетъ много сѣна и во всемъ этомъ идетъ, обыкновенно, впереди своихъ среднесостоятельныхъ и бѣдныхъ сородичей [2]). Въ Кустанайскомъ уѣздѣ изъ числа безлошадныхъ имѣютъ запашку всего 43,7%, изъ однолошадныхъ — 67,5, изъ имѣющихъ отъ 2 до 10 лошадей — 79%, изъ имѣющихъ 11 — 300 лошадей — 87,5, болѣе 300 лошадей — 94,6% [3]). Въ Павлодарскомъ уѣздѣ, гдѣ земледѣліе, въ общемъ, распространено гораздо меньше, имѣютъ запашку: безлошадныхъ и однолошадныхъ 8,3 и 14,9%, съ 2 — 10 и съ 11 — 100 лошадьми — 26 и 29%, имѣющихъ свыше 100 лошадей—30,2% [4]). Въ другихъ уѣздахъ такой закономѣрности не наблюдается; такъ, въ Актюбинскомъ уѣздѣ, гдѣ она, можетъ-быть, успѣла сгладиться благодаря довольно давнему и всеобщему распространенію земледѣлія, % пашущихъ въ возрастающихъ по числу лошадей группахъ выражается въ такихъ цифрахъ: 94,1, 95,6, 94,2, 93,1%. Въ

---

[1]) То же 54—55.
[2]) *Кауфманъ*, Туркест., 141.
[3]) Кустан. у., 114.
[4]) Павлодар. у., 43.

Кокчетавскомъ уѣздѣ первое мѣсто по распространенности земледѣлія занимаютъ среднесостоятельные, которымъ уступаютъ и наиболѣе бѣдныя, и наиболѣе богатыя группы: высшій процентъ пашущихъ (28,9%) даетъ именно группа съ 11—25 лошадьми; по обѣ ея стороны—двѣ группы съ 26,3 и 25,3%; затѣмъ процентъ пашущихъ рѣзко понижается внизъ (19,1, 12,8 и 4,9%), менѣе рѣзко вверхъ (14,5, 17,2 и 12,5%, [1]). Само собою разумѣется, что средній размѣръ запашки и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, повышается съ переходомъ къ высшимъ по лошадности группамъ, что̀ и даетъ составителю Кокчетавскаго сборника право сказать, что „богачи-скотоводы меньше всего заинтересованы и привержены къ земледѣльческимъ занятіямъ, но разъ они ведутъ запашки, послѣднія отличаются наибольшею интенсивностью“ [2]).

Совсѣмъ иное въ южной полосѣ киргизскаго края. Здѣсь хозяйственная дифференціація не только *количественная*, но и *качественная*; богачъ имѣетъ не только *большее* по размѣрамъ, но и *совершенно другое* по характеру хозяйство, являясь не только не болѣе прогрессивнымъ, но, наоборотъ, наиболѣе отсталымъ элементомъ. По компетентному свидѣтельству К. П. ф.-Кауфмана, дифференціація кочевого населенія на скотоводовъ-богачей и земледѣльческую или полуосѣдлую массу началась еще въ эпоху, предшествовавшую русскому завоеванію; уже въ то время „происходило постепенное обособленіе степного скотоводства, какъ промысла одной лишь состоятельной доли киргизскаго населенія, отъ земледѣлія, какъ достоянія бѣдныхъ“,—обособленіе на почвѣ существовавшихъ въ кочевой средѣ отношеній личной зависимости: „трудъ,—говоритъ К. П. ф.-Кауфманъ,—былъ презираемымъ, подневольнымъ ремесломъ однихъ кочевыхъ пролетаріевъ, при чемъ трудовая роль послѣднихъ въ родовомъ хлѣбопашествѣ никогда не бывала самостоятельною; это были подневольные батраки, закабаленные своею бѣдностью на земледѣльческую работу изъ-за скуднаго пропитанія“.

То же явленіе наблюдается и посейчасъ: „наиболѣе богатые родовичи и теперь, когда киргизское земледѣліе значительно развилось и расширилось, всего менѣе занимаются хлѣбопашествомъ; и теперь писалъ К. П. Кауфманъ,—въ концѣ 70-хъ гг., послѣ 15 лѣтъ русскаго господства, земледѣліе у киргизъ—промыселъ бѣдныхъ, не имѣющихъ достаточныхъ стадъ для выгоднаго занятія скотоводствомъ“ [3]).

Для Туркестанскаго края, за отсутствіемъ соотвѣтственнаго статистическаго матеріала, сказаннаго нѣтъ возможности провѣрить на точныхъ цифрахъ. Такими цифрами мы располагаемъ для

---

[1]) Кокчетавск. у., 147.
[2]) То же 144.
[3]) Проектъ всеподд. отчета, стр. 186, 190, 212—213.

южныхъ уѣздовъ Степного края, изслѣдованныхъ киргизскою экспедиціей, и эти цифры безусловно подтверждаютъ если не передовую роль бѣднѣйшихъ элементовъ, то во всякомъ случаѣ—регрессивный характеръ хозяйства высшихъ по благосостоянію слоевъ кочевого населенія. Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, напримѣръ, наибольшій $^0/_0$ хозяйствъ съ запашкой даютъ джатаческія хозяйства ($39^0/_0$); хозяйства среднесостоятельныя, безъ найма и безъ отпуска батраковъ, даютъ уже значительно меньше—всего $15^0/_0$, отпускающія батраковъ, значитъ, бѣднѣйшія,—еще того меньше, всего около $^1/_{10}$ общаго числа хозяйствъ этой категоріи [1]). Въ Атбасарскомъ уѣздѣ, принимая за единицу $^0/_0$ пашущихъ хозяйствъ у безлошадныхъ, $^0/_0$ пашущихъ въ дальнѣйшихъ, въ порядкѣ возрастающаго благосостоянія, группахъ выразится въ такихъ цифцахъ: 1,6, 2,9, 4,4, 5,1, 4,5, 4,7, 3,3; высшая группа, какъ и три низшія, далеко отстала, по развитію земледѣлія, отъ средней группы ряда [2]). Почти то же самое по Усть-Каменогорскому уѣзду: максимальный процентъ пашущихъ (отъ 76 до $79^0/_0$) оказывается въ шести среднихъ группахъ; въ трехъ низшихъ онъ понижается до 73,5, 59, $44,3^0/_0$, въ трехъ высшихъ—до 73,5, 73,5, $63^0/_0$. Если такимъ образомъ для всей этой группы уѣздовъ цифры опровергаютъ общепринятое мнѣніе, что „земледѣліемъ занимаются бѣдняки“ [3]), то, съ другой стороны онѣ вполнѣ подтверждаютъ, что на ряду съ общимъ измѣненіемъ типа хозяйства въ охарактеризованномъ въ первой главѣ направленіи населеніе „дифференцировалось настолько, что одна часть его (и именно наиболѣе зажиточная) осталась кочевой скотоводческой, а другая порвала и съ кочеваніемъ и со скотоводствомъ“ [4]). Не даромъ въ „примѣчаніяхъ“ къ таблицамъ по Каркаралинскому уѣзду изслѣдователи, отмѣтивъ случаи устройства богатымъ султаномъ сравнительно крупнаго оросительнаго сооруженія, сочли необходимымъ подчеркнуть, что „это—рѣдкій примѣръ обращенія богатаго киргиза къ земледѣлію“ [5]).

И въ данномъ отношеніи киргизы, повидимому, не составляютъ исключенія среди другихъ кочевниковъ. И у якутовъ, по свидѣтельству г. Сѣрошевскаго, „не богачи составляютъ ту рабочую армію, которая вырываетъ у морозовъ, засухъ, лѣсовъ и безплодія съ каждымъ годомъ возрастающее, неоцѣненное для культуры зерновое богатство“. Работа ихъ „часто сводится здѣсь къ роли общественныхъ, дорого оплачиваемыхъ неумѣлыхъ, невѣжественныхъ и жадныхъ казначеевъ и экономовъ. Бѣдняки сѣютъ, правда, мало—по горсточкѣ, но ихъ самихъ много, и они, несомнѣнно, создаютъ тѣ быстро увеличивающіяся тысячи пудовъ, они своимъ

---

[1]) Каркарал. у., 69.
[2]) Атбасар. у., XIV.
[3]) Усть-Каменог. у., 61.
[4]) То же 34.
[5]) Каркар. у., *п.*, 86.

трудомъ, своей не безъ борьбы дающійся воздержанностью подготовляютъ почву для лучшей будущности всего народа" [1]).

Возвращаемся, однако, къ родовой связи и родовому быту. Я упоминалъ уже о разнорѣчивыхъ взглядахъ существующихъ въ обществѣ и литературѣ по данному вопросу. Эти разнорѣчивые взгляды отражались, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, и на политикѣ русскаго правительства. Послѣднее, какъ тоже уже было отмѣчено, въ общемъ держалось политики невмѣшательства во внутреннюю жизнь кочевого населенія, — политики, весьма благопріятной для укрѣпившихся на почвѣ родового строя аристократическихъ его элементовъ. Оно даже пользовалось сложившеюся у кочевниковъ родовою іерархіею и соціальною дифференціаціею, какъ самыми дешевыми и не требовавшими никакихъ особенныхъ хлопотъ средствами управленія. Въ правительственныхъ сферахъ существовала, однако, и другая тенденція, которая въ концѣ-концовъ пріобрѣла господство: изъ чисто политическихъ видовъ признано было необходимымъ дезорганизовать родовую связь, въ которой видѣли готовую почву для сепаратистическихъ стремленій, а слѣдовательно — опасность для русскаго господства въ кочевыхъ районахъ. Эта тенденція воплотилась для киргизъ во временныхъ положеніяхъ 1867 и 1868 гг. и осталась господствующею въ положеніяхъ 1886 и 1892 гг.; для забайкальскихъ бурятъ она выразилась въ положеніяхъ 1901 г., установившихъ новыя начала ихъ административнаго и поземельнаго устройства. И у киргизъ, и у бурятъ введено волостное устройство, при чемъ волость у киргизъ подраздѣляется на административные аулы или старшинства; волости и аулы, по киргизскимъ положеніямъ 1886 и 1891 гг., сдѣланы не только административными, но и земельными единицами, и вся жизнедѣятельность киргизскаго и бурятскаго самоуправленія поставлена подъ строжайшій надзоръ и контроль сначала уѣздныхъ, позже — крестьянскихъ начальниковъ — этого сибирскаго варіанта земскихъ начальниковъ. У бурятъ положеніе 1901 года встрѣтило очень рѣшительное и широко организованное сопротивленіе, благодаря которому оно до сихъ поръ не получило практическаго осуществленія. У киргизъ временныя положенія 1867 и 1868 гг., замѣненныя потомъ положеніями 1886 и 1891 гг., были сразу введены въ жизнь, и описываемые въ настоящей работѣ современные земельные отношенія и распорядки у киргизъ въ теченіе 30 лѣтъ испытывали на себѣ вліяніе этихъ актовъ законодательнаго творчества. По смыслу положеній, какъ его резюмируетъ К. П. фонъ-Кауфманъ, „немногіе сильные роды раздѣлены были на отдѣльныя меньшія группы, самостоятельныя и независимыя одна отъ другой. Такое разъединеніе сильныхъ родовъ, невыгодное для родоправителей, оказалось полезно массамъ, получившимъ лучшее представительство и болѣе обезпеченную

[1]) *Серошевскій*, 293.

защиту народнаго интереса новой выборной власти, прямо отъ народа зависящей“ [1]). На практикѣ, однако, эта задача даже чисто внѣшнимъ, формальнымъ образомъ была далеко не вполнѣ достигнута, не говоря уже о существѣ дѣла; не даромъ такой знатокъ киргизской жизни, какъ О. А. Шкапскій, прямо утверждаетъ, что „туркестанское и степное положенія только придали бѣлой кости большее значеніе и помогли ей болѣе подчинить себѣ киргизскую массу“ [2]). Прежде всего, новое административное дѣленіе далеко не вездѣ было связано съ дѣйствительною — какая имѣлась въ виду—разбивкою и перетасовкою родовыхъ группъ. Въ многократно цитированной книгѣ Н. И. Гродекова [3]) приведены цифровыя данныя о родовомъ составѣ волостей одного изъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области. Мы узнаемъ изъ нихъ, что изъ общаго числа 19 образованныхъ въ уѣздѣ волостей, 4 состоятъ цѣликомъ изъ представителей одного рода, въ семи господствующій родъ представленъ болѣе чѣмъ $^4/_5$, въ трехъ—менѣе $^4/_5$, но болѣе $^3/_4$ общаго числа кибитокъ, и только въ пяти волостяхъ не замѣчается такого безусловнаго преобладанія какого-нибудь одного рода. Однако и тамъ, гдѣ волости составились дѣйствительно изъ представителей двухъ или нѣсколькихъ родовъ, или гдѣ крупное родовое подраздѣленіе разбилось между двумя или нѣсколькими административными дѣленіями, отъ этого едва ли выиграло населеніе, въ частности—его слабѣйшіе элементы: борьба между сильными и слабыми элементами внутри родовыхъ группъ только смѣнилась *борьбою партій*, въ существѣ совпадающихъ съ искусственно загнанными въ одно административное дѣленіе родовыми соединеніями или ихъ частями; и слабѣйшіе элементы не только попрежнему претерпѣваютъ гнетъ со стороны сильнѣйшихъ однородцевъ, но вдобавокъ къ этому члены слабѣйшихъ „партій“ или родовыхъ соединеній должны терпѣть гнетъ со стороны представителей тѣхъ, кому принадлежитъ преобладаніе въ волости или старшинствѣ, и кто поэтому можетъ опираться, гдѣ нужно, и на выборныхъ управителей, и на судей-біевъ, и на сходы или съѣзды, которымъ законъ предоставилъ разрѣшеніе земельныхъ дѣлъ и споровъ.

Это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ къ другому, едва ли не наиболѣе важному для насъ вопросу: объ отношеніи искусственно созданныхъ административныхъ единицъ къ землевладѣнію и землепользованію. По положеніямъ 1886 и 1891 гг. киргизская волость и административный аулъ или старшинство—не только административныя, но и земельныя единицы: волостнымъ и аульнымъ сходамъ или съѣздамъ законъ предоставилъ право распрѣдѣленія пастбищъ, право разрѣшенія земельныхъ

---

[1]) Проектъ всеподд. отчета, 223, 227.
[2]) Вопр. колонизаціи, 40—41.
[3]) 17—20.

споровъ и т. п.; мало того: степное положеніе 1891 года предоставило волостнымъ съѣздамъ право сдачи призимовочныхъ земель въ аренду [1]),—слѣдовательно, признало за *волостью* высшее право распоряженія входящими въ черту волости государственными землями, состоящими въ извѣстныхъ видахъ пользованія киргизъ. Это послѣднее обстоятельство создало въ районахъ, гдѣ шло усиленное водвореніе русскихъ переселенцевъ, до-нельзя запутанное положеніе дѣлъ, вытекавшее изъ того, что киргизская волость, которая по положенію 1891 г. одна только могла законнымъ образомъ сдавать землю въ аренду, какъ до изданія этого положенія не была, такъ и послѣ того не сдѣлалась субъектомъ владѣнія зимовочными угодьями; а тѣ разнообразные родовые и бытовые союзы, между которыми фактически распредѣляются владѣніе и пользованіе землей, положеніемъ 1891 г. были лишены права сдавать ее въ аренду; противорѣчіе закона съ жизнью, которое нашло себѣ разрѣшеніе въ массовыхъ обходахъ и прямыхъ нарушеніяхъ закона — въ фиктивныхъ сдѣлкахъ, негласныхъ сдачахъ и т. п.[2]).

Но и независимо отъ арендnаго вопроса, мысль правительства сдѣлать новыя административныя единицы вмѣстѣ съ тѣмъ и земельными получила далеко неполное осуществленіе. Есть, правда, мѣстности (таковы, напр., если не весь Актюбинскій уѣздъ, то нѣкоторыя его части), гдѣ „старшинства“ пользуются пастбищами сообща, строго отграничиваясь отъ сосѣднихъ старшинствъ либо въ пользованіи одними пашнями и покосами, либо также и пастбищами; гдѣ аульные сходы отводятъ отдѣльнымъ группамъ пахотныя земли или установляютъ очередь распашки отдѣльныхъ урочищъ [3]), гдѣ, словомъ, административный аулъ, несомнѣнно, несетъ земельныя функціи и въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ земельною общиной. Но такія мѣстности являются, несомнѣнно же, исключеніемъ; въ видѣ правила „волостное и аульное общества какъ были, такъ и остаются чисто административными, а не поземельными единицами, послѣдними же являются родовыя (и частью сосѣдскія! А. К.) группы“ [4]), о которыхъ мнѣ придется говорить подробно въ слѣдующей главѣ. Повторяю: общественно-административная реформа, проведенная среди киргизъ, не смогла создать изъ вновь учрежденныхъ волостей и ауловъ или старшинствъ какихъ-либо дѣйствительно - живыхъ, общественно - земельныхъ организмовъ. Дѣло доходитъ до того, что въ одной и той же мельчайшей селитебной группѣ, „хозяйственномъ аулѣ“, живутъ хозяева, приписанные къ различнымъ административнымъ ауламъ и

[1]) Туркест. положеніе 1886 г. такого права не знаетъ.

[2]) Запутанное положеніе дѣлъ, вытекающее изъ указанныхъ въ текстѣ обстоятельствъ, подробно описано мною въ книгѣ „Переселенцы-арендаторы Тургайской области“.

[3]) Актюб. у., п. 14, 20, 21, 22, 27, 36.

[4]) Усть-Каменогор. у. 10.

даже различнымъ волостямъ, не говоря уже о томъ, что сплошь и рядомъ въ одной общинѣ встрѣчаются киргизы нѣсколькихъ административныхъ ауловъ и разныхъ волостей [1]). И если, при такомъ положеніи дѣлъ, при отсутствіи у киргизской волости и административнаго аула *дѣйствительныхъ*, жизненныхъ земельныхъ функцій, законъ предоставилъ имъ такія легальныя функціи, какъ разрѣшеніе земельныхъ споровъ, то это лишь новый источникъ недоразумѣній и злоупотребленій: богатые вліятельные киргизы, притѣсняя слабыхъ, сплошь и рядомъ „опираются на фиктивные приговоры, которые составляются продажною администраціей отъ лица аульнаго схода, которому Степное положеніе предоставляетъ рѣшеніе поземельныхъ споровъ, возникающихъ между одноаульцами“ [2]); да и въ участіи продажной администраціи тутъ нѣтъ особой необходимости: аульный сходъ, какъ таковой, въ видѣ правила глубоко чуждъ существу сложившихся среди киргизъ земельныхъ отношеній; не удивительно, что рѣшенія его слишкомъ часто слагаются подъ вліяніемъ посторонніхъ мотивовъ, что онъ слишкомъ часто оказывается орудіемъ угнетенія болѣе сильными людьми и родовыми группами болѣе слабыхъ.

Однако, киргизскія „положенія“, несомнѣнно, значительно *ослабили* родовыя связи; ослабили потому, что встрѣтили, собственно въ данномъ отношеніи, благодарную почву: родовыя связи ослабѣли „подъ вліяніемъ общихъ условій осложнившейся жизни, способствующихъ развитію индивидуалистическихъ наклонностей, стремленія къ большей самостоятельности въ хозяйственныхъ и иныхъ дѣлахъ“ [3]); въ силу совокупности этихъ условій, „на мѣсто отживающихъ родовыхъ порядковъ все шире и шире внѣдряются въ бытъ кочевника порядки, устанавливаемые сходами; значеніе старшихъ въ родѣ отодвигается, видимо, на задній планъ“ [4]); въ частности, слабѣетъ вліяніе родового начала на порядки землепользованія, которые „начинаютъ подчиняться дѣйствію иныхъ причинъ“, и, напримѣръ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ, въ области сѣнокосныхъ распорядковъ, „за исключеніемъ наслѣдованія сѣнокосныхъ участковъ по прямой родовой линіи, вліяніе родового начала теперь сказывается очень рѣдко во всѣхъ другихъ отношеніяхъ“ [5]). Разложенію рода и ослабленію родовыхъ связей не могли, конечно, не способствовать такія явленія, какъ вторичное разселеніе кочевниковъ въ предѣлахъ уѣздовъ и—гдѣ это имѣло мѣсто—переходъ извѣстной части ихъ на арендныя земли; рѣзкій примѣръ того и другого представляетъ равнинная часть Па-

---

1) Атбасарскій у., VIII.
2) Тоже, 23, 48.
3) Усть-Каменог. у., 9.
4) Актюб. у., 21.
5) Кокчет. у., 123.

павлодарскаго уѣзда; и въ соотвѣтствіи съ этимъ здѣсь „такой чистоты родства, какая существуетъ въ горныхъ волостяхъ (того же уѣзда), мы здѣсь не найдемъ — разселеніе киргизъ внутри уѣзда повліяло на разложеніе рода“ [1]).

А такъ какъ разложеніе родовой связи имѣетъ въ своей основѣ общія причины, то оно наблюдается и въ такихъ кочевыхъ районахъ, гдѣ упадокъ родовыхъ организацій и вовсе нельзя отнести на счетъ какого бы то ни было воздѣйствія закона и администраціи,—напримѣръ, у бурятъ и якутовъ. Такъ, у забайкальскихъ бурятъ родовой бытъ въ полномъ разложеніи, обусловливаемомъ прежде всего увеличеніемъ численнаго состава родовъ, а затѣмъ — и нѣкоторыми чисто-хозяйственными причинами; въ числѣ послѣднихъ и здѣсь необходимо на первый планъ поставить случаи, когда цѣлыя группы инородцевъ, вслѣдствіе недостаточности земельныхъ угодій, „перекочевывали на болѣе привольныя земли представителей чуждаго имъ рода, съ которыми у нихъ вскорѣ устанавливалась общность семейныхъ и хозяйственныхъ интересовъ, связь же со своими родовичами окончательно терялась“ [2]). Разложеніе бурятскаго рода неопровержимо доказывается данными о составѣ инородческихъ общинъ: всего 18,3% послѣднихъ, съ 16,9% инородческаго населенія, оказались состоящими изъ членовъ одного рода; остальныя 81,7% общинъ, съ 83,1% населенія, оказались состоящими изъ представителей болѣе или менѣе перемѣшанныхъ родовъ [3]). При такой территоріальной перепутанности родовъ, родъ, естественно, мало-по-малу теряетъ всякое значеніе и постепенно передаетъ свои функціи другимъ, частью естественнымъ, частью искусственнымъ, соединеніямъ [4]). Дольше всего за родовыми организаціями оставались, повидимому, податныя функціи и въ частности отбываніе натуральныхъ повинностей; но и отбываніе этихъ послѣднихъ по родамъ „послѣ смѣшенія родовъ сдѣлалось окончательно невозможнымъ“ [5]) и перешло къ особо для того созданнымъ сосѣдскимъ группамъ — булукамъ.

Такое же дробленіе родовъ наблюдается и у якутовъ, причемъ ясно прослѣживается тѣсная связь этого процесса съ измѣненіями въ характерѣ скотоводства. „Соціальныя привычки лошадей, — говоритъ г. Сѣрошевскій, — любящихъ жить въ крупныхъ общинахъ, дѣлали союзы ихъ пастуховъ неизбѣжными“. „Дробленіе собственности и, какъ послѣдствіе его, дробленіе родовыхъ группъ становится возможнымъ только съ постепеннымъ введеніемъ рогатаго скота, который можно держать самостоятельно

---

[1]) Павлодар. у., 10.
[2]) Забайкал., VI, 109.
[3]) То же, 110.
[4]) То же, 111.
[5]) То же, 112.

и въ небольшомъ количествѣ" и который не имѣетъ свойственныхъ лошадямъ общественныхъ привычекъ [1]).

Я не рѣшаюсь принять на себя полной отвѣтственности за изложенную остроумную гипотезу г. Сѣрошевскаго. Но если она вѣрна, то дѣйствіе ея не ограничивается одними якутами — она имѣетъ несравненно болѣе широкое общее значеніе: вѣдь и у киргизъ однимъ изъ основныхъ фактовъ эволюціи кочевого быта является переходъ отъ табуннаго коневодства къ разведенію рогатаго скота; значитъ, и у нихъ именно въ этомъ обстоятельствѣ надо видѣть если не главную причину, то одну изъ главныхъ причинъ разложенія родовыхъ соединеній. И можетъ-быть, что на ряду съ этимъ обстоятельствомъ надо поставить другое, тѣсно съ нимъ связанное по существу,—именно развитіе сѣнокошенія: мы увидимъ ниже въ главѣ III, что именно по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ быстрѣе всего идетъ, у осѣдающихъ кочевниковъ, дробленіе и даже индивидуализація владѣнія,— появленіе сѣнокосовъ является, слѣдовательно, новымъ ферментомъ, способствующимъ разложенію и обезсиленію сложившихся на пользованіи обширными пастбищами крупныхъ родовыхъ соединеній.

Такъ или иначе, разложеніе родового строя у нашихъ кочевниковъ — не болѣе какъ одно изъ проявленій общей тенденціи, давно отмѣченной наблюдателями и изслѣдователями родового быта. „По мѣрѣ удаленія, — говоритъ М. М. Ковалевскій, — отъ времени первоначальнаго поселенія родовъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи, сознаніе кровнаго родства между отдѣльными вѣтвями рода необходимо должно ослабѣвать. Съ постепеннымъ упадкомъ этого сознанія обнаруживается, въ каждомъ изъ родовыхъ подраздѣленій, желаніе устроить свои имущественныя отношенія такимъ образомъ, чтобы они стояли внѣ сферы участія и вмѣшательства болѣе или менѣе чуждыхъ ему остальныхъ подраздѣленій рода",—отсюда „постепенное выдѣленіе изъ земель цѣлаго рода особыхъ пространствъ, общее владѣніе которыми ограничено лишь членами того или другого изъ его подраздѣленій, другими словами—большихъ нераздѣльныхъ семей". Роль этихъ послѣднихъ у нашихъ кочевниковъ играютъ, повидимому, мельчайшія селитебныя единицы, о которыхъ намъ придется говорить, главнымъ образомъ, въ началѣ слѣдующей главы— киргизскій хозяйственный аулъ, бурятскій хоттонъ и т. п.

Однако, разложеніе рода у нашихъ кочевниковъ и въ особенности у киргизъ должно быть, разумѣется, понимаемо въ очень относительномъ или условномъ смыслѣ, именно не столько въ видѣ дѣйствительнаго распаденія родовыхъ группъ и замѣны ихъ группами лицъ, вовсе не связанныхъ узами кровнаго родства, сколько въ смыслѣ измѣненія характера взаимныхъ земель-

[1]) *Сѣрошевскій*, 445.

ныхъ и хозяйственныхъ отношеній лицъ, связанныхъ родовою связью. Подобно кавказской этнографіи, новѣйшія изслѣдованія кочевого землепользованія и хозяйства свидѣтельствуютъ о томъ, что „родовые порядки не предполагаютъ необходимо господства одной какой-либо формы землевладѣнія“ [1]); что, напротивъ, сохраненіе родовыхъ связей и распорядковъ совмѣстимо съ разнообразнѣйшими, описываемыми въ послѣдующихъ главахъ, формами владѣнія и пользованія землею. Въ основѣ всѣхъ группировокъ—селитебныхъ, земельныхъ и частью хозяйственныхъ (артельная работа, составленіе кӧсовъ) у киргизъ, въ видѣ правила, все-таки остается родовая связь, и общая схема этихъ группировокъ, по словамъ составителя Кустанайскаго сборника, имѣетъ такой видъ: „Наименьшей земельно-хозяйственной единицей является хозяйственный аулъ или аксакальство. Нѣсколько такихъ аксакальствъ, занимающихъ одну сплошную территорію и объединяющихся однимъ и тѣмъ же родоначальникомъ, составляютъ земельную общину; затѣмъ смежныя общины, происходящія также отъ одного, уже болѣе отдаленнаго, родоначальника, въ свою очередь, составляютъ особую группу общинъ, имѣющихъ, кромѣ сосѣдства, и другіе общіе хозяйственные интересы, напримѣръ совмѣстное пользованіе одной и той же лѣтовкой, общій выпасъ зимняго табуна или сдачу въ аренду и подъ распашку степей, принадлежащихъ этимъ общинамъ и т. п.“ [2]). Когда обусловленное частью естественнымъ приростомъ, частью приселеніемъ родовичей сгущеніе населенія въ областяхъ осѣданія кочевниковъ вызывало потребность въ установленіи ограниченій права выпаса скота, то первоначально явилась необходимость оградить условными границами земли, занятыя цѣлымъ родомъ, и эти границы оказались настолько прочными, что сохранились и по настоящее время... На этомъ процессъ обособленія земельныхъ угодій не остановился, и мало-по-малу началось дѣленіе земли внутри родовыхъ группъ“ [3]). Въ частности, строго родственный характеръ, въ видѣ правила, имѣютъ тѣ группы, которыя являются главными носительницами функцій землевладѣнія и землепользованія,—группы, гдѣ „каждое хозяйство имѣетъ равное право на извѣстную территорію, на которой расположены кстау этихъ хозяйствъ“ [4]). Просматривая „примѣчанія къ поаульнымъ таблицамъ“, мы видимъ, что въ громадномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ первымъ признакомъ, объединяющимъ такую группу, является „родство“, „происхожденіе отъ общаго родоначальника“, и уже на второмъ мѣстѣ слѣдуетъ общность тѣхъ или другихъ видовъ землевладѣнія и общность кочеванія. Съ тѣмъ большею ясностью род-

[1]) *Ковалевскій*, „Зак. и обыч. на Кавк.“ I, 52—53, 62—63.
[2]) Кустан. у., 64.
[3]) Павлодарск., 28. Аналогичныя явленія наблюдаются у калмыковъ (*Леонтовичъ*, „Калм. право“, 200—201 и др.).
[4]) Омск. у., 33.

ственный характеръ проявляется по отношенію къ мельчайшимъ селидебнымъ единицамъ—хозяйственнымъ ауламъ. „Хозяйства, входящія въ составъ аула, связаны всегда родствомъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ въ аулѣ попадаются киргизы разныхъ родовъ, и въ этихъ случаяхъ это навѣрняка припущенники, безземельные“ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно подъ вліяніемъ арендныхъ отношеній или разныхъ случайностей разселенія [2]), образуются чужеродныя или смѣшанныя общины, или родовая группа дробится на нѣсколько самостоятельныхъ общинъ; но въ послѣднемъ случаѣ „родовыя связи нерѣдко оказываются столь сильны, что право на землю данной общины имѣютъ также киргизы того же рода изъ другихъ общинъ“, и наоборотъ. Это, такъ сказать, захожденіе земельныхъ правъ и отношеній родовичей за границы земельныхъ общинъ выражается и просто въ болѣе слабомъ охраненіи или отсутствіи охраненія границъ съ сосѣдями, связанными близкою родовою связью [3]); и въ полной общности пользованія [4]), получающей практическое осуществленіе, главнымъ образомъ, при мѣстныхъ безкормицахъ; и въ общемъ пользованіи тѣми или другими видами пастбищъ, иногда одними лѣтними, иногда—и осенними, при чемъ родовичи иногда и кочевку совершаютъ совмѣстно [5]). Въ общинахъ смѣшаннаго состава, принадлежность къ разнымъ родамъ также имѣетъ очень сильное вліяніе на внутриобщинныя земельныя отношенія. Самое обычное явленіе въ такого рода случаяхъ — фактическое обособленіе входящихъ въ общину группъ родовичей въ пользованіи иногда всѣми или нѣкоторыми покосами, иногда орошаемыми пашнями, иногда осенними или какими-нибудь другими пастбищами [6]). Не менѣе обычно, повидимому, обособленіе родовыхъ группъ для лѣтней кочевки, связанное иногда съ присоединеніемъ къ родовичамъ изъ другихъ общинъ [7]). И еще болѣе характерны, можетъ-быть, такія явленія, какъ переходъ выморочныхъ участковъ угодій подворнаго владѣнія въ распоряженіе не цѣлой общины, а родовой группы, къ которой принадлежала вымершая семья; какъ надѣленіе, опять-таки за счетъ родовой группы, прибылыхъ хозяйствъ—отау; какъ полная свобода пріема зятьевъ изъ состава своего рода, при запрещеніи принимать чужеродцевъ или требованіи для этого особаго разрѣшенія общины [8]).

Гораздо большіе успѣхи внутреннее разложеніе родовыхъ связей и отношеній сдѣлало, повидимому, у сибирскихъ кочевни-

[1]) Усть-Каменогор., 13.
[2]) „Новыя мѣста заселялись аулами какъ попало; ближайшія родовыя связи при этомъ не играли никакой роли“. Павл. *п.* 48.
[3]) Усть-Камен. *п.* 15.
[4]) Каркар. *п.* 26.
[5]) Павлод. *п.* 36.
[6]) Каркар. *п.* 28, 83; Усть-Камен. *п.* 29.
[7]) Павлодар. *п.* 36; Усть-Камен. *п.* 32.
[8]) Актюб. *п.* 12, 13, 18 и др.

ковъ — бурятъ, якутовъ и т. п. Я говорилъ, что у забайкальскихъ бурятъ только 18,3% общинъ оказались съ однороднымъ, а 81,7% общинъ, вмѣщающихъ 83,1% населенія — со смѣшаннымъ составомъ; „при такой перепутанности родовъ естественно, что родъ у забайкальскихъ инородцевъ мало-по-малу теряетъ всякое значеніе и постепенно передаетъ свои функціи другимъ, частью естественнымъ, частью искусственнымъ соединеніямъ“ [1]); и дѣйствительно, въ обширной и обстоятельной работѣ г. Кроля мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы земельные распорядки забайкальскихъ бурятъ въ какой-либо мѣрѣ были окрашены вліяніемъ родового начала. То же самое и у якутовъ. „Несмотря на старательные розыски,—говоритъ г. Сѣрошевскій,—я не могъ уяснить себѣ детально характера древнихъ якутскихъ родовыхъ союзовъ; для этого надо ждать новыхъ, болѣе тщательныхъ изслѣдованій“ [2]). Правда, по убѣжденію г. Сѣрошевскаго, тождественность многихъ названій и появленіе ихъ чуть ли не въ первыхъ свѣдѣніяхъ о якутахъ позволяютъ утверждать, что многіе теперешніе улусы и наслеги, несомнѣнно, имѣютъ въ своей основѣ былые родовые союзы“ [3]); но уже самая необходимость обращаться къ такого рода археологическимъ доказательствамъ свидѣтельствуетъ объ ослабленіи родовой связи. „Теперь,—говоритъ г. Сѣрошевскій,—роды, наслеги, улусы—это собственно земельныя общины восходящаго и нисходящаго порядка, гдѣ каждая низшая степень является неразложимымъ элементомъ высшей. Родовой строй, послужившій для нихъ канвою, даетъ себя чувствовать, главнымъ образомъ, въ той разбросанности земель, которая уменьшается, конечно, съ переходомъ къ болѣе высокимъ группамъ, но не исчезаетъ нигдѣ“ [4]).

---

[1]) Забайк. VI, 111.
[2]) *Сѣрошевскій*, 471.
[3]) То же, 474.
[4]) То же, 484.

ГЛАВА III.

Эволюція кочевой общины.

Задача нашего дальнѣйшаго изложенія—разсмотрѣть процессъ эволюціи общины, какъ она слагается и развивается на почвѣ совершающагося перехода кочевого населенія къ осѣдлости и земледѣлію. Соображенія ясности и отчетливости изложенія и анализа заставляютъ насъ при этомъ настолько строго, насколько это достижимо по самому существу занимающихъ насъ явленій, разграничить эволюцію *землевладѣнія* у осѣдающихъ кочевниковъ отъ эволюціи *землепользованія*: землевладѣнія — въ смыслѣ „совокупности отношеній *общины въ цѣломъ* къ землѣ, которая находится въ ея распоряженіи"; землепользованія — въ смыслѣ отношеній къ той же землѣ *составляющихъ общину единицъ*" [1]), домохозяйствъ. Но предварительно мнѣ кажется небезполезнымъ намѣтить общую схему совершающейся эволюціи, какъ она рисуется намъ, главнымъ образомъ, въ трудахъ той же киргизской экспедиціи,—она броситъ болѣе яркій свѣтъ на все дальнѣйшее изложеніе и позволитъ лучше разбираться въ томъ довольно большомъ числѣ деталей, въ которомъ намъ придется разбираться. Въ такого рода общей схемѣ процессъ эволюціи землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ рисуется какъ процессъ „обособленія общинно-земельныхъ территорій, начиная съ той стадіи, когда нѣтъ еще *землевладѣнія*, а есть только *пользованіе*, когда земельный просторъ такъ великъ, что нѣтъ рѣчи о какомъ бы то ни было ограниченіи пользованія землею... По мѣрѣ увеличенія населенія, пользованіе землей стѣснялось, и, конечно, прежде всего это стѣсненіе отражалось на зимнихъ пастбищахъ. Явилась необходимость занимать, „захватывать" лучшія мѣста,—закрѣпить за собою не только самыя стоянки, но и оградить извѣстную территорію отъ вторженія сосѣдей. Съ этою цѣлью условливаются относительно пограничныхъ урочищъ. Такъ какъ при всѣхъ взаимныхъ столкновеніяхъ верхъ брали болѣе сильныя, многочисленныя группы, то понятно, что первоначальные захваты дѣлались большими группами и захватывались

---

1) *Швецовъ*, Крестьянская община, 12—13; курсивы мои.

большія пространства; но съ теченіемъ времени внутри такихъ большихъ группъ начиналось обособленіе болѣе мелкихъ группъ", такъ или иначе распредѣляющихъ и разграничивающихъ между собою зимнія, иногда и осеннія, пастбища. Въ другихъ мѣстностяхъ, „гдѣ имѣлось большее количество покосовъ", и гдѣ поэтому зимній выпасъ сравнительно рано уступилъ первенствующую роль сѣнному кормленію, „обособленіе коснулось прежде всего именно покосовъ, и зачастую округленіе границъ группы происходило вслѣдствіе захвата сѣнокосныхъ участковъ въ различныхъ мѣстахъ вокругъ кстау, которые и принимали съ теченіемъ времени значеніе границъ для обособлявшейся площади" [1]).

Такова общая картина эволюціи землевладѣнія у кочевниковъ, какъ ее изображаетъ составитель Атбасарскаго сборника. Еще гораздо детальнѣе и нагляднѣе изображаетъ эту картину руководитель киргизской экспедиціи, Ф. А. Щербина, въ сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду, при чемъ особенно подчеркивается тѣсная связь эволюціи землевладѣнія съ постепеннымъ измѣненіемъ характера кочевого скотоводства. „Первобытные номады, — говоритъ Ф. А. Щербина,—кочующіе съ сѣвера на югъ на разстояніи сотенъ верстъ, находясь въ постоянномъ движеніи, не имѣютъ никакой привязанности къ землѣ, къ той или другой мѣстности. Вслѣдствіе этого у населенія совершенно отсутствуетъ самое представленіе о земельной собственности, принадлежащей аулу, роду или ордѣ" [2]). Если и въ то время столкновенія между кочевыми родами и ордами „принимали характеръ чего-то въ родѣ поземельныхъ споровъ, то ссорились не изъ-за пастбищъ, въ которыхъ не было недостатка, а изъ-за колодцевъ. Таково отношеніе къ землѣ скотоводовъ до тѣхъ поръ, пока главными видами разводимаго ими скота были верблюды и овцы, пока весь скотъ круглый годъ пользовался только подножнымъ кормомъ [3]); и съ полнымъ, мнѣ думается, основаніемъ Ф. А. Щербина ставитъ существовавшія на этой стадіи земельныя отношенія въ параллель съ тѣми, которыя, по Библіи, существовали во времена Авраама и Лота. „При появленіи лошадей родственные аулы начинаютъ соединяться въ группы для совмѣстнаго выпаса зимняго табуна"; эти группы „захватываютъ наиболѣе богатыя травой урочища, которыя сначала используются преимущественно какъ зимній тебень, но въ то же время начинаетъ постепенно развиваться сѣнокошеніе... Сначала владѣніе отдѣльныхъ группъ располагается по урочищамъ, а при возникновеніи сѣнокошенія появляются и границы между различными группами или даже аулами. При сокращеніи перекочевокъ является возможность обзаводиться рогатымъ скотомъ, что вызываетъ потребность въ довольно значительныхъ запасахъ сѣна. Цѣнность паст-

[1]) Атбасарск. у., XI — XII.
[2]) Кокчет. у., 83.
[3]) Тоже 83—84.

бищъ и сѣнокосныхъ угодій все болѣе и болѣе возрастаетъ. Появляются зачатки земледѣлія, и степь начинаетъ использоваться не только какъ пастбище, но и какъ пашня. Начинается борьба изъ-за земельныхъ владѣній между различными крупными родовыми группами, а такъ какъ единственнымъ регулирующимъ началомъ было право сильнаго, то въ концѣ-концовъ получилась крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи различныхъ угодій" [1]). Въ предѣлахъ одного только Кокчетавскаго уѣзда киргизскою экспедиціей насчитано 14 общинъ, имѣющихъ, по расчету на наличную мужскую душу, менѣе 15 дес.,—значитъ явно и несомнѣнно малоземельныхъ, и 46 имѣющихъ отъ 15 до 30 дес.. что тоже очень немного, даже при условіяхъ полукочевого хозяйства; но зато другія 46 общинъ имѣютъ, по тому же расчету, отъ 200 до 300,18—болѣе 300 дес. [2]). Не менѣе рѣзки—даже не идя дальше крупныхъ административныхъ дѣленій—колебанія размѣровъ земельнаго обезпеченія и у забайкальскихъ бурятъ: въ двухъ вѣдомствахъ, Цонгольскомъ и Кударинскомъ, они не превышаютъ 9,4 и 10,1 дес.; въ Баргузинской степной думѣ и Тунгусской управѣ въ среднемъ на душу м. п. приходится 19,0 дес.; въ Армакской управѣ, Селенгинскомъ вѣдомствѣ и Закаменской управѣ—до 24,7, 29,8 и 34,0 дес.; Хоринское вѣдомство имѣетъ на душу м. п. 94,1 дес., а въ управахъ Урульгинскаго вѣдомства средній размѣръ землевладѣнія колеблется между 79,3 и 449,3 дес. [3]). Эти огромныя различія, лишь до извѣстной степени сглаживаемыя, какъ отмѣчалось въ предыдущей главѣ, различіями въ качествѣ угодій, заставляютъ уже a priori предполагать, что и самыя формы *землепользованія* у осѣдающихъ кочевниковъ не могутъ быть сколько-нибудь однообразны. Та болѣе или менѣе полная свобода использованія угодій въ любомъ мѣстѣ и любомъ количествѣ, которая при 200, 300, 500 десятинахъ на душу очень выгодна для однихъ, болѣе сильныхъ элементовъ, и не стѣснительна для болѣе слабыхъ; эта свобода, оставаясь весьма выгодною для первыхъ, при 50, 40 или 25 десятинахъ становится очень стѣснительною для вторыхъ; а при 15, 10 или 9 десятинахъ на душу, она становится и абсолютно немыслимою и должна поэтому уступить мѣсто тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго землепользованія. И какъ типъ полукочевого хозяйства представляетъ собою нѣчто крайне неустойчивое и не установившееся, такъ сама земельная община у кочевниковъ, стоящихъ на разныхъ стадіяхъ перехода къ осѣдлости и земледѣлію, представляетъ собою „пока не сложившуюся еще окончательно, примитивную, находящуюся въ полуэмбріональномъ состояніи форму землепользованія [4]).

[1]) Тамъ же, 84—86.
[2]) Кокчетав. у., 65—6.
[3]) Забайкал., VIII, 6—7.
[4]) Кокчет. у., 67.

Мы пришли такимъ образомъ къ вопросу, что же собственно слѣдуетъ разсматривать *какъ общину* у переходящаго къ осѣдлости кочевого населенія, какъ ту единицу, къ которой пріурсчивается постепенно слагающееся землевладѣніе, и внутри которой вырабатываются постепенно же слагающіяся формы землепользованія. Естественнѣе всего, на первый взглядъ, искать „общины“ въ соединеніи, которое носило бы признаки, съ одной стороны, большой семьи [1]), а съ другой—сосѣдской группы, неизбѣжно связанной разнообразнѣйшими бытовыми и хозяйственными, а попутно, конечно, и земельными отношеніями; это связало бы занимающую насъ общину осѣдающихъ кочевниковъ, съ одной стороны, съ общеизвѣстнымъ первобытнымъ типомъ семейной общины, а съ другой—съ еще болѣе извѣстною сосѣдскою общиною современнаго земледѣльческаго населенія Россіи. Именно такого типа родственно-сосѣдскимъ соединеніемъ является встрѣчаемая и у бурятъ или калмыковъ, подъ названіемъ „хоттона“, у осетинъ, подъ очевидно родственнымъ названіемъ „кутана“, у киргизъ, подъ названіемъ „хозяйственнаго аула“ (повидимому, также называемаго и кутаномъ), мельчайшая общественная единица, объединенная совмѣстнымъ жительствомъ на зимовкахъ и совмѣстнымъ кочеваніемъ. *Селенія* въ тѣсномъ смыслѣ слова у киргизъ или бурятъ, въ томъ числѣ и осѣдающихъ, еще нѣтъ. Буряты, „за рѣдкими развѣ исключеніями, живутъ отдѣльными юртами или группами юртъ, довольно далеко другъ отъ друга отстоящими, лѣтомъ въ районѣ лѣтняго выпуска, поближе къ рѣчкѣ, колодцамъ, а зимой—въ районѣ покосовъ, въ распадкахъ, гдѣ скотъ больше защищенъ отъ вѣтровъ, гдѣ ветошь лучше“ [2]). Такія отдѣльныя группы юртъ называются „хоттонами“. Такимъ образомъ „населеннаго пункта въ точномъ смыслѣ слова кочевая община не имѣетъ: лѣтнія юрты кочевниковъ раскиданы „хоттонами“ по всей территоріи выгоновъ, зимой—по территоріи покосовъ“ [3]).

Не болѣе законченною и опредѣленною, по объему и содержанію, единицею является и киргизскій хозяйственный аулъ (ку-

---

[1]) См. приведенное на стр. 64 мнѣніе *М. М. Ковалевскаго*.

[2]) *Кроль*, 59.

[3]) Забайк., VIII, 11. По свидѣтельству проф. Леонтовича, „названіе „хоттонъ“ было общеупотребительнымъ у всѣхъ ойратскихъ племенъ“, и калмыки, „вмѣстѣ съ другими племенными институтами, перенесли съ собой въ русскія степи и свои старые „хоттоны“, доселѣ удержавшіеся у нихъ безъ существенныхъ измѣненій“; такой „хоттонъ“ — это „группа нѣсколькихъ родственныхъ между собой семей, кочующихъ вмѣстѣ на одномъ стойбищѣ съ общимъ степнымъ хозяйствомъ и происходящихъ одна отъ другой путемъ физическаго нарастанія отдѣльныхъ поколѣній“; по старымъ калмыцкимъ памятникамъ, хоттонъ составлялъ кочевое „сельцо“ изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, которыя „вмѣстѣ должны находиться“; хозяйство въ хоттонѣ „ведется сообща“, „имущественная общность, господствовавшая между членами хоттона, не давала мѣста индивидуальной собственности“ (*Леонтовичъ*, Калм. право, I, 185, 186, 189, 193, 196—197; ст. *его же*, Адаты кавк. гор., I, 390).

танъ). Далеко не всегда совпадаютъ, повидимому, даже основные его два признака — совмѣстное (точнѣе, сосѣдское) жительство зимою и совмѣстная кочевка лѣтомъ: зимній аулъ, сплошь и рядомъ, не совпадаетъ съ лѣтнимъ. Нѣсколько зимнихъ ауловъ очень часто „соединяются въ одинъ лѣтній, который совмѣстно совершаетъ кочевку и распадается только по возвращеніи къ своему кстау"; это дѣлается потому, „во-первыхъ, что совмѣстная пастьба большихъ стадъ обходится дешевле; во-вторыхъ, большому числу людей легче уберечь свои стада какъ отъ звѣря, такъ и отъ человѣка; въ-третьихъ, при совмѣстномъ кочеваніи возможенъ обмѣнъ услугами, необходимыми для однихъ и полезными для другихъ; наконецъ, лѣтнее время является до извѣстной степени праздникомъ для киргизъ, въ это же время они дѣлаютъ разныя общественныя дѣла и пріурочиваютъ различныя торжества, почему и предпочитаютъ быть большими группами" [1]).

Такимъ образомъ, понятіе хозяйственнаго аула, какъ и понятіе бурятскаго и вообще монгольскаго хоттона, остается не вполнѣ отчетливымъ и опредѣленнымъ, что̀, впрочемъ, и весьма естественно, ибо эта основная селитебно-кочевая единица и сама по себѣ не представляетъ собою вполнѣ выработавшагося и установившагося общественнаго организма. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что такою основною кочевочною и селитебною единицей остается у киргизъ именно *зимній* аулъ, объединяющими признаками котораго являются: совмѣстная жизнь на зимовкѣ, нераздѣльное, хотя иногда и совмѣстное съ другими аулами, кочеваніе и близкая родовая связь. Составъ и размѣры хозяйственнаго аула крайне измѣнчивы, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ степени сохраненія кочевого типа скотоводства. Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще преобладаетъ зимняя пастьба скота, хозяйственные аулы чрезвычайно мелки. Такъ, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ средній размѣръ аула только въ двухъ волостяхъ превышаетъ пять семей; въ остальныхъ двѣнадцати онъ колеблется между 2,1 и 4,4; въ итогѣ по уѣзду аулы болѣе чѣмъ съ пятью хозяйствами составляютъ всего 15%, аулы съ 1—2 хозяйствами — 42,7%. Все это потому, что „скотъ продовольствуется зимой, главнымъ образомъ, подножнымъ кормомъ, а въ зимнее время мелкій скотъ не можетъ отходить далеко отъ аула" [2]). Уже въ Кокчетавскомъ уѣздѣ среднее число хозяйствъ въ аулѣ $7^1/_2$, ауловъ съ однимъ хозяйствомъ или двумя уже всего 11%, съ шестью и болѣе хозяйствами—57,6, въ томъ числѣ 7,1% болѣе чѣмъ съ 15 хозяйствами [3]). У кочевниковъ южной окраины Атбасарскаго уѣзда средній размѣръ аула—4, у полуосѣдлаго населенія сѣверной части—8 хозяйствъ: „на сѣверѣ, гдѣ мелкій скотъ зимою питается

---

[1]) Кокчет. у., 62.
[2]) Усть-Камен. у., 13.
[3]) Каркар. у., 19.

преимущественно сѣномъ, нѣтъ необходимости селиться подальше другъ отъ друга, тогда какъ на югѣ, гдѣ скотъ и зимой находится на подножномъ корму, необходимо селиться пошире, чтобы не стѣснять пастьбу скота". При такихъ условіяхъ понятно, что наиболѣе крупные аулы должны оказаться въ дальше всего ушедшемъ отъ чисто кочевого быта Актюбинскомъ уѣздѣ; и дѣйствительно, средній размѣръ хозяйственнаго аула въ этомъ уѣздѣ — цѣлыхъ 14 хозяйствъ; аулы съ 1 и 2 хозяйствами составляютъ уже всего только 2,7%, аулы крупнѣе пяти хозяйствъ— 82,6%. При этомъ въ трехъ юго-восточныхъ волостяхъ уѣзда мелкіе аулы (до 5 хоз.) составляютъ еще 38, 33 и 33%, — и это какъ разъ наиболѣе кочевая часть уѣзда; въ западныхъ же и сѣверныхъ волостяхъ, наиболѣе приблизившихся къ осѣдлому типу, мелкіе аулы составляютъ отъ 0 до 5,8% [2]).

Итакъ, основной факторъ, вліяющій на величину хозяйственныхъ ауловъ,—это степень распространенности зимняго тебеневанія или, напротивъ, сѣнокошенія. Но *возможность* того и другого въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ естественныхъ условій мѣстности, и въ особенности отъ ея рельефа. И вотъ при приблизительно равной степени осѣданія, „въ мѣстностяхъ съ расчлененнымъ рельефомъ преобладаютъ аулы съ малымъ числомъ хозяйствъ, въ равнинныхъ мѣстностяхъ — большіе аулы": дѣло въ томъ, что „зимняя пастьба возможна только въ горахъ, склоны которыхъ, обращенные въ сторону господствующихъ вѣтровъ, или вовсе не заносятся снѣгомъ, или покрываются настолько тонкимъ слоемъ, что это не мѣшаетъ пастьбѣ мелкаго скота. Въ равнинныхъ мѣстностяхъ пастьба мелкаго скота зимою прекращается, такъ какъ онъ не можетъ доставать подножный кормъ изъ-подъ снѣжнаго покрова. „Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ надобности селиться небольшими группами, и даже наоборотъ, крупныя поселенія имѣютъ извѣстныя преимущества, — легче поддерживать зимнія дороги, защищаться отъ снѣжныхъ заносовъ, удобнѣе устраивать сообща колодцы, запруды и т. п." [3]).

О внутренней организаціи хоттона, кутана или хозяйственнаго аула мы также знаемъ весьма немного. Въ сущности, все, что мы знаемъ, сводится къ тому, что во главѣ каждаго киргизскаго аула стоитъ *аксакалъ*, по буквальному смыслу старикъ, сѣдобородый; это главный хозяинъ аула, распорядитель кочевокъ и представитель аула передъ внѣшнимъ міромъ [4]). Роль этого аксакала, однако, совершенно различна въ мелкихъ аулахъ чистыхъ ко-

[1]) Атбасар. у., V.
[2]) Актюб. у., 5—7.
[3]) Павлодар., 10—11. Небезынтересныя данныя о величинѣ селидебныхъ группъ см. Ольховъ 20, а также *Григорьевъ*, „Къ вопросу о позем. устройствѣ Минус. инородц.", 48; въ этихъ работахъ подчеркивается зависимость величины поселковъ отъ *качества угодій*.
[4]) Сходныя указанія см. у *Леонтовича*, Калмыцк. право, 193.

чевниковъ, представляющихъ собою иногда типичную большую, иногда расширенную семью — нѣчто въ родѣ Бюхеровскаго ойкоса изъ старшаго и младшихъ родственниковъ или изъ сильнаго патрона и зависимыхъ отъ него кліэнтовъ [1]),—и въ болѣе крупныхъ, полуосѣдлыхъ аулахъ, гораздо болѣе близкихъ къ сосѣдской, чѣмъ къ родовой или семейной общинѣ. „У кочевниковъ-баганалинцевъ Атбасарскаго уѣзда, — говоритъ составитель Кустанайскаго сборника, — аксакаломъ аула, представляющаго собою одну большую семью, является самый старшій членъ этого семейства. Въ Кустанайскомъ уѣздѣ, гдѣ каждое хозяйство въ большинствѣ случаевъ представляетъ совершенно самостоятельную хозяйственную единицу, значеніе „старика", какъ хозяина аула, утрачивается; главная роль аксакала заключается „въ наблюденіи за общественнымъ хозяйствомъ аула, а при возникновеніи споровъ и недоразумѣній среди членовъ аула, аксакалу присвоивается судебная и административная власть. Аксакалу принадлежитъ рѣшительный голосъ относительно времени выхода на лѣтовку и возвращенія обратно, съ его разрѣшенія или указанія начинаютъ косить сѣно и распредѣлять покосы, онъ побуждаетъ нерадивыхъ хозяевъ поскорѣе убрать копны сѣна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ мѣшаютъ пастьбѣ скота и т. д. Аксакалъ является представителемъ своего аула при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся интересовъ сосѣднихъ ауловъ; онъ же является главнымъ представителемъ своего аксакальства на аульныхъ сходахъ". Поэтому „аксакаломъ аула въ Кустанайскомъ уѣздѣ является *не старшій* членъ аула, *а наиболѣе способный*, подвижной и энергичный, пользующійся общимъ довѣріемъ, въ большинствѣ случаевъ и самый богатый кибитко-хозяинъ"; онъ „не выбирается, а его авторитетъ, такъ сказать, молчаливо признается всѣми. Иногда эта роль аксакала аула переходитъ по наслѣдству въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, пока авторитетъ этихъ наслѣдниковъ признается всѣми членами аула" [2]).

Въ мельчайшей селитебно-кочевочной единицѣ, въ бурятскомъ хоттонѣ или киргизскомъ хозяйственномъ аулѣ, естественнѣе всего было бы искать того, что можно было бы назвать кочевою общиной или, точнѣе, общиною осѣдающихъ кочевниковъ. Однако, къ такому отвѣту на занимающій насъ вопросъ не пришла ни киргизская, ни бурятская экспедиція. Послѣдняя при разработкѣ матеріала группируетъ хоттоны по „булукамъ", созданнымъ бурятскою администраціей, чтобы урегулировать отбываніе натуральныхъ повинностей: въ каждый булукъ степными думами и инородными управами включались инородцы, имѣющіе стойбища въ нѣсколькихъ сосѣднихъ урочищахъ, и „такимъ образомъ, — заключаетъ г. Разумовъ, авторъ монографіи о населеніи, — сами

[1]) См. тамъ же, 196—197.
[2]) Кустанайскій, 64—65.

инородцы пришли къ необходимости учредить у себя подраздѣленіе на территоріальныя общины“ [1]). Но подобное отожествленіе булука съ земельною общиной едва ли правильно. „Булуки, — говоритъ М. А. Кроль,—не были податными (даже податными!) единицами, ибо въ булукѣ сплошь и рядомъ жили инородцы разныхъ родовъ, платящіе подати чрезъ свои инородныя управы... Обыкновенно инородцевъ, живущихъ въ одномъ булукѣ, связывала общая поскотинная повинность и совмѣстное отбываніе междубулучной подводной повинности. Но иногда въ булукѣ не оказывалось поскòтины, а недѣльную гоньбу два-три булука отбывали сообща; тогда булукъ окончательно терялъ свое содержаніе и представлялъ собою, въ лучшемъ случаѣ, географическій терминъ, къ которому тяготѣли тѣ или другіе инородцы“. У инородцевъ западнаго Забайкалья „булукъ уже всегда представляетъ собою географическій населенный пунктъ — долину, падь, или степь, на которомъ живутъ бурятскія семейства; поэтому *каждая бурятская община состоитъ тамъ всегда изъ нѣсколькихъ булуковъ*; но никогда не случалось, чтобы тамошній булукъ состоялъ изъ нѣсколькихъ покосныхъ общинъ“, какъ въ вѣдомствахъ восточнаго Забайкалья [2]). Точнаго отвѣта на вопросъ: *что же такое*, въ концѣ-концовъ, *бурятская община*, не даетъ и г. Кроль, — и, очевидно, такого отвѣта и не было возможности дать, ибо самая эта община—явленіе еще только слагающееся, параллельно съ переходомъ отъ чисто-кочевого быта къ осѣдлому. При чисто-кочевомъ бытѣ и владѣніе, и пользованіе угодьями имѣло совершенно безформенный характеръ — „довольствовались всѣмъ безвозбранно“, какъ гласитъ цитируемый г. Кролемъ документъ, относящійся къ 1823 году. Даже бурятская покосная община „является нерѣдко понятіемъ весьма неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ“ [3]); владѣльцы покосовъ „объединяются только совмѣстною городьбою поскòтинъ, и вѣрнѣе всего было бы назвать такую покосную, объединенную валовою поскòтиною общину — *поскотинною* общиной“ [4]). Итакъ, факторомъ, создающимъ у бурятъ нѣчто въ родѣ земельной общины, является — и въ этомъ ея своеобразность — *огораживаніе угодій*. Зародышъ бурятской земельной общины — это свободно составляющаяся поскотинная связь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья до сихъ поръ еще „каждому предоставляется право вступить въ одну изъ имѣющихся сѣнокосныхъ общинъ, безразлично, на земляхъ своего или чужого булука эта община имѣетъ покосы. Тотъ, кто не пожелаетъ вступить въ общину, можетъ накосить себѣ нужное количество травы или на захватномъ покосѣ, или вольно — на выпускныхъ мѣстахъ“. А это — какъ и

[1]) Забайк., VI, 112.
[2]) *Кроль*, 10—11.
[3]) *Кроль*, 8—10.
[4]) Тоже, 11.

существующій еще мѣстами обычай „удѣлять покосы и членамъ чужой сосѣдней общины, если на покосахъ послѣдней трава не уродилась или уродилась плохо“,—показываетъ, что „поскотинная община“ скорѣе является свободнымъ союзомъ, заключаемымъ для чисто хозяйственныхъ цѣлей, нежели единицею общаго владѣнія и пользованія землею.

Забайкальская экспедиція, въ лицѣ г. Кроля, не прослѣживаетъ дальше развитія этого процесса, такъ сказать, зарожденія бурятской общины. Но совершающаяся у бурятъ эволюція внутриобщинныхъ формъ пользованія землею не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что свободная поскотинная община мало-по-малу переходитъ въ законченную форму земельной общины, въ извѣстныхъ случаяхъ совпадающей съ булукомъ и имѣющей своимъ органомъ булучный сугланъ [1]). А *самый фактъ* постепеннаго развитія типичной территоріальной общины изъ свободно составляющагося, чисто-хозяйственнаго союза имѣетъ немаловажное общее значеніе и бросаетъ яркій свѣтъ, вообще, на вопросъ о происхожденіи общины. Это частный случай того общаго правила, которое намъ неоднократно придется прослѣживать въ дальнѣйшемъ изложеніи: что *не община вырабатываетъ общинные порядки, а, наоборотъ, совмѣстное жительство, совмѣстные хозяйственные интересы, совмѣстное землепользованіе заставляютъ связанныя такого рода отношеніями хозяйственныя единицы вырабатывать извѣстнаго рода распорядки, такъ или иначе регулировать свои взаимныя отношенія, и эти-то отношенія и распорядки, въ концѣ-концовъ, объединяютъ участвующія въ нихъ единицы и сплачиваютъ ихъ въ законченную земельную общину.*

Весьма неяснымъ остается характеръ общины и у закавказскихъ кочевниковъ. Изслѣдованіе констатируетъ у нихъ существованіе „такъ называемыхъ „объ“ или небольшихъ демократическихъ общинъ, преслѣдующихъ чисто-экономическія цѣли. Община обыкновенно создается по иниціативѣ наиболѣе состоятельнаго человѣка, владѣющаго юртомъ и располагающаго сравнительно бо̀льшими, чѣмъ другіе, средствами. Въ такомъ случаѣ, онъ называется главою „обы“, а тѣ домохозяева, которые вошли въ эту „обу“—членами ея, или „джолами“. Глава общины нанимаетъ нѣсколько пастуховъ, которые обязаны смотрѣть за скотомъ всей „обы“. Члены послѣдней платятъ за это главѣ по 4 или 5 барановъ со ста. Такія общины составляются только весною, во время перекочевокъ, и рѣдко остаются на зиму“ [2]).

Характеристика эта оставляетъ много мѣста для всякаго рода сомнѣній. Трудно признать обу „демократическою“ общиной, разъ главою обы „можетъ быть только человѣкъ богатый, владѣющій своимъ юртомъ“, за пользованіе которымъ онъ взимаетъ

---

[1]) Тоже, 31.

[2]) Закавказ., III, 74—75. См. *Егіазаровъ*, 191—196.

плату, и разъ „въ случаѣ обѣднѣнія главы онъ немедленно смѣняется и его мѣсто занимаетъ другой“ [1]). Независимо отъ этого: можно ли признать за общину соединеніе, образующееся „только весной, во время перекочевокъ и рѣдко остающееся на зиму?“... Но съ другой стороны, изслѣдованіе опредѣленно констатируетъ, что „всѣми вообще землями, имѣющимися у курдовъ, они владѣютъ общинно. Таковы, напримѣръ, юрты, овчарни и даже зимовники; общности владѣнія придерживаются даже и относительно покосовъ“, которые „ежегодно дѣлятся на участки и распредѣляются по жребію“ [2]).

Отнюдь не отличается опредѣленностью понятіе общины и у киргизъ. Въ качествѣ таковой экспедиція Ф. А. Щербины выдвинула *общинно-аульную* или *общинно-земельную группу* [3]). При условіяхъ быта осѣдающихъ киргизъ,—говоритъ Ф. А. Щербина въ первомъ, по времени выхода, Кокчетавскомъ сборникѣ,—ихъ общинно-земельныя формы „предполагаютъ собою общность пользованія, главнымъ образомъ, зимними стойбищами и отчасти весенне-осенними пастбищами. На тѣхъ и другихъ, и преимущественно на первыхъ, киргизы устраиваютъ свои аулы и заводятъ обыкновенно пашни и сѣнокосы. Тѣ и другіе эксплуатируются на основаніи извѣстныхъ порядковъ, сложившихся практически. Тѣ и другія, наконецъ, имѣютъ наиболѣе опредѣленныя границы. Самое населеніе, при наличности этихъ признаковъ, бываетъ объединено въ болѣе или менѣе обособленную, самостоятельную группу хозяевъ, кочующихъ совмѣстно на пастбищахъ общаго пользованія—на лѣтовкахъ, и отстаивающихъ также совмѣстно свои интересы при земельныхъ столкновеніяхъ и неурядицахъ“ [4]). Такимъ образомъ, въ условіяхъ быта осѣдающихъ кочевниковъ „общимъ и наиболѣе прочнымъ, связывающимъ признакомъ служитъ совмѣстное использованіе зимнихъ и весенне-осеннихъ пастбищъ. Группы хозяйствъ или цѣлыхъ ауловъ, объединенныхъ этимъ земельнымъ интересомъ, представляютъ уже собою довольно опредѣленный типъ киргизской земельной общины“, имѣющей свои общія гра-

---

[1]) **Тоже**, 75.

[2]) **Тамъ же.**

[3]) Аналогами киргизской общинно-аульной группы, повидимому, являются калмыцкій аймакъ и въ особенности—аулъ въ большей или меньшей мѣрѣ перешедшихъ къ осѣдлости кавказскихъ горцевъ. Аймакъ—это „союзъ нѣсколькихъ хотоновъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности и находящихся между собой въ близкихъ степеняхъ родства“,—союзъ создавшійся, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ интересовъ „взаимной помощи и самообороны“(*Леонтовичъ*,Калм. право, 205); болѣе подробной характеристики калмыцкаго аймака, какъ земельно-хозяйственной организаціи, мы у г. Леонтовича не находимъ. Черкесскій аулъ—это нѣчто въ родѣ „небольшой волости“: „онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ поселковъ (коудже) или хуторовъ (кутанъ), разбросанныхъ по ущелью или долинѣ и составляющихъ вмѣстѣ одну сельскую общину“, (*Онъ же*, Адаты кавк. горц., I, 365).

[4]) Кокчет. у., 61.

ницы для зимовыхъ стойбищъ, въ предѣлахъ которыхъ земли получаютъ различное хозяйственное назначеніе [1]).

Впрочемъ, это опредѣленіе не всегда выдерживается вполнѣ послѣдовательно. Даже въ другомъ мѣстѣ того же Кокчетавскаго сборника на первый планъ выдвигается другой объединяющій признакъ — *общность кочеванія*. При кочевкахъ, — читаемъ мы здѣсь, — „аулы или сразу соединяются вмѣстѣ, или же, чаще, каждый хозяйственный аулъ сначала держитъ свой кочевой путь отдѣльно“, и уже позднѣе, когда подрастетъ трава, „отдѣльные кочевые пути соединяются въ одинъ общій и образуется *общинно-земельная группа ауловъ*“ (курсивъ мой! А. К.). [2]).

Однако, это, вѣроятно, случайная обмолвка, въ видѣ правила же объединяющимъ признакомъ общинно-земельной группы признается общность владѣнія зимними пастбищами. „Мы думаемъ, — говоритъ по этому поводу составитель Павлодарскаго сборника,—что имѣемъ право назвать нашу группу общинной, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Если характернымъ признакомъ общиннаго землевладѣнія является равное право каждаго члена группы на данную территорію, то несомнѣнно, что киргизская земельно-родовая группа представляетъ общину. Каждый членъ этой группы является владѣльцемъ какой-нибудь опредѣленной территоріи, не полнымъ собственникомъ ея, а только пользователемъ, наравнѣ со всѣми прочими членами группы. Каждый членъ можетъ держать столько скота сколько хочетъ, но если богачъ начнетъ бѣднѣть, а бѣднякъ — богатѣть, то это не повліяетъ на сложившіяся земельныя отношенія,—каждый наравнѣ съ другими будетъ использовать общія пастбища. Во всемъ, что касается распоряженія землей, каждый членъ ея ограниченъ весьма значительно; такъ, никто не имѣетъ права безъ разрѣшенія общества принять къ себѣ чужой скотъ на выпасъ, не можетъ взять въ домъ зятя, имѣющаго скотъ, не можетъ продать, подарить или завѣщать кому-либо свое право на землю. Во всѣхъ случаяхъ аренды или продажи фигурируетъ группа цѣликомъ: группа принимаетъ къ себѣ арендаторовъ, уступая имъ часть земли, или отдаетъ всю землю и уходитъ прочь. То же и въ случаѣ продажи. Словомъ, во всѣхъ земельныхъ вопросахъ рѣшеніе принадлежитъ группѣ“ [3]).

Намъ придется ниже подвергнуть понятіе общинно-аульной или общинно-земельной группы, какъ оно установлено экспедиціей, подробному анализу. Въ настоящую минуту мнѣ кажется нелишнимъ остановиться на данныхъ о *размѣрахъ* общинно-земельныхъ группъ, которые, оказывается, столь же разнообразны, какъ и размѣры хозяйственныхъ ауловъ, въ зависимости отъ тѣхъ

---

1) Тоже, 63.
2) Тамъ же, 83.
3) Павлодар., 31. См. тоже Усть-Каменог., 33.

же условій: рельефа мѣстности и степени осѣданія кочевниковъ. Такъ, въ горномъ районѣ Павлодарскаго уѣзда имѣется 150 общинъ не свыше 10 хозяйствъ въ каждой, 157—отъ 11 до 40 и 68—крупнѣе 40-домохозяйствъ, или въ процентномъ распредѣленіи: 40, 42 и 18%; въ равнинномъ районѣ того же уѣзда соотвѣтственныя абсолютныя цифры 2, 12 и 18, или въ процентахъ 6,2, 37,5 и 56,2%. „Въ горахъ пастбище цѣнно, каждый клочокъ его на счету, и оно используется насколько возможно интенсивно“, а между тѣмъ „зимою нельзя отгонять мелкій скотъ далеко отъ кстау, при короткомъ зимнемъ днѣ и тяжелой снѣжной дорогѣ“ [1]); слѣдовательно, общность пользованія зимними пастбищами въ горахъ была бы практически неосуществима. Если сопоставлять цѣлые уѣзды, стоящіе на различныхъ ступеняхъ по степени осѣданія киргизъ, то получаемъ такія цифры: въ Атбасарскомъ, наиболѣе кочевомъ уѣздѣ Акмолинской области, общинъ, объединяющихъ не свыше 5 ауловъ, — 69, съ 6—10 аулами—33, съ 11—20 аулами—13, и только одна община объединяетъ болѣе 20 ауловъ. Въ Актюбинскомъ уѣздѣ, наиболѣе далеко ушедшемъ на пути къ осѣдлости, общинъ, объединяющихъ не свыше 5 ауловъ, всего 41, общинъ съ 6—10 аулами—49, съ 11—15—17, съ 16—25 аулами—18, а 4 общины объединяютъ, каждая, болѣе 25 ауловъ [2]). И насколько крупнѣе хозяйственные аулы у полуосѣдлаго населенія Актюбинскаго уѣзда!

Обратимся теперь къ вопросу: насколько общинно-аульная или общинно-земельная группа можетъ быть, дѣйствительно, признана за *типъ общины* у осѣдающихъ кочевниковъ. Просматривая „примѣчанія“ къ поаульнымъ таблицамъ, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ довольно многочисленными случаями, когда „общинно-земельныя группы“ оказываются сведенными, просто, болѣе или менѣе механически. Иногда нашъ источникъ, просто, констатируетъ, что „группа составлена механически, и аулы, входящіе въ составъ ея, не имѣютъ между собой внутренней органической связи“ [3]). Иногда отмѣчается, что извѣстная группа—это въ сущности „двѣ земельныхъ общины, разъединить которыя не удалось вслѣдствіе земельнаго спора между ними“ [4]). Гораздо чаще механическое соединеніе въ одну группу объясняется „недостаткомъ картографическаго матеріала для установленія границъ болѣе мелкихъ группъ“ [5]). Довольно часто основаніемъ для соединенія ауловъ въ группу служила вовсе не *общность пользованія* призимовочными угодьями, а *простое сосѣдство* или „близкое сосѣдство зимовыхъ стойбищъ“, обыкновенно при наличности либо близкаго родства, либо общности пользованія разнаго

[1]) Павлодар. у., 11—12.
[2]) Актюб. у., 11.
[3]) Павлодар. у., *п.* 7.
[4]) Усть-Каменог. у., *п.* 41.
[5]) Каркар. у., *п.* 11, 13, 42, 91. Павлод., *п.* 37 и др.

рода другими угодьями, либо общности кочеванія, либо просто при „неопредѣленности пастбищныхъ границъ“ [1]). Насколько многочисленны такіе случаи — случаи, когда „группа“ является, даже въ глазахъ самой экспедиціи, завѣдомо - искусственнымъ соединеніемъ единицъ и группъ, не имѣющихъ между собой реальной органической связи, — этого учесть нѣтъ возможности. Но въ виду отрывочнаго характера „примѣчаній“ [2]) можно съ извѣстною увѣренностью утверждать, что число такихъ случаевъ должно быть во много разъ больше, чѣмъ число соотвѣтственныхъ отмѣтокъ въ нашихъ источникахъ.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ *такіе* случаи, которые сами по себѣ еще не говорятъ противъ возможности видѣть въ общинно-земельной или общинно-аульной группѣ, гдѣ она соединена *не* механически, нѣчто соотвѣтствующее земельной общинѣ. Каковы, однако, необходимые признаки такой общины? Съ одной стороны, конечно, обособленность владѣнія отъ владѣній другихъ группъ, съ другой—ясно выраженная общность владѣнія внутри группы; въ частности для киргизской общинно-земельной группы— общность владѣнія *зимними пастбищами*. Между тѣмъ, и тотъ и другой признакъ оказывается налицо далеко не всегда и далеко не вездѣ. Если остановиться сначала на первомъ изъ нихъ, именно на *обособленности вовнѣ*, то въ „примѣчаніяхъ“ мы встрѣтимся съ указаніями, свидѣтельствующими о весьма различной степени такой обособленности. Съ одной стороны—указанія на „опредѣленныя, установленныя предками и строго соблюдаемыя границы“ съ сосѣдями, вообще, на случаи, когда группа „съ сосѣдними группами ничего общаго не имѣетъ, и пастбищныя границы съ ними строго (иногда и „очень строго“) соблюдаются“ [3]). Съ другой — указанія на болѣе или менѣе полное *отсутствіе* обособленности владѣнія: граница съ сосѣдними группами „не имѣетъ строго опредѣленнаго значенія“ или „имѣетъ условный характеръ“, ограждая, напримѣръ, владѣніе султановъ отъ пользованія ихъ менѣе вліятельныхъ сосѣдей, но не наоборотъ, — а то и просто „крайне неопредѣленна“, такъ что установленная экспедиціей граничная линія имѣетъ тотъ лишь смыслъ, что „очерченная площадь преимущественно используется скотомъ киргизъ данной группы“ [4]). Есть случаи, когда „границы соблюдаются строго только съ чужеродцами“ [5]); или когда границы соблюдаются только въ благопріятные годы, въ плохіе же годы скотъ однѣхъ общинъ свободно пасется на землѣ другихъ [6]); или когда „соблюдаются только пахотныя и покосныя, но не пастбищ-

---

[1]) Карк. у., *п.* 10—11, 43. Павлод. у., *п.* 22, 38 и др.
[2]) См. стр. 5, примѣч.
[3]) Кустан. у., *п.* 134, 156. Павлодар. у., *п.* 24. Усть-Камен., *п.* 16.
[4]) Кустан. у., *п.* 117, 118. Павлодар., *п.* 54. Актюб., *п.* 36.
[5]) Кустан. у., *п.* 141.
[6]) Кустан. у., *п.* 150.

ныя границы“ [1]); или когда—что̀ по существу почти то же—границы съ сосѣдними группами „соблюдаются только съ начала мая до уборки хлѣба и сѣна“, послѣ же того „охраняются лишь тебени, расположенные около зимовокъ“,— охраняются притомъ какъ по отношенію къ постороннимъ группамъ, такъ и къ другимъ ауламъ *своей* группы [2]); или, наоборотъ, когда „границы группы слабо охраняются до выпаденія снѣга“, зимой же „каждая группа пасетъ скотъ только на своей землѣ, чужіе же табуны немедленно изгоняются“ [3]). Даже въ такомъ уѣздѣ, какъ Кустанайскій, гдѣ территоріальная община имѣла время достигнуть сравнительно большей степени обособленности, „границы между общинами въ пастбищномъ отношеніи вездѣ соблюдаются очень слабо; систематически и сознательно пасти скотъ на землѣ чужой общины, правда, не дозволяется, но если случайно забредетъ чужой скотъ, то его просто сгоняютъ, — споровъ изъ-за этого не возникаетъ“, и только „за потраву луговъ или хлѣбовъ непремѣнно взыскиваютъ съ виновныхъ“ [4]). Строго обязательное значеніе имѣютъ не границы группъ, а только границы, отдѣляющія владѣнія пяти крупныхъ родовъ,— за *эти* границы „ни лѣтомъ, ни даже зимой чужой скотъ не имѣетъ права переходить,—въ противномъ случаѣ возникаютъ споры и жалобы начальству“ [5]).

Съ еще большею пестротою мы встрѣчаемся, въ данномъ отношеніи, въ рядѣ другихъ уѣздовъ, напримѣръ, въ Атбасарскомъ, Павлодарскомъ, Усть-Каменогорскомъ. „Иногда на вопросъ о томъ, существуютъ ли границы между сосѣдними группами, получался отвѣтъ, что существуютъ, но не соблюдаются, что по согласію скотъ смѣшивается на пограничныхъ урочищахъ; это обыкновенно группы, принадлежащія къ одному и тому же роду. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, границы соблюдаются строго, и чужой скотъ можетъ заходить на землю группы только съ разрѣшенія“,—самый „фактъ существованія безземельныхъ, которымъ приходится арендовать землю или внѣ уѣзда или внутри его, также показываетъ, что право на извѣстную территорію существуетъ и признается“ [6]).

И опять-таки степень фактической обособленности группъ въ отношеніи пользованія зимними пастбищами зависитъ, въ значительной мѣрѣ, отъ естественныхъ условій извѣстной мѣстности, и въ связи съ ними—отъ относительнаго значенія зимняго выпаса и сѣнокошенія. Въ горномъ районѣ, напримѣръ, Павлодарскаго уѣзда оказалось всего двѣ общины съ неопредѣленными границами, противъ 166 общинъ съ опредѣленными и 3—даже

---

[1]) Актюб. у., *п.* 27.
[2]) Тоже, 14.
[3]) Кустан. у., *п.* 154.
[4]) Кустан. у., 62.
[5]) Тоже, 63.
[6]) Атбасар. у., VIII.

съ искусственными границами; въ равнинномъ—4 съ неопредѣленными и 13 общинъ съ опредѣленными границами; общины съ неопредѣленными пастбищными границами составляютъ, значитъ, въ равнинномъ районѣ 23,5%, почти четверть, въ горномъ—всего 1,2% всего числа общинъ: „оно и понятно; горныя пастбища являются наиболѣе цѣнными, тогда какъ равнинныя далеко не имѣютъ того значенія, какъ горныя, ибо заносятся глубокимъ снѣгомъ и потому недоступны для скота“ [1]); съ другой же стороны развитое въ равнинныхъ мѣстностяхъ сѣнокошеніе ослабляетъ интересъ къ тебеневанію, а слѣдовательно, и къ зимнимъ пастбищамъ. Въ то время, напримѣръ, какъ въ южной, гористой части Атбасарскаго уѣзда „все сводится къ удержанію за общиною пастбищъ“, въ сѣверной, луговой, „имѣютъ первенствующее значеніе покосы“. Даже при той еще крайне слабой степени осѣданія, какая наблюдается, напримѣръ, въ Омскомъ уѣздѣ,—и то въ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе снѣга исключаетъ возможность тебеневки, „первенствующее значеніе имѣютъ покосы, и все сводится къ охранѣ покосовъ, а такъ какъ покосы здѣсь разбросаны, главнымъ образомъ, по колкамъ, то и пограничными пунктами служатъ, главнымъ образомъ, сѣнокосы“; „по уборкѣ покосовъ, границы нарушаются, и скотъ сосѣднихъ группъ смѣшивается при пастьбѣ“. Совсѣмъ иное тамъ, „гдѣ возможна зимняя пастьба овецъ и рогатаго скота. Тамъ извѣстная территорія охраняется не только ради покосовъ, находящихся внутри территоріи, но и ради пастбища. Фактически использованіе призимовочныхъ пастбищъ въ этихъ мѣстахъ строго обособлено, и даже при отсутствіи раздора между сосѣдями границы отдѣльныхъ владѣній соблюдаются“ [2]).

Второй признакъ земельной общины—это общность владѣнія и распоряженія землею *внутри* общины: обособленію вовнѣ должно соотвѣтствовать болѣе или менѣе полное единство внутри. Однако, и здѣсь дѣйствительность представляетъ крайне пеструю картину, и въ частности *полная* общность пользованія призимовочными угодьями представляетъ собою скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Мы встрѣчаемъ въ „примѣчаніяхъ“ къ поаульнымъ таблицамъ такія объясненія „основаній для соединенія ауловъ въ одну группу“: „общее родство, общность пастбищъ во всѣ времена года, общій покосъ по кузекамъ, общій и одновременный путь на лѣтовки“, или „родовая связь, совмѣстное пользованіе всѣми типами пастбищъ, совмѣстная кочевка“; „родство, совмѣстное пользованіе всѣми видами пастбищъ безъ исключенія и совмѣстный косъ, въ который ни одна лошадь изъ постороннихъ хозяйственныхъ отводовъ не принимается“ [3]), и т. д. Въ одномъ случаѣ подчеркивается,

[1]) Усть-Камен. у., 17.
[2]) Омскій у., 44—45.
[3]) Кустан. у., *п.* 124; Павлод. *п.* 16, 24, 27, 31, 50; Атбас. *п.* 28, 29, 32; Каркар. у., *п.* 5, 8, 9, 41, 60 и др.

что „группа представляетъ собою *идеальное объединеніе* (курс. мой. А. К.) довольно значительнаго числа родственныхъ ауловъ“ [1]),— очевидно, что столь поразившее изслѣдователя „идеальное объединеніе“ не представляло собою обычнаго, примелькавшагося статистикамъ типа внутренней организаціи киргизской общинно-ауальной группы. Не менѣе характерны и встрѣчающіяся „въ примѣчаніяхъ“, главнымъ образомъ, по Каркаралинскому уѣзду, отмѣтки о совмѣстномъ пользованіи всѣми видами пастбищъ, „*не исключая и зимнихъ*“ [2]), какъ основаніи для соединенія ауловъ въ одну группу. „Не исключая и зимнихъ“,—значитъ общность пользованія зимними пастбищами представлялась изслѣдователямъ, при ихъ черновой работѣ, скорѣе исключеніемъ, наличность котораго признавалось необходимымъ отмѣтить особою оговоркой.

И дѣйствительно, въ районахъ преобладанія зимней пастьбы скота общность владѣнія и пользованія внутри общинно-земельныхъ группъ нарушается прежде всего по отношенію къ призимовочнымъ пастбищамъ, такъ называемымъ кой-булюкамъ или корыкамъ. „Трудно сказать,—говоритъ составитель Каркаралинскаго сборника,—что̀ чему предшествовало: установленіе ли границъ между сосѣдними родовыми группами, или обособленіе нѣкоторыхъ пространствъ внутри своей территоріи, такъ называемыхъ кой-булюковъ“ [3]). Во многихъ мѣстностяхъ эти кой-булюки „не только имѣютъ уже свои ясно опредѣленныя границы въ видѣ сложенныхъ нарочито въ кучу камней и другихъ признаковъ, приближающихъ границу къ межѣ, но даже могутъ подлежать, согласно обычаю, обмѣну и отчужденію“ [4]). И это совершенно естественно, въ виду огромной цѣнности кой-булюка для кочевника, не располагающаго сѣномъ: „мясо, говорятъ киргизы, заготовленное въ согумъ, не такъ берегутъ, какъ эти пастбища“ [5]), и напримѣръ, въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ изъ 88 общинно-земельныхъ группъ, имѣющихъ кой-булюки, въ 73 послѣдовало обособленіе послѣднихъ внутри группъ, съ пріуроченіемъ владѣнія къ отдѣльнымъ ауламъ или даже хозяйствамъ [6]).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ наблюдаются признаки перехода къ осѣдло-земледѣльческому быту, дробленіе землевладѣнія внутри общинно-земельныхъ группъ идетъ съ другого конца — отъ пашенъ и въ особенности покосовъ. „Съ теченіемъ времени,—читаемъ мы въ Усть-Каменогорскомъ сборникѣ,—населеніе увеличивалось и вслѣдствіе естественнаго прироста, и вслѣдствіе приселенія. Появились пашни. Началось сѣнокошеніе. Явилось стремленіе удержать въ своихъ рукахъ лучшія пашни, на кото-

[1]) Павлодар. у., *п.* 27.
[2]) Каркар. у., *п.* 6, 7, 12, 77 и др.
[3]) Каркар. у., 42.
[4]) Актюб. у., 14.
[5]) Усть-Каменогор. у., 17.
[6]) Тоже.

рыя къ тому же былъ затраченъ трудъ, лучшіе покосы, значеніе которыхъ киргизы скоро поняли. Всѣ эти обстоятельства должны были усиленно способствовать большему и большему обособленію захваченныхъ владѣній [1]). Сначала обособляются сѣнокосныя угодья; когда появляется земледѣліе и особенно кошеніе ковыля, начинаетъ обособляться и степь: „покосныя границы каждаго аула проводятся „мысленно" дальше въ сторону свободнаго боза (ковыля), и вся степь, заключающаяся между такими двумя линіями, считается принадлежащей отдѣльному аулу" [2]). Въ концѣ-концовъ, въ мѣстностяхъ съ полуосѣдлымъ хозяйствомъ, въ родѣ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ, „каждый хозяйственный аулъ имѣетъ обособленные отъ другихъ покосы и пашни. Очень часто покосы одного аула отдѣляются отъ покосовъ другою межою. Кромѣ того, каждый аулъ имѣетъ опредѣленную площадь степей, расположенную поблизости зимовокъ и считающуюся также принадлежностью аула", который „можетъ располагать этой площадью, какъ угодно — распахивать безъ разрѣшенія другихъ ауловъ и даже сдавать въ аренду. Мѣстами, по понятіямъ киргизъ, каждый аулъ даже имѣетъ право продать свою землю другимъ и откочевать" [3]).

Съ такою же точно пестротою и перепутанностью границъ мы встрѣчаемся и у забайкальскихъ бурятъ, и у киргизъ южной, не обслѣдованной экспедиціею Ф. А. Щербины, полосы киргизскаго края. Современное землевладѣніе и землепользованіе этихъ послѣднихъ представляетъ собою необычайно пеструю картину, въ которой первоначальная общность и расплывчатость владѣнія и пользованія самымъ причудливомъ образомъ перепутывается съ болѣе или менѣе рѣзкимъ обособленіемъ землепользованія болѣе или менѣе мелкихъ группъ, объединенныхъ частью родовымъ началомъ, частью — простымъ сосѣдствомъ, частью — общностью труда, затраченнаго, напримѣръ, на проведеніе арыковъ или на устройство защитительныхъ отъ воды сооруженій. По отношенію къ пастбищамъ преобладаютъ, повидимому, неопредѣленныя и расплывчатыя формы владѣнія, соотвѣтствующія неопредѣленности и расплывчатости кочевого и полукочевого быта; право пользованія пашнями опредѣляется, главнымъ образомъ, участіемъ въ проложеніи соотвѣтственныхъ оросительныхъ канавъ; мѣста подъ курганчами и непосредственно прилегающія къ нимъ площади — въ исключительномъ пользованіи владѣльцевъ курганчей. Наконецъ покосы—то въ исключительномъ владѣніи отдѣльныхъ хозяйствъ или небольшихъ сосѣдскихъ группъ, то въ свободномъ пользованіи болѣе обширныхъ, иногда неопредѣленныхъ по объему группъ [4]).

[1]) Тоже, 32.
[2]) Кустан. у., 50.
[3]) Тоже, 66.
[4]) См. *Кауфманъ*, Туркест., 155—160.

Не меньшая пестрота земельныхъ отношеній наблюдается— я сказалъ—у бурятъ и вообще у забайкальскихъ инородцевъ. Говоря вообще, и они уже переросли ту стадію кочевого быта, когда вся территорія представляла одну безраздѣльную массу пастбищъ, по которой каждому можно было кочевать въ какомъ угодно направленіи: съ появленіемъ постоянныхъ жилищъ, сѣнокошенія, земледѣлія, выдѣлились особыя усадебныя, сѣнокосныя, пахотныя угодья, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились и новыя, неизвѣстныя при чисто-кочевомъ бытѣ, формы земельныхъ отношеній, которыя самымъ причудливымъ образомъ переплетаются и перепутываются со старою общностью и неопредѣленностью владѣнія. Мы еще встрѣчаемъ въ Забайкальѣ случаи, когда существующая форма владѣнія очень близка къ этой первобытной общности и неопредѣленности; когда для населенія еще не поставился съ полною ясностью даже самый вопросъ о раздѣльности и общности владѣнія [1]),— таково, напримѣръ, положеніе землевладѣнія у Баргузинскихъ и частью Урульгинскихъ тунгусовъ, въ значительной мѣрѣ у Хоринскихъ, а по даннымъ, приводимымъ въ монографіи о „землевладѣніи", но стоящимъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ данными монографіи о „формахъ землепользованія", и у Кударинскихъ бурятъ. Входящія въ составъ огромнаго Хоринскаго вѣдомства 134 земельныхъ общины успѣли въ значительной мѣрѣ утратить свое земельное единство,—онѣ разбились частью на отдѣльныя земельныя общины, по большей же части—на группы въ нѣсколько селеній каждая, при чемъ внутри этихъ группъ форма землевладѣнія имѣетъ совершенно неопредѣленный характеръ; относительно же одной группы изъ 12 селеній прямо отмѣчается, что „трудно и, пожалуй, даже невозможно разобрать, гдѣ начинается землевладѣніе одной общины, и гдѣ начинается—другой". На слѣдующей ступени стоятъ нѣкоторыя управы Урульгинскихъ тунгусовъ [2]); послѣдніе „полюбовно раздѣлили между общинами доставшіеся имъ покосы", всѣми же прочими угодьями „пользуются сообща, при чемъ въ этомъ отношеніи предѣлы ихъ пользованія регулируются лишь разстояніями и естественными условіями мѣстности". Значитъ—обособленіе владѣнія сѣнокосами, при полной юридической общности и зачаткахъ фактическаго обособленія въ пользованіи пастбищными угодьями. Дальше—рядъ мѣстностей, гдѣ при совершенно раздѣльномъ, опять-таки, владѣніи покосами фактически, въ большей или меньшей мѣрѣ, обособляется также и владѣніе другого рода угодьями, въ частности пастбищами: таковъ складъ владѣнія въ Агинскомъ и въ части Хоринскаго вѣдомства, у Армакскихъ и частью, опять-таки, Урульгинскихъ тунгусовъ [3]). Въ обширномъ Агинскомъ вѣдомствѣ

[1]) Забайкал. VIII, 17, 48—49, 55—56, 95—96, 165.
[2]) Тоже, 159, 174, 182.
[3]) Тоже, 71, 104, 153, 176.

93 общины занимаютъ одну громадную дачу. Выгонъ „находится въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи, но фактически для каждой общины лѣтнимъ выгономъ служитъ обыкновенно территорія, сосѣдняя съ покосною территоріею той же общины. Поскотина одной общины смыкается съ поскотиной сосѣдней и такимъ образомъ образуется непрерывная линія поскотинъ. Лѣтній выгонъ въ сѣверныхъ и западныхъ общинахъ фактически находится болѣе въ пользованіи отдѣльныхъ общинъ, между тѣмъ какъ пользованіе лѣтнимъ выгономъ на юго-востокѣ носитъ скорѣе характеръ общаго пользованія". Однако, намѣтившееся такимъ образомъ обособленіе не является окончательнымъ: „зимой нужда въ кормахъ заставляетъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ всегда, а въ нѣкоторыхъ иногда, кочевать на далекія разстоянія". Затѣмъ, душевыми покосами пользуется каждая община отдѣльно, хотя при этомъ часто замѣчается черезполосица покосовъ; пашутъ „обыкновенно въ предѣлахъ своей общины; впрочемъ, районъ для пашенъ не ограниченъ и всякій можетъ пахать, гдѣ пожелаетъ, лишь бы не занималъ чужихъ покосовъ"; наконецъ, лѣса — въ общемъ пользованіи всего вѣдомства, но фактически „каждая община рубитъ лѣсъ въ собственныхъ дачахъ, а если у себя нѣтъ, то въ ближайшихъ общинахъ".

Это—господствующія формы владѣнія у забайкальскихъ инородцевъ; съ яснѣе выразившимся обособленіемъ землевладѣнія мы имѣемъ дѣло, повидимому, лишь въ одной (Оловской) управѣ Урульгинскаго и въ нѣкоторыхъ общинахъ Хоринскаго вѣдомства [1]). Входящія въ составъ ихъ 7 селенія составляютъ „совершенно обособленныя общины", и только выгоны въ совмѣстномъ пользованіи небольшихъ группъ сосѣднихъ селеній. Совершенно особое мѣсто занимаетъ, наконецъ, Кударинское вѣдомство. Оно представляетъ собою сложную общину крестьянскаго типа—съ общими по цѣлому вѣдомству передѣлами пахотныхъ земель. „Пашня дѣлится сначала на крупные отрубы — статьи, урочища. Раздѣлъ происходитъ „съ торговъ", при чемъ отрубы насколько возможно пріурочиваются къ мѣстонахожденію тѣхъ или другихъ группъ общинъ. Когда пашня подѣлена по отрубамъ или статьямъ, дѣлежъ — опять-таки съ „торговъ" — переносится на мѣстонахожденіе этихъ отрубовъ, гдѣ въ дѣлежѣ участвуютъ всѣ общины, „души" которыхъ попали въ эти отрубы. Размѣръ каждаго отруба уже извѣстенъ; его разбиваютъ на 2—3 части, куда „садятся или группы общинъ, или отдѣльныя общины. Эти части—опять „съ торговъ"—дѣлятъ между отдѣльными общинами или группами общинъ и т. д., пока дѣлежъ не закончится душевымъ паемъ" [2]).

---

[1]) 62—65, 165—171.

[2]) *Кроль*, 213. Сложную общину составляютъ и всѣ Ольхонскіе буряты (9 родовъ). Всѣ принадлежащія имъ дачи передъ (?) послѣдней ревизіей передѣлены между всѣми родами, но пользованіе выгонами, лѣсомъ и частью поко-

Какой же отвѣтъ можно дать теперь, на основаніи приведеннаго, довольно изобильнаго фактическаго матеріала, на вопросъ: что *такое община осѣдающаго кочевого населенія?* Мнѣ кажется, отвѣтъ можетъ быть одинъ: *ни о какой „общинѣ“*, какъ союзѣ съ опредѣленнымъ составомъ участниковъ, обособленной въ землевладѣніи вовнѣ и объединенной въ землевладѣніи и землепользованіи внутри, *въ сущности, не можетъ быть и рѣчи.*

Составитель сборника по Каркаралинскому уѣзду, Л. К. Чермакъ, дѣлаетъ попытку сблизить „киргизскую земельно-родовую группу“ съ сложною сибирскою общиной. „Какъ эта послѣдняя, — говоритъ онъ, — будучи связана общностью владѣнія извѣстной территоріей, представляетъ въ своихъ внутреннихъ поземельныхъ отношеніяхъ самыя разнообразныя комбинаціи, такъ точно и киргизское землепользованіе можно разсматривать какъ рядъ сложныхъ общинъ, объединенныхъ общностью пользованія лѣтовочными угодьями“ [1]). Во второй части этой работы мнѣ придется подробно говорить о сибирской сложной общинѣ. Мнѣ придется строго отграничить здѣсь два, по существу, рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа сибирской сложной общины: съ одной стороны—законченную волостную, вообще многоселенную, общину; съ другой—разнообразныя, причудливыя комбинаціи угодій обособленнаго владѣнія отдѣльныхъ селеній съ угодьями общаго владѣнія и пользованія, то однѣхъ, то другихъ, то болѣе, то менѣе обширныхъ группъ селеній. Съ сибирскою сложною общиною *перваго* типа представляетъ сходство одна лишь, только что описанная, Кударинская волостная община. Все остальное, описанное на предыдущихъ страницахъ, представляетъ полную аналогію съ *вторымъ* типомъ,— съ тѣми сложными сибирскими формами землевладѣнія и землепользованія, которыя, нѣсколько видоизмѣняя терминъ К. Р. Качоровскаго, можно назвать, просто, „путаницею владѣній“. При этой „путаницѣ владѣній“, въ концѣ-концовъ, вовсе *нѣтъ* такой ячейки, которой можно было бы присвоить названіе киргизской или бурятской общины. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что общинныя *формы*, общинныя *функціи* существуютъ и у киргизъ и, тѣмъ болѣе, у бурятъ. Но *онѣ не имѣютъ опредѣленнаго носителя или субъекта;* носителями ихъ являются разнообразнѣйшія, взаимно пересѣкающіяся и переплетающіяся группировки, возникающія на почвѣ родственныхъ отношеній, совмѣстнаго пользованія землею, иногда— чисто хозяйственныхъ потребностей (орошеніе, городьба!): то

совъ осталось общимъ для всѣхъ 9 родовъ; при этомъ „большая часть дачъ передѣлена такъ, чтобы землями пользовались сообща нѣсколько смежныхъ улусовъ; утуги обыкновенно находятся въ фактическомъ пользованіи небольшихъ общинъ, состоящихъ изъ одного или нѣсколькихъ улусовъ; орошаемые покосы — въ пользованіи болѣе крупныхъ общинъ, а луговые — еще болѣе крупныхъ (Ольховъ, 68, 71, 72).

[1]) Каркар. у., 44.

родъ или подраздѣленіе рода, то киргизская общинно-аульная группа или бурятскій булукъ, то группа такихъ группъ, то мельчайшая селитебная единица — аулъ или группа ауловъ, то отдѣльное хозяйство, то поскотинная или ирригаціонная артель. Все это перепутывается и переплетается въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, и въ конечномъ результатѣ—полная неопредѣленность и расплывчатость этихъ слагающихся земельныхъ формъ и отношеній, вполнѣ соотвѣтствующая неопредѣленности и расплывчатости сопутствующихъ имъ формъ хозяйства находящихся на пути къ осѣданію кочевниковъ.

Остановимся теперь подробнѣе на формахъ владѣнія главнѣйшими угодьями, какъ онѣ складываются у осѣдающихъ кочевниковъ,— намъ придется, къ сожалѣнію, оперировать при этомъ исключительно съ фактами, касающимися киргизъ, ибо не менѣе богатый, количественно, матеріалъ, собранный изслѣдованіемъ Забайкальской области, разработанъ — поскольку рѣчь идетъ о землевладѣніи — настолько неудовлетворительно, что использовать его для нашихъ цѣлей не представляется возможнымъ.

Эволюція и въ частности дифференціація землевладѣнія у осѣдающихъ кочевниковъ начинается, мы знаемъ, съ двухъ концовъ: съ зимнихъ и въ частности — съ непосредственно прилегающихъ къ зимовкамъ овечьихъ пастбищъ, и съ сѣнокосныхъ угодій. „Въ общинахъ съ земельнымъ просторомъ, — говоритъ составитель Каркаралинскаго сборника,—границы внутри общины не соблюдаются, хотя бы таковыя и имѣлись; съ ростомъ стадъ является нужда выдѣлить хотя бы кой-булюки, затѣмъ—вообще раздѣлить всю землю между аулами, и, наконецъ, когда дѣлается еще тѣснѣе, приходится отказываться отъ соблюденія границъ и переходить къ совмѣстному использованію своихъ пастбищъ“ [1]). Кой-булюки, мы знаемъ, имѣютъ огромное значеніе для кочевниковъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ естественныя или иныя условія не благопріятствуютъ развитію сѣнокошенія. Цѣнность кой - булюка основывается, главнѣйшимъ образомъ, на непосредственной близости его къ зимовкѣ; отсюда — тенденція къ обособленію владѣнія пастбищами этого типа въ рукахъ отдѣльныхъ селитебныхъ группъ — хозяйственныхъ ауловъ, а при подворномъ разселеніи—даже отдѣльныхъ хозяйствъ. Обособленіе начинается, повидимому, чисто фактическимъ путемъ: „овечья тебеневка внутри группы общая, и только разстоянія не позволяютъ использовать ея совмѣстно“; „между отдѣльными аулами пастбищныхъ границъ нѣтъ, но со времени выпада снѣга, каждый аулъ пасетъ свой скотъ отдѣльно близъ своихъ кстау“, потому что „снѣгъ ложится глубоко, и скотъ не можетъ отхо-

---

[1]) Каркар. у., стр. 25.

дить далеко отъ кстау“ [1]). Но, естественно, отсюда возникаетъ сознаніе, если не *права*, то исключительной *заинтересованности* аула въ прилегающихъ къ его зимовкамъ кой-булюкахъ; каждый начинаетъ *охранять* эти послѣдніе для себя и для своего скота; у каждаго аула появляется „охраняемая для овецъ территорія. ничѣмъ, однако, не отмѣченная“ [2]). Эта охраняемая площадь еще не опредѣлилась ясными границами, а только устанавливается примѣрно, или опредѣляется такъ называемою „джоба“. мысленно намѣченною линіею въ направленіи фактическаго пользованія каждаго кстау [3]). „Пока никто не нарушаетъ интересовъ данной группы хозяевъ, о границахъ нѣтъ и разговоровъ, Но какъ только такое нарушеніе обнаружится, тотчасъ же начинается земельный споръ, кончающійся то полюбовно самими заинтересованными, то послѣ вмѣшательства постороннихъ. Иногда фиксація границъ происходитъ такимъ образомъ: группа ставитъ свои юрты по границѣ и не допускаетъ вытравленія чужимъ скотомъ своихъ пастбищъ; сначала это вызываетъ протестъ, но постепенно съ этимъ свыкаются“ [4]). Такое болѣе опредѣленное обособленіе владѣнія овечьими пастбищами далеко не всегда сопровождается установленіемъ видимыхъ граничныхъ знаковъ,— не рѣдкость случаи, когда „овечьи тебеневки, хотя и отдѣльныя у каждаго аула, но неограничены“ [5]). Въ другихъ случаяхъ „кой-булюки отмѣчены искусственными межевыми признаками: пирамидами изъ костей, ямами“; бываетъ и такъ, что „кой-булюки опредѣлены отцами и пролегаютъ по хребту горъ, вершинамъ сопокъ, по логамъ и, спустившись въ равнину, теряются“; „межа, спустившись съ горъ на равнину исчезаетъ“ [6]). Появленіе видимыхъ граничныхъ знаковъ, казалось бы, окончательно закрѣпляетъ обособленіе владѣній; но въ „матеріалахъ“ киргизской экспедиціи есть указанія, заставляющія сомнѣваться въ рѣшающемъ значеніи граничныхъ знаковъ: „зимнія пастбища,—таково, надо думать, вполнѣ жизненное наблюденіе, сдѣланное статистиками экспедиціи въ Павлодарскомъ уѣздѣ,—въ былые годы, до образованія постоянныхъ ауловъ и до начала сѣнокошенія, имѣли еще большее значеніе, оберегались, пожалуй, еще тщательнѣе, чѣмъ теперь, но границы опредѣлились вполнѣ сравнительно недавно, со времени колонизаціи края русскими“ [7]).

Такъ или иначе, при наличности видимыхъ знаковъ или при ихъ отсутствіи, *степень обособленности* владѣнія кой-булюками

---

[1]) Кустан. у., *п.* 140; Атбас., *п.* 30, 44; Каркар., *п.* 61; Усть-Камен., *п.* 1, 17, 41.
[2]) Кустан. у., *п.* 158; Омск., *п.* 7, 14, 30; Каркар.; *п.* 1; Усть-Камен.; *п.* 9.
[3]) Омск. у., 39.
[4]) Усть-Каменогор. у., 18.
[5]) Кустан. у., *п.* 145, 146; Омск., *п.* 22; Каркар., *п.* 3.
[6]) Каркар. у., *п.* 16, 64, 82, 89.
[7]) Павлод. у., *п.* 26.

крайне разнообразна: мы встрѣчаемся, съ одной стороны, съ указаніями, что границы между „обособленными“ овечьими пастбищами „соблюдаются не строго“; что „у каждаго аула имѣется свой кой-булюкъ, но границы этихъ кой-булюковъ не соблюдаются“; что хотя „земля подѣлена на кой-булюки“, однако, „всѣми пастбищами, включая и послѣдніе, пользуются сообща“ [1]). Есть указанія и обратнаго свойства, свидѣтельствующія о совершенно рѣзкомъ обособленіи владѣнія: „каждый хозяйственный аулъ имѣетъ свой собственный кой-булюкъ, которымъ пользуется исключительно онъ одинъ“; кой-булюки и покосы „составляютъ собственность каждаго хозяйственнаго аула“, и т. п. [2]). И въ виду приводимыхъ ниже фактовъ не представляется возможнымъ точно сказать, имѣемъ ли мы дѣло, въ каждомъ данномъ случаѣ несоблюденія или неполнаго соблюденія границъ кой-булюковъ, съ еще *не дошедшею до конца* дифференціаціей владѣній, или, наоборотъ, съ уже начавшимся обратнымъ процессомъ исчезновенія пастбищныхъ границъ.

Однако, дѣло не всегда останавливается и на поаульномъ распредѣленіи владѣнія кой-булюками: мы встрѣчаемся, впрочемъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, въ горныхъ районахъ Семипалатинской области, и съ подворнымъ пользованіемъ или владѣніемъ кой-булюками, мѣстами, носящимъ даже признаки общинно-уравнительнаго. Вотъ, напримѣръ, каковы порядки пользованія кой-булюками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Павлодарскаго уѣзда: „корыкъ или кой-булюкъ имѣется у каждаго хозяина и прилегаетъ къ зимовкѣ; когда какому-либо хозяину вновь отводятъ корыкъ, аксакалъ объѣзжаетъ его верхомъ и указываетъ граничные знаки — кусты, камни, холмы; иногда нарочно наваливаетъ кучки камней“. При этомъ „корыки до извѣстной степени уравнены между собою: корыкъ съ хорошими травами имѣетъ обыкновенно меньшіе размѣры, чѣмъ корыкъ съ плохими, каменистыми, солонцеватыми пастбищами. Возникающая, съ теченіемъ времени, неравномѣрность въ распредѣленіи пастбищъ сглаживается между родичами по рѣшенію аксакаловъ. Отъ одного киргиза многочисленное потомство — корыки тѣсны; у другого родъ не увеличивается — пастбища обширны. Собираются аксакалы рода, просятъ отдать часть своихъ пастбищъ малоземельнымъ хозяевамъ; принудить не могутъ: корыкъ составляетъ какъ бы собственность хозяина, которой онъ распоряжается по своему усмотрѣнію; но, въ силу установившихся традицій, дѣло обыкновенно кончается къ обоюдному удовлетворенію: многоземельный уступаетъ часть своихъ пастбищъ малоземельному; опредѣляютъ новыя границы, колютъ барана, творятъ

---

[1]) Кустан. у., *п.* 134; Павлод., *п.* 50; Каркар., *п.* 60, 92.
[2]) Каркар. у., *п.* 6, 36, 41, 44, 55, 73, 75.

бату и проч." [1]). Мѣстами за владѣльцами кой-булюковъ признается даже право сдачи ихъ въ аренду и вообще переуступки, тогда какъ, напротивъ, въ другихъ случаяхъ, повидимому, болѣе многочисленныхъ, „безъ согласія общины никто не можетъ ни продать, ни сдать въ аренду зимнее пастбище" [2]).

Однако, обособленіе зимнихъ пастбищъ не ограничивается кой-булюками, а во многихъ мѣстностяхъ распространяется, впрочемъ, повидимому, уже на позднѣйшей стадіи, на всю призимовочную территорію. „Примѣчанія къ поаульнымъ таблицамъ" киргизской экспедиціи изобилуютъ указаніями на случаи, когда „пользованіе зимними пастбищами, съ незапамятныхъ временъ обособленное у каждаго аула"; когда „каждый аулъ владѣетъ вполнѣ опредѣленными зимними пастбищами, отграниченными отъ пастбищъ сосѣднихъ ауловъ различными условными знаками" и т. д. [3]). И, повидимому, въ этого рода случаяхъ обособленіе призимовочныхъ территорій *всегда* является результатомъ какого-либо опредѣленнаго акта установленія междуаульныхъ границъ,— что̀, впрочемъ, и совершенно естественно: по отношенію ко всей призимовочной территоріи нѣтъ той чисто хозяйственной необходимости, какая ведетъ за собою постепенное и, такъ сказать, самопроизвольное обособленіе кой-булюковъ. Значеніе тѣхъ границъ, которыми разбиваются призимовочныя территоріи, крайне разнообразно. Иногда эти границы вовсе не имѣютъ реальнаго значенія: „кстау, хотя и подѣлены между хозяйственными аулами, но въ силу близкихъ родственныхъ связей послѣднихъ находятся въ общемъ пользованіи"; „территорія раздѣлена между аулами", но „фактически вся земля используется совмѣстно, не обращая вниманія на границы" [4]). Бываютъ и такіе случаи, когда кстау „хотя съ давнихъ поръ подѣлены между хозяйственными аулами", но „въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ ауловъ" находятся только кой-булюки, „остальными же пастбищами, болѣе удаленными отъ жилыхъ помѣщеній, всѣ хозяйственные аулы, входящіе въ составъ группы, пользуются совмѣстно"; когда „зимнія пастбища подѣлены между аулами, но границы соблюдаются мало", и такимъ образомъ между пастбищами отдѣльныхъ ауловъ „образуются какъ бы нейтральныя полосы, которыми пользуются сообща" [5]). Во всѣхъ такихъ случаяхъ состоявшееся общее разграниченіе призимовочныхъ территорій не имѣетъ, въ

---

[1]) Павлодар. у. 18—19. Уравнительное пользованіе пастбищами вообще, и въ частности „раздѣлъ зимнихъ пастбищъ по семействамъ", встрѣчается и у нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ (*Якушкинъ*, Обычн. право русск. инор., 187, 203).

[2]) Каркар. у., 27.

[3]) Павлод., *п.* 4, 18, 27, 32, 36, 42; Атбасар., *п.* 45; Каркар., *п.* 7, 9, 52, 76; Усть-Кам., *п.* 27.

[4]) Каркар. у., *п.* 11; Усть-Камен., *п.* 24, 40; Павлод., *п.* 9, 20.

[5]) Павлодар. у., *п.* 34.

сущности, никакого реальнаго значенія, *дѣйствительное* же обособленіе наблюдается исключительно по отношенію все къ тѣмъ же кой-булюкамъ, хозяйственная природа которыхъ какъ бы сама собой ведетъ къ такому обособленію.

Очень характерны случаи другого рода, когда „призимовочная территорія подѣлена между аулами, но границы соблюдаются только въ періоды ссоръ". Или очень близкіе къ нимъ по существу случаи, когда „пастбища, напротивъ, считаются въ общемъ пользованіи всей группы, но съ оговоркой, что это до тѣхъ поръ, пока всѣ въ ладу"; или когда при наличности какихъ-то „съ давнихъ поръ" установленныхъ границъ „вопросъ о границахъ выдвигается каждый разъ лишь во время ссоръ между отдѣльными хозяйственными аулами, и каждый разъ границы опредѣляются различно" [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ процессъ фактическаго разграниченія призимовочныхъ территорій находится въ переходной стадіи, и неизбѣжно учащающіяся, по мѣрѣ надвигающагося „утѣсненія", столкновенія и ссоры между сосѣдями позволяютъ предвидѣть дальнѣйшую эволюцію въ сторону обособленія.

Лишь въ видѣ очень рѣдкаго, повидимому, исключенія этотъ процессъ обособленія призимовочныхъ территорій представляется намъ въ совершенно законченномъ видѣ: группа „по отношенію къ пользованію зимними пастбищами разбивается на извѣстное число подгруппъ", каждая изъ которыхъ „сообща вытравляетъ принадлежащія ей пастбища"; призимовочная территорія подѣлена между аулами, „и случаи совмѣстнаго пользованія зимними пастбищами бываютъ не иначе, какъ по соглашенію или же за плату" [2]). Въ видѣ правила даже тамъ, гдѣ междуаульныя границы успѣли пріобрѣсти реальное значеніе, это послѣднее отнюдь не представляется безусловнымъ, и соблюденіе границъ не мѣшаетъ существованію слѣдовъ старой общности владѣнія и пользованія: „при недостаткѣ травъ и глубокомъ снѣгѣ на землѣ какого-либо хозяйственнаго аула, этотъ хозяйственный аулъ пасетъ скотъ на землѣ своихъ сосѣдей, которые въ такомъ случаѣ *не имѣютъ права запрещать* (курс. мой. А. К.) пасти скотъ на ихъ землѣ". Здѣсь мы имѣемъ, значитъ, дѣло съ чѣмъ-то въ родѣ сервитутнаго права пользованія чужою призимовочною территоріей, при мѣстномъ недородѣ кормовъ [3]). Въ другихъ случаяхъ о такомъ сервитутномъ *правѣ*, можетъ-быть, и нельзя говорить; допущеніе на пастбища пострадавшихъ отъ безкормицы разсматривается какъ дѣло усмотрѣнія владѣльцевъ обособившихся призимовочныхъ территорій, — „сосѣди не отказываютъ въ выпасѣ скота на ихъ землѣ", „не было случая, чтобы сосѣди отка-

[1]) Павлод., *п.* 16—17; Атбасар., *п.* 25; Каркар., *п.* 3, 30, 45, 46, 78.
[2]) Каркар., *п.* 4, 12; Усть-Камен., 36.
[3]) Тоже, 2, 56, 74.

зывали другъ другу въ пастбищахъ, если бы у кого случился недостатокъ корма“ [1]). Бываютъ случаи и другого рода: когда при существованіи установленныхъ еще предками междуаульныхъ границъ, „теперь границы эти не соблюдаются, и владѣльцы большихъ стадъ пасутъ ихъ на земляхъ малоскотныхъ ауловъ“ [2]). Но *это* уже явленія не столько обычноправового, сколько чисто фактическаго характера, проявленія столь сильной у киргизъ соціальной дифференціаціи, съ которою слагающейся земельной общинѣ приходится вести такую жестокую борьбу.

Каковъ же, спрашивается, объемъ правъ отдѣльныхъ ауловъ на состоящіе въ ихъ уже сложившемся обособленномъ владѣніи кой-булюки или участки призимовочной территоріи. Дать опредѣленнаго *общаго* отвѣта на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ: показанія нашего источника, не слишкомъ многочисленныя, очень противорѣчивы, и мы не имѣемъ ключа для разрѣшенія этого противорѣчія. Мы имѣемъ рядъ указаній на то, что кой-булюками хозяйственный аулъ „распоряжается на правахъ единоличнаго собственника“; что каждый хозяйственный аулъ „полновластный хозяинъ своей земли — можетъ продать, дарить ее“, и т. д. [3]). Но встрѣчаемъ указанія и противоположнаго характера: что „владѣльцемъ земли является группа; отдѣльный же аулъ не имѣетъ права продать свои земли, и если порываетъ со своею группой, то земля его достается, по рѣшенію группы, или ближайшимъ родственникамъ аула или бѣднѣйшимъ“; что земля „считается собственностью группы“, а „отдѣльные аулы получаютъ ее только въ пользованіе и не имѣютъ права распоряженія ею, не могутъ ни продать, ни завѣщать ея“ [4]). Фактическая точность указаній того и другого характера, повидимому, не возбуждаетъ сомнѣній; значитъ, на ряду съ простымъ обособленіемъ пастбищныхъ *пользованій*, при сохраненіи владѣнія и распоряженія за болѣе крупными группами, встрѣчается и обособленіе *владѣнія* призимовочными территоріями, въ частности кой-булюками. Но *какое мѣсто* того и другого типа въ общей схемѣ развитія формъ владѣнія у кочевниковъ, является ли параллельное ихъ существованіе слѣдствіемъ какихъ-либо мѣстныхъ различій, или это типы, въ извѣстной послѣдовательности смѣняющіе одинъ другой,—на этотъ вопросъ, на основаніи нашего матеріала, нѣтъ возможности дать опредѣленнаго отвѣта. Можно только высказать предположеніе, что обособленіе *владѣній* есть нѣкоторая позднѣйшая степень, сопутствующая возрастающей дифференціаціи землевладѣнія, но впослѣдствіи опять уступающая мѣсто простому обособленію *пользованій*. На это послѣднее предположеніе наводятъ

[1]) Усть-Камен., 18, 22, 27.
[2]) Тоже, 25.
[3]) Каркар. у., *п.* 33, 41, 44, 55, 73, 75.
[4]) Усть-Каменог. у., *п.* 24, 37, 40, 41.

тѣ факты, о которыхъ мнѣ придется говорить сейчасъ, и которые свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ — употребляя терминъ Ch. Gide'a—mouvement tournant въ эволюціи формъ кочевого землевладѣнія. А если это предположеніе вѣрно, то поаульное (и даже подворное) обособленіе *владѣнія* зимними пастбищами будетъ не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ многихъ варіантовъ *заимочнаго права*, которое, какъ можетъ считаться теперь достаточно выясненнымъ, имѣетъ очень мало общаго съ настоящимъ правомъ собственности.

Изъ изложеннаго на предыдущихъ страницахъ ясно, между прочимъ, что въ отличіе отъ сибирскаго, строго-заимочнаго права, которое представляетъ собой первичную, форму, сопутствующую первоначальной оккупаціи угодій, поаульное владѣніе призимовочными угодьями—форма позднѣйшая, постепенно развивающаяся изъ первоначальной неопредѣленности и общности пользованія и владѣнія, по мѣрѣ надвигающагося пастбищнаго „утѣсненія" и обусловленныхъ имъ столкновеній и недоразумѣній изъ-за пастбищъ [1]). Но при дальнѣйшемъ, прогрессирующемъ „утѣсненіи" наступаетъ упомянутое выше mouvement tournant: пастбищныя границы утрачиваютъ значеніе и казавшееся, можетъ-быть, весьма прочнымъ и законченнымъ разграниченіе призимовочныхъ территорій вновь уступаетъ мѣсто общности и неопредѣленности владѣнія. „Въ былые годы,—говорятъ статистики киргизской экспедиціи по поводу одной группы Павлодарскаго уѣзда,—„основой объединенія служила принадлежность къ сравнительно слабому роду и борьба съ болѣе сильными родами; *въ настоящее время къ этому присоединился новый мотивъ—земельная тѣснота*" [2]), дѣлающая соблюденіе ранѣе установленныхъ пастбищныхъ границъ невозможнымъ: „прежде дѣлились на двѣ группы по родамъ, но лѣтъ 12 изъ-за недостатка хорошихъ пастбищъ соединились въ одну группу"; „во владѣніи каждаго аула находится такое ничтожное качество зимнихъ пастбищъ, что объ охраненіи этихъ ата-булюковъ (отцовскихъ межъ) не можетъ быть и рѣчи"; „между зимними пастбищами границъ не существуетъ, — эти пастбища настолько мизерны, что дѣлить нечего"; „между кстау границъ нѣтъ — земли такъ мало, что дѣлить нечего", и т. д. [3]). „Земельная тѣснота, — такъ обобщаетъ эти факты составитель сборника по Павлодарскому уѣзду, — ко-

---

[1]) Въ „примѣчаніяхъ" къ поаульнымъ табл., особенно по Каркаралинскому (1,20, 34, 45, 63) и Усть-Каменогорскому у. (24, 28 и др.), встрѣчается немало конкретныхъ указаній на такіе случаи перехода отъ общаго къ раздѣльному владѣнію: граница „установлена еще 50 лѣтъ назадъ, вслѣдствіе участившихся земельныхъ споровъ"; разграниченіе „началось въ ближайшія 15 лѣтъ, когда особенно участились земельные споры"; „30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ киргизы начали ссориться за зимнее пастбище и дѣлить его", и т. д.

[2]) Павлод. у., 20, *п.* 28.

[3]) Тамъ же, а также Атбас., *п.* 39; Павлодар., *п.* 33; Каркар., *п.* 24.

нечно, относительная, побудила киргизъ обособить цѣнныя пастбища въ пользованіи аула и даже отдѣльныхъ хозяевъ, и затѣмъ дальнѣйшее утѣсненіе повело къ тому, что границы пришлось уничтожить: „дѣлить нечего“, „пасти нельзя“ [1]). Происходитъ нѣчто аналогичное тому, что наблюдается въ русской земельной общинѣ: „утѣсненіе“, недостатокъ угодій—могущественнѣйшій факторъ, обусловливающій переходъ отъ свободныхъ формъ къ уравнительному землепользованію; и оно же, достигнувъ слишкомъ рѣзкой формы, является мѣстами причиной прекращенія передѣловъ: не дѣлятъ тѣхъ или другихъ угодій, потому что „нечего дѣлить“.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ иногда и другой, впрочемъ, болѣе или менѣе случайный факторъ—обѣднѣніе или, что въ данномъ случаѣ синонимъ, сокращеніе количества скота: „кой-булюки,—говорятъ статистики киргизской экспедиціи объ одной общинной группѣ Каркаралинскаго уѣзда,—раньше, когда они (входящіе въ группу аулы) были богаче, отмѣчали ямами, камнями; нынѣ обѣднѣли, и въ использованіи зимнихъ пастбищъ, граница не соблюдается [2]). И надо думать, что извѣстную роль въ данномъ случаѣ играетъ стремленіе къ сокращенію расхода на пастьбу: въ нашихъ источникахъ есть прямыя указанія на случаи, гдѣ общность владѣнія призимовочными территоріями поддерживалась и поддерживается спеціально для того, чтобы пасти скотъ въ общемъ стадѣ, слѣдовательно—съ меньшимъ числомъ пастуховъ [3]).

Совсѣмъ не случайный характеръ имѣетъ, напротивъ, другое обстоятельство, также способствующее исчезновенію пастбищныхъ границъ: развитіе земледѣлія и сѣнокошенія и перенесеніе центра тяжести кочевого землевладѣнія отъ пастбищъ къ пахотнымъ и сѣнокоснымъ угодьямъ. Уже въ такомъ, еще очень близкомъ къ чисто-кочевому типу, но съ сильно развитымъ сѣнокошеніемъ, уѣздѣ, какъ Омскій, мы встрѣчаемся со случаями, когда „межа *пастбища* съ сосѣдями отмѣчена *покосами* (курсивы мои. А. К.), находящимися на самыхъ крайнихъ ея пунктахъ“: границы развиваются уже *на покосахъ*, хотя и продолжаютъ раздѣлять также и утратившія свое первенствующее значеніе пастбищныя угодья. Въ полуосѣдломъ Актюбинскомъ уѣздѣ дѣло пошло еще гораздо дальше: „границы съ сосѣдними группами и между аулами группы идутъ по покосамъ и пашнямъ, пастбище опредѣленныхъ границъ не имѣетъ“; „границы между группами проходятъ по покосамъ и пашнямъ, въ пастбищномъ отношеніи границы эти не соблюдаются“, и „какъ только уберутъ хлѣбъ и сѣно, каждый хозяинъ можетъ пасти скотъ гдѣ хочетъ“ [4]); пастбищныя гра-

[1]) Павлодар. у., 20.
[2]) Каркар. у., *п.* 38.
[3]) Омскій у., *п.* 1.
[4]) Актюб. у., *п.* 8, 17, 18, 20, 27.

ницы ихъ здѣсь крайне неопредѣленны, скотъ сосѣднихъ ауловъ постоянно переходитъ смыслъ такого рода границъ только въ томъ, что „очерченная площадь преимущественно используется скотомъ киргизъ“ извѣстной группы [1]). И такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ киргизское хозяйство, по развитію земледѣлія и сѣнокошенія и по характеру содержанія скота, сближается съ крестьянскимъ, происходитъ аналогичное сближеніе и въ формахъ землевладѣнія: обособленіе развивается и крѣпнетъ по отношенію къ культурнымъ угодьямъ, пользованіе же пастбищами становится вполнѣ свободнымъ, поскольку этой свободѣ не ставится ограниченій въ интересахъ сбереженія посѣвовъ и покосовъ.

Другую крупную группу угодій у осѣдающихъ кочевниковъ составляютъ такъ называемыя „пастбища общаго пользованія“,— категорія, къ которой относятся прежде всего лѣтнія пастбища, джайляу, и въ нѣсколько меньшей степени—осенне-весеннія, кузеу. „Въ сущности говоря,—по справедливому замѣчанію составителя Усть-Каменогорскаго сборника,—провести строгую границу между двумя этими родами пастбищъ нельзя, потому что кузеу однѣхъ группъ является джайляу для другихъ, и наоборотъ. И, говоря вообще, нѣтъ существенной разницы въ характерѣ и формахъ пользованія этими пастбищами. Наиболѣе существенный признакъ, общій имъ обоимъ, это общность пользованія ими, общность правъ на нихъ нѣсколькихъ общинно-аульныхъ группъ, а иногда и нѣсколькихъ родовыхъ вѣтвей“ [2]). И тотъ же принципъ полной общности пользованія лѣтовками, въ комбинаціи съ правомъ кратковременнаго захвата, какъ мы отчасти видѣли выше, въ одинаковой мѣрѣ дѣйствуетъ или дѣйствовалъ у всѣхъ кочевыхъ племенъ: у бурятъ, киргизъ южнаго района, алтайцевъ и т. п. У такого, напримѣръ, сравнительно далеко ушедшаго по пути къ осѣдлости и къ обособленію землепользованія племени, какъ алтайцы, лѣтовками, по свидѣтельству С. П. Швецова, „пользуются вольно, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ права перваго захвата: кто первый захватилъ мѣсто, тотъ ставитъ на немъ свою юрту, не спрашивая ничьего согласія, но на слѣдующее лѣто то же мѣсто можетъ быть захвачено и другимъ, также безъ спроса прежняго хозяина“ [3]). Самое право захвата, при этомъ, обставлено точными обычно-правовыми нормами: „развѣдчикъ, находя новое мѣсто, напр., колодезь, незанятымъ, ставитъ около него знакъ, или вещь, или чертитъ на землѣ тамгу, или связываетъ пучкомъ высокую траву; видя знакъ, другіе уже не выбираютъ это мѣсто своимъ стойбищемъ“; но „если вожакъ кочующаго общества выбралъ для него мѣсто и, не отмѣтивъ его ни однимъ изъ перечисленныхъ

---

[1]) Тоже, 36 и др.
[2]) Усть-Каменог. у., 28—29.
[3]) Горный Алтай, 147.

знаковъ, отправится для осмотра окрестныхъ пастбищъ, а по возвращеніи найдетъ, что вожакъ другого аула успѣлъ занять его мѣсто, то заявленіе перваго вожака не принимается въ уваженіе“ [1]).

Однако и по отношенію къ пастбищамъ общаго пользованія наблюдается тотъ же процессъ обособленія, хотя и сдѣлавшій несравненно меньшіе успѣхи, чѣмъ по отношенію къ призимовочнымъ территоріямъ. Осенне-весеннія пастбища, кузеу, въ этомъ отношеніи довольно рѣзко отличаются отъ лѣтнихъ: кузеу „по самому своему смыслу должно быть менѣе свободно для пользованія, чѣмъ джайляу“ [2]): оно должно быть расположено вблизи зимовокъ, чтобы, стоя на кузеу, можно было заниматься ремонтомъ зимовочныхъ построекъ, заготовкой топлива и—въ свое время—работами на поляхъ и пріусадебныхъ покосахъ. Съ этой точки зрѣнія важно не столько, гдѣ пасти скотъ весною или осенью, сколько *гдѣ стоять*, гдѣ поставить свои юрты. Съ другой стороны, „обычное явленіе, что водопои на кузеу изъ колодцевъ, въ силу чего у каждой группы хозяйствъ—котана или аула, имѣется своя опредѣленная стоянка—джуртъ“ [3]). И дѣйствительно, „примѣчанія“ къ поаульнымъ таблицамъ даютъ намъ многочисленныя указанія на случаи обособленія стоянокъ и водопоевъ, иногда съ опредѣленными оговорками, что это еще не ведетъ за собой обособленія и разграниченія самихъ пастбищъ: „осенью пастбище общее, водопои отдѣльные“; пастбищемъ на кузеу „пользуются сообща, но группы стоятъ отдѣльно, *поближе къ своимъ пашнямъ*“ (курс. мой. А. К.) [4]). Но „отсюда,—справедливо замѣчаетъ составитель Каркаралинскаго сборника [5]),—уже недалеко и до разграниченія кузеу на части: ты паси свой скотъ до этихъ поръ, а я буду пасти до тѣхъ“. И дѣйствительно, въ нашемъ матеріалѣ имѣется не мало указаній на то, что обособленіе водопоевъ и стоянокъ съ необходимостью влечетъ за собой и фактическое обособленіе пользованія самими кузеу: каждый аулъ „имѣетъ *свой кузекъ, собственно свои колодцы*“,—„*кузеками, т.-е., собственно говоря, кузевными водопоями*, каждый родъ (внутри общинной группы) пользуется отдѣльно“ [6]). Встрѣчаются, при этомъ, случаи не вполнѣ установившейся раздѣльности: извѣстная группа „по пользованію осеннимъ пастбищемъ разбивается на двѣ подгруппы, но при желаніи и нуждѣ обѣ подгруппы пользуются осенними пастбищами и ихъ водопоями совмѣстно“ [7]); въ другихъ случаяхъ у каждаго аула, „кромѣ общаго кузеу“, есть еще обособленныя кузеу,—„иногда въ единичномъ пользованіи аула, иногда въ со-

---

1) *Гродековъ*, 110—111.
2) Каркар. у., 36.
3) Тамъ же.
4) Кустан., *п.* 133; Каркар., *п.* 41, 49; Омск., *п.* 14, 22.
5) Стр. 36.
6) Усть-Каменогор. у., *п.* 29; Атбасар., *п.* 35, 36, 38.
7) Кустан. у., *п.* 129.

вмѣстномъ съ другими аулами“ [1]). Случается, что „при общемъ, для цѣлой группы, пользованіи осенними пастбищами, весною у каждаго аула своя стоянка и фактически обособленное пользованіе пастбищами“ [2]); случается и наоборотъ: „по пользованію поздними кузеу раздѣляются на группы, а всѣ прочія пастбища (въ томъ числѣ и раннія кузеу) используются сообща“; случается, что „по уборкѣ покосовъ аулы идутъ на свои кузеки... и каждый аулъ пасетъ скотъ на своей землѣ“ [3]). Всѣ эти указанія слишкомъ малочисленны; они притомъ не поддаются приведенію въ связь съ какими-либо общими условіями, и потому, подтверждая тенденцію къ обособленію пользованія кузеу, не даютъ права на какіе-либо дальнѣйшіе выводы.

Въ наибольшей мѣрѣ сохранилась первоначальная общность владѣнія и пользованія, конечно, по отношенію къ лѣтнимъ пастбищамъ, джайляу. Но и здѣсь параллельно съ сокращеніемъ ихъ общей площади наблюдается все тотъ же процессъ обособленія, обусловливаемый, съ одной стороны, укрѣпленіемъ устанавливающихся, въ силу привычки, отношеній опредѣленныхъ группъ кочевого населенія къ опредѣленнымъ лѣтовочнымъ урочищамъ, съ другой—тѣми новыми, чисто-хозяйственными потребностями, которыя возникаютъ и укрѣпляются съ развитіемъ начатковъ осѣдлости и земледѣлія, — именно необходимостью для каждаго осѣдающаго кочевника закрѣпить за собою возможность проводить лѣто на ближайшихъ къ *его* усадьбѣ и полевымъ угодьямъ урочищахъ.

Очень характерную картину первоначальныхъ ступеней этого процесса постепеннаго обособленія лѣтовокъ представляютъ обширныя джайляу сѣверной части Атбасарскаго уѣзда, служащія для лѣтней пастьбы какъ мѣстныхъ киргизъ, такъ и кочевниковъ-южанъ, прикочевывающихъ сюда чуть не за тысячу верстъ, отъ самой границы Сыръ-Дарьинской области. Раньше эти огромныя лѣтовочныя пространства распространялись еще гораздо дальше на сѣверъ, „но съ теченіемъ времени кочевки сократились, и самыя лѣтовки, подъ вліяніемъ раздоровъ, начинаютъ обособляться; такъ, обособились кокчетавскія лѣтовки отъ атбасарскихъ, а внутри уѣзда обособились лѣтовки Атбасарской волости, и начинается обособленіе большой лѣтовки къ западу отъ рѣки Джабай“, которая становится исключительнымъ достояніемъ двухъ волостей мѣстныхъ киргизъ и шести прикочевывающихъ съ юга. „Пользованіе этою лѣтовкой совершенно свободно,—каждая изъ многочисленныхъ приходящихъ сюда группъ занимаетъ любое мѣсто у любого источника и оставляетъ его, какъ только найдетъ, что лучшій кормъ взятъ“,—порядокъ пользованія, оче-

---

[1]) Атбасар., *п.* 37, 38, 40.
[2]) Тоже у., *п.* 36.
[3]) Тоже у., *п.* 39; Омск. у., *п.* 4.

видно, наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ „вѣчныхъ кочевниковъ“ и ихъ привычкѣ къ широкому простору. Напротивъ, на лѣтовкѣ сравнительно болѣе осѣвшей Атбасарской волости „начинаютъ уже обособляться части, используемыя изъ года въ годъ однѣми и тѣми же группами киргизъ, — фактически она уже является подраздѣленной на нѣсколько частей, используемыхъ тѣми группами киргизъ, кстау которыхъ расположены поблизости“ [1]). Аналогичныя явленія наблюдаются и въ другихъ частяхъ киргизскаго края, гдѣ происходитъ осѣданіе киргизъ. Въ Павлодарскомъ уѣздѣ, напримѣръ, лѣтовки „еще настолько просторны, что право пользованія ими почти безгранично,—на одной и той же площади встрѣчаются киргизы разныхъ волостей, разныхъ родовъ. Но, тѣмъ не менѣе, если присмотрѣться къ порядку кочеванія различныхъ родовъ, то можно замѣтить, что они имѣютъ свои пути кочеванія и свои стоянки на лѣтовкахъ, такъ что если скотъ ихъ при пасьбѣ и смѣшивается, то все-таки у каждой группы или у многихъ группъ имѣются свои стоянки“ [2]). Въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, съ значительно распространеннымъ поливнымъ земледѣліемъ, обособленіе лѣтовокъ сдѣлало, повидимому, значительно бо̀льшіе успѣхи: „въ большинствѣ случаевъ у каждаго аула имѣется своя стоянка, и даже на такихъ площадяхъ, гдѣ рѣчи не можетъ быть о тѣснотѣ. Повидимому,— замѣчаетъ составитель сборника,— это объясняется тѣмъ, что право перваго захвата строго соблюдается и не нарушается даже тамъ, гдѣ это не повело бы къ ущербу для перваго захватчика. Тамъ же, гдѣ былъ затраченъ трудъ на устройство водопоя, тамъ право захвата подкрѣплено затратой труда“ [3]). Иногда такое обособленіе стоянокъ имѣетъ еще не вполнѣ установившійся характеръ,—„въ случаѣ недостатка воды каждая подгруппа можетъ перекочевывать къ водопоямъ другой“ [4]); въ другихъ случаяхъ оно принимаетъ вполнѣ законченный обычно-правовой характеръ: „на джайляу у каждаго аула своя стоянка, на которую никто другой не имѣетъ права“ [5]). И какъ по отношенію къ осеннимъ пастбищамъ, обособленіе стоянокъ ведетъ за собой обособленіе и владѣнія пастбищами: пастбища могутъ еще считаться состоящими „въ общемъ пользованіи рода“, но фактически появляются границы пользованія отдѣльныхъ группъ, „опредѣляемыя разстояніемъ, на которое скотъ отходитъ отъ водопоя“ [6]). Въ концѣ же концовъ и самое обособленіе лѣтовочныхъ площадей также фиксируется и мѣстами принимаетъ уже не только фактическій, но обычно-правовой характеръ.

[1]) Атбасар. у., III—IV.
[2]) Павлодар. у., 16.
[3]) Усть-Каменогор. у., 29—30.
[4]) Кустан. у., *п.* 138.
[5]) Омск., *п.* 19; Каркар., *п.* 16; Усть-Каменогор., *п.* 31, 32, 34.
[6]) Омск. у., *п.* 19.

Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каркаралинскаго уѣзда „каждый родъ изъ года въ годъ пользуется одними и тѣми же пастбищами, и пастухи стараются, чтобы скотъ разныхъ родовъ не смѣшивался“ [1]). На нѣкоторыхъ лѣтовкахъ Омскаго уѣзда приходящіе киргизы „располагаются по своимъ стоянкамъ“, при чемъ „каждая волость пасетъ свои стада въ сторону своихъ зимовокъ“ [2]),—совершенно ясенъ здѣсь и хозяйственный мотивъ обособленія лѣтовокъ. Но прочнѣе всего это обособленіе зафиксировалось у сыръ-дарьинскихъ каракиргизъ, что̀ стоитъ въ очевидной связи съ издавнимъ у нихъ развитіемъ осѣдлости и поливного земледѣлія: у нихъ „никто не можетъ занять лѣтовку, гдѣ издавна кочуетъ извѣстный родъ. Можно просить: у меня нѣтъ лѣтовки, позвольте быть вашимъ сосѣдомъ“; но при отказѣ нельзя ничего сдѣлать, ибо какое право можно имѣть на чужую лѣтовку?“ [3])

Къ сожалѣнію, нашъ матеріалъ даетъ намъ сравнительно очень мало указаній относительно эволюціи формъ владѣнія иного рода угодьями, кромѣ пастбищъ,—въ частности владѣнія сѣнокосными угодьями и пахотными землями: въ слѣдующей главѣ намъ придется подробно говорить о формахъ *пользованія* угодьями этой категоріи, относительно же формъ *владѣнія* намъ придется ограничиться немногими замѣчаніями.

Мы видѣли выше, что сѣнокосныя угодья, наравнѣ съ койбулюками, являются тѣмъ видомъ угодій, на которомъ раньше всего появляется и укрѣпляется обособленіе и дробленіе владѣній. И въ соотвѣтствіи съ этимъ мы находимъ въ нашемъ матеріалѣ лишь совершенно единичныя указанія на случаи, когда покосы сстоятъ въ общемъ владѣніи болѣе или менѣе обширныхъ группъ осѣдающихъ кочевниковъ,—когда покосы „у трехъ ауловъ въ общемъ владѣніи“, при чемъ, все-таки, „каждое отдѣльное сѣнокосное урочище скашивается опредѣленною группою хозяевъ“; или когда покосы „находятся въ общемъ пользованіи“ цѣлой общинно-земельной группы [4]). Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ владѣніе сѣнокосными угодьями пріурочено къ мельчайшей земельно-хозяйственной группѣ—хозяйственному аулу: „покосы подѣлены между аулами“; „покосы каждаго аула отдѣльные“, „покосы издавна подѣлены между аулами“, — такого рода указанія изобилуютъ въ „примѣчаніяхъ“ къ поаульнымъ таблицамъ; если по отношенію къ покосамъ установилось душевое пользованіе, то выравниваются „только доли всѣхъ одноаульцевъ“; при очень разбросанномъ расположеніи покосовъ

---

[1]) Каркар. у., 36.
[2]) Омскій у., 43.
[3]) *Гродековъ*, 111.
[4]) Омск. у., *п.* 21; Каркар., *п.* 76.

случается, что на одномъ урочищѣ косятъ нѣсколько ауловъ, но все-таки „участки каждаго аула имѣютъ свои границы“. Сѣнокосныя границы между аулами не только всегда точно извѣстны, — онѣ сплошь и рядомъ „отмѣчены кучками камня, дерна и пр.“; въ Актюбинскомъ уѣздѣ, у нѣкоторыхъ ауловъ, „покосы раздѣлены бороздой“ [1]). Мѣстами это строгое разграниченіе касается покосовъ *только какъ покосовъ:* „покосы подѣлены между аулами, но сѣнокосными участками пользуются, послѣ уборки сѣна, совмѣстно, не считаясь съ границами сосѣднихъ ауловъ“ [2]). Мѣстами, наоборотъ, „границы сохраняютъ свое значеніе и зимой, такъ какъ каждый аулъ пасетъ овецъ только на своихъ лугахъ“ [3]).

Мы видѣли выше, что въ мѣстностяхъ, по естественнымъ условіямъ благопріятныхъ для сѣнокошенія и неблагопріятныхъ для зимняго выпаса скота, обособленіе владѣній *начинается* съ сѣнокосныхъ угодій. И въ соотвѣтствіи съ этимъ мы находимъ въ нашихъ источникахъ не мало характерныхъ указаній на „общинныя группы“, гдѣ поаульно обособилось владѣніе *одними только* покосами, при общемъ владѣніи и пользованіи всѣми прочими угодьями: „между аулами никакихъ границъ не существуетъ, только покосы находятся въ исключительномъ пользованіи каждаго аула“ [4]). Такое исключительное положеніе сѣнокосовъ — иногда результатъ того, что формы владѣнія пастбищами *еще не доразвились* до обособленія, иногда—слѣдствіе *исчезновенія границъ* пастбищныхъ угодій, вызваннаго острымъ недостаткомъ въ пастбищахъ или упадкомъ ихъ значенія, съ развитіемъ сѣнокошенія и хлѣбопашества [5]).

Само собою разумѣется, что общимъ закономъ и здѣсь является дифференціація, дробленіе землевладѣнія, переходъ отъ общаго къ раздѣльному владѣнію покосами. И дѣйствительно, въ нашихъ источникахъ мы находимъ не мало конкретныхъ указаній на случаи такого перехода: „покосы прежде косили сообща, теперь они подѣлены между аулами“; „первые 2—3 года (по поселеніи) всѣ киргизы одного рода косили сообща, позже разбились на болѣе мелкія группы (аулы)“; „раньше, когда потребность въ сѣнѣ была невелика, покосы были въ общемъ владѣніи, но потомъ начались раздоры изъ-за лучшихъ покосовъ, почему и рѣшено было, еще отцами, раздѣлить покосы“ [6]). Усиливающаяся потребность въ сѣнѣ, вообще „утѣсненіе“ и возни-

---

[1]) Кустан. у., *п.* 114, 140; Павлодар., *п.* 3, 25, 51; Актюб., *п.* 8; Усть-Камен., *п.* 1, 11, 13, 18.
[2]) Кустан. у., *п.* 152; Усть-Камен., *п.* 46, 47.
[3]) Кустан. у., *п.* 151, 152; Актюб., *п.* 7, 8.
[4]) Кустан., у. *п.* 134; Павлодар., *п.* 33, 34; Каркар., *п.* 16; Усть-Камен., *п.* 40, 46, 47.
[5]) Стр. 116—118.
[6]) Кустан. у., *п.*142; Омск., *п.* 7; Актюб., *п.* 16, 46.

кающія на почвѣ его столкновенія изъ-за пользованія покосами,— вотъ основной факторъ, ведущій къ дробленію покосовъ. Но на извѣстной ступени „утѣсненіе“, какъ и по отношенію къ пастбищамъ, можетъ вести къ возстановленію общаго владѣнія: такъ, въ одной изъ общинныхъ группъ Омскаго уѣзда „раньше покосы были раздѣлены по ауламъ“, съ отрѣзкою же значительной части земли подъ переселенческій поселокъ „покосы скашиваются сообща и сѣно дѣлится по числу копенъ“ [1] .

Изъ пахотныхъ земель мы будемъ говорить здѣсь только о неорошаемыхъ,—объ орошаемыхъ земляхъ намъ удобнѣе будетъ говорить въ слѣдующей IV главѣ, посвященной формамъ *пользованія* землею у осѣдающихъ кочевниковъ. Какъ и вполнѣ естественно, указанія, касающіяся формъ владѣнія неорошаемыми пахотными землями, мы находимъ почти исключительно по двумъ, наиболѣе земледѣльческимъ уѣздамъ сѣверной полосы киргизскаго края: Кустанайскому и Актюбинскому; во всей остальной части этой полосы земледѣліе такъ еще мало развито, что пока не возникаетъ и вопроса о пахотныхъ границахъ и объ обособленіи владѣнія пахотными степями. Но даже и въ названныхъ двухъ уѣздахъ эти послѣднія имѣются, по сравненію съ потребностью, въ далеко большемъ изобиліи, чѣмъ покосы, а потому, опять-таки, вполнѣ естественно, что обособленіе пашенъ и здѣсь сдѣлало далеко меньшіе успѣхи, чѣмъ обособленіе покосовъ. Очень часто владѣніе пахотными землями пріурочивается къ сравнительно обширнымъ соединеніямъ, общинно-земельнымъ группамъ: „пашни въ группѣ не раздѣлены, каждый хозяинъ пашетъ, гдѣ хочетъ“; „пашутъ на общемъ, всего старшинства (=группѣ!), такомъ-то урочищѣ“ [2]. Нерѣдко, при этомъ, группа беретъ на себя обязанность *распредѣленія* пахотныхъ земель между входящими въ составъ ея хозяйственными аулами: „пахотныя земли отведены аульнымъ сходомъ, каждому пятидесятству особо“, — каждая группа „должна знать только свой участокъ и не касаться другихъ“ [3]. Очень распространены разныя переходныя и смѣшанныя формы владѣнія пахотными землями. Извѣстная часть послѣднихъ уже обособилась по ауламъ, другая остается въ общемъ владѣніи болѣе широкой группы: въ одной такой группѣ „каждый кибитковладѣлецъ можетъ свободно распахивать земли, расположеныя поблизости его зимовки“, но для производства распашки въ одномъ изъ урочищъ нужно „предварительно испросить разрѣшеніе у всѣхъ 6 ауловъ“, потому что это урочище „въ родѣ общаго кузеу“; въ другой—„большинство пашетъ вблизи своихъ зимовокъ“, но извѣстная часть пахотныхъ земель „находится въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяевъ группы“ [4]. Причиною обо-

[1] Омск., *п.* 9.
[2] Кустан. у., *п.* 135, 140, 142, 144.
[3] Актюб. у., *п.* 21, 23, 26.
[4] Кустан. у., *п.* 115, 140; Актюб., *п.* 11.

собленія одной части пашенъ и сохраненія общности владѣнія другою и въ этихъ случаяхъ является околодворное расположеніе однѣхъ пашенъ и отдаленность, значитъ, меньшая цѣнность другихъ: „ближайшая пашня въ каждомъ аксакальствѣ своя, дальнія пашни состоятъ въ общемъ пользованіи"; „пашни, расположенныя около зимовокъ, обособлены для каждаго аула: здѣсь пашутъ бѣдняки, — замѣчаетъ изслѣдователь въ скобкахъ, — дальнія находятся въ общемъ пользованіи всей группы" [1]). Очень распространенная форма владѣнія пашнями — не полное или не законченное фактическое обособленіе по мельчайшимъ селитебнымъ группамъ — хозяйственнымъ ауламъ: „каждый аулъ пашетъ около своихъ зимовокъ, но не возбраняется пахать и въ другихъ мѣстахъ"; „пашни находятся вблизи зимовокъ", но нѣкоторые аулы, „за неимѣніемъ пригодной для хлѣбопашества земли, пашутъ около чужихъ зимовокъ"; „сѣютъ около зимовокъ, у кого поблизости нѣтъ подходящей земли пашетъ у сосѣдей,— не воспрещается" [2]). Гораздо рѣже случаи, гдѣ фактическое обособленіе владѣнія пашнями имѣетъ болѣе законченный характеръ: „каждый аулъ имѣетъ свои пашни, расположенныя вблизи зимовокъ",—„свои" чисто фактически, ибо „границы между пашнями отдѣльныхъ ауловъ не установлены" [3]). И въ немногихъ, повидимому, случаяхъ обособленіе владѣнія пашнями пріобрѣтаетъ болѣе строгій, обычно-правовой характеръ: „пашни разграничены между аулами, каждый аулъ пашетъ вблизи своихъ зимовокъ, и сосѣди могутъ пахать здѣсь только съ разрѣшенія хозяина"; „тотъ, кому не хватаетъ пахотныхъ земель въ своемъ аулѣ, выпрашиваетъ у сосѣдей"; мало того, даже „пустоши (залежи) составляютъ собственность аула, который ихъ разработалъ [4]).

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ обзоръ формъ владѣнія отдѣльными угодьями, въ частности, у киргизъ, по матеріаламъ киргизской статистической экспедиціи. Мнѣ кажется, этотъ обзоръ всецѣло подтверждаетъ тотъ выводъ, къ которому мы пришли въ первой половинѣ этой главы, въ отвѣтъ на вопросъ: *что такое община* у осѣдающихъ кочевниковъ [5])? Эта община, какъ субъектъ владѣнія землей, очевидно, не представляетъ собой опредѣленнаго, рѣзко отграниченнаго отъ другихъ, общественнаго соединенія; кочевая община — явленіе еще слагающееся и неопредѣленное, въ соотвѣтствіе съ неопредѣленностью самихъ ея функцій и съ еще слагающимся, расплывчатымъ характеромъ хозяйства у осѣдающихъ кочевниковъ; землевладѣніе

[1]) Кустан. у., *п.* 143; Актюб., *п.* 26.
[2]) Кустан. у., *п.* 116, 126, 148, 150, 158; Актюб., *п.* 43, 44.
[3]) Кустан., *п.* 117, 134; Актюб. *п.* 20.
[4]) Кустан., *п.* 131; Актюб., *п.* 8, 10, 12; Усть-Камен., *п.* 11.
[5]) Стр. 109—110.

пріурочивается, мы видимъ, то къ разнообразнымъ родовымъ соединеніямъ, то къ общинно - земельной группѣ, то къ хозяйственному аулу (хотону) или группѣ ауловъ; все это самымъ причудливымъ образомъ спутывается и переплетается между собой, и именно эта расплывчатость и неопредѣленность субъекта владѣнія создаетъ благопріятную почву для насильственнаго захвата, вообще для всѣхъ тѣхъ проявленій фактической власти и силы, которыя, какъ мы видѣли во II главѣ, такъ характерны для земельныхъ отношеній кочевого и полукочевого населенія.

ГЛАВА IV.

Эволюція кочевого землепользованія.

Говоря о *землевладѣніи* у осѣдающихъ кочевниковъ, намъ пришлось распространяться, главнымъ образомъ, о пастбищахъ разныхъ категорій и лишь сравнительно мало вниманія удѣлить формамъ владѣнія культурными угодьями, въ частности сѣнокосами и пашнями. Переходя теперь къ вопросу о *формахъ землепользованія*, мы зато можемъ уже совсѣмъ не возвращаться къ пастбищнымъ угодьямъ: говоря о формахъ *владѣнія* этого рода угодьями, мы попутно исчерпали и все, что̀ можно сказать относительно формъ *пользованія* пастбищами, начиная отъ свободнаго, сначала кратковременнаго, потомъ длящагося захвата, какъ основы пользованія стоянками на лѣтнихъ пастбищахъ, и кончая изрѣдка встрѣчающимися случаями подворнаго пользованія пріусадебными овечьими пастбищами (кой-булюками), иногда носящаго даже общинно-уравнительный характеръ [1]). Говоря вообще, представляется возможнымъ сказать, что въ предѣлахъ тѣхъ или другихъ, болѣе или менѣе широкихъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ пастбищныхъ границъ угодья этой, первенствующей у кочевниковъ, категоріи свободно используются всѣми участниками той или иной, болѣе или менѣе широкой родовой или сосѣдской группы, — при чемъ эта свобода пользованія весьма благопріятствуетъ всѣмъ тѣмъ проявленіямъ сложившагося, главнымъ образомъ, на почвѣ родового строя соціальнаго неравенства, о которыхъ мнѣ пришлось подробнѣе говорить во II и напоминать въ концѣ III главы.

Главнымъ объектомъ, на которомъ развиваются формы, собственно, *землепользованія* у осѣдающихъ кочевниковъ, являются, несомнѣнно, *сѣнокосныя* угодья, которымъ мнѣ и придется посвятить бо̀льшую часть настоящей главы. И это, замѣтимъ здѣсь же, совершенно понятно: разъ у скотоводовъ-кочевниковъ появилось сѣнокошеніе, сѣнокосныя угодья сразу получаютъ первенствующее значеніе; съ другой стороны, угодья этой категоріи, болѣе или менѣе вездѣ, занимаютъ лишь сравнительно небольшую

[1]) Главн. обр., стр. 111—113.

часть используемой кочевниками территоріи; при ихъ обширномъ скотоводствѣ весьма быстро наступаетъ, поэтому, то „утѣсненіе“, тотъ недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, по сравненію съ существующею въ нихъ потребностью, который является главнымъ двигателемъ эволюціи формъ пользованія землею. И этотъ послѣдній мотивъ остается въ силѣ и тогда, когда у бывшихъ кочевниковъ появляется и развивается земледѣліе: въ видѣ общаго правила, и осѣдающіе кочевники, и крестьяне-земледѣльцы, въ силу чисто-естественныхъ условій, располагаютъ и абсолютно, и тѣмъ болѣе относительно, гораздо бо̀льшими пространствами земель, пригодныхъ для распашки, чѣмъ сѣнокосныхъ угодій; они распахиваютъ незначительную долю годныхъ для того земель,—косятъ, напротивъ, болѣе или менѣе все, что̀ только есть возможность косить. Очень естественно поэтому, что эволюція формъ пользованія пахотными землями, опять-таки въ видѣ правила, далеко отстаетъ отъ эволюціи пользованія покосами.

Мы приступаемъ, такимъ образомъ, къ обзору *формъ пользованія сѣнокосными угодьями*. Намъ придется совершенно отдѣльно говорить, при этомъ, о каждомъ изъ кочевыхъ племенъ, которыхъ сѣнокосные порядки освѣщаются имѣющимися въ нашемъ распоряженіи источниками, потому что порядки землепользованія у каждаго изъ этихъ племенъ, въ частности у бурятъ и у киргизъ, представляютъ очень существенныя особенности, исключающія возможность разсмотрѣнія ихъ совмѣстно.

Формы пользованія сѣнокосными угодьями *у киргизъ* отличаются чрезвычайною пестротой и разнообразіемъ, но могутъ быть уложены въ слѣдующій рядъ главнѣйшихъ типовъ. Прежде всего—просто *свободное* или *вольное*, ничѣмъ не регулированное сѣнокошеніе, какъ оно можетъ существовать, конечно, только при очень большомъ, практически-безграничномъ изобиліи покосовъ: „пользованіе покосами совершенно свободное—каждый накашиваетъ столько сѣна, сколько ему надо“; „покосовъ много, — *всего не успѣваютъ выкосить* (курс. мой. А. К.), и пользованіе свободно: каждый коситъ сколько ему надо, стараясь начать покосъ одновременно“ [1]). Эта безгранично-свободная форма встрѣчается и у южныхъ, и у сѣверныхъ киргизъ, — вездѣ, гдѣ „всего не успѣваютъ выкосить“ и гдѣ, поэтому, нѣтъ надобности подвергать сѣнокосное пользованіе какимъ-либо ограниченіямъ. По крайней малочисленности случаевъ, когда о данной формѣ пользованія покосами упоминается въ „примѣчаніяхъ“ къ поаульнымъ таблицамъ [2]), можно заключить, что эта форма встрѣчается у

[1]) Усть-Каменогор., *п.* 8, 50.

[2]) Въ виду обстоятельствъ, указанныхъ на стр. 5 (прим.), данныя „примѣчаній“, конечно, не поддаются подсчету; но рѣдкость упоминанія объ однихъ явленіяхъ, при частомъ упоминаніи о другихъ, все же даетъ право на извѣстныя заключенія.

киргизъ сравнительно рѣдко; и это вполнѣ естественно, ибо тотъ избытокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, который является необходимою ея предпосылкой, въ киргизскихъ степяхъ, съ ихъ засушливымъ климатомъ, не можетъ быть сколько-нибудь обычнымъ явленіемъ. Сравнительно чаще, какъ мы увидимъ ниже, вольное сѣнокошеніе встрѣчается по отношенію *не ко всѣмъ* сѣнокоснымъ угодьямъ, а по отношенію къ той или другой, менѣе цѣнной части ихъ — значитъ параллельно съ какою-либо изъ другихъ формъ пользованія, о которыхъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ. Весьма обычною, съ другой стороны, является комбинація вольнаго сѣнокошенія съ артельною или групповою уборкой сѣна,—съ „кошеніемъ сообща", когда „каждый можетъ косить, гдѣ захочетъ (типично вольная форма!), но сѣнокошеніе производится цѣлыми группами хозяйствъ, и сѣно распредѣляется затѣмъ копнами" [1]).

Ниже мнѣ придется говорить, вообще, о роли артельнаго или групповаго труда у осѣдающихъ кочевниковъ. Но уже здѣсь намъ необходимо остановиться на только что упомянутой разновидности этого групповаго труда—*на кошеніи сообща,* вообще на „широкомъ примѣненіи общиннаго труда при уборкѣ сѣна", которое отмѣчается экспедиціею Ф. А. Щербины какъ „особая характерная черта киргизскихъ сѣнокосныхъ порядковъ" [2]). Совмѣстная уборка производится иногда общиною въ полномъ составѣ, иногда группою, на томъ или другомъ основаніи отдѣльно пользующеюся извѣстною частью общинныхъ сѣнокосовъ. Съ первымъ случаемъ мы имѣемъ дѣло тамъ, гдѣ „покосы у каждаго аула свои", и гдѣ аулы въ полномъ составѣ „скашиваютъ сообща и дѣлятъ по числу работавшихъ на покосѣ"; въ еще болѣе широкомъ объемѣ — гдѣ „сообща косятъ и дѣлятъ сѣно" цѣлыя группы родственныхъ ауловъ, „пользующіяся покосами сообща" [3]). Второй, болѣе обычный случай представляетъ очень различныя разновидности. Мы уже видѣли, какъ кошеніе сообща можетъ комбинироваться съ вольнымъ пользованіемъ покосами. Но съ такимъ же успѣхомъ оно комбинируется и съ уже отживающимъ свой вѣкъ родовымъ распредѣленіемъ покосовъ: „сѣнокосъ, напримѣръ, раздѣленъ по числу прадѣдовъ; потомки каждаго изъ нихъ косятъ сообща и дѣлятъ сѣно на число косъ"; покосы въ извѣстной группѣ „въ общемъ владѣніи, но каждое отдѣльное сѣнокосное урочище скашивается опредѣленною группою хозяевъ" [4]). Оно комбинируется и съ регулированнымъ захватомъ, и съ уравнительно-передѣльнымъ пользованіемъ; примѣръ перваго—„каждый хозяинъ посылаетъ на ра-

[1]) Кокчетав. у., 126.
[2]) Тоже, 128.
[3]) Каркар. у., *п.* 60; Усть-Каменог., *п.* 1, 29.
[4]) Омск. у., *п.* 14, 21.

боту, косьбу и уборку сѣна по одному работнику, и сѣно дѣлятъ поровну“ [1]); примѣръ второго —„всѣ кибитковладѣльцы разбиваются на группы, по 10 хозяевъ въ каждой“, между ними совершается передѣлъ по жребію, а затѣмъ „каждыя 10 хозяйствъ косятъ сѣно сообща и дѣлятъ его копнами поровну“ [2]). Наконецъ, встрѣчаются и такіе случаи, когда „покосы раздѣлены подворно, но въ плохіе годы косятъ сообща сѣно и дѣлятъ копнами [3]).

Мнѣ нѣтъ надобности подробнѣе распространяться на той изъ только что перечисленныхъ формъ пользованія покосами, которую я назвалъ регулированнымъ захватомъ; формѣ, которая по существу представляетъ собою переходъ отъ вольнаго къ уравнительному пользованію: площадь сѣнокосныхъ угодій остается нераспредѣленною между хозяевами, но въ видахъ уравненія пользованія *опредѣляется число работниковъ* - косцовъ, какое можетъ выставить каждое домохозяйство. Обычно выставка работниковъ производится *не съ души* или съ душъ, какъ обычно практикуется у русскихъ крестьянъ, а съ *двора, домохозяйства.* Впрочемъ, и этотъ принципъ лишь въ видѣ исключенія примѣняется въ чистомъ его видѣ, — „каждый хозяинъ посылаетъ на косьбу и уборку сѣна по одному работнику, и сѣно дѣлятъ поровну, не обращая вниманія на количество скота“ [4]). Общимъ правиломъ являются отклоненія отъ этого принципа въ соотвѣтствіи со степенью имущественной состоятельности, въ частности — съ количествомъ скота. Въ видѣ правила дѣло не идетъ дальше частныхъ поправокъ: общимъ принципомъ остается выставка по одному косцу съ домохозяйства, но „богачи, платящіе за 2 и болѣе кибитокъ, посылаютъ на покосъ по 2—3 работника и сѣна получаютъ въ 2—3 раза больше“ [5]). Рѣже, повидимому, число выставляемыхъ каждымъ хозяйствомъ косцовъ приводится въ прямое отношеніе съ размѣрами его скотоводства [6]).

Слѣдующій, очень распространенный у киргизъ типъ пользованія покосами, это—*ежегодный передѣлъ.* „Ежегодный дѣлежъ покосовъ,—говоритъ Ф. А. Щербина въ Кокчетавскомъ сборникѣ,—въ большинствѣ случаевъ производится такъ же, какъ дѣлятъ крестьяне,—киргизы стремятся при этомъ по возможности уравнять паи, на которые разбиваютъ свои сѣнокосные участки, въ качественномъ и количественномъ отношеніи“. Обычный способъ распредѣленія сѣнокосныхъ паевъ между хозяевыми, — повидимому, жеребьевка; на ряду съ нею, однако, встрѣчается распредѣленіе, основанное на родовыхъ или родственныхъ отношеніяхъ: „предо-

---

[1]) Кустан. у., *п.* 119; Актюб. *п.* 47.
[2]) Атбасар. у., *п.* 43.
[3]) Тоже, 120.
[4]) Атбасар., *п.* 43.
[5]) Усть-Камен., *п.* 1; Кустан. *п.* 125 и др.
[6]) Куст. у., 71; Кокчет. у., 128.

ставляется выбирать эти паи по старшинству—первымъ выбираетъ самый старшій членъ аула, потомъ слѣдующій по возрасту и т. д.“ [1]). Впрочемъ, „теперь меньше стали уважать стариковъ“ [2]), и въ связи съ этимъ распредѣленіе покосовъ по старшинству постепенно уступаетъ мѣсто жеребьевкѣ, вообще болѣе уравнительнымъ пріемамъ распредѣленія сѣнокосовъ.

Къ сожалѣнію, и въ сводныхъ поуѣздныхъ текстахъ, и въ „примѣчаніяхъ“, мы находимъ лишь очень немного данныхъ для болѣе подробной характеристики киргизскихъ сѣнокосныхъ передѣловъ. Въ „примѣчаніяхъ“ дѣло не идетъ, иногда, дальше такой, краткой и не вполнѣ отчетливой, характеристики: „ежегодно дѣлятъ травой по числу ауловъ, — одному аулу поочередно предоставляется выборъ“; или: „предъ сѣнокосомъ выѣзжаютъ на покосъ, осматриваютъ всѣ урочища и распредѣляютъ на хозяйства или на группы по травѣ“ [3]). Есть, однако, и нѣсколько болѣе детальныхъ описаній [4]):

„Всѣ кибитковладѣльцы разбиваются на группы по 10 хозяйствъ въ каждой, весь участокъ дѣлится на равные (равноцѣнные?) паи по числу группъ, а затѣмъ бросаютъ жребій, какой группѣ какой участокъ придется“.

„Ежегодно предъ началомъ покоса происходитъ распредѣленіе покосовъ между хозяйствами, при чемъ стараются дать каждому часть хорошаго и плохого сѣнокоса и приблизительно одного размѣра; если послѣ оказывается, что какой-нибудь участокъ далъ сѣна меньше другихъ, тогда хозяину прибавляютъ сѣна изъ долей другихъ хозяйствъ“.

Луговые покосы дѣлятъ „арканами на сто разныхъ паевъ, по числу кибитокъ, и разбираютъ по жребію“. Покосы по мелкимъ рѣчкамъ „не дѣлятся, а каждый изъ нихъ расцѣнивается, сообразуясь съ общимъ урожаемъ и числомъ кибитокъ, которыя должны его косить, и такъ, чтобы каждая изъ 170 кибитокъ получила одинаковое количество сѣна“.

Насколько можно судить по этимъ указаніямъ, у киргизъ преобладаютъ способы передѣла, направленные не къ достиженію пространственнаго равенства, а къ уравнительному распредѣленію „травы“, къ обезпеченію каждаго возможностью накосить приблизительно равноцѣнное количество сѣна. Единственный отмѣченный въ нашихъ источникахъ случай, гдѣ покосы подвергаются нарѣзкѣ на пространственно-равные паи, относится къ *луговымъ* покосамъ, т.-е. тѣмъ, которыхъ естественныя свойства въ наибольшей мѣрѣ допускаютъ примѣненіе именно этого способа передѣла. Во всемъ этомъ—полная, по существу, аналогія

---

[1]) Кустан. у., 71.
[2]) Тоже, *п.* 114.
[3]) Атбасар. у., *п.* 10; Омск. у., *п.* 28.
[4]) Кустан. у., *п.* 119; Атбасар., *п.* 30; Актюб., *п.* 47.

съ явленіями, о которыхъ намъ придется, уже на основаніи массоваго матеріала, подробно говорить во 2-ой части настоящей работы.

Наиболѣе детальной характеристики требуетъ, однако, та форма, которую киргизская экспедиція обозначаетъ названіемъ *подворнаго пользованія* или даже *владѣнія*,—уже здѣсь приходится отмѣтить, что этотъ терминъ употребляется въ сборникахъ очень неразборчиво и иногда, несомнѣнно, некстати. „Изъ 129 общинъ въ уѣздѣ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ Актюбинскомъ сборникѣ,—по 79 общинамъ или 61,2% изъ общаго числа сѣнокосы находятся въ подворномъ пользованіи. Обычная форма землепользованія въ этомъ отношеніи сводится къ распредѣленію сѣнокосовъ сначала по ауламъ или родовымъ группамъ, а затѣмъ подворно въ каждомъ аулѣ или родовой группѣ“ [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ приведенной выдержкѣ рѣчь идетъ не о подворномъ владѣніи, а объ уравнительномъ распредѣленіи сѣнокосовъ по дворамъ, о *способѣ передѣла* сѣнокосовъ, въ основѣ котораго лежитъ „дворъ“, въ качествѣ единицы распредѣленія.

Въ чемъ же, спрашивается прежде всего, *источникъ*, *корень* подворнаго владѣнія сѣнокосами? По мнѣнію экспедиціи, въ лицѣ составителя Павлодарскаго сборника,—*въ простомъ захватѣ*, который первоначально не подвергался никакимъ ограниченіямъ: „когда было сравнительно свободно, можно было захватывать сѣнокосные участки вдали отъ кстау; но, по мѣрѣ того, какъ становилось тѣснѣе, и свободныя прежде пастбища обособлялись аулами, поставившими на нихъ кстау, должны были бы отойти въ пользованіе этихъ послѣднихъ и сѣнокосные участки, захваченные раньше сосѣдними аулами. Но на дѣлѣ этого не происходило, такъ какъ, съ одной стороны, захватчики слишкомъ плотно держались за свои участки, а съ другой, общественное мнѣніе было на сторонѣ первыхъ захватчиковъ“ [2]). Объясненіе это, однако, справедливо, лишь по отношенію къ *извѣстной части* случаевъ подворнаго владѣнія; въ другихъ случаяхъ оно имѣло иной источникъ, именно *прямой раздѣлъ* сѣнокосныхъ угодій между входящими въ группу домохозяйствами: „покосы давно разграничены между аулами, а затѣмъ *раздѣлены были* подворно“; „участки покоса раздѣлены были еще дѣдами и отмѣчены ямками, кустами карагана“ и т. д. [3]). Есть случаи, гдѣ „между хозяевами покосъ подѣленъ уже давно *на равныя части*“, и неравенство въ распредѣленіи сѣнокосныхъ участковъ возникало уже позднѣе, „вслѣдствіе того, что приходилось надѣлять покосомъ отдѣляющіяся хозяйства“ [4]). Есть другого рода случаи, когда

---

[1]) Актюб. у., 20.
[2]) Павлодар. у., 25.
[3]) Актюб. у., *п.* 20; Усть-Кам., *п.* 2, 30, 32.
[4]) Атбас. у., *п.* 27.

уже при первоначальномъ раздѣлѣ „нѣкоторые аксакалы захватили бо́льшіе участки“,—отчасти просто потому, „что покосовъ было много“ [1]), отчасти въ силу своего соціальнаго вліянія: „по народному обычаю,—записано въ одномъ изъ „примѣчаній“, гдѣ рѣчь идетъ о раздѣлѣ на неравные участки, — доли всѣхъ должны были бы быть равны, но на дѣлѣ богачи захватываютъ больше, а бѣдняки не могутъ протестовать противъ захвата“ [2]).

И создавшееся тѣмъ или другимъ путемъ „подворное“ владѣніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеризуется какъ дѣйствительно подворное *владѣніе*: „покосы съ давнихъ поръ составляютъ частную собственность (sic) отдѣльныхъ хозяйствъ, переходящую отъ отца къ сыну“; „сѣнокосы подворны и наслѣдственны“; „оставшіеся послѣ отца покосы обыкновенно раздѣляютъ между сыновьями поровну; выморочные участки покосовъ поступаютъ въ общее пользованіе аула (аксакальства) или чаще въ пользованіе ближайшихъ родственниковъ умершаго“. Въ составъ правомочій подворнаго владѣльца входитъ и право отчужденія,—„доли отдѣльныхъ хозяевъ могутъ быть проданы, извѣстны такіе случаи“. При такихъ порядкахъ, естественно, „и доли хозяевъ неравныя, а у иныхъ отау и вовсе нѣтъ покоса“; и тѣмъ не менѣе, это не вызываетъ никакого вмѣшательства со стороны аула или родовой группы,—„равненія покосныхъ долей нѣтъ и не было“ [3]).

Гораздо чаще, однако, случаи, когда въ киргизскомъ „подворномъ владѣніи“ сѣнокосами приходится видѣть лишь такую же, по существу, форму нерегулированнаго пользованія, какія наблюдаются и у крестьянъ многоземельныхъ районовъ,—форму, находящую себѣ особенно сильную опору въ властномъ соціальномъ положеніи „бѣлой кости“ и потому—особенно устойчивую и распространенную. Таковы, прежде всего, случаи, которые можно подвести подъ категорію ограниченія *правъ пользованія* подворными участками: иногда подворное владѣніе ограничивается трудовымъ принципомъ или, если угодно, началомъ фактическаго использованія угодій,—домохозяинъ „владѣетъ своими покосами „неоспоримо“, но то, что онъ выкосить не въ силахъ, признается общей собственностью аула, рода или какой-либо другой группы киргизъ, изъ которыхъ каждый можетъ косить остатки, смотря по своимъ силамъ и потребностямъ въ сѣнѣ“ [4]). Иногда дѣло заходитъ и еще дальше, и при наличности разграниченныхъ, даже искусственными признаками, подворныхъ участковъ право использованія невыкошенныхъ владѣльцами остатковъ признается даже за посторонними аулами и группами. Нерѣдки, затѣмъ, иного рода случаи, когда покосы разбиты „разъ

---

[1]) Актюб. у., *п.* 29.
[2]) Усть-Каменог. у., *п.* 33.
[3]) Кустан. у., 39, 47; Павлод. у., 22, *п.* 24; Усть-Камен. у., 21—22, *п.* 7, 29, 30, 32; Омск., *п.* 15.
[4]) Кустан. у., 68.

навсегда на подворно-наслѣдственные участки",—но „тѣ же сѣнокосы, при неурожаѣ или неравномѣрномъ распредѣленіи его (урожая) по отдѣльнымъ участкамъ, передѣляются заново между отдѣльными хозяйствами, въ соотвѣтствіи съ количествомъ принадлежащаго имъ скота" [1]), или когда, при строгой подворномъ, въ обычное время, пользованіи, „въ плохіе годы косятъ сообща и сѣно дѣлятъ копнами" [2]). Дальнѣйшія ограниченія правъ владѣльцевъ подворныхъ участковъ связываются съ надѣленіемъ „отау",—прибылыхъ, вновь выдѣляющихся кибитокъ или домохозяйствъ. При наиболѣе строгой формѣ подворнаго владѣнія обязанность надѣленія выдѣляющихся отау лежитъ просто на отцахъ, или вообще ближайшихъ родственникахъ выдѣляющихся. Иногда, напротивъ, обязанность надѣленія отау переходитъ на болѣе широкую родовую группу: „при надѣленіи отавовъ сѣнокосами выдѣлъ происходитъ только изъ участковъ той родовой группы, къ которой принадлежитъ отау" [3]),—родовой группы, составляющей (это подчеркивается въ приведенной выдержкѣ словомъ *только*) лишь часть болѣе обширной земельно-территоріальной группы. Выступленіе этой послѣдней на сцену (какъ при первыхъ „отводахъ" у крестьянъ!) имѣетъ иногда чисто-формальный характеръ: отау получаютъ сѣнокосъ отъ родственниковъ, но „по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, аульный сходъ своимъ приговоромъ закрѣпляетъ эти надѣлы, чтобы потомъ не было споровъ" [4]). Нерѣдко, однако, вмѣшательство группы въ дѣло надѣленія отау принимаетъ и гораздо болѣе существенный характеръ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ образуются хозяйства, имѣющія очень мало покосовъ, аульный сходъ выдѣляетъ этимъ хозяевамъ покосы изъ участковъ тѣхъ кибитковладѣльцевъ, у которыхъ имѣется избытокъ сѣнокосныхъ угодій"; „отдѣльные хозяева имѣютъ подворные участки, но при выдѣленіи новыхъ хозяйствъ происходитъ нѣчто въ родѣ передѣла, въ томъ случаѣ, если нѣтъ незанятаго сѣнокоснаго пая или нельзя отвести покосъ въ новомъ мѣстѣ" [5]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ активное вмѣшательство группы, связанное съ отобраніемъ покосовъ у подворныхъ владѣльцевъ для передачи ихъ отау, является лишь исключеніемъ изъ общаго правила,—имѣются характерныя

---

[1]) Кокчетав. у., 126.

[2]) Кустан. у., *п.* 120, 128; Омск. у., *п.* 20; Каркарал. у., *п.* 62.

[3]) Тоже, 18.

[4]) Тоже, 27. Административный аулъ здѣсь и въ слѣдующемъ примѣрѣ совпадаетъ съ общинно-земельной группой.

[5]) Актюб. у., *п.* 27, 29, 34, 42; Усть-Камен. *п.* 45. Вотъ характерная выписка изъ приговора, касающагося надѣленія отау: „...отвести NN изъ излишковъ земельныхъ угодій одноаульцевъ такихъ-то, смотря по ихъ благосостоянію, участокъ земли, могущій дать до 75 копенъ (изъ каждаго), что составитъ 225 копенъ, чего вполнѣ достаточно будетъ для просителя; одноаульцы же такіе-то имѣютъ слишкомъ обширные участки сообразно своему благосостоянію, и отобрать отъ нихъ участки въ показанномъ выше размѣрѣ ничуть не явится стѣсненіемъ въ ихъ хозяйствахъ" (Актюб., *п.* 53).

указанія въ родѣ того, что „за все время, какъ помнятъ, аульный сходъ 2 раза надѣлялъ отау покосами“ [1]). Есть указанія и на то, что вмѣшательство группы въ дѣло надѣленія отау за счетъ подворныхъ участковъ старыхъ хозяйствъ—явленіе сравнительно новое, — „отцы надѣляютъ сыновей покосами, но *въ послѣднее время* (курс. мой. А. К.) приходится въ эти дѣла вмѣшиваться и аульному (=групповому!) сходу“ [2]). Есть, однако, единичныя указанія и на общины, гдѣ такое вмѣшательство изъ исключенія становится правиломъ, и происходящее при этомъ „частное поравненіе“ въ видѣ отрѣзки излишка у отдѣльныхъ хозяевъ переходитъ въ „общее поравненіе“, мало чѣмъ отличающееся отъ общаго передѣла: „пользованіе покосами подворное, но при образованіи отау покосъ имъ дается всѣмъ ауломъ, при чемъ каждый домохозяинъ уступаетъ извѣстную долю изъ своей части“ [3]).

Если ко всему этому прибавить, что „подворное владѣніе“ покосами, какъ легко возникаетъ изъ другихъ, такъ легко и само переходитъ въ другія, уже, несомнѣнно, общинныя, формы пользованія, то нельзя будетъ не согласиться съ Ф. А. Щербиной, когда онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія „подворнаго пользованія сѣнокосами съ подворнымъ владѣніемъ, какъ правомъ собственности въ полномъ его объемѣ“. Это подворное пользованіе,—говоритъ г. Щербина,—„представляетъ собою лишь извѣстный пріемъ, порядокъ землепользованія“, по существу вполнѣ аналогичный подробно описанному во 2-ой части этой книги сибирскому захвату: нерегулированное, до поры до времени, личное пользованіе угодьями, которое, разъ оно становится стѣснительнымъ для другихъ, уступаетъ мѣсто регулирующему вліянію той или другой земельно-территоріальной группы, берущей на себя уравнительныя функціи.

Очень распространены среди киргизъ *смѣшанныя формы* пользованія или даже владѣнія, представляющія особый интересъ въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что онѣ способствуютъ выясненію условій, вызывающихъ появленіе въ одномъ случаѣ одной, въ другомъ — другой формы пользованія и владѣнія. Въ Омскомъ уѣздѣ „очень часто, почти въ каждой общинно-аульной группѣ, кромѣ покосовъ обособленныхъ, выкашиваемыхъ или отдѣльными домохозяевами, если покосъ раздѣленъ подворно, или ауломъ, если одноаульцы пользуются имъ сообща, имѣются еще сѣнокосные участки, принадлежащіе многимъ ауламъ и даже многимъ группамъ“, — „они ежегодно дѣлятся на пайки по числу хозяйствъ“ [4]). Въ Актюбинскомъ уѣздѣ „въ рѣдкой общинѣ практикуются *одни* порядки пользованія сѣнокосами“; во

---

[1]) Актюб. у., *п.* 29.
[2]) Тоже, 53.
[3]) Усть-Камен. у., *п.* 31.
[4]) Омскій у., 36.

многихъ общинахъ „на ряду съ подворнымъ пользованіемъ сѣнокосами существуютъ ежегодные передѣлы, а часто и общинное сѣнокошеніе, съ дѣлежомъ сѣна копнами“ [1]). Въ Кустанайскомъ изъ общаго числа 1.578 описанныхъ хозяйственныхъ ауловъ въ 312, значитъ, въ $^1/_5$ части всѣхъ случаевъ, отмѣчена наличность „смѣшанныхъ способовъ“ пользованія покосами. „Подворно и ежегодно дѣлятъ“, когда призимовочные покосы раздѣлены подворно, а болѣе удаленные дѣлятся ежегодно, или покосы раздѣлены подворно, но въ неурожайные годы всѣ покосы аула дѣлятся поровну между хозяевами. „Подворно и сообща косятъ“—луговые (призимовочные) покосы раздѣлены подворно, а степные и болѣе удаленные косятъ сообща. „Ежегодно дѣлятъ и косятъ сообща“—такъ пользуются покосами, главнымъ образомъ, въ Бестюбинской волости: „въ хорошіе годы косятъ сообща, а въ плохіе дѣлятъ покосы на паи по числу хозяевъ“ [2]). Менѣе часты, повидимому, случаи такого рода смѣшаннаго пользованія въ Павлодарскомъ уѣздѣ; и здѣсь, однако, „иногда въ одномъ и томъ же аулѣ имѣютъ мѣсто оба вида пользованія покосами: и подворное, и общее, т.-е. или часть покосовъ подѣлена подворно, часть же въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяйствъ, или же одна часть хозяевъ пользуется принадлежащими ей покосами подворно, другая сообща“.

Очень характерны содержащіяся въ приведенной выше выдержкѣ изъ сборника по Кустанайскому уѣзду указанія на зависимость порядковъ пользованія отъ характера покосовъ, и эти указанія вполнѣ подтверждаются, но отчасти и дополняются данными, содержащимися въ „примѣчаніяхъ“ къ поаульнымъ таблицамъ. Въ основѣ двойственности формъ пользованія всегда лежатъ различія *въ цѣнности* покосовъ, и наиболѣе цѣнные — всегда въ подворномъ пользованіи: „болѣе цѣнные покосы подѣлены подворно, а менѣе цѣнные выкашиваются артелями“; сѣнокосы подѣлены подворно — „за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ клочковъ, выкашиваемыхъ сообща (артелями)“ [3]). Бо̀льшая или меньшая цѣнность можетъ корениться или въ свойствѣ покосовъ, или въ ихъ мѣстоположеніи,—и формы пользованія покосами варіируютъ въ зависимости и отъ того и отъ другого условія. Примѣры зависимости отъ качества покоса: „уральскіе (заливные!) покосы раздѣлены подворно, степь косятъ сообща“; „степные покосы находятся въ общемъ пользованіи, другіе покосы въ подворномъ пользованіи“ [4]); извѣстную роль, играетъ и степень постоянства или измѣнчивости урожаевъ: „въ тѣхъ аулахъ, гдѣ урожаи сѣна болѣе или менѣе постоянны, покосы подѣлены подворно, но гдѣ

---

[1]) Актюб. у., 23.
[2]) Кустан. у., 71.
[3]) Кустан. у., *п.* 137, 144.
[4]) Актюб. у., *п.* 38; Кустан., *п.* 129.

урожаи сильно колеблются, тамъ дѣлятъ ежегодно“ [1]). А вотъ примѣры вліянія мѣстоположенія: „ближайшіе къ кстау покосы подѣлены подворно, дальніе находятся въ общемъ пользованіи“; „покосы, ближайшіе къ зимовкамъ, раздѣлены подворно, а отдаленные обыкновенно скашиваются сообща и сѣно дѣлится копнами“ [2]).

У сибирскихъ крестьянъ захватныя формы по отношенію къ наиболѣе цѣннымъ угодьямъ ранѣе всего уступаютъ мѣсто общинно-уравнительному пользованію; у киргизъ, напротивъ, по отношенію къ болѣе цѣннымъ покосамъ преобладаетъ подворное пользованіе, тогда какъ разнообразныя формы, такъ или иначе отражающія общность владѣнія и пользованія покосами, преобладаютъ по отношенію къ менѣе цѣннымъ ихъ категоріямъ. Разница, надо думать, стоящая въ прямой связи съ тѣми особенностями въ послѣдовательной смѣнѣ разныхъ формъ, о которыхъ мнѣ придется говорить сейчасъ.

Для выясненія этой послѣдовательности, обратимся прежде всего къ количественнымъ даннымъ о распространенности разныхъ формъ пользованія покосами. Мы узнаемъ изъ этихъ данныхъ, что у вѣчныхъ кочевниковъ Атбасарскаго уѣзда подворное пользованіе покосами совершенно не встрѣчается; изъ 100 насчитанныхъ у нихъ общинныхъ группъ въ 82 сѣнокосы скашиваются сообща, въ 18 практикуются ежегодные передѣлы. Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ изъ общаго числа 3.379 хозяйственныхъ ауловъ въ 1.705, или 50,4%, практикуется кошеніе сообща, въ 1.406, или 41,5%, подворное владѣніе; въ 4,4% происходитъ ежегодный передѣлъ, въ 3,5% — смѣшанныя формы пользованія. Въ Омскомъ уѣздѣ изъ 681 аула въ 391, или 57,5%, существуетъ подворное владѣніе, въ 151, или 22%,—ежегодный передѣлъ, въ 139, или 20%, кошеніе сообща. Въ Кустанайскомъ на долю подворнаго владѣнія приходится 60% всѣхъ ауловъ, на долю кошенія сообща—23%, на долю ежегодныхъ передѣловъ—около 14%. Въ Актюбинскомъ общины съ подворнымъ владѣніемъ составляютъ 61,2%, общины съ артельнымъ сѣнокошеніемъ—всего 5,4%. Но рѣзче всего преобладаніе подворной формы выражено въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, гдѣ она отмѣчена въ 1.555 изъ общаго числа 1.890 ауловъ, или *въ 82%* всѣхъ случаевъ; въ 298 аулахъ отмѣчено кошеніе сообща, въ 29—ежегодный передѣлъ, въ 8—смѣшанныя формы [3]). Если принять въ соображеніе, что уѣзды расположены здѣсь, приблизительно, въ возрастающемъ, по степени осѣданія и развитія земледѣлія порядкѣ, то выводъ, казалось бы, напрашивается самъ собою: подворное владѣніе или

---

[1]) Актюб. у., *п.* 14.
[2]) Омск. у., *п.* 14, 20.
[3]) Каркар. у., 28, Усть-Каменог., 21; Омск., 35; Кустан., 70; Актюб., 20. Вопросы колонизаціи, 69.

пользованіе, въ выясненномъ на предыдущихъ страницахъ условномъ смыслѣ, появляется съ зачатками осѣдлости и земледѣлія и стремится завоевать себѣ первенство предъ другими формами пользованія сѣнокосными угодьями. Однако, этотъ выводъ можетъ быть принятъ лишь съ существенными оговорками.

Условія вліяющія на смѣну формъ пользованія сѣнокосными угодьями,—это, съ одной стороны, *степень земельнаго простора*, иначе сказать — степень изобилія сѣнокосовъ по сравненію съ потребностью въ нихъ, при данной степени развитія сѣнокошенія; съ другой стороны—*степень прочности родовой связи*. Первое изъ этихъ условій—то самое, которое лежитъ въ основѣ эволюціи формъ землепользованія крестьянъ, второе — особенность кочевниковъ, съ ихъ отмирающимъ, но еще очень сильнымъ родовымъ строемъ. Вліяніе перваго прекрасно видно на слѣдующихъ цифрахъ, относящихся къ Каркаралинскому уѣзду, въ частности—къ двумъ группамъ волостей: восточной, бѣдной, и западной, богатой покосами. Главныя формы пользованія покосами отмѣчены въ каждой изъ этихъ мѣстностей въ слѣдующемъ числѣ общинъ:

	въ восточн. волостяхъ.	въ западн. волостяхъ.
Подворное	569	837
Ежегодн. передѣлъ . . .	27	124
Кошеніе сообща	1250	455

Подворное пользованіе встрѣчается, значитъ, въ западной, богатой покосами, части уѣзда въ 59%, въ восточной, бѣдной покосами,—въ 31% всѣхъ ауловъ; кошеніе сообща встрѣчается въ первой въ 32%, во второй—въ 68% всѣхъ ауловъ. „Западная часть обслѣдованнаго пространства,—говоритъ по этому поводу составитель Каркаралинскаго сборника,—отличается бо̀льшимъ богатствомъ сѣнокосовъ, чѣмъ юго-восточная. Вѣроятно, стремленіе правильнѣе раздѣлить то небольшое количество сѣна, которое можетъ быть собрано здѣсь между хозяевами, и заставляетъ ихъ сообща убирать покосы и дѣлить уже сѣно, а не площадь сѣнокоса. Въ западныхъ же волостяхъ сѣнокосовъ больше, и при дѣлежѣ ихъ отдается предпочтеніе подворному пользованію ими“ [1]). Аналогичный фактъ констатируется и для Павлодарскаго уѣзда. И здѣсь „подворные участки встрѣчаются преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ покосовъ много, и количество сѣна, получаемое съ нихъ, мало мѣняется изъ года въ годъ. Ежегодное же поравненіе сѣнокосовъ производится въ мѣстахъ, бѣдныхъ сѣномъ, гдѣ и незначительныя измѣненія въ урожайности того или иного сѣнокоснаго участка замѣтно отражаются на сборѣ сѣна отдѣль-

[1]) Каркарал. у., 29. Любопытно, что „подворное пользованіе разсматривается здѣсь всецѣло, какъ способъ „дѣлежа покосовъ“.

ными хозяйствами“ [1]). И наличность такой именно зависимости формъ пользованія покосами отъ степени обезпеченности сѣнокосными угодьями всецѣло подтверждается и фактами, имѣющими въ данномъ случаѣ, значеніе „соціальнаго опыта“: въ рядѣ общинъ Кокчетавскаго и Омскаго уѣздовъ „покосами до самаго послѣдняго времени владѣли подворно; за послѣдніе годы, вслѣдствіе неурожая, отрѣзки покосовъ въ надѣлъ поселкамъ и прихода родственниковъ, вытѣсненныхъ съ Иртыша новыми арендаторами, русскими, перешли къ передѣламъ покосовъ ежегодно травою и раздѣлу сѣна по числу косъ“ [2]).

Такимъ образомъ *основной* факторъ—„утѣсненіе“, вліяетъ въ направленіи, благопріятномъ для уравнительныхъ формъ и неблагопріятномъ для подворнаго владѣнія; если бы это положеніе нуждалось еще въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, то достаточно вспомнить о случаяхъ, гдѣ владѣльцы подворныхъ участковъ при безкормицѣ обращаются къ уравнительному раздѣлу или кошенію сообща.

Но на ряду съ этимъ факторомъ дѣйствуетъ, какъ я сказалъ, и другой: *родовая связь*,—и дѣйствуетъ, въ значительной мѣрѣ, въ обратномъ направленіи. Вотъ нѣсколько конкретныхъ записей, дающихъ понятіе о вліяніи *этого* фактора: „аулъ состоитъ изъ близкихъ родственниковъ,—*поэтому* (курс. мой. А. К.) покосы не раздѣлены; косятъ сѣно сообща и дѣлятъ его потомъ копнами“; и наоборотъ—„теперь меньше стали уважать стариковъ“, *а потому* намѣрены въ ближайшемъ будущемъ раздѣлить всѣ покосы подворно; вообще „близкіе родственники обыкновенно сообща пользуются своими покосами, сообща косятъ и дѣлятъ сѣно; у дальнихъ родственниковъ покосы подѣлены подворно“. Тѣмъ болѣе благопріятствуетъ подворному пользованію сборный характеръ населенія: „въ тѣхъ аулахъ, гдѣ всѣ хозяева состоятъ въ близкомъ родствѣ и живутъ дружно, покосы не раздѣлены, и ими пользуются сообща; въ аулахъ, гдѣ преобладаютъ сборные поселенцы, вслѣдствіе постоянныхъ споровъ покосы раздѣлены подворно“ [3]).

Между тѣмъ, мы знаемъ, что родовыя связи постепенно слабѣютъ, и родовыя организаціи разлагаются. Значитъ, вліяніе даннаго фактора должно сказываться въ направленіи, благопріятномъ для подворной и неблагопріятномъ для уравнительныхъ формъ, особенно для кошенія сообща, которое, какъ и всѣ вообще формы артельнаго труда [4]), стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ родовыми традиціями. Но, повидимому, вліяніе *этого* фактора имѣетъ второстепенное значеніе, и если что̀, въ концѣ концовъ, дѣйствительно постепенно исчезаетъ, то развѣ только именно артельное сѣнокошеніе. Въ общемъ же эво-

---

[1]) Павлодар. у., 26.
[2]) Кокчет. у., 127; Омск. у., 35; тамъ же, *п.* 1 и 3.
[3]) Павлодар. у., 27; тамъ же, *п.* 13; Кустан. у., 47; тамъ же, *п.* 114, 128.
[4]) См. ниже.

люція идетъ отъ подворной, или, вѣрнѣе, *чрезъ* подворную къ уравнительнымъ формамъ; *чрезъ* подворную потому, что подворная форма у киргизъ является *не первоначальною, а производною* формою: у чистыхъ кочевниковъ, она совершенно отсутствуетъ. и появляется только тогда, когда съ появленіемъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ возникаетъ возможность установленія болѣе прочныхъ отношеній къ землѣ и земельнымъ угодьямъ. Общій принципъ эволюціи, по словамъ Ф. А. Щербины,—это „принципъ развитія и измѣненій, идущихъ отъ индивидуальнаго начала къ праву общинному“ [1]); „порядки пользованія сѣнокосами развивались въ направленіи отъ вольнаго пользованія къ различнымъ ограниченіямъ“ [2]). Самую же постепенность этого развитія приходится считать далеко не въ достаточной мѣрѣ установленною. По только что приведенному мнѣнію Ф. А. Щербины, подворное пользованіе — болѣе ранняя, передѣлы и кошеніе сообща— болѣе поздняя формы: „издавна,— говоритъ г. Щербина,— сѣнокосы были раздѣлены въ подворно-наслѣдственное пользованіе; затѣмъ стали практиковаться ежегодно дѣлежи равными пайками между отдѣльными домохозяевами“, и уже „далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда пайки попадались смежно, одноаульцы и хозяева разныхъ ауловъ стали косить ихъ сообща и дѣлиться копнами“ [3]). Между тѣмъ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ экспедиціею зарегистрированы многочисленныя „заявленія киргизъ о томъ, что они находятъ способъ кошенія сообща неудобнымъ и стремятся, поэтому, замѣнить его, при первой возможности, подворнымъ владѣніемъ“, откуда вытекаетъ „предположеніе, что различные способы пользованія смѣнются во времени въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: косятъ сообща, подворно и, наконецъ, дѣлятъ ежегодно“ [4]). И *такая* послѣдовательность болѣе правдоподобна уже потому, что распространенность у кочевниковъ артельныхъ формъ труда стоитъ, какъ намъ еще придется видѣть, въ непосредственной связи съ родовою организаціей, и потому естественно ожидать ея сокращенія съ упадкомъ этой организаціи. Такая послѣдовательность подтверждается приведенными выше [5]) поуѣздными цифрами, въ частности—огромною распространенностью „кошенія сообща“ у атбасарскихъ „вѣчныхъ кочевниковъ“ и сравнительною рѣдкостью его въ такихъ уѣздахъ, какъ Кустанайскій или Актюбинскій. Она находитъ себѣ сильное подтвержденіе еще и въ приводимыхъ въ томъ же Кустанайскомъ сборникѣ данныхъ о среднемъ размѣрѣ хозяйственныхъ ауловъ, при группировкѣ ихъ по характеру пользованія покосами: средній

---

[1]) Кокчет. у., 129.
[2]) Актюб. у., 24.
[3]) Кокчет. у., 127; см. также Павлодар. у., 29.
[4]) Кустан. у., 72.
[5]) Стр. 107.

размѣръ ауловъ, косящихъ сообща,—6,4 хозяйства, пользующихся подворно 7—8,2, производящихъ ежегодный передѣлъ 9—9,5 хозяйствъ. „Чисто-киргизскій способъ пользованія покосами—„косятъ сообща"—господствуетъ въ тѣхъ аулахъ, въ которыхъ въ среднемъ причитается наименьшее число кибитокъ; по мѣрѣ увеличенія числа хозяйствъ, приходящихся на 1 аулъ, этотъ способъ смѣняется подворнымъ и, наконецъ, на тѣ аулы, въ которыхъ покосы ежегодно дѣлятся, причитается наибольшее среднее число хозяевъ. А такъ какъ въ силу прироста населенія число хозяевъ въ аулѣ постепенно увеличивается, то этимъ также подтверждается высказанное выше предположеніе о порядкѣ смѣны во времени однихъ способовъ пользованія сѣнокосами другими" [1]).

Если такое рѣшеніе вопроса и представляется наиболѣе правдоподобнымъ, то во всякомъ случаѣ вопросъ о послѣдовательности смѣны формъ сѣнокоснаго пользованія у киргизъ приходится признать невыясненнымъ; единственное, что̀ стоитъ твердо и едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, это самый принципъ эволюціи отъ такъ или иначе возникшаго индивидуальнаго пользованія или владѣнія къ общинно-уравнительному пользованію. И невыясненность вопроса о послѣдовательности этой эволюціи является, можно думать, слѣдствіемъ неустойчивости и невыработанности самихъ формъ сѣнокоснаго пользованія у киргизъ. На эту сторону дѣла, между прочимъ, особенно напираетъ руководитель киргизской экспедиціи, Ф. А. Щербина. „Все это,—говоритъ онъ въ Кокчетавскомъ сборникѣ,—шатко, неустойчиво и отличается примитивнымъ характеромъ, свойственнымъ первобытной общинѣ. Киргизъ придерживается тѣхъ или другихъ порядковъ не въ силу опредѣленныхъ и ясно-сознательныхъ принциповъ, а исключительно подъ вліяніемъ чисто стихійныхъ побужденій. За примитивными порядками стоитъ пока примитивная община"... [2]) Мнѣ сдается, однако, что почтенный руководитель киргизской экспедиціи едва ли правъ, считая эту „примитивность" и „стихійность" характерною особенностью *именно киргизскихъ* общинныхъ распорядковъ и, очевидно, противополагая послѣдніе общиннымъ порядкамъ русскихъ крестьянъ. Если всмотрѣться въ процессъ перехода отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ у сибирскихъ крестьянъ или прослѣдить такъ живо описанную самимъ Ф. А. Щербиной борьбу станицъ съ хуторами у кубанскихъ казаковъ, то и здѣсь мы встрѣтимся съ тою же борьбою „чисто стихійныхъ побужденій" и съ тою же недодѣланностью—законченная система и у крестьянъ является *результатомъ* совершающейся эволюціи.

---

[1]) Кустан. у., 72—73.
[2]) Кокчет. у., 129.

Гораздо болѣе опредѣленныя данныя имѣются о сѣнокосныхъ распорядкахъ у сибирскаго, полукочевого населенія, за исключеніемъ, впрочемъ, якутовъ, которыхъ сѣнокосные порядки освѣщены, напротивъ, довольно слабо. Повидимому, у нихъ преобладаетъ нѣчто въ родѣ „подворнаго владѣнія“, какъ мы познакомились съ нимъ у киргизъ: устойчивый захватъ, ограниченный вмѣшательствомъ рода и общины. Въ видѣ правила, по словамъ г. Сѣрошевскаго, „отдѣльныя лица владѣютъ разъ отведенными имъ (кѣмъ?) участками безъ срока и даже передаютъ ихъ по наслѣдству“ [1]),—но тутъ же рядомъ мы читаемъ о „передачѣ“ покосовъ, объ „уравненіи по тремъ классамъ“. Права рода или общины по части регулированія пользованія покосами и у якутовъ проявляются чаще всего при мѣстномъ неурожаѣ травъ: въ такого рода случаяхъ „дѣлаютъ прирѣзки и отрѣзываютъ отъ тѣхъ, у кого урожай хорошій, у кого земли много, кто не потерпѣлъ никакого убытка“. Встрѣчаются и случаи, гдѣ сѣнокосныя угодья распадаются на двѣ или на три категоріи: „въ долинѣ, гдѣ стоятъ усадьбы, находятся участки неизмѣнные, не подлежащіе передѣлу; нѣсколько дальше, на берегу сосѣдняго озера, сѣнокосъ дѣлили на небольшіе участки, сообразно съ качествами травы и количествомъ владѣльцевъ; участки эти разбирались по жребію. Дальше, въ предѣлахъ, разумѣется, рода, лежали вольныя земли, на которыхъ всякій могъ косить сколько хотѣлъ“ [2])—совершенно та же зависимость формъ пользованія отъ характера покосовъ, какую мы наблюдали у киргизъ. А поскольку существуетъ захватное или „подворное“ пользованіе, ограниченія его пока еще не колеблютъ принципа: „родъ обыкновенно мирится съ пожизненнымъ или даже наслѣдственнымъ владѣніемъ такимъ участкомъ, если размѣры его небольшіе, и если онъ безъ остатка утилизируется даннымъ лицомъ. Но разъ только размѣры ихъ крупные, или владѣлецъ сдаетъ часть ихъ въ аренду, родъ заявляетъ свои права“, при чемъ „при разборѣ такихъ дѣлъ всегда принимается во вниманіе, успѣлъ ли предприниматель или нѣтъ, выручить вознагражденіе за потраченный трудъ и деньги“ [3]).

---

[1]) *Сѣрошевскій*, 437.

[2]) Тоже, 486—487.

[3]) Тоже, 491; выраженіе „предприниматель“ употреблено здѣсь, очевидно, не въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Есть и другія указанія, свидѣтельствующія о томъ, что эволюція формъ пользованія у якутовъ идетъ, въ общемъ, приблизительно, такъ же, какъ у другихъ осѣдающихъ кочевниковъ, а также у русскихъ крестьянъ. Такъ, по изданнымъ Д. Я. Самоквасовымъ „обычаямъ якутовъ“ „при раздѣлѣ покосовъ уважается древность владѣнія предковъ, такъ что оныя переходятъ отъ отца къ сыну и т. д. въ томъ количествѣ, какимъ предки владѣли; уменьшается, однакожъ, количество оныхъ при умноженіи въ наслегѣ людей для надѣленія другихъ, или тогда, когда владѣлецъ обѣднѣетъ и сдѣлается не въ состояніи по количеству покосовъ отправлять общественныхъ повинностей“ (*Самоквасовъ*, „Сборн. об. пр. сибир. инор.“ 215)—

Гораздо отчетливѣе данныя о порядкахъ пользованія сѣнокосами у алтайскихъ инородцевъ и у бурятъ. Алтайцы, по свидѣтельству С. П. Швецова, „не только имѣютъ всѣ тѣ общинныя формы, какія извѣстны въ Сибири, но здѣсь можно прослѣдить и постепенное ихъ развитіе, начиная съ того момента, когда пользованіе выгонными и сѣнокосными угодьями не было обусловливаемо никакими опредѣленными формами. Наиболѣе ранней формой пользованія и здѣсь будетъ та, когда сѣнокосный участокъ находится въ единичномъ пользованіи аула, который и огораживаетъ его. Но этому порядку предшествовалъ другой, находящійся, такъ сказать, внѣ уже сколько-нибудь опредѣлившихся формъ, а именно, когда каждый косилъ „вольно“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. На ряду съ этими первоначальными формами пользованія сѣнокосами наблюдается и еще одна, рѣзко отличная отъ нихъ, но столь же первоначальная: пользованіе артельное. Она возникаетъ именно тамъ, гдѣ нѣсколько аиловъ (=хозяйствъ) имѣютъ общую городьбу, устраиваютъ которую всѣ вмѣстѣ, не считаясь трудомъ, или же распредѣляя ее между собою поровну. Въ этихъ случаяхъ сообща же косятъ сѣно и дѣлятъ затѣмъ его поровну между всѣми участниками копнами, по числу косцовъ отъ каждаго аила. Порядокъ этотъ,—замѣчаетъ г. Швецовъ,—наблюдается тамъ, гдѣ обычай городить возникаетъ уже послѣ того, какъ алтайцы соединяются для зимовокъ нѣсколькими аулами въ одну небольшую группу, и извѣстная обособленность интересовъ каждаго аула не успѣла еще обнаружиться“; въ другихъ случаяхъ „къ артельному пользованію сѣнокосами алтайцы обращаются въ годы общаго бѣдствія, выражающагося въ неурожаѣ травъ“ [1]).

Какъ видимъ, и здѣсь, по существу, все то же, что̀ мы наблюдали у киргизъ. Но въ то же время у алтайцевъ на сцену выступаетъ новый моментъ, вытекающій изъ чисто сибирскихъ хозяйственныхъ условій и сближающій алтайскіе сѣнокосные порядки съ тѣми, съ которыми мы сейчасъ будемъ подробнѣе знакомиться у бурятъ,—именно *огораживаніе* покосовъ: огораживаніе

ясное указаніе на что-то въ родѣ „поравненій“ и передѣла покосовъ по способу „отрѣзки излишковъ“ или „по старшинству“. Въ тѣхъ же „обычаяхъ“ есть указаніе на право 10-лѣтняго пользованія, „безъ участія прочихъ родниковъ“, расчищенными покосами, осушенными площадями, вообще „совершенными улучшеніями“,—очевидно, что такія постановленія предполагаютъ уже, какъ правило, „участіе родниковъ“ въ пользованіи угодьями (Тамъ же, 217). Въ „Обычномъ правѣ“ Е. И. Якушкина приводятся указанія на „передѣлъ черезъ годъ или больше нѣкоторыхъ сѣнокосовъ у якутовъ, при „наслѣдственномъ владѣніи другими покосами, хотя земля и считается общею собственностью всего наслега“; на „замѣнъ частнаго наслѣдственнаго владѣнія сѣнокосами общиннымъ тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ сѣнокосной землѣ“; на существованіе въ Верхоянскомъ округѣ сѣнокосовъ, съ которыхъ трава снимается сообща“ (*Якушкинъ*, „Обычн. пр. русск. инор.“, 89).

[1]) Горный Алтай, 152—154.

сопутствуетъ возникновенію „единоличнаго“ владѣнія, значитъ, подводитъ подъ захватное пользованіе покосами чисто-трудовое основаніе; и оно же связываетъ воедино группы хозяйствъ, внутри которыхъ пользованіе покосами организуется артельно. Параллельно съ этимъ, эволюція отъ вольнаго сѣнокошенія къ регулированному пользованію идетъ у алтайцевъ и другимъ путемъ — тѣмъ же, что у сибирскихъ крестьянъ и въ казачьихъ областяхъ: для уравненія шансовъ назначается день выѣзда на покосъ [1]); затѣмъ начинаютъ соглашаться между собою, гдѣ кому косить,—„настоящаго раздѣла сѣнокосовъ не было, но каждый годъ указываютъ между собою, кому гдѣ косить, чтобы не было ссоръ“ [2]); въ болѣе опредѣленно выраженномъ видѣ душевое пользованіе встрѣчается у алтайцевъ, пока лишь въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія [3]).

И у забайкальскихъ бурятъ первоначальною формою пользованія покосами является „вольное“ сѣнокошеніе, и посейчасъ пользующееся значительнымъ распространеніемъ въ мѣстностяхъ, „гдѣ простора еще много, а населеніе рѣдко, гдѣ въ силу спеціальныхъ особенностей скотоводческаго хозяйства (распространенность зимняго тебеневанія! А. К.) нужны минимальные запасы сѣна“, гдѣ поэтому „въ особыхъ мѣрахъ къ урегулированію пользованія сѣнокосными угодьями не было надобности“. Мѣстами такое вольное пользованіе существуетъ въ совершенно неурегулированномъ видѣ; мѣстами вольное сѣнокошеніе ограничено предоставляемымъ каждому хозяину, до извѣстнаго срока—обыкновенно 20 іюля, преимущественнымъ правомъ на тотъ участокъ, который онъ косилъ въ предыдущемъ году; встрѣчается и такая форма вольнаго сѣнокошенія, при которой это послѣднее ограничено опредѣленнымъ временемъ начала косьбы и запрещеніемъ выкашивать чужія стойбища [4]).

Однако, въ вольномъ пользованіи въ настоящее время, осталось лишь незначительное меньшинство бурятскихъ покосовъ: болѣе половины (55,1%) ихъ общей площади — уже въ уровнительномъ пользованіи, а затѣмъ значительнымъ распространеніемъ пользуются захватныя и разныя переходныя формы пользованія покосами. Что наиболѣе замѣчательно, при этомъ, — это то, что „изслѣдованіемъ констатировано лишь очень мало случаевъ перехода вольнаго сѣнокошенія непосредственно къ поравненіямъ или передѣламъ, и то очень не устойчивымъ [5]),—случаевъ, на которыхъ мы можемъ здѣсь не останавливаться, въ виду ихъ малой типичности для бурятской общины. Напротивъ, „почти вездѣ, гдѣ у бурятъ практикуются общія поравненія

1) Тоже, 155.
2) Тоже, 156.
3) Тоже, 156—157.
4) *Кроль*, 9.
5) Тоже, 20.

или передѣлы покосовъ, можно прослѣдить происхожденіе этихъ формъ изъ формъ захватныхъ, чистыхъ или ограниченныхъ“ [1]), по существу совпадающихъ съ „подворнымъ пользованіемъ“ у киргизъ и съ „единоличнымъ“ пользованіемъ у алтайцевъ. И какъ, опять-таки, у алтайцевъ, переходъ вольнаго сѣнокошенія въ длящійся захватъ является результатомъ обычая огораживать покосы. „Обычай загораживать валовыя поскотины — замѣчаетъ г. Кроль [2])—раньше или позже, тѣмъ или инымъ путемъ, приводитъ къ захватному пользованію заключенными въ нихъ покосами“. Приводитъ, однако, далеко не сразу и не непосредственно. Вотъ какъ происходитъ первоначальное распредѣленіе покосовъ между членами такой зарождающейся сѣнокосной общины: „всѣ лица, согласившіяся пользоваться въ одномъ мѣстѣ или смежныхъ падяхъ сѣнокосами, рѣшаютъ, кому какое количество саженъ поскотины слѣдуетъ городить, а затѣмъ уже дѣлятъ покосы приблизительно пропорціонально количеству принятой каждымъ на себя городьбы“. Доступъ новыхъ членовъ въ такую общину ничѣмъ не ограниченъ; каждому новому члену даютъ покосные участки, для чего или отрѣзаютъ у кого-либо часть покоса, или захватываютъ въ поскотину часть выпуска. „Связь хозяевъ съ занимаемыми ими покосными участкими, повидимому, еще довольно непрочна, ибо при неурожаѣ травъ на извѣстной площади сѣнокосовъ всѣ косятъ тамъ, гдѣ трава родилась хорошо, каждый пропорціонально своей потребности, которая опредѣляется членами всей поскотинной общины“ [3]). Если ко всему сказанному прибавить, что и самый выходъ изъ такой поскотинной общины совершенно свободенъ, то нельзя будетъ, въ самомъ дѣлѣ, не прійти къ заключенію, что непосредственнымъ послѣдствіемъ огораживанія покосовъ является неопредѣленная форма, одновременно носящая черты и вольнаго, и захватнаго, и уравнительнаго пользованія. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Кроль [4]),—при какой иной формѣ пользованія, кромѣ вольной, возможенъ такой легкій доступъ новыхъ членовъ въ общину, такое самоотреченіе старыхъ членовъ, сидящихъ на своихъ постоянныхъ участкахъ, въ пользу всѣхъ въ неурожайные годы?“ Съ другой стороны, „постоянное сидѣнье“ — это, несомнѣнно, длящійся захватъ, въ извѣстныхъ случаяхъ лишь ограничиваемый либо „самоотреченіемъ“, либо регулирующимъ воздѣйствіемъ слагающейся поскотинной общины. Но той же формѣ присущи и черты, несомнѣнно, уравнительнаго характера: „отводъ новому члену участка, а иногда и отрѣзка отъ другихъ, разверстка городьбы по выходѣ какого-либо члена между остающимися членами,—все это факты чисто уравнительнаго свойства“.

[1]) Тоже.
[2]) Тоже, 12.
[3]) Тамъ же.
[4]) Стр. 13—14.

Это — наиболѣе обычный типъ первоначальной эволюціи формъ пользованія сѣнокосами у бурятъ. Иногда, однако, нѣчто аналогичное происходитъ и помимо огораживанія [1]): при отсутствіи городьбы, сѣнокосные участки оказываются, однако, такъ или иначе распредѣленными между домохозяйствами на неопредѣленный срокъ; они переходятъ по наслѣдству, но въ то же время связь съ ними владѣльцевъ настолько слаба, что они, при необходимости, безпрекословно „тѣснятся“ и удѣляютъ нуждающимся долю своего покоса. Похожая на захватъ, нѣсколько напоминающая уравнительное пользованіе, и эта форма, какъ и предыдущая, не есть, однако, ни чистый захватъ, ни тѣмъ болѣе передѣльная форма; вѣроятнѣе всего, каждый останавливаетъ свой выборъ на опредѣленномъ участкѣ для удобства; хозяева не мѣняютъ участковъ, потому что въ этомъ не представляется надобности, и покосы естественно переходятъ отъ отца къ сыну, хотя стоитъ явиться новому члену, чтобы и для него нашлось мѣсто“. Очевидно, что и здѣсь не можетъ быть рѣчи о передѣлѣ: это было простое миролюбивое распредѣленіе сѣнокосныхъ мѣстъ „промежъ себя“, какъ оно ежегодно происходитъ при упорядоченномъ взаимными соглашеніями вольномъ пользованіи,—разница лишь въ томъ, что здѣсь распредѣленіе дѣлается не ежегодно, а на неопредѣленный срокъ, до надобности въ измѣненіи.

Такъ или иначе, при посредствѣ городьбы или помимо нея, вольное сѣнокошеніе у забайкальскихъ бурятъ, въ видѣ правила, первоначально переходитъ въ такую форму, которую г. Кроль, хотя и мимоходомъ, но очень удачно называетъ формою „зачаточнаго захвата“ [2]),—формою, гдѣ „уживаются рядомъ зарождающіеся элементы такихъ формъ пользованія, которыя въ конечномъ своемъ развитіи одна другую совершенно исключаютъ“. Затѣмъ уже изъ этой формы естественно развивался типичный захватъ: „стоило только, — говоритъ г. Кроль, — явиться нѣкоторому утѣсненію въ покосахъ, чтобы доступъ постороннимъ и новымъ членамъ былъ ограниченъ до минимума. Благодаря тому же утѣсненію каждый хозяинъ сталъ бы дорожить занимаемымъ имъ покоснымъ участкомъ, онъ сталъ бы основывать свое право на владѣемый покосъ на томъ, что этотъ покосъ „отцовскій“ или даже „дѣдовскій“, и такъ какъ подобное укрѣпленіе за каждымъ владѣемаго имъ фактически покоса было бы въ интересахъ почти всѣхъ членовъ поскотинной общины, то установилась бы обычно-правовая норма, которая взяла бы подъ свою защиту владѣльцевъ покосовъ; иначе говоря—захватная форма сдѣлалась бы общепризнанною и господствующею“ [3]). А поскольку рѣчь идетъ объ огораживаемыхъ покосахъ, „*самый фактъ огораживанія* извѣстнаго мѣста *представляетъ уже ту за-*

[1]) Тоже, 15—17.
[2]) Стр. 19.
[3]) Тамъ же.

затрату труда, которая создаетъ право на огороженный участокъ“ [1]).

Таковъ у забайкальскихъ бурятъ обычный путь перехода отъ господствовавшаго нѣкогда вольнаго сѣнокошенія къ „зачаточному“ и отъ него — къ типичному, прочному захвату. Въ другихъ случаяхъ, однако, захватная форма возникала не какъ производная, а какъ первоначальная форма [2]). Это справедливо по отношенію къ покосамъ удобряемымъ, расчищаемымъ изъ-подъ лѣса, осушеннымъ, вообще такимъ, по отношенію къ которымъ требовалась извѣстная затрата предварительнаго труда. Изъ „степныхъ положеній начала XIX в. видно, что уже въ то время обычное право забайкальскихъ инородцевъ серьезно охраняло право лицъ, удобрившихъ или расчистившихъ покосы. Отсюда, нерѣдко, и болѣе или менѣе крупныя злоупотребленія: „основываясь на обычаѣ, вліятельные инородцы захватывали лучшія покосныя мѣста, огораживали ихъ немного расчищали, а затѣмъ начинали считать „собственными“; сплошь и рядомъ богачи ограничивались простымъ огораживаніемъ“, безъ всякой расчистки, выставляя огораживаніе какъ „ту затрату труда, которая и сама по себѣ создаетъ право на огороженный участокъ“ [3]).

Подробно охарактеризовавъ крайне своеобразныя формы „зачаточнаго захвата“, я считаю безполезнымъ вдаваться въ подробную характеристику какъ развивающагося изъ него прочнаго захвата, такъ и дальнѣйшей эволюціи формъ пользованія покосами, такъ какъ и прочный захватъ, и послѣдующія за нимъ формы у забайкальскихъ бурятъ и вообще инородцевъ мало чѣмъ отличаются отъ аналогичныхъ формъ пользованія у русскаго населенія. Какъ вездѣ, господство чистаго захвата ведетъ за собой крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи покосовъ является масса недовольныхъ, которые, наконецъ, становятся настолько многочисленны, что „рѣшаются“ посягнуть на права меньшинства, захватившаго лучшую землю въ свои руки“ [4]). Переходъ отъ захватнаго пользованія къ уравнительному происходитъ, опять-таки, съ большою постепенностью, въ тѣхъ самыхъ формахъ, какія мы встрѣчаемъ у сибирскихъ и, въ частности, забайкальскихъ крестьянъ и которыя будутъ подробнѣе охарактеризованы во II части этой книги [5]).

[1]) Тоже 24.

[2]) Тоже 20—22.

[3]) *Кроль*, 22—24. Бурятское обычное право ограждало неприкосновенность захвата очень строгими постановленіями: оно грозило „наказаніемъ лозами“ тому, кто „безъ вѣдома и позволенія почетныхъ родовичей у посторонняго кого-либо издавна на владѣемомъ сѣнокосѣ наставитъ сѣна“; оно обязывало бурятскія власти тѣхъ, „кто, подъ видомъ якобы у нихъ не имѣется хлѣбной и сѣнокосной земли, изъ зависти, просятъ объ удѣленіи отъ обработаннаго покоса или пашни, отъ сего усилія воздерживать и сдѣлать имъ строгое подтвержденіе и понужденіе, чтобы они старались сами подобно другимъ таковыя обрабатывать“ (*Самокасовъ*, назв. соч., 134 193).

[4]) Тоже 29.

[5]) Тоже 31—43, 62; см. *Кауфманъ*, Забайк., 108.

Чрезвычайно любопытны, затѣмъ, единственныя въ своемъ родѣ, по ихъ массовому характеру, числовыя данныя о распространеніи разныхъ формъ пользованія покосами у кочевого и полукочевого населенія Забайкальской области. На стр. 243 и 248 работы г. Кроля приведены двѣ небольшія таблички, показывающія распространенность каждой изъ главнѣйшихъ формъ пользованія покосами въ чистомъ видѣ и въ различныхъ комбинаціяхъ, особо для каждой изъ половинъ и для каждой изъ группъ населенія области. Вотъ табличка распространенности формъ пользованія сѣнокосными угодьями. Мы приводимъ ее въ нѣсколько сжатомъ видѣ, главнымъ образомъ, потому, что проведенная г. Кролемъ, на мой взглядъ чрезмѣрная, детализація формъ способна скорѣе затемнить, нежели способствовать выясненію условій распространенности: мы соединяемъ именно такіе разновидности и оттѣнки, какъ захватъ и вольное пользованіе, какъ захватъ чистый и захватъ ограниченный, „поравненіе“ и передѣлы, сливая такимъ образомъ въ однѣ группы, съ одной стороны, такія формы, которыя возникаютъ при приблизительно одинаковой степени земельнаго простора и варіируютъ въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ характера угодій, а съ другой—такія, которыя не всегда вполнѣ строго могутъ быть другъ отъ друга отграничены.

Районы и разряды населенія.	Процентъ общей площади покосовъ, состоящій во владѣніи общинъ съ формами пользованія:				Процентъ общей площади покосовъ, состоящій въ пользованіи:	
	Захватною и вольною.	Захват.ною или вольною съ отвод.	Захв. или вольною съ уравнительн.	Чисто уравнительными.	Уравнительномъ.	Захватномъ.
Западное Забайкалье.						
Инородцы некрещеные. .	4,8	28,8	58.9	7,9	55,1	44,9
„ крещеные. . .	—	1,6	64,9	63,5	91,6	8,4
Казаки русскіе	—	—	47,9	62,1	86,0	14,0
„ инородцы	—	—	38,0	62,0	93,8	6,2
Крестьяне.	—	—	54,8	45,2	91,2	8,8
Восточное Забайкалье.						
Инородцы некрещеные. .	16,9	17,4	63,3	2,4	52,4	47.6
„ крещеные. . .	—	—	31,8	28,2	98,0	2,0
Казаки русскіе.	—	—	32.7	37,3	94,6	5,4
„ инородцы	—	—	96,3	3,7	92.6	7,4
Крестьяне.	—	—	40.4	59,6	92,5	7,5

Я считаю излишнимъ сравнивать между собою распространенность различныхъ формъ пользованія покосами у разныхъ группъ населенія области [1]); отмѣчу только фактъ огромной распространенности общинно-уравнительнаго пользованія у инородцевъ: даже у пользующихся, въ общемъ, наибольшимъ просторомъ кочевыхъ инородцевъ въ душевомъ пользованіи состоитъ, въ каждой половинѣ области, свыше половины всей площади покосовъ; у остальныхъ двухъ категорій инородцевъ процентъ передѣляемыхъ покосовъ достигаетъ 91,6, 92,6, 93,6 и даже 98%, даже нѣсколько превышая соотвѣтственныя цифры у забайкальскихъ крестьянъ и частью у казаковъ русскаго происхожденія. Характерно слѣдующее: восточное Забайкалье гораздо богаче сѣнокосными угодьями, чѣмъ западное. Легко было бы ожидать найти рѣзкую разницу и въ отношеніи распространенности разныхъ формъ пользованія покосами, а между тѣмъ *въ данномъ отношеніи* никакой существенной разницы не оказывается. Правда, нѣкоторую разницу можно найти — какъ видно изъ таблицы—если сравнивать *число общинъ* съ различными формами пользованія сѣнокосными угодьями. Но если взять несравненно болѣе существенный признакъ — *площадь угодій*, подчиняющихся тому или другому порядку пользованія, то разница между половинами области совершенно исчезаетъ: у кочевыхъ инородцевъ въ захватномъ и вольномъ пользованіи состоитъ въ восточной половинѣ области 52, въ западной даже нѣсколько больше—55%, въ уравнительномъ пользованіи—47 и 45%; для инородцевъ-казаковъ соотвѣтственныя цифры 93 — 94 и 7 — 6%. Объясненіе въ большомъ развитіи скотоводства въ восточномъ Забайкальѣ: и инородцы, и русское населеніе „ведутъ здѣсь до сихъ поръ еще очень большое скотоводческое хозяйство, а потому особенно дорожатъ угодьемъ, составляющимъ основу этого хозяйства,—покосами. Содержаніе большого количества скота требуетъ и соотвѣтственныхъ запасовъ корма“ [2]). Съ другой стороны, гораздо слабѣе развитое въ восточномъ Забайкальѣ земледѣліе даетъ лишь очень ограниченное количество конкурирующаго съ сѣномъ „гуменнаго корма“, — „трава и сѣно, при такихъ условіяхъ, являются важнѣйшимъ хозяйственнымъ рессурсомъ“ [3]). Неудивительно, что восточное Забайкалье въ отношеніи распространенности уравнительной формы пользованія покосами нисколько не отстало отъ гораздо болѣе малоземельнаго западнаго Забайкалья. Мы имѣемъ, въ данномъ случаѣ, не болѣе какъ частный случай того общаго правила, которое намъ придется формулировать общѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи,—что распространенность тѣхъ или другихъ формъ землепользованія обусловливается *не абсо-*

---

[1]) См. *Кауфманъ*, Забайкал., 152—154.
[2]) *Кроль*, 243.
[3]) Тамъ же.

лютнымъ, а *относительнымъ* просторомъ или утѣсненіемъ; не просто числомъ десятинъ всей земли или даннаго угодья, разсчитаннымъ на дворъ или на душу населенія, а *отношеніемъ между наличнымъ запасомъ земли и предъявляемымъ на нее спросомъ*, который, въ свою очередь, зависитъ и отъ общаго склада хозяйства въ данной мѣстности, и отъ относительнаго значенія отдѣльныхъ его отраслей.

На этомъ я заканчиваю обзоръ формъ пользованія сѣнокосными угодьями у переходящаго къ осѣдлости кочевого населенія. Могущая показаться излишнею, детальность изложенія была мнѣ необходима, чтобы выяснить, съ одной стороны, характерныя черты эволюціи сѣнокоснаго пользованія у отдѣльныхъ кочевыхъ или полукочевыхъ племенъ, а съ другой — ту основную тенденцію, которая проходитъ чрезъ все это разнообразіе: *тенденцію къ переходу отъ свободныхъ формъ пользованія, соотвѣтствующихъ первоначальному, практически-безпредѣльному земельному простору, къ такъ или иначе регулированному пользованію покосами.*

О формахъ пользованія *пахотными землями* наши источники даютъ гораздо меньше указаній, и это совершенно понятно и естественно: само земледѣліе у осѣдающихъ кочевниковъ является еще дѣломъ болѣе или менѣе новымъ; какѣ бы остро ни ощущалось то, такъ сказать, пастбищное „утѣсненіе“, которое вынуждаетъ кочевниковъ къ осѣданію и къ усвоенію земледѣлія,—оно совмѣщается, однако, въ видѣ правила съ еще очень широкимъ просторомъ, поскольку рѣчь идетъ о запасахъ земель, пригодныхъ для распашки. По всему этому пахотныя земли имѣютъ для осѣдающихъ кочевниковъ лишь второстепенное значеніе и цѣнность, и формы пользованія пашнями представляютъ и для нихъ самихъ, и для изслѣдователей ихъ быта и хозяйства лишь второстепенный интересъ. Но именно поэтому же по отношенію къ пахотнымъ землямъ наблюдается рѣзко выраженное преобладаніе первобытныхъ захватныхъ формъ пользованія; и особенно рѣзко оно выражено у киргизъ, что̀ и совершенно понятно, ибо по развитію земледѣлія они стоятъ, въ общемъ, гораздо ниже, напримѣръ, бурятъ. Если, при такихъ условіяхъ, и возможны столкновенія, которыя, въ концѣ-концовъ, являются необходимою предпосылкой возникновенія общинныхъ распорядковъ, то это — не столкновенія изъ-за земель, пригодныхъ для распашки, а съ одной стороны — столкновенія *изъ-за уже распаханныхъ земель*, съ другой — столкновенія между еще только зарождающимся земледѣліемъ и все еще господствующимъ скотоводствомъ. Съ одной стороны, распаханныя и, можетъ-быть, временно заброшенныя одними земли могутъ представлять интересъ для другихъ, не имѣющихъ „силы“ поднимать цѣлинную степь; съ другой, при нецѣлесообразномъ расположеніи запашекъ, послѣднія мо-

гутъ оказаться стѣснительными для выпаса скота, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣвы будутъ подвергаться слишкомъ большой опасности потравъ. При такихъ условіяхъ естественною является такая свободная форма пользованія пахотными землями, при которой „никакого ограниченія въ распашкѣ въ любомъ мѣстѣ любого количества земли не встрѣчается, но хозяинъ пашни самъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобъ скотъ ее не потравилъ. Въ виду затруднительности такого надзора, пашни обыкновенно располагаются или близъ зимовокъ, гдѣ скота не бываетъ въ теченіе всего лѣта, или гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на площадяхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ не вытравляемыхъ скотомъ. Въ такихъ мѣстахъ каждый пашетъ, сколько хочетъ, и никто не имѣетъ права занять распаханной земли, покуда она не оставлена распахавшимъ ее“ [1]). Даже въ такихъ, наиболѣе земледѣльческихъ мѣстностяхъ киргизскаго края, какъ Кустанайскій или даже Актюбинскій уѣзды, „порядки пользованія пахотными землями до сихъ поръ еще не вышли изъ своей примитивной стадіи. Есть цѣлый рядъ общинъ, въ которыхъ отдѣльные хозяева пашутъ тамъ, гдѣ имъ вздумается. Первымъ и наиболѣе общимъ распространеннымъ пріемомъ обособленія пахотныхъ земель въ особыя угодья служитъ пріуроченіе пашенъ къ отдѣльнымъ зимовкамъ. Такія пашни и сами по себѣ обращаются въ неприкосновенныя мѣста для сторонніхъ лицъ, и очень удобны по своей близости къ жилищамъ. Цѣлый рядъ актюбинскихъ общинъ, въ этихъ видахъ, принялъ за правило обзаводиться пашнями у зимовокъ. Никакихъ границъ между отдѣльными аулами при этомъ не устанавливается, но границы эти сами собой намѣчаются въ видѣ живыхъ урочищъ“ [2]).

Для того, чтобы ближайшимъ образомъ выяснить *самый типъ* сложившагося у киргизъ, при такихъ условіяхъ, свободнаго пользованія, необходимо остановиться на вопросѣ о судьбѣ распаханныхъ и затѣмъ заброшенныхъ земель. Мы встрѣчаемся здѣсь прежде всего съ не вполнѣ опредѣленными указаніями, позволяющими заключать объ отсутствіи, въ данномъ случаѣ, твердо установившихся обычно-правовыхъ нормъ: „занимаютъ землю подъ пашню свободно,—не дозволяется только пользоваться чужою распашкой“; „каждый хозяинъ распахиваетъ только свои пустоши“ [3]); что̀ такое „свои пустоши“, что̀ такое „чужая распашка“,— это въ томъ и другомъ случаѣ остается безъ ближайшаго опредѣленія. Или вотъ еще менѣе опредѣленное указаніе, которое мы находимъ въ сводномъ текстѣ по Атбасарскому уѣзду: „каждый пашетъ сколько хочетъ, и никто не имѣетъ права занять распаханной земли, пока она не оставлена распахавшимъ ее“ [4]). Что̀

[1]) Атбасарскій у., X; см. Усть-Каменог., 28.
[2]) Актюб. у., 25; см. Кустан. у., 35.
[3]) Кустан. у., *п.* 140; Актюб., *п.* 7.
[4]) Атбасар. у., X.

значитъ здѣсь „оставлена“? Идетъ ли рѣчь о простомъ прекращеніи пользованія или объ окончательной „дереликціи“, — становится ли заброшенная залежь сейчасъ же общимъ достояніемъ, или для этого требуется категорическій отказъ отъ нея перваго заимщика?. Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ, однако, и болѣе опредѣленныя указанія. Указанія эти иногда позволяютъ заключить о существованіи такихъ порядковъ, которые ближе всего подходятъ къ типичной *вольной* формѣ пользованія: „каждый хозяинъ распахиваетъ землю гдѣ хочетъ,— *залежами также пользуются свободно*“; „новыя земли каждый хозяинъ можетъ распахивать гдѣ хочетъ,— *тоже относительно косьбы залежей* и степи“ [1]); или, что̀ по хозяйственному смыслу то же самое, „первый годъ залежь коситъ хозяинъ, распахавшій ее, такъ какъ на такой залежи часто растетъ паданка отъ проса или пшеницы“; но уже „на второй годъ коситъ кто хочетъ“, и подъ пашни также „занимаютъ мѣста свободно, безъ всякаго ограниченія“ [2]). Значитъ: каждый пользуется распаханною землею, *пока онъ ее пашетъ;* разъ заброшенная, она становится общимъ достояніемъ и для кошенія залежнаго ковыля и для новой распашки. Слѣдовательно, право, созданное трудомъ распашки, не переживаетъ самого этого труда: владѣніе захваченною и распаханною землею продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока продолжается пользованіе ею.

Но такого рода вольное пользованіе пахотными землями встрѣчается, повидимому, лишь въ видѣ исключенія. Общимъ правиломъ является типичный длящійся захватъ или болѣе или менѣе близкіе къ нему порядки, при которыхъ основанное на трудѣ распашки захватное право переживаетъ самый трудъ и остается въ силѣ если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока земля сохраняетъ хоть малѣйшіе слѣды производившейся обработки. Такъ, по Усть-Каменогорскому уѣзду „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются указанія относительно способовъ пользованія пахотной землей, фактъ распашки нивы создаетъ право на распаханный участокъ, такъ что брошенная въ залежь пашня можетъ быть вновь распахана только тѣмъ, кто ее впервые распахалъ, пока онъ отъ нея вовсе не откажется или не дастъ разрѣшенія запахать ее другому“ [3]). Здѣсь, значитъ, однажды затраченный трудъ создаетъ исключительное право на землю навсегда или на неопредѣленное время. Въ Кустанайскомъ уѣздѣ, въ видѣ правила, „пользованіе пашней сохраняется за тѣмъ (ауломъ или хозяйствомъ), кто̀ первый разработалъ ее, и до тѣхъ поръ, пока на пашнѣ проявляются результаты этой разработки; какъ падалкой, такъ и ковылемъ на такихъ залежахъ могутъ

---

[1]) Актюб. у., *п.* 14, 40, 45.
[2]) То же, 39.
[3]) Усть-Каменогор. у., 27—28.

пользоваться (жать и косить) только хозяева, впервые разработавшіе земли. Есть указаніе, что право это сохраняется за первымъ заимщикомъ только лѣтъ 10—20, пока залежь не сравняется совершенно со степью, а послѣ ее можетъ распахивать и косить любой изъ членовъ общины“ [1]).

Чѣмъ объясняются эти различія въ степени прочности трудового права на однажды распаханныя земли, вообще въ *типѣ* захватнаго пользованія пашнями у киргизъ,— на этотъ вопросъ нашъ источникъ не даетъ никакого отвѣта; можно только съ извѣстною увѣренностью утверждать одно; что *не* различіями въ степени трудности разработки угодій, значитъ—не различіями въ размѣрахъ трудовой затраты. У киргизъ есть только степныя пашни, не требующія предварительной расчистки; затрата труда во всѣхъ случаяхъ (рѣчь вѣдь идетъ пока только о *неорошаемыхъ* пашняхъ) сводится къ одной распашкѣ, а между тѣмъ ихъ послѣдствіемъ, мы видѣли, является въ однихъ случаяхъ лишь преходящее, въ другихъ—весьма прочное право на разработанныя земли. Мы имѣемъ пару указаній на то, что степень прочности захватнаго права на распаханныя земли зависитъ отъ ихъ мѣстоположенія: „залежью близъ кстау пользуется только хозяинъ ея, дальнія залежи находятся въ общемъ пользованіи всего старшинства“; „ближнія залежи косятъ хозяева, разработавшія ихъ“, дальнія „въ теченіе трехъ лѣтъ эксплуатируются хозяевами, а затѣмъ поступаютъ въ пользованіе всего старшинства“ [2]). Но, во-первыхъ, мы совершенно не знаемъ, насколько эти указанія могутъ быть обобщены, а во-вторыхъ, они относятся исключительно къ праву косьбы и выпаса на залежахъ, а не къ праву ихъ распашки.

Другая сторона вопроса—это ограниченія права распашки, установляемыя или установляющіяся въ цѣляхъ предотвращенія столкновеній между потребностями и интересами — земледѣлія и скотоводства. Распашка, говоря вообще, свободна, „лишь бы не стѣснять проходовъ скота, не загораживать водопои и т. д.“; не дозволяется притомъ „пахать противъ чужого аула ближе 2 верстъ отъ кстау, гдѣ обыкновенно сохраняется пастбище для овецъ и рогатаго скота“ [3]),—иначе сказать, запрещается распашка столь цѣнимыхъ кочевниками кой-булюковъ. Съ другой стороны, является необходимость заботиться объ огражденіи пашенъ отъ потравъ, — между тѣмъ „занявшій участокъ подъ посѣвъ на земляхъ общаго пользованія долженъ самъ охранять хлѣба отъ потравы, никого не стѣсняя“ [4]); очень естественно, что сами пахари избѣгаютъ производить распашки

---

[1]) Кустан. у., 38.
[2]) Актюб. у., *п.* 26, 30.
[3]) Кустан. у., *п.* 116, 140 bis, 158.
[4]) Стр. 158.

на земляхъ общаго пользованія и — какъ мы видѣли—стараются пахать по возможности ближе къ зимовкамъ; какъ мы также видѣли въ своемъ мѣстѣ, цѣлые аулы стараются группировать свои распашки къ однимъ мѣстамъ, что облегчаетъ наемъ общихъ сторожей и вообще совмѣстную охрану посѣвовъ отъ потравъ.

Повидимому, всѣ эти ограниченія очень долго, даже при значительно развитомъ земледѣліи, установляются сами собой, самими заинтересованными лицами, безъ какого-либо регулирующаго вмѣшательства извнѣ. Даже въ Актюбинскомъ уѣздѣ по значительному большинству общинъ, описанныхъ въ „примѣчаніяхъ", нѣтъ указаній на такое вмѣшательство, а по нѣкоторымъ есть даже опредѣленныя указанія на то, что „подъ пашни занимаютъ мѣста свободно, безъ всякаго ограниченія" [1]). Однако, въ томъ же Актюбинскомъ, а частью уже и въ другихъ, менѣе земледѣльческихъ уѣздахъ, наблюдается и „слѣдующій шагъ въ развитіи порядковъ пользованія пахотными угодьями", состоящій въ „назначеніи опредѣленныхъ мѣстъ подъ пашню. Это,—говоритъ составитель Актюбинскаго сборника, — самый распространенный порядокъ въ актюбинскихъ общинахъ, мѣняющійся нѣсколько у разныхъ общинъ" [2]). Въ однихъ случаяхъ вмѣшательство общины имѣетъ неформальный характеръ, — желающій произвести распашку обязанъ только „посовѣтоваться съ обществомъ, гдѣ ему распахать землю", и общество разрѣшаетъ пахать землю тамъ, гдѣ отъ этого не пострадаютъ общіе интересы" [3]). Иногда такое неформальное регулирующее вмѣшательство общины изъ казуальнаго принимаетъ общій характеръ: сходъ „ежегодно указываетъ мѣста для распашки"; такія указанія не имѣютъ даже строго обязательнаго характера, и соблюденіе ихъ обезпечивается только косвенною санкціей: „если кто посѣетъ въ другихъ мѣстахъ, то лишается права взыскивать за потравы" [4]). Въ другихъ случаяхъ „указаніе мѣстъ" облекается въ форму законнаго приговора, впрочемъ, повидимому, лишь по отношенію къ дальнимъ пашнямъ общаго пользованія, а не къ призимовочнымъ площадямъ; „мѣста пашенъ общаго пользованія ежегодно (въ другихъ случаяхъ каждые три года) указываются аульнымъ сходомъ, о чемъ составляется приговоръ" [5]). Есть, правда одно только, указаніе, что такіе приговоры въ Актюбинскомъ уѣздѣ составляются „по приказанію начальства" [6]); но въ данномъ случаѣ такое „приказаніе", очевидно, шло навстрѣчу дѣйствительной жизненной потребности, которая мѣстами привела къ установленію даже правильнаго чередованія пахотныхъ и пастбищныхъ смѣнъ [7]).

[1]) Актюб. у., *п.* 39, 40.
[2]) Актюб. у., 26.
[3]) Павлодар. у., *п.* 61.
[4]) Актюб. у., *п.* 22.
[5]) Актюб. у., *п.* 26 и 27.
[6]) Тоже, 42.
[7]) Тоже, 33.

„Участіе схода, — говоритъ по поводу всѣхъ этихъ явленій составитель Актюбинскаго сборника, — обнаруживается чаще и опредѣленнѣе при установленіи пользованія пашнями, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ; сходъ является въ этомъ отношеніи полноправнымъ хозяиномъ, и этою своею стороною киргизская земельная община наиболѣе напоминаетъ русскую крестьянскую“ [1]). Однако, сходство въ данномъ случаѣ остается очень отдаленнымъ: вѣдь характерною особенностью русской или великороссійской общины является уравнительное распредѣленіе угодій между отдѣльными общественниками. Между тѣмъ киргизская община, если и вмѣшивается въ пользованіе пахотными землями, то не съ уравнительными цѣлями, а ради предупрежденія столкновеній между земледѣльческимъ и пастбищнымъ хозяйствомъ и для урегулированія хозяйственнаго использованія земли, напоминая этимъ скорѣе ведущія общее толочное хозяйство общины кубанскихъ казаковъ или связанныя общностью пахотныхъ и пастбищныхъ смѣнъ группы подворныхъ владѣльцевъ въ значительной части малороссійскаго района, нежели типичную русскую общину. Самое землепользованіе, въ смыслѣ распредѣленія земли, остается захватнымъ, и это совершенно понятно въ виду наблюдаемаго даже въ наиболѣе „малоземельныхъ“ мѣстностяхъ киргизскаго края избытка пахотныхъ степей и преобладанія экстенсивнаго залежнаго хозяйства.

Аналогичныя, въ общемъ, формы пользованія пашнями наблюдаются и у сибирскихъ инородцевъ и въ особенности у *алтайцевъ*. И у нихъ преобладаетъ „та наиболѣе ранняя форма хлѣбопахотными землями, когда каждый могъ захватить въ свое пользованіе столько земли и тамъ, гдѣ и сколько ему казалось болѣе удобнымъ и нужнымъ, никого при этомъ не спрашивая“ [2]). Но у алтайцевъ, у которыхъ на ряду съ „чистыми“, „гладкими“ пашнями разрабатываются и лѣсныя, требующія предварительной расчистки, степень прочности захватнаго права, а слѣдовательно, и самый типъ захвата зависитъ отъ того, былъ или не былъ затраченъ трудъ на приведеніе земли въ годное для распашки состояніе. Въ видѣ правила „каждый сохраняетъ право на занимаемую имъ пашню только въ теченіе того времени, пока онъ ею фактически пользуется; разъ же земля брошена почему-либо, оставлена на отдыхъ и пр., то ее можетъ вновь захватить всякій другой“. Въ другихъ случаяхъ „наблюдается извѣстное отступленіе отъ этого общаго правила, и бросившій обработку земли все еще сохраняетъ на нее право въ теченіе нѣкотораго времени. Это расширеніе правъ отдѣльной личности на захваченный ею участокъ вытекаетъ изъ того, что самый захватъ и приведеніе захваченной земли въ

---

[1]) Актюб. у., *п.* 27.
[2]) Горный Алтай, 157—158.

надлежащій видъ требуютъ предварительной затраты силъ на производство расчистки будущей пашни отъ лѣса [1]).

Естественный ходъ эволюціи формъ землепользованія пока не велъ алтайскихъ инородцевъ дальше этихъ первобытныхъ захватныхъ формъ пользованія пахотными землями, и только въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ отрѣзка земли для переселенцевъ вызвала рѣзкій переходъ отъ малоземелья къ „утѣсненію", это послужило поводомъ къ передѣлу пахотныхъ земель [2]).

Почти то же наблюдается и у забайкальскихъ бурятъ, особенно въ восточной половинѣ области: хлѣбопашество у нихъ — явленіе сравнительно недавняго происхожденія; размѣры запашекъ и до сихъ поръ, въ общемъ, незначительны, а потому степень относительнаго простора еще весьма велика. Естественно при такихъ условіяхъ, что по отношенію къ пашнямъ захватныя формы встрѣчаются гораздо чаще, а формы уравнительныя — несравненно рѣже, нежели по отношенію къ покосамъ. Въ частности, въ восточномъ Забайкальѣ уравнительное пользованіе совершенно отсутствуетъ у всѣхъ группъ инородческаго населенія, какъ оно отсутствуетъ, впрочемъ, и у русскихъ казаковъ и почти отсутствуетъ у крестьянъ (всего 4,1 % всѣхъ пашенъ), — исключительно господствующими формами являются чистый или ограниченный, захватъ. Это и совершенно понятно: предложеніе, если можно такъ выразиться, удобной для распашки земли, благодаря простору, очень значительно; спросъ, благодаря слабому развитію земледѣлія, ничтоженъ. Въ западномъ Забайкальѣ уравнительныя формы пользованія сравнительно очень распространены: передѣлу подвергается у некрещеныхъ инородцевъ 26,5 %, у крещенныхъ — 59,4 %, у казаковъ - бурятъ 45,9 %. Но только у крещеныхъ инородцевъ замѣтный процентъ (25,3 %) составляютъ общины, окончательно порвавшія съ захватными формами и перешедшія къ чисто уравнительнымъ; у некрещеныхъ инородцевъ такія общины составляютъ всего 6,2 %, у казаковъ—даже только 1,5 %; 52 % первыхъ и 32,1 % вторыхъ даже въ западномъ Забайкальѣ всецѣло остаются при захватныхъ формахъ; въ 34,1 и 51,7 % общинъ эти послѣднія существуютъ параллельно съ уравнительными формами [3]).

Какъ у алтайскихъ инородцевъ, такъ у забайкальскихъ бурятъ первоначальная форма пользованія пашнями имѣетъ двойственный характеръ: и они дѣлаютъ различіе между пашнями, на разработку которыхъ затраченъ болѣе значительный трудъ (расчистки изъ - подъ камней, лѣса, кустарника), и „гладкими" пашнями, распаханными безъ предварительной затраты труда. Лишь перваго рода пашни поступаютъ въ прочное захватное пользованіе; „гладкія"

---

[1]) Тоже, 159.
[2]) Тоже, 159—160.
[3]) *Кроль* 248; см. *Кауфманъ*, Забайк. 154—156.

пашни вездѣ, за немногими исключеніями, считаются за хозяевами только въ теченіе того времени, пока стоитъ устроенная вокругъ нихъ городьба, и становятся общимъ достояніемъ по снятіи городьбы. Такое различіе между двумя категоріями пашенъ наблюдается, при этомъ, и въ районахъ съ наибольшимъ земельнымъ просторомъ, такъ что и та и другая форма, несомнѣнно, должны быть признаны за *первоначальныя* формы захватнаго пользованія пашнями. По очевидно справедливому объясненію г. Кроля, эта двойственность стоитъ въ прямой связи съ характеромъ земледѣльческаго хозяйства забайкальскихъ инородцевъ и въ частности— все съ тѣмъ же обычаемъ огараживанія угодій: буряты, особенно въ мѣстностяхъ со слабыми зачатками развитія земледѣлія, распахиваютъ по преимуществу легкія для разработки, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабыя земли, которыя очень скоро настолько истощаются, что на нихъ, по оставленіи въ залежь, даже трава въ теченіе ряда лѣтъ родится плохо. „При такой системѣ обработки земли,—говоритъ г. Кроль,—для хозяина пашни не имѣетъ смысла содержать городьбу въ цѣлости, пока земля отдыхаетъ: бросая пашню, онъ тотчасъ же, нерѣдко, убираетъ городьбу и переноситъ ее на другое мѣсто; послѣ этого связь его со старою пашнею, чаще всего, окончательно прерывается, а такъ какъ за сравнительно небольшой трудъ по поднятію цѣлины или залежи онъ вознаградилъ себя достаточно, то незанятая земля, естественно, дѣлается свободной для захвата“ [1]).

Впослѣдствіи, во второй части этой книги, мнѣ придется подробнѣе остановиться на вопросѣ о томъ, каковъ первоначальный типъ захватнаго пользованія. Здѣсь мы можемъ ограничиться сказаннымъ для характеристики захватныхъ формъ пользованія пашнями у забайкальскихъ инородцевъ. Необходимо упомянуть еще только объ одной существенной чертѣ—о *запрещеніи распахивать покосы*, характерномъ для забайкальскихъ кочевыхъ инородцевъ [2]), а весьма возможно—и для другихъ переходящихъ къ осѣдлости и земледѣлію кочевниковъ [3]). И такое запрещеніе, опять-таки, всецѣло вытекаетъ изъ характера ихъ хозяйства: кочевникъ, хотя бы и начавшій заниматься уже земледѣліемъ, больше всего дорожитъ пастбищами и покосами; но пастбищъ у него чрезвычайно много, почему онъ и не встрѣчаетъ препятствій къ обращенію подъ запашку той или иной ихъ части; напротивъ, въ покосахъ уже нигдѣ не ощущается особаго избытка, а потому кочевникъ принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы не допустить

---

[1]) *Кроль*, 46—49.

[2]) Тоже 48.

[3]) Киргизская экспедиція оставила этотъ существенный вопросъ, повидимому, безъ вниманія. Только въ „примѣчаніяхъ“ по Актюбинскому у. есть одно указаніе на то, что „низкія степныя поляны, отведенныя кому-либо обществомъ для покоса, никто другой не имѣетъ права распахивать“ (Актюб. у., *п.* 40).

расширенія пахотной площади на счетъ сѣнокосной. Такое запрещеніе распахивать покосы тѣмъ характернѣе, что сибирскіе крестьяне, у которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ земледѣліе, придерживаются діаметрально противоположнаго принципа — „сохѣ препятствовать нельзя“.

Мы видѣли, что захватъ, чистый или ограниченный только срокомъ залежности или существованія городьбы, даже у инородцевъ западнаго Забайкалья распространяется на половину и даже на три четверти всей площади пахотныхъ земель. Не малымъ распространеніемъ пользуются у нихъ, однако, и разныя переходныя формы отъ захватнаго къ душевому пользованію. Формы эти, въ общемъ, тѣ же, которыя намъ придется подробно описывать во II части этой книги на основаніи данныхъ, собранныхъ, главнымъ образомъ, у сибирскихъ крестьянъ. Характерною особенностью ихъ у забайкальскихъ инородцевъ является, однако крайне малая распространенность, почти полное отсутствіе по отношенію къ пашнямъ формы „частныхъ поравненій“ или иначе— отводовъ-отрѣзковъ. „Отводы-отрѣзки“, — говоритъ г. Кроль [1]),— игравшіе у инородцевъ такую важную роль при переходѣ отъ захватной формы пользованія *сѣнокосами* къ уравнительной, примѣняются по отношенію къ *пашнямъ* чрезвычайно рѣдко. Этотъ замѣчательный фактъ — по мнѣнію г. Кроля — можно объяснить только тѣмъ, что установившійся обычай считать пашню, по снятіи городьбы или по истеченіи извѣстнаго срока залежности, свободной для всѣхъ, въ значительной степени дѣлаетъ лишними „отводы-отрѣзки“; съ другой стороны, инородческія общины избѣгаютъ отрѣзковъ еще и потому, что „поднятіе цѣлины требуетъ извѣстной затраты труда, и отрѣзка отъ такой пашни явилась бы слишкомъ рѣзкимъ актомъ вмѣшательства общины, который нарушилъ бы древнее право хозяина на загороженную землю и на вложенный въ нее трудъ“.

Тѣмъ распространеннѣе, за то, у забайкальскихъ инородцевъ другая переходная форма—общее поравненіе, примѣненное къ *части* пахотныхъ угодій въ то время, какъ остальная часть пашенъ остается еще въ захватномъ пользованіи [2]); по даннымъ подворнаго изслѣдованія, въ подобномъ смѣшанномъ пользованіи у кочевыхъ инородцевъ состоитъ болѣе двухъ пятыхъ общаго количества пахотныхъ земель. Въ однѣхъ общинахъ, при этомъ, поравненію подвергались полевыя пашни, не поравнивались всѣ остальныя; въ другихъ поравнены „гладкія“ пашни, а лѣсныя расчистки остались въ захватномъ пользованіи; въ нѣкоторыхъ общинахъ поравнены пашни въ общихъ угодьяхъ— „валовыхъ поскотинахъ“, не поравнены распаханныя на общемъ выгонѣ и т. д.; вообще же можно сказать, что поравненію

---

[1]) Назв. соч., 53.
[2]) Тоже 54.

подвергались либо тѣ пашни, которыя имѣютъ особую цѣнность, либо тѣ, по отношенію къ которымъ захватчики въ меньшей мѣрѣ могли опираться на право затраченнаго труда; пашни же малоцѣнныя или разработанныя съ бо̀льшими затратами труда оставались въ душевомъ пользованіи.

Общій выводъ изъ сказаннаго о формахъ пользованія пахотными землями у забайкальскихъ бурятъ, какъ его формулируетъ г. Кроль[1]), сводится къ слѣдующему: „чисто-захватное пользованіе пашнями составляетъ у инородцевъ явленіе очень рѣдкое; самою распространенною среди нихъ формою слѣдуетъ считать ту, которая хотя и очень близка къ чисто захватной, но все же разнится отъ нея: пашня считается за владѣльцемъ, сколько бы времени ни стояла пахотная городьба, а иногда даже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ снятія городьбы. Такой обычай дѣлаетъ почти излишними отводъ и отрѣзку пашенъ, благодаря чему послѣдніе, т.-е. отводы и отрѣзки, почти отсутствуютъ у забайкальскихъ инородцевъ. Далѣе, рядомъ съ поравненіями почти всегда сохраняютъ силу и захватныя формы по отношенію къ части пахотныхъ угодій: или къ такой землѣ, которою не очень дорожатъ, или, напротивъ, къ такой, которую очень высоко цѣнятъ (вѣрнѣе, по отношенію къ которой можно опереться на право труда. *А. К.*); наконецъ, поравненія всѣхъ пахотныхъ земель или передѣлы ихъ являются самымъ вѣрнымъ показателемъ того, что въ общинахъ, въ которыхъ отмѣчены такія формы, „утѣсненіе“ въ земельныхъ угодьяхъ достигло весьма высокой степени напряженности“.

И приблизительно то же можно сказать, вообще, о формахъ пользованія пахотными землями у переживающаго переходъ къ осѣдлости населенія: земельный просторъ у него, въ общемъ, еще очень высокъ, далеко перевышая вытекающую изъ данной степени развитія земледѣлія потребность въ пахотныхъ земляхъ,— естественно, что и у киргизъ, и у алтайцевъ, и у бурятъ восточнаго Забайкалья всецѣло господствуютъ захватныя формы пользованія пахотными землями; только въ западномъ Забайкальѣ наблюдается уже ощутительное „утѣсненіе“ въ земельныхъ угодьяхъ, и потому здѣсь захватныя формы въ значительной мѣрѣ уступили мѣсто регулированному пользованію и въ частности — передѣльнымъ формамъ.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о пашняхъ, на которыхъ хозяйство ведется *безъ* искусственнаго орошенія. Формы пользованія *орошаемыми* пашнями представляютъ существенныя особенности, вытекающія изъ свойствъ самого ирригаціоннаго хозяйства: искусственное орошеніе — это болѣе или менѣе значительная, иногда огромная, затрата либо капитала, либо живого труда,—затрата, имѣющая мелiоративный характеръ, значительно

[1]) Стр. 51.

повышающая производительность и цѣнность земли, а въ то же время могущая окупиться лишь при продолжительной эксплуатаціи послѣдней, — затрата, поэтому, обосновывающая прочное право на подвергнутую орошенію землю. Въ ирригаціонномъ хозяйствѣ, какъ я отмѣчалъ въ I главѣ, *вода* доминируетъ надъ *землей*, и въ соотвѣтствіи съ этимъ и *право* на воду доминируетъ надъ правомъ на землю. „Всякая затрата труда на оборудованіе (орошеніе! А. К.) пашни вознаграждается соотвѣтственнымъ правомъ на пользованіе пашней". Это—основной принципъ, лежащій въ основѣ обычаевъ, касающихся пользованія орошаемыми пашнями; при этомъ „участіе въ основныхъ работахъ по сборудованію пашни обусловливаетъ вѣчное право на пашню, при условіи, однако, ежегодной затраты труда на поддержаніе плотины и тогана (оросительнаго канала)[1]. Самое же право участія въ основныхъ работахъ, создающее право на воду и землю, „принадлежитъ, повидимому, только членамъ данной земельной группы, такъ что посторонніе, если и являются пахарями, то только съ разрѣшенія хозяевъ и за плату"[2]. Это послѣднее ограниченіе существуетъ, впрочемъ, только тамъ, гдѣ оросительныя работы и распашка производятся въ предѣлахъ уже установившихся границъ; гдѣ этого нѣтъ, тамъ обращеніе неразработанныхъ степей подъ поливную культуру, повидимому, свободно для каждаго, при чемъ однако трудность устройства новой оросительной системы заставляетъ киргизъ соединяться для этой цѣли въ особые союзы или группы. Внутри каждой такой группы, гдѣ земли и воды много, каждый распахиваетъ, гдѣ и сколько ему угодно, сообразуясь только съ установленною для полива очередью пахотныхъ смѣнъ; гдѣ воды мало, она распредѣляется равномѣрно между всѣми участниками арычной группы, и этимъ самымъ ограничивается и размѣръ запашки каждаго участника[3]. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, однако, какъ при наличности границъ, такъ и при ихъ отсутствіи, крайне важную роль играютъ, повидимому, родовыя связи: артели, для проведенія оросительныхъ каналовъ, образуются почти всегда изъ лицъ, принадлежащихъ къ одной, болѣе или менѣе тѣсной родовой группѣ, и болѣе мелкія, родовыя же подраздѣленія ложатся въ основу ближайшихъ пахотно-ирригаціонныхъ группировокъ"[4].

---

[1]) Каркарал. у. 31—32; см. тамъ же *п.* 90: „каждый хозяинъ, участвовавшій въ работахъ по устройству плотины и канавы и получившій участокъ пахотной земли, сохраняетъ свое право на нее навсегда",—но „водою въ данный годъ пользуется только тотъ, кто участвуетъ въ ежегодномъ исправленіи плотины и чисткѣ главной канавы".

[2]) Тоже 32.

[3]) См. *Кауфманъ*, Туркест., 159.

[4]) „На р. Такраунъ, на землѣ, принадлежащей роду Батръ, имъ устроено два тогана; площадь, на которую распространяется вода тогана, раздѣлена большими арыками на 2 части; каждая изъ нихъ находится въ пользованіи отдѣльнаго рода". Каркар. у., п. 89- 90; см. Усть-Камен. у., *п.* 28—29.

Въ зависимости отъ характера служащихъ для орошенія водныхъ источниковъ и отъ размѣра необходимыхъ для использованія ихъ воды оросительныхъ сооруженій принимаютъ различный характеръ и формы пользованія арычною водою и арычной пашней: „существуютъ—говоритъ С. П. Швецовъ,—„двѣ формы пользованія—личная и общественная—въ зависимости отъ того, кѣмъ было произведено сооруженіе: отдѣльнымъ ли аиломъ (дворомъ) или группою ихъ. Арыки личные встрѣчаются довольно рѣдко, а пользованіе ими не представляетъ интереса; каждый въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ за свой личный счетъ и рискъ, и никому до него нѣтъ дѣла“ [1]). Иначе, конечно, обстоитъ дѣло, если для вывода воды на поля требуются болѣе значительныя ирригаціонныя сооруженія, превышающія силы и средства одного человѣка: здѣсь становится неизбѣжнымъ соединеніе нѣсколькихъ или многихъ хозяйствъ для исполненія необходимыхъ основныхъ оросительныхъ работъ, а отсюда неизбѣжно возникаютъ между ними отношенія и въ моментъ пользованія орошенною землею. Тамъ, гдѣ требовались лишь небольшія оросительныя работы и гдѣ въ послѣднихъ принимало участіе немного лицъ, эти отношенія складываются очень просто: „каждый беретъ себѣ воду, когда это ему нужно, обыкновенно же поливъ производится разомъ, что̀ при незначительности пашенъ не представляетъ затрудненій; никакихъ при этомъ раздѣленій, строгой регламентаціи въ пользованіи еще не намѣчено, для нихъ нѣтъ еще подходящихъ условій“ [2]). Гдѣ, напротивъ, возведены при участіи десятковъ или сотенъ хозяевъ болѣе крупныя оросительныя сооруженія, тамъ, конечно, организація и самихъ оросительныхъ работъ, и пользованія орошенною землею несравненно сложнѣе. Приведу, въ видѣ примѣра, чуйскихъ (отъ р. Чу) киргизъ Каркаралинскаго уѣзда, составляющихъ 18 ирригаціонныхъ общинъ съ 190 аулами и 616 хозяйствами: „въ хозяйственномъ отношеніи они распредѣляются по 18 тоганамъ (магистральнымъ каналамъ); тоганъ, приносящій воду изъ р. Чу, объединяетъ хозяевъ, пользующихся водою, а право пользованія водою обусловлено участіемъ въ работахъ по проведенію тогана“... „Направленіе тогана опредѣляетъ площадь земли, используемой данною группой хозяевъ: все, что̀ находится между двумя тоганами, принадлежитъ группѣ, владѣющей тоганомъ, начинающимся выше по теченію рѣки; никакихъ условныхъ границъ, опредѣляющихъ землепользованіе различныхъ общинъ, нѣтъ; *границу дѣлаетъ вода*, и территорія, находящаяся за пашнями, считается въ общемъ пользованіи всѣхъ живущихъ на Чу, пока она не прорѣзана тоганомъ“ [3]).

Какъ „вода дѣлаетъ границу“ ирригаціонной общины, такъ она опредѣляетъ и распредѣленіе земли между входящими въ со-

[1]) Горн. Алтай, 160—161.
[2]) Тоже 161; примѣры для киргизъ см. Каркар. у., *п.* 74, 90.
[3]) Каркарал. у., 31—32.

ставъ ея хозяевами. Есть указанія на то, что и въ отношеніи распредѣленія воды, какъ и земли, мѣстами, „сначала царило право перваго захвата“,—каждый распахивалъ, сколько хотѣлъ, и былъ въ состояніи распахать, и бралъ себѣ воды, сколько требовалось для полива распаханной земли. Но „съ теченіемъ времени подъ пашню было орошено все, что̀ можно было оросить“, и главное—„вѣроятно, въ концѣ-концовъ, оказался недостатокъ воды, который и привелъ къ тому, что теперь каждый хозяинъ получаетъ опредѣленное количество воды, и если ея не хватаетъ для орошенія всей его пашни, такъ это ужъ его дѣло,—общество ему не даетъ бо̀льшаго количества воды, чѣмъ ему полагается [1]). Каждый участникъ ирригаціонной общины имѣетъ, такимъ образомъ, равное съ другими право на пользованіе оросительною водой, распредѣленіе которой между всѣми участниками производится съ большою точностью и строгостью: „въ иныхъ случаяхъ каждому дается вода въ теченіе сутокъ, въ другихъ—только полусутокъ“ [2]). Но разъ каждый получаетъ опредѣленное количество воды, разъ самый поливъ производится по опредѣленнымъ нормамъ, то „и размѣры участковъ должны быть одинаковы и не превышать той площади, которая можетъ быть орошена суточной (или полусуточной) порціей воды. На дѣлѣ участки разныхъ хозяевъ бываютъ неодинаковаго размѣра вслѣдствіе того, что бѣдные хозяева не въ силахъ обработать всего своего участка и уступаютъ часть его, въ сущности говоря, право на пользованіе водою въ теченіе извѣстнаго времени, богачу за деньги или за извѣстную помощь съ его стороны. Въ виду этого общество не мѣшаетъ любому хозяину прибавлять себѣ пашни на счетъ новыхъ земель, но подъ условіемъ не тратить воды больше того, что ему приходится“. Здѣсь, очевидно, самое пользованіе *землею* имѣетъ формально-захватный характеръ и лишь фактически ограничивается количествомъ отпускаемой каждому земли: иначе сказать, каждый можетъ и расширить свою запашку по сравненію съ другими, если ему удалось пріобрѣсти отъ кого-нибудь лишнее право на воду, или если онъ, сжимая норму полива, сумѣетъ за счетъ „своей“ воды оросить бо̀льшую площадь,—порядокъ, надо думать, примѣняющійся тамъ, гдѣ пространство земли, могущей быть, по условіямъ рельефа, орошенною за счетъ даннаго воднаго источника, далеко превышаетъ площадь, могущую быть орошенною получаемымъ изъ него количествомъ воды. Въ другихъ случаяхъ и, повидимому, въ видѣ общаго правила, между участниками ирригаціонной общины распредѣляется *не только вода, но и самая земля*: „каждое хозяйство обязано ограничиться отведеннымъ ему участкомъ и не имѣетъ права захватить себѣ, если бы это и было возможно, такъ какъ этимъ оно принесло бы ущербъ дру-

[1]) Усть-Каменог. у., 27.
[2]) Усть-Каменог. у., 25; *п.* 32.

гимъ хозяевамъ тогана, вслѣдствіе израсходованія воды“ [1]). И, повидимому, наичаще встрѣчающійся типъ распредѣленія земли, это—болѣе или менѣе рѣзко выраженное подворное владѣніе или пользованіе. Иногда послѣднее представляетъ собой не что иное, какъ прочно зафиксировавшійся захватъ: „залежь принадлежитъ забросившему хозяину“ [2]). Иногда, напротивъ, оно является результатомъ правильнаго раздѣла земли между участвующими въ ирригаціонной артели домохозяевами: „пашни подѣлены между хозяевами еще дѣдами“; „земля, находящаяся въ районѣ тогана, подѣлена между его устроителями на правильныя полосы“ [3]); иногда въ нашихъ источникахъ есть прямыя оговорки, что каждый участникъ основныхъ оросительныхъ работъ, получившій участокъ земли, сохраняетъ свое право на нее навсегда [4]). Вообще правиломъ является, повидимому, такой порядокъ пользованія орошаемыми пашнями, при которомъ „передѣловъ пашни для ея уравненія между отдѣльными хозяевами не бываетъ“, и „отау надѣляется пашней тѣмъ хозяйствамъ, которое выдѣляетъ его“ [5]); только „если при надѣленіи пашней отау приходится продолжить тоганъ, то это дѣлаютъ всѣмъ обществомъ [6]). Безусловно свободный въ своемъ правѣ пользованія, располагая правомъ сдачи въ аренду земли вмѣстѣ съ правомъ на соотвѣтственную долю оросительной воды, владѣлецъ участка орошаемой земли нѣсколько стѣсненъ только въ правѣ распоряженія землею: „своимъ участкомъ пашни каждый воленъ располагать, какъ хочетъ, однако безъ права передачи ея постороннему, т.-е. не принадлежащему къ обществу, а также безъ права завѣщать его своей женѣ, если у послѣдней нѣтъ сыновей“ [7]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, общинный характеръ владѣнія и пользованія орошаемыми землями проявляется съ большею опредѣленностью,— мѣстами право отдѣльнаго домохозяина на распахиваемый имъ участокъ существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока продолжается распашка,—„выпаханный и брошенный участокъ поступаетъ въ пользованіе всего рода“ [8]). Есть указанія на то, что мѣстами идетъ борьба за передѣлъ неравномѣрно распредѣленныхъ участковъ орошаемой земли, „но настоять на передѣлѣ пашни общество еще не можетъ, хотя уже появляются отдѣльные признаки этого, а именно при надѣленіи пашнею отау, когда отецъ не можетъ дать сыну пашни изъ своего участка, такъ даетъ общество“—иногда, впрочемъ, „подъ давленіемъ рус-

1) Каркарал. у., 74—75.
2) Усть-Камен. у., *п.* 34.
3) Усть-Камен. у., *п.* 31; Каркар. у., *п.* 56, 92.
4) Каркар. у., *п.* 90.
5) Усть-Камен. у., 26.
6) Тоже, 25.
7) Тамъ же.
8) Каркар. у., *п.* 92.

скихъ властей, если дѣло до нихъ доходитъ“ [1]). И только въ одномъ случаѣ мы находимъ въ нашихъ матеріалахъ указаніе на ежегодный передѣлъ орошаемой пашни, очевидно, при залежномъ хозяйствѣ съ однолѣтнимъ посѣвомъ и многолѣтнею залежью: пахотную землю „ежегодно дѣлятъ на число занимающихся земледѣліемъ хозяйственныхъ ауловъ“,—дѣлятъ, очевидно, довольно точно, такъ что „загоны измѣряются арканами“ [2]).

Вотъ то, къ сожалѣнію, очень немногое, что даютъ наши источники по интереснѣйшему вопросу о формахъ пользованія орошаемыми пашнями. Это немногое позволяетъ только *предполагать*—чтобы утверждать это, нашъ матеріалъ слишкомъ неполонъ и отрывоченъ,—что внутри слагающихся на почвѣ совмѣстнаго выполненія основныхъ оросительныхъ работъ ирригаціонныхъ общинъ или артелей преобладаютъ близкія къ подворной формы пользованія землей, при равномѣрномъ между всѣми распредѣленіи воды, фактически ведущемъ за собой и приблизительно равномѣрное распредѣленіе распашекъ. Насколько сильно то движеніе къ уравнительному пользованію орошаемыми землями, о которомъ только что упоминалось; является ли приведенный случай передѣла единственнымъ въ своемъ родѣ исключеніемъ, или нѣтъ,—этотъ вопросъ, за недостаткомъ фактическихъ указаній, приходится оставить открытымъ.

Таковы формы пользованія орошаемыми пашнями у киргизъ. У бурятъ приходится имѣть дѣло преимущественно съ орошаемыми покосами, и вопросъ объ орошаемыхъ покосахъ сплетается съ первенствующимъ, у нихъ, по своему значенію, вопросомъ о покосахъ унаваживаемыхъ—утугахъ. Эти послѣдніе пользуются широкимъ распространеніемъ какъ у забайкальскихъ, такъ и у иркутскихъ бурятъ. Характерными свойствами этого рода угодій являются, прежде всего, ихъ высокая цѣнность, обусловливаемая, главнымъ образомъ, ихъ мѣстоположеніемъ въ непосредственной близости къ усадьбамъ, съ другой же стороны — значительность трудовыхъ затратъ по сравненію съ простыми, не унаваживаемыми покосами. Первое изъ этихъ условій, естественно, благопріятствуетъ развитію уравнительныхъ формъ, второе, напротивъ, этимъ формамъ неблагопріятно: высокая цѣнность утуговъ побуждаетъ тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ или мало, усиленно стремиться къ уравненію; значительность трудовыхъ затратъ даетъ сильное орудіе въ руки противниковъ передѣла. И вотъ у забайкальскихъ бурятъ „поравненія коснулись утуговъ лишь въ весьма ничтожной степени: права хозяевъ на удобряемые покосы уважаются не только въ тѣхъ общинахъ, гдѣ сохранились еще захватныя формы владѣнія сѣнокосными угодьями, но даже во многихъ общинахъ, гдѣ практикуются уже поравненія простыхъ

[1]) Усть-Камен. у., 27.
[2]) Каркар. у., *п.* 59.

покосовъ". Лишь въ сравнительно немногихъ общинахъ, „гдѣ практикуются уже, благодаря утѣсненію, общія поравненія, утуги также входятъ въ счетъ паевъ, но ихъ обыкновенно оставляютъ за старыми хозяевами—отрѣзаютъ только излишки".

У иркутскихъ бурятъ формы пользованія утугами гораздо болѣе разнообразны. Захватное владѣніе утугами, въ его чистомъ видѣ, преобладаетъ у осѣдлыхъ и ясачныхъ бурятъ, составляющихъ какъ бы переходную ступень между кочевниками и русскими, или уже совсѣмъ слившихся съ русскимъ населеніемъ, равно какъ у тѣхъ изъ крестьянъ, которые переняли отъ бурятъ утужное хозяйство [1]). Но значительное большинство, до 80%, бурятскихъ общинъ Иркутской губерніи передѣляло утуги при X ревизіи; часть ихъ съ тѣхъ поръ не повторяла передѣла и только „практикуетъ у себя перекладку утужныхъ участковъ съ умершихъ на вступающихъ въ окладъ"; другія, напротивъ, повторяли передѣлъ утуговъ и послѣ X ревизіи [2]). „Передѣлъ утуговъ,—констатируетъ изслѣдованіе,—не препятствуетъ ихъ удобренію: чтобы не лишать хозяевъ ихъ трудовъ по удобренію утуговъ, къ передѣлу ихъ примѣняется обыкновенно, способъ, заключающій въ томъ, что хозяева по возможности меньше мѣняются мѣстами", — т.-е. тотъ способъ передѣла „по старшинству" или отрѣзкою излишковъ [3]), который будетъ подробно описанъ во 2-ой части этой книги, и который въ наибольшей мѣрѣ ограждаетъ интересы „старыхъ хозяевъ", въ частности—ихъ право затраченнаго труда. Такимъ образомъ среди иркутскихъ бурятъ, въ отличіе отъ забайкальскихъ, изслѣдованіе констатируетъ „сильную распространенность уравнительныхъ душевыхъ передѣловъ утуговъ", объясненія чему „слѣдуетъ искать, во-первыхъ, въ большей сравнительно съ другими угодьями цѣнности, въ большемъ значеніи ихъ для бурятскаго скотоводческаго населенія, и, во-вторыхъ, въ недостаткѣ простора для дальнѣйшаго ихъ расширенія" [4]). Значительность трудовыхъ затратъ оказывается здѣсь не въ состояніи остановить распространеніе передѣловъ,—она только рѣзко отражается на самихъ формахъ поравненія утуговъ.

И что особенно любопытно,—это „фактъ большой распространенности передѣловъ орошаемыхъ утуговъ", т.-е. какъ разъ тѣхъ, по отношенію къ которымъ право труда выступаетъ съ особенною силой: „изслѣдователямъ не удалось получить отъ самихъ инородцевъ объясненія распространенности этого явленія; но можно думать съ большимъ основаніемъ, что оно стоитъ въ связи съ неизбѣжными общественными, производящимися уравнительно по душамъ, работами по ихъ орошенію" [5]).

[1]) Иркутск., 22, вып. 3, стр. 37.
[2]) Тоже, 238—239.
[3]) Тоже, 241; Ольхонъ, 68, 70.
[4]) Тамъ же, 243.
[5]) Тамъ же, 241; см. Ольхонъ, 100.

Мы закончили, такимъ образомъ, обзоръ формъ пользованія важнѣйшими угодьями у переходящаго къ осѣдлости и земледѣлію кочевого или полукочевого населенія. Мы встрѣтились съ широкимъ распространеніемъ нерегулированнаго вольнаго пользованія и съ еще, можетъ-быть, болѣе широкимъ распространеніемъ болѣе или менѣе близкаго къ подворному владѣнію постояннаго распредѣленія угодій, основаннаго на личномъ правѣ отдѣльнаго двора или хозяйства; но встрѣтились и съ многочисленными случаями, гдѣ угодья распредѣляются распоряженіемъ такъ или иначе сложившагося общиннаго союза, или на основаніи установленнаго общиною распорядка. Отсюда естественно поставить себѣ вопросъ объ *основаніяхъ* разверстки, распредѣленія земли.

Къ сожалѣнію, однако, наши источники даютъ очень мало матеріала по данному вопросу; и это, по крайней мѣрѣ, отчасти, потому, что самые разверсточные порядки, практикуемые у кочевого и полукочевого населенія, очень далеки отъ строго опредѣленныхъ и точно выработанныхъ формъ и коренятся, въ значительной мѣрѣ, въ родовыхъ переживаніяхъ; можетъ-быть, именно поэтому и „самые пріемы разверстки киргизы тщательно хранятъ въ секретѣ“ [1])...

Мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, что у кочевниковъ, въ частности у киргизъ, сохранилось очень много остатковъ чистородовыхъ отношеній и распорядковъ, въ основѣ которыхъ лежитъ принципъ уваженія къ старшимъ, старшинства. При господствѣ этихъ распорядковъ, напримѣръ, сѣнокосы „распредѣляются между хозяевами не по жребію, а по старшинству“, а мѣстами „сохранился оригинальный старинный обычай, по которому наиболѣе уважаемому „аксакалу“ (ага-аксакалу), т.-е. старшему почетному старику выдѣляется „агалыкъ“, большое пастбище, или львиная доля изъ какой-либо добычи; это — за то, что „ага-аксакалъ“ постоянно принимаетъ гостей, поитъ ихъ кумысомъ, угощаетъ ихъ бараниной и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ,—замѣчаетъ Ф. А. Щербина,—обычаи носятъ, несомнѣнно, очень явственную окраску родового быта и вытекавшихъ изъ него отношеній между родовичами“ [2]). Родовые распорядки продолжаютъ играть роль при распредѣленіи угодій даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Кустанайскій или Актюбинскій уѣздъ,—мѣстностяхъ, гдѣ разложеніе кочевого быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и родового строя, сдѣлало наибольшіе успѣхи. Такъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ Актюбинскаго уѣзда до сихъ поръ еще „при ежегодныхъ передѣлахъ сѣнокосовъ паи выбираютъ отдѣльные хозяева по старшинству лѣтъ, начиная съ аксакала“; въ другихъ къ этому порядку распредѣленія покосовъ внесены, однако, поправки, въ значительной степени измѣняющія его смыслъ: въ лучшихъ сѣнокосныхъ участкахъ,

---

[1]) Кокчетав. у., 125.
[2]) Тоже, 124.

такъ же точно, „паи выбираютъ хозяева по старшинству лѣтъ, начиная съ аксакала“, но „въ худшихъ мѣстахъ предоставляется выбирать въ порядкѣ отъ наиболѣе молодыхъ къ наиболѣе старымъ хозяевамъ“ [1]). Здѣсь, очевидно, отъ традиціоннаго уваженія къ старшимъ осталась одна форма, обрядъ; выбирая первый, лучшій участокъ въ одномъ сортѣ покосовъ, старшій въ родѣ получаетъ послѣдній, худшій, въ другомъ,—мы видимъ здѣсь, значитъ, лишь своеобразно окрашенную переживаніями родового быта разновидность передѣла съ „уравновѣшеніемъ сортовъ“, пользующагося большимъ распространеніемъ у сибирскихъ крестьянъ.

И это лишь частный случай, проявленіе гораздо болѣе широкой эволюціи: изслѣдованіе опредѣленно констатируетъ, что порядки, основанные на родовыхъ традиціяхъ, постепенно отмираютъ и уступаютъ мѣсто новымъ. „Теперь мало уважаютъ стариковъ“ [2]); „на мѣсто отживающихъ родовыхъ порядковъ все шире и шире внѣдряются въ бытъ кочевника порядки, установляемые сходами“,—сходъ „становится вершителемъ общественныхъ распорядковъ и дѣлъ, а вліяніе родового начала, значеніе старшихъ въ родѣ, отодвигается видимо на задній планъ“ [3]). Перемѣны въ этомъ направленіи происходятъ непосредственно на нашихъ глазахъ: въ одной общинѣ „выборъ паевъ по старшинству былъ въ старыя времена,—живущее поколѣніе такихъ порядковъ не практикуетъ“ [4]) и замѣнило ихъ жеребьевкой; въ другой, „осѣвшей на зимовыхъ стойбищахъ лѣтъ 60 тому назадъ, сѣнокосныя угодья были раздѣлены первоначально между родовыми группами общинниковъ; но затѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ сѣнокосы были раздѣлены подворно, и слѣды родовой группировки при пользованіи ими окончательно стушевались“ [5]) и т. д. Вообще сѣнокосные распорядки въ настоящее время „чаще подчиняются вліянію чисто хозяйственныхъ условій, независимо отъ тѣхъ или другихъ родственныхъ отношеній между общинниками“ [6]).

Однако, новые порядки разверстанія угодій, являющіеся на смѣну родовымъ, очень далеки и отъ уравнительныхъ принциповъ русской общины. „При дѣлежѣ покосовъ,—говоритъ составитель Кустанайскаго сборника,—стремятся не къ шаблонному уравненію сѣнокосныхъ участковъ, а наоборотъ, раздѣляютъ покосы на неравныя доли, въ зависимости *отъ нужды въ сѣнѣ* (курс. мой А. К.), и даже выкашиваютъ участки помочью бѣднякамъ“ [7]). О „помощи бѣднякамъ“, однако, если и можетъ быть рѣчь, то развѣ только въ видѣ исключенія; въ нашихъ матеріалахъ отмѣченъ только

---

[1]) Актюб. у., 15.
[2]) Кустан. у., 71.
[3]) Актюб. у., 21.
[4]) Кустан. у., 47.
[5]) Актюб. у., 15.
[6]) Кокчет. у., 124.
[7]) Кустан. у., 69.

одинъ случай, когда „всѣ покосы выкашиваются сообща, но предварительно выдѣляютъ участокъ сѣнокоса хозяину, служащему въ работникахъ въ другомъ аулѣ, и даже иногда скашиваютъ ему общими силами этотъ участокъ и ставятъ сѣно въ копны“ [1]). Общимъ правиломъ, напротивъ, является распредѣленіе угодій, въ частности покосовъ, въ соотвѣтствіи съ *нуждою въ сѣнѣ*, а послѣдняя, очевидно, пропорціональна достатку отдѣльныхъ хозяевъ, основнымъ элементомъ котораго и у осѣдающихъ кочевниковъ еще остается скотъ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, дѣйствительно, разверсточные порядки у киргизъ почти безъ исключенія благопріятствуютъ болѣе состоятельнымъ элементамъ. При кошеніи сообща и при регулированномъ захватѣ, мы видѣли, „каждая кибитка выставляетъ по одному косцу“, но „нѣкоторымъ наиболѣе зажиточнымъ хозяевамъ разрѣшается посылать на покосъ 2—3 и болѣе косцовъ“ [2]), и пропорціонально числу косцовъ распредѣляется накошенное сѣно. Гдѣ существуетъ болѣе или менѣе прочное подворное владѣніе, „бѣдняки поступаются частью принадлежащихъ имъ сѣнокосовъ въ пользу богачей, платящихъ за такихъ бѣдняковъ подати“; то же самое случается и при уборкѣ сѣнокосовъ сообща [3]). Гдѣ угодья распредѣляются общиною, наиболѣе обычнымъ основаніемъ разверстки служатъ количество скота и размѣры ложащихся на него платежей; иногда распредѣляютъ угодья „по скоту“, иногда—„по платежамъ“, но „строго говоря, между распредѣленіемъ сѣнокосовъ по платежамъ и по количеству скота или, какъ выражаются киргизы, „по богатству“, которое также измѣряется скотомъ, не существуетъ рѣзкаго различія“, ибо самые платежи обычно раскладываются на скотъ [4]).

Вотъ приблизительно все, что̀ мы знаемъ о принципахъ распредѣленія земли въ слагающейся киргизской общинѣ. Это—очень мало, но общій смыслъ этихъ принциповъ, общая ихъ тенденція ясна: это—предпочтеніе интересовъ богача-скотовода интересамъ рядовой массы. Киргизская община, по словамъ г. Хворостанскаго, „отбираетъ излишній покосъ отъ одного въ пользу другого, но всегда у бѣдняка въ пользу богача, а не наоборотъ“ [5]). И это предпочтеніе интересовъ богача интересамъ его однообщественника-бѣдняка является, конечно, весьма существенною принципіально особенностью, отличающею не только отмирающій родовой строй [6]), но и слагающуюся киргизскую территоріально-земельную общину отъ типичной русской общины. Основной принципъ этой послѣдней—„принципъ равенства всѣхъ передъ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Кустан. у., 71.
[3]) Кокчет. у., 124—125.
[4]) Тоже, 125.
[5]) Вопросы колонизац., 74.
[6]) См. выше, стр.

землею“ [1]). Въ основѣ землераспредѣлительныхъ порядковъ киргизской общины лежитъ, напротивъ, неравенство, привилегія богача передъ бѣднякомъ,—и ее поэтому если и можно признать за „общину“, то за общину sui generis, которой, можетъ-быть, еще только предстоитъ превращеніе въ общину эгалитарнаго типа. Редакторъ сборника „Вопросы колонизаціи“, О. А. Шкапскій, надѣется, „что уничтоженіе феодализма должно вывести киргизскую общину на тотъ же путь эволюціи, по которому идетъ и русская община“ [2]), — на путь дѣйствительно уравнительнаго распредѣленія земли. Насколько основательна эта надежда, можетъ показать только будущее.

Объ основаніяхъ разверстки земли у другихъ кочевыхъ и полукочевыхъ племенъ имѣется еще гораздо меньше свѣдѣній. Въ частности это приходится сказать о забайкальскихъ бурятахъ. Авторъ монографіи о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ, М. А. Кроль, совершенно исключилъ вопросъ о принципахъ разверстки земли изъ плана своей работы. Весьма близко соприкасающійся съ этимъ вопросомъ вопросъ о податныхъ раскладкахъ подробно обработанъ, правда, въ 15 томѣ забайкальскихъ „Матеріаловъ“, посвященномъ „податямъ и повинностямъ“. Но эта обработка представляетъ чисто-механическую сводку собраннаго изслѣдованіемъ матеріала по волостямъ и вѣдомствамъ; въ этой сводкѣ по цѣлымъ вѣдомствамъ нѣтъ ничего, кромѣ простого упоминанія о „платежныхъ душахъ“ или указанія на то, что свѣдѣній о раскладкахъ „не имѣется“,—и если сводка полна, то приходится признать, что собранный изслѣдованіемъ матеріалъ по данному вопросу крайне неудовлетворителенъ. Поскольку, затѣмъ, можно довѣрять этой сводкѣ, приходится констатировать, что преобладающіе у забайкальскихъ инородцевъ способы раскладки податей, а слѣдовательно, поскольку существуетъ уравнительное землепользованіе, и способы разверстки земли, мало отличаются отъ распространенныхъ у забайкальскихъ крестьянъ. До сихъ поръ еще у нихъ преобладаетъ ревизская раскладка, съ которою конкурируютъ раскладки по наличнымъ душамъ и по работникамъ; кое-гдѣ, и большею частью для внутреннихъ повинностей, примѣняется раскладка по скоту. По двумъ вѣдомствамъ имѣется указаніе на разряды душъ—„наилучшія, среднія, наихудшія“, съ различными нормами обложенія [3]), причемъ группировка основывается на количествѣ скота, рабочемъ составѣ и другихъ признакахъ экономической состоятельности. Въ одномъ случаѣ имѣется указаніе, что „вслѣдствіе разбросанности членовъ одного родового управленія по разнымъ булукамъ или земельнымъ общинамъ, зависимости отъ раскладки податей и по-

---

[1]) *Швецовъ*, Крест. община, 17—18.
[2]) Вопр. колониз., 74.
[3]) Забайкал., XV, 104.

винностей отъ формъ землепользованія не существуетъ“ [1]). Во всемъ остальномъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки установить наличность или отсутствіе такой зависимости, и такимъ образомъ, вопросъ объ основаніяхъ разверстки земли у забайкальскихъ инородцевъ приходится оставить совершенно открытымъ.

Нашъ обзоръ формъ землепользованія у осѣдающихъ кочевниковъ былъ бы неполонъ, если бы мы не остановились на крайне широко распространенныхъ у нихъ свободныхъ, хотя въ видѣ правила объединенныхъ родовою связью, трудовыхъ соединеніяхъ, въ которыхъ общее владѣніе и пользованіе землей такъ или иначе сочетается съ общимъ веденіемъ извѣстныхъ отраслей хозяйства или, иначе, съ общею эксплуатаціей земли. Намъ уже приходилось попутно говорить о такихъ соединеніяхъ; мы говорили о забайкальскихъ поскотинныхъ артеляхъ, о кошеніи сообща, о кòсовыхъ артеляхъ, объ ирригаціонныхъ общинахъ; мы видѣли, что всѣ эти спеціальныя соединенія вызваны чисто хозяйственными условіями, которыя дѣлаютъ обособленное выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ операцій невозможнымъ (оросительныя сооруженія) или невыгоднымъ (городьба, выпасъ табуновъ) и требуютъ соединенія нѣсколькихъ или многихъ хозяйственныхъ единицъ. Чрезвычайно распространены такія соединенія и въ области земледѣлія. О громадной роли, какую они играютъ въ жизни киргизъ, достаточно ясно говорятъ уже цифры: въ Актюбинскомъ уѣздѣ, по даннымъ подворной переписи, пашетъ супрягой 58,6%, въ Кустанайскомъ—61,2% всѣхъ домохозяйствъ; есть цѣлыя старшинства, гдѣ сабанъ *всегда*, безъ исключенія, покупается артелью, и гдѣ нѣтъ ни одного хозяйства съ собственною сохою или плугомъ [2]); супряжныя хозяйства очень распространены даже въ высшихъ по благосостоянію группахъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о недостаткѣ рабочаго скота или средствъ для пріобрѣтенія мертваго инвентаря: въ Кустанайскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ группѣ съ 26—100 лошадьми самостоятельно-пашущіе составляютъ всего 43%, у имѣющихъ болѣе 100 лошадей,—еще меньшій процентъ; супряжныя хозяйства, въ группахъ съ 51—100 и 100—300 лошадьми падая до 16 и 11%, у имѣющихъ свыше 300 лошадей составляютъ до 37,7% всѣхъ хозяйствъ [3]). И какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ хозяйства, такъ и въ области земледѣлія трудовыя соединенія у киргизъ и вообще у кочевниковъ—нѣчто гораздо большее, чѣмъ простая крестьянская супряга: наряду съ чисто экономическими условіями источникъ ихъ въ „склонности киргиза къ несложнымъ, примитивнымъ формамъ

---

[1]) Тоже, 105.
[2]) Актюб. у., 35; Кустан. у., 130—131.
[3]) Кустан. у., 131.

артельнаго труда“ [1]). И киргизы въ этомъ отношеніи не составляютъ какого-либо исключенія,—склонность къ такого рода трудовымъ соединеніямъ свойственна всѣмъ вообще племенамъ, находящимся на извѣстной невысокой ступени культурнаго развитія. По словамъ М. Н. Харузина, она „имѣетъ въ своемъ основаніи какъ коммунистическія начала, лежащія въ первобытномъ обладаніи землей, такъ и тѣсную связь членовъ группы между собой“ [2]); „когда земля занята родомъ, солидарность родичей при переходѣ къ земледѣлію весьма естественно приводитъ къ коллективной обработкѣ земли [3]); и когда, „подъ вліяніемъ медленнаго распаденія родовой хозяйственной единицы, земля, оставаясь по прежнему въ собственности у рода, обрабатывается соединенными силами не всѣхъ сородичей“, а отдѣльныхъ семей,—„воспоминаніе о прежней солидарности въ хозяйственномъ отношеніи еще долго находитъ себѣ выраженіе въ соединеніяхъ родственниковъ для производства сообща обработки участка“ [4]). Если распространенность артельныхъ трудовыхъ соединеній — нѣкоторый пережитокъ первобытной родовой организаціи, то, значитъ, по мѣрѣ удаленія отъ этой послѣдней она должна не расти, а падать; и дѣйствительно, выше мы могли наблюдать постепенное исчезновеніе одной изъ типичнѣйшихъ для осѣдающихъ кочевниковъ формъ артельнаго труда, именно кошенія сообща; очень вѣроятно, что то же предстоитъ и другимъ распространеннымъ у нихъ формамъ трудовыхъ соединеній, и въ частности—пахотнымъ артелямъ.

Какъ бы то ни было, *пока* эти послѣднія пользуются очень большою распространенностью среди осѣдающихъ кочевниковъ и въ частности—среди киргизъ: „гдѣ земледѣльческія занятія,—говоритъ г. Щербина,—привились болѣе или менѣе прочно, и гдѣ поэтому киргизъ самолично старается вести если не всѣ, то хоть нѣкоторыя земледѣльческія работы, послѣднія вылились въ формахъ, характерныхъ вообще для первобытной общины. Въ такихъ случаяхъ киргизы пашутъ и убираютъ хлѣбъ или артелью, или помочами, или при помощи нѣсколько организованнаго общиннаго труда, или, наконецъ, чередуя всѣ эти формы по отдѣльнымъ работамъ“ [5]). Степень объединенія участниковъ артели очень разнообразна; чаще всего, повидимому, „каждый распахиваетъ и засѣваетъ себѣ особый участокъ“, „такъ какъ урожай зависитъ отъ счастья“ [6]),— и тогда комбинація артельнаго и личнаго труда принимаетъ, напр., такой видъ: „сохи артельныя, купленныя на общій счетъ, а бороны каждый хозяинъ заводитъ для себя. Пашутъ помочью, собирая лошадей безразлично по хозяйствамъ, но придерживаются очередей, въ порядкѣ кото-

[1]) Актюб. у., 35.
[2]) *Харузинъ*. Этнографія, т. III., 113.
[3]) Тоже, 104.
[4]) Тоже, 105—106.
[5]) Кокчет. у., 137.
[6]) Кустан. у., 130.

рыхъ и поднимаютъ землю для отдѣльныхъ хозяевъ, а самую величину запашки для отдѣльнаго хозяйства стараются все-таки соразмѣрить съ количествомъ выставленныхъ имъ лошадей; сѣетъ и боронитъ затѣмъ каждый хозяинъ особо; въ уборкѣ же участвуютъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти“ [1]). Въ другихъ случаяхъ артельное соединеніе труда распространяется на *всѣ* стадіи работъ: образуются артели изъ четырехъ, пяти, шести хозяйствъ, которыя „сообща пашутъ, сѣютъ, боронятъ, убираютъ и молотятъ, производя дѣлежъ хлѣба зерномъ“,—въ такомъ случаѣ *„и пашни считаются принадлежащими не отдѣльнымъ домохозяйствамъ, а цѣлой группѣ ихъ“* [2]). Мы видимъ здѣсь, очевидно, полное производительное товарищество, переходящее въ свободную земельную общину-артель. Опять любопытнѣйшій фактъ, бросающій свѣтъ на вопросъ о происхожденіи общины, какъ совмѣстно владѣющаго землей и такъ или иначе распредѣляющаго пользованіе ею союза: намъ уже приходилось видѣть, какъ совмѣстное огораживаніе покосовъ создаетъ у забайкальскихъ бурятъ сѣнокосную общину; мы видѣли, какъ совмѣстный трудъ по устройству основныхъ оросительныхъ сооруженій является началомъ, объединяющимъ ирригаціонную общину; теперь мы видимъ, какъ артельная обработка пашни, въ свою очередь, является основою для совмѣстнаго владѣнія землей,—создаетъ такую организацію землепользованія, при которой пашни „считаются принадлежащими не отдѣльнымъ хозяевамъ, а цѣлой группѣ ихъ“. Все это—частные случаи, которые можно объединить въ одну общую формулу: *община, какъ союзъ, совмѣстно владѣющій и распоряжающійся землею, въ цѣломъ рядѣ случаевъ создается не родствомъ, не сосѣдствомъ, даже не необходимостью урегулированія земельныхъ отношеній и устраненія столкновеній изъ-за земли, а отношеніями, завязывающимися на почвѣ совмѣстнаго веденія тѣхъ или другихъ отраслей хозяйства, совмѣстнаго исполненія тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ операцій* [3]).

---

[1]) Кокчетав. у., 138.

[2]) Кокчетавск. у., 138—139; см. Актюб. у., *п.* 54: „Нѣсколько киргизъ, иногда даже изъ разныхъ ауловъ, составили артель для распашки, и вотъ они вмѣстѣ пашутъ, на одномъ мѣстѣ сѣютъ и вмѣстѣ убираютъ хлѣбъ, благодаря этому все лѣто вмѣстѣ выставляютъ юрты и т. д. Настоящее замѣчаніе,—оговариваетъ редакторъ „примѣчаній“,—относится не только къ этой, но и къ другимъ группамъ, состоящимъ изъ многокибиточныхъ ауловъ“.

[3]) Изъ другихъ кочевыхъ и полукочевыхъ племенъ мы имѣемъ свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу только относительно якутовъ. По свидѣтельству г. Сѣрошевскаго, и у „нихъ въ ходу“ и „очень популярны“ летучіе кооперативные союзы. Но если вѣрить—въ данномъ случаѣ—характеристикѣ г. Сѣрошевскаго, эти послѣдніе гораздо ближе къ русскимъ помочамъ и, повидимому, распространились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ ихъ примѣра. „Замѣчательно,—говоритъ г. Сѣрошевскій,— что всѣ союзы съ ясно-выраженнымъ артельнымъ началомъ: равный трудъ и равное участіе—называются по-русски компанія, хотя у якутовъ есть слово кытыкъ—кытыкасъ, выражающее недурно

Мы закончили, такимъ образомъ, обзоръ и анализъ того матеріала, какимъ мы располагаемъ для характеристики формъ землепользованія какъ у типичныхъ кочевниковъ, такъ и у находящагося въ фазисѣ перехода къ осѣдлости и земледѣлію полукочевого населенія. Мы могли прослѣдить очень сложный процессъ эволюціи этихъ формъ, который у киргизъ останавливается пока на своеобразныхъ формахъ, носящихъ явные слѣды родового и аристократическаго феодализма, у бурятъ же идетъ гораздо дальше, включительно до наиболѣе сложныхъ формъ русской или сибирской земельной общины. И вездѣ мы были въ состояніи прослѣдить тѣснѣйшую связь отдѣльныхъ фазисовъ этой эволюціи съ эволюціей хозяйства и съ измѣненіями опредѣляющихъ характеръ послѣдняго условій,—прежде всего съ густотою населенія и съ обусловливаемою послѣднею степенью простора или „утѣсненія".

Сказаннымъ въ значительной мѣрѣ предрѣшается вопросъ о роли, въ эволюціи земельныхъ отношеній у кочевого и осѣдающаго населенія, разнаго рода внѣшнихъ вліяній. Если эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія происходитъ въ тѣснѣйшей связи съ эволюціею формъ хозяйства, — если каждый шагъ, въ медленномъ ходѣ развитія формъ землевладѣнія и землепользованія, является необходимымъ слѣдствіемъ чисто-хозяйственныхъ отношеній, то этимъ самымъ устраняется необходимость искать объясненія этой эволюціи въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяніяхъ, какъ-то: въ давленіи закона, въ административныхъ воздѣйствіяхъ, во вліяніи податной системы и т. п. И справедливость этого апріорнаго заключенія вполнѣ подтверждается положительнымъ матеріаломъ, касающимся эволюціи кочевого и полукочевого землевладѣнія и землепользованія. Въ самомъ дѣлѣ — законъ? Но поскольку рѣчь идетъ о формахъ *землепользованія*, законъ ограничивается немногими, крайне расплывчатыми постановленіями, которыя не могли ни въ ту, ни въ другую сторону повліять на дѣйствительную, жизненную эволюцію; такъ, сибирскіе кочевые инородцы, въ томъ числѣ буряты, по закону (пол. инор., ст. 34) „для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣніе земли; подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ, по жеребью или другимъ ихъ обыкновеніямъ". У киргизъ собственно

это понятіе. Русскимъ словомъ „гуляй" обозначаютъ они также мірскую помочь, по-якутски кömö. Къ ней прибѣгаютъ или зажиточные люди, могущіе поставить извѣстное „угощеніе", или неимущіе бѣдняки. Послѣдніе кланяются сосѣдямъ въ поясъ, даютъ какой-нибудь небольшой подарокъ: кирпичъ чаю, рубль денегъ..., и если причины, выставленныя просителемъ, были достаточно уважительны, просимые исполняютъ работу безвозмездно на своемъ содержаніи: строятъ домъ, выкашиваютъ лугъ, рубятъ и свозятъ топливо. Для богачей, князей, всякихъ вліятельныхъ въ околодкѣ личностей обычай „помочи" чрезвычайно выгоденъ. Отказать имъ нельзя, а угощеніе у нихъ всегда разсчитано такъ, что оно обходится дешевле найма" (*Сѣрошевскій*, 427—428).

формы землепользованія регулируются двумя статьями—ст. 122 и 127 степн. пол.; согласно одной изъ нихъ, „лѣтнія кочевья остаются въ пользованіи кочевниковъ по обычаямъ“; согласно другой, „земли обрабатываемыя, а равно занятыя постройками и насажденіями, переходятъ по наслѣдству, доколѣ земля воздѣлывается или существуютъ постройки и насажденія“. Едва ли нужно доказывать, что *такого* рода законодательныя постановленія не могли въ какомъ бы то ни было направленіи предрѣшить эволюцію кочевого землепользованія. Попытка такого предрѣшенія сдѣлана законодателемъ по отношенію къ *землевладѣнію* киргизъ: законъ пріурочилъ владѣніе зимовыми стойбищами и обрабатываемыми землями къ созданнымъ русскимъ правительствомъ административнымъ дѣленіямъ—волостямъ и аульнымъ обществамъ, и сдѣлалъ это съ опредѣленною политическою цѣлью — уничтожить исконную родовую связь кочевого населенія. Но достигнувъ до нѣкоторой степени успѣха въ *этомъ*, чисто отрицательномъ, смыслѣ, законъ не сдѣлалъ изъ киргизской волости и административнаго аула земельныхъ единицъ: владѣніе разнаго рода угодьями, въ дѣйствительности, продолжаетъ пріурочиваться къ разнообразнѣйшимъ бытовымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльнаго домохозяйства и кончая болѣе или менѣе обширными и сложными соединеніями селитебныхъ группъ; лишь въ видѣ исключенія административныя, въ частности аульныя границы, совпадаютъ съ границами землевладѣнія,—такое совпаденіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ эти границы, въ изъятіе изъ общаго правила, были приведены въ соотвѣтствіе съ старинными родовыми соединеніями.

Не можетъ быть и рѣчи такаже объ административномъ воздѣйствіи, какъ о факторѣ, сыгравшемъ творческую роль въ эволюціи кочевого землепользованія. Въ обширномъ нашемъ матеріалѣ мы нашли, правда, пару указаній на отдѣльные случаи вмѣшательства администраціи въ распредѣленіе земель у киргизъ,—такимъ вмѣшательствомъ, напримѣръ, иногда вызывалось участіе общины въ надѣленіи „отау“ орошаемой землею; такое же вмѣшательство побудило актюбинскихъ киргизъ составлять письменные приговоры о мѣстахъ, назначаемыхъ для производства распашекъ [1]). На основаніи своихъ личныхъ наблюденій я позволяю себѣ высказать даже предположеніе, а пожалуй, и увѣренность, что случаи такого вмѣшательства были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ можно было бы заключить на основаніи скудныхъ указаній, имѣющихся въ сборникахъ киргизской экспедиціи. Но всѣ такіе случаи, съ одной стороны, относятся къ новѣйшему времени, а съ другой — это именно *случаи*, отдѣльные факты, вліяніе которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть обобщено на весь описанный нами ши-

[1]) См. выше, стр. 154.

рокій и сложный эволюціонный процессъ, или даже на отдѣльные существенные его моменты.

Нельзя установить какой-либо связи между этой эволюціей и установленными дѣйствующимъ закономъ порядками податного обложенія кочевниковъ. Киргизы, напримѣръ, платятъ кибиточную подать, исчисляемую въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ съ каждой „кибитки“ по послѣднему учету и распредѣляемую „по благосостоянію каждаго кибитковладѣльца“ волостными и аульными съѣздами. Прежде всего: можно ли предполагать причинную зависимость между организаціею податного обложенія и формами землепользованія, если полное однообразіе первой уживается съ крайнимъ разнообразіемъ вторыхъ; если распредѣляемая по благосостоянію кибиточная подать свободно мирится и съ безграничною свободою пользованія чистыхъ кочевниковъ, и съ разнообразными формами, носящими болѣе или менѣе рѣзко выраженный уравнительный характеръ, и съ болѣе или менѣе типичнымъ подворнымъ, если не владѣніемъ, то во всякомъ случаѣ пользованіемъ? Далѣе: вѣдь податное обложеніе и разверстка платежей пріурочены, и на этотъ разъ не только номинально, но и *фактически*, къ административнымъ дѣленіямъ, волостямъ и аульнымъ обществамъ; между тѣмъ земельными угодьями владѣютъ и распоряжаются и отдѣльныя домохозяйства, и селитебныя группы, и безконечно разнообразныя соединенія этихъ группъ,—но только *не* тѣ административныя соединенія, которыя являются объектами и субъектами податного обложенія; очевидно отсюда, что земельная связь, поскольку таковая существуетъ, создана чѣмъ угодно, но только не податною связью. Нѣкоторой зависимости между податными и земельными порядками можно искать только въ одномъ отношеніи: можно предполагать, что принципъ раскладки платежей „по благосостоянію“, провозглашенный закономъ, не остался безъ вліянія на принятые у кочевниковъ порядки разверстки земли, при которыхъ „благосостояніе“ играетъ немалую роль. Но въ первомъ изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ едва ли можно видѣть *причину* второго, — вѣрнѣе и въ томъ и въ другомъ видѣть слѣдствія *одной общей причины:* той рѣзкой соціальной дифференціаціи, которая является неразрывнымъ спутникомъ исконнаго родового строя кочевниковъ; эта дифференціація, несмотря на постепенное, констатируемое всѣми изслѣдователями, ослабленіе основъ родового быта, до сихъ поръ продолжаетъ отражаться на способахъ распредѣленія угодій, и этою же дифференціаціей воспользовалось русское правительство для организаціи податной части у кочевниковъ.

Нѣсколько серьезнѣе вопросъ о значеніи *заимствованія*, *подражанія*, въ частности—заимствованія у разселившагося среди кочевниковъ русскаго населенія. Но и этотъ моментъ едва ли могъ имѣть сколько-нибудь существенное значеніе. Правда, въ сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду мы находимъ указаніе на то, что

въ нѣкоторыхъ случаяхъ „киргизы, пользовавшіеся сѣнокосами подворно, пускали ихъ, по совѣту и примѣру крестьянъ, въ общій передѣлъ и производили послѣдній помощью тѣхъ же пріемовъ, которые практиковали крестьяне“ [1]). Въ монографіи М. А. Кроля есть указанія на то, что „кочевники обыкновенно очень медленно переходятъ къ поравненіямъ земельныхъ угодій“, что „русское населеніе обыкновенно идетъ впереди инородцевъ по пути къ поравненію угодій“. Въ другомъ мѣстѣ, отмѣтивъ фактъ, что уравнительныя формы пользованія покосами болѣе распространены у казаковъ-бурятъ, нежели у русскихъ, г. Кроль высказываетъ, что „при нормальномъ ходѣ вещей эти поравненія и передѣлы *должны были бы наступать у бурятъ позже* (курсивъ нашъ. А. К.), нежели у казаковъ-русскихъ“, а распространенность сѣнокосныхъ передѣловъ у тунгусовъ объясняется „тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусы больше поддались вліянію окружающихъ ихъ крестьянъ и казаковъ“ [2]). Однако роль заимствованія, подражанія, и для киргизъ и для забайкальскихъ инородцевъ не слѣдуетъ преувеличивать. Если остановиться сначала на киргизахъ, то нельзя не отмѣтить прежде всего, что первыя крестьянскія поселенія возникаютъ въ Киргизской степи въ 70-хъ г., а болѣе интенсивная крестьянская ея колонизація начинается въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія; что русскія поселенія даже и посейчасъ сгруппированы въ немногихъ и сравнительно не обширныхъ районахъ, главнымъ образомъ по сѣверной окраинѣ степи; огромныя же пространства, можно сказать, цѣлые уѣзды [3]), совершенно лишены русскихъ поселеній. А между тѣмъ эволюція землевладѣнія и землепользованія у киргизъ въ описанномъ выше направленіи продолжается если не вѣка, то многія десятилѣтія, и совершается эта эволюція на всемъ необъятномъ пространствѣ киргизскихъ степей. Съ другой стороны, самый ходъ этой эволюціи настолько своеобразенъ и столь тѣсно связанъ и съ родовымъ прошлымъ киргизъ и съ условіями ихъ быта и хозяйства, что говорить о какомъ-либо заимствованіи рѣшительно не приходится: мнѣ достаточно напомнить о дробленіи пастбищныхъ владѣній, о кошеніи сообща, какъ крайне распространенной первоначальной формѣ пользованія покосами, о подворномъ пользованіи, какъ промежуточной формѣ, стоящей *между* кошеніемъ сообща и уравнительными формами; при наличности послѣднихъ, о роли „старшинства“ при распредѣленіи угодій и о поимущественной ихъ разверсткѣ. Для всего этого киргизы вовсе не могли найти примѣра у своихъ русскихъ сосѣдей, и въ то же время распространенность среди первыхъ коллективныхъ формъ труда въ достаточной мѣрѣ доказываетъ ихъ

---

[1]) Кокчет. у., 127.
[2]) *Кроль*, 157.
[3]) Напр., изъ изслѣдованныхъ экспедиціей Ф. А. Щербины Каркаралинскій, Павлодарскій, Усть-Каменогорскій.

способность къ самымъ высшимъ формамъ общиннаго единства. Если, при такихъ условіяхъ, и бывали отдѣльные факты заимствованія, то это—чистая случайность, не играющая никакой роли въ общей эволюціи киргизскаго землевладѣнія и землепользованія.

Приблизительно то же приходится сказать и о бурятахъ, вообще о забайкальскихъ инородцахъ. Мы приводили выше [1]) цифровыя данныя относительно распространенности уравнительныхъ формъ землепользованія у инородцевъ и сравнивали ихъ съ соотвѣтственными цифрами у русскаго населенія—крестьянъ и казаковъ. Единственный выводъ, какой можно сдѣлать изъ этихъ цифръ,—это *полное отсутствіе какого-либо опредѣленнаго соотношенія между этнографическимъ составомъ населенія и распространенностью общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею*. Если, въ самомъ дѣлѣ, взять процентъ *пашенъ*, состоящихъ въ душевомъ пользованіи, то окажется, что въ восточномъ Забайкальѣ таковыя имѣются только у крестьянъ, у которыхъ, впрочемъ, онѣ тоже составляютъ всего 4,1% всѣхъ пашенъ; у инородцевъ передѣляемыхъ пашенъ нѣтъ—но нѣтъ ихъ и у казаковъ русскаго происхожденія. Въ западномъ Забайкальѣ крестьяне стоятъ на первомъ мѣстѣ, съ 79,8% передѣляемыхъ пашенъ, но казаки русскіе—на послѣднемъ, съ 25,6%, ниже не только крещеныхъ инородцевъ (59%) и казаковъ-бурятъ (45,9%), но даже кочевыхъ инородцевъ съ ихъ 26,5%. Что̀ касается до количества передѣляемыхъ *покосовъ*, то на послѣднихъ мѣстахъ въ обѣихъ половинахъ области стоятъ, правда, кочевые инородцы (55 и 52,4%); но первыя мѣста занимаютъ въ восточной половинѣ области крещеные инородцы (98%), въ западной—казаки-буряты (93,8%) и уже за ними слѣдуютъ крестьяне (91,2 и 92,5%) и казаки русскаго происхожденія (86,0 и 94,6%). Но разъ это такъ, разъ результатъ сравненія едва ли не въ большемъ числѣ случаевъ оказался въ пользу инородцевъ, то едва ли можно думать, чтобы инородцы, какъ таковые, были менѣе склонны къ уравнительному пользованію. Дѣло тутъ, очевидно, не въ происхожденіи, а въ различіи той обстановки, въ которой складывались формы землепользованія разныхъ разрядовъ населенія; у инородцевъ, правда, захватныя формы пока еще болѣе распространены, нежели у русскихъ; но это не потому, что они—инородцы, а потому, что они до сихъ поръ находились въ условіяхъ большаго многоземелья. Не подтверждается положеніе о заимствованіи и обработаннымъ въ монографіи г. Кроля описательнымъ матеріаломъ. Въ этомъ послѣднемъ нѣтъ *ни одного* фактическаго указанія относительно заимствованія инородцами уравнительныхъ формъ у русскаго населенія. По апріорнымъ же соображеніямъ сколько-нибудь широкое заимствованіе чрезвычайно мало-вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, заимствованіе извнѣ проявилось бы въ рѣзкомъ

[1]) Стр. 148 и 156.

переходѣ отъ какой-либо одной опредѣленной формы пользованія къ другой, не менѣе опредѣленной формѣ, органически не связанной съ предыдущею; о заимствованіи можно бы было говорить, напримѣръ, если бы инородческая община, еще вчера державшаяся чистаго захвата, сегодня постановила приговоръ о передѣлѣ всѣхъ угодій. Трудно, даже невозможно, предполагать заимствованіе тамъ, гдѣ переходъ совершается со строгою постепенностью, гдѣ община, прежде нежели принять чисто-душевую форму, проходитъ чрезъ длинный рядъ промежуточныхъ формъ, каждая изъ которыхъ едва замѣтно отличается отъ предыдущей и находится съ нею въ органической связи. Между тѣмъ, именно такими чертами, какъ мы видѣли, обрисовывается эволюція инородческаго землепользованія въ Забайкальѣ: по отношенію къ покосамъ отъ вольнаго пользованія къ ежегоднымъ передѣламъ или отъ вольнаго же пользованія, черезъ своеобразную стадію поскотинныхъ общинъ и черезъ чистый захватъ, къ ограниченному захвату и „поравненіямъ“, или, наконецъ, отъ чистаго захвата къ частнымъ и общимъ „поравненіямъ“. Столь же естественно шелъ переходъ къ „поравненіямъ“ и передѣламъ пахотныхъ земель, съ одной стороны, отъ чистаго захвата, съ другой—отъ своеобразной формы кратковременнаго захвата, по существу сходной съ вольнымъ пользованіемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ совершенно невозможно найти моментъ, въ который могло послѣдовать заимствованіе, и можно утверждать, что если таковое и имѣло мѣсто, то никакъ не въ чемъ-либо существенномъ, а развѣ лишь въ какихъ-нибудь подробностяхъ, касающихся, напримѣръ, техники передѣловъ. Впрочемъ, даже и здѣсь широкая роль заимствованія мало вѣроятна; такъ заставляетъ думать примѣръ Кударинской сложной инородческой общины, гдѣ издавна выработались болѣе сложные способы распредѣленія угодій между селеніями и обществениками, нежели въ какой-либо изъ русскихъ общинъ Забайкалья, и притомъ по существу сходные съ принятыми въ русскихъ общинахъ.

ГЛАВА V.

Будущее кочевого землепользованія.

(Землевладѣніе и землепользованіе на Кавказѣ).

Въ предыдущихъ главахъ я покончилъ съ обзоромъ кочевыхъ и полукочевыхъ формъ хозяйства и тѣсно связанныхъ съ ними формъ землепользованія, и долженъ теперь перейти къ обзору формъ землевладѣнія и землепользованія, сопутствующихъ осѣдлому быту и земледѣльческому хозяйству. Главнымъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія будетъ, само собою разумѣется, эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія у русскаго крестьянства. Но предварительно я считаю необходимымъ посвятить особую главу осѣдлому *нерусскому* населенію нѣкоторыхъ окраинъ, у котораго и хозяйство, и формы землепользованія стоятъ въ непосредственной генетической связи съ соотвѣтственными явленіями и формами у полукочевого и кочевого населенія тѣхъ же окраинъ. Землепользованіе и хозяйство осѣдлаго населенія Кавказа, въ частности Закавказья и Туркестана,—это то будущее, къ которому идутъ киргизы района искусственнаго орошенія и закавказскіе кочевники. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ въ данномъ случаѣ весьма недостаточнымъ матеріаломъ: въ Туркестанѣ вовсе не было ничего похожаго на обширныя мѣстныя изслѣдованія, данныя которыхъ легли въ основу предшествующихъ главъ, а потому вопроса о землевладѣніи и землепользованіи осѣдлаго населенія Туркестанскаго края я вовсе не буду касаться. Для Кавказа и Закавказья мы располагаемъ матеріаломъ двоякаго рода: этнографическими данными, сведенными и использованными, главнымъ образомъ, въ работахъ М. М. Ковалевскаго и Ѳ. И. Леонтовича, и результатами мѣстнаго изслѣдованія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ, обработанными въ двухъ работахъ г. Егіазарова [1]). Касающіяся горскаго населенія работы гг. Ковалевскаго и Леонтовича обрисовываютъ преимущественно родовыя и сословныя отношенія среди горцевъ, относительно же формъ владѣнія и пользованія землею даютъ скорѣе общіе намеки, нежели ясныя

[1]) См. примѣчаніе на стр. 7.

и точныя указанія. Данныя мѣстнаго изслѣдованія быта государственныхъ крестьянъ Закавказья, будучи количественно достаточно богатыми, въ качественномъ отношеніи далеко уступаютъ даннымъ тѣхъ источниковъ, которые использованы въ предшествующихъ главахъ.

Само собою разумѣется, что я не имѣю возможности предпослать настоящей главѣ сколько-нибудь подробной характеристики хозяйства, какое существуетъ у осѣдлаго населенія Кавказа и Закавказья. Я не могу, однако, не остановить вниманія читателя на одномъ основномъ моментѣ, сильнѣйшимъ образомъ вліяющимъ на общій строй какъ хозяйства, такъ и землепользованія населенія кавказской окраины,—именно на вліяніи *рельефа* страны. Существеннѣйшею особенностью Кавказа и Закавказья является крайнее разнообразіе рельефа, при сравнительно значительной, притомъ, густотѣ населенія; благодаря этому послѣднему обстоятельству, населенію пришлось размѣститься не въ одной только низменной, жаркой полосѣ—полосѣ поливного хозяйства (какъ размѣстилось, напримѣръ, осѣдлое населеніе Туркестана), но и по предгорьямъ, и по склонамъ заполняющихъ страну многочисленныхъ горныхъ хребтовъ. Отсюда—крайнее разнообразіе типовъ сельскохозяйственнаго производства. „Разнообразіе орографическаго устройства поверхности,—читаемъ мы, напримѣръ, въ трудахъ Эриванскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—климатовъ и почвъ вызываетъ то, что въ губерніи есть мѣстности, гдѣ возможны только посѣвы яровыхъ хлѣбовъ—ячменя и пшеницы, а въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія, въ долинахъ, произрастаютъ самыя нѣжныя растенія, свойственныя подтропическому климату. Въ общемъ, однако, все многочисленное разнообразіе посѣвовъ и культуръ можетъ быть, съ разными промежуточными переходами, сведено къ тремъ крупнымъ полосамъ: нагорной, гдѣ производятся зерновые хлѣба и занимаются скотоводствомъ; средней, гдѣ къ занятіямъ нагорной полосы присоединяется садоводство и посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ, при чемъ часть земли искусственно орошается, и низменной, съ южными культурами хлопка, риса, винограда, арбузовъ и дынь, шелководства, табаку, кунжута, клещевины, а также озимой пшеницы и посѣвныхъ травъ, при чемъ всякая культура въ этой полосѣ возможна лишь при условіи искусственнаго орошенія. Приведенная характеристика справедлива для всего восточнаго Закавказья; отдѣльные уѣзды и губерніи различаются, главнымъ образомъ, преобладаніемъ въ однихъ уѣздахъ и губерніяхъ мѣстностей горнаго типа, въ другихъ—предгорій средней полосы, въ третьихъ—низменностей, съ ихъ исключительно поливнымъ хозяйствомъ и интенсивными культурами“ [1]). Къ этимъ тремъ полосамъ, въ интересахъ полноты изложенія, надо добавить еще четвертую, именно альпійскую по-

[1]) Труды комит. о нужд. с. х. промышл., Закавк. кр., 614.

лосу, уже вовсе непригодную или, во всякомъ случаѣ, не эксплуатируемую [1]) для земледѣльческаго хозяйства, а служащую исключительно лѣтнимъ пастбищемъ для кочевниковъ, а частью и для осѣдлаго населенія края. На аналогичныя три или четыре высотныхъ полосы можетъ быть распредѣлено и западное Закавказье—Кутаисская губернія. Но совершенно особенный характеръ климата западнаго Закавказья, отличительнымъ свойствомъ котораго является уже не недостатокъ, а избытокъ влаги, исключаетъ всякую необходимость въ искусственномъ орошеніи и налагаетъ своеобразный отпечатокъ на все хозяйство въ каждой изъ высотныхъ полосъ. Низменная полоса „представляетъ рядъ равнинъ съ глубокими, болѣе или менѣе плодородными, мѣстами затопляемыми почвами. Это—полоса полевого хозяйства, въ которой на ряду съ кукурузой и зерновыми хлѣбами, табакомъ, суходольнымъ рисомъ и пр. могла бы развиваться культура бамбука, американскихъ лозъ для продажи чубуковъ, корзиночной ивы и многихъ другихъ мѣстныхъ растеній. Низменная полоса постепенно переходитъ въ холмистую. Разнообразные склоны, всевозможныя экспозиціи при обиліи тепла и влаги, и самый характеръ землевладѣнія въ губерніи предназначаютъ эту полосу для цѣнныхъ растеній. Здѣсь, ближе къ морю, должны развиваться культуры чайнаго куста, апельсиновъ, мандариновъ, субтропическихъ полезныхъ растеній и пр.; далѣе къ востоку—виноградарство и винодѣліе, плодоводство, мѣстами культура оливокъ. Приблизительно на высотѣ 2000 футовъ холмистая полоса переходитъ въ нагорную—въ полосу зерновыхъ хлѣбовъ, лѣсовъ и альпійскихъ пастбищъ“ [2]), которая незамѣтно сливается съ соотвѣтственною полосой восточной части края и по существу своему отъ нея мало отличается.

Посмотримъ теперь, что̀ такое сбщина у кавказскихъ горцевъ и закавказскихъ крестьянъ. Крайне характерно прежде всего то, что какъ у первыхъ, такъ отчасти и у вторыхъ, мы встрѣчаемся не только съ ясными слѣдами, но даже съ вполнѣ сохранившимися остатками *родовой* общины, которая, какъ подчеркиваетъ М. М. Ковалевскій, комбинируется и совмѣщается съ самыми разнообразными формами землепользованія. „Кочевой бытъ кавказскихъ горцевъ,—говоритъ г. Ковалевскій,—долженъ быть отнесенъ къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому: а такъ какъ родовое устройство и связанные съ нимъ порядки нераздѣльнаго земельнаго владѣнія продолжаютъ держаться и до сихъ поръ, то необходимо будетъ признать, что переходъ къ осѣдлости не сопровождался у нихъ полнымъ упадкомъ родовой организаціи и аграрнаго коммунизма [3]). Однако родовая организація и аграр-

[1]) Смыслъ этой послѣдней оговорки въ томъ, что граница площадей, используемыхъ исключительно какъ пастбища, не вполнѣ совпадаетъ съ климатическою границей земледѣлія.

[2]) Тоже, 16.

[3]) *Ковалевскій*, Законъ и обычай на Кавказѣ, I, 58.

ный коммунизмъ—далеко не синонимы: кавказская этнографія,—говоритъ далѣе М. М. Ковалевскій [1]),—учитъ, что при родовомъ устройствѣ одинаково возможны и такіе порядки, при которыхъ нѣтъ другой земельной собственности, кромѣ племенной, и такіе, при которыхъ земля составляетъ достояніе отдѣльныхъ родовъ или ихъ соединеній—братствъ". Мало того, „сосредоточеніе ея въ рукахъ родовыхъ группъ нимало не препятствуетъ выдѣленію извѣстныхъ участковъ земли, усадебной и пахотной, въ обособленное владѣніе не частныхъ семей, а дворовыхъ общинъ, пользующихся ею на началахъ семейнаго коммунизма". Съ другой стороны, данныя той же кавказской этнографіи, „какъ нельзя лучше доказываютъ вѣрность положенія Маурeровской теоріи, что характеръ собственности зависитъ отъ топографіи занятой племенемъ мѣстности"; и къ этому положенію, справедливость котораго подтверждается всѣмъ нашимъ предыдущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ, г. Ковалевскій прибавляетъ поясненіе, которое, напротивъ, скорѣе опровергается приводимыми въ дальнѣйшемъ данными: „что на плоскости племенная и общеродовая собственность находитъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія, чѣмъ въ горныхъ мѣстностяхъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ простора, дворовая, если не частная собственность является общимъ правиломъ" [2]). И забѣгая нѣсколько впередъ, отмѣтимъ другой существенно важный выводъ М. М. Ковалевскаго: „мы встрѣчаемъ,—говоритъ онъ,—у черкесовъ и кабардинцевъ существованіе племенной, братской и родовой собственности на землю и рядомъ съ этимъ господство переложной системы хозяйства—этой первобытнѣйшей формы земледѣлія; и въ то же время передѣлы, возобновляемые въ разъ навсегда опредѣленные сроки, совершенно неизвѣстны этимъ народностямъ". То же самое у чеченцевъ и ингушей, и такимъ образомъ „данныя кавказовѣдѣнія являются новымъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые установлены сравнительной этнографіею, доказывающею, что на низшихъ ступеняхъ общественности мѣсто сельской общины съ періодически передѣляемыми полями занимаетъ община семейная, чуждая передѣловъ и придерживающаяся началъ полнаго имущественнаго коммунизма, не только въ сферѣ производства, но и потребленія" [3]).

Въ Закавказьѣ мы встрѣчаемся уже только съ остатками и слѣдами родовой общины. Особенно характернымъ въ данномъ отношеніи является Тіонетскій горный районъ, Тифлисской губерніи, гдѣ 207 селеній образуютъ, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, 21 родовое общество. „Большинство общинъ Тіонетскаго уѣзда, по своей внутренней организаціи, принадлежитъ или же

[1]) Тоже, 53.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тоже, 64.

къ простымъ родовымъ общинамъ, или къ родовымъ волостнымъ": четыре пшавскихъ общества занимаютъ территорію въ 62 кв. версты, т.-е. площадь, бо́льшую чѣмъ многія изъ еще недавно существовавшихъ мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ. „Родовыя начала, покоющіяся на общности происхожденія, до того прочны, что ни разрастаніе главной родовой общины въ волостную или племенную, ни насильственныя мѣры администраціи, расчленяющей эти волостныя общины съ цѣлью организаціи сельскихъ обществъ, не въ состояніи не только подорвать, но даже ослабить ту моральную связь, которая соединяетъ всѣ общины, принадлежащія къ одной волости или племени, въ одну обширную братскую общину... Даже тѣ родовичи, которые покидаютъ родину и водворяются на чужбинѣ, не перестаютъ считаться членами своей родовой общины,— они сохраняютъ за собой не только право возвращенія въ общину, но и право пользованія общинными угодьями, даже во время пребыванія своего на чужбинѣ" [1]). Родовая община—это дѣйствительно союзъ кровныхъ родственниковъ, людей, имѣющихъ одного общаго, всѣмъ извѣстнаго родоначальника: члены такой общины не вступаютъ другъ съ другомъ въ бракъ, не крестятъ другъ у друга и т. д. [2]). Закавказская родовая община — это не только родственная, но и религіозная и административная община: она имѣетъ своего святого покровителя, свой образъ, имѣетъ посвященныя этому образу и молельнѣ земельныя угодья, имѣетъ свои, торжественно справляемые, храмовые праздники. Родовая община имѣетъ свои общественно-административныя власти, имѣетъ свой судъ, мѣра власти котораго достигаетъ до изгнанія изъ рода, связаннаго съ конфискаціей земельныхъ угодій. У нея имѣются свои сходы, образующіеся по восходящимъ общественнымъ единицамъ: „сходы селенія или рода завѣдуютъ своими сельскими или родовыми дѣлами самостоятельно, но они не имѣютъ права прекословить передъ своимъ волостнымъ сходомъ, а послѣдній, въ свою очередь, долженъ сообразоваться съ постановленіемъ областного схода". Но, что̀ для насъ, конечно, самое важное—родовая община есть и земельно-хозяйственная единица. Ея населеніе „считаетъ всѣ земельныя угодья собственностью всѣхъ селеній волости, и каждый домохозяинъ — полноправный участникъ во всѣхъ угодьяхъ. Въ силу общности земли, каждый домохозяинъ въ правѣ потребовать себѣ надѣлы въ любой изъ дачъ, принадлежащихъ селеніямъ, составляющимъ одну общину; земля разверстывается между отдѣльными селеніями уравнительно и пропорціонально числу домовъ въ каждомъ изъ нихъ", при чемъ, однако, „общность угодій не исключаетъ возможности владѣть извѣстными участками на правѣ исключительнаго и наслѣдственнаго владѣнія". Независимо отъ этого (или, точнѣе, въ тѣснѣйшей связи съ этимъ)

---

[1]) Закавказ., II, 389.
[2]) Тоже, 390.

„въ тіонетскихъ родовыхъ общинахъ, какъ это практиковалось въ древне-германской маркѣ, не возбраняется путемъ заимки изъять изъ общиннаго лѣса извѣстный участокъ для своего личнаго пользованія“ [1]).

Въ чистомъ своемъ видѣ, закавказская родовая община сохранилась, повидимому, только въ одномъ этомъ глухомъ горномъ уголкѣ. Изслѣдованіе говоритъ, правда, объ остаткахъ родовой общины также и въ нѣкоторыхъ нагорныхъ мѣстностяхъ Кутаисской губерніи, но это—уже скорѣе хозяйственныя артели, объединенныя родовою связью, нежели настоящія родовыя *общины*, въ смыслѣ единицъ владѣнія и пользованія землею. А затѣмъ и здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ Закавказьѣ, семейно-родовая община „распадается, переживая свои послѣдніе дни“ [2]). Въ восточномъ Закавказьѣ, напр. въ Эриванской губерніи, „въ старину и даже лѣтъ 30—40 назадъ (значитъ, въ серединѣ XIX вѣка! А. К.) крестьяне жили большими семейными общинами, но благодаря частымъ семейнымъ раздѣламъ, патріархальная семья распалась“,— въ эпоху мѣстнаго изслѣдованія „такія семьи сохранились только у кочевниковъ-езидовъ“ [3]). И такое разложеніе семейно-родовой общины явилось результатомъ частью внутреннихъ, частью внѣшнихъ причинъ. Кавказская родовая община „обязана своимъ происхожденіемъ и распаденіемъ двумъ противоположнымъ началамъ семейнаго права: господствующему нынѣ началу равнаго раздѣла всякаго рода наслѣдствъ, съ одной стороны, и исключительно существовавшему нѣкогда началу нераздѣльности родовой семейной собственности—съ другой. Исходъ происходящей на нашихъ глазахъ борьбы двухъ началъ между собой не заставитъ себя долго ждать,—окончательная побѣда, въ недалекомъ будущемъ, перваго надъ вторымъ безусловно погубитъ и семейно-родовую общину“ [4]). Внѣшнія причины распаденія родовой общины— это, прежде всего, вмѣшательство администраціи, которая и на Кавказѣ боролась съ родовыми организаціями, усматривая въ нихъ политическую опасность. Чтобы обезсилить родовыя организаціи, администрація „при организаціи сельскихъ обществъ старалась сколотить расчлененныя родовыя общины въ одно сельское общество“. Но само по себѣ воздѣйствіе администраціи и здѣсь оказалось безсильнымъ бороться съ жизнью: „въ сложныхъ сельскихъ общинахъ отдѣльные роды еще долго сохраняютъ свою независимость, фигурируя какъ обособленныя экономическія и общественныя единицы“ [5]). Гораздо опаснѣе для семейно-родовой общины другое: постепенное вторженіе въ ея среду постороннихъ элементовъ, частью выдѣляющихся изъ нея самой, частью проникаю-

[1]) 390—394.
[2]) Тоже, I, 168.
[3]) I, 19.
[4]) I, 168.
[5]) II, 394—395.

щихъ въ нее извнѣ. „Въ деревняхъ, совмѣстно съ крестьянами, живутъ, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, и владѣютъ землею лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ". Это, прежде всего, „туземное дворянство—мелики, беки и вообще лица, пріобрѣтшія дворянство или почетное гражданство на государственной службѣ; за дворянствомъ слѣдуетъ сельское духовенство; наконецъ, слѣдуютъ представители купечества, которые путемъ пріобрѣтенія поземельной собственности проникаютъ въ сельскія общества" [1]) или же выдѣляются изъ среды крестьянства, сохраняя за собою право владѣнія наслѣдственною землею или долею въ общественной землѣ.

Посторонніе въ средѣ закавказской общины—источникъ постоянныхъ распрей и недоразумѣній. Съ одной стороны, если не всѣ поголовно посторонніе, то, во всякомъ случаѣ, всѣ сельскіе дворяне или лица, претендующія на дворянство, всѣми силами стремятся выдѣлиться изъ общины и захватить какъ можно больше земли въ свою личную собственность, прибѣгая для этой послѣдней цѣли къ разнообразнѣйшимъ фиктивнымъ искамъ, лжесвидѣтельствамъ, подложнымъ документамъ и т. п. [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго рода посторонніе, и въ особенности дворяне, уклоняются отъ всякаго рода податей и повинностей; „впрочемъ,—замѣчаетъ изслѣдованіе,—въ послѣднее время общинамъ удается путемъ угрозы лишеніемъ надѣла привлекать дворянъ къ несенію податей, связанныхъ съ владѣніемъ государственною землею" [3]). Конечно, общины стараются наложить руки и на земли постороннихъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые лично не обрабатываютъ земли, и самое стремленіе постороннихъ къ укрѣпленію за собою права собственности на землю является, въ значительной мѣрѣ, не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ оградить себя отъ такого рода посягательствъ общинъ [4]). Въ какой мѣрѣ, затѣмъ, обоснованы юридически ихъ притязанія,—это вопросъ, который для насъ не представляетъ интереса. Намъ достаточно подчеркнуть, что обусловливаемый присутствіемъ постороннихъ всесословный или безсословный характеръ закавказской сельской общины не только не составляетъ какого-либо особаго преимущества этой послѣдней, но, напротивъ, является для нея источникомъ безконечныхъ неудобствъ и недоразумѣній.

Обращаясь теперь собственно къ формамъ землевладѣнія и землепользованія, существующимъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, мы должны констатировать и здѣсь ту же строжайшую зависимость этихъ формъ отъ топографическихъ и хозяйственныхъ условій,—зависимость, рѣзко отражающуюся уже на самомъ разселе-

---

[1]) III, 1—2, I, 3—7.
[2]) III, 6—7.
[3]) Тоже, 4.
[4]) Тоже, 3.

нiи жителей отдѣльныхъ мѣстностей и районовъ. Рѣзкій примѣръ представляетъ собою тотъ же Тіонетскій уѣздъ. „Болѣе или менѣе многолюдныя селенія попадаются лишь въ низменной части уѣзда; по мѣрѣ удаленія въ горы, система сельскихъ поселеній переходитъ въ подворную: изъ 207 селеній 84—или небольшіе поселки, заключающіе въ себѣ отъ 2 до 12 дворовъ, или отдѣльные дворы, расположенные на самыхъ крутыхъ склонахъ горъ". И это совершенно понятно: въ горахъ „почти нѣтъ большихъ сплошныхъ пространствъ пахотной земли, на которыхъ могли бы существовать большія селенія; на небольшихъ же участкахъ пахоты, разбросанныхъ по склонамъ горъ, могутъ основать осѣдлость лишь поселки, или отдѣльные дворы и хутора" [1]). Вообще, „въ гористыхъ странахъ, гдѣ плодородныя земли разбросаны небольшими участками по крутизнамъ горъ, система сельскихъ поселеній невозможна, ибо для ихъ существованія необходимо требуются сравнительно большія пространства удобныхъ для обработки земель" [2]).

Относительно формъ пользованія землею у горскихъ народовъ наши источники даютъ, какъ я упоминалъ, скорѣе намеки, нежели точныя указанія. Для всей населенной картвельскимъ племенемъ Пшавіи, Тушетіи и Хевсуретіи, М. М. Ковалевскій констатируетъ „широкое господство старозаимочнаго землевладѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ „ахо" [3]). То же самое и у черкесъ: „каждый черкесскій дворъ въ правѣ занять столько земли, сколько ему нужно для посѣва и выпаса своихъ стадъ, но распорядиться захваченнымъ участкомъ въ формѣ продажи или даренія онъ не можетъ" [4]). Подобныя же указанія мы находимъ и въ работахъ Ѳ. И. Леонтовича: въ Чечнѣ, напримѣръ, „каждый пришлецъ или туземецъ имѣетъ право вырубить себѣ участокъ лѣса и поселиться на расчищенной имъ землѣ",—„мѣсто, приготовленное и воздѣланное его трудомъ, становится его частною, неотъемлемою собственностью"; у черкесъ „каждое семейство беретъ себѣ земли, сколько ему нужно для запашки", сама же земля „принадлежитъ не лицу, но цѣлому обществу" [5]).

Значитъ, трудовая заимка дикой неразработанной земли—и здѣсь первоначальный способъ возникновенія отношеній отдѣльнаго человѣка или отдѣльной семьи къ землѣ. Но неяснымъ остается юридическій характеръ заимки: по однимъ изъ приведенныхъ указаній, заимка создаетъ нѣчто въ родѣ простого пользованія—принадлежитъ земля „не лицу, а обществу"; по другимъ она создаетъ „старозаимочное землевладѣніе"; по третьимъ—даже „частную, неотъемлемую собственность" или „дворовую собствен-

[1]) II, 388—399. *Егіазаровъ*, 210.
[2]) I, 162.
[3]) *Ковалевскій*, Зак. и обыч., I, 269.
[4]) Тоже, 59.
[5]) Адаты, I, 175, II, 80.

ность", какъ будто бы исключающую всякое общинное право [1]). Указанія этой послѣдней категоріи преобладаютъ у изслѣдователей быта кавказскихъ горцевъ, и преобладаніе прочнаго подворнаго владѣнія приводится въ непосредственную связь съ общими условіями землепользованія и хозяйства кавказскихъ горцевъ. „Рѣдкость годной для обработки земли,—говоритъ, напр., М. М. Ковалевскій,—и необходимость большой, относительно, затраты капитала и труда на ея воздѣлываніе—причины тому, что способная къ утилизаціи площадь находится у нихъ всецѣло въ подворномъ владѣніи, и нераздѣльную собственность одного или нѣсколькихъ родовъ составляютъ только пастбища и лѣса" [2]).

Однако, въ работахъ того же М. М. Ковалевскаго и Ѳ. И. Леонтовича мы находимъ не мало указаній, заставляющихъ усомниться въ наличности у кавказскихъ горцевъ настоящей личной, дворовой или подворной *собственности* и позволяющихъ подвести наблюдаемыя среди нихъ первобытныя формы пользованія подъ тѣ же типы вольнаго захвата, заимки, какъ формы землепользованія, какіе намъ пришлось уже наблюдать у осѣдающихъ кочевниковъ и какіе намъ придется изучать у русскихъ крестьянъ многоземельныхъ и рѣдко населенныхъ мѣстностей. „Изъ разспроса стариковъ,—говоритъ, напр., г. Ковалевскій въ одномъ мѣстѣ,—я узналъ, что еще недавно землевладѣніе въ Пшавіи представляло любопытное сочетаніе племенной, родовой и нераздѣльно-семейной собственности". Въ частности, „пахотныя земли оставались помимо всякихъ передѣловъ въ наслѣдственномъ обладаніи нераздѣльныхъ семей, на началахъ старозаимочнаго землевладѣнія. „Ахо", или заимка, предполагающая корчеваніе лѣса, возникала помимо всякаго разрѣшенія съ чьей бы то ни было стороны. *Собственность на нее сохраняема была до тѣхъ поръ, пока продолжалась сельскохозяйственная эксплуатація*" [3]) (курс. мой. А. К.). Очевидно прежде всего, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть о *собственности*,—какая же это *собственность*, которая „сохраняется до тѣхъ поръ, пока продолжается сельскохозяйственная эксплуатація"?.. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ не о собственности и даже не о старозаимочномъ владѣніи, а просто о вольной заимкѣ, которая возникала на почвѣ не частноправового титула, а „воззрѣнія на заимку, какъ на дѣйствіе, каждый разъ разрѣшаемое предварительно родами и общинами", на почвѣ „признанія за послѣдними права собственности на всю способную къ утилизаціи, но не утилизуемую землю"; право свободной заимки—это *не общечеловѣческое*, а *общинное* право, принадлежащее исключительно членамъ данной общины. Только этимъ, справедливо полагаетъ М. М. Ковалевскій,

---

[1]) *Ковалевскій*, Зак. и обыч. на Кавк., I, 44, II, 55; Совр. обыч. и древн. зак., I, 135.

[2]) *Ковалевскій*, Зак. и обыч. на Кавк., I, 61.

[3]) Тамъ же, 24 и 84.

можно объяснить такое распространенное среди горцевъ явленіе, какъ покупка земли: оно было бы немыслимо, „если бы въ Осетіи было извѣстно право заимки всей не состоящей въ эксплуатаціи земли, если бы пригодные къ хлѣбопашеству пастбищные участки могли быть заняты каждымъ нуждающимся въ нихъ пахаремъ". То же самое у горцевъ Дагестана и лезгинъ Закатальскаго округа: у тѣхъ и у другихъ „совмѣстное владѣніе пастбищами и лѣсами встрѣчается бокъ-о-бокъ съ подворною собственностью (мы уже знаемъ, что это выраженіе должно быть принимаемо cum grano salis. А. К.) въ примѣненіи къ пахоти и лугамъ; никто не въ правѣ дѣлать заимки въ общинной пустоши и лѣсѣ, не получивъ на то предварительнаго согласія всей общины" [1]). Та же картина у чеченцевъ лѣсо-горной Чечни: „періодическій передѣлъ пашни на подымные паи, ежегодный раздѣлъ луговъ, нераздѣльное пользованіе выгонами и лѣсомъ"; и тутъ же рядомъ „признаніе расчищенныхъ участковъ собственностью семействъ, производившихъ расчистку" [2]). И какъ заимочное пользованіе кавказскихъ горцевъ сходно съ таковымъ же пользованіемъ у русскихъ крестьянъ по своимъ проявленіямъ и формамъ, такъ оно сходно съ нимъ и въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ: „въ Хевсуретіи, Пшавіи, Тушетіи одинаково указываютъ на трудъ, какъ на одинъ изъ титуловъ пріобрѣтенія собственности, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ ни кѣмъ еще не присвоенной земельной площади" [3]). Мы видѣли, что это мнимое право собственности не только начинается, но и прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ трудовой затраты. А изъ изданныхъ проф. Леонтовичемъ „адатовъ" мы знаемъ—тоже, правда, только въ видѣ намека,—что формы землевладѣнія и пользованія землею у кавказскихъ горцевъ эволюируютъ въ зависимости отъ возрастанія населенія: „быстро возросшее народонаселеніе, показавши цѣнность пахотныхъ мѣстъ, ограничило само собою общее право каждаго владѣть угодьями" [4]).

У государственныхъ крестьянъ Завказскаго края дѣло уже далеко ушло отъ первоначальной заимки. Если попытаться дать общее обозначеніе господствующему у нихъ типу землевладѣнія и землепользованія, то для всего восточнаго Закавказья придется признать этотъ типъ если не общиннымъ въ привычномъ намъ великорусскомъ смыслѣ, то „подворно-общиннымъ", при чемъ слово „подворный", какъ выяснится изъ нашего дальнѣйшаго изложенія, надо также понимать въ нѣсколько особомъ, условномъ смыслѣ. Въ Тифлисской губерніи „цѣлый рядъ угодій, каковы усадебная, садовая и присельная пахоть, находится въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, а прочими землями, какъ-то: болѣе удаленною отъ селеній

---

1) *Ковалевскій*, Зак. и обыч., I, 62.
2) *Якушкинъ*, Об. право, 248.
3) *Ковалевскій*, Зак. и обыч., I, 162.
4) *Леонтовичъ*, Адаты, II, 79.

пахотью и подспорными угодьями, крестьяне владѣютъ на общинномъ основаніи [1]). Въ Эриванской губерніи „въ подворномъ владѣніи, сверхъ усадебной земли, находятся всѣ огороженныя мѣста, куда относятся виноградники, сады, искусственно насажденныя рощи, огороды и іонджалыки“—долголѣтнія насажденія люцерны; „всею остальною массою земельныхъ угодій (значитъ, въ отличіе отъ Тифлисской губерніи, повидимому, и присельною пахотью! А. К.) крестьяне владѣютъ на общинномъ правѣ“ [2]). Въ тѣснѣйшей, однако, связи съ особенностями хозяйства въ трехъ высотныхъ полосахъ, эти полосы рѣзко различаются между собою и по характеру землевладѣнія, по степени преобладанія общинной или подворной формы. „Въ первой, жаркой полосѣ, огороженныя мѣста, а слѣдовательно, и подворное владѣніе, обнимаютъ почти половину находящихся во владѣніи крестьянъ угодій. Въ предгорной полосѣ площадь огороженныхъ подворныхъ участковъ нѣсколько уменьшается. Наконецъ, въ нагорной полосѣ, гдѣ садоводство вслѣдствіе суровости климата развиваться не можетъ, общинное землевладѣніе рѣшительно преобладаетъ надъ подворнымъ. Здѣсь въ подворномъ владѣніи находится только усадебная и огородная земля, всею же массою прочихъ угодій крестьяне владѣютъ на общинномъ правѣ“ [3]).

Такимъ образомъ, подвигаясь въ направленіи съ горъ въ долины, мы можемъ воочію наблюдать распаденіе закавказской общины, по крайней мѣрѣ, поскольку таковая является землеуравнивающимъ или передѣльнымъ союзомъ. Но тотъ же процессъ мы можемъ наблюдать не только въ пространствѣ, но и во времени. „Распаденіе общины,—говоритъ г. Егіазаровъ,—идетъ концентрическими кругами: изъ общиннаго владѣнія путемъ огораживанія изъемлются на первыхъ порахъ самыя цѣнныя въ экономическомъ отношеніи угодья; затѣмъ пространство огороженныхъ и, стало-быть, подворныхъ участковъ расширяется на счетъ болѣе отдаленной пахоти. Вслѣдствіе этого, при каждомъ новомъ передѣлѣ въ разверстку поступаетъ все меньшее и меньшее пространство пахотной земли“. Есть селенія, гдѣ „вслѣдъ за послѣднимъ передѣломъ земли всѣ домохозяева загородили свои полевые участки, и въ настоящее время дачи такихъ селеній представляетъ собою какъ бы одну сплошную усадьбу“. „Такая участь—замѣчаетъ по этому поводу г. Егіазаровъ—ожидаетъ любую сельскую общину жаркой полосы“ [4]).

Значитъ, и при статическомъ, и при динамическомъ разсмотрѣніи вопроса жаркая, иначе сказать, равнинная, низменная полоса оказывается идущею въ дѣлѣ распаденія общины далеко

---

[1]) Закавказ., II, 397.
[2]) I, 37.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тоже, 91.

впереди предгорной и тѣмъ болѣе—нагорной полосы. А это, замѣтимъ мимоходомъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ приведенное выше мнѣніе М. М. Ковалевскаго, будто „на плоскости племенная и общеродовая собственность находитъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія, чѣмъ въ горныхъ мѣстностяхъ“. Вліяніе рельефа, несомнѣнно существенное, самымъ рѣшительнымъ образомъ парализуется дѣйствующимъ въ обратномъ направленіи вліяніемъ постепенной интенсификаціи хозяйства...

Наибольшіе успѣхи процессъ распаденія общинно-уравнительныхъ порядковъ сдѣлалъ, однако, въ западномъ Закавказьѣ, въ частности—въ Кутаисской губерніи. При всей симпатіи г. Егіазарова къ общинѣ и къ общиннымъ порядкамъ, и онъ, однако, признаетъ „подворную форму господствующею въ западномъ Закавказьѣ“ [1]). Правда, и здѣсь. по мнѣнію г. Егіазарова, „чисто подворное владѣніе и пользованіе простирается лишь на главныя угодья—пахотныя земли, какъ болѣе цѣнныя въ экономическомъ отношеніи; другія же, подспорныя угодья—выгоны, пастбища и лѣсныя пространства—продолжаютъ пока находиться въ общинномъ владѣніи“. Мало того, въ Рачинскомъ уѣздѣ, этомъ самомъ глухомъ уголкѣ Кутаисской губерніи, даже „часть пахотныхъ земель, извѣстныхъ подъ названіемъ гаре-кана, т.-е. внѣшнихъ, отдаленныхъ, находится въ коллективномъ пользованіи отдѣльныхъ группъ, частныхъ товариществъ—если только это слово можно примѣнять къ родовому быту имеретинъ—и семейно-родовыхъ общинъ“ [2]). Но эти „частныя товарищества“ и даже „семейно-родовыя общины“, повидимому, не столько *общины*, сколько именно *товарищества*, можетъ-быть, объединяемыя, кромѣ чисто хозяйственныхъ задачъ, также и родовою или родственною связью. И даже въ отношеніи къ подспорнымъ угодьямъ указанія г. Егіазарова не свободны отъ противорѣчій: „та слабая связь,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—которая основана на общности подспорныхъ угодій и кое-какъ пока объединяетъ отдѣльные дворы, серьезнаго значенія не имѣетъ уже потому, что она существуетъ, строго говоря, только въ уѣздахъ Рачинскомъ и Шаропанскомъ, *да и то имѣетъ лишь временный характеръ* [3]) (курс. мой. А. К.). Что такое эта „общность“,—для меня остается не вполнѣ яснымъ; весьма возможно, что это общій выпасъ на поляхъ, свободныхъ отъ посѣвовъ; но если это такъ, то *такая* общность пользованія, конечно, не доказываетъ существованія земельной общины, хотя бы въ видѣ пережитка. Затѣмъ, въ большинствѣ уѣздовъ Кутаисской губерніи „наравнѣ съ пахотью изъяты изъ общиннаго владѣнія выгоны, лѣса и паст-

---

[1]) I, 159.
[2]) Тоже, 160.
[3]) Тоже, 161—162.

бища" [1]),—слѣдовательно, сгладились послѣдніе слѣды общиннаго землевладѣнія.

Какія же условія, спрашивается, благопріятствуютъ развитію на Кавказѣ и въ Закавказьѣ подворнаго владѣнія? Нѣкоторые изъ участниковъ мѣстнаго изслѣдованія думаютъ, что причину возникновенія подворнаго владѣнія въ Закавказьѣ слѣдуетъ видѣть въ уставныхъ грамотахъ, присвоившихъ общинникамъ владѣемые ими участки на правѣ собственности. Но по совершенно правильному замѣчанію г. Егіазарова [2]), уставныя грамоты, поскольку онѣ повліяли, „повліяли только на форму владѣнія пахотною землею; прочія угодья—огороженныя мѣста—находились въ подворномъ владѣніи еще задолго до составленія уставныхъ грамотъ и, слѣдовательно, свободны отъ вліянія послѣднихъ". Съ другой стороны, община „даже по введеніи уставныхъ грамотъ пока не распалась, и крестьяне продолжаютъ пользоваться пахотью и прочими подспорными угодьями на общинныхъ началахъ". И главное,—уставныя грамоты выданы только владѣльческимъ крестьянамъ; въ казенныхъ селахъ землевладѣніе вовсе не подвергалось ихъ вліянію,—а „между тѣмъ огороженныя мѣста съ давнихъ поръ изъяты изъ общиннаго владѣнія, и уставныя грамоты ровно ни при чемъ".

Горячіе сторонники общины, желающіе въ данномъ случаѣ государственнымъ воздѣйствіемъ объяснить распаденіе земельной общины, такъ же неправы, въ такой же мѣрѣ преувеличиваютъ значеніе случайнаго, побочнаго момента, какъ и тѣ, кто стремится свести къ правительственному воздѣйствію самое возникновеніе общины и ея землеуравнительныхъ порядковъ. Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, русскій законъ и администрація и на Кавказѣ, несомнѣнно, выступали иногда въ роли защитниковъ и „насадителей" уравнительнаго землепользованія. Широкое господство у картвельскаго племени „старозаимочнаго землевладѣнія и существованіе во всей Грузіи сельской общины, рѣзко отличающейся отъ господствующаго великорусскаго типа, стоятъ, по словамъ М. М. Ковалевскаго, въ прямомъ противорѣчіи съ стремленіемъ нашей администраціи признать землю подлежащею періодическому передѣлу на началахъ мірского землевладѣнія каждый разъ, когда право собственности на нее не можетъ быть доказано письменными актами" [3]). Проф. Ковалевскій приписываетъ этимъ „стремленіямъ" весьма существенную роль: такъ, земельныя отношенія въ Пшавіи „во многомъ утратили свои оригинальныя особенности подъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ, какія были искусственно привнесены русскою администраціей" [4]); введеніе

---

[1]) Тоже, 165.
[2]) Тоже, 38; *Егіазаровъ*, 141.
[3]) Зак. и обыч., I, 269.
[4]) Тоже, II, 84.

передѣловъ въ Тіонетскомъ уѣздѣ г. Ковалевскій ставитъ въ прямую связь съ дѣятельностью одного изъ уѣздныхъ начальниковъ, который „сочувствовалъ равномѣрному распредѣленію земли между домохозяевами“ [1]). Сходныя указанія мы находимъ у г. Егіазарова для Горійскаго уѣзда: „древнее общинное землевладѣніе начало разлагаться здѣсь и переходить въ подворное,—но „благодаря вмѣшательству администраціи, древняя форма землевладѣнія начинаетъ исподволь возстановляться“ [2]). Независимо отъ непосредственнаго административнаго воздѣйствія, видная роль въ ходѣ эволюціи землепользованія у закавказскихъ крестьянъ приписывается и введеннымъ рускими податнымъ порядкамъ: „введеніе въ сельскихъ обществахъ круговой отвѣтственности въ платежѣ падающихъ на каждый дворъ налоговъ,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—а также нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей... повліяло на введеніе между тѣми изъ нихъ, которые поселены были на плоскости, системы періодическаго передѣла полей между дворами“ [3]).

Подвергать сомнѣнію достовѣрность подобнаго рода указаній нѣтъ основанія. Но, конечно, не административныя воздѣйствія и не круговая порука *создали* общину на Кавказѣ, какъ не уставныя грамоты и не административныя воздѣйствія ее уничтожили. Процессъ сложенія, а затѣмъ и разложенія закавказской общины—это издавній процессъ, начавшійся задолго до присоединенія Закавказскаго края въ Россіи. Между тѣмъ, о какомъ-либо воздѣйствіи извнѣ въ *до*-русскій періодъ жизни Закавказья, повидимому, не можетъ быть и рѣчи: „при владычествѣ хановъ правительство воздерживалось отъ всякой регламентаціи внутренней экономической жизни общины“ [4]). Такъ же точно и „органы магальнаго управленія, подобно самимъ ханамъ, не вмѣшивались во внутреннюю жизнь общины“, и такимъ образомъ „въ сферѣ аграрныхъ отношеній и раскладки податей и повинностей общины пользовались полною свободой“ [5]). Это не мѣшало крестьянамъ „тогда, какъ и теперь, перелагать всѣ подати и повинности на землю и такимъ образомъ достигать уравненія податной тягости“ [6]); для проведенія въ жизнь одного изъ существеннѣйшихъ принциповъ общиннаго землевладѣнія—пропорціональности платежей съ владѣніемъ землею—вовсе не требовалось искусственнаго введенія кѣмъ-либо извнѣ института круговой поруки. Въ старой Грузіи „царское правительство на каждомъ шагу вмѣшивалось во внутренніе распорядки общины,—подати взимались царскими сборщиками, судъ

---

[1]) Тамъ же; см. I, 276.

[2]) Въ Тушетіи, по свидѣтельству А. С. Хаханова, неравномѣрность въ землепользованіи „была уничтожена по распоряженію мѣстнаго уѣзднаго начальника“. Цитирую по Якушкину, Об. пр. русск. инор., 232.

[3]) Совр. обыч., I, 58—59.

[4]) *Егіазаровъ*, 47.

[5]) Тоже, 86; см. 303.

[6]) 304; см. 329.

и расправу творили также царскіе моуравы“ [1]); и, тѣмъ не менѣе, и въ Грузіи власть не мѣшалась въ раскладки податей, въ аграрныя и ирригаціонныя отношенія: и въ Грузіи община „распредѣляетъ подати и повинности черезъ своихъ выборныхъ медіаторовъ“; „неравномѣрно обложенная извнѣ, она стремится къ уравненію податей въ своей внутренней жизни“ [2]). Никакой радикальной перемѣны въ данномъ отношеніи не послѣдовало и по присоединеніи Кавказа къ Россіи. „Въ сношеніяхъ съ отсталыми или слабо развитыми народностями, — справедливо замѣчаетъ тотъ же М. М. Ковалевскій,—мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у нихъ вѣками строй, какою отличалась, напримѣръ, англійская политика въ Индіи“; мы „не только не произвели среди горцевъ Кавказа того радикальнаго переворота въ земельномъ и сословномъ строѣ, какой англичане, напримѣръ, совершили въ началѣ текущаго столѣтія въ Бенгалѣ, но и удержали всѣ особенности ихъ общинно-родового и племенного землевладѣнія“ [3]). М. М. Ковалевскій даже упрекаетъ русское правительство за то, что „въ сферѣ землевладѣнія оно не сочло возможнымъ ввести какихъ-либо ограниченій по отношенію къ принципу (общинной заимки!), который при измѣнившихся условіяхъ культуры ведетъ къ искусственному созданію малоземелья, несмотря на обширность неутилизованной площади и слабую густоту населенія“ [4]). Непосредственныя вмѣшательства русской власти въ земельныя отношенія внутри крестьянскихъ общинъ были безсистемны и случайны. И чрезвычайно трудно думать, чтобы такого рода случайныя воздѣйствія въ немного десятковъ лѣтъ могли оказать существенное вліяніе на складъ внутриобщинныхъ земельныхъ отношеній. Мы уже видѣли, сколь безсильнымъ оказалось правительственное воздѣйствіе въ борьбѣ съ родовыми организаціями. Столь же безсильнымъ оказалось оно въ дѣлѣ преобразованія общественнаго управленія. Въ 1884 году,— говоритъ г. Егіазаровъ, изучая бытъ полуосѣдлаго езидскаго племени, я пришелъ къ тому убѣжденію, что для него положеніе о крестьянскихъ обществахъ было мертвою буквой; что народецъ этотъ попрежнему тяготѣетъ къ своимъ племеннымъ властямъ, избѣгая всякаго соприкосновенія съ нашими судебными и административными властями“. Впослѣдствіи, „какъ показала ревизія Елисаветпольской губерніи, оказалось, что положеніе о сельскихъ обществахъ остается безъ практическаго примѣненія и въ быту другихъ кочевыхъ и полуосѣдлыхъ туземцевъ“ [5]). Тѣмъ труднѣе, конечно, предполагать, чтобы направленное въ разрѣзъ съ устано-

---

[1]) 312.
[2]) 329.
[3]) Зак. и обыч., I, 266.
[4]) Соврем. обыч., I, 137—138.
[5]) *Егіазаровъ*, 103—104.

вившимися обычаями и требованіями жизни, воздѣйствіе правительственной власти могло существеннымъ образомъ повліять на такую первостепенно важную и, такъ сказать, интимную сторону народной жизни, какъ внутриобщинныя земельныя отношенія. Возьмемъ хотя бы одну сторону этого безконечно сложнаго вопроса—*отчужденіе* общинныхъ земель: „съ первыхъ же годовъ по присоединеніи Грузіи,—говоритъ г. Егіазаровъ,—высшимъ начальствомъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью искоренить безпорядочный обычай отчуждать землю путемъ партикулярныхъ сдѣлокъ и преградить возможность передачи казенныхъ земель въ частныя руки"; а между тѣмъ, какъ выяснено было мѣстнымъ изслѣдованіемъ, „крестьяне попрежнему продолжаютъ отчуждать надѣльныя угодья, и притомъ не крѣпостнымъ порядкомъ, а путемъ тѣхъ же домашнихъ актовъ" [1]).

Если искать какую-либо общую черту въ эволюціи общинныхъ порядковъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, то это—не правительственная регламентація, а, наоборотъ, „*отсутствіе* общей регламентаціи". И это отсутствіе общей регламентаціи, если не „породило", какъ думаетъ г. Егіазаровъ, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлало возможнымъ „крайнее разнообразіе въ юридической и экономической жизни" закавказской общины. „Каждый районъ края, приноравливаясь къ мѣстнымъ топографическимъ и климатическимъ условіямъ, устанавливалъ у себя ту или другую систему разверстанія угодій и раскладки податей; юридическая и экономическая жизнь населенія развивалась самостоятельно", центральные же органы власти „этою стороною жизни населенія интересовались очень мало или даже вовсе не интересовались" [2]).

Основная причина крайняго разнообразія общинно-земельныхъ порядковъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, а въ то же время и основная причина преобладанія подворныхъ формъ, лежитъ, значитъ, въ естественныхъ и, главнымъ образомъ, хозяйственныхъ условіяхъ всего края и отдѣльныхъ его частей. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ изслѣдователей, вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ, склонны признавать за основной моментъ *самый рельефъ* Кавказскаго края. „Помимо перехода къ интенсивному хозяйству,—говоритъ г. Егіазаровъ, физическія и топографическія условія губерніи (рѣчь идетъ о Кутаисской губерніи. А. К.) сами по себѣ неблагопріятны для существованія сельскаго общиннаго землевладѣнія. Сельская община не можетъ найти благопріятной для своего развитія почвы на крутизнахъ горъ, гдѣ крестьяне для обработки полей часто принуждены вырубать ступени, и гдѣ, работая на крутыхъ склонахъ, привязываютъ себя къ дереву, и такимъ образомъ, вися надъ бездной, справляютъ работу"; вообще въ мѣстностяхъ, „гдѣ

---

[1]) Тоже, 221.
[2]) Тоже, 48.

плодородныя земли разбросаны небольшими участками по крутизнамъ горъ“ [1]).

Однако, это едва ли такъ; въ восточномъ Закавказьѣ райономъ распространенія общинныхъ формъ являются какъ разъ *нагорныя* мѣстности, и какъ разъ на *низменныхъ* равнинахъ наибольшіе успѣхи сдѣлало подворное владѣніе. И самъ г. Егіазаровъ совершенно справедливо настаиваетъ въ другомъ мѣстѣ на томъ, что причины эволюціи землепользованія надо искать не въ одномъ рельефѣ, а во всей совокупности физическихъ, топографическихъ и въ осебенности *экономическихъ* условій страны. „Есть извѣстныя отрасли хозяйства, какъ, напр., виноградарство, садоводство и шелководство, которыя предполагаютъ болѣе продолжительное владѣніе землею и не могутъ существовать при общинномъ землевладѣніи, когда надѣльные участки, вслѣдствіе передѣловъ, часто переходятъ изъ рукъ въ руки“. И потому, „гдѣ процвѣтаютъ эти отрасли хозяйства, подворное владѣніе является господствующею формою землевладѣнія; наоборотъ, въ горной части, гдѣ вслѣдствіе суровости климата ни садоводство и виноградарство, ни шелководство не находятъ благопріятной для своего развитія почвы, и гдѣ крестьяне занимаются исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, господствуетъ общинное землевладѣніе“ [2]). Изслѣдованіе даетъ очень цѣнныя указанія относительно того, какъ непосредственно измѣняющіяся экономическія условія отражаются на темпѣ распаденія общинно-передѣльныхъ формъ. Мы узнаемъ, съ одной стороны, что „хлопкоманія“, вызванная вздорожаніемъ хлопка во время сѣверо-американской междоусобной войны, имѣла послѣдствіемъ усиленное огораживаніе надѣльныхъ земель подъ плантаціи хлопчатника, слѣдовательно—усиленный переходъ ихъ въ подворное владѣніе. Наоборотъ, введеніе акцизной системы, убивъ винокуреніе изъ виноградныхъ выжимокъ, не только пріостановило развитіе виноградарства, но мѣстами привело даже къ уничтоженію части уже имѣвшихся виноградниковъ; „акцизная система,—замѣчаетъ по этому поводу г. Егіазаровъ,—губитъ виноградарство, но зато замедляетъ ходъ распаденія общины“ [3])...

На первомъ планѣ стоитъ, такимъ образомъ, не рельефъ, а условія сельскохозяйственнаго производства. Чисто-топографическія условія выступаютъ на первый планъ только въ горныхъ ущельяхъ, гдѣ „рѣдко встрѣчаются обширныя пространства ровной и удобной для обработки пахотной земли“: въ такихъ условіяхъ крестьяне владѣютъ на общинномъ правѣ „лишь тѣми небольшими пространствами пахотной земли, которыя лежатъ на днѣ ущелья...; это самыя цѣнныя угодья, и община дорожитъ ими.

---

[1]) Закавк., I, 162—163; *Егіазаровъ*, 140—141; *Ковалевскій*, Зак. и обыч., I, 53, 61, 270.

[2]) Закавказ., I, 38.

[3]) Закавказ., I, 39—40.

Но тѣ поля, которыя разбросаны по крутизнамъ отдаленныхъ отъ селенія горъ и которыя расчищены владѣльцами въ потѣ лица, принадлежатъ послѣднимъ на началахъ подворнаго владѣнія [1]).

Разсмотримъ теперь подробнѣе, что̀ такое закавказское „подворное“ и „общинное“ владѣніе. Объекты подворнаго владѣнія въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ—„прежде всего усадебная земля, гуменники, сады и вообще огороженныя мѣста; затѣмъ, „хамагаты“—цѣлина, обращенная подъ культуру, расчищенные изъ-подъ лѣса участки пахотной и покосной земли и такъ называемые у туземцевъ „естественные“ сады, т.-е. привитые въ лѣсу дички яблони и грушевыхъ деревьевъ вмѣстѣ съ участкомъ земли, гдѣ растутъ эти привитыя деревья; наконецъ, идутъ присельная пахотная земля и „корухи“ или „чеюрма“ (?) [2]). Приблизительно то же и по остальнымъ двумъ губерніямъ восточнаго Закавказья, Тифлисской и Эриванской [3]). Любопытно отмѣтить, что въ Тифлисской губерніи въ числѣ угодій подворнаго владѣнія оказывается „пахоть, извѣстная подъ названіемъ дачембули, что̀ въ переводѣ значитъ „захваченная“ или „присвоенная“,—говоря же вообще, во всѣхъ четырехъ губерніяхъ „самыя цѣнныя въ экономическомъ отношеніи угодья изъяты изъ общиннаго фонда и присвоены отдѣльными общинниками на правѣ исключительнаго владѣнія и пользованія“ [4]).

Намъ приходится, такимъ образомъ, констатировать для Закавказскаго края рѣзкое отличіе отъ того, что̀ мы видѣли у другихъ нерусскихъ народностей, и что̀ намъ, въ особенности, придется видѣть у русскихъ крестьянъ рѣдко населенныхъ окраинъ: *тамъ* передѣляются наиболѣе цѣнныя угодья, а менѣе цѣнныя—продолжаютъ оставаться въ индивидуальномъ пользованіи или даже владѣніи,—*здѣсь*, напротивъ, самыя цѣнныя угодья присвоены отдѣльными общинниками на правѣ исключительно владѣнія. И это совершенно естественно, ибо здѣсь и тамъ мы имѣемъ дѣло съ совершенно различными фазисами эволюціи землепользованія и землевладѣнія: въ Сибири и т. п. мы имѣемъ дѣло съ фазисомъ *сложенія*, въ Закавказьѣ—съ фазисомъ *разложенія* общинно-передѣльныхъ формъ; и какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ, болѣе цѣнныя угодья идутъ впереди менѣе цѣнныхъ и важныхъ для населенія.

Въ чемъ же, спрашивается далѣе, *основанія* закавказскаго подворнаго владѣнія? Прежде всего, въ томъ самомъ *трудовомъ правѣ*, которое лежитъ въ основѣ эволюціи слагающейся общины,—въ частности, въ той сторонѣ этого права, которую К. Р. Качоровскій весьма удачно обозначилъ названіемъ „права труда“, въ отличіе

---

[1]) 38—39.
[2]) Закавказ., III, 27.
[3]) I, 58—59; II, 397—398.
[4]) II, 398.

отъ благопріятствующаго земельному равненію „права на трудъ". „Крестьяне,—говоритъ одинъ изъ закавказскихъ изслѣдователей,—не признаютъ за собою права собственности на землю, но помощью личнаго труда создаютъ себѣ вѣчно-наслѣдственное право пользованія усадебною и садовою землею"; это наслѣдственное право на землю „сохраняется даже въ томъ случаѣ, когда на ней нѣтъ хозяйственныхъ и жилыхъ помѣщеній, если только домохозяинъ затратилъ трудъ и капиталъ,—вѣдь „иному хозяину приходится сносить горы земли, ломать скалы, чтобы открыть маленькій участокъ усадебной земли". „Покосные участки,—говоритъ другой изслѣдователь,—въ большинствѣ случаевъ образованы расчисткою изъ-подъ лѣса, и крестьяне считаютъ, что затраченный на расчистку трудъ даетъ право на неотъемлемое пользованіе расчищеннымъ участкомъ". Вообще „трудъ въ глазахъ крестьянскаго сословія до того священенъ, что его въ народѣ фигурально называютъ „кровавымъ потомъ" [1]). И этотъ трудовой принципъ находитъ себѣ сильнѣйшую опору въ религіозныхъ воззрѣніяхъ закавказскихъ мусульманъ, — въ постановленіяхъ мусульманскаго права, въ силу которыхъ „оживленная" чьимъ-либо трудомъ, до того „мертвая", земля становится неотъемлемымъ достояніемъ оживителя [2]).

Въ чемъ же, далѣе, существо закавказскаго подворнаго владѣнія? Есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, *подворное владѣніе*, по существу, приблизительно, тождественное праву собственности, хотя бы при наличности dominium eminens со стороны государства, какъ верховнаго владѣльца крестьянской надѣльной земли? Въ работѣ г. Егіазарова относительно формъ землепользованія въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ, на этотъ вопросъ дается положительный отвѣтъ: „даже тамъ,—говоритъ г. Егіазаровъ,—гдѣ общинныя начала могутъ считаться болѣе прочно установившимися, усадьбы, сады и огороженныя мѣста признаются *наслѣдственнымъ владѣніемъ* или *частною собственностью* ихъ владѣльцевъ" [3]). Подворные участки, „находясь въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ семей, по обычному праву признаются мюлькомъ (имѣніемъ) владѣльцевъ, и, какъ таковые, поступаютъ въ полное ихъ распоряженіе и могутъ быть предметомъ любой гражданской возмездной и безвозмездной сдѣлки—купли-продажи, залога, даренія, завѣщанія и т. п." [4]).

Однако, съ такимъ взглядомъ на закавказское подворное владѣніе, по крайней мѣрѣ, какъ оно сложилось въ восточномъ Закавказьѣ, едва ли можно вполнѣ согласиться. На сомнѣнія наводитъ уже общеизвѣстный фактъ постоянныхъ стараній подворныхъ владѣльцевъ, особенно изъ лицъ некрестьянскаго сословія, *закръ-*

[1]) III, 17—18.
[2]) Тоже, 18—19.
[3]) III, 22; см. *Егіазаровъ*, 149.
[4]) III, 21

пить за собой подворные участки *на правѣ собственности:* къ чему было бы, въ самомъ дѣлѣ, хлопотать объ этомъ, прибѣгать для этой цѣли къ помощи лжесвидѣтелей и подложныхъ документовъ, если бы подворные участки были и безъ того „наслѣдственнымъ владѣніемъ“ или „частною собственностью“ ихъ владѣльцевъ?.. Далѣе, огороженныя и вообще подворныя угодья во всемъ восточномъ Закавказьѣ зачитываются, при передѣлахъ, въ счетъ положенной въ основу передѣла уравнительной нормы. Такъ, въ Тифлисской губерніи, „подворные участки въ передѣлъ не поступаютъ“, но они „принимаются въ расчетъ при опредѣленіи размѣра подымныхъ надѣловъ“ [1]). Въ Эриванской, „если отдѣльный общинникъ огораживаетъ приходящіеся на его долю надѣльные участки, обращая ихъ подъ садъ, искусственно насажденныя рощи или іонджалыки, то при послѣдующемъ передѣлѣ сходъ отказываетъ ему въ лишней пахотной землѣ“. Въ Бакинской „иногда общество отводитъ дымамъ, взамѣнъ недостающихъ имъ садовыхъ земель, особые пахотные участки изъ мірской земли, т.-е. производитъ уравненіе подымно-наслѣдственныхъ земель“ [2]). Уже такихъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что подворное владѣніе восточнаго Закавказья стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ общиннымъ землевладѣніемъ и землепользованіемъ, имѣетъ очень много общаго съ тѣми подробно описанными во 2-ой части этой книги формами несомнѣнно-уравнительнаго пользованія, при которыхъ извѣстное угодье цѣликомъ остается въ рукахъ прежняго владѣльца, уравненіе же производится на общемъ количествѣ угодій извѣстной категоріи. Сказаннымъ, однако, дѣло не ограничивается: закавказская община не только *зачитываетъ* подворныя угодья при передѣлѣ общинныхъ угодій, но и борется съ захватомъ земли въ подворные участки. Иногда эта борьба ведется только косвенными путями. Такъ, въ Эриванской губерніи „единственнымъ оружіемъ“ противъ такого захвата является водовладѣніе: „каждый дворъ въ правѣ претендовать на такое количество воды, какое приходится ему по праву очереднаго пользованія. Міроѣду сверхъ очереднаго количества и глотка лишней воды не дадутъ,—ему, слѣдовательно, приходится соразмѣрять площадь садовъ и посѣвовъ съ количествомъ слѣдуемой ему очередной воды“. Правда, владѣльцы большихъ подворныхъ участковъ нерѣдко обходятъ это ограниченіе, путемъ болѣе или менѣе фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ съ бѣдными односельчанами,—„тѣмъ не менѣе, право отказа въ лишней оросительной водѣ является сильнымъ орудіемъ въ рукахъ общины“ противъ тѣхъ, кто стремится сосредоточить въ своихъ рукахъ слишкомъ обширные подворные участки“ [3]). Въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ дѣло мѣстами пошло гораздо

---

[1]) II, 402.
[2]) I, 41; III, 45.
[3]) I, 41—42.

дальше: въ матеріалахъ мѣстнаго изслѣдованія имѣется рядъ указаній на отрѣзки отъ захватившихъ большіе подворные участки общественниковъ. Иногда такіе факты отмѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Крестьянство восточнаго Закавказья,—говоритъ г. Егіазаровъ—„до того проникнуто уваженіемъ къ труду, что въ общинахъ рѣдко ломаютъ изгородь и включаютъ въ составъ подлежащихъ передѣлу угодій хамагаты и расчищенные участки; къ такимъ мѣрамъ прибѣгаютъ, и то въ малоземельныхъ сбщинахъ, лишь въ томъ случаѣ, если огороженная земля совершенно свободна отъ насажденій", и къ тому же община, „отбирая у отдѣльныхъ общинниковъ расчищенные участки, какъ бы въ вознагражденіе за потраченный на распашку трудъ оставляетъ ихъ въ пользованіи владѣльцевъ довольно продолжительное время—на 25 и 30 лѣтъ" [1]). Какъ бы рѣдки ни были такіе случаи, какими бы ограниченіями они ни были обставлены,—очевидно, что они несовмѣстимы съ понятіемъ мюлька или неприкосновеннаго подворнаго владѣнія. И если они случаются рѣдко, то это объясняется не какимъ-либо особымъ юридическимъ характеромъ владѣнія подворными участками, а все тѣмъ же „уваженіемъ къ труду", которое является, вообще, однимъ изъ основныхъ моментовъ, опредѣляющихъ всю эволюцію формъ общиннаго владѣнія и пользованія землею. И не вездѣ посягательство на „подворныя" земли является такимъ рѣдкимъ исключеніемъ: въ Зангезурскомъ уѣздѣ, напримѣръ, подворные участки „остаются въ пользованіи хозяевъ до тѣхъ поръ, пока не представится надобности отрѣзать излишки ихъ для отвода малоземельнымъ крестьянамъ... Въ тѣхъ же селеніяхъ, въ которыхъ существуетъ обычай передѣла, образованныя изъ-подъ выгона поля входятъ во время передѣла въ составъ всѣхъ земель, подлежащихъ передѣлу". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нухинскаго уѣзда „общество оставляетъ за собою право періодической переоцѣнки всѣхъ участковъ и прирѣзки и отрѣзки изъ подымнаго надѣла по своему усмотрѣнію"; въ Казахскомъ уѣздѣ „огороженныя мѣста, прежде не подвергавшіяся передѣлу, нынѣ во многихъ селеніяхъ причисляются къ угодьямъ, подлежащимъ дѣлежу" [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не со строго подворнымъ владѣніемъ, а съ формою общиннаго владѣнія, которая, хотя „по нѣкоторымъ признакамъ имѣетъ сходство съ формою участковаго владѣнія, но въ дѣйствительности существенно отличается отъ нея" [3]). Это, въ однихъ случаяхъ („хамагаты", „захваченныя изъ-подъ выгона поля"!), форма первобытнаго захвата, по существу и даже по формамъ мало отличающаяся отъ русской „заимки", въ другихъ—нѣчто по существу аналогичное порядкамъ пользованія, напримѣръ, огородами и садами въ общи-

---

[1]) III, 20.
[2]) 30, 31, 34.
[3]) 34.

нахъ Ярославской или Московской губерній. Едва ли можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что интенсификація хозяйства способствуетъ и расширенію сферы „подворнаго“ владѣнія, и укрѣпленію его, и что общій процессъ эволюціи землепользованія въ Закавказьѣ идетъ въ направленіи къ отмиранію общины и къ замѣнѣ уравнительнаго пользованія индивидуальнымъ. „Если не будутъ приняты мѣры противъ дальнѣйшаго огораживанія угодій,—говоритъ г. Егіазаровъ,—то община рано или поздно распадется“. Этотъ процессъ, по мнѣнію г. Егіазарова, находитъ себѣ поддержку и въ распространеніи интенсивныхъ культуръ, и въ элементарномъ фактѣ возрастающаго утѣсненія—„даже теперь малоземелье заставляетъ крестьянъ укрѣплять за собой болѣе цѣнныя и удобныя земли,—какъ только такая земля достанется крестьянину въ надѣлъ, онъ сейчасъ же огораживаетъ ее“. „Я настаиваю,—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ,—что „древняя община постепенно распадается, и что распаденіе ея рѣзче бросается въ глаза въ жаркихъ рѣчныхъ долинахъ—въ полосѣ садоводства и культуры техническихъ растеній“. И такой выводъ въ устахъ г. Егіазарова пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду его, иногда, слишкомъ ярко проявляющейся симпатіи къ общиннымъ порядкамъ, хотя, съ другой стороны, достовѣрность этого вывода нѣсколько подрывается тѣмъ отожествленіемъ общины, какъ таковой, съ великорусскими общинными порядками, въ какое, какъ мы увидимъ ниже, нерѣдко впадаетъ г. Егіазаровъ: очень можетъ-быть, что г. Егіазаровъ усматривалъ *распаденіе общины* и тамъ, гдѣ происходила *лишь замѣна однихъ способовъ пользованія общинною землей другими,* болѣе приспособленными къ потребностямъ интенсивныхъ видовъ хозяйства [1]).

Такъ или иначе, но для настоящаго времени, или точнѣе—для времени, когда въ Закавказьѣ производилось мѣстное изслѣдованіе, въ основѣ крестьянскаго землепользованія лежитъ во всякомъ случаѣ община, хотя, можетъ-быть, и отмирающая, и общинные порядки пользованія, хотя, несомнѣнно, такъ или иначе комбинирующіеся, въ той или иной степени, съ индивидуальнымъ пользованіемъ, или, можетъ-быть, и владѣніемъ землею. Что община съ ея землеуравнительными функціями еще весьма далека отъ исчезновенія,—неопровержимо доказывается сведенными г. Егіазаровымъ, впрочемъ, только по одной Эриванской губерніи, данными о степени распространенности безземелья [2]): изъ общаго числа 800 селеній, оказалось всего только 55 селеній съ безземельными душами, изъ общаго числа 427.000 душъ—всего 1877 душъ или менѣе полупроцента. Едва ли это было бы возможно иначе, какъ при наличности землеуравнительной дѣятельности общины.

Въ непосредственномъ обладаніи и распоряженіи общины состоятъ затѣмъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, въ Кутаисской

---

[1]) Тамъ же, I, 60; см. *Егіазаровъ*, назв. соч., 150, 152—155, 163.
[2]) *Егіазаровъ*, 71—72.

губерніи только одни подспорныя угодья, и то въ одной только самой глухой, нагорной ея части. Въ восточномъ Закавказьѣ въ общинномъ владѣніи состоятъ „всѣ неогороженныя мѣста: сюда относятся какъ главныя угодья—пахотныя земли, такъ и подспорныя—покосы и луга въ нагорной полосѣ и въ горныхъ ущельяхъ, выгоны, лѣсныя пустоши и пустынныя мѣста, лежащія по близости селеній". Даже въ горныхъ ущельяхъ, вопреки приведенному выше взгляду М. М. Ковалевскаго, „присельными землями, какъ цѣнными угодьями, крестьяне владѣютъ на общинномъ основаніи" [1]).

Разсмотримъ теперь формы пользованія общинными угодьями.

Прежде всего, данныя мѣстнаго изслѣдованія говорятъ намъ, что и въ Закавказьѣ до сихъ поръ сохранились остатки вольной заимки или захватнаго владѣнія. Такъ, въ горныхъ мѣстностяхъ Эриванской губерніи „запольная пахоть находится или въ захватномъ, или въ подворномъ (изъ предыдущаго ясно, что „подворное"—здѣсь синонимъ захватнаго владѣнія! А. К.) владѣніи" [2]). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Елисаветпольской губерніи крестьяне въ большинствѣ селеній, „не передѣляя между собою всю землю, прибѣгаютъ отъ времени къ прирѣзкѣ или отрѣзкѣ пахотныхъ участковъ" [3]); это, очевидно, тѣ самыя „поравненія" захватнаго пользованія, съ какими мы встрѣчаемся въ Сибири какъ у русскаго населенія, такъ и у инородцевъ. Съ совершенною ясностью переходъ отъ захватнаго къ душевому пользованію можно наблюдать въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, гдѣ пахотныя земли, въ рядѣ селеній, „лѣтъ 30—40 назадъ были распредѣлены въ продолжительное пользованіе, въ видѣ отцовскихъ неравныхъ захватовъ, причемъ крестьянскія общества имѣли право выдѣлять части изъ подымныхъ участковъ для надѣленія новыхъ дымовъ",—къ моменту же мѣстнаго изслѣдованія захватное пользованіе успѣло окончательно уступить мѣсто равномѣрному распредѣленію пахотныхъ земель" [4]).

Подъ названіемъ „захвата" мѣстное изслѣдованіе описываетъ, однако, и другую форму, которую правильнѣе охарактеризовать какъ первобытный, несовершенный способъ передѣла: „поля разбиты болѣе или менѣе правильно на неопредѣленной длины полосы", которыя „носятъ названіе „сакцеви". Въ опредѣленный заранѣе день, въ началѣ весны, „на назначенный участокъ выходятъ всѣ крестьяне, кто пѣшій, кто конный; все населеніе выстраиваеся въ рядъ поодаль первой, болѣе близкой сакцеви, по направленію длины ея, при чемъ пѣщіе становятся въ полуверстѣ отъ нея, а конные за версту", и въ зависимости отъ быстроты бѣга и лов-

---

[1]) Закавказск., I, 43.
[2]) I, 43, 67.
[3]) III, 33.
[4]) Тоже, 29.

кости каждаго изъ конкурентовъ между ними распредѣляются отдѣльныя сакцеви, болѣе или менѣе благопріятныя по почвеннымъ условіямъ, рельефу или мѣстоположенію“ [1]).

Захватъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова гдѣ уже совершенно исчезъ, гдѣ постепенно отмираетъ, переходя въ душевое пользованіе либо путемъ постепенныхъ отрѣзовъ, либо путемъ передѣла, сначала только лучшей или вообще болѣе цѣнной части угодій. Общимъ правиломъ по отношенію къ пашнямъ въ моментъ мѣстнаго изслѣдованія являлось уравнительное пользованіе, о характерѣ и способахъ котораго мѣстное изслѣдованіе даетъ намъ, къ сожалѣнію, лишь очень мало указаній. Сравнительно изобильнѣе указанія, касающіяся сроковъ передѣла,—въ этомъ отношеніи и въ Закавказскомъ краѣ наблюдаются крайнее разнообразіе и пестрота. Въ Тифлисской губерніи, напримѣръ, „передѣлы совершаются крайне неправильно, и точно опредѣленныхъ сроковъ для нихъ не установлено. За исключеніемъ Сигнахскаго уѣзда, гдѣ земля регулярно передѣляется черезъ каждые 3—5 лѣтъ, во всей остальной части губерніи царитъ аграрная путаница“, по мнѣнію г. Егіазарова (рѣшительно не раздѣляемому мною), „нуждающаяся въ энергическомъ вмѣшательствѣ подлежащихъ властей Такъ, въ Душетскомъ уѣздѣ земля передѣляется въ „неопредѣленные сроки“; въ Телавскомъ—передѣлы хотя и существуютъ, но срокъ ихъ колеблется между 10 и 25 годами; есть даже районы, гдѣ передѣлы произведены 20—35 лѣтъ тому назадъ; въ Тифлисскомъ—передѣлы совершаются послѣ каждаго камеральнаго описанія, что̀ имѣетъ мѣсто не ранѣе какъ черезъ каждыя 12 лѣтъ“ [2]). Въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ передѣлы „совершаются крайне неправильно и нерегулярно: въ однихъ уѣздахъ къ нимъ обращаются „въ случаѣ надобности“; въ другихъ земля передѣляется послѣ каждаго камеральнаго описанія...; въ третьихъ передѣлы совершаются не иначе, какъ по настоянію народившагося контингента безземельныхъ душъ; наконецъ, въ иныхъ районахъ, гдѣ благодаря изобилію земельныхъ угодій всѣ надѣлены въ избыткѣ, передѣловъ вовсе не существуетъ“ [3]). Пестрота эта зависитъ, въ значительной степени, отъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій. Такъ, въ Эриванской губерніи „наибольшая продолжительность срока приходится на нагорные уѣзды“, гдѣ „земля передѣляется не такъ часто, какъ въ жаркой полосѣ“. Причину этого явленія г. Егіазаровъ видитъ „въ томъ, что въ нагорныхъ уѣздахъ крестьяне въ отношеніи земельнаго довольствія поставлены въ лучшія условія, чѣмъ въ жаркой полосѣ“. Въ этой послѣдней „населеніе скучивается въ бассейнахъ рѣкъ и потоковъ“—отсюда „та крайняя тѣснота, ко-

---

[1]) II, 402.
[2]) Тоже, 400—401.
[3]) III, 24.

торую мы замѣчаемъ во всей жаркой полосѣ". Земля, поэтому, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ особенную цѣну. Обдѣленные при одномъ передѣлѣ общинники составляютъ тѣсную сомкнутую партію, агитируютъ, чтобы по возможности скорѣе добиться новаго передѣла и равномѣрнаго распредѣленія земли; а такъ какъ послѣ каждаго передѣла извѣстный контингентъ крестьянъ остается недовольнымъ его результатомъ, то община жаркой полосы находится въ постоянномъ волненіи и агитаціи. „Въ борьбѣ различныхъ партій,—продолжаетъ г. Егіазаровъ—крѣпнетъ право; земля передѣляется чаще, и устанавливаются короткіе сроки. Совершенно обратное явленіе замѣчаемъ мы въ нагорныхъ уѣздахъ: здѣсь, благодаря обилію земли крестьяне не такъ дорожатъ ею... и вслѣдствіе этого передѣлъ земли производится въ болѣе продолжительные сроки" [1]).

Въ приведенной длинной выдержкѣ обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, высказываемое г. Егіазаровымъ мнѣніе, будто „укрѣпленіе права" имѣетъ своимъ спутникомъ учащеніе передѣловъ, и, наоборотъ, какъ говоритъ г. Егіазаровъ въ другомъ мѣстѣ, „процессъ распаденія общины начинается обыкновенно съ удлиненія періода передѣловъ" [2]). Такого рода взглядъ, однако, рѣшительно опровергается данными относительно распространенности общинныхъ и индивидуальныхъ формъ землепользованія въ разныхъ частяхъ Закавказья. Наиболѣе короткіе сроки передѣловъ въ жаркой полосѣ, а между тѣмъ, повторяя слова самого г. Егіазарова, распаденіе общины „рѣзче всего бросается въ глаза въ жаркихъ рѣчныхъ долинахъ"; наиболѣе продолжительны сроки передѣловъ въ нагорной полосѣ,—между тѣмъ именно здѣсь общинное владѣніе пользуется всеобщимъ распространеніемъ. Если въ нагорной полосѣ преобладаютъ продолжительные, а въ низменной—короткіе сроки передѣловъ, то это, я позволяю себѣ думать, отъ совершенно другихъ причинъ, нежели какія указаны г. Егіазаровымъ. Говоря о „малоземельѣ" жаркой полосы, г. Егіазаровъ совершенно упускаетъ изъ виду, что десятина земли въ жаркой полосѣ съ ея поливнымъ хозяйствомъ стоитъ, можетъ-быть, пяти десятинъ въ нагорной полосѣ; а говоря о просторѣ и „обиліи земли" въ нагорной полосѣ, онъ упускаетъ изъ виду, что обширность общаго пространства надѣловъ совмѣщается здѣсь съ крайнею недостаточностью площадей, доступныхъ разработкѣ подъ пашни и покосы. Коренная причина отмѣчаемой изслѣдованіемъ разницы въ срокахъ передѣловъ—въ характерѣ угодій и хозяйства въ нагорной и въ жаркой полосѣ. Въ жаркой полосѣ—издавна разработанныя и орошенныя земли,—настолько издавна, что право первой разработки уже давно успѣло погаситься; располагая равнымъ правомъ на оросительную воду,

---

[1]) I, 70—71; см. *Егіазаровъ*, 70—71.
[2]) 166.

всѣ члены каждой данной общины поставлены въ равныя условія и въ отношеніи пользованія орошаемыми пахотными землями; эти послѣднія (поскольку онѣ не отошли подъ интенсивныя культуры и, слѣдовательно, не изъяты изъ передѣла) подвергаются лишь текущей обработкѣ, которая не ставитъ никакихъ препятствій частому переходу отдѣльныхъ полосъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ горной полосѣ, напротивъ, пахотныя земли болѣе или менѣе сплошь—расчистки изъ-подъ камня и изъ-подъ лѣса,—расчистки, требовавшія и продолжающія требовать огромныхъ затратъ труда; при такихъ условіяхъ, естественно, передѣлы не могутъ быть частыми, ибо частые передѣлы совершенно уничтожили бы возможность и дальнѣйшихъ расчистокъ, и улучшенія уже расчищенныхъ угодій [1]).

Обращаясь затѣмъ къ самимъ способамъ передѣла состоящихъ въ уравнительномъ пользованіи угодій, необходимо отмѣтить прежде всего одну, повидимому, общую, черту: именно, что передѣлы производятся не непосредственно между общественниками, а между группами послѣднихъ, и затѣмъ уже каждая группа распредѣляетъ между своими участниками доставшіеся на ея долю участки угодій. Въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ „всѣ домохозяева селенія дѣлятся на нѣсколько партій“ съ равнымъ числомъ разверсточныхъ единицъ. „Передъ передѣломъ изъ каждаго таснака (названіе такихъ группъ) выбирается одинъ повѣренный“, дахъ-баши; эти дахъ-баши „разбиваютъ общинныя поля на районы, поля, полосы“ по качеству и разстоянію, при чемъ „каждой группѣ, въ каждомъ районѣ, отводится извѣстный участокъ. Участокъ этотъ распредѣляется между отдѣльными дымами, входящими въ составъ группы, пропорціонально числу единицъ надѣленія“, „если же надѣльный участокъ группы такъ незначителенъ, что дальнѣйшее дѣленіе его не представляется возможнымъ, то члены ея обрабатываютъ участокъ сообща, на товарищескихъ началахъ“. Самые *пріемы разбивки* общинныхъ земель, и въ частности пашенъ, опять-таки, всецѣло зависятъ отъ топографическихъ и хозяйственныхъ условій. Въ мѣстностяхъ съ поливнымъ хозяйствомъ „издревле практикуется система дѣленія надѣльныхъ земель по участкамъ“, представляющимъ „подобіе различныхъ геометрическихъ фигуръ—неправильнаго квадрата, треугольника, трапеціи, неправильнаго многоугольника“, но „поля никогда не имѣютъ формы

---

[1]) Особое мѣсто въ отношеніи сроковъ передѣловъ занимаютъ, опять-таки вслѣдствіе чисто-хозяйственныхъ условій, чалтычныя или рисовыя поля. Въ Кубинскомъ уѣздѣ, напримѣръ, „поливныя земли, поступающія подъ посѣвъ чалтыка, передѣляются почти всѣми селами ежегодно“; въ нѣкоторыхъ районахъ Елисаветпольской губерніи „чалтычныя земли передѣляются, и притомъ довольно часто,—между тѣмъ земли, отводимыя подъ культуру злаковъ, въ передѣлъ не поступаютъ“ (Закавк., III, 25 и 37). Рисовыя поля—это, если можно такъ выразиться, максимально-орошаемыя земли, и на нихъ поэтому съ особой силою проявляется отмѣченное въ текстѣ, способствующее учащенію передѣловъ, вліяніе поливного хозяйства.

длинныхъ, узкихъ полосъ": въ видѣ правила надѣльные участки имѣютъ въ длину не болѣе 30—40, въ ширину—15—30 саженъ. Напротивъ, въ нагорныхъ мѣстностяхъ пашни, въ видѣ правила же, разбиваютъ на очень длинныя и узкія полосы. И это совершенно понятно: въ районѣ поливного хозяйства считаются прежде всего съ удобствами искусственнаго орошенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся къ возможному сбереженію воды, которая тратилась бы понапрасну, если бы ее приходилось разводить по длиннымъ и узкимъ полосамъ. Въ нагорныхъ мѣстахъ приходится бороться съ избыткомъ влаги; съ этой точки зрѣнія удобнѣе, какъ разъ, узкія полосы,—„широкія поля дольше сохраняютъ влагу, и въ дождливые годы посѣвы портятся"; съ другой стороны, „весенняя вода смываетъ съ возвышенныхъ мѣстъ и съ вершинъ горъ черноземъ, который ложится узкими полосами на дно овраговъ, ложбинъ и на низменности, окаймленныя холмами. Само собой разумѣется,—заключаетъ г. Егіазаровъ,—что расположенные въ такихъ мѣстахъ надѣльные участки и пашни не могутъ отличаться шириной" [1]).

Чтобы покончить, затѣмъ, съ пріемами нарѣзки групповыхъ и душевыхъ участковъ и полосъ, необходимо еще отмѣтить, что въ мѣстностяхъ съ большою качественною пестротою угодій, въ особенности въ нагорной полосѣ, „къ отдаленнымъ и худшимъ по качеству почвы клиньямъ прирѣзывается нѣкоторый излишекъ, такъ что при передѣлахъ надѣлы уравниваются не только количественно, но и качественно". Въ жаркой полосѣ „угодья громаднаго большинства селеній занимаютъ сравнительно небольшое пространство, гдѣ различіе надѣльныхъ участковъ невелико; такой способъ уравненія, поэтому, практикуется рѣдко, и то въ большихъ многоземельныхъ общинахъ" [2]).

Относительно *пріемовъ распредѣленія* участковъ и полосъ между группами и отдѣльными общественниками наши матеріалы даютъ весьма немного данныхъ. Опредѣленныя указанія на „распредѣленіе по жребію между отдѣльными группами" есть только по Эриванской губерніи" [3]),—но, повидимому, этотъ способъ распредѣленія является общимъ правиломъ, почему на описаніи его ни мѣстные изслѣдователи, ни составитель „Свода" не считаютъ нужнымъ особо останавливаться. Въ видѣ исключенія, напр., въ Ново-Баязетскомъ и Александропольскомъ уѣздахъ, члены общества „при передѣлѣ не мѣняются участками посредствомъ жребія, но отрѣзаютъ небольшіе клочки, составляющіе излишекъ" [4]). Такой порядокъ г. Егіазаровъ не признаетъ за передѣлъ „въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова". „Сущность передѣла,—разсуждаетъ онъ,—заключается въ томъ именно, что передъ каждою новою

---

[1]) I, 47, 49.
[2]) Тоже, 66; *Егіазаровъ*, 172.
[3]) I, 66.
[4]) Тоже, 68.

разверсткой всѣ надѣльные участки соединяются въ одну общую массу, которая путемъ жребія заново разверстывается между общинниками, такъ что отдѣльные надѣльные участки могутъ перейти отъ прежнихъ владѣльцевъ къ другимъ общинникамъ". Тотъ способъ разверстанія полосъ, о которомъ идетъ рѣчь,—только „уравненіе земли, съ прирѣзкою ея однимъ и отрѣзкою ея у другихъ"; это—„начало возникновенія подворнаго владѣнія", потому что „если надѣлъ, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, остается въ рукахъ общинника, то послѣдній исподволь привыкаетъ къ мысли, что участокъ составляетъ его исключительное владѣніе" [1]).

И въ данномъ случаѣ, очевидно, г. Егіазаровъ слишкомъ отождествляетъ общину и передѣлъ съ ходячими великорусскими или точнѣе—среднерусскими формами общины и передѣла. Почему передѣлъ предполагаетъ непремѣнно жеребьевку? Почему за передѣлъ въ „тѣсномъ и строгомъ" смыслѣ этого слова признается та форма передѣла, которая съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія вызываетъ наибольшія сомнѣнія и возраженія? Это для меня, по крайней мѣрѣ, остается совершенно непонятнымъ. Сибирская крестьянская община, развившаяся въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири до весьма сложныхъ и тонкихъ формъ уравненія землепользованія, однако, принципіально отрицаетъ жеребьевку; напротивъ, чрезвычайно широкимъ распространеніемъ пользуется въ Сибири способъ передѣла путемъ „отрѣзокъ" и „прирѣзокъ", съ сохраненіемъ „самого ядра надѣльныхъ участковъ" за прежними владѣльцами. И проведеніе въ жизнь этого принципа, въ высшей степени желательное съ хозяйственной точки зрѣнія, ни въ малѣйшей степени не является симптомомъ или предвѣстникомъ распаденія общины; напротивъ, перестройка уравнительныхъ порядковъ великороссійской общины въ соотвѣтствіи съ требованіями принципа „старшинства"—единственный способъ согласовать общинно-уравнительное пользованіе съ настоятельною потребностью въ интенсификаціи хозяйства,—способъ, къ которому понемногу обращаются общины тѣхъ мѣстностей центральной Россіи, гдѣ пріобрѣтаютъ значеніе тѣ или другія болѣе интенсивныя культуры.

Если закавказская община практикуетъ подобные разсматриваемымъ порядки разверстанія угодій, то въ этомъ, мнѣ кажется, надо видѣть не что иное, какъ проявленіе того самого *уваженія къ затраченному труду,* на которомъ зиждется, какъ мы видѣли, закавказское „подворное" владѣніе,—эта, можно сказать, потенцированная форма уравненія землепользованія при соблюденіи требованій „старшинства". То же самое уваженіе къ затраченному труду проявляется и въ вопросѣ о судьбѣ не успѣвшихъ оправдать себя расчистокъ. По закавказскимъ адатамъ, какъ и по обычаямъ русскихъ крестьянъ, расчищенная цѣлина по „праву

[1]) Тоже, 68—69; см. *Егіазаровъ,* 174.

первой распашки остается во владѣніи расчистившаго ее общинника въ теченіе двухъ-трехъ передѣловъ", и уже затѣмъ „включается въ составъ общинныхъ угодій, подлежащихъ передѣлу", благодаря чему въ горно-лѣсныхъ районахъ, гдѣ расчистки въ широкихъ размѣрахъ продолжаются и до сихъ поръ, создается значительная, но, конечно, вполнѣ законная, неравномѣрность въ распредѣленіи пахотныхъ угодій [1]).

Чтобы покончить съ вопросомъ о способахъ пользованія общинными пашнями, намъ необходимо остановиться еще на вопросѣ о такъ называемомъ принудительномъ хозяйствѣ (Flurzwang). Указанія на существованіе такого рода хозяйственныхъ порядковъ имѣются относительно нѣкоторыхъ горскихъ районовъ: „съ порядками общинно-родового владѣнія и хозяйства,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—стоитъ въ связи доселѣ уцѣлѣвшій въ Дагестанѣ Flurzwang или обязательный порядокъ сѣвооборота. Всѣ хозяйственныя работы должны быть производимы въ разъ навсегда установленные сроки, о наступленіи которыхъ всенародно объявляется по утрамъ, съ вершины минаретовъ" [2]). Въ Закавказьѣ, напротивъ, „одна изъ характерныхъ особенностей сельской общины заключается въ томъ, что здѣсь незамѣтно вліяніе Flurzwang'a: отъ передѣла до передѣла общинникъ признается полнымъ хозяиномъ надѣльнаго участка и обрабатываетъ его такъ, какъ считаетъ для себя выгоднымъ и удобнымъ" [3]).

Въ ближайшей связи съ вопросомъ о формахъ пользованія пашнями стоитъ, по крайней мѣрѣ для низменной и частью средней полосы Закавказскаго края, вопросъ о формахъ пользованія *оросительною водою*. Основные принципы закавказскаго воднаго права—въ существѣ тѣ же, съ которыми мы познакомились, когда говорили о формахъ пользованія орошаемыми землями у осѣдающихъ кочевниковъ [4]), и подробнѣе на нихъ останавливаться намъ въ виду цѣли этой работы,—нѣтъ надобности. Не выходя изъ рамокъ, поставляемыхъ нормами воднаго права, формы пользованія оросительною водою, какъ и формы пользованія землей, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ относительнаго недостатка или изобилія оросительной воды, вліяніе котораго, въ соотвѣтствіи съ особыми условіями пользованія оросительною водою, проявляется не только и даже не столько въ пространствѣ, сколько во времени, въ частности въ зависимости отъ временъ года. „Во время весенняго и осенняго половодья господствуетъ захватная система пользованія; благодаря обилію выпадающихъ въ горахъ атмосферныхъ осадковъ, рѣчки до того разливаются, что населеніе не успѣваетъ расходовать всю массу воды". „При такомъ обиліи оросительной

---

[1]) Закавк., I, 25, III, 37.
[2]) *Ковалевскій*, Зак. и обыч., II, 135.
[3]) Закавказ., I, 49.
[4]) III, 47—48.

воды, каждая община беретъ такое количество воды, какое считаетъ необходимымъ для орошенія своихъ посѣвовъ". Напротивъ, лѣтомъ, когда воды въ рѣкахъ и рѣчкахъ очень мало, „является несбходимость въ урегулированіи отношеній между общинами"; „вода каждой рѣчки распредѣляется между общинами, „расположенными въ ея бассейнѣ", при чемъ „основаніемъ, по которому производится разверстаніе воды, служитъ или пространство занятыхъ посѣвами земель, или же число дымовъ въ каждой отдѣльной общинѣ" [1]). Самое распредѣленіе воды между общинами производится довольно разнообразными способами. „Обыкновенно каждая община безпрерывно получаетъ долю слѣдуемой ей оросительной воды. Но въ иныхъ районахъ и случаяхъ приходится отступать отъ общаго порядка пользованія: во-первыхъ, въ маловодныхъ районахъ и, во-вторыхъ, въ случаѣ чрезмѣрной убыли воды въ рѣчкахъ, безпрерывный отпускъ воды замѣняется очереднымъ пользованіемъ. Въ критическія минуты, въ случаѣ крайней необходимости, назначается „гирдавъ"—пріостановка нормальнаго теченія очередей, которая, „какъ чрезвычайная мѣра, имѣетъ цѣлью доставить воду общинамъ, посѣвы которыхъ не могутъ оставаться безъ воды" [2]). Распредѣленіе воды *внутри* общинъ, между дворами, происходитъ пропорціонально числу единицъ надѣленія И опять-таки, какъ и при передѣлѣ пашенъ, „масса отведенной общинѣ воды сперва распредѣляется между *группами* общественниковъ, а затѣмъ уже между отдѣльными дымами, пропорціонально числу единицъ надѣленія. Группы чередуются посуточно, а дымы—по часамъ", при чемъ, „тѣ отдѣльные участки, которые обрабатываются цѣлою группою на товарищескихъ началахъ, поливаются ея членами сообща, и вода въ этихъ случаяхъ не распредѣляется между отдѣльными дымами" [3]). Но и регулированіе водопользованія внутри общины имѣетъ мѣсто только при недостаткѣ оросительной воды; во время половодій „каждый домохозяинъ беретъ воду тамъ, гдѣ удобно, и такое количество, какое считаетъ нужнымъ" [4]).

Относительно формъ пользованія другими, кромѣ пашенъ, общинными угодьями наши источники даютъ лишь немного конкретныхъ указаній. Указанія относительно порядковъ пользованія покосами мы находимъ лишь по Эриванской губерніи. „Покосы ежегодно до косьбы распредѣляются между отдѣльными общинниками по той же системѣ, по какой производится разверстаніе пахотной земли. Если при этомъ покосы лежатъ не въ одномъ большомъ обрубѣ, а состоятъ изъ нѣсколькихъ клиньевъ, то передъ косьбою община дробится обыкновенно на

---

[1]) I, 149; см. также, III, 55.
[2]) III, 55—56.
[3]) Тоже, 56.
[4]) I, 151.

нѣсколько группъ: однѣ группы получаютъ покосъ въ одномъ участкѣ, другія въ другомъ, при чемъ отдѣльные обрубы уравниваются между собою по качеству травы. Послѣ всего этого члены каждой группы или сообща косятъ свой участокъ, или же до косьбы дѣлятъ по дымамъ самую покосную землю". Мѣстами „практикуется нѣсколько иной порядокъ: крестьяне цѣлыми общинами скашиваютъ покосную землю, и затѣмъ уже дѣлятъ между собою сѣно, пропорціонально количеству выставленныхъ каждымъ общинникомъ косарей и числу рабочихъ дней, употребленныхъ на косьбу" [1]). Во всемъ этомъ, очевидно, закавказскіе сѣнокосные порядки не представляютъ существенныхъ особенностей по сравненію съ порядками, практикующимися въ русской крестьянской общинѣ.

Такъ или иначе,—во всякомъ случаѣ фактъ, что та или другая, бо̀льшая или меньшая часть земельныхъ угодій въ Закавказьѣ состоитъ въ уравнительномъ пользованіи, а потому естественно возникаетъ вопросъ объ основаніяхъ распредѣленія угодій между общинниками. И здѣсь надлежитъ отмѣтить прежде всего одну существенную особенность общинныхъ порядковъ Закавказскаго края,—отсутствіе той неразрывно-тѣсной связи между *платежною* и *земельною* развсрсткою, какая является, повидимому, безусловнымъ правиломъ въ русской крестьянской общинѣ. Въ періодъ, предшествовавшій присоединенію края къ Россіи, „цѣлый разрядъ бѣднаго люда изъятъ былъ отъ податей и повинностей, а между тѣмъ весь этотъ людъ пользовался землею. При совершенномъ отсутствіи круговой поруки и системы недоимокъ,—поясняетъ по этому поводу г. Егіазаровъ,—община не считала нужнымъ привлекать бѣдныхъ сочленовъ своихъ къ несенію податей и повинностей, земля же, поскольку она не закрѣплена была за частными лицами и родами на правѣ потомственнаго владѣнія, признавалась общимъ достояніемъ, и община не считала себя въ правѣ отказывать бѣдному люду въ земельномъ надѣлѣ". Установленная изслѣдованіемъ восточнаго Закавказья „связь между размѣромъ земельнаго надѣла и податною способностью семьи — по мнѣнію г. Егіазарова—своего рода новшество: оно вызвано въ жизни круговою порукой, введенной послѣ присоединенія края, и до русскаго владычества не существовало" [1]). Однако, это едва ли такъ: съ одной стороны, въ Кутаисской губерніи, равно какъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ восточнаго Закавказья, гдѣ община болѣе или менѣе окончательно распалась, „никакой раскладки не существуетъ даже въ настоящее время, когда вся наша податная система основана на круговой порукѣ: разъ общинное землевладѣніе или окончательно распалось, или доживаетъ свои послѣдніе дни, — искусственными мѣрами, какими является круговая порука, едва ли можно установить тѣсную связь и правильное

[1]) *Егіазаровъ*, 52—54.

распредѣленіе податей и повинностей между односельчанами“ [1]). И, напротивъ, въ тѣхъ общинахъ и мѣстностяхъ, гдѣ община представляетъ собою еще живой, дѣйствующій организмъ, „не размѣръ земли зависитъ отъ размѣра податей, а наоборотъ, количество податей зависитъ отъ владѣемаго общинникомъ надѣла“. Многонадѣльный дворъ (ампа) „получаетъ надѣлъ въ полномъ размѣрѣ не потому, что онъ несетъ больше податей и повинностей, а скорѣе онъ призывается къ платежу податей въ усиленномъ размѣрѣ именно потому, что владѣемый имъ надѣлъ больше надѣловъ другихъ общинниковъ“ [2]).

Разверсточные порядки закавказской общины чрезвычайно разнообразны. Возьмемъ для примѣра Тифлисскую губернію. Въ однихъ ея уѣздахъ „распредѣленіе земли производится по дымамъ, иногда по камеральнымъ, а иногда по наличнымъ“; въ другихъ „на ряду съ подымнымъ распредѣленіемъ практикуется литровая форма разверстанія, при которой принимается въ расчетъ платежная способность (точнѣе, имущественная состоятельность! А. К.) общинника; при этой системѣ распредѣленія дымы дѣлятся на четыре разряда, и размѣръ получаемаго общинникомъ надѣла обусловливается отнесеніемъ его къ тому или другому разряду“. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, наконецъ, „практикуется ампа-чарековая и ахчевая форма разверстанія земли“ [3]) Такое же или еще большее разнообразіе принциповъ раскладки царитъ и въ остальныхъ губерніяхъ, и крайне характерно, что офиціально-провозглашенный закономъ подымный принципъ раскладки платежей стоитъ на *послѣднемъ* мѣстѣ по своей распространенности и фактическому значенію. „Хотя по офиціальнымъ ханскимъ окладамъ объектомъ обложенія и служилъ дымъ, какъ отвлеченное понятіе и совокупность лицъ, но крестьяне (рѣчь идетъ о до-русскихъ временахъ) вообще производили раскладку пропорціонально экономической способности дымовъ, т.-е. по сохамъ... Тогда, какъ и теперь, они переводили всѣ подати и повинности на землю, и такимъ образомъ достигали уравненія податной тягости“. Дѣло не измѣнилось и по присоединеніи края къ имперіи. Крестьянство, облагаемое по числу дымовъ, „создало цѣлый рядъ системъ, по которымъ производится какъ разверстаніе земельныхъ угодій и оросительной воды, такъ и раскладка податей и повинностей. Сюда относятся— въ Эриванской губерніи— „кара“ или „кылча“ у кочевниковъ; далѣе слѣдуетъ поплужное и посошное разверстаніе; затѣмъ идетъ „глуховая“ или „башевая“ разверстка, т.-е. разверстаніе по „головамъ“, и наконецъ, ампа-чарекство“ [4]).

Сущность каждой изъ перечисленныхъ только что и ранѣе формъ разверстанія угодій заключается въ слѣдующемъ:

---

[1]) Тоже, 313—314.
[2]) Тоже, 52.
[3]) Сводъ, II, 399—400.
[4]) III, 9—10.

Кара, или *кылча*—это опредѣленная совокупность крупнаго и мелкаго скота: двѣ головы крупнаго и 40 головъ мелкаго, или одна голова крупнаго и 80 головъ мелкаго; каждый домохозяинъ или группа домохозяевъ, обладающіе такимъ количествомъ скота, имѣютъ право на полученіе пастбищнаго участка опредѣленнаго, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, размѣра; имѣющіе вдвое, втрое больше скота получаютъ вдвое и втрое бо̀льшіе пастбищные участки" [1]).

При *посошной* или *поплужной* системѣ „земля распредѣляется между опредѣленнымъ числомъ „плуговъ". Въ каждомъ плугѣ, по крайней мѣрѣ, въ Бакинской губерніи, заключается 5 дымовъ. Обыкновенно каждая плужная артель производитъ общую запашку и посѣвъ, а урожай дѣлится между участниками сообразно труду, внесенному ими въ общій процессъ обработки" [2]).

Глуховая или *башевая*, по-русски „поголовная", система по существу очень сходна съ русскою тягловою разверсткой: „субъектомъ права на цѣлый, полный надѣлъ считается „голова", т.-е. самый простой типъ семьи, состоящій изъ двухъ душъ—мужа и жены. Женатый членъ семьи считается „головою", хотя бы онъ по возрасту былъ не болѣе 12 лѣтъ; неженатый мужчина, умѣющій управлять плугомъ или сохою, признается полуголовой; дѣтей, могущихъ быть погонщиками во время паханія, считаютъ четвертью головы, остальныхъ же дѣтей мужского пола, неспособныхъ къ работѣ, не принимаютъ въ расчетъ" [3]).

Подушный способъ разверстанія, усиленно пропагандировавшійся русскими властями, пользуется, однако, лишь незначительнымъ распространеніемъ. „Подушный способъ разверстки,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Егіазаровъ,—основанный на механическомъ дѣленіи площади земли на число фактическихъ душъ, можетъ вызвать чрезмѣрную дробность душевыхъ надѣловъ и имѣть вредное вліяніе на благосостояніе бобылей и бѣднѣйшихъ малодушныхъ семей"; подушная система, притомъ, „бьетъ исключительно на внѣшнюю и, такъ сказать, математическую справедливость; но чисто внѣшняя форма не говоритъ еще и за матеріальную справедливость и цѣлесообразность подушной системы" [4]).

Но наиболѣе характерными для старой закавказской общины являются *ампа-чарековая* система Эриванской и Бакинской губерній и весьма близкая къ ней по существу литра-чарековая система Тифлисской губерніи. При господствѣ первой „обычнымъ правомъ издавна установлено пять разрядовъ надѣловъ, а именно: амповый (цѣлый), ирекъ-пджеговый или учь-чарековый (трехчетвертной), кисановый или яримъ-амповый (половинный), пджеговый или

---

[1]) Тоже, 10.
[2]) Тоже, 10—11.
[3]) Тоже, 11—12.
[4]) I, 27—28.

чарековый (четвертной) и, наконецъ, кесъ-пджеговый или яримъ-чарековый (получетвертной). Владѣлецъ цѣлаго, полнаго надѣла называется „ампою“ и т. д. [1]). При первоначальной, старой системѣ амповой разверстки владѣніе надѣломъ того или другого типа зависѣло исключительно отъ состава семьи. „Чтобы имѣть право на амповый надѣлъ, общинникъ-ампа долженъ былъ непремѣнно имѣть семью, состоящую изъ 16 душъ обоего пола“; остальные, неполные надѣлы соотвѣтствовали составу семьи въ 12, 8, 4 и 2 души. Такимъ образомъ,—заключаетъ г. Егіазаровъ,—система ампачарекства не что иное, какъ своеобразный цензъ, по которому отдѣльныя семьи, начиная съ большой патріархальной и кончая простою двухдушною, занимаютъ въ общинѣ то или другое положеніе“, въ смыслѣ какъ права на землю и воду, такъ и отбыванія повинностей и податей.

Это, повторяю, первоначальная или старая форма ампа-чарековой разверстки, которая, насколько можно судить на основаніи указаній нашего источника, не въ меньшей мѣрѣ страдаетъ механичностью, нежели душевая система,—преимущество первой только въ томъ, что она считается не только съ мужскими, но и женскими душами. Отличіе болѣе новаго типа и, повидимому, являющейся его синонимомъ литровой системы, практикуемой въ Тифлисской губерніи, въ томъ, что „дымы, *смотря по состоянію*, дѣлятся на *четыре* разряда“,—значитъ, во-первыхъ, число разрядовъ меньше, и во-вторыхъ, что „при отводѣ надѣла принимается въ расчетъ, главнымъ образомъ, экономическая способность семьи“ [2]), основными элементами которой являются не только рабочія руки, но и хозяйственный инвентарь. Самое распредѣленіе дымовъ по разрядамъ зависитъ отъ представителей группъ, избранныхъ для производства передѣла; „но богатство и экономическая способность—понятія относительныя и слишкомъ растяжимыя“, а потому разсматриваемая система разверстки, несомнѣнно, оставляетъ широкій просторъ „пристрастію и кумовству,—возможны также и другого рода злоупотребленія, жертвою которыхъ въ большинствѣ случаевъ дѣлаются бѣдные общинники“ [3]).

Изслѣдованіе, къ сожалѣнію, совершенно не даетъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы установить зависимость между распространенностью того или другого типа разверстки и земельно-хозяйственными условіями отдѣльныхъ мѣстностей района изслѣдованія. Но несомнѣнно одно: тѣсная связь амповой и литровой системъ съ родовою формой общины и съ большою патріархальною семьей: и ампа, и литра—очень крупныя единицы, разсчитанныя на многочисленный составъ „полной“ семьи. По мѣрѣ распаденія родовой общины и тѣсно связаннаго съ этимъ разло-

---

[1]) I, 17; *Егіазаровъ*, 50—51.
[2]) Закавказ., I, 18; *Егіазаровъ*, 50.
[3]) Тоже, 63.

женія большой семьи, амповая и литровая разверстки утрачиваютъ, поэтому, свой смыслъ и постепенно вытѣсняются другими способами разверстанія. Въ извѣстной степени упадокъ амповой и литровой системъ можетъ быть, повидимому, поставленъ въ связь и съ обостряющимся малоземельемъ. Амповая и литровая разверстки имѣли въ виду нормальныя семьи или типы семей въ 16, 12, 8, 4 и въ 2 души. Семьямъ не соотвѣтствующаго этимъ типамъ состава „прибавляли души“ до четнаго числа и вообще до предусмотрѣннаго амповою и литровою схемами состава [1]). Ясно, что „подобный способъ разверстки могъ быть примѣняемъ только въ многоземельныхъ общинахъ, гдѣ общинники не такъ дорожатъ землею“. Въ малоземельныхъ общинахъ добавка душъ „можетъ вызвать и, дѣйствительно, вызываетъ ропотъ дымовъ, владѣющихъ четнымъ числомъ душъ; крестьяне въ такихъ селахъ дѣлятся на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна требуетъ прибавки земли на фиктивныя души, а другая настаиваетъ на ихъ исключеніи“ [2]). Это обстоятельство, съ одной стороны, очень способствуетъ упадку амповой или литровой системы; съ другой—на мѣсто системы добавочныхъ душъ вырабатывается система „складыванія“ или „сопряганія“ дымовъ, пользующаяся особенно широкимъ распространеніемъ въ малоземельныхъ общинахъ: „одинокіе бобыли, двухдушные, трехдушные и прочіе нечетные дворы сопрягаются, группируются вмѣстѣ, образуя вольныя товарищества, извѣстныя подъ именемъ арагашествъ, и сообща получаютъ надѣлъ“; эти товарищества „пользуются полною свободой и дѣйствуютъ самостоятельно какъ въ выборѣ товарищей, такъ и въ вопросахъ, касающихся внутреннихъ распорядковъ и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ дымовъ-товарищей“ [3]).

Мы опять пришли, такимъ образомъ, къ вопросу о тѣхъ разнообразнѣйшихъ соединеніяхъ, какія слагаются въ средѣ закавказской общины, для самыхъ различныхъ хозяйственныхъ цѣлей. Широкое развитіе такого рода товарищескихъ организацій—одна изъ характернѣйшихъ чертъ закавказской общины. Общины *всегда* дѣлятся на болѣе мелкія группы—десятни и арагашества Эриванской губерніи, кетаны и кашкалы Елисаветпольской и т. п. Эти группы—„то низшія административныя дѣленія общины, имѣющія цѣлью правильное распредѣленіе земельныхъ угодій, воды, податей и повинностей, то простыя товарищескія единенія, организуемыя для наивыгоднѣйшей эксплуатаціи земли и воды и взаимной хозяйственной помощи во всѣхъ невзгодахъ малоземелья и маловодья“ [4]). Закавказскіе крестьяне „каждый разъ группируются и составляютъ товарищество, если въ своей хозяйственной жизни

---

[1]) Закавказ., I, 21.
[2]) Тоже, 22.
[3]) I, 22—23; *Егіазаровъ*, 60.
[4]) III, 16.

встрѣчаютъ какое-либо препятствіе, устраненіе котораго невозможно единичными силами отдѣльныхъ общинниковъ, или если коллективная обработка извѣстнаго угодья, коллективное веденіе хозяйства обѣщаетъ больше выгодъ, которыхъ отдѣльный домохозяинъ не можетъ достигнуть своими трудами“ [1]). Но наиболѣе интересный типъ такихъ товарищескихъ организацій — это все-таки уже упоминавшіяся арагашества Эриванской губерніи. „Арагашество, устраняя дробность и чрезполосность надѣльныхъ участковъ, даетъ малоземельному крестьянину возможность воздѣлывать всѣ роды растеній: одинъ изъ товарищескихъ участковъ засѣвается пшеницей, другой—ячменемъ, третій обращается подъ хлопчатникъ или баштанъ“. По организаціи своей арагашество—„самый простой типъ сельскаго товарищества: оно состоитъ обыкновенно изъ 2, 3, очень рѣдко изъ 4 или изъ 5 бобылей или малодушныхъ дымовъ, которые иногда связаны узами родства“; теперь—только *иногда* связаны, тогда какъ „въ старину въ арагашества вступали *большею частью* родственныя семьи, что̀ придавало имъ характеръ семейно-родовой общины“. При *полномъ* арагашествѣ „члены его наравнѣ съ рабочей силою слагаютъ всю массу принадлежащей имъ надѣльной земли“, при *неполномъ* „они сообща обрабатываютъ лишь опредѣленные участки“. Въ томъ и другомъ случаѣ „полевыя работы производятъ сообща, а урожай и вообще всѣ продукты земледѣлія дѣлятъ между собой пропорціонально затраченному труду и участкамъ, принадлежащимъ каждому изъ отдѣльныхъ арагашей“ [2]).

Если арагашества и т. п. земледѣльческія соединенія являются какъ бы реальною связью между современною *сосѣдскою* общиною закавказскихъ крестьянъ и старою *семейно-родовою* общиной, то другой любопытный типъ товарищескихъ соединеній—кочевыя общины, является такимъ же связующимъ звеномъ между современною общиной осѣдлаго населенія Закавказскаго края съ тѣми общинными формами, какія существовали здѣсь во времена кочевого быта. Среди осѣдло-земледѣльческаго населенія края, болѣе или менѣе повсемѣстно, имѣются многоскотные элементы, которые отгоняютъ свои стада на арендуемыя у казны горныя лѣтовки. Эти-то элементы соединяются въ особыя кочевыя общины или артели. И такія организаціи являются безусловною необходимостью: лѣтовки—эйлаги осѣдлыхъ общинъ „отстоятъ отъ нихъ на разстояніи десятковъ, а иногда сотенъ верстъ. При такихъ условіяхъ сельская община не можетъ удержать за собой юртовыя мѣста“. Заинтересованные въ пользованіи эйлагами общинники „группируются и образуютъ кочевыя общины“, которыя „организуются либо на товарищескихъ началахъ, либо подъ главенствомъ богатаго скотовладѣльца, имѣющаго вѣсъ и авторитетъ

---

[1]) III, 14—15; *Егіазаровъ*, 61, 78—79.
[2]) I, 52—53; *Егіазаровъ*, 62,

въ общинѣ"; въ первомъ случаѣ всѣ товарищи-сочлены равноправны, во второмъ организація кочевыхъ общинъ осѣдлаго населенія та самая, съ какою мы познакомились, когда говорили о формахъ землепользованія закавказскихъ кочевниковъ [1]). Во всякомъ случаѣ, однако, кочевая община или артель осѣдлаго населенія „далеко не тождественна съ сельскою: одни селенія, гдѣ общинники имѣютъ болѣе или менѣе крупныя стада рогатаго скота, дробятся на нѣсколько кочевыхъ общинъ; другія, гдѣ скота мало, образуютъ только одну общину; иногда скотоводы изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній группируются и сообща образуютъ одну кочевую общину, и т. д. Полное сліяніе и совпаденіе обоихъ типовъ—общины осѣдлой и кочевой—имѣютъ мѣсто только когда жители извѣстнаго селенія содержатъ скотъ въ такомъ небольшомъ количествѣ, что общее стадо можетъ найти кормъ на одномъ юртовомъ мѣстѣ" [2]). Однако и въ этихъ случаяхъ совпаденіе земледѣльческой общины съ кочевою общиною или артелью имѣетъ, думается мнѣ, чисто внѣшній, случайный характеръ; по существу же кочевая община или артель остается организаціей совершенно особаго рода и строенія, устанавливающей, повторяю, вещественную связь между общинными порядками, какъ они сейчасъ сложились, а частью—уже и разложились у осѣдлаго населенія, и порядками кочевого пользованія землею.

---

[1]) III, 27—28; *Егіазаровъ*, 191; см. выше, стр. 98—99.
[2]) I, 79—80.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Русская крестьянская община

въ процессѣ ея сложенія.

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія.

Предметомъ настоящей второй части этой книги будетъ слагающаяся, приспѣвающая община у русскаго земледѣльческаго населенія, главнымъ образомъ, конечно, у крестьянъ, отчасти—у казаковъ. Мы будемъ изучать ее не въ историческомъ прошломъ, какъ оно можетъ быть возстановлено для нѣкоторыхъ мѣстностей по документальнымъ источникамъ, и какъ оно, до нѣкоторой степени, возстановляется въ работахъ А. Я. Ефименко, П. А. Соколовскаго и другихъ, а такъ, какъ она можетъ быть наблюдаема въ настоящее время воочію или изучаема по даннымъ, такъ сказать, живой традиціи. Сказаннымъ опредѣляются и районъ изученія, и тѣ источники, на которые мы будемъ главнѣйшимъ образомъ опираться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Слагающаяся община сопутствуетъ широкому земельному простору—значитъ, и искать ея мы должны на рѣдко-населенныхъ окраинахъ нашего отечества. Намъ нечего искать ея, поэтому, въ средней Россіи: это районъ не слагающейся, а уже сложившейся общины. Слагающейся общины мы должны искать, прежде всего, на югѣ и на востокѣ Европейской Россіи, гдѣ соотвѣтственныя явленія мѣстами наблюдались земскими статистиками и вошли въ фундаментальную сводную работу г-на В. В. Настоящимъ царствомъ слагающейся общины остается и до настоящаго времени архангельско-вологодскій сѣверъ. Къ сожалѣнію, однако, формы землепользованія здѣсь до самаго послѣдняго времени не подвергались сплошному изслѣдованію; поэтому „живая исторія общины“ на русскомъ сѣверѣ можетъ быть изучаема, говоря вообще, лишь фрагментарнымъ образомъ, на основаніи болѣе или менѣе разрозненнаго матеріала, собраннаго и обработаннаго болѣе или менѣе случайными наблюдателями; совершенно особое мѣсто среди этого матеріала занимаетъ чрезвычайно цѣнная работа С. А. Щепотьева „Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общинаго землевладѣнія на сѣверѣ“ [1]). Только въ самое послѣднее время экспедиціоннымъ способомъ изучены порядки землевладѣнія и землепользованія въ одномъ,

[1]) „Русская Мысль“, 1883 г., декабрь.

правда, не обширномъ, но чрезвычайно любопытномъ уголкѣ Вологодской губерніи, именно въ нѣсколькихъ волостяхъ Усть-Сысольскаго уѣзда, и собранный этимъ изслѣдованіемъ матеріалъ обработанъ въ интересномъ трудѣ одного изъ непосредственныхъ участковъ изслѣдованія, М. А. Большакова—„Община у зырянъ“ [1]). Широкимъ распространеніемъ пользуются или, во всякомъ случаѣ, до недавняго времени пользовались до-передѣльныя формы землепользованія, характеризующія слагающуюся общину, въ казачьихъ областяхъ, съ ихъ сравнительно еще широкимъ земельнымъ просторомъ. Характеристику формъ казачьяго землепользованія мы находимъ въ работахъ: Ф. А. Щербины „Земельная община у кубанскихъ казаковъ“; Н. А. Бородина „Уральское казачье войско“; М. Н. Харузина „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону“. Однако общинно-земельные порядки въ казачьихъ областяхъ также не подвергались систематическому экспедиціонному изслѣдованію, и потому относящіяся къ нимъ свѣдѣнія, по своему внутреннему достоинству, не могутъ быть поставлены на ряду съ тѣми источниками, о которыхъ мнѣ придется упоминать сейчасъ; съ другой стороны, формы владѣнія и пользованія землею въ казачьихъ войскахъ болѣе, нежели гдѣ бы то ни было, были объектомъ разнаго рода административнаго воздѣйствія, и потому при изученіи ихъ далеко не всегда можно отдѣлить то, что̀ является продуктомъ естественной эволюціи общинно-земельныхъ формъ, отъ того, что привнесено извнѣ, распоряженіями правительственной власти.

Основнымъ источникомъ для изученія „живой исторіи общины“ у русскаго крестьянства являются данныя сибирскихъ изслѣдованій. Земледѣльческая Сибирь цѣликомъ находится или до самаго послѣдняго времени находилась въ условіяхъ чрезвычайно широкаго земельнаго простора, и потому здѣсь частью до сихъ поръ господствуютъ, частью еще недавно господствовали сопутствующія слагающейся общинѣ неопредѣленныя формы землевладѣнія и вольныя формы землепользованія; земельный просторъ, подъ вліяніемъ частью естественнаго прироста, частью водворенія переселенцевъ и приселенія ссыльныхъ, сокращается весьма быстро, а потому процессъ сложенія общины идетъ въ Сибири быстрѣе, нежели гдѣ бы то ни было; благодаря этому въ Сибири можно наблюдать воочію весь процессъ сложенія общины,—можно наблюдать всю длинную гамму переходныхъ формъ отъ чистаго захвата къ самымъ напряженнымъ формамъ уравнительнаго землепользо-

---

[1]) Работа эта напечатана въ „Живой Старинѣ“ за 1906 годъ и отдѣльною брошюрой. Содержащимися въ ней данными, касающимися общины у зырянъ, я счелъ возможнымъ воспользоваться какъ матеріаломъ для изученія слагающейся общины у крестьянъ, потому что зыряне, отличаясь по языку, условіямъ быта и т. п., по характеру землепользованія и земледѣльческаго хозяйства ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ русскаго крестьянства мѣстностей, стоящихъ въ аналогичныхъ, естественныхъ и хозяйственныхъ, условіяхъ.

ванія; можно съ точностью установить, какъ совершался самый переходъ съ одной ступени эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія на другую.

Основнымъ источникомъ для изученія формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Сибири являются данныя экспедиціонныхъ изслѣдованій, которыя произведены были въ четырехъ губерніяхъ предбайкальской Сибири въ 1886—1892 гг., въ Забайкальѣ въ 1897 г. Авторъ этой книги былъ однимъ изъ участниковъ изслѣдованія двухъ западно-сибирскихъ губерній, а потому не можетъ, конечно, вдаваться въ критическую оцѣнку результатовъ этого изслѣдованія. Совершенно необходимо, однако, отмѣтить одну характерную особенность западно-сибирскаго изслѣдованія: отдѣльные уѣзды, или даже части уѣздовъ были поручены отдѣльнымъ изслѣдователямъ, каждый изъ которыхъ велъ работу по собственной программѣ и собственными пріемами. По уѣздамъ же и частямъ уѣздовъ, велась и обработка собранныхъ изслѣдованіемъ данныхъ, поуѣздныя описанія представляютъ всѣ переходы начиная отъ небольшихъ брошюръ, размѣромъ въ 5—6 печатныхъ листовъ, и кончая трехтомною работой покойнаго Н. О. Осипова, посвятившаго описанію Курганскаго уѣзда болѣе ста печатныхъ листовъ. Въ частности, вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія подвергнутъ детальному изученію въ только что упомянутой работѣ Н. О. Осипова, въ работахъ автора настоящей книги, посвященныхъ одна—Ишимскому, другая—Туринскому уѣзду, третья—Томско-Маріинскому полѣсью, и въ небольшой по объему, но весьма богатой содержаніемъ работѣ Е. С. Филимонова о сѣверо-западной Барабѣ. Остальные изслѣдователи если и касались вопроса о формахъ землевладѣнія и землепользованія, то лишь болѣе или менѣе мимоходомъ.

Изслѣдованіе Иркутской и Енисейской губерній было, напротивъ, проведено по одной общей программѣ, и дало сплошной, вполнѣ удобосравнимый матеріалъ. Разработка матеріала велась для каждой губерніи не по уѣздамъ, а по вопросамъ и группамъ вопросовъ, при чемъ ближайшимъ образомъ интересующіе насъ вопросы разработаны: вопросъ о землевладѣніи по Иркутской губерніи Е. А. Смирновымъ, по Енисейской—В. Ю. Григорьевымъ; вопросъ о формахъ землепользованія—по первой Л. С. Личковымъ, по второй—М. М. Дубенскимъ.

Весь матеріалъ изслѣдованія четырехъ сибирскихъ губерній, касающійся формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія былъ сведенъ и обработанъ мною въ вышедшей десять лѣтъ тому назадъ книгѣ „Крестьянская община въ Сибири“ [1]), а

[1]) Поскольку я буду пользоваться, въ дальнѣйшемъ, данными, использованными въ этой моей книгѣ, я, въ цѣляхъ сбереженія мѣста, буду дѣлать ссылки *только* на нее; въ ней уже интересующійся читатель найдетъ ссылки на первоисточники.

затѣмъ широко использованъ въ первомъ, и, къ сожалѣнію, пока оставшемся единственнымъ томѣ превосходной работы К. Р. Качоровскаго о „Русской общинѣ".

Въ названной моей книгѣ остались, однако, совершенно неиспользованными, какъ мало использованы и у г. Качоровскаго, позднѣйшія работы, касающіяся формъ землевладѣнія и землепользованія на Алтаѣ и въ Забайкальской области. Изслѣдованіе крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ Алтайскомъ округѣ, предпринятое въ 1894 году, по первоначальному замыслу должно было носить сплошной характеръ. Въ дѣйствительности, сплошное изслѣдованіе было выполнено только въ южной, кабинетской части Томскаго уѣзда, и результаты этого изслѣдованія изданы въ видѣ нѣсколькихъ выпусковъ, одинъ изъ которыхъ, составленный такимъ опытнымъ и авторитетнымъ изслѣдователемъ, какъ С. П. Швецовъ (въ сотрудничествѣ съ П. М. Юхневымъ), посвященъ интересующимъ насъ вопросамъ—„землевладѣнію и землепользованію". Въ Забайкальской области сплошное изслѣдованіе было начато и закончено въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1897 года, а результаты его обработаны и выпущены въ свѣтъ, въ видѣ 16 болѣе или менѣе объемистыхъ томовъ, въ слѣдующемъ же 1898 году. По строгому единству организаціи и быстротѣ выполненія, забайкальское изслѣдованіе представляетъ собою, несомнѣнно, совершенно исключительное явленіе въ исторіи статистическихъ изслѣдованій экспедиціоннаго типа. Самая организація и программы изслѣдованія, выработанныя группою опытныхъ статистиковъ, во главѣ которой стояли упомянутые выше В. Ю. Григорьевъ и Е. А. Смирновъ, въ общемъ сходны съ организаціею и программами изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній. Но, какъ мнѣ приходилось уже отмѣчать въ первой части этой книги [1]), чрезвычайная быстрота выполненія изслѣдованія Забайкальской области имѣла и свою оборотную сторону: именно, крайнюю пестроту и недостаточную, если можно такъ выразиться, „сыгранность" какъ многочисленнаго персонала, принимавшаго непосредственное участіе въ мѣстномъ изслѣдованіи, такъ даже и контингента лицъ, обрабатывавшихъ его результаты. Отсюда, съ одной стороны, разнокачественность и далеко не полная сравнимость собраннаго матеріала, съ другой—весьма неодинаковое достоинство тѣхъ монографій, въ которыя вылились результаты его разработки. Вопросъ о землевладѣніи, какъ мнѣ тоже приходилось упоминать, разработанъ чрезвычайно слабо; не лучше и монографія, посвященная податямъ и повинностямъ. Къ счастью, зато, обработка матеріала по формамъ землепользованія попала въ умѣлыя руки г. Кроля, работа котораго несомнѣнно, является однимъ изъ основныхъ источниковъ для изученія „слагающейся" или „приспѣвающей" общины.

---

[1]) Стр. 5—6.

Изъ представленнаго на предшествующихъ страницахъ обзора источниковъ ясно, что намъ придется говорить, главнымъ образомъ, о *сибирской* общинѣ; только въ видѣ иллюстраціи, рѣже въ видѣ болѣе или менѣе существенныхъ дополненій, мы будемъ пользоваться данными, касающимися казачьихъ областей, сѣверныхъ губерній или другихъ мѣстностей Европейской Россіи.

Разъ изученіе „слагающейся общины“ у русскаго земледѣльческаго населенія въ наиболѣе существенной своей части совпадаетъ съ изученіемъ формъ землевладѣнія и землепользованія въ Сибири, то было бы, конечно, весьма полезно изученію этихъ формъ предпослать характеристику той почвы, на которой онѣ выросли, иначе сказать, характеристику условій землевладѣнія и хозяйства сибирскаго крестьянства. Но съ одной стороны, это заняло бы слишкомъ много мѣста, съ другой—въ этомъ нѣтъ особо настоятельной необходимости: общій характеръ быта и хозяйства крестьянъ такихъ рѣдко населенныхъ окраинъ нашей страны можетъ считаться, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ, достаточно общеизвѣстнымъ, а существенныя для насъ подробности могутъ быть выяснены попутно съ характеристикою формъ землепользованія. Мы остановимся здѣсь, поэтому, лишь на условіяхъ населенности и на положеніи землеустроительнаго дѣла въ той полосѣ Сибири, къ которой, главнымъ образомъ, будетъ относиться наше дальнѣйшее изложеніе. Это безусловно необходимо для пониманія дальнѣйшаго, и къ этому мы прибавимъ лишь немного общихъ замѣчаній, касающихся вопроса о взаимномъ отношеніи основныхъ отраслей сибирскаго крестьянскаго хозяйства.

Если взглянуть хотя бы только на общую карту Сибири, то сразу же бросается въ глаза поразительная неравномѣрность въ размѣщеніи ея населенія. По всей южной и особенно юго-западной части Тобольской губерніи, по юго-западной полосѣ Томской, въ нѣкоторыхъ районахъ Енисейской и Иркутской губерній, частью и Забайкальской области, селенія разбросаны не слишкомъ часто, но болѣе или менѣе равномѣрно. Все остальное—необъятныя лѣсныя пустыни, прорѣзанныя густыми линіями селеній, протянувшихся вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ. И такое размѣщеніе населенія стоитъ въ тѣснѣйшей причинной зависимости, частью отъ исторіи заселенія, главнымъ же образомъ—отъ естественно-географическихъ условій какъ всего вообще края, такъ и отдѣльныхъ его частей и полосъ. Селенія возникали при рѣкахъ уже потому, что по рѣкамъ передвигались первоначальные насельники края; затѣмъ побережья рѣкъ привлекали обиліемъ рыбы и полною обезпеченностью водоснабженія, особенно важною при значительномъ развитіи скотоводства; дальнѣйшею приманкою являлись обширные заливные луга, окаймляющіе болѣе значительныя рѣки, и широкіе прирѣчные „увалы“ съ ихъ превосходными супесчаными почвами, притомъ по бо̀льшей части свободные отъ лѣса, т.-е. легко доступные для разработки. Междурѣчные волоки лѣсной

полосы по бо̀льшей части не заселены и прорѣзаются только линіями трактовъ, вдоль которыхъ располагаются ямскія селенія да изрѣдка встрѣчаются отдѣльные деревни или выселки, расположившіеся поодаль отъ большихъ рѣкъ, при какихъ-нибудь мелкихъ ихъ притокахъ. Весьма густо заселены побережья рѣкъ и въ степной полосѣ, въ частности, въ западно-сибирскихъ степяхъ; но здѣсь, кромѣ того, селенія разбросаны болѣе или менѣе равномѣрно и по степнымъ междурѣчьямъ: по ровной поверхности западно-сибирской степи разбросаны многочисленныя „гривы“ или „острова“ съ превосходною почвою, а многія изъ озеръ, которыми усѣяна степь, представляли большія удобства для образованія селеній; поэтому, старожилы здѣсь не только не избѣгали междурѣчій, но, напротивъ, особенно охотно водворялись при хорошихъ рыбныхъ озерахъ, если вблизи имѣлись хорошія пахотныя „гривы“.

Въ тѣсной зависимости отъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій стоитъ и степень аггломераціи населенія, иначе говоря, величина крестьянскихъ селеній. Зависимость эту мы наблюдаемъ одинаково и въ Европейской Россіи и въ Сибири. На сѣверѣ Европейской Россіи, какъ отмѣчено, между прочимъ, К. Р. Качоровскимъ, „въ лѣсахъ преобладаютъ мелкія деревеньки“, въ центральной Россіи „селенія имѣютъ различные, а въ общемъ—средніе размѣры“, въ губерніяхъ же южныхъ и восточныхъ преобладаютъ крупныя селенія. Въ то время, напримѣръ, какъ въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, средній размѣръ селенія—10, въ Оханскомъ—14 дворовъ, а изъ общаго числа 3617 селеній, въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ, 2292 приходится на долю селеній не крупнѣе 10 дворовъ, во многихъ уѣздахъ южныхъ и восточныхъ губерній „средній размѣръ селенія равенъ 200—250 дворамъ и почти никогда не ниже 100—150 дворовъ“ [1]). То же и въ Сибири, въ частности—въ необъятной Тобольской губерніи. Если оставить въ сторонѣ не интересующее насъ въ данную минуту вліяніе чисто этнографическихъ условій, и разсмотрѣть данныя о размѣрахъ селеній въ зависимости исключительно отъ географическаго положенія отдѣльныхъ мѣстностей, то мы увидимъ, что въ Тобольской губерніи размѣръ селеній съ полною и неизмѣнною правильностью убываетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. Въ четырехъ южныхъ уѣздахъ средній размѣръ селеній выражается въ цифрахъ 102, 97, 92 и 82 двора; въ двухъ уѣздахъ переходной полосы—49 и 60 дворовъ; въ четырехъ сѣверныхъ уѣздахъ—29, 16, 18 и даже 6 дворовъ. Размѣры селеній съ полною правильностью убываютъ въ томъ же направленіи даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ уѣздовъ: такъ, въ южной части Ишимскаго уѣзда—одного изъ уѣздовъ южной полосы—среднія поволостныя цифры дворовъ на одно селеніе колеблются между 96 и 184, въ одной только во-

[1]) *Качоровскій*, 94.

лости падая ниже ста, — среднія поволостныя цифры въ сѣверной половинѣ уѣзда колеблются между 59 и 92 дворами. Въ южной части Туринскаго уѣзда—одного изъ уѣздовъ сѣверной полосы—средній размѣръ селенія 49, въ сѣверной—всего 19 дворовъ. И это совершенно понятно: на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи и Сибири земледѣліе вовсе или почти вовсе не существуетъ, населеніе живетъ исключительно промыслами—рыболовствомъ, охотою и т. п.; при такихъ условіяхъ образованіе крупныхъ поселковъ, конечно, невозможно. Нѣсколько южнѣе населеніе занимается уже земледѣліемъ, для котораго, однако, пригодны исключительно узкіе прирѣчные увалы; самое земледѣліе притомъ ведется съ навознымъ удобреніемъ, а потому селенія, и здѣсь, естественно, должны сохранять небольшой размѣръ. Еще южнѣе, напримѣръ, въ Тюменскомъ уѣздѣ, унаваживается лишь часть пашенъ; самыя полосы разрабатываемыхъ уваловъ значительно шире, и потому селенія могутъ достигать уже значительно бо̀льшихъ размѣровъ. Еще крупнѣе селенія, напр., въ сѣверной части Ишимскаго уѣзда, потому что хозяйство, въ общемъ, сохраняетъ здѣсь еще залежный характеръ, при которомъ удаленность пашенъ не играетъ роли; однако, ростъ селеній и здѣсь нѣсколько затрудненъ тѣмъ, что пашни располагаются по неширокимъ прирѣчнымъ уваламъ, а междурѣчья мало пригодны для культуры. Въ южной, степной полосѣ Тобольской губерніи культура не пріурочена къ побережьямъ рѣкъ, а сосредоточивается преимущественно по „островамъ“ или „гривамъ“; какъ эти послѣднія, такъ и пункты, удобные для поселеній, разбросаны по степи довольно неравномѣрно, а потому населеніе большими группами сосредоточивается на мѣстахъ, гдѣ группируются „острова“ и „гривы“, и гдѣ есть удобные пункты для поселенія, оставляя незаселенными иногда обширныя пространства, бѣдныя хорошими пахотными угодьями или лишенныя достаточныхъ источниковъ водоснабженія. Въ средней Сибири разсматриваемая тенденція проявляется не съ такою очевидностью. Дѣло въ томъ, что здѣсь нѣтъ такого рѣзкаго измѣненія естественныхъ и хозяйственныхъ условій въ направленіи съ юга на сѣверъ, какъ въ Тобольской губерніи, а потому средніе цифры населенности селеній складываются, въ значительной мѣрѣ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ, каковы, напр., положеніе уѣздовъ по линіи большого тракта, благопріятствующее образованію большихъ селеній, или развитіе заимочной жизни, ведущее, напротивъ, къ измельчанію селеній.

Какъ идетъ самый процессъ разселенія крестьянъ и образованія селеній—въ частности, тотъ естественный процессъ, который сопутствуетъ образованію первоначальныхъ формъ владѣнія и пользованія землею,—этого вопроса мнѣ будетъ удобнѣе коснуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, когда я обращусь къ разсмотрѣнію свойственныхъ слагающейся общинѣ формъ землепользованія,—

теперь же я перейду къ вопросу объ *основаніяхъ землевладѣнія* сибирскаго крестьянства.

Извѣстно, что Сибирь—это область почти исключительно государственнаго землевладѣнія. На всемъ необъятномъ пространствѣ четырехъ губерній коренной Сибири имѣется всего 716 частныхъ владѣній, общая площадь которыхъ не превышаетъ 430 тысячъ десятинъ, составляя ничтожную дробь процента общаго пространства тѣхъ же губерній. Все остальное—землевладѣніе государства, или казны. Алтайскій округъ, охватывающій южную половину Томской губерніи, пространствомъ до 42 милліоновъ десятинъ, и Нерчинскій округъ, Забайкальской области (всего 900 тысячъ дес.)—владѣнія кабинета Его Величества, представляющія собой промежуточную форму между государственнымъ и частнымъ землевладѣніемъ: кабинетскія земли—собственность царствующаго императора, управленіе же ими сосредоточено въ рукахъ правительственнаго учрежденія, кабинета, и носитъ, въ значительной мѣрѣ, публичноправовой характеръ. Но будучи верховными собственниками всей почти территоріи Сибири, казна и кабинетъ являются, однако, фактическими обладателями лишь сравнительно небольшой ея части. Если, напримѣръ, взять районъ государственныхъ земель четырехъ губерній коренной Сибири, то по даннымъ, для настоящаго времени значительно устарѣвшимъ, но достаточно вѣрнымъ для того времени, когда въ Сибири производилось изслѣдованіе крестьянскаго землепользованія и хозяйства, въ непосредственномъ распоряженіи казны состояло всего 25 милліоновъ десятинъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и оброчныхъ статей. Все остальное необъятное пространство казенныхъ земель четырехъ губерній состояло либо въ „единственномъ владѣніи“ крестьянъ и инородцевъ, либо въ общихъ неразграниченныхъ дачахъ и вовсе необмежеванныхъ пространствахъ, съ разбросанными среди послѣднихъ селеніями крестьянъ и инородцевъ, пользованіе которыхъ, въ такомъ случаѣ, покоилось исключительно на фактической „заимкѣ“ или оккупаціи.

Разсматриваемые исторически, способы возникновенія крестьянскаго землевладѣнія въ Сибири представляютъ не мало разнообразія. „Одни изъ пришлецовъ, селившіеся по вызову правительства, получали десятинную пашню, другіе селились самовольно на пустующихъ или инородческихъ земляхъ, вытѣсняя прежнихъ владѣльцевъ и захватывая ихъ земли себѣ; селились и съ согласія самихъ инородцевъ, уступавшихъ свои земли за деньги, получали землю за сторожевую службу и т. д.“ [1]). Но съ теченіемъ времени происходило любопытное явленіе, которое можно назвать нивеллировкой основаній крестьянскаго землевладѣнія. „Покупка, пожалованіе и пр., какъ источникъ *права* на землю, уступаютъ мѣсто *факту* наличнаго пользованія, которымъ опредѣляется и

[1]) Томскій окр., 20.

фактъ владѣнія. Нивеллирующимъ началомъ,—продолжаетъ г. Швецовъ,—явилось обиліе свободныхъ земель, для пріобрѣтенія которыхъ требовалось только одно—*трудъ*, внѣшнимъ выраженіемъ котораго является захватъ: разъ простое приложеніе труда къ землѣ является источникомъ права на дальнѣйшіе пользованіе и владѣніе ею, то тѣмъ самымъ всякій иной видъ пріобрѣтенія права на землю теряетъ свое значеніе и постепенно изглаживается даже изъ памяти населенія" [1]). Отсюда—кажущееся противорѣчіе: историки рисуютъ намъ довольно сложную картину первоначальнаго возникновенія отношеній сибирскаго крестьянства къ землѣ, въ которой значительную роль играютъ и пріобрѣтеніе у болѣе раннихъ владѣльцевъ, и правительственные отводы. Для насъ, изучающихъ *современный* складъ землевладѣнія и землепользованія сибирскихъ крестьянъ, источникомъ того и другого является вольная заимка, свободная оккупація, которая, впрочемъ, и въ старину нерѣдко являлась первоначальнымъ источникомъ отношеній сибирскаго крестьянства къ землѣ [2]).

До середины XIX вѣка правительство не принимало, можно сказать, никакихъ мѣръ къ урегулированію землепользованія сибир-

---

[1]) Тоже, 20—21.

[2]) До извѣстной степени аналогичныя явленія мы можемъ наблюдать и до настоящаго времени въ томъ районѣ, къ которому относится, между прочимъ, названная выше работа г. Большакова объ „общинѣ у зырянъ",—сѣверо-восточной части Вологодской губерніи, гдѣ населеніе еще не получило поземельнаго устройства. Населенію и здѣсь, какъ и въ остальной части Вологодской губерніи, въ серединѣ XVIII вѣка, при генеральномъ межеваніи, были отведены земельныя дачи, разсчитанныя на тогдашнее ревизское населеніе. „Такъ какъ несмотря на быстрый ростъ населенія—читаемъ мы въ одномъ офиціальномъ документѣ,—отведенная при генеральномъ межеваніи земля осталась безъ увеличенія, то, само собою разумѣется, и началъ ощущаться сильный недостатокъ въ землѣ, каковой недостатокъ и заставилъ крестьянъ самовольно захватывать и расчищать площади изъ-подъ лѣса какъ въ близко лежащихъ къ ихъ селеніямъ казенно-крестьянскихъ дачахъ, такъ и въ глубинѣ чисто-казенныхъ лѣсовъ. Разработка пашенъ и сѣнокосовъ,—читаемъ мы дальше въ томъ же документѣ,—въ силу послѣдовавшихъ, начиная съ 1860 года, предписаній министерства, запретившихъ крестьянамъ дѣлать расчистки въ упомянутыхъ дачахъ безъ вѣдома лѣсного вѣдомства, отчасти прекратились"... Въ казенныхъ лѣсахъ, болѣе отдаленныхъ отъ жилья, а слѣдовательно, болѣе трудныхъ для охраненія, „крестьяне не стѣснялись и самовольно расчищали лѣсъ частью для пашенъ, въ большинствѣ же для сѣнокосовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи очень многіе, по отобраніи отъ крестьянъ, обращены были въ казенныя оброчныя статьи". Въ результатѣ „явилось то обстоятельство, что проложенныя при генеральномъ межеваніи границы крестьянскихъ владѣній по большей части утратились, и въ настоящее время нѣтъ возможности, во многихъ мѣстахъ, болѣе или менѣе приблизительно опредѣлить, гдѣ кончается крестьянское владѣніе, и гдѣ начинается казна" (цитировано въ *моей* работѣ „Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣв.-вост. губ., стр. 353—354; см. также у *Большакова* „Община у зырянъ", стр. 8—9). Разница, конечно, въ томъ, что въ Сибири расширеніе фактическихъ границъ крестьянскаго пользованія, путемъ вольной заимки, за первоначально имѣвшіяся кое-гдѣ границы, шло свободно, на вологодскомъ же сѣверѣ крестьянству пришлось вынести тяжелую борьбу съ правительственнымъ лѣснымъ надзоромъ.

скихъ крестьянъ и къ введенію его въ опредѣленныя границы. Правда, межевыя учрежденія въ Сибири были организованы еще въ концѣ XVIII ст.; но въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ межевыя работы велись настолько плохо, что не могли быть положены въ основеніе отвода надѣльныхъ дачъ. Нѣсколько правильнѣе онѣ были поставлены только со времени учрежденія въ Сибири особаго „межеванія казенныхъ земель", на обязанности котораго лежали съемка, образованіе волостныхъ районовъ, отводъ внутри этихъ районовъ надѣловъ старожилому населенію и обращеніе оставшихся за надѣломъ земель подъ заселеніе переселенцами. Работы этого межеванія охватили наиболѣе многоземельныя и лучшія въ сельскохозяйственномъ и колонизаціонномъ отношеніи части Сибири; въ другихъ мѣстностяхъ межевыя работы частью были произведены землемѣрами губернскихъ чертежныхъ, частью же (по всему неземледѣльческому сѣверу) вовсе не производились. Съ 1887 г. всѣ работы по отводу надѣловъ были прекращены, въ виду начавшейся выработки закона объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ населенія Сибири. Въ разныхъ частяхъ послѣдней работы эти остановились на самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ: въ однѣхъ мѣстностяхъ дѣло не пошло далѣе простой съемки; въ другихъ были составлены, но не утверждены, проекты отвода надѣловъ; въ третьихъ надѣлы были утверждены, но не отграничены окончательно въ натурѣ; въ четвертыхъ было совершено отграниченіе; не мало мѣстностей осталось совершенно внѣ сферы производившихся межевыхъ работъ. Изъ губерній болѣе всего обмежевана Тобольская, особенно ея западные уѣзды, гдѣ надѣлы отведены значительному большинству населенія. По Иркутской губерніи проекты надѣловъ былы утверждены для значительнаго числа волостей, но бо̀льшая часть межевыхъ документовъ сгорѣла при иркутскомъ пожарѣ 1879 г., такъ что и утвержденные проекты, за немногими исключеніями, остались безъ исполненія. Въ Енисейской и Томской губерніяхъ дѣло по громадному большинству волостей не пошло дальше съемки и формированія волостныхъ районовъ. Къ окончательному поземельному устройству старожилаго населенія Сибири приступлено въ 1898 г., на основаніи изданныхъ въ 1896 и 1898 гг. законовъ о землеустройствѣ; на Алтаѣ и въ Забайкальской области—еще позднѣе, на основаніи спеціальныхъ законовъ, изданныхъ въ 1901 и 1902 гг., значитъ, уже послѣ тѣхъ изслѣдованій, на основаніи которыхъ намъ предстоитъ набросать картину эволюціи землевладѣнія и землепользованія сибирскаго крестьянства. Если эта эволюція въ какой-либо мѣрѣ зависѣла отъ правительственныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью урегулированіе землевладѣнія сибирскаго крестьянства, то исключительно отъ серіи болѣе раннихъ межевыхъ работъ, которая закончилась 1887 годомъ. На вопросъ о *дѣйствительномъ* значеніи этихъ межевыхъ работъ намъ придется остановиться въ слѣдующей главѣ, теперь же мы должны привести хотя бы нѣ-

которыя данныя о *размѣрахъ землевладѣнія* сибирскихъ крестьянъ.

Прежде всего, необходимо отмѣтить существенную разницу въ земельной обезпеченности разныхъ категорій населенія Сибири. Крестьяне вездѣ въ меньшей степени обезпечены землею, нежели казаки, гдѣ таковые имѣются, а эти послѣдніе—въ меньшей степени, нежели инородцы. Такъ, въ Енисейской губерніи, ко времени мѣстнаго изслѣдованія, у крестьянъ приходилось въ среднемъ на наличную мужскую душу по 29, у инородцевъ—по 40 удобныхъ десятинъ; въ Иркутской губерніи — у первыхъ 24, у вторыхъ 38 десятинъ; въ Забайкальской области у крестьянъ всего по 16, у казаковъ—по 41, у инородцевъ—по 57 десятинъ. По-уѣздныя среднія, собственно у крестьянъ, колеблются, для Тобольской губерніи между 13 и 35 десятинами, въ частности, для ея южной, земледѣльческой полосы—между 13 и 16 десятинами; для Томской (районъ казенныхъ земель)—между 30 и 51; для Енисейской—между 25 и 40; для Иркутской—между 19 и 38; для Забайкальской области—между 14 и 22,5 десятинами. Колебанія цифръ внутри отдѣльныхъ уѣздовъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири довольно слабы: такъ, въ Курганскомъ уѣздѣ высшая поволостная цифра 20, низшая—10 десятинъ; въ Ялуторовскомъ средняя, опять-таки на наличную мужскую душу, земельная обезпеченность въ поволостныхъ цифрахъ колеблется между 8 и 22 десятинами; въ Балаганскомъ—между 12 и 25; въ Тюменскомъ—между 9 и 22 десятинами. Въ другихъ мѣстностяхъ колебанія несравненно рѣзче: такъ, въ Канскомъ уѣздѣ количество десятинъ на душу колеблется между 11 и 89; въ Каинскомъ—между 16 и 128; въ Тобольскомъ—между 8 и 99; въ Тарскомъ—между 11 и 159; въ Туринскомъ — между 8 и 136 десятинами и т. д. Ясно, какова должна быть разница и въ типахъ земледѣльческаго хозяйства, и въ формахъ землепользованія,—вѣдь и то, и другое является, въ концѣ-концовъ, функціею густоты населенія и степени обезпеченности его землею.

Однако приведенныя цифры отнюдь не могутъ служить сколько-нибудь точнымъ мѣриломъ дѣйствительной земельной обезпеченности крестьянъ отдѣльныхъ мѣстностей. Сопоставленіе данныхъ объ общей площади удобныхъ земель и о количествѣ культурныхъ угодій позволяетъ во многихъ случаяхъ установить, скорѣе, нѣчто въ родѣ обратной зависимости между обѣими величинами; въ Тобольской губерніи такіе уѣзды, какъ Ялуторовскій, Курганскій, Ишимскій, обладающіе наименьшимъ количествомъ всѣхъ земель, являются наиболѣе обезпеченными пашней; и, наоборотъ, уѣзды Тобольскій и Туринскій, имѣющіе значительно бо̀льшее количество всѣхъ земель, занимаютъ послѣднія мѣста по количеству *пашни;* во многихъ уѣздахъ волости съ огромными общими цифрами *всѣхъ* земель весьма слабо обезпечены культурными угодьями. И такая обратная зависимость вполнѣ естественна: разселеніе

крестьянъ опредѣлялось по преимуществу пригодностью тѣхъ или другихъ мѣстностей для земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства; населеніе гуще садилось тамъ, гдѣ къ его услугамъ находилось наибольшее количество земель, непосредственно пригодныхъ для распашки и сѣнокошенія, а потому въ такихъ мѣстностяхъ общая плотность населенія оказывается наибольшею; напротивъ, тамъ, гдѣ количество непосредственно удобныхъ для культуры земель ничтожно, а преобладаютъ площади, малоудобныя для культуры или требующія для разработки болѣе значительныхъ предварительныхъ затратъ труда, населеніе садилось весьма рѣдко, и подушныя цифры всей удобной земли, стоящія въ обратномъ отношеніи къ плотности населенія, представляются весьма высокими. При такихъ условіяхъ многоземелье, выражающееся въ крупныхъ или даже огромныхъ общихъ площадяхъ состоящей въ пользованіи крестьянъ удобной земли, часто является лишь мнимымъ, кажущимся; въ сѣверной полосѣ Сибири это кажущееся многоземелье совмѣщается съ интенсивнымъ, сравнительно, земледѣліемъ и съ издавнимъ, тонко выработаннымъ уравнительно-душевымъ пользованіемъ—этими безошибочными показателями земельной тѣсноты [1]).

Теперь нѣсколько замѣчаній относительно главнѣйшихъ элементовъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири, а попутно и въ другихъ районахъ, гдѣ намъ придется наблюдать слагающуюся общину. Общимъ правиломъ какъ для всей наиболѣе густонаселенной, земледѣльческой по преимуществу, полосы Сибири, такъ для казачьихъ областей и для другихъ мѣстностей юга и юго-

---

[1]) Нѣчто совершенно аналогичное замѣчается и на Архангельско-Вологодскомъ сѣверѣ Европейской Россіи, который поэтому и представляетъ, какъ мы увидимъ, поразительныя аналогіи съ сѣверною, лѣсною полосою Сибири въ отношеніи формъ какъ хозяйства, такъ и землепользованія. „Казалось бы,—говоритъ г. Большаковъ,—нельзя говорить о недостаткѣ земли въ такомъ уѣздѣ, какъ Усть-Сысольскій, площадь котораго, при немногочисленномъ населеніи, равна почти 145.000 кв. верстъ. Но нужно имѣть въ виду его естественныя особенности. Удобныя для обработки земли занимаютъ неширокую полосу по берегамъ рѣкъ, преимущественно склоны береговыхъ увалоовъ. За этою полосой вглубь материка тянутся обширныя заболоченныя пространства, при данномъ уровнѣ техники негодныя для обработки. Да и удобная береговая полоса очень часто прерывается то сосновыми лѣсами на бѣломъ боровомъ пескѣ, то обширными болотами. Селенія, расположенныя группами или въ одиночку, *имѣютъ благодаря этому довольно опредѣленную площадь удобной земли и увеличенію ея поставлены тѣсныя границы. Значительное количество такихъ оазисовъ еще не занято, но занятые обыкновенно довольно быстро оказываются тѣсными, и вопросъ о малоземельѣ выдвигается на очередь со всѣми его послѣдствіями*“ (*Большаковъ*, назв. соч., стр. 47). Курсивомъ я подчеркнулъ очень тонкое замѣчаніе г. Большакова, объясняющее такое, на первый взглядъ парадоксальное, явленіе, какъ явно испытываемое, напримѣръ, крестьянами сѣверной части Туринскаго уѣзда, Тобольской губерніи, „утѣсненіе“ со всѣми его послѣдствіями въ области формъ хозяйства и землевладѣнія, одновременно съ нарѣзкою въ той-же мѣстности земель для водворенія новыхъ поселенцевъ: крестьянамъ ужэ давно стало тѣсно на занимаемыхъ ими оазисахъ, но въ краѣ имѣется масса другихъ, еще никѣмъ не занятыхъ оазисовъ.

востока Европейской Россіи, является преобладаніе залежной системы земледѣлія; поднятыя цѣлины пашутся до болѣе или менѣе полнаго истощенія и затѣмъ забрасываются и отдыхаютъ до тѣхъ поръ, пока тѣ или другіе признаки возстановленія производительной силы почвы *не позволятъ*, или пока обусловленная „утѣсненіемъ“ необходимость *не заставитъ*, вновь поднять болѣе или менѣе отдохнувшую залежь. Въ Сибири залежная система примѣняется исключительно въ особой разновидности, которой, по иниціативѣ пишущаго эти строки, присвоено названіе залежно-парового хозяйства: на поднятой цѣлинѣ или залежи посѣвы чередуются съ паромъ, подвергаемымъ многократной перепашкѣ, при чемъ свѣжераспаханныя нови и залежи оставляются подъ паръ послѣ двухъ или даже трехъ посѣвовъ, болѣе истощенныя—послѣ каждаго посѣва. По мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора происходитъ постепенное перерожденіе или вырожденіе залежнаго хозяйства: на югѣ и въ центрѣ Европейской Россіи оно вырождается въ пестрополье—пашни засѣваются ежегодно, хлѣбъ за хлѣбомъ, и только изрѣдка, когда уже окончательно ничего не родится, получаютъ отдыхъ на годъ или на два года. Въ Сибири залежно-паровое хозяйство съ большою постепенностью переходитъ въ беззалежное паровое хозяйство трехпольнаго или двухпольнаго типа, въ мѣстностяхъ же, гдѣ продолжительное веденіе такого хозяйства отразилось слишкомъ замѣтнымъ истощеніемъ почвы и пониженіемъ урожаевъ, появляются, болѣе или менѣе нерѣшительныя пока, попытки унаваживанія полей.

Совершенно иной характеръ имѣетъ земледѣльческое хозяйство на лѣсномъ сѣверѣ Сибири и на поставленномъ во всѣхъ отношеніяхъ въ очень сходныя условія архангельско-вологодскомъ сѣверѣ Европейской Россіи. Архангельско-вологодскій сѣверъ въ прошломъ—это районъ подсѣчно-огневого хозяйства. Послѣднее не вполнѣ исчезло и по настоящее время, но то, что̀ наблюдается теперь,—это только жалкіе остатки подсѣчнаго хозяйства, которое чѣмъ дальше, тѣмъ меньшую роль играетъ въ хозяйственномъ строѣ, если не всего вообще сѣвера, то, во всякомъ случаѣ, тѣхъ мѣстностей, о которыхъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ сибирскомъ полѣсьѣ подсѣчное хозяйство, повидимому, никогда не существовало и, во всякомъ случаѣ, не существуетъ въ настояще время. Кое-гдѣ сохранились здѣсь остатки залежно-парового земледѣлія. Типичнымъ какъ для сибирскаго полѣсья, такъ и для вологодскаго сѣвера Европейской Россіи уже давно является правильное трехполье, мѣстами (гдѣ почва особенно плоха)—и двухпольное хозяйство съ общинными полевыми смѣнами и крайне интенсивнымъ удобреніемъ, дающее пока весьма хорошіе, во многихъ мѣстностяхъ даже превосходные результаты; такіе результаты могутъ, однако, получаться, очевидно, только при изобиліи сѣнокосовъ, и потому, какъ намъ придется видѣть ниже,

вопросъ о сѣнокосахъ въ этихъ мѣстностяхъ пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе.

Затѣмъ, нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи основныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства: *земледѣлія* и *скотоводства*. Въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія крестьянское хозяйство — гармоническая комбинація того и другого, въ которой, однако, первенствующее значеніе принадлежитъ, въ видѣ правила, земледѣлію, скотоводство же стоитъ хотя и на весьма видномъ, но все-таки на второмъ мѣстѣ. Земледѣліе *кормитъ* населеніе, тогда какъ скотоводство служитъ лишь для удовлетворенія сравнительно второстепенныхъ потребностей и—въ чемъ главное его значеніе—для уравновѣшенія бюджета и пополненія дефицитовъ, образующихся при плохихъ урожаяхъ хлѣбовъ. Роль скотоводства, какъ такого регулятора крестьянскаго бюджета, чрезвычайно важна: не даромъ у сибирскихъ крестьянъ существуетъ поговорка, что у кого достаточно скота, у того хозяйство стоитъ на двухъ ногахъ, у кого скота мало,—только на одной ногѣ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, скотоводство у сибирскихъ крестьянъ, въ видѣ правила, не перестаетъ, или точнѣе не переставало [1]), быть *второстепеннымъ* источникомъ благосостоянія. „Размѣры скотоводства въ той или другой мѣстности,—писалъ я много лѣтъ тому назадъ, на основаніи анализа цифровыхъ данныхъ о крестьянкомъ скотоводствѣ одного изъ южныхъ уѣздовъ Тобольской губерніи,—опредѣляются не количествомъ и качествомъ крестьянскихъ сѣнокосовъ и пастбищъ, а болѣе или менѣе высокою степенью благосостоянія населенія, опредѣляемою, въ свою очередь, главнымъ образомъ размѣрами и производительностью хлѣбопашества: если селеніе, достигшее высокой степени благосостоянія, имѣетъ мало сѣнокосовъ и пастбищъ, крестьяне арендуютъ тѣ и другія, покупаютъ сѣно, и скотоводство у нихъ достигаетъ большихъ размѣровъ; если, напротивъ, селеніе стоитъ на низкой степени благосостоянія, скотоводство никогда не достигнетъ въ немъ высокаго развитія, и обширныя кормовыя угодья будутъ сдаваться въ аренду или останутся вовсе неиспользованными". Сказанное справедливо по отношенію какъ къ отдѣльнымъ селеніямъ или группамъ селеній, такъ и къ цѣлымъ районамъ: улучшеніе качества почвы и увеличеніе размѣра запашекъ идетъ всегда параллельно съ увеличеніемъ количества скота, и, наоборотъ, пониженіе производительности пашенъ и уменьшеніе запашекъ сопровождается уменьшеніемъ размѣровъ скотоводства. Этого, очевидно, не было бы, если бы скотоводство являлось первенствующимъ или хотя бы равнымъ земледѣлію, по своему значенію, источникомъ благосостоянія крестьянъ.

Сказанное справедливо, главнымъ образомъ, для полосы экстенсивнаго земледѣлія въ предѣлахъ четырехъ губерній западной и

---

[1]) Въ западн. Сибири значеніе скотоводства чрезвычайно возросло съ развитіемъ экспортнаго маслодѣлія.

средней Сибири. На лѣсистомъ сѣверѣ, по крайней мѣрѣ въ западной Сибири, скотоводство остается, конечно, спутникомъ земледѣлія,—но относительное значеніе того и другого нѣсколько иное. Очень любопытныя указанія въ данномъ отношеніи даетъ анализъ цифръ по одному изъ уѣздомъ, опять-таки, Тобольской губерніи, принадлежащему уже къ этой сѣверной полосѣ, являющейся въ то же время полосою навознаго трехполья: въ этомъ уѣздѣ размѣры скотоводства оказываются пропорціональными уже не размѣрамъ запашекъ, а количеству покосовъ. Отсюда ясно, прежде всего, что населеніе гораздо полнѣе используетъ здѣсь наличные запасы кормовыхъ средствъ,—что̀ и понятно, разъ скотъ является, прежде всего, источникомъ навоза, а слѣдовательно, основнымъ условіемъ процвѣтанія земледѣлія; а съ другой стороны, при такого рода условіяхъ не размѣры скотоводства опредѣляются размѣрами запашекъ, а скорѣе наоборотъ; и если въ дѣйствительности размѣры запашекъ не пропорціональны наличности запасовъ кормовыхъ средствъ, то это объясняется тѣмъ, что въ болѣе бѣдныхъ кормами мѣстностяхъ поля получаютъ менѣе обильное удобреніе, и сѣно въ такихъ мѣстностяхъ дополняется и замѣняется подспорными кормами.

Наконецъ нѣсколько словъ относительно значенія не-земледѣльческихъ, промысловыхъ заработковъ. Въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія Сибири, равно какъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ юга и юго-востока Европейской Россіи, значеніе послѣднихъ, говоря вообще, невелико. Если остановиться, въ частности, на кустарныхъ и т. п. промыслахъ, то въ границахъ земледѣльческой полосы Сибири можно намѣтить не мало, мѣстами очень мелкихъ, мѣстами болѣе крупныхъ, кустарныхъ районовъ; но въ общемъ и цѣломъ промыслы этой категоріи не могутъ претендовать на сколько-нибудь серьезное значеніе. Особое мѣсто еще недавно занимали двѣ категоріи промысловыхъ заработковъ: извозъ съ дворничествомъ и золотопромышленность. Они давали, прежде всего, большіе заработки значительной части населенія полосы экстенсивнаго землевладѣнія. Но, что̀, можетъ-быть, еще важнѣе—и извозъ съ дворничествомъ, и золотопромышленность создавали столь важныя для крестьянскаго хозяйства благопріятныя условія сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Упадокъ какъ извоза, такъ и золотопромышленности началъ обнаруживаться еще въ періодъ, предшествовавшій мѣстному изслѣдованію, и послѣднему приходилось уже считаться съ его результатами,—ухудшеніемъ условій крестьянскаго хозяйства вездѣ, гдѣ оно находило сбытъ своимъ продуктамъ на большомъ сибирскомъ трактѣ и на пріискахъ, и перемѣщеніемъ центра тяжести крестьянскаго хозяйства, отразившимся и на соціальномъ строеніи населенія: пока процвѣталъ извозъ, онъ въ значительной степени отвлекалъ населеніе отъ земледѣлія, и нигдѣ дифференціація населенія не была такъ сильна, какъ именно въ трактовыхъ, промышлявшихъ извозомъ и

дворничествомъ селеніяхъ. Упадокъ извоза и золотопромышленности, рѣзко сокративъ внѣземледѣльческіе заработки, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ возвращеніе очень многихъ къ земледѣлію и расширеніе запашекъ у многихъ другихъ; и это обстоятельство, между прочимъ, способствовало во многихъ мѣстностяхъ поднятію цѣнности земли, и благодаря этому не осталось безъ вліянія на ходъ эволюціи землепользованія въ Сибири.

Гораздо большее, конкурирующее съ значеніемъ земледѣлія, а дальше на сѣверъ и доминирующее значеніе имѣютъ разнообразные промыслы какъ въ сѣверномъ полѣсьѣ Европейской Россіи, такъ и въ той неширокой лѣсной полосѣ Сибири, которая съ сѣвера окаймляетъ полосу экстенсивнаго земледѣлія. Изъ этихъ промысловъ надо назвать, прежде всего, рыболовство въ большихъ рѣкахъ, вдоль которыхъ группируется все населеніе этой полосы; бо́льшая часть рыболовныхъ угодій принадлежитъ инородцамъ, которые, однако, лишь меньшую часть ихъ эксплуатируютъ сами, главную же массу сдаютъ за безцѣнокъ крупнымъ рыбопромышленникамъ или крестьянамъ; эти же послѣдніе производятъ ловъ рыбы, главнымъ образомъ, на артельныхъ началахъ. Большое значеніе имѣетъ и охотничій промыселъ, частью въ видѣ бѣлкованья, частью въ видѣ добычи болѣе цѣнной пушнины, за которою охотники уходятъ далеко на сѣверъ. Добыча кедроваго орѣха во многихъ мѣстностяхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія; затѣмъ идутъ различные виды лѣсныхъ заготовокъ, нѣкоторые кустарные промыслы въ области обработки дерева и т. п. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне ведутъ торгъ съ живущими дальше на сѣверъ инородцами: совершаютъ поѣздки на сѣверъ, доставляя инородцамъ хлѣбъ и разные другіе предметы необходимости, но главнымъ образомъ водку, а у инородцевъ покупая продукты ихъ промысла—рыбу и пушнину. Торгъ этотъ, основанный на спаиваніи и обманѣ, даетъ громадные барыши наѣзжающимъ торгашамъ-крестьянамъ и, конечно, ведетъ къ постепенному разоренію инородцевъ.

Въ заключеніе нѣсколько данныхъ для характеристики той дифференціаціи населенія по степени благосостоянія, о которой мнѣ приходилось только-что упоминать,—данныхъ, относящихся главнымъ образомъ, къ Енисейской и Иркутской губерніямъ и къ Забайкальской области, для которыхъ мы можемъ исходить изъ результатовъ сплошного подворнаго изслѣдованія. Эти данныя представляютъ для насъ существенный интересъ, между прочимъ, и потому, что способствуютъ выясненію тѣхъ элементовъ сибирскаго населенія, борьба которыхъ налагаетъ такой рѣзкій отпечатокъ на эволюцію формъ владѣнія и въ особенности пользованія землею и имѣетъ такое сильное, опредѣляющее вліяніе на весь процессъ сложенія общины.

Возьмемъ сначала *все* населеніе, безъ различія по отдѣльнымъ категоріямъ. Цифры показываютъ очень сильную отслойку какъ

вверхъ, такъ и внизъ отъ средняго уровня благосостоянія. Чтобы судить о численности въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ безхозяйныхъ элементовъ, мы располагаемъ прежде всего данными о численности безлошадныхъ, къ которымъ, однако, должны присоединить и однолошадныхъ, потому что въ земледѣльческой полосѣ Сибири употребляются исключительно двуконныя пахотныя орудія, и потому однолошадный дворъ почти въ той же степени лишенъ возможности вести самостоятельное хозяйство, какъ и безлошадный. Въ Иркутской губерніи безлошадные составляютъ 16,4%, однолошадные—1,9% всего населенія; въ Енисейской первые—21,4, вторые—10,7%, въ Забайкальской области безлошадныхъ всего 8,5, но зато однолошадныхъ 19,0%. Затѣмъ, дворы совершенно безъ запашки составляютъ въ Енисейской губерніи 13,4, въ Иркутской—31,6, въ Забайкальской области—23,6%; дворовъ съ запашкою не свыше 3 десятинъ (посѣвной площади $1^1/_2$—2 дес.) въ Енисейской губерніи—10,3, въ Иркутской—9,7%; въ Забайкальи одни только дворы съ запашкой не свыше *двухъ* десятинъ составляютъ 21,4% всего населенія. Въ сроковомъ наймѣ живутъ въ Иркутской губерніи 8.565, въ Енисейской—13.560 человѣкъ, а дворы, отпускающіе работниковъ въ срочный наемъ, составляютъ въ этой послѣдней губерніи 21,4% общаго числа дворовъ[1]). Съ другой стороны—дворы, *отслоившіеся вверхъ* отъ средняго уровня крестьянскаго благосостоянія. Сюда относятся, прежде всего, нанимающіе сроковыхъ работниковъ: такіе дворы составляютъ въ Иркутской губерніи 12,1, въ Енисейской—9,9%; число живущихъ у нихъ срочныхъ батраковъ въ первой изъ названныхъ губерній достигаетъ 7.280, во второй—9.052 человѣка [2]). Затѣмъ, дворы съ 5—9 и болѣе, нежели 9 лошадьми: въ Иркутской губерніи первые составляютъ 15,6, вторые—3,2%; для Енисейской губерніи соотвѣтственныя цифры 23,6 и 5,9%, для Забайкальской области 18,2 и 4,6%. Дворы съ запашкой свыше 25 десятинъ составляютъ въ Иркутской губерніи 9,5, въ Енисейской—8,5, въ Забайкальской области, сравнительно мало земледѣльческой—1,8%.

Но приведенныя цифры вычислены на основаніи общихъ итоговыхъ данныхъ, куда входятъ, прежде всего, и не интересующіе насъ уже теперь инородцы. Затѣмъ, въ итоговыя цифры входитъ совершенно своеобразная категорія ссыльныхъ разныхъ категорій. Собственно у сибирскихъ крестьянъ отслойка внизъ гораздо меньше, но все-таки и у нихъ она остается очень замѣтною. Такъ, безлошадные и однолошадные въ Енисейской губерніи составляютъ 11,7 и 17,0%, въ Иркутской—7,2 и 5,9%, въ Забайкальи—7,8 и 16,5%; дворы безъ запашки или съ ничтожною запашкой составляютъ въ Енисейской губерніи 7,4 и 6,9%, въ

[1]) Мы не приводимъ данныхъ для Забайкалья въ виду неясности соотвѣтственной рубрики въ таблицахъ.

[2]) Тоже.

Иркутской—10,4 и 5,8%, въ Забайкальской области—10,2 и 12,6%. Въ сроковомъ наймѣ живутъ въ Иркутской губерніи 3.432 человѣка, въ Енисейской—3.644, а число дворовъ, отпускающихъ срковыхъ работниковъ, въ Енисейской губерніи составляетъ 12,0% общаго числа дворовъ старожилаго населенія. Отслойка вверхъ, напротивъ, значительно больше: дворы съ 5—9 и болѣе чѣмъ съ 9 лошадьми составляютъ въ Енисейской губерніи 20,0 и 4,5%, въ Иркутской—36,0 и 10,5%, въ Забайкальской области—18,9 и 2,9%; дворы съ запашкой отъ 25 до 50 и свыше 50 дес. составляютъ, въ томъ же порядкѣ губерній: 14 (обѣ группы вмѣстѣ!), 15,6 и 1,7, 1,5 и 0,3%; дворы со срочными батраками — 15,1, 9,9 и 3,3%...

Въ обратную сторону выдѣляются изъ общей массы, конечно, ссыльные—элементъ, если и не играющій творческой роли въ эволюціи формъ землепользованія въ Сибири, то, во всякомъ случаѣ, могущій притязать, какъ мы увидимъ ниже, на роль извѣстнаго фермента, въ значительной степени ускоряющаго эту эволюцію. Дворовъ, выдѣляющихся вверхъ отъ средняго уровня крестьянскаго благосостоянія, среди ссыльныхъ, естественно, почти нѣтъ,—отслойка же внизъ чрезвычайно велика: такъ, бездомные составляютъ среди ссыльныхъ въ Енисейской губерніи 47,1, въ Иркутской—51,5, въ Забайкальской области—34,6%; безлошадные въ томъ же порядкѣ губерній—67,3, 58,2 и 47,3%; дворы безъ всякаго скота—59,653,3 и 41,2%; дворы безъ запашки—68,572,2 и 58,9%. Даже группы „крестьянъ изъ ссыльныхъ“ и дѣтей ссыльныхъ, особо выдѣленныя при подсчетѣ матеріала по Енисейской губерніи и по Забайкальской области, даютъ хотя и болѣе благопріятныя цифры, чѣмъ ссыльные, но продолжаютъ рѣзко отличаться въ неблагопріятную сторону отъ старожиловъ; бездомные составляютъ въ этой группѣ въ Енисейской губерніи 11,6%, въ Забайкальѣ—12,8%; безлошадные составляютъ 12,3 и 19,2, безпосѣвные—23,6 и 32,4%; дворы съ ничтожными посѣвами—9,8 и 21,5%.

ГЛАВА II.

Вольная заимка и первобытный захватъ [1]).

Эволюція крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ рѣдконаселенныхъ частяхъ нашего отечества и, какъ ея существеннѣйшій моментъ, процессъ сложенія общины и развитія формъ уравнительнаго землепользованія, могутъ стать вполнѣ понятны лишь тогда, когда разсматривать ихъ въ связи съ процессомъ первоначальнаго заселенія тѣхъ окраинъ, гдѣ мы наблюдаемъ

---

[1]) Первая попытка намѣтить тотъ процессъ развитія общинныхъ формъ въ Сибири, который составляетъ предметъ настоящей и слѣдующихъ двухъ главъ, была сдѣлана пишущимъ эти строки въ V и XVIII выпускахъ Зап.-Сибирск. „Матеріаловъ“ и въ статьѣ „Застывшая исторія общины“ („Вѣстникъ Европы“ 1893, іюнь); первоначальную форму пользованія землей мы обозначали названіемъ *заимочнаго* пользованія, сущность котораго состоитъ въ томъ, что разъ захваченныя угодья остаются на неопредѣленное время въ пользованіи захватившаго, независимо отъ того, эксплуатируетъ онъ ихъ фактически или нѣтъ; одновременно съ этою формой, по отношенію къ угодьямъ, вовсе не допускающимъ приложенія труда, практикуется и свободный захватъ. По мѣрѣ наступленія „утѣсненія“, заимочная форма уступаетъ мѣсто *вольному* пользованію, при которомъ захватъ имѣетъ силу лишь постольку, поскольку онъ связанъ съ дѣйствительною эксплуатаціей угодій,— и уже отъ этой формы совершается переходъ къ пользованію *душевому*. Совершенно тождественная, по существу, схема развитія сибирскихъ общинныхъ порядковъ почти въ то же время была намѣчена въ одной офиціальной запискѣ однимъ изъ главныхъ участниковъ восточно-сибирской статистической экспедиціи, Е. Л. Смирновымъ. Въ работѣ г. Филимонова „Формы волостнаго землевладѣнія въ с.-з. Барабѣ“, написанной около того же времени, но напечатанной только въ 1895 году, устанавливается не три, а большее число, именно *пять* формъ, располагающихся въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *вольное* землепользованіе, „вольница“,— самая первоначальная форма, существующая при чрезвычайномъ просторѣ по отношенію къ пашнямъ (распахиваемымъ безъ предварительной расчистки) и покосамъ и состоящая во временномъ захватѣ угодій, не создающемъ никакихъ прочныхъ правъ владѣнія или пользованія; 2) *заимочное* пользованіе — въ томъ же смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употреблялся мною; 3) *заимочно-захватное* пользованіе — когда община начинаетъ для надѣленія безземельнымъ отрѣзать излишнія земли, и особенно старыя залежи, у наиболѣе крупныхъ заимщиковъ; 4) *захватная* форма, равнозначащая нашей „вольной“ и 5) пользованіе *общинно-душевое*. Наконецъ, авторъ главы о формахъ землевладѣнія въ Енисейской губерніи („Матер.“ по Ирк. и Енис. губ., т. IV, вып. 3), г. Дубенскій, классифицируетъ эти формы такимъ образомъ: 1) форма *свободная* или *вольная*, существующая по отношенію къ угодьямъ, количество которыхъ относительно неограничено, и эксплуатація которыхъ не

и изучаемъ слагающуюся общину. Это первоначальное заселеніе шло далеко не вездѣ одинаково, и прежде всего ходъ его былъ одинъ въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ колонизація съ самаго начала регулировалась правительственною властью, и совершенно другой въ тѣхъ единственно-интересныхъ для насъ случаяхъ, когда оно происходило *внѣ* воздѣйствія правительственной власти,—при *свободной* колонизаціи тѣхъ окраинъ, гдѣ мы изучаемъ слагающуюся общину.

требуетъ предварительныхъ затратъ труда (лѣса, пастбища, также покосы)—соотвѣтствуетъ первой формѣ г. Филимонова; 2) форма *захватно-родовая* — соотвѣтствуетъ нашей заимочной; 3) *захватно-общинная* форма — соотвѣтствуетъ нашей вольной и 4) *общинно-уравнительная* форма.

Такимъ образомъ гг. Филимоновъ и Дубенскій, во-первыхъ, придерживаются иной терминологіи (и притомъ каждый—своей), нежели какой держался я, и во-вторыхъ, къ намѣченнымъ мною тремъ основнымъ формамъ прибавляютъ: г. Дубенскій — еще одну (1-ю въ его классификаціи), г. Филимоновъ— даже двѣ (первую и третью). „Заимочно-захватное“ владѣніе г. Филимонова едва ли можно, однако, считать за особую форму; это только моментъ въ переходномъ процессѣ, и г. Филимоновъ, какъ кажется, и самъ не особенно настаиваетъ на выдѣленіи этого момента въ особую рубрику. Напротивъ, основанія для выдѣленія особой „вольной“ формы (по терминологіи какъ г. Филимонова, такъ и г. Дубенскаго) нельзя не признать вполнѣ достаточными. По внѣшности эта форма вполнѣ сходна съ тою формой, которую г. Дубенскій называетъ „захватно-общинною“, г. Филимоновъ —„захватною“, а пишущій эти строки называлъ тоже „вольною“,—но „внутреннее содержаніе ихъ, какъ основательно замѣчаетъ г. Дубенскій, существенно различно: въ то время, когда одна наблюдается при полномъ, неограниченномъ просторѣ въ земельныхъ угодьяхъ, когда на одинъ участокъ не бываетъ даже и двухъ претендентовъ, другая возникаетъ только тогда, если земельный просторъ уже болѣе или менѣе ощутительно сократился, когда воспользоваться каждымъ освободившимся отъ эксплуатаціи участкомъ немедленно же находится нѣсколько желающихъ“. Другая особенность схемы гг. Филимонова и Дубенскаго, по сравненію съ предложенною пишущимъ эти строки, заключается въ томъ, что названные авторы признавали „вольную“ форму, въ только что объясненномъ смыслѣ, не только параллельною, но даже предшествующею „заимочной“ или „захватно-родовой“. Однако, такой взглядъ не только не находилъ себѣ подтвержденія, но скорѣе, наоборотъ, опровергался тѣми фактическими данными, какія приводились названными авторами. Если „вольная“ форма пользованія у г. Дубенскаго существуетъ по отношенію къ лѣсамъ, пастбищамъ, нѣкоторымъ покосамъ, вообще такимъ угодьямъ, эксплуатація которыхъ не требуетъ предварительныхъ затратъ труда, а „захватно-родовая“— по отношенію къ угодьямъ, требующимъ, напротивъ, наиболѣе интенсивнаго приложенія труда, какъ пашнямъ и усадьбамъ,—значитъ это не преемственныя, а *параллельныя* формы, существующія одновременно или разновременно, по отношенію къ *разнымъ категоріямъ угодій*. Г. Филимоновъ полагалъ, что „вольница“ была первоначальною формой пользованія и по отношенію къ пашнямъ, пока онѣ распахивались на открытой степи, и начала уступать „заимочному“ владѣнію только тогда, когда начали расчищаться подъ пашню лѣсныя площади. Въ текстѣ намъ придется остановиться на той характеристикѣ „вольницы“, какъ формы пользованія степными пашнями, какую давалъ г. Филимоновъ; читатель увидитъ, что эта характеристика не могла не вызвать сильныхъ сомнѣній. Но даже и предполагая ее правильною, все-таки „вольница“, по свидѣтельству г. Филимонова, существовала по отношенію къ *одной* категоріи пашенъ, по отношенію къ которой г. Филимоновымъ не приводится ни одного примѣра перехода къ „заимочной“ формѣ; послѣдняя ставится г. Филимоно-

Во многихъ мѣстностяхъ Сибири, преимущественно въ Иркутской и въ Енисейской губерніяхъ, въ періодъ мѣстныхъ изслѣдованій еще можно было воочію видѣть случаи образованія, главнымъ образомъ въ необъятной тайгѣ и урманахъ, новыхъ крестьянскихъ поселеній. Среди массы свободныхъ, принадлежащихъ государству (или кабинету), но фактически безхозяйныхъ земель, каждый желающій выбиралъ себѣ приглянувшееся ему мѣсто, селился и строился, пахалъ и косилъ, большею частью никого не спра-

---

вымъ въ тѣснѣйшую связь съ затратою труда на расчистку лѣса, а при такомъ условіи типичная „вольница" вовсе не могла возникнуть, заимочная же форма могла быть лишь *первоначальною* формой свободнаго пользованія. Въ виду такихъ соображеній, эта часть схемы гг. Дубенскаго и Филимонова казалась мнѣ не выдерживающею критики, что я и высказалъ въ своей „Крестьянской общинѣ въ Сибири" (46—47). Однако данныя позднѣйшихъ изслѣдованій убѣдили меня въ ошибочности моего взгляда: они выяснили существованіе, по отношенію къ пашнямъ, не требующимъ предварительной расчистки, такой формы сво однаго пользованія, которая по существу вполнѣ подходитъ подъ понятіе „вольницы"; съ другой стороны, они позволили установить съ полною опредѣленностью, что при извѣстной комбинаціи условій вольная форма пользованія, по отношенію къ покосамъ, дѣйствительно *можетъ* переходить въ заимочную или захватно-родовую форму.

Изъ работъ, вышедшихъ послѣ моей „Крестьянской общины въ Сибири", съ занимающей насъ точки зрѣнія, особый интересъ представляютъ: монографія М. А. Кроля о формахъ землепользованія въ Забайкальской области и, конечно, „Русская община" К. Р. Качоровскаго. Та схема до-передѣльныхъ формъ землепользованія, которой придерживается г. Кроль, въ существѣ совпадаетъ съ моею и отличается отъ нея только нѣкоторыми особенностями терминологіи. Г. Качоровскій не считаетъ возможнымъ говорить о „вольницѣ", какъ о какой-то особой формѣ, принципіально отличающейся отъ „заимочнаго" или „захватнаго" владѣнія; и то и другое, по его мнѣнію, не что иное, какъ обусловленныя хозяйственными условіями эксплуатаціи разнаго рода угодій разновидности одной основной первоначальной формы, которую г. Качоровскій предпочитаетъ называть „семейно-захватною". У г. Качоровскаго мы имѣемъ, такимъ образомъ, двѣ основныхъ до-передѣльныхъ формы: „неограниченное" и „ограниченное семейно-захватное владѣніе"; въ особую форму г. Качоровскій выдѣляетъ разнообразные переходные моменты отъ захватнаго къ уравнительному пользованію, которые онъ объединяетъ подъ общимъ названіемъ „общинно-отводнаго владѣнія"; эта особенность схемы г. Качоровскаго мнѣ кажется не особенно удачной, потому что подъ одно названіе подводятся здѣсь вещи, имѣющія совершенно неодинаковое принципіальное значеніе.

Затѣмъ нѣсколько замѣчаній терминологическаго характера. Какъ видно изъ изложеннаго, взамѣнъ первоначально предложенныхъ пишущимъ эти строки терминовъ—„заимочное" и „вольное" пользованіе, г. Дубенскій предложилъ термины „захватно-родовое" и „захватно-общинное" владѣніе; г. Филимоновъ, удерживая терминъ „заимочное владѣніе", замѣнилъ мой терминъ „вольное" двумя терминами—„вольное" и „захватное" владѣніе. Разобравшись въ этихъ предложеніяхъ, я въ своей „Крестьянской общинѣ въ Сибири" держался такой терминологіи: А) первоначальныя формы: а) для угодій, требующихъ затраты труда на разработку—„захватное" пользованіе, б) для не требующихъ такой затраты —„вольное" пользованіе; Б) переходная форма отъ захватнаго къ уравнительному пользованію —„захватно-общинное" владѣніе. Г. Кроль, принимая первые два изъ только что приведенныхъ терминовъ, терминъ „захватно-общинное владѣніе" замѣняетъ терминомъ „ограниченный захватъ". Г. Качоровскій, какъ мы только что видѣли, замѣняетъ всѣ эти термины такими двумя: „неограниченное" и „ограниченное семейно-захватное владѣніе". Мнѣ

шиваясь и не нарушая ничьихъ правъ, иногда вступая въ соглашенія съ аборигенами края, инородцами, чаще—насильственно захватывая у послѣднихъ землю, или даже вовсе вытѣсняя ихъ съ насиженныхъ мѣстъ. „Изъ написанныхъ по ревизіи селъ и деревень,—читаемъ мы въ одномъ приводимомъ Е. С. Филимоновымъ документѣ, относящемся къ 1782 году,—которые безо всякаго отъ команды свѣдѣнія, по самовольству своему переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, пользуясь большимъ пространствомъ вольныхъ въ тамошнемъ мѣстѣ земель". По этой причинѣ, говорится дальше въ томъ же документѣ, „крестьяне поселились вновь многими большими и малыми деревнями и однодворками"; и затѣмъ дается разрѣшеніе: „кто гдѣ выгоднѣе для себя вольное мѣсто изобрѣлъ и поселился, тотъ тамо всегда поселяться имѣетъ". Правительство, такимъ образомъ, относилось къ „самовольству" вполнѣ снисходительно. Въ сообщаемыхъ тѣмъ же изслѣдователемъ документахъ, напримѣръ, предписывается подлежащимъ властямъ, „ежели которые обыватели пожелаютъ въѣхать гдѣ-либо на вольныя и свободныя земли, тѣмъ не возбранять", или „крестьянамъ, выѣзжающимъ въ другія способныя, гдѣ есть вольныя и излишнія

кажется, что *ни одна* изъ этихъ терминологій не можетъ быть удержана въ полномъ объемѣ. Въ частности, употреблявшійся въ моихъ первыхъ работахъ терминъ „заимочное" владѣніе, въ качествѣ термина, негоденъ уже потому, что, благодаря множественности значеній слова „заимка", неоднократно вызывалъ разнообразныя недоразумѣнія (объ основанныхъ на такого рода недоразумѣніи соображеніяхъ покойнаго Осипова см. „Кр. общ. въ Сиб.", 48—49). Терминъ „вольное" пользованіе, первоначально предлагавшійся мною для обозначенія переходной формы отъ чистаго захвата къ душевому пользованію, несомнѣнно, гораздо умѣстнѣе въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ гг. Филимоновъ и Дубенскій, т.-е. какъ обозначеніе первоначальной, абсолютно-свободной формы пользованія лѣсомъ, пастбищами, частью покосами, не требующими предварительной расчистки пашнями и т. д. Негоденъ для обозначенія этой переходной формы и терминъ „захватное" владѣніе, употребляемый г. Филимоновымъ: въ терминѣ этомъ нѣтъ никакого намека на переходный характеръ данной формы пользованія, на тѣ ограниченія, которыя претерпѣваетъ при ней захватъ. Едва ли удачны и терминъ „захватно-родовое" пользованіе, предложенный г. Дубенскимъ, въ меньшей мѣрѣ—„семейно-захватное" владѣніе г. Качоровскаго: первый изъ нихъ даетъ мѣсто совершенно невѣрной мысли, будто захватное владѣніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ владѣніе *родовое*; второй наводитъ на мысль о *семейной* собственности или семейномъ владѣніи, какъ институтахъ, отличныхъ отъ личнаго владѣнія и личной собственности, чего г. Качоровскій вовсе не имѣлъ въ виду: въ §§ 4 и 5 главы II своей книги онъ противополагаетъ общинному праву *не семейное*, а *личное* право. Въ концѣ-концовъ, мнѣ кажется наиболѣе правильнымъ принять нижеслѣдующіе термины: для первоначальнаго, абсолютно-свободнаго пользованія, не создающаго прочныхъ отношеній человѣка къ землѣ—„вольное" пользованіе. Для прочнаго, ничѣмъ не ограниченнаго захвата, возникающаго какъ первоначальная форма землепользованія,—просто „захватъ" или „чистый захватъ"; для переходной формы отъ этого послѣдняго къ уравнительному пользованію—„ограниченный захватъ" г. Кроля: этотъ послѣдній терминъ мнѣ кажется болѣе умѣстнымъ, потому что онъ не предрѣшаетъ вопроса объ *источникѣ* тѣхъ ограниченій, которыя претерпѣваетъ первобытный захватъ, по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора.

земли (мѣстности), къ размноженію хлѣбопашества поступать по своему усмотрѣнію и препятствія не чинить"... [1])

Присмотрѣвъ себѣ достаточно подходящее мѣсто, пришелецъ „занимаетъ", захватываетъ его и устраиваетъ на немъ свою „заимку": онъ строитъ себѣ домъ, хозяйственныя постройки, огораживаетъ „поскòтину"—выпускъ для скота, и разрабатываетъ подъ пашню и покосъ столько земли, сколько у него „хватаетъ силы". Такимъ же порядкомъ совершается захватъ также и когда облюбованное мѣсто „занимаетъ" не одна семья, а цѣлая группа семей: дома ставятся въ „кучѣ", окружаются общею поскòтиной, и каждая семья захватываетъ для себя, иногда въ обособленныхъ урочищахъ, а чаще—вперемѣшку, нужную ей пахотную и сѣнокосную землю.

Такъ или иначе возникшая заимка мало-по-малу разрастается въ болѣе или менѣе значительный поселокъ, село или деревню,—въ Сибири и посейчасъ можно найти громадныя села, сохранившія названіе „заимки" съ тѣмъ или другимъ къ нему прилагательнымъ; и селенія, разросшіяся изъ заимокъ, въ свою очередь, выдѣляютъ изъ себя новыя заимки. Ростъ заимокъ и превращеніе ихъ въ селенія происходилъ иногда путемъ естественнаго размноженія той семьи или тѣхъ двухъ-трехъ семей, которыя основали заимку; чаще—путемъ постепеннаго приселенія другихъ семей, иногда односельчанъ первыхъ заимщиковъ, иногда крестьянъ постороннихъ селеній, нерѣдко—выходцевъ изъ другихъ уѣздовъ или губерній. Въ первомъ случаѣ получалась „*однопородная* деревня"; въ лѣсной полосѣ Тобольской губерніи—назову, напримѣръ, лично мною изслѣдованный Туринскій уѣздъ—имѣются десятки селеній, нерѣдко въ 20, 30 и до 50 дворовъ, гдѣ всѣ жители носятъ одну или двѣ фамиліи; изрѣдка такія „однопородныя" селенія встрѣчаются и въ степныхъ мѣстностяхъ. Во второмъ, обычномъ случаѣ получается „*разнопородная*" деревня или село, безъ всякой, даже номинальной родственной связи между односельчанами. Замѣчу теперь же, что мѣстное изслѣдованіе, поскольку ему приходилось встрѣчаться съ „однопородными" селеніями, не даетъ никакихъ указаній на наличность какой-либо разницы въ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія между „однопородными" и „разнопородными" селеніями.

Какимъ бы изъ указанныхъ путей ни шло разрастаніе заимки въ болѣе или менѣе крупное селеніе,—во всякомъ случаѣ, каждый вновь образующійся дворъ „занимаетъ", захватываетъ подъ свое хозяйство оставшіяся еще свободными земли. Пока поселеніе незначительно, всѣ эти „заимки", „занятія" группируются по близости усадебъ; чѣмъ больше оно растетъ, тѣмъ большій районъ захватывается въ сферу „занятій", при чемъ небогатые дворы стараются держаться поближе къ усадьбамъ, болѣе зажиточные, въ

[1]) „Сибирская община", 46—49.

погонѣ за цѣлинами и за просторомъ, „занимаютъ все болѣе отдаленныя урочища; на такихъ дальнихъ „занятіяхъ“ ставятся избушки, гдѣ вся семья или часть ея проводитъ время полевыхъ работъ; избушка постепенно обращается въ домъ, обстраивается амбарами, окружается поскòтиной,—возникаетъ заимка, куда семья нерѣдко переходитъ на постоянное жительство. Такимъ образомъ, первоначальная заимка обращается въ селеніе и, разрастаясь, выдѣляетъ изъ себя новыя заимки,—болѣе или менѣе обособленные хутора, которые нерѣдко разрастаются, въ свою очередь, въ самостоятельныя поселенія [1]).

Приблизительно такой же процессъ разселенія наблюдается и на другихъ нашихъ многоземельныхъ окраинахъ. Данныя о разселеніи хуторами (= сибирской заимкѣ), собранныя земскими статистиками, главнымъ образомъ, по Таврической и Херсонской губерніямъ, приведены, между прочимъ, въ сводной работѣ г. В. В. [2]). Но особенно детальную характеристику естественнаго процесса разселенія хуторами въ условіяхъ южно-русскихъ степей мы находимъ въ работѣ Ф. А. Щербины о „земельной общинѣ у кубанскихъ казаковъ“. Въ существѣ она совпадаетъ съ нарисованною мною въ предыдущихъ строкахъ, на основаніи сибирскихъ данныхъ. Существенную особенность кубанскихъ кошей и хуторовъ составляетъ, по мнѣнію Ф. А. Щербины, только то, что „происхожденіе хутора тѣсно связано со скотоводческимъ хозяйствомъ“ [3]). Населеніе осѣдло, скотоводство требуетъ передвиженій скота; примиреніе осѣдлости населенія и подвижности скотоводства и даетъ система хуторовъ или кошей: кошъ — это чисто-скотоводческій, по существу своему подвижный, отселокъ; по мѣрѣ развитія земледѣлія, кошъ постепенно превращается въ хуторъ—болѣе устойчивый неподвижный отселокъ.

Насколько правильно это, схематически очень изящное, построеніе,—я затруднился бы опредѣленно сказать: въ Сибири, гдѣ скотоводство вовсе не имѣетъ преобладающаго характера, даже въ тѣхъ таёжныхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ оно и совсѣмъ отступаетъ на задній планъ, процессъ разселенія идетъ, какъ мы видѣли, совершенно такъ же, и самое образованіе заимокъ часто начинается съ возникновенія вполнѣ аналогичной кубанскому „кошу“ выѣздной заимки, которая лишь постепенно превращается въ постоянную заимку-хуторъ. Едва ли можно, поэтому, видѣть въ преобладаніи скотоводства основную причину разсматриваемаго процесса разселенія.

Своеобразную разновидность заимочно-хуторского порядка разселенія мы наблюдаемъ, съ другой стороны, на сѣверѣ Европейской Россіи, въ связи съ нѣкогда господствовавшимъ подсѣчнымъ

---

[1]) Сиб. община, 44—50.
[2]) Крест. община, 3—6.
[3]) *Щербина*, 69.

земледѣліемъ и большою ролью такихъ промысловъ, какъ охота и рыболовство. Древніе поселенцы русскаго сѣвера,—говоритъ г. Приклонскій,—всегда избѣгали многолюдныхъ, скученныхъ поселеній; привыкши всю жизнь проводить въ лѣсу, то занимаясь земледѣльческимъ трудомъ на подсѣкахъ, то отыскивая въ лѣсу звѣря, они выработали въ себѣ нелюдимый характеръ и склонность къ пустынножительству. Поэтому, какъ только семья колониста размножалась, и ей становилось тѣсно жить въ одномъ дворѣ, выдѣлившіеся изъ семьи члены предпочитали покинуть старую деревню и основать новый починокъ. Не имѣя постоянныхъ пашенъ и ведя бродячее подсѣчное хозяйство, крестьянинъ не былъ привязанъ къ извѣстному клочку земли. Ему было все равно, на какомъ бы клочкѣ ни жить, лишь бы были мѣста удобныя для разработки подсѣкъ. Такихъ мѣстъ, конечно, было больше вдали отъ старыхъ деревень, и потому крестьянамъ было удобнѣе покидать старыя деревни и селиться въ новыхъ мѣстахъ". Однако „когда крестьянинъ уходилъ изъ деревни и ставилъ въ пустомъ лѣсу новый починокъ, то онъ этимъ не разрывалъ связи съ деревней; тамъ оставались у него отецъ, мать, братья, сестры, дяди, тетки и т. д.; съ ними онъ состоялъ въ неразрывномъ вѣковѣчномъ союзѣ. Да и жилъ онъ съ ними въ одномъ лѣсу, на одной рѣкѣ или озерѣ; связь между деревней и починкомъ была до такой степени крѣпка, что иной починокъ долгое время не имѣлъ особаго названія и не только носилъ одно имя съ деревней, но и считался нераздѣльною частью деревни". Въ результатѣ олонецкая „деревня"—это не одинъ поселокъ, а цѣлая группа поселковъ, связанныхъ между собою родствомъ и хозяйственными интересами: общностью пользованія покосами, общностью охотничьихъ путей, общимъ рыболовствомъ и т. п. „Такія группы селеній,—говоритъ г. Приклонскій,—въ настоящее время составляютъ обычное явленіе въ Олонецкой губерніи. Такъ, въ Лодейподольскомъ уѣздѣ есть заселенная мѣстность, называемая Оштой. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ небольшихъ поселеній, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустыми промежутками. Каждое поселеніе имѣетъ свое названіе и официально считается деревней. Но въ народномъ сознаніи всѣ они составляютъ *одно* селеніе и носятъ одно общее названіе Ошты" [1]). Съ аналогичнымъ типомъ разселенія мы встрѣчаемся и на лѣсистой сѣверной окраинѣ земледѣльческой Сибири: историческое имя Пелыма носитъ теперь цѣлая группа, около десятка селеній, каждое изъ которыхъ имѣетъ, сверхъ того, особое названіе; другая подобная же группа селеній на сѣверѣ Туринскаго уѣзда носитъ общее названіе „Гари". И какъ цѣлая группа селеній—„сотня", такъ и отдѣльная деревня—„десятокъ", являются, *каждая*, извѣстнымъ центромъ, вокругъ котораго группируются извѣстные хозяйственные интересы крестьянъ, и къ которому тя-

[1]) *Приклонскій*, 89—93.

готѣетъ постепенно слагающаяся земельная община. Дуализмъ „сотни“ и „десятка“,—одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей въ своеобразномъ складѣ крестьянскаго землевладѣнія лѣсистаго сѣвера земледѣльческой Сибири.

Общая схема эволюціи *формъ землевладѣнія* и *землепользованія* въ рѣдко населенныхъ и, слѣдовательно, многоземельныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и схемой нашего дальнѣйшаго изложенія, можетъ быть сведена къ двумъ параллельнымъ процессамъ. Пока земельный просторъ во много разъ превышалъ трудовую способность населенія, послѣднее не ощущало надобности въ регулированіи ни землевладѣнія, ни землепользованія; земли хватало всѣмъ, изъ-за земли не происходило никакихъ столкновеній, на почвѣ пользованія землей не возникало никакихъ отношеній. При такихъ условіяхъ полной неопредѣленностью отличались и землевладѣніе, въ смыслѣ „совокупности отношеній *общины въ цѣломъ* къ землѣ, которая находится въ ея распоряженіи“, и землепользованіе, какъ „совокупность отношеній къ той же землѣ *составляющихъ общину* единицъ [1]); неопредѣленностью отличается и *самое понятіе общины*, и большой вопросъ, можетъ ли, вообще, быть рѣчь при такомъ положеніи дѣлъ *объ общинѣ*, какъ единицѣ владѣнія и пользованія землею. При такомъ положеніи дѣлъ наблюдается,—если только не произошло вмѣшательства со стороны правительственной власти,—болѣе или менѣе полное отсутствіе междуселенныхъ границъ, и параллельно съ этимъ—болѣе или менѣе полная свободная свобода индивидуальнаго пользованія, облеченнаго въ форму простой „заимки“ или захвата. По мѣрѣ сокращенія земельнаго простора идутъ два параллельныхъ и причинно-связанныхъ процесса: съ одной стороны, формируются все болѣе опредѣленныя и, такъ сказать, законченныя единицы землевладѣнія; съ другой—происходитъ переходъ отъ неограниченнаго захвата или „занятія“ къ все яснѣе выраженнымъ и точнѣе выработаннымъ формамъ уравнительнаго пользованія. Наиболѣе непосредственно начинаетъ ощущаться потребность въ „поравненіи“, въ уравненіи землепользованія между отдѣльными домо- или дворохозяевами; но не только неопредѣленная группа селеній, вовсе не представляющая собою замкнутой единицы владѣнія и пользованія землей, но даже волость или группа изъ нѣсколькихъ селеній, замкнутая въ одну межевую дачу, представляетъ собою механизмъ, слишкомъ громоздкій и недостаточно организованный, чтобы успѣшно осуществлять землеуравнительную функцію. Поэтому, руководящая роль въ вопросахъ землепользованія постепенно переходитъ въ руки *селенныхъ* общинъ, на которыя постепенно распадаются прежніе, болѣе

---

[1]) *Швецовъ*, Крест. община, 12—13.

обширные, замкнутые или незамкнутые земельные союзы. Самый ходъ эволюціи при этомъ можетъ принимать двоякій видъ. Въ однихъ случаяхъ внѣдреніе уравнительныхъ формъ *предшествуетъ* распаденію обширныхъ земельныхъ союзовъ,—получается волостная или, вообще, замкнутая составная община, которая уже позднѣе начинается разлагаться и распадаться. Въ другихъ распаденіе идетъ *одновременно* съ переходомъ отъ свободныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія,—въ такихъ случаяхъ общность и неопредѣленность владѣнія смѣняется тѣмъ, что К. Р. Качоровскій называетъ „путаницею границъ", и что̀, какъ мы увидимъ ниже, было бы удобнѣе называть „путаницею владѣній". Отчего эволюція въ однихъ случаяхъ идетъ однимъ, въ другихъ—другимъ изъ намѣченныхъ только что путей,—это вопросъ, на который, какъ мы увидимъ ниже, въ гл. V-ой, трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ гипотетическаго. Но общая схема эволюціи отъ этого не измѣняется. Намъ предстоитъ теперь выполнить эту схему содержаніемъ, при чемъ въ настоящей и въ двухъ слѣдующихъ главахъ мы подробно разберемъ эволюцію формъ *пользованія* землей,—процессъ *сложенія общинно-уравнительнаго землепользованія*, въ V-ой же главѣ обратимся къ вопросу объ эволюціи *землевладѣнія* и попытаемся выяснить процессъ *сложенія общины*, какъ замкнутой вовнѣ и объединенной внутри единицы владѣнія и пользованія землею.

Первоначальная форма отношеній крестьянина-піонера, заселяющаго ту или другую изъ пустынныхъ окраинъ нашей страны,—это *вольная заимка* всѣхъ необходимыхъ угодій, тѣсно связанная съ *заимочнымъ* (или, что то же самое, хуторскимъ, починковымъ) *разселеніемъ*.

Проще всего дѣло обстоитъ, очевидно, тогда, когда въ глухомъ лѣсу или дикой степи, вдали отъ всякаго другого поселенія, возникаетъ одиночная заимка. Въ лѣсу просторно, сосѣдей нѣтъ, ни съ кѣмъ сталкиваться не приходится,—и вотъ, образованіе „заимки", этой первичной формы поселенія, сопровождается „вольною заимкою", „занятіемъ" угодій,—этою первичною формой землевладѣнія и землепользованія; земля вольная—паши, гдѣ хочешь и сколько хочешь; владѣй, „куда топоръ, соха и коса ходятъ". Но то же самое—пока просторно!—продолжается и тогда, когда заимка разрастается въ селеніе: къ чему стѣснять свободу „заимки" угодій, когда никто никого не стѣсняетъ, когда земли хватаетъ всѣмъ?.. И вотъ на этой почвѣ развивается *неограниченный захватъ*, какъ первоначальная, зачаточная форма пользованія землею. Его проявленія, его типы вырабатываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ чисто-хозяйственными условіями эксплуатаціи отдѣльныхъ угодій и видовъ угодій, но могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ разновидностямъ: земельныя угодья, вошедшія въ черту межевой дачи или просто въ сферу притяженія отдѣльной заимки, деревни или группы заимокъ или деревень, представляютъ собою, съ

одной стороны, совокупность захватныхъ владѣній—„занятій“ или тоже „заимокъ“, съ другой—обширныя пространства свободныхъ земель, эксплуатируемыхъ наличнымъ населеніемъ на правѣ вольнаго пользованія. *Общій фонъ* — это вольное пользованіе лѣсорубомъ, пастбищемъ, сѣнокосомъ, иногда и пахотною землей; на этомъ общемъ фонѣ разбросаны „заимки“ или „занятія“ отдѣльныхъ домохозяйствъ.

Вотъ характеристика, прежде всего, первой изъ этихъ формъ—вольнаго пользованія, по даннымъ изслѣдованія четырехъ сибирскихъ губерній [1]).

Свободная или *вольная* форма осуществляется,—по словамъ М. М. Дубенскаго,—„по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыя имѣются въ количествѣ настолько достаточномъ, что не можетъ быть и рѣчи о необходимости какихъ бы то ни было ограниченій въ совершенно свободномъ пользованіи ими, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, для эксплуатаціи своей не требуютъ никакихъ подготовительныхъ затратъ труда; къ такимъ угодьямъ относятся чаще всего лѣса, затѣмъ пастбища и лишь сравнительно рѣдко—покосы“. Каждый общественникъ можетъ рубить лѣсъ гдѣ ему угодно и сколько угодно, какъ для себя, такъ и на продажу; каждый можетъ пасти любое количество скота какъ въ общей деревенской поскòтинѣ, такъ и на дальнихъ выгонахъ, не вошедшихъ въ сферу притяженія отдѣльныхъ заимокъ или захватныхъ владѣній, соблюдая только установленный общиною порядокъ городьбы поскòтины и лѣтняго содержанія скота. „Вольная“ форма пользованія покосами представляетъ двѣ разновидности; при той и другой всѣ желающіе выѣзжаютъ на покосъ въ опредѣленный по соглашенію день, и каждый становится косить на любомъ мѣстѣ, никого не спрашиваясь и не стѣсняясь желаніями и соображеніями другихъ общественниковъ. „Вольные сѣнокосы, — говоритъ г. Филимоновъ, особенно подробно описавшій эту форму,—вольно косить всякому: „кто первый пришелъ съ косой, тотъ и правъ“. Если на какой-либо вольный покосъ является два, три, четыре домохозяина въ одно время, то они, большею частью, полюбовно дѣлятъ сѣнокосъ между собой, говоря: „я буду косить здѣсь, ты—тамъ, а этотъ—вонъ на томъ мѣстѣ“... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сѣнокосное мѣсто очень хорошо, дѣло рѣшается иногда и „боемъ“; но при многочисленности сѣнокосовъ, дающихъ въ изобиліи сѣно, дѣло доходитъ до „боя“ въ рѣдкихъ случаяхъ“. Это наиболѣе обычная разновидность „вольнаго“ пользованія покосами: каждый общественникъ коситъ гдѣ ему угодно, но не можетъ никому помѣшать косить хотя бы „коса о косу“ съ собою, — и если ему становится тѣсно, можетъ только самъ уйти и искать себѣ для косьбы другого, болѣе просторнаго мѣста. Несомнѣнно старѣе другая разновидность, и до сихъ поръ наблюдаемая въ нѣкоторыхъ мѣст-

[1]) Сибирск. община, 51—53.

ностяхъ, особенно богатыхъ сѣнокосными угодьями, и притомъ, какъ указываетъ г. Филимоновъ, по отношенію къ наиболѣе доброкачественнымъ покосамъ,—вольное землепользованіе съ правомъ „закоса“: каждому общественнику предоставляется „окосить“ или „затяпать“ кругомъ столько покоса, сколько онъ сможетъ обойти однимъ прокосомъ, и это окошенное мѣсто поступаетъ на данное лѣто въ исключительное пользованіе закосившаго. „При поѣздкѣ на затяпку вольныхъ сѣнокосовъ,—говоритъ г. Филимоновъ, — каждый мчится „во весь духъ“, „во весь карьеръ“ на то мѣсто, которое онъ раньше намѣтилъ для сѣнокошенія. По пріѣздѣ на намѣченное мѣсто косецъ обкашиваетъ со всѣхъ сторонъ мѣсто, которое онъ предназначилъ для своего скоса, обыкновенно, впрочемъ, съ болѣе или менѣе значительными перерывами,—и „замѣченный“ или „затяпанный“ лугъ считается неприкосновенною временною собственностью косца,—„чьи тяпки, того и сѣнокосъ“. Случалось, что „тяпки одного заходили за тяпки другого“. Тогда „съ разсвѣтомъ приступали къ „разводу“, который производился полюбовно, такъ, чтобы ни тому, ни другому не было обидно; въ сомнительныхъ случаяхъ вопросъ разрѣшался „конаніемъ на палкѣ“, или иною формою жеребьевки; первый день сѣнокоса цѣликомъ проходилъ въ разводахъ, конаньяхъ, ссорахъ, спорахъ и подчасъ дракахъ,—только къ концу дня уяснялось, кто гдѣ „положилъ тяпки“, и кто гдѣ долженъ косить“.

Эта разновидность „вольнаго сѣнокошенія“, повторяю, болѣе старая; она удержалась до настоящаго времени лишь въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ, обыкновенно же при наступленіи нѣкотораго „утѣсненія покосами“ она уступала мѣсто другой, охарактеризованной выше, разновидности вольнаго сѣнокошенія, не допускающей „закашиванья“ или „затяпыванья“.

Такой же характеръ, такъ сказать, „однолѣтняго захвата“ имѣетъ, по существу, „ударное“ сѣнокошеніе уральскихъ казаковъ,—названіе, заимствованное отъ „удара“, т.-е. пушечнаго выстрѣла, служившаго сигналомъ для начала зимняго багренія на Уралѣ, и отсюда перенесенное на аналогичные по существу сѣнокосные распорядки. Наканунѣ дня начала сѣнокошенія всѣ общественники выѣзжаютъ на покосъ и ставятъ станы, основываясь исключительно на правѣ перваго захвата; съ разсвѣтомъ „начинаютъ косить всѣ въ разъ ударомъ, при чемъ каждый хозяинъ старается вокругъ стана обкосить возможно большее пространство и въ то же время не пустить во внутрь этого пространства сосѣда“ [1]). Аналогичныя указанія имѣются относительно первоначальныхъ формъ пользованія у кубанскихъ казаковъ [2]),—въ существѣ своемъ практикующіяся здѣсь формы захватнаго сѣнокo-

[1]) *Бородинъ*, 304—305.
[2]) *Щербина*, 146.

шенія не отличаются отъ охарактеризованныхъ выше; внѣшнія же проявленія ихъ, какъ они описаны г. Щербиною, носятъ слишкомъ явственный отпечатокъ, съ одной стороны, позднѣйшихъ ограниченій вольнаго захвата, съ другой,—что̀ само главное,—регулирующаго вмѣшательства казачьей администраціи.

Изложеннаго достаточно для характеристики „вольной“ формы пользованія и ея любопытной, болѣе ранней разновидности—одногодичнаго захвата. Обратимъ еще только вниманіе, съ одной стороны, на ея сравнительную *долговѣчность*: какъ будетъ обстоятельнѣе показано въ дальнѣйшемъ изложеніи, вольное пользованіе общественными лѣсами и выгонами, а отчасти и сѣнокосными угодьями, далеко переживаетъ одновременно съ нимъ возникающую, по отношенію къ другимъ категоріямъ угодій, „захватную“ форму и продолжаетъ существовать, когда по отношенію къ другимъ угодьямъ уже давно установилось общинно-душевое пользованіе; другая характерная ея черта, напротивъ, ея *неустойчивость:* любой участокъ вольнаго пастбища, покоса или лѣса можетъ быть загороженъ въ поско̀тину вновь возникающей заимки, можетъ быть расчищенъ подъ пашню или сѣнокосъ, можетъ просто войти въ сферу притяженія какой-либо заимки и такимъ образомъ перейти изъ „свободнаго“, „вольнаго“ пользованія каждаго желающаго въ „захватное“ пользованіе того или другого отдѣльнаго общественника.

Итакъ, на общемъ фонѣ вольнаго пользованія лѣсами, пастбищами, сѣнокосами, постепенно образуется все болѣе и болѣе густая сѣть постоянныхъ, до поры, до времени, захватныхъ владѣній.

Мы видѣли, что селеніе, возникшее изъ заимки, опять даетъ отъ себя заимки,—только эти новыя заимки возникаютъ уже не въ глухомъ „казенномъ“ лѣсу, а на территоріи, освоенной извѣстнымъ селеніемъ или группою селеній—не на „порожней“, а на „нашей“, крестьянской землѣ. Но существо дѣла, пока имѣется налицо достаточный просторъ, остается то же: каждый можетъ выселиться на заимку, можетъ огородить вокругъ нея поско̀тину; этому не только никто „не препятствуетъ“ — обычное право, олицетворяемое волостнымъ судомъ, защищаетъ права заимщика, воспрещая постороннимъ лицамъ даже „подпахиваться“ къ его усадьбѣ, его городьбѣ и пашнямъ.

По отношенію къ пашнямъ первобытная „заимка“ облекается, чаще всего, въ форму самаго неограниченнаго захвата. Захватъ, хотя и имѣетъ, можетъ-быть, *принципіальное* основаніе въ затрачиваемомъ на разработку земли трудѣ [1]), но фактически обосновываетъ право владѣнія и пользованія землею и независимо отъ *дѣйствительной* затраты труда: достаточно „очертить“ растущій на извѣстномъ пространствѣ лѣсъ,—мало того, достаточно поло-

[1]) См. ниже.

жить мѣтки на граничныя деревья,—и „чертежъ“ на неопредѣленное время поступаетъ въ исключительное владѣніе и распоряженіе зачертившаго или положившаго мѣтки; достаточно распахать нѣсколько полосъ, и все пространство пустолежащихъ земель, лежащее между этими полосами, становится исключительнымъ достояніемъ, „занятіемъ“ распахавшаго. Если пашня заброшена—залежь, опять-таки на неопредѣленное время, остается въ исключительномъ распоряженіи перваго заимщика: *только онъ* можетъ косить растущую на ней траву, *только онъ* имѣетъ право распахать залежь, когда она отдохнетъ и „задернѣетъ“. Это, повидимому, преобладающая форма первобытнаго захвата по отношенію къ пахотнымъ землямъ. Мѣстами, однако, напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа и въ Забайкальѣ, такой типъ захватнаго владѣнія, гдѣ захватъ самъ по себѣ является правотворящимъ факторомъ, складывается лишь по отношенію къ лѣснымъ, раскорчеванным пашнямъ; по отношенію къ „гладкимъ“ пашнямъ, распахиваемымъ безъ предварительной расчистки, наблюдается та же форма захватнаго пользованія, какую мы наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ: распаханная земля остается достояніемъ распахавшаго только до тѣхъ поръ, пока она не заброшена, и пока отдохнувшая залежь не сравняется съ окружающею цѣлинною степью.

Приблизительно такіе же или, во всякомъ случаѣ, аналогичные порядки складываются по отношенію къ расчищеннымъ изъ-подъ лѣса сѣнокосамъ, по отношенію къ пасѣкамъ, къ окопаннымъ и забереженнымъ лѣснымъ участкамъ („сады“) и т. п.,—и такимъ образомъ, первоначальною формой пользованія по отношенію къ ряду угодій является *прочный захватъ*, опирающійся на длящіяся отношенія человѣка къ застроенной, расчищенной или распаханной землѣ; право заимщика на его „занятіе“ настолько широко и прочно, что занятыя земли передаются по наслѣдству и переуступаются—„продаются“ по единоличному усмотрѣнію заимщика, безъ всякаго съ чьей-либо стороны контроля [1]).

Содержаніе захватнаго права, или права перваго „занятія“, на первый взглядъ совершенно совпадаетъ съ содержаніемъ права собственности: разъ захвативъ землю, сибирскій крестьянинъ считаетъ себя ея полновластнымъ хозяиномъ; онъ не допускаетъ никого распахивать или косить входящую въ сферу его „занятія“ землю, хотя бы самъ въ данную минуту и не обрабатывалъ тѣхъ или другихъ полосъ или даже еще вовсе не приступалъ къ ихъ эксплуатаціи; для охраны этого своего права на исключительное *владѣніе* землей онъ не останавливается и передъ насиліемъ, и передъ обращеніемъ къ авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждаютъ его права отъ всякаго вторженія. Право заимщика на неограниченное *пользованіе* землей разумѣется

[1]) Сибир. община, 53—54.

само собой: заимщикъ можетъ косить свою землю, застроить ее, загородить въ поскòтину или оставить безъ всякаго употребленія; въ силу принадлежащаго ему права *распоряженія* землею, онъ можетъ продавать и сдавать землю въ аренду, дарить ее и передавать по наслѣдству какъ по завѣщанію, такъ и въ обычномъ порядкѣ законнаго наслѣдованія. Пользуясь, такимъ образомъ, правомъ владѣнія, пользованія и распоряженія, заимщикъ фактически является какъ будто бы полнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ собственникомъ захваченной имъ земли.

Такъ опредѣлялъ я въ 1893 году содержаніе захватнаго права, главнымъ образомъ на основаніи западно-сибирскихъ данныхъ. Болѣе конкретно опредѣляется содержаніе захватнаго права въ работѣ М. М. Дубенскаго о формахъ землевладѣнія въ Енисейской губерніи: при чистомъ захватѣ 1) „участокъ лѣса, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, захваченный подъ пашню, разъ только лѣсъ уже зачерченъ, считается во владѣніи зачертившаго, хотя бы послѣдній не разрабатывалъ его многіе годы; 2) участокъ пашни, оставленный въ залежь, считается во владѣніи своего хозяина, и сколько бы времени онъ ни лежалъ безъ обработки, захватить его никто права не имѣетъ; ... и 4) каждый владѣлецъ пашни можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передавать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продавать ее „навѣчно“ не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ“.

Сходство захватнаго права съ правомъ собственности не ограничивается, однако, *проявленіями*, а распространяется и на его *основанія* [1]): заимщикъ *первый нашелъ* данное удобное для культуры мѣсто, а потому именно онъ, а не кто-нибудь другой, имѣетъ на него права хозяина; первымъ основаніемъ захватнаго права является, такимъ образомъ, то самое право *перваго захвата* „ничьей“, „Божьей“ земли, которое извѣстно было уже римскимъ юристамъ, какъ одно изъ первыхъ основаній права собственности (res nullius cedit primo occupanti). Затѣмъ *право* затраченнаго на разработку *труда*, опять-таки извѣстное уже римскому праву подъ названіемъ „спецификаціи“: на большей части протяженія охваченнаго изслѣдованіями края пашни, а отчасти и покосъ, являлись не свободнымъ даромъ природы, а результатомъ труда, затраченнаго на расчистку лѣса; расчистка сколько-нибудь крупнаго лѣса не могла быть вознаграждена плодами одного посѣва или одного урожая травы, а потому возможна была только въ томъ случаѣ, если расчищающій могъ разсчитывать на многолѣтнее пользованіе расчищенною землей. Наконецъ, третье основаніе захватнаго права, опять-таки при другихъ условіяхъ являющееся источникомъ права собственности, есть *давность*: съ одной стороны, давность безспорнаго владѣнія является доказательствомъ

[1]) Тоже, 55—59.

согласія общества на это владѣніе, съ другой—безспорность продолжительнаго владѣнія доказываетъ его правильность.

Право давности играетъ, однако, совершенно второстепенную роль среди основаній захватнаго пользованія. Напротивъ, начала *трудовое* и *захватное* болѣе или менѣе равнозначущи: и *если моментъ приложенія труда всегда, eo ipso, сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ, при разсматриваемой формѣ, и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ захваченной землѣ.* Этою двойственностью основаній захватнаго права опредѣляются, между прочимъ, тѣ виды угодій, на которые можетъ распространяться захватное пользованіе: это, прежде всего, *всѣ угодья, захваченныя въ сферу притяженія „занятій“, „заимокъ“ отдѣльныхъ домохозяевъ*, даже такія, къ которымъ трудъ никогда не прилагался ни къ какой формѣ; всѣ эти угодья—исключительная принадлежность заимщика, который отстаиваетъ свои права, въ случаѣ надобности, и судомъ, и силой: въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ можно найти не мало дѣлъ о дракахъ, возникшихъ изъ-за того, что заимщики запрещали косить траву „поблизости ихъ пашни“; есть дѣла о ложныхъ обвиненіяхъ „по злобѣ“ за то, что кто-либо осмѣливался косить траву вблизи какой-либо заимки, а съ другой стороны имѣются и рѣшенія волостныхъ судовъ, удостовѣряющія незаконность *приближенія* къ „занятію“ другого лица [1]). Съ другой стороны, въ захватномъ пользованіи состоятъ и *всѣ вообще земли, на обращеніе которыхъ въ культурное состояніе былъ затраченъ трудъ*,—всѣ вообще пашни и тѣ сѣнокосы, которые расчищены изъ-подъ лѣсной заросли („чищенія“, „чищсбы“), вообще всякій клочокъ земли, разъ къ разработкѣ его приложенъ трудъ или *хотя бы только изъявлено намѣреніе* [2]) его разработать.

Иногда трудовое начало понимается, впрочемъ, еще гораздо шире,—настолько широко, что теряется граница между *затратою труда и простымъ захватомъ*: для установленія захватнаго права владѣнія покосомъ не требуется даже затраты труда на *расчистку*, а достаточно факта *эксплуатаціи*,—достаточно разъ

---

1) Вотъ одно въ высшей степени характерное рѣшеніе: по поводу спора двухъ заимочниковъ, А. и Ш., объ обоюдныхъ захватахъ земли, судъ, имѣя въ виду, что „А. въ 50 саженяхъ отъ поскóтины и въ одной верстѣ отъ заимки Ш. распахалъ и посѣялъ хлѣбъ, Ш. же никакихъ стѣсненій А. не дѣлалъ, а распахивалъ землю вблизи своей заимки...“, постановилъ: „распаханную землю Ш. оставить во владѣніи его, Ш., а А. сдѣлать внушеніе, чтобы *„онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки* Ш, такъ какъ Л. имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли“ (см. З. Сиб. „Матер.“ 275—283).

2) Одно изъ записанныхъ мною рѣшеній волостного суда вызвано жалобой одного крестьянина на то, что другой „началъ запашку на мѣстѣ, которымъ онъ владѣетъ и для огороженія котораго онъ уже приготовилъ 150 паръ кольевъ и 130 штукъ жердей“ (тамъ же, 280). Приложенія труда *къ данному участку земли*, значитъ, еще не было,—было только *намѣреніе* его разработать.

выкосить покосъ, чтобы пріобрѣсти на него прочное право владѣнія: „всякій крестьянинъ, нашедшій свободное, „ничье“ мѣсто, пригодное для сѣнокоса, можетъ его выкосить, и съ этого момента оно становится принадлежащимъ ему „навсегда“; въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ такой порядокъ встрѣчается, сравнительно, довольно часто, и притомъ преимущественно у инородцевъ, въ жизни которыхъ сѣнокосы играютъ особенно важную роль.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ объектахъ захватнаго пользованія, необходимо еще остановиться на вопросѣ о распашкѣ чужихъ покосовъ. Въ противуположность обычному праву инородцевъ, у сибирскихъ крестьянъ не знающимъ исключенія правиломъ является полная свобода производства распашекъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ: „сохѣ, говорятъ крестьяне, препятствовать нельзя“; однѣ общины, при этомъ, освобождаютъ распахавшаго чужой покосъ даже отъ обязанности вознаградить владѣльца, въ другихъ онъ долженъ вознаградить его равноцѣннымъ участкомъ сѣнокоса изъ своего „занятія“, и обязательность такого вознагражденія признается, какъ видно по нѣкоторымъ рѣшеніямъ, и волостнымъ судомъ [1]).

Таковъ чистый захватъ по даннымъ изслѣдованія четырехъ сибирскихъ губерній. Опять-таки и эта форма имѣетъ несравненно болѣе широкое распространеніе. Я не буду, однако, умножать примѣровъ, собственно для общей характеристики чистаго захвата; мнѣ удобнѣе будетъ использовать матеріалъ, собранный въ другихъ районахъ, при разсмотрѣніи ряда частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ данной на предыдущихъ страницахъ характеристики вольнаго пользованія и чистаго захвата.

---

[1]) Г. Качоровскій, послѣдовательно стоя, какъ мы увидимъ ниже, на своей чисто-трудовой точкѣ зрѣнія, и эту обычно-правовую норму объясняетъ съ точки зрѣнія соотношенія трудовыхъ затратъ: „при общеправовыхъ ограниченіяхъ захвата, говоритъ онъ, всегда побѣждаетъ тотъ, кто захватываетъ болѣе интенсивнымъ трудомъ“,—вотъ почему „коса владѣетъ только до тѣхъ поръ, пока не придетъ соха“ (Качоровскій, 159). Но такое объясненіе, очевидно, вѣрно не для всѣхъ ступеней хозяйственнаго развитія. Мы видѣли, что у кочевниковъ дѣйствуетъ діаметрально - противоположная обычно - правовая норма—свобода распашки находитъ себѣ безусловное ограниченіе въ запрещеніи распахивать покосы; у кубанскихъ казаковъ „съ дѣленіемъ юртовъ на части было соединено запрещеніе распашекъ на сѣнокосахъ и выгонахъ“ (Щербина, 128). И это послѣднее указаніе наводитъ насъ на болѣе правильное, быть-можетъ, объясненіе того, почему въ однихъ случаяхъ „сохѣ препятствовать нельзя“, въ другихъ, наоборотъ, коса „препятствуетъ“ сохѣ: вѣдь у кубанскихъ казаковъ, а тѣмъ болѣе у осѣдающихъ кочевниковъ, центръ тяжести въ гораздо большей степени лежитъ въ скотоводствѣ, нежели у сибирскихъ крестьянъ; у кочевниковъ и кубанскихъ казаковъ первенствующее значеніе имѣютъ, поэтому, покосы и выгоны, и площадь ихъ не можетъ быть сокращаема въ интересахъ земледѣлія; у сибирскихъ крестьянъ первенствующее значеніе перешло къ пашнямъ, и потому является принципъ: „сохѣ препятствовать нельзя“.

И первый вопросъ: слѣдуетъ ли разсматривать двѣ только что названныя формы, дѣйствительно, какъ *двѣ самостоятельныхъ формы*, или это не что иное, какъ проявленія *одной и той же* формы первобытнаго захвата. Сибирскіе изслѣдователи съ полнымъ единодушіемъ говорили о *двухъ* самостоятельныхъ формахъ. К. Р. Качоровскій подводитъ и „вольное“ пользованіе, и чистый захватъ подъ *одинъ* общій типъ, „семейно-захватнаго“ владѣнія. Вся разница только въ томъ, что „нѣкоторые участки заняты отдѣльными семьями прочно и надолго, другіе захватываются временно и часто, то однѣми, то другими семьями [1]). Обѣ эти разновидности захвата „различаются болѣе внѣшне, чѣмъ по существу, т.-е. по размѣрамъ правъ заимщика. Заимщикъ могъ бы захватить и сѣнокосъ и пастбище такъ же надолго и передавать ихъ наслѣдственно; и если онъ не дѣлаетъ этого, то только потому, что это ему не нужно; незачѣмъ затрачивать трудъ на городьбу, на заблаговременный захватъ, когда и такъ всегда ему хватитъ. Такимъ образомъ, самый объемъ захватнаго права такъ же неограниченъ и безсроченъ при кратковременномъ захватѣ, какъ и при долговременномъ; и тутъ и тамъ всякій воленъ захватывать всякіе незахваченные участки на какой угодно срокъ и для какой угодно цѣли, и только именно этой цѣлью опредѣляется, пріобрѣтаетъ ли захватъ видъ постояннаго владѣнія или спорадическаго пользованія“ [2])

Разногласіе это, очевидно, не имѣетъ слишкомъ существеннаго значенія: признаемъ ли мы „постоянное владѣніе“ и „спорадическое пользованіе“ за *два* самостоятельныхъ типа, или за два способа проявленія *одного и того же* захватнаго начала,—это не измѣняетъ существа дѣла. Тѣмъ не менѣе, сливать эти два типа едва ли правильно: разница приблизительно та же, какъ между постоянною и временною хозяйственною эксплуатаціею угодій. Каждый типъ или каждая разновидность имѣетъ свою, въ общемъ и цѣломъ опредѣленную, сферу и свои, совершенно опредѣленныя, проявленія. Г. Качоровскій совершенно правъ, когда видитъ въ „постоянномъ владѣніи“ и „спорадическомъ пользованіи“ проявленія одного и того же основного принципа. Но эти проявленія столь не похожи другъ на друга, что несходство ихъ въ достаточной мѣрѣ обосновываетъ сохраненіе для каждаго изъ нихъ особаго обозначенія.

Другой болѣе существенный вопросъ: играетъ ли *захватъ*, при господствѣ чистаго захватнаго права, самостоятельную роль, или же онъ является лишь спутникомъ обосновывающей захватное право трудовой затраты? К. Р. Качоровскій склоняется къ этому послѣднему отвѣту: „Строго говоря,—говоритъ онъ,—врядъ ли можно наблюдать такіе случаи, чтобы захватъ самъ по себѣ служилъ

---

[1]) *Качоровскій*, 109.
[2]) Тоже, 110.

основаніемъ права, ибо трудно себѣ представить захватъ совсѣмъ безъ труда. Даже захватъ, такъ сказать, символическій, при которомъ захватываемая пашня не захватывается вся, а только опахивается вокругъ, расчищаемый изъ-подъ лѣса участокъ не вырубается, а лишь деревья на немъ зачерчиваются, и т. д.,—даже этотъ захватъ все-таки не представимъ безъ извѣстнаго минимума труда; не надо забывать, что, помимо нѣсколькихъ всего, быть-можетъ, часовъ работы топоромъ, косой или сохою, всегда уйдетъ нѣсколько, минимумъ, дней на поиски подходящаго для захвата участка. А затѣмъ, если этотъ трудъ и ничтожно малъ, то это вѣдь не имѣетъ никакого значенія: онъ все-таки представляетъ извѣстную положительную величину, и такъ же необходимо перевѣшиваетъ право всякаго, позже пришедшаго и ни капли труда не затратившаго, какъ чашка вѣсовъ съ однимъ миллиграммомъ перевѣшиваетъ пустую чашку“ [1]). Доминирующее значеніе необходимо соединенной съ захватомъ затраты труда доказывается, по мнѣнію г. Качоровскаго, доминирующею ролью, которую чисто-трудовое начало пріобрѣтаетъ въ послѣдующей фазѣ ограниченнаго захвата: „трудно было бы допустить, чтобы трудъ сталъ въ этихъ формахъ сразу такимъ исключительнымъ, безраздѣльнымъ основаніемъ права, не будучи вовсе или лишь слабо признаваемъ раньше. Необходимо поэтому, наоборотъ, принять, что уже съ того самаго момента, какъ владѣніе изъ факта начало превращаться въ право, сразу же трудъ сдѣлался главнымъ основаніемъ и мѣриломъ этого права“ [2]). Съ другой стороны, именно на *трудовомъ* правѣ непосредственно основаны всѣ тѣ обширныя права въ области распоряженія землею (продажа, сдача въ аренду, наслѣдованіе), какими располагаетъ заимочный владѣлецъ. Въ частности, „наиболѣе активная форма распоряженія—продажа — никогда не имѣетъ мѣста относительно неразработанной земли: вѣдь неразработанную землю всякій можетъ при семейно-захватномъ владѣніи самъ занять, такъ какъ при немъ всегда подразумѣвается достаточная для того степень земельнаго простора, а продается всегда лишь разработанный участокъ,—лѣсныя „чищобы“, вспаханное поле, взращенный лѣсъ, расчищенный отъ кустовъ покосъ, а чаще всего—поле съ цѣлою усадьбой, строеніями, городьбой и т. д.“ [3]).

---

[1]) Тоже, 119.

[2]) Тоже, 120.

[3]) Тоже, 121. На сходной точкѣ зрѣнія стоитъ г. Большаковъ въ своей „Общинѣ у зырянъ“. Возражая частью пишущему эти строки, частью—своему сотоварищу по изслѣдованію зырянскаго края Л. Н. Рума, онъ, если не отрицаетъ категорически существованія самостоятельнаго захватнаго права, то, во всякомъ случаѣ, считаетъ необходимымъ „выдѣлить изслѣдуемый районъ изъ числа тѣхъ мѣстностей, на которыя гг. изслѣдователи распространяютъ господство изобрѣтеннаго ими правового принципа“. Его аргументы—въ существѣ тѣ же, что и К. Р. Качоровскаго; въ его изслѣдованіи „разбросано не мало доказательствъ того, какъ подъ напоромъ измѣняющихся хозяйственныхъ условій

Приведенныя только что, въ существеннѣйшихъ чертахъ, соображенія г. Качоровскаго показались мнѣ въ первую минуту вполнѣ правильными, что̀ я высказалъ въ свое время въ печати [1]). Однако болѣе тщательно взвѣсивъ всѣ аргументы г. Ка-

мѣняется и отношеніе къ землѣ, какъ объекту тѣхъ или другихъ правъ". Если зырянинъ не рѣшается на завладѣніе участкомъ, одна только часть котораго подверглась приложенію труда, то „причина этому кроется не въ признаніи юридическаго значенія захвата, а въ нѣсколько иномъ, чѣмъ у г. Рума, пониманіи трудового принципа". Именно, „всякій захватъ того или другого участка производится всегда съ цѣлью приложенія труда, поэтому величина захватываемой площади опредѣляется размѣромъ потребности; разъ участокъ захваченъ, то тѣмъ самымъ показывается, что онъ захваченъ для того, чтобы путемъ первоначальной затраты труда на расчистку извлекать изъ него выгоду". Самъ по себѣ захватъ „не право, а лишь фактъ, не имѣющій никакихъ юридическихъ послѣдствій. Прежде, нежели приложить трудъ, необходимо завладѣть участкомъ; захватъ есть не что иное, какъ форма этого завладѣнія". По поводу моихъ словъ, что „если моментъ приложенія труда eo ipso сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ при разсматриваемой формѣ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ землѣ", г. Большаковъ замѣчаетъ: „это въ такой же степени справедливо, какъ и слѣдующій перифразъ: если моментъ расплаты за товаръ eo ipso сопровождается осмотромъ, то этотъ послѣдній моментъ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя, длящіяся основанія къ осмотрѣнной вещи". Наконецъ по поводу замѣны чистаго захвата основанною уже на чисто-трудовомъ принципѣ формою ограниченнаго захвата г. Большаковъ замѣчаетъ: „но вѣдь такая замѣна — цѣлый переворотъ въ народныхъ правовоззрѣніяхъ, ибо она есть не что иное, какъ смѣна правовыхъ принциповъ. Народная жизнь идетъ слишкомъ медленно и слишкомъ послѣдовательно, чтобы можно было приписать ей такіе скачки" (Общ. у выр., 35, 36, 39, 40, вообще весь отрывокъ съ 35 до 40). Если оставить въ сторонѣ тотъ „перифразъ", которымъ г. Большаковъ опровергаетъ пишущаго эти строки и который явно основанъ на простомъ недоразумѣніи (захватъ не *логически*, а чисто фактически „самъ по себѣ создаетъ" и т. д.), то остальные аргументы г. Большакова, какъ я сказалъ, въ существѣ совпадаютъ съ аргументами К. Р. Качоровскаго, которые разбираются мною въ текстѣ. Здѣсь я отмѣчу только, что у г. Большакова имѣется рядъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что и въ зырянскомъ краѣ *можно* проводить то же самое различіе между основаннымъ, въ значительной мѣрѣ, на самостоятельномъ значеніи момента захвата первоначальнымъ захватнымъ пользованіемъ и чисто-трудовымъ, ограниченнымъ захватомъ. „Когда участокъ свободенъ отъ насажденій,— говоритъ г. Большаковъ,—и нѣтъ возможности приложеніемъ подготовительнаго труда доказать, что онъ занятъ, достаточно часто одного заявленія домохозяина о желаніи приступить къ обработкѣ (значитъ, даже не символическій захватъ!), и всякій, „имѣющій совѣсть", несмотря на отсутствіе видимыхъ признаковъ труда, не препятствуетъ исполненію этого желанія" (32). Далѣе, въ первоначальную эпоху „индивидуальнаго владѣнія", какъ его называетъ г. Большаковъ, „трудъ по расчисткѣ влечетъ къ неограниченному владѣнію участкомъ" (33); мало того, „приступая къ обработкѣ участка, зырянинъ дѣлаетъ вокругъ намѣченнаго участка просѣку или просто затесы на деревьяхъ, и съ этого момента участокъ считается занятымъ (тоже). На ряду съ этою формою владѣнія, начинающагося *до* приложенія момента труда и продолжающагося даже тогда, когда затраченный трудъ, можетъ-быть, уже давно окупился, въ зырянскомъ краѣ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ и другая, чисто-трудовая форма, соотвѣтствующая сибирскому ограниченному захвату или даже вольному пользованію. Едва ли можно утверждать, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ роль труда, какъ правотворящаго начала, была одинаково „исключительна", а самостоятельная роль захвата, оккупаціи, одинаково ничтожна.

[1]) *Кауфманъ*, Забайкал., 129.

чоровскаго, я не могу признать ихъ убѣдительными. Если, въ самомъ дѣлѣ, продажа имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ застроеннымъ или разработаннымъ площадямъ [1]), то это просто потому, что при безпредѣльномъ просторѣ ни у кого не могло возникнуть и потребности въ пріобрѣтеніи неразработанной земли: при *такомъ* положеніи дѣлъ, какъ мимоходомъ замѣчаетъ г. Качоровскій, „всякій самъ можетъ занять“ неразработанную землю, а потому не можетъ быть и вопроса о ея покупкѣ и продажѣ. Если, затѣмъ, трудъ становится единственнымъ правотворящимъ принципомъ при смѣняющемъ чистую захватную форму ограниченномъ захватѣ, то прежде всего это не происходитъ „*сразу*“,— мы имѣемъ дѣло совсѣмъ не съ „*быстрою*, не вызываемою никакими условіями пертурбаціею во взглядахъ крестьянъ“; напротивъ, смѣна одной формы другою вызывается постепеннымъ измѣненіемъ въ условіяхъ обезпеченности землею и происходитъ съ большою постепенностью, сопровождаясь продолжительною борьбою между представителями противоположныхъ интересовъ. Но главное, если захватное начало, само по себѣ, не играетъ роли *въ нѣкоторой послѣдующей* формѣ землепользованія, то изъ этого ничего не слѣдуетъ относительно *данной* формы: „процессъ ограниченія права на захваченные участки,—говоритъ г. Качоровскій въ другомъ мѣстѣ,—какъ общее правило и состоитъ въ постепенномъ оспариваніи только такихъ захватныхъ владѣній, которыя недостаточно основывались на затратѣ труда“ [2]). *Послѣдующая* форма, форма ограниченнаго захвата,—это та, гдѣ все, дѣйствительно, строго сведено къ трудовому основанію. *Чистый* захватъ — это та, гдѣ признаются и такія „захватныя владѣнія, *которыя недостаточно основываются на затратѣ труда*“. Если исходить вмѣстѣ съ г. Качоровскимъ, изъ того положенія, что въ послѣдующей формѣ не можетъ „сразу“ появиться такихъ началъ, которыхъ не было въ первоначальной формѣ, то придется признать, что въ первобытномъ захватѣ были и элементы общинно-уравнительнаго начала, которое, значитъ, тоже не могло появиться въ послѣдующій моментъ, разъ отсутствовало при первоначальной формѣ землевладѣнія. Наконецъ, если видѣть проявленіе труда даже въ чисто-символическомъ захватѣ, то *такой* аргументъ, прежде всего, стрѣляетъ дальше цѣли: съ этой точки зрѣнія за „трудъ“ можно будетъ признать и подписаніе нанимателемъ рабочаго договора, и на этомъ основаніи оправдывать получаемый имъ барышъ. Но даже если видѣть затрату труда въ такихъ формахъ символическаго захвата, какъ кольцеваніе деревьевъ, то вѣдь и эта затрата производится только по линіи, окружающей за-

[1]) По отношенію къ наслѣдованію это едва ли можно утверждать: пока цѣло захватное право, „заимка“ переходила отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ правомъ на разработку прилегающихъ къ ней угодій; подобнымъ же образомъ по наслѣдству переходили и „чертежи“, хотя бы еще не разработанные.

[2]) *Качоровскій*, 136.

хватываемый участокъ, а не на той площади, которая охватывается этою линіей. Еще менѣе можетъ быть рѣчь о *трудовомъ* завладѣніи при тѣхъ формахъ захвата, съ которыми мы встрѣчаемся на Алтаѣ или у донскихъ казаковъ,—когда „общинникъ, желая захватить въ свое пользованіе извѣстную площадь хлѣбопахотныхъ земель и гарантировать себя отъ возможности захвата другими, разбрасываетъ свои пашни отдѣльными полосами на извѣстномъ пространствѣ, стараясь расположить ихъ такъ, чтобы все-таки удобно было возить хлѣбъ къ одному мѣсту для складыванія, къ одному остожью. *Всѣ свободные участки земли между этими полосами*, будутъ ли то уже оставленные въ залежь, или еще не трогавшіеся сохою, *считаются за тѣмъ, кто распахалъ полосы* (курс. мой. А. К.),—никто другой сюда „припахаться“ уже не можетъ“ [1]). На Дону богатые казаки „опахиваютъ кругомъ, „загоняютъ“, по мѣстному выраженію, извѣстное пространство земли, т.-е. проводятъ нѣсколько бороздъ по бокамъ нивы, оставляя середину не тронутою, и затѣмъ переѣзжаютъ на другое мѣсто, гдѣ повторяютъ то же самое. По стародавнему обычаю, всѣ отмѣченныя такимъ образомъ пашни считаются для остальныхъ неприкосновенными“ [2]). Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о трудѣ, какъ объ исключительной основѣ захватнаго права, когда мы хотимъ уяснить себѣ смыслъ такихъ явленій, какъ освоеніе заимщиками всѣхъ, въ томъ числѣ и неразработанныхъ земель, прилегающихъ къ заимкамъ, или какъ прочное захватное право владѣнія однажды выкошенными покосами, не требовавшими предварительной расчистки; въ первомъ случаѣ о трудѣ, вообще, не приходится и говорить,—можетъ быть рѣчь развѣ только о хозяйственныхъ соображеніяхъ, оправдывающихъ запретъ „подступаться“ къ чужимъ заимкамъ; во второмъ затраченный трудъ сводился къ собиранію плодовъ и могъ обосновать лишь право на эти самые плоды, но никакъ не на землю, въ которую не вложено было ни малѣйшаго труда.

И конечный выводъ изъ сказаннаго будетъ такой: *принципіальною основой* чистаго захвата, можетъ-быть, дѣйствительно является затраченный трудъ. Но *фактически* право постояннаго владѣнія возникаетъ и тамъ, гдѣ трудовая затрата въ дѣйствительности была минимальна или даже совершенно отсутствовала; фактически въ такого рода случаяхъ *захватъ и самъ по себѣ создаетъ прочное владѣніе* землей,—прочное, пока данная форма землепользованія не уступила мѣста другой.

Дальнѣйшій любопытный вопросъ—о предѣлахъ распространенности *вольной* формы землепользованія. На основаніи данныхъ, собранныхъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ, было основаніе полагать, что эта форма находитъ себѣ примѣненіе только тамъ,

---

[1]) Томск. окр., 166, 167. См. *Щербина*. 88.
[2]) *Харузинъ*, 12.

гдѣ нѣтъ никакой обработки земли, а есть лишь простое пользованіе ея плодами; что она, поэтому, можетъ существовать по отношенію къ пастбищамъ, лѣсорубу, естественнымъ сѣнокосамъ,—но не по отношенію къ пашнямъ [1]). Въ настоящее время мнѣ приходится признать этотъ взглядъ ошибочнымъ. Указанія на существованіе вольной формы пользованія пашнями имѣлись уже въ работѣ Е. С. Филимонова „о формахъ землепользованія въ сѣверозападной Барабѣ". Но г. Филимонову не удалось достаточно опредѣленно выяснить, *въ какихъ конкретныхъ формахъ* проявляется эта „вольница" по отношенію къ пашнямъ: у него крестьяне „время отъ времени наѣзжаютъ для вспашки и посѣва",—представленіе, едва ли совмѣстимое съ характеромъ земледѣльческаго производства, не допускающаго столь мимолетной связи съ обрабатываемою землею. И эта недостаточная выясненность заставила меня считать существованіе „вольницы", по отношенію къ пашнямъ, плодомъ недоразумѣнія [2]). Къ тому же взгляду склонялся, очевидно, и К. Р. Качоровскій, который вовсе не нашелъ для „вольницы" г. Филимонова мѣста въ своей общей схемѣ развитія допередѣльныхъ формъ пользованія. Данныя забайкальской экспедиціи показываютъ иное: въ Забайкальѣ „вольница" неоспоримо существовала и по отношенію къ пашнямъ, не требующимъ предварительной расчистки,—слѣдовательно, могла существовать и въ Барабѣ,—и въ другихъ мѣсностяхъ коренной Сибири,—г. Филимонову не удалось только съ достаточною ясностью формулировать сущность этой формы. Какъ выяснено изслѣдованіемъ Забайкальской области, чистый захватъ существуетъ у мѣстныхъ инородцевъ, въ качествѣ первоначальной формы, только по отношенію къ такимъ пахотнымъ землямъ, для обращенія которыхъ подъ культуру требовалась извѣстная предварительная затрата труда; по отношенію къ „гладкимъ", „свѣтлымъ" пашнямъ, т.-е. такимъ, разработка которыхъ требуетъ только извѣстной *текущей* затраты труда, окупаемой *текущимъ* продуктомъ, общераспространенною является такая форма пользованія, при которой пашня считается за хозяиномъ только до тѣхъ поръ, пока стоитъ городьба, или еще немного лѣтъ по снятіи городьбы. Изслѣдованіе не даетъ никакихъ указаній относительно того, чтобы эта форма пользованія развилась здѣсь изъ чистаго захвата; напротивъ — тотъ фактъ, что форма эта встрѣчается тамъ, гдѣ инородцы, при громадномъ земельномъ просторѣ, лишь въ небольшихъ размѣрахъ занимаются земледѣліемъ, приводитъ г. Кроля къ правильному заключенію, что эта форма пользованія не является здѣсь переходною, ибо въ такихъ общинахъ „могли существовать только первоначальныя формы" [2]). Съ другой стороны, сущность позднѣйшей формы, ограниченнаго захвата, именно въ *ограниченіи*

---

[1]) Сибирск. община, 46.
[2]) *Кроль*, 46—48.

захвата властью міра, вызванномъ возникающими на почвѣ „утѣсненія“ столкновеніями между общественниками. Въ данномъ случаѣ указаній на вмѣшательство міра не имѣется; мало того, „весьма мало вѣроятно, чтобы такой взглядъ (на „свѣтлыя“ пашни) явился результатомъ активнаго вмѣшательства общины, ибо при описанныхъ условіяхъ широкаго простора наврядъ ли было возможно „столкновеніе интересовъ“, въ видѣ одновременныхъ притязаній нѣсколькихъ лицъ на одну и ту же залежь“. Источникъ этой формы пользованія—„въ чисто-хозяйственныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ связь съ выпаханною гладкою пашней тотчасъ же по забросѣ ея въ залежь“ окончательно прерывается; а такъ какъ „за сравнительно небольшой трудъ по поднятію цѣлины или старой залежи онъ вознаградилъ себя достаточно, то занятая земля, естественно, входитъ снова въ общій фондъ земельныхъ угодій, не состоящихъ ни въ чьемъ индивидуальномъ пользованіи“; оставленная въ залежь пашня становится, такимъ образомъ, доступною для новаго захвата не въ силу распоряженія общины, а просто потому, что „самый фактъ снятія городьбы и пропускъ срока залежности являются какъ бы актами добровольнаго отреченія хозяина пашни отъ занятой имъ земли“ [1]). Если, поэтому, подводить эту форму пользованія подъ какой-либо изъ ранѣе установленныхъ типовъ, то она ближе всего подходитъ не къ ограниченно-захватной, а къ *вольной* формѣ пользованія, сущность которой именно въ томъ и заключается, что „фактъ пользованія не создаетъ еще никакихъ длящихся отношеній лица къ землѣ“; что пользованіе начинается съ момента начала эксплуатаціи данной земельной площади и кончается съ ея прекращеніемъ. На первый взглядъ, казалось бы, трудно подводить подъ одинъ терминъ вольное сѣнокошеніе, при которомъ захватчикъ пріобрѣтаетъ лишь право на накошенное имъ сѣно, и разсматриваемую форму пользованія пашнями; но разница вытекаетъ изъ различія въ способахъ использованія покоса и пашни, существо же дѣла въ томъ и другомъ случаѣ — это владѣніе, начинающееся и прекращающееся вмѣстѣ съ фактическимъ пользованіемъ и не дающее хозяину никакихъ длящихся правъ на эксплуатируемую имъ, въ данный моментъ, земельную площадь [2]).

Внимательное изученіе матеріала позволяетъ констатировать, что *вольная* форма пользованія пашнями—широко распространенное явленіе: подъ этотъ типъ, несомнѣнно, подходятъ нѣкоторыя описанныя въ первой части этой книги формы пользованія пашнями у киргизъ, въ особенности когда земля распахивается подъ одинъ или два посѣва проса и затѣмъ забрасывается на неопредѣленное время. Отмѣчена она въ нѣкоторыхъ изъ многоземельныхъ мѣстностей района земскихъ изслѣдованій: въ Одесскомъ уѣздѣ,

[1]) Тоже, 49.
[2]) См. *Кауфманъ*, Забайкал., 130—132.

напримѣръ, „право на владѣніе землею опредѣлялось столько же правомъ перваго захвата, сколько и правомъ перваго труда, употребленнаго на обработку земли; *съ покинутою землею терялось и владѣніе*“ [1]). У вологодскихъ зырянъ „обработка участка, когда она не требуетъ предварительной расчистки, не влечетъ къ неограниченному владѣнію,—послѣднее кончается вмѣстѣ съ сборомъ произрастеній“ [2]). Въ сущности говоря, *именно такая* форма пользованія пашнями, не требующими предварительной расчистки, только и находитъ себѣ оправданіе съ точки зрѣнія чисто-трудового права. И если, тѣмъ не менѣе, въ Сибири чистый захватъ, продолжающійся и по прекращеніи обработки залежамъ, преобладаетъ и по отношенію къ „свѣтлымъ“ пашнямъ, то это является лишнимъ доказательствомъ того, что сущность чистаго захвата отнюдь не можетъ быть сведена къ одному только трудовому праву.

Данныя, собранныя среди забайкальскихъ инородцевъ, любопытны еще въ одномъ отношеніи. У сибирскихъ крестьянъ чистый захватъ—всегда *первоначальная* форма землепользованія, отъ которой затѣмъ шла постепенная эволюція къ душевому пользованію, а вольное пользованіе переходитъ въ уравнительно-душевое, нигдѣ не проходя черезъ стадію чистаго или длящагося захвата. У забайкальскихъ инородцевъ, въ частности по отношенію къ сѣнокосамъ, безусловная „вольница“ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія переходитъ непосредственно въ уравнительное пользованіе покосами; въ видѣ правила „вольница“ переходитъ въ прочный захватъ, и уже послѣдній—въ уравнительное пользованіе. Превращеніе вольницы въ захватъ—результатъ, главнымъ образомъ, того же обычая загораживать покосы, которому обязана своимъ первоначальнымъ возникновеніемъ и сама инородческая община. „Обычай загораживать валовыя поскòтины,—говоритъ г. Кроль [3]),—раньше или позже, тѣмъ или инымъ путемъ, приводитъ къ захватному пользованію заключенными въ нихъ покосами“. На мѣсто „вольницы“, какъ мы видѣли въ первой части этой книги, становится сначала неопредѣленная и расплывчатая „поскòтинная община“ или артель, внутри которой каждый пользуется покосами на основаніяхъ „зачаточнаго захвата“. Этотъ зачаточный захватъ, по мѣрѣ „утѣсненія“ и обусловленнаго имъ повышенія цѣнности покосовъ, постепенно переходитъ въ прочный захватъ; укрѣпленіе за каждымъ владѣемаго имъ покоса оказывается „въ интересахъ всѣхъ членовъ поскòтинной общины“, и установляется „обычно-правовая норма, которая беретъ подъ свою защиту владѣльцевъ покоса,—иначе сказать, захватная форма дѣлается общепризнанною и господствующею“ [4]). Это — одинъ типъ эволюціи,

[1]) *В. В.*, Крест. общ., 8.
[2]) *Большаковъ*, 32.
[3]) *Кроль*, 12.
[4]) Тоже, 19.

въ которомъ съ полною ясностью прослѣживается зависимость формы землепользованія отъ наличности или отсутствія трудовой затраты. „Огораживаніе, по справедливому замѣчанію г. Кроля, представляетъ ту затрату труда, которая создаетъ право на огороженный участокъ". Въ другихъ случаяхъ отдѣльные хозяева, просто, ради хозяйственнаго удобства, пріурочивали свое пользованіе къ отдѣльнымъ сѣнокоснымъ урочищамъ, и у нихъ мало-по-малу создавалось чисто-захватное право на эти урочища. Это—опять-таки одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые доказываютъ, что прочный захватъ можетъ существовать *и независимо отъ трудовой затраты*; съ *этой* точки зрѣнія ничего не измѣнилось, домохозяинъ не затратилъ никакого труда *на обработку* покоса, и, тѣмъ не менѣе, покосъ поступаетъ въ его исключительное пользованіе.

Разсмотримъ теперь, что̀ такое, въ существѣ, описанныя въ настоящей главѣ формы первобытнаго захвата: формы ли это *общиннаго* пользованія, или, наоборотъ, лишь не вполнѣ установившееся и окрѣпшее *подворное* личное владѣніе?

Мы видѣли выше [1]), что захватное право какъ въ проявленіяхъ своихъ, такъ и въ основаніяхъ, почти совпадаетъ съ правомъ собственности на землю, и, напр., Е. С. Филимоновъ прямо говоритъ, что сибирское заимочное (синонимъ „захватнаго") землепользованіе характеризовалось, главнымъ образомъ, правомъ *наслѣдственно-родовой собственности* на земельный участокъ. Но отожествленіе захватнаго владѣнія съ частною собственностью или подворнымъ владѣніемъ не можетъ быть признано основательнымъ: существенная разница, по справедливому объясненію М. М. Дубенскаго, „заключается въ самомъ титулѣ или основаніи владѣнія: въ первомъ случаѣ имъ является захватъ, во второмъ—наслѣдованіе; конечно, захватъ далеко не даетъ владѣнію такой прочной санкціи, какъ наслѣдованіе, и притомъ наслѣдованіе не въ качествѣ одного лишь случайнаго и временнаго аттрибута владѣнія, а въ качествѣ его коренного юридическаго основанія. Наконецъ подворно-наслѣдственная форма представляется формой настолько законченной и окрѣпшей, что переходъ отъ нея къ какому-либо иному виду владѣнія не можетъ осуществиться безъ болѣе или менѣе рѣшительнаго и рѣзко выраженнаго переворота, между тѣмъ какъ форма захватная является лишь переходной, при чемъ переходъ отъ нея къ любому виду владѣнія, не исключая даже уравнительно-душевого, можетъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, совершаться очень быстро и очень легко". Уравненія до поры, до времени не происходитъ потому, что въ немъ нѣтъ необходимости: „При многоземельѣ,—говоритъ тотъ же г. Филимоновъ,—раздѣлъ земли представляется совершенно ненужнымъ, безцѣль-

---

[1]) Стр. 249—251. См. Сибирск. община, 59—61.

нымъ и не имѣющимъ никакого смысла". Захватныя формы возникаютъ и крѣпнутъ при чрезвычайномъ просторѣ, далеко превышающемъ самыя широкія потребности наличнаго населенія, — „при размѣрахъ землевладѣнія, замѣтно превышающихъ рабочую норму, т.-е. площадь, которая можетъ быть обработана всѣми наличными силами" [1]) даннаго населенія. Но при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо мѣрахъ къ урегулированію взаимныхъ земельныхъ отношеній, просто потому, что при такихъ условіяхъ не возникаетъ самихъ этихъ отношеній. „Всѣ эти заимки, — мѣтко замѣчаетъ г. Качоровскій,—всѣ эти семьи, разсыпавшіяся по дикому полю, забравшіяся въ глушь тайги, являются своего рода Робинзонами на необитаемыхъ клочкахъ земли. При полномъ отсутствіи людей вокругъ нихъ каждая такая семья считаетъ эти земли своими; каждый заимщикъ скажетъ, указавъ широкимъ и неопредѣленнымъ жестомъ на окрестности своей заимки: „Это моя земля". И онъ правъ: земля была ничьей, слѣдовательно, ее можетъ захватывать всякій; но когда кто-нибудь ее захватилъ, то у захватившаго ее никто не можетъ взять, ибо никто не можетъ доказать, что онъ имѣлъ на „ничью" землю права бо̀льшія, чѣмъ тотъ, кто ее первый захватилъ" [2]).

По поводу этой выдержки замѣчу, что г. Качоровскій—и совершенно правильно—вовсе не прибѣгаетъ здѣсь къ объясненію „семейнаго" владѣнія какими-либо, хотя бы символическими, трудовыми затратами: онъ обосновываетъ его исключительно на jus primi occupantis, которому никто другой не можетъ противопоставить никакихъ другихъ правъ. Напротивъ, г. Качоровскій едва ли правъ, когда приводитъ наличность „семейнаго владѣнія" въ связь съ такимъ признакомъ, какъ *отсутствіе границъ*. Дѣло не въ этомъ, такъ сказать, межевомъ признакѣ, а *исключительно* въ степени земельнаго простора; наличность границъ отнюдь не мѣшаетъ существованію самыхъ типичныхъ формъ чистаго захвата, разъ только въ эти границы вошло такое количество земли, которое значительно превышаетъ рабочую норму. Во многихъ мѣстностяхъ Сибири—назову хотя изслѣдованныя мною мѣстности Маріинскаго уѣзда, многія волостныя дачи Алтая и т. п.—чистый захватъ, дѣйствительно, продолжалъ существовать *при наличности границъ*, именно потому, что эти границы весьма мало стѣснили дѣйствительное пользованіе населенія и оставили послѣднему, фактически, безграничный просторъ.

Каждый заимщикъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, опирается, значитъ, на свое право перваго захвата, которое находитъ себѣ, по мѣрѣ разработки захваченныхъ земель, сильнѣйшую опору въ *правѣ* затраченнаго *труда*. Каждый, въ то же время, имѣетъ полную возможность осуществлять свое *право на*

---

[1]) *Качоровскій*, 106.
[2]) *Тоже* 99.

трудъ, можетъ найти сколько угодно пустолежащихъ земель для разработки и для эксплуатаціи. Право труда и право на трудъ впослѣдствіи вступаютъ въ борьбу между собой, и, по мѣткому замѣчанію К. Р. Качоровскаго, въ этой борьбѣ—ключъ къ пониманію всей эволюціи землепользованія въ средѣ трудового населенія. Но пока существуетъ, фактически, безпредѣльный просторъ, право труда и право на трудъ остаются между собой въ полной гармоніи. „Только первые споры и борьба за землю вполнѣ вскрываютъ эти два антагонистическихъ элемента, и только тогда начинается формированіе отношеній, вполнѣ заслуживающихъ названіе права, начинается та борьба между этими элементами, которая составляетъ содержаніе всей правовой эволюціи крестьянскаго землевладѣнія отъ семейно-захватныхъ къ общинно-уравнительнымъ формамъ“ [1]).

Совершенно ясно, что чистый захватъ не есть *общинно-уравнительная* форма. Является ли онъ, однако, вообще, формой *общиннаго* землепользованія? Можно ли говорить объ *общинѣ*, о *земельной* общинѣ, въ періодъ безраздѣльнаго господства захватныхъ формъ? Г. Качоровскій склоненъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. „Другую сторону,—говоритъ онъ,—чистаго неограниченнаго владѣнія захваченною землей представляетъ, вѣдь, право захватывать землю: и это право уже, несомнѣнно, основано на коллективномъ началѣ, на равномъ правѣ каждаго крестьянина, т.-е. всѣхъ крестьянъ, на „ничью“, царскую, т.-е., точнѣе, государственную землю“. Значитъ, „самое неограниченное проявленіе личнаго семейно-захватнаго владѣнія основывается на понятіи общаго, т.-е. коллективно-общественнаго земельнаго фонда, открытаго для владѣнія и пользованія всего крестьянства, какъ цѣлаго“ [2]).

Однако это широкое право каждаго крестьянина на пользованіе государственною землею — поскольку оно даже является реальнымъ фактомъ,—это еще далеко не *общинное* право. Чтобы отвѣтить на вопросъ, существуетъ ли *земельная община* при господствѣ неограниченнаго захвата, нужно прослѣдить, въ чемъ выражаются въ это время ея функціи, въ чемъ проявляется ея жизнедѣятельность. Сводя результаты сибирскихъ изслѣдованій, я нашелъ *только одно* такое проявленіе: община, освоивъ извѣстную территорію, резервируетъ, такъ сказать, пользованіе этою территоріей исключительно своимъ членамъ: *ихъ* она допускаетъ, постороннихъ лицъ она не допускаетъ до „занятія“ земли въ чертѣ освоенной ею территоріи. Община, такимъ образомъ, несомнѣнно, выступаетъ какъ *единица землевладѣнія*, проявляющая свои права по отношенію къ землямъ, не вошедшимъ въ составъ индивидуальныхъ „занятій“. Но я не могъ найти ни

---

[1]) Тоже, 116.
[2]) Тоже, 125.

малѣйшаго проявленія жизнедѣятельности общины, какъ единицы *землепользованія*, регулирующей взаимныя отношенія, возникающія между ея членами на почвѣ пользованія землей. Я говорилъ, поэтому, объ „общинѣ“, не забывающей „о томъ, что *она* есть верховный распорядитель и распредѣлитель земли“ [1]). Но я не рѣшался разсматривать захватное владѣніе, „какъ одну изъ формъ общиннаго владѣнія (правильнѣе было бы выразиться — землепользованія), по крайней мѣрѣ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова“ [2]). К. Р. Качоровскій смотритъ на дѣло иначе. „Полагаю,— говоритъ онъ, — что г. Кауфманъ тутъ имѣлъ въ виду именно только тѣ случаи чистаго семейно-захватнаго владѣнія, когда еще нѣтъ столкновеній заимщиковъ... Но разъ есть столкновенія изъ-за лучшихъ участковъ, возможныя, собственно говоря, почти всегда, такъ какъ почти всегда есть какія-либо различія въ угодьяхъ... то уже *могутъ* (курсивъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ мой. А. К.) обнаружиться и внутреннія, такъ сказать, права общины“. Даже „при самомъ чистомъ захватѣ всегда могутъ возникать споры семейно-наслѣдственные и т. п.; въ такихъ случаяхъ міръ выступаетъ формально только судьей,—однако, если вглядѣться въ категоричность и безотмѣнность его рѣшеній, то придется признать, что, по крайней мѣрѣ отчасти, онъ фигурируетъ тутъ уже и *хозяиномъ* земли“. Далѣе, „*могутъ* иногда встрѣчаться отдѣльные случаи непосредственнаго распоряженія общины тѣмъ или инымъ участкомъ земли“—недоимочные, выморочные участки и пр.; „*могутъ* отводиться и регулироваться усадебныя мѣста, иные участки *могутъ* обращаться подъ тѣ или иныя постройки и учрежденія — мельницы, школы (sic) и т. п.“. Наконецъ „весьма важно для полной оцѣнки общиннаго начала въ самый первый фазисъ семейно-захватнаго владѣнія принять во вниманіе всякія другія проявленія этого начала, кромѣ моментовъ владѣнія и распоряженія землей“—функціи податныя, административныя и т. п.; затѣмъ— проявленія коллективнаго начала въ пользованіи землею, въ видѣ организованной работы большихъ семей, артелей или „иногда даже цѣлыхъ общинныхъ организацій для тѣхъ или иныхъ цѣлей. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ общественныхъ соединеніяхъ, несомнѣнно, вырабатываются воззрѣнія, склонности, привычки, заставляющія каждаго отдѣльнаго крестьянина постоянно помнить, что онъ—часть того или иного общественнаго цѣлаго; въ нихъ постоянно накопляется нѣкоторая, такъ сказать, общинная потенція“. И такимъ образомъ, „суммируя всѣ эти хотя бы и рѣдкія, мелкія косвенныя или даже сомнительныя проявленія общиннаго начала въ первичный періодъ неограниченнаго захвата“, г. Качоровскій получаетъ „все-таки впечатлѣніе, что *и въ этотъ*

[1]) Сибирск. общ., 58.
[2]) Тоже, 59.

періодъ общинное право, въ общемъ скрытое, иногда, однако, уже тамъ и сямъ болѣе или менѣе явственно выступаетъ или, по крайней мѣрѣ, просвѣчиваетъ сквозь оболочку лично-захватнаго владѣнія“ [1]).

Цитированное заключеніе чрезвычайно мало отличается, въ существѣ, отъ того моего взгляда, сущность котораго я резюмировалъ выше, и который я сейчасъ формулирую подробнѣе. А между тѣмъ, чтобы аргументировать эту незначительную разницу, К. Р. Качоровскому пришлось выставить огромный арсеналъ доводовъ, изъ которыхъ многіе стрѣляютъ гораздо дальше цѣли и мало относятся къ дѣлу. Тутъ и право на „коллективно-общественный земельный фондъ“, несравненно болѣе широкое, чѣмъ общинное право. Тутъ и „большая семья“, одинаково совмѣстимая и съ общиннымъ, и съ подворнымъ владѣніемъ. Тутъ и податныя функціи общины, навязанныя ей извнѣ и играющія лишь ничтожную роль въ первоначальной эволюціи крестьянскаго землепользованія. Тутъ и ея судейскія функціи: изъ категоричности и безапалляціонности рѣшеній міра г. Качоровскій заключаетъ, что міръ сознаетъ себя уже и хозяиномъ земли; но міръ столь же безапелляціонно рѣшаетъ вѣдь и споры о движимости, а между тѣмъ никому не придетъ вѣдь въ голову утверждать, что міръ признаетъ себя хозяиномъ подвергаемой раздѣлу движимости. Проявленія „просвѣчивающаго“ общиннаго права г. Качоровскій видитъ въ такихъ разнородныхъ случаяхъ распоряженія, которые „могутъ иногда“ встрѣчаться, но которые-либо встрѣчаются на несравненно болѣе поздней ступени эволюціи (регулированіе усадебныхъ мѣстъ), либо не стоятъ ни въ какой связи съ нормальною эволюціею землепользованія (отводъ земли подъ школы!); и возвращаясь къ одному изъ уже упомянутыхъ, мнимыхъ проявленій общиннаго права, отмѣчу еще, что самъ г. Качоровскій, въ другомъ мѣстѣ своей книги, признаетъ тѣ случаи, когда община выступаетъ въ судейской функціи по земельнымъ спорамъ, за одну изъ „главныхъ ступеней въ развитіи отводовъ“ [2]), т.-е. такой формы проявленія общиннаго начала, которая не сопутствуетъ чистому захвату, а напротивъ, является ему на смѣну.

Я долженъ поэтому остаться при томъ взглядѣ, который я высказывалъ въ своей „Крестьянской общинѣ въ Сибири“: пока имѣется налицо практически-безпредѣльный просторъ и господствуютъ чистыя формы захвата, общинѣ, какъ единицѣ землепользованія, нечего дѣлать; жизнедѣятельность общины, какъ союза, регулирующаго землепользованіе своихъ членовъ, ни въ чемъ не проявляется,—трудно поэтому и говорить о существованіи общины и общиннаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ, въ

[1]) Тоже, 127—131.
[2]) Тоже, 156.

общеупотребительномъ смыслѣ этого слова: подъ общиннымъ владѣніемъ „разумѣется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собою соглашенію“ [1]); *отдѣльнымъ общественникамъ* принадлежитъ при общинномъ владѣніи только одинъ изъ элементовъ права собственности — право *пользованія*, право же *владѣнія* и *распоряженія* всецѣло принадлежитъ *общинѣ*. Между тѣмъ, при чистомъ захватѣ въ рукахъ отдѣльнаго хозяина сосредоточиваются фактически и владѣніе и пользованіе, и распоряженіе, а за общиною остается только нѣчто въ родѣ dominium eminens, ни въ чемъ фактически, до поры, до времени, не проявляющееся, и потому ясно, что эта форма пользованія не можетъ быть подведена подъ вышеприведенное опредѣленіе общиннаго владѣнія. Община, какъ союзъ, регулирующій землепользованіе своихъ членовъ, въ эпоху чистаго захвата *ни въ чемъ* не проявляетъ своего существованія. Потребность въ такомъ урегулированіи появляется лишь съ наступленіемъ „утѣсненія“. *Тогда*, на почвѣ ли сосѣдства, на почвѣ ли соприкосновенія въ пользованіи тѣми или другими угодьями, начинаютъ вырисовываться общинныя землеуравнительныя функціи, *тогда* выступаетъ на сцену община, — выступаетъ сначала въ неопредѣленныхъ, расплывчатыхъ формахъ, очень нескоро переходящихъ въ замкнутую форму сельской или селенной общины.

Что же такое, однако, чистый захватъ? Это владѣніе общинное, но въ то же время, какъ будто бы, и не общинное; онъ носитъ всѣ видимые признаки подворнаго владѣнія, но въ то же время это и не подворное владѣніе. Какой же, спрашивается, его истинный характеръ?—Отвѣтъ, мнѣ кажется, очень простъ: чистый захватъ въ комбинаціи съ вольнымъ пользованіемъ,—это та *первоначальная форма владѣнія*, тотъ зародышъ, который возникаетъ при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ; какъ въ зародышѣ, въ захватѣ есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ него съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто подворное, и чисто общинное владѣніе Процессъ перваго рода произошелъ, повидимому, въ Малороссіи; въ томъ же направленіи совершалась эволюція и германской марки, съ которою очерченныя нами въ настоящей главѣ формы землепользованія имѣютъ, несомнѣнно, много сходства [2]); въ Сибири, на великороссійскомъ

[1]) *Иванюковъ*, Политич. экономія, 3-е изд., стр. 136.

[2]) Вотъ какъ характеризуется марка у Рошера (Nationaloekonomik des Ackerbaues, 12 Aufl., S. 264): „По характеру похоже на общину, но только съ менѣе тѣсною внутреннею связью (von loserem Zusammenhange), марковое устройство (Markverfassung), при которомъ однѣ некультурныя земли—лѣсъ и пастбище—являются общимъ достояніемъ, пашни же состоятъ въ частной собственности (захватномъ владѣніи?) отдѣльныхъ дворовъ. Такая общность (Markgenossenchaft) могла объединять и отдѣльные дворы (заимки), и цѣлыя селенія“.

югѣ и въ казачьихъ областяхъ, въ сѣверномъ полѣсьѣ, захватныя формы пользованія переходятъ въ формы чисто-общинныя, связанныя съ передѣлами земли, и смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія во всѣхъ этихъ районахъ заключается именно въ побѣдѣ общиннаго начала надъ личнымъ, въ переходѣ отъ такихъ формъ землепользованія, гдѣ послѣднее фактически подавляетъ собой первое, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала.

Отчего же, спрашивается, зависѣло то или другое направленіе эволюціи? *Отчего* во всѣхъ только что перечисленныхъ областяхъ Россіи эволюція пошла въ сторону общины и общинно-уравнительнаго пользованія? Ниже намъ придется подробнѣе остановиться на вопросѣ о значеніи тѣхъ внѣшнихъ факторовъ, которые могли сыграть, въ данномъ случаѣ, ту или другую роль. Мы увидимъ, что роль этихъ внѣшнихъ факторовъ ни въ какомъ случаѣ не могла быть въ какой-либо мѣрѣ рѣшающею. Мы увидимъ, что рѣшающаго значенія, въ данномъ случаѣ, не могли имѣть ни непосредственное воздѣйствіе государственной власти, ни порядки межеванія, ни основанія податного обложенія, ни „вліяніе тѣхъ воззрѣній, которыя огромное большинство колонизаторовъ приносило съ собой съ мѣстъ своей родины“ (Дубенскій). Дѣло не въ тѣхъ „принесенныхъ съ родины“ воззрѣніяхъ, которыя могли сложиться у того или другого отдѣльнаго лица, у той или другой отдѣльной группы лицъ, подъ вліяніемъ того или иного существовавшаго на родинѣ склада земельныхъ отношеній; дѣло въ присущемъ, вообще, крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣніи на землю, какъ на „ничью“, „Божію“, „Государеву“, какъ на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія; на почвѣ *этого* воззрѣнія дѣйствуетъ основной двигатель—прогрессирующее „утѣсненіе“, а затѣмъ—процессъ развитія общинныхъ порядковъ можетъ найти себѣ подспорье и въ разныхъ случайныхъ вліяніяхъ, каковы податная система или вмѣшательство администраціи. Тотъ порядокъ, которымъ шло развитіе формъ землепользованія въ Сибири, представляется мнѣ порядкомъ наиболѣе естественнымъ и необходимымъ, перейти же въ подворно-наслѣдственное владѣніе захватная форма могла бы не иначе, какъ при наличности какой-либо искусственной внѣшней поддержки личнаго начала.

Такой взглядъ я высказывалъ въ моей „Крестьянской общинѣ въ Сибири“. Приблизительно такъ же смотритъ на дѣло и К. Р. Качоровскій. Онъ тоже думаетъ, что исходъ эволюціи „опредѣляется всецѣло или главнымъ образомъ поведеніемъ государства. Тамъ, гдѣ оно отказывается отъ своего права собственности въ пользу личнаго, надѣляя отдѣльныхъ лицъ участками въ полную собственность, или объявляя такою собственностью ихъ семейно-захватные участки, — общинное владѣніе тѣмъ самымъ

уничтожается или оттѣсняется, и устанавливается въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ обыкновенная личная собственность... Установленные свыше примѣры послѣдней являются ферментомъ, переводящимъ семейно-захватное владѣніе въ личное: заимщики заражаются понятіями собственниковъ,—заражаются неизбѣжно, такъ какъ *ихъ* право представляетъ собой почти ту же личную собственность, только, такъ сказать, текучую, не успѣвшую кристаллизоваться. Когда же государство не отказывается отъ своего права въ пользу личной собственности, а или передаетъ его въ той или иной степени общинамъ, *или даже только сохраняетъ пассивное положеніе* (курс. мой. А. К.),—тогда, напротивъ, постепенно общинное начало усиливается, реализуется и въ большей или меньшей степени вытѣсняетъ личное“ [1]). Вѣрны ли, въ приведенномъ построеніи, тѣ или другія подробности,—меня въ данную минуту не интересуетъ. Но суть дѣла несомнѣнно вѣрна: для того, чтобы эволюція пошла въ сторону общинно-уравнительныхъ формъ, *достаточно было пассивнаго поведенія, простого нейтралитета* государственной власти, и только активное ея вмѣшательство могло повернуть эволюцію въ сторону подворнаго владѣнія и мелкой личной собственности.

---

[1]) *Качоровскій*, 133—134.

ГЛАВА III.

Вольная заимка и уравнительное пользованіе.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что объясненіе существованія чистаго захвата лежитъ въ безграничномъ просторѣ, далеко превышающемъ земельныя нужды и предѣльную трудоспособность наличнаго населенія. Существуетъ при такихъ условіяхъ земельная община или нѣтъ,—это вопросъ, на который, мы видѣли, можно отвѣчать и такъ, и иначе. Но во всякомъ случаѣ, *права общины, какъ цѣлаго*, на захватныя земли ни въ чемъ не проявляются; отдѣльное лицо свободно „занимать" землю въ свое исключительное пользованіе; земли для всѣхъ хватаетъ, и неограниченно-свободный захватъ одного общественника свободно мирится съ такимъ же захватомъ каждаго другого, обезпечивая каждому полную возможность вести самостоятельное хозяйство и утилизировать всю свою рабочую способность. Захватныя формы имѣютъ оправданіе „въ такой степени обезпеченія хлѣбопахотными землями, при которой передѣлъ и связанныя съ нимъ затраты труда и расходъ времени являются совершенно излишними и ничѣмъ не вызываются" [1]).

Конечно, было бы грубою ошибкой думать, что вольная заимка, даже при безграничномъ изобиліи земли, гарантируетъ равномѣрное ея распредѣленіе. Напротивъ, распредѣленіе это, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, *не можетъ* быть равномѣрнымъ. Каждый домохозяинъ захватываетъ такое количество пахотной и сѣнокосной земли, съ какимъ онъ въ силахъ совладать; но ясно, что слабый домохозяинъ, единственный работникъ въ семьѣ, не имѣющій денегъ для найма, держащій всего двухъ-трехъ лошадей, можетъ обработать въ нѣсколько десятковъ разъ меньше, чѣмъ богатый, многорабочій дворъ, запрягающій 20—30 лошадей и издерживающій на наемъ рабочихъ сотни, а то и тысячи рублей. „Такъ какъ захватно-родовое (по нашей терминологіи—захватное) владѣніе,—говоритъ г. Личковъ,—произошло изъ разработки свободныхъ земель, — разработки и

[1]) Томскій окр., 161—162.

расчистки, требующихъ обыкновенно болѣе или менѣе значительнаго труда и усилій, то естественно предположить, что размѣръ захвата въ большей или меньшей мѣрѣ обусловленъ размѣромъ рабочихъ силъ семьи", и главное „размѣромъ ея средствъ для найма съ этой цѣлью лишнихъ рабочихъ, для удѣленія части своего рабочаго времени на увеличеніе своего землевладѣнія"; и „уже въ силу такого происхожденія захватно-родового владѣнія, распредѣленіе при немъ земель должно быть неуравнительно" [1]). Что захватныя формы пользованія не только не обезпечиваютъ равномѣрности обезпеченія населенія землей, объ этомъ съ достаточной степенью убѣдительности свидѣтельствуютъ хотя бы тѣ данныя о распредѣленіи сибирскихъ крестьянъ по благосостоянію, которыя приведены въ концѣ I-й главы этой 2-й части. Если взять, съ одной стороны, три уѣзда Иркутской губерніи, гдѣ захватныя формы еще сохранили преобладаніе, а съ другой стороны—тѣ уѣзды Тобольской губерніи, гдѣ онѣ окончательно вытѣснены уравнительнымъ пользованіемъ, то дворовъ *безъ пашни* у русскаго населенія первой изъ названныхъ мѣстностей окажется 20,4%, тогда какъ въ Ишимскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи, дворы безъ пашни *вмѣстѣ съ засѣвающими не свыше одной десятины* составляютъ 14,2, въ Туринскомъ 11,6, въ типическихъ волостяхъ Курганскаго — даже 8,3 и 4,2%. Зато весьма сильна въ районахъ захватнаго пользованія и концентрація пашни въ рукахъ болѣе зажиточныхъ элементовъ: въ той же Иркутской губерніи до 25,1% всѣхъ домохозяйствъ, имѣющихъ землю, имѣетъ свыше 20 дес., 16,1%—свыше 25 десятинъ пашни. Въ сѣверо-западной Барабѣ, по словамъ г. Филимонова, „въ прежнее время участки занимались большихъ размѣровъ, десятинъ въ 100—200—300 и даже болѣе... заимщикъ, разъ онъ только былъ хорошимъ хозяиномъ, жилъ помѣщикомъ. Вотъ почему про эпоху заимочнаго (т.-е. захватнаго) землевладѣнія у мѣстнаго населенія сохранились самыя идиллическія представленія...; забываютъ массу малопомѣстныхъ и особенно безземельныхъ крестьянъ, которые, судя по даннымъ „Комиссаріатской подворной описи 1805—1810 г.", составляли тогда 19,9%; забываютъ о безлошадныхъ хозяйствахъ, общее количество которыхъ достигало 17,3% (нынѣ 6%)" [2]).

Такимъ образомъ, въ противуположность немногочисленнымъ богатеямъ-заимочникамъ, эксплуатирующимъ въ много разъ больше земли, чѣмъ нужно для обезпеченія ихъ ближайшихъ потребностей, „бѣднота" почти вовсе не имѣетъ возможности осуществлять своего права на „заимку"; посрединѣ стоятъ „ровненькіе", работающіе 3—4 лошадьми и эксплуатирующіе всего по $1^1/_2$—2 десятка десятинъ. На первый взглядъ такое распре-

---

[1]) См. Сибирск. община, 62—63.
[2]) См. тамъ же.

дѣленіе земли между домохозяйствами можетъ показаться вполнѣ правильнымъ: каждый имѣетъ столько земли, сколько онъ можетъ обработать, и въ то же время владѣніе землей не даетъ никому возможности получать доходъ сложа руки. „При этой системѣ,— говоритъ г. Приклонскій по поводу аналогичныхъ порядковъ землепользованія, существовавшихъ и частью еще существующихъ на русскомъ сѣверѣ,—ежегодно происходитъ какъ бы передѣлъ земли между членами общины“, — происходитъ „незамѣтно для членовъ общины, безъ всякаго соглашенія между ними. Крестьянинъ... ни у кого не спрашиваясь, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, занимаетъ столько общинной земли, сколько въ силахъ занять; онъ этимъ никого не стѣсняетъ, потому что земли для всѣхъ довольно. Если крестьянинъ занялъ посѣвами очень мало земли, то этимъ онъ не обреченъ на малоземелье: увеличится рабочая сила,—и тогда онъ, на другой же годъ, можетъ занять много свободной общинной земли“. Г. Приклонскій ставитъ господствовавшую на сѣверѣ вольную заимку даже выше уравнительнаго землепользованія. „Въ центральной Россіи,—говоритъ онъ,— какъ скоро совершится передѣлъ общинной земли, положимъ, на 10 лѣтъ, то въ теченіе этого срока права общины на землю находятся въ состояніи покоя и бездѣйствія, — они уступлены на этотъ срокъ каждому члену общины отдѣльно. Напротивъ, на сѣверѣ, при существованіи подсѣчнаго хозяйства, община не уступаетъ никому своихъ правъ на землю. Здѣсь каждый членъ общины пользуется землей „исключительно какъ работникъ: пока работаетъ, до тѣхъ поръ и пользуется землею, а пересталъ работать, тогда землю занимаетъ всякій другой работникъ, не спрашивая согласія на это ни у перваго работника, ни у общины“ [1]).

И эти соображенія тѣмъ существеннѣе, что вѣдь и уравнительное землепользованіе не дѣлаетъ всѣхъ общественниковъ равными, не обезпечиваетъ *фактическаго равенства въ использованіи* общественной земли; для этого недостаточно голаго *права на землю*,—нужна еще извѣстная совокупность матеріальныхъ средствъ. Но между вольною заимкой и общинно-уравнительнымъ пользованіемъ есть все-таки и существенная разница: при общинно-уравнительномъ пользованіи каждый общественникъ можетъ *распорядиться своимъ правомъ на землю*, можетъ *переуступить* его и этимъ путемъ извлечь изъ него болѣе или менѣе значительную выгоду. Значитъ, и слабѣйшіе общественники участвуютъ въ выгодахъ общиннаго землевладѣнія,—и стремленіе воспользоваться этими выгодами является сильнѣйшимъ стимуломъ, заставляющимъ ихъ добиваться передѣла. Но при безграничномъ, говоря практически, просторѣ этотъ стимулъ отпадаетъ: всякій можетъ занимать и разрабатывать „вольныя“, еще никѣмъ не освоенныя земли, и потому земля не даетъ ренты; если бы даже земля и была

[1]) *Приклонскій*, 103—105.

подвергнута передѣлу, бѣдняки ничего отъ этого не выиграли бы: имъ нечего было бы дѣлать съ превышающими ихъ рабочую способность душевыми надѣлами, а потому, при такихъ условіяхъ, они и не добиваются передѣла. Этотъ мотивъ—*отсутствіе рентной доходности*, какъ условіе, благопріятствующее сохраненію вольнаго захвата, и появленіе и ростъ ея, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій, толкающихъ къ уравнительному пользованію, до сихъ поръ никѣмъ не отмѣчались въ качествѣ *самостоятельнаго* мотива. А между тѣмъ онъ имѣетъ, несомнѣнно, и *самостоятельное* значеніе: рентная доходность земли можетъ повыситься или упасть, благодаря измѣненіямъ спроса на продукты, или какъ слѣдствіе измѣненій въ производительности того или другого угодья; и это можетъ привести къ соотвѣтственному преобразованію порядковъ пользованія тѣмъ или инымъ угодьемъ, даже и совершенно независимо отъ какихъ-либо измѣненій въ степени обезпеченности ими населенія. Яркою фактическою иллюстраціею сказаннаго являются порядки пользованія рыболовными угодьями, напр., на сѣверѣ Тобольской губерніи: существовавшее когда-то общинно-артельное рыболовство теперь, во многихъ мѣстностяхъ, смѣнилось вольными артелями: иначе сказать, уравнительное пользованіе общинными рыбными ловлями смѣнилось вольнымъ захватомъ; и такое измѣненіе порядковъ пользованія рыбными ловлями, діаметрально-противоположное нормальной эволюціи, становится совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе самостоятельное значеніе *момента рентной доходности*: когда рыбы было много, рыбныя ловли давали болѣе или менѣе значительный рентный доходъ, ради котораго и уравнивалось пользованіе ловлями; съ истребленіемъ рыбы рентный доходъ исчезъ, и пользованіе рыбными ловлями перестали уравнивать, потому что „нечего стало дѣлить“ [1]).

Итакъ: если слагающееся на почвѣ вольной заимки неравномѣрное распредѣленіе земли, при безграничномъ просторѣ, безобидно для всѣхъ, то это — въ значительной мѣрѣ потому, что земля не имѣетъ рентной доходности, что ея „не изъ-за чего дѣлить“. Но главное: вѣдь, если бѣднякъ, при такихъ условіяхъ, не пашетъ или пашетъ мало, то это *не потому, чтобы для него не было земли*, чтобы ему неоткуда было взять земли; если у богача большая запашка, то она не стѣсняетъ никого, потому что кругомъ остается сколько угодно свободной земли...

Но это—именно только до тѣхъ поръ, пока существуетъ безграничный просторъ. Дѣло измѣняется съ постепеннымъ исчезновеніемъ этого простора, съ появленіемъ „утѣсненія“.

Уже при безграничномъ просторѣ захватными формами пользованія довольны далеко не всѣ, и противъ нихъ всегда существуетъ извѣстная оппозиція. Вѣдь каждый безхозяйный или хо-

[1]) Сибирск. община, 221—223.

зяйственно-слабый общественникъ прекрасно знаетъ, что имѣетъ столько же права на участіе въ пользованіи землею, какъ богатѣйшій заимочникъ; это сознаніе получаетъ особенно острый характеръ благодаря тому, что общественникъ, кромѣ пользованія *правами*, несетъ и *обязанности*, именно участвуетъ въ общинныхъ платежахъ и повинностяхъ; и въ то время, какъ земля распредѣляется соразмѣрно благосостоянію и фактической рабочей способности отдѣльныхъ дворовъ, платежи обыкновенно разверстываются (точнѣе — разверстывались въ эпоху, когда шло изслѣдованіе) по душамъ рабочаго возраста, а то и по ревизскимъ душамъ, безъ всякаго отношенія къ землепользованію каждаго отдѣльнаго двора. При захватномъ пользованіи легко можетъ случиться, поэтому, что богатей-заимочникъ будетъ платить податей и отбывать повинностей столько же, а то и меньше, нежели фактически-безземельный крестьянинъ, живущій у него же въ батракахъ. Ясно, что захватная форма крайне невыгодна для бѣднѣйшей части населенія, и эта часть населенія издавна добивается ея упраздненія и перехода къ пользованію уравнительно-душевому.

Впрочемъ, значенія момента податной обязанности отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать. Съ одной стороны, борьба за передѣлъ идетъ среди амурскихъ и уссурійскихъ переселенцевъ, въ томъ числѣ среди тѣхъ изъ нихъ, которые еще не платили ни копейки податей. Съ другой стороны, возможность придавать моменту податной обязанности рѣшающее значеніе устраняется и тѣми явленіями, какія наблюдаются въ области податныхъ раскладокъ въ районахъ господства захватныхъ формъ. Какъ выяснено мѣстными изслѣдованіями [1]), среди сибирскаго крестьянства издавна замѣчалось стремленіе къ переложенію платежей съ ревизскихъ душъ и работниковъ на „занятія“—на запашку и на скотъ (что при вольномъ пользованіи равносильно раскладкѣ по размѣрамъ пользованія сѣнокосами и пастбищами); а въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ эти способы раскладки, особенно въ Томской и Енисейской губерніяхъ, получили широкое распространеніе. Если бы несоотвѣтствіе между платежами и землепользованіемъ имѣло рѣшающее вліяніе на эволюцію землепользованія, то достигнутое путемъ раскладокъ „по занятію“ соотвѣтствіе того и другого должно было бы если не совершенно задержать, то во всякомъ случаѣ, надолго пріостановить эту эволюцію. Въ дѣйствительности оказывается скорѣе обратное: въ Курганскомъ уѣздѣ требованія измѣненія разверстки податей были „одною изъ первыхъ ступеней при переходѣ къ душевому пользованію“; въ Ишимскомъ, въ рядѣ случаевъ, введеніе раскладки „по занятію“ было послѣднимъ толчкомъ, преодолѣвшимъ сопротивленіе передѣлу со стороны зажиточныхъ общественниковъ, и за этимъ шагомъ непо-

[1]) Сибирская община, 54—55, 106—110.

средственно слѣдовалъ уже общій передѣлъ: съ введеніемъ поземельнаго обложенія отпадалъ важнѣйшій стимулъ, побуждавшій зажиточные элементы горой стоять за сохраненіе захватныхъ формъ—возможность безплатно запахивать и выкашивать лишнюю, противъ душевого расчета, землю. „Раскладки по скоту, по запашкѣ и „по состоянію",—справедливо говоритъ г. Качоровскій,—могли бы показаться скорѣе усиливающими захватныя права, чѣмъ очищающими дорогу общинному земельному поравненію: перелагая подати на факторы производства или его результаты, эти системы увеличиваютъ этою *обязанностью право* на владѣніе фактическихъ владѣльцевъ — „старозаимочниковъ". Но въ дѣйствительности и тутъ дѣло выходитъ наоборотъ: для многихъ „старозаимочниковъ" становится трудно выносить эту подать (если, напр., они „нахватали" издавна много земли, но въ данный моментъ ослабѣли рабочею силой, и т. д.); и они часто сами охотнѣе уступаютъ нѣкоторую часть ея „малолѣтамъ" [1]).

Если, значитъ, связанные съ обладаніемъ землею платежи и играли извѣстную роль, то эта роль была второстепенною, и, во всякомъ случаѣ, играла роль *не подушная или иная форма, а самый фактъ существованія податныхъ обязанностей. Основнымъ* мотивомъ, опредѣлявшимъ эволюцію землепользованія, оставалось и остается *право на трудъ*, издавна находящееся въ конфликтѣ съ другимъ элементомъ народнаго трудового права — *правомъ затраченнаго труда*. „Право каждаго члена общины на землю,—говоритъ К. Р. Качоровскій, которому, несомнѣнно, принадлежитъ честь точной и опредѣленной формулировки каждаго изъ этихъ двухъ элементовъ трудового права,—необходимо заключается уже въ семейно-захватномъ правѣ, представляющемъ только съ одной стороны право *на захваченную* землю, поскольку въ нее вложенъ трудъ, а съ другой—также право каждаго *на захватъ*, на трудъ на ничьей землѣ". Съ одной стороны, въ теченіе всей долгой колонизаціонной исторіи Россіи значительныя массы крестьянъ воспитывались въ привычкѣ „права на трудъ" онѣ безсознательно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усвоивали взглядъ, что поскольку каждый крестьянинъ имѣетъ право существовать, постольку онъ имѣетъ право добывать себѣ все необходимое обработкой „ничьей" земли; право жить слилось съ правомъ обрабатывать землю, „кормиться отъ земли"... Съ другой стороны, чрезвычайно сильно и личное право труда. Какъ ребенокъ есть органическая и функціональная частица организма отца и матери, есть матеріальная частица ихъ, такъ и земля въ обработанномъ видѣ относится къ земледѣльцу, какъ слѣдствіе къ причинѣ, есть матеріальная частица его, ибо она заключаетъ въ себѣ, въ превращенной формѣ, часть энергіи его организма". Отсюда ясно, „какъ упорна и ожесточена должна быть борьба между этими непримиримо - антаго-

[1]) *Качоровскій*, 179—180.

нистическими и принципіально одинаково—неоспоримыми правами". При этомъ „право на трудъ усиливается по мѣрѣ сокращенія размѣровъ землевладѣнія и, значитъ, обостренія потребности въ землѣ, а право труда — по мѣрѣ интенсификаціи земледѣлія, т.-е. увеличенія затраты въ нее труда. Сообразно съ комбинаціями этихъ двухъ условій и опредѣляются типы и фазы владѣнія разными угодьями" [1]), опредѣляется и постепенность перехода отъ чисто-захватныхъ формъ къ общинно-уравнительнымъ, и разновидности этихъ послѣднихъ.—„каждая отдѣльная деталь общинной организаціи и каждый моментъ ея трансформаціи представляютъ равнодѣйствующую двухъ началъ крестьянскаго права—права на трудъ и права труда" [2]).

Я, однако, забѣжалъ значительно впередъ—возвращаюсь теперь къ ближайшимъ образомъ занимающему насъ вопросу, именно къ условіямъ, вызывающимъ замѣну чистаго захвата другими формами землепользованія. Я сказалъ, что недовольство чистымъ захватомъ зарождается еще при неограниченномъ просторѣ. Уже тогда раздаются жалобы на неравномѣрность распредѣленія земли и требованія передѣла. Но пока земли много, всѣ хлопоты бѣдняковъ остаются безуспѣшными: „мало вамъ земли,—возражаютъ богачи-заимщики на требованія „бѣдноты",—такъ земля-то вѣдь вольная! пустого мѣста вонъ сколько лежитъ! мы поработали, землю себѣ расчистили,—и вамъ никто не запрещаетъ расчищать". Пока дѣйствительно есть свободныя земли, этотъ доводъ, подкрѣпляемый ссылками на вложенный въ расчистку земли трудъ, почти неотразимъ: „мы землю разработали, — говорятъ заимщики,—намъ ее и держать; иной, пни копавши, весь извелся; вы вотъ сами помайтесь надъ землей, да тогда и хлѣбъ съ нея кушайте". Говоря общѣе: пока земли много, чистый захватъ, въ наивысшей степени отвѣчая праву затраченнаго труда, не противорѣчитъ и праву на трудъ,—и при такихъ условіяхъ ссылки старозаимочниковъ на право затраченнаго труда имѣютъ рѣшающее значеніе. Но вотъ, постепенно ли, благодаря естественному приросту населенія, или сразу, благодаря наплыву большой массы переселенцевъ, отрѣзкѣ земли и т. п. обстоятельствамъ, положеніе дѣлъ измѣняется: появляется „утѣсненіе", — вся наиболѣе удобная для пахоты земля захвачена и расчищена [3]), захвачены и всѣ мѣста, удобныя для сѣнокошенія.

---

[1]) Тоже, 216, 220.

[2]) Тоже, 210.

[3]) Захватный порядокъ,—читаемъ мы въ работѣ П. П. Харузина о казачьихъ общинахъ на Дону,—„безобиденъ для всѣхъ до той лишь поры, пока населенія еще мало и земли достаетъ для всѣхъ. Но какъ скоро возрастаетъ населеніе, то является столкновеніе богатыхъ съ бѣдными. Лучшая земля къ этому времени захвачена сильными. Богатый казакъ всегда имѣетъ возможность выѣхать въ поле для запашки прежде, чѣмъ бѣдные успѣютъ сжать и смолотить хлѣбъ. Вдовъ, сиротъ и вообще маломочныхъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, позволяя себѣ даже явныя насилія; такъ, напр., трехлѣтнія залежи, оста-

Между тѣмъ путемъ семейныхъ раздѣловъ возникаютъ новые дворы и не находятъ удобной земли для распашки; другіе дворы „поправляются“ и стремятся расширить свое хозяйство,—имъ тоже „некуда пошириться“. Захватное владѣніе начинаетъ явно нарушать законныя права цѣлыхъ категорій общественниковъ; богатей-заимщикъ уже не можетъ сказать „малолѣту“ или бѣдняку: „тебѣ мѣста довольно; гаши себѣ, а насъ не трогай!“—всякій знаетъ, что для того, чтобы *имѣть возможность* работать, ему надо „тронуть“ захватившаго землю заимочника, что этотъ послѣдній пашетъ уже, въ сущности, не вольную, а *чужую* землю. Захватное владѣніе должно пошатнуться, и медленно, постепенно оно начинаетъ перерождаться въ новыя формы, болѣе соотвѣтствующія измѣнившимся условіямъ и интересамъ большинства [1]). „Измѣняющееся въ силу естественнаго роста населенія,—говоритъ С. П. Швецовъ,—числовое отношеніе между населеніемъ и находящеюся въ его распоряженіи землею приводитъ къ экономическому неравенству членовъ общины при всякой ея формѣ; община должна выработать такое положеніе, при которомъ каждая отдѣльная личность вновь стала бы въ равныя условія со всѣми другими по отношенію къ землѣ,—въ этомъ регулирующая роль общины, въ этомъ же ея сила и значеніе“ [2]).

Ясная и по апріорнымъ соображеніямъ, тѣснѣйшая причинная связь между процессомъ развитія формъ землепользованія и въ частности—паденіемъ захватной формы, съ одной стороны, и сокращеніемъ земельнаго простора—съ другой, единогласно признается всѣми изслѣдователями: признаки перехода отъ захватной формы къ другимъ появляются, „когда земельный просторъ уже болѣе или менѣе значительно сократился“ (Дубенскій), „съ моментомъ использованія всѣхъ лучшихъ, вольныхъ земель, составлявшихъ запасный фондъ, изъ котораго каждый новый земледѣлецъ бралъ для себя земельный участокъ“ (Филимоновъ). Эта связь подтверждается и „соціальнымъ опытомъ“: рѣзкія сокращенія земельнаго простора, вызванныя отрѣзками земель, сопровождались рѣзкими же скачками въ области формъ землепользованія; г. Филимоновъ прямо указываетъ, что „учрежденіе въ Западной Сибири отряда межевыхъ чиновъ по образованію переселенческихъ участковъ служило одной изъ важнѣйшихъ причинъ возникновенія здѣсь общины“ (т.-е. общинно-уравнительнаго пользованія), а пишущему эти строки пришлось отмѣтить въ Маріинскомъ уѣздѣ нѣсколько случаевъ, совершенно осязательно показывающихъ связь измѣненій въ порядкахъ землепользованія съ измѣненіями въ степени обезпеченія землей. Такъ, въ одной де-

---

вленныя бѣдняками для покоса, запахиваются сильными станичниками“ (*Харузинъ*, 13).

[1]) Сибир. община, 64—66.

[2]) Томскій окр., 132.

ревнѣ до послѣдовавшаго въ 1863 году приселенія переселенцевъ, „мѣста много было", а потому каждый имѣлъ свое „занятіе", „тамъ пахалъ, тамъ косилъ и никого не пускалъ"; съ прибытіемъ новоселовъ стало „тѣсно", и сказанный порядокъ тотчасъ же „нарушился" и смѣнился другимъ: „пока пашешь—ты хозяинъ, а бросилъ — земля вольная" (см. ниже). Въ 1890 г. произошла отрѣзка излишнихъ земель въ одной изъ волостей,—и въ нѣсколькихъ общинахъ тотчасъ же запрещено было городить при заимкахъ особыя поскотины. Старожилое населеніе другой волости введено было, при отмежеваніи переселенческихъ участковъ, въ особенно тѣсныя границы; и вотъ при статистическомъ опросѣ пришлось записать такое характерное показаніе: „богатымъ—тѣмъ обидно, а намъ, ровненькимъ (среднесостоятельнымъ), лучше стало: прежде богатые сидѣли по заимкамъ, а намъ некуда и податься было; а какъ отобрали землю подъ россійскихъ, такъ мы на заимки глядѣть не стали".—Сходные случаи отмѣчены и по Ишимскому уѣзду, Тобольской губерніи; въ двухъ сѣверо-западныхъ его волостяхъ покосы начали передѣляться непосредственно вслѣдъ за произведеннымъ въ началѣ 80-хъ годовъ выдѣломъ значительной части земли въ переселенческіе участки; въ одной волости раздѣлъ по душамъ пашенъ и покосовъ былъ вызванъ, въ 60-хъ годахъ, приходомъ партіи поляковъ, сосланныхъ за участіе въ мятежѣ 1863—64 гг.; въ двухъ другихъ, въ 50-хъ годахъ,—прибытіемъ витебскихъ переселенцевъ, частью водворенныхъ въ однихъ селеніяхъ со старожилами, частью образовавшихъ отдѣльныя селенія и получившихъ особые надѣлы, вымежеванные изъ старожильскихъ земель [1]). Любопытнѣйшія цифровыя сопоставленія сдѣланы, далѣе, Л. С. Личковымъ для трехъ уѣздовъ Иркутской губерніи,—сопоставленія, показывающія строжайшую количественную зависимость процесса перехода къ уравнительному пользованію отъ степени обезпеченности пахотною землей: г. Личковъ распредѣляетъ, во-первыхъ, всѣ общины на четыре группы: безъ отводовъ или съ отводами, занимающими менѣе 2% всей земли; съ отводами отъ 2 до 7,6%, съ отводами свыше 7,6%, и общинно-передѣльную, — среднее на душу количество всей пашни убываетъ отъ одной группы къ другой въ слѣдующемъ, безусловно правильномъ, порядкѣ: 4,5, 4,2, 4,1, 3,7 дес. Во-вторыхъ, онъ разбиваетъ крестьянскія волости на четыре же группы по количеству пашни, приходящейся въ среднемъ на одну мужскую душу: группа волостей, имѣющихъ до 2 дес., 2—4, 4—6 и свыше 6 дес.; процентъ отводной пашни, поднимающійся въ первой, малоземельной группѣ до 6,7%, въ слѣдующихъ двухъ падаетъ до 0,9%, въ послѣдней же, очень многоземельной группѣ, отводныхъ пашенъ вовсе не имѣется [2]). „Воз-

[1]) Сибир. община, 66—67.
[2]) Иркут.-Енис., II—3, 143.

растаніе населенія,—говоритъ г. Качоровскій,—сокращающее размѣры его землевладѣнія, представляетъ нить, за которую постоянно нужно держаться, пробираясь въ лабиринтѣ сложныхъ и противорѣчивыхъ вліяній, опредѣляющихъ настоящее и предопредѣляющихъ будущее общины“ [1]). И сопоставленіе данныхъ о степени распространенности разныхъ формъ землепользованія въ разныхъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи заставляетъ г. Качоровскаго констатировать „правильныя смѣны трехъ періодовъ крестьянскаго землевладѣнія: многоземельнаго - дообщиннаго, среднеземельнаго-общиннаго и малоземельнаго-послѣобщиннаго. Совпаденія эти,—думаетъ г. Качоровскій,—повторяются не только въ грубомъ и общемъ видѣ, на большихъ районахъ; они отмѣчаются въ предѣлахъ губерній и уѣздовъ, такъ что можно даже, какъ общее правило, сказать, что выше такихъ-то размѣровъ землевладѣнія не наблюдается разложенія общины, а ниже такихъ-то не наблюдается зарожденія общины“ [2]).

Въ такой упрощенной формѣ, однако, связь между степенью земельнаго простора и эволюціею формъ землепользованія можетъ быть констатирована именно только „въ грубомъ и общемъ видѣ, на большихъ районахъ“. При болѣе детальномъ анализѣ выясняется, что то „утѣсненіе“, которое является основнымъ двигателемъ эволюціи какъ крестьянскаго хозяйства, такъ и формъ владѣнія и пользованія землею,—это несравненно болѣе сложное и тонкое понятіе. Я отмѣтилъ въ I главѣ настоящей 2-ой части, что ариѳметическій, такъ сказать, просторъ, выражающійся въ большихъ общихъ цифрахъ „удобной земли“, или даже вовсе не поддающійся числовому выраженію, за отсутствіемъ границъ владѣнія, можетъ совмѣщаться съ очень реальнымъ „утѣсненіемъ“ въ земляхъ, годныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія; только этимъ можно объяснить тотъ, иначе совершенно непонятный, фактъ, что въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской или на сѣверѣ Тобольской губерніи, при, мѣстами, очень значительномъ, а мѣстами и безпредѣльномъ, фактически, „ариѳметическомъ“ просторѣ, уже издавна сложились очень напряженныя формы уравнительно-душевого пользованія. Еще важнѣе другое обстоятельство, выдвинутое на первый планъ въ монографіи М. А. Кроля о формахъ землепользованія въ Забайкальской области: именно, что „просторъ“ или „утѣсненіе“ опредѣляются не только тѣмъ или инымъ *количествомъ земли или отдѣльныхъ угодій*, но, кромѣ того, еще *и размѣрами потребности* въ землѣ или въ отдѣльныхъ угодьяхъ. Г. Кроль, мнѣ кажется, первый формулировалъ ранѣе никѣмъ не высказывавшуюся опредѣленно мысль, что *„утѣсненіе“, нужда въ земельныхъ угодьяхъ*, являющаяся основнымъ двигателемъ эволюціи формъ пользованія,

[1]) *Качоровскій*, 91.
[2]) Тоже, 90.

должны быть понимаемы не абсолютно, а относительно; что суть дѣла не въ простомъ ариѳметическомъ соотношеніи между населеніемъ и количествомъ угодій, а въ *соотношеніи между наличными запасами того или другого угодья и потребностью въ немъ, обусловливаемою степенью развитія земледѣлія или скотоводства* [1]). Только принявъ во вниманіе эту сложность понятій „простора“ и „утѣсненія“, можно понять такіе наблюдавшіеся, между прочимъ, лично мною, хотя, кажется, нигдѣ точно не фиксированные факты, какъ переходъ къ ограниченнымъ формамъ захвата или даже къ уравнительному пользованію, подъ вліяніемъ упадка извознаго или иныхъ промысловъ; *ариѳметическій* просторъ оставался тотъ же, но сокращеніе заработковъ отъ извоза, дворничества или кустарнаго промысла заставляло населеніе обратить усиленное вниманіе на земледѣліе: отсюда — усиленіе спроса на землю, непосредственно вліявшее на формы землепользованія. Только принявъ во вниманіе относительное значеніе главнѣйшихъ отраслей хозяйства, можно понять, напримѣръ, тотъ фактъ, что въ восточномъ Забайкальѣ, при полномъ господствѣ захватныхъ формъ пользованія пашнями, громадное большинство покосовъ уже передѣляется: земледѣліе здѣсь еще мало развито, а потому по отношенію къ удобнымъ для распашки землямъ существуетъ еще, можно сказать, неограниченный просторъ; напротивъ, скотоводство очень велико, а потому, несмотря на большой *абсолютный просторъ*, по отношенію къ покосамъ ощущается *относительное „утѣсненіе“*. Лишь исходя изъ той же точки зрѣнія можно объяснить, почему у казаковъ-инородцевъ западной половины Забайкальской области, при изобиліи сѣнокосовъ, уравнительное пользованіе покосами сдѣлало бо̀льшіе успѣхи, чѣмъ у крестьянъ: у первыхъ значительно больше скота, а потому и нужда въ покосахъ у нихъ значительно больше.

Въ концѣ-концовъ оказывается, такимъ образомъ, что „процессъ измѣненія обычно-правовыхъ нормъ, регулирующихъ землепользованіе, находится въ самой тѣсной зависимости отъ того, какую роль играетъ тотъ или иной экономическій факторъ (скотоводство или земледѣліе) въ хозяйственномъ строѣ данной экономической группы“ Въ частности, у осѣдающихъ бурятъ большее или меньшее развитіе скотоводства отражается не только на формахъ пользованія покосами, степень развитія земледѣлія — на формахъ пользованія пашнями. „Формы пользованія *разными* земельными угодьями,—говоритъ г. Кроль,—находятся въ самой тѣсной зависимости между собой, и утѣсненіе въ одномъ какомъ-либо уго̀дьѣ неизбѣжно вліяетъ также на характеръ пользованія всѣми другими“. Характерное проявленіе этого общаго закона—вліяніе степени изобилія пастбищъ и покосовъ на формы поль-

---

[1]) *Кроль*, 245, 247, 249.

зованія пашнями у инородцевъ: „инородцы—говоритъ, г. Кроль [1]),—по мѣрѣ возможности стараются сохранить свой кочевой бытъ; пока у нихъ достаточно пастбищъ и покосовъ, земледѣліе, если они имъ и занимаются, играетъ въ ихъ жизни только побочную роль; они сравнительно мало дорожатъ пашнями и не очень огорчаются, если въ пахотныхъ угодьяхъ оказывается даже относительное „утѣсненіе“. Но лишь только начинаетъ ощущаться „утѣсненіе“ въ покосныхъ и пастбищныхъ угодьяхъ, жители волей-неволей вынуждены обратиться къ земледѣлію, и пашня для нихъ пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе; инородцы начинаютъ дорожить пахотными землями, какъ раньше—сѣнокосными; борьба за равномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій дѣлается чрезвычайно интенсивною и приводитъ, такъ или иначе, къ поравненіямъ“...

Недостатокъ мѣста лишаетъ меня возможности войти въ разсмотрѣніе интереснѣйшаго цифрового матеріала, имѣющагося въ работѣ г. Кроля, и приложенныхъ къ послѣдней „текстовыхъ таблицъ“, самимъ авторомъ очень мало использованныхъ [2]). Я остановлю вниманіе читателя только на любопытнѣйшей табличкѣ, воспроизведенной мною, въ сжатомъ видѣ, на стр. 46—47 этой книги, и въ частности—на послѣднемъ столбцѣ ея, показывающемъ средніе размѣры *запашекъ* у различныхъ по формамъ пользованія *покосами* группъ забайкальскаго населенія. Предполагать какого-либо вліянія степени обезпеченности *пашнями* на форму пользованія *покосами* нѣтъ никакого основанія; а между тѣмъ послѣдній рядъ цифръ показываетъ самое полное соотвѣтствіе между этими двумя явленіями: размѣръ запашекъ у каждаго изъ пяти разрядовъ населенія и въ каждомъ изъ районовъ Забайкалья тѣмъ выше, чѣмъ бо̀льшіе успѣхи сдѣлали уравнительныя формы пользованія покосами. Такъ какъ предполагать здѣсь прямой причинной связи нельзя, то въ обоихъ сопоставляемыхъ явленіяхъ приходится видѣть *слѣдствіе одной общей причины*—прогрессирующаго недостатка въ кормахъ, заставляющаго населеніе, съ одной стороны, переходить къ уравнительнымъ формамъ пользованія покосами, а съ другой—переносить центръ тяжести своей хозяйственной дѣятельности на земледѣліе.

Итакъ, „просторъ“ и „утѣсненіе“—понятія, несравненно болѣе сложныя, нежели кажется на первый взглядъ. Это—какъ бы равнодѣйствующая, въ которой выражается вліяніе, съ одной стороны, *количества земли*, имѣющагося въ распоряженіи населенія, а съ другой—его *потребности къ землѣ*, опредѣляемой, въ свою очередь, разнообразнѣйшими условіями, иногда вовсе нѣ имѣющими, на первый взглядъ, никакого отношенія къ формамъ землепользованія. Но сущность дѣла отъ этого не мѣняется: основнымъ

---

[1]) *Кроль*, 52, см. также 69.

[2]) См. *Кауфманъ*, Забайкалье, 165—179.

моментомъ, опредѣляющимъ переходъ отъ захвата къ уравнительно-душевому пользованію, остается прогрессирующее „утѣсненіе“. Но на создаваемой послѣднимъ почвѣ могутъ дѣйствовать разнообразнѣйшіе второстепенные, болѣе или менѣе случайные моменты. Очень ограниченную роль среди этихъ моментовъ приходится приписывать, какъ я уже упоминалъ, тѣмъ привычкамъ и воззрѣніямъ, какія приносятъ съ родины приходящіе изъ мѣстностей съ душевымъ пользованіемъ переселенцы. Вселеніе послѣднихъ, конечно, вліяетъ—и сильно вліяетъ—на эволюцію землепользованія въ мѣстностяхъ вселенія, но вліяетъ *чисто-механически*, сокращая земельный просторъ старожилаго населенія. Очень характеренъ, съ этой точки зрѣнія, констатируемый С. П. Швецовымъ фактъ, что вліяніе переселенцевъ на смѣну формъ землепользованія „замѣчается преимущественно въ старожильскихъ селеніяхъ, тогда какъ въ новыхъ заселкахъ, за единичными исключеніями, „захватъ является единственною формою пользованія“ [1]). И это понятно: вселеніе болѣе или менѣе значительнаго числа переселенцевъ въ широко распахавшееся старожильское селеніе очень замѣтно сокращаетъ прежній просторъ, и потому служитъ толчкомъ къ смѣнѣ формъ землепользованія. Въ новыхъ заселкахъ 15-десятинный надѣлъ далеко превышаетъ сравнительно умѣренныя земельныя потребности еще не вполнѣ обжившихся переселенцевъ, и здѣсь, поэтому, безпрепятственно сохраняются вольныя формы пользованія землею.

Несравненно большее вліяніе имѣлъ—если говорить объ эволюціи землепользованія въ Сибири—другой безпрерывно вливавшійся въ сибирскую деревню, именно ссыльный элементъ. Дѣло въ томъ, что возможность пользованія угодьями на захватномъ правѣ, конечно, не можетъ удовлетворить „шатающагося“ (а такихъ большинство) ссыльно-поселенца, который самъ не пашетъ, сѣна не коситъ, нуждается въ ничтожномъ количествѣ топлива или даже вовсе въ немъ не нуждается, и который могъ бы извлекать выгоду изъ своего права на землю лишь путемъ сдачи ея въ аренду или продажи лѣса на срубъ; такой ссыльный, поэтому, не довольствуется правомъ участія въ захватномъ пользованіи, а требуетъ отвода опредѣленнаго душевого надѣла, и такія требованія, иногда поддерживаемыя администраціей, нерѣдко являлись существеннымъ дополнительнымъ стимуломъ къ введенію уравнительно-душевого пользованія [2]).

Болѣе общее, уже не мѣстно-сибирское, значеніе имѣетъ другой, тоже привходящій факторъ—*воздѣйствіе администраціи*. На вопросѣ о значеніи этого момента я имѣю въ виду подробнѣе остановиться въ заключительной главѣ этой книги. Теперь я приведу только тѣ изъ относящихся къ данному вопросу фактовъ,

[1]) Томск. окр., 137.
[2]) Сибирск. община, 68.

которые добыты мѣстнымъ изслѣдованіемъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ[1]). Періодомъ усиленнаго административнаго воздѣйствія, въ данномъ направленіи были здѣсь 80-е годы, когда, съ одной стороны, послѣдовали извѣстныя сенатскія разъясненія о необязательности ревизской разверстки платежей, а съ другой—была введена „близкая къ народу власть", въ лицѣ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, проявлявшая, сравнительно, сильный интересъ къ порядкамъ крестьянскаго землепользованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшая фактическою возможностью воздѣйствовать на эти порядки. Случаи административнаго давленія бывали въ Сибири и прежде, но рѣдко, лишь въ видѣ исключенія; такъ, въ 1860 г. въ одной изъ волостей Ишимскаго уѣзда раздѣлъ угодій по душамъ состоялся по приказанію исправника, вызванному постоянными поземельными спорами. Напротивъ, въ 80-хъ годахъ, въ томъ же уѣздѣ, распоряженія крестьянскихъ чиновниковъ вызвали цѣлый рядъ случаевъ окончательнаго перехода къ душевому пользованію; крестьянскіе чиновники стремились при этомъ, главнымъ образомъ, содѣйствовать упорядоченію податного дѣла, установить соотвѣтствіе платежныхъ раскладокъ съ распредѣленіемъ земельныхъ угодій и этимъ самымъ устранить одну изъ важнѣйшихъ причинъ накопленія недоимокъ,—и результатомъ ихъ прямого воздѣйствія явился первый передѣлъ въ восьми различныхъ волостяхъ Ишимскаго уѣзда; въ довольно многихъ приговорахъ о передѣлѣ угодій есть прямыя ссылки на „предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить земли по душамъ". Въ нѣкоторыхъ волостяхъ распоряженія крестьянскихъ чиновниковъ дали только послѣдній толчокъ къ наступленію того переворота въ формахъ пользованія землей, который былъ уже достаточно подготовленъ предыдущимъ ходомъ развитія; въ другихъ, гдѣ земельный просторъ былъ еще достаточно великъ, эти распоряженія ускорили наступленіе момента окончательнаго перехода къ душевому пользованію, можетъ-быть, на многіе десятки лѣтъ. Насколько рѣзокъ былъ въ *этихъ* мѣстностяхъ вызванный распоряженіями крестьянскихъ чиновниковъ скачокъ, видно изъ любопытнаго общественнаго приговора одного селенія Соколовской волости, гдѣ прямо говорится: „намъ было *повторено* черезъ прочтеніе предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ... относительно уравненія между собой надѣлами пахотной земли по душамъ; согласно предложенія старосты и распоряженія г. чиновника, по *долгомъ* между собою *разсужденіи* единогласно приговорили: нынѣ же раздѣлить всю пахотную землю по душамъ..." Даже послѣ *вторичнаго* прочтенія начальственнаго распоряженія, сходъ повиновался только по долгомъ разсужденіи", т.-е., очевидно, послѣ продолжительныхъ споровъ и пререканій. Нѣкоторыя другія общества той же волости хотя на бумагѣ и

[1]) Тоже, 68—70.

постановили приговоры о передѣлѣ, но въ дѣйствительности передѣла не произвели и остались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія. Въ трехъ другихъ волостяхъ сопротивленіе было настолько сильно, что къ передѣлу приступлено было лишь черезъ 3—4 года по воспослѣдованіи распоряженія чиновника (въ 1887 и 1888 гг.), а въ многоземельной Сладковской волости передѣлъ и вовсе не осуществился, такъ какъ всѣ настоянія чиновника разбились объ упорное сопротивленіе богатой части населенія.

Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ Иркутской губерніи: губернаторскій циркуляръ, разъяснившій крестьянамъ ихъ право дѣлить землю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ понятъ былъ какъ своего рода приказъ, и, дѣйствительно, изъ числа 20 общинъ трехъ южныхъ округовъ губерніи, гдѣ изслѣдованіемъ отмѣчены „душевыя поравненія“ пашни, въ 15-ти эти „поравненія“ произошли въ 1884 и 1885 гг., очевидно подъ прямымъ вліяніемъ циркуляра. Здѣсь, однако, административное воздѣйствіе нигдѣ не произвело крутой ломки, а только нѣсколько ускорило, мѣстами, процессъ, который назрѣвалъ уже самъ собою: это видно изъ того, что циркуляръ, распубликованный по всей губерніи, вызвалъ „поравненія“ *только въ одной мѣстности*, именно въ нѣкоторыхъ волостяхъ Иркутскаго уѣзда, гдѣ и до циркуляра шли толки о передѣлѣ, но крестьяне „не знали своихъ правовъ“; циркуляръ здѣсь только устранилъ препятствія, не дававшія осуществиться уже назрѣвшему переходу къ душевому пользованію,—въ другихъ мѣстностяхъ, болѣе богатыхъ землею, тотъ же циркуляръ повелъ только къ новой разверсткѣ платежей и совершенно не отразился на формахъ землепользованія.

Въ оцѣнку значенія этого момента я предполагаю войти, равнымъ образомъ, въ заключительной главѣ этой книги. Здѣсь я позволю себѣ только привести имѣющіяся въ работѣ М. А. Большакова цѣнныя указанія по вопросу о вліяніи межеваній, въ частности — генеральнаго межеванія и знаменитыхъ межевыхъ инструкцій середины XVIII вѣка, на эволюцію землевладѣнія и землепользованія у зырянъ. Это стоитъ сдѣлать, главнымъ образомъ, въ виду широко распространеннаго взгляда, будто именно на вологодскомъ сѣверѣ уравнительная община болѣе чѣмъ гдѣ-либо была созданіемъ государства, будто именно здѣсь межевыя инструкціи были „декретами конвента“, изломавшими народную жизнь и внесшими въ нее совершенно новыя и чуждыя ей начала. Г. Большаковъ, опираясь на данныя мѣстнаго изслѣдованія, не „рѣшается распространить ихъ революціонное вліяніе на районъ, занятый зырянами“. Объявленіе земель государственною собственностью „нимало не отразилось на сознаніи зырянъ и нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія“. Акты генеральнаго межеванія „создали только рамку, внутри которой все осталось нетронутымъ“, значеніе ихъ, „какъ декретовъ конвента, имѣло

мѣсто только на бумагѣ... Объявленіе земель, вошедшихъ въ крестьянскія дачи, общимъ владѣніемъ всѣхъ селеній дачи, не сдѣлало землевладѣнія общиннымъ". Только когда „подъ вліяніемъ увеличенія значенія земледѣлія, съ одной стороны, и уменьшенія земельнаго простора — съ другой, въ средѣ населенія начало зрѣть убѣжденіе въ необходимости ограничить трудовое право, логическій выводъ актовъ генеральнаго межеванія—душевой раздѣлъ—явился готовою формой этого ограниченія" [1]). Дальнѣйшія мѣропріятія правительства по урегулированію землевладѣнія на сѣверѣ также сильно отразились на крестьянскомъ землевладѣніи, но отразились уже чисто механически: они „значительно усилили дѣйствіе одной изъ причинъ перехода къ общинному землевладѣнію, именно уменьшенія земельнаго простора" [2]). *Въ этомъ* и здѣсь лежалъ основной движущій моментъ эволюціи земельныхъ распорядковъ. Какъ мала была роль тѣхъ „рамокъ, какія поставило генеральное межеваніе", это видно хотя бы изъ того, что эволюція эта не завершилась, и даже очень далека отъ завершенія, и до настоящаго времени: на ряду съ весьма тонко выработанными формами уравнительнаго пользованія нѣкоторыми угодьями, въ зырянскомъ краѣ до сихъ поръ еще пользуется широкимъ распространеніемъ типичнѣйшій чистый захватъ, со своими спутниками,—правомъ продажи, даренія и передачи по наслѣдству; какъ межевыя инструкціи не могли изъ ничего создать общинно-уравнительнаго пользованія, такъ онѣ не смогли уничтожить столь похожаго на подворное владѣніе захвата, гдѣ онъ еще находитъ себѣ почву въ условіяхъ землевладѣнія и хозяйственной эксплуатаціи извѣстныхъ категорій угодій.

Посмотримъ теперь, какъ происходилъ и происходитъ самый процессъ перехода отъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному пользованію.

Прежде всего, процессъ развитія формъ пользованія землею не идетъ равномѣрно по всей линіи общинныхъ порядковъ [3]). Онъ начинается обыкновенно съ какой-нибудь одной или нѣсколькихъ категорій угодій, тогда какъ угодья другихъ категорій иногда еще очень долго продолжаютъ оставаться въ захватномъ владѣніи или неограниченно-вольномъ пользованіи. „Ограниченія захвата,—говоритъ К. Р. Качоровскій,—начинаются въ пунктахъ, во-первыхъ, *наибольшаго напряженія права на захватъ*, т.-е. съ тѣхъ угодій

---

[1]) *Большаковъ*, 50—51.

[2]) Тоже, 52.

[3]) Надо замѣтить, что все нижеизложенное не относится къ тѣмъ случаямъ, когда переходъ къ душевому пользованію совершался подъ прямымъ давленіемъ администраціи. При наличности такого толчка извнѣ случалось (такъ было, напр., въ 1887—1888 гг. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа), что общины отъ чисто-захватныхъ формъ переходили сразу, по отношенію ко всѣмъ видамъ угодій, къ точному обмѣру и общему передѣлу.

и участковъ, которыхъ раньше начинаетъ не хватать для захвата, и, во-вторыхъ, наименьшаго *сопротивленія со стороны права труда*, т.-е., гдѣ затрата труда минимальна, почти равна нулю“ [1].

Чтобы разобраться въ чрезвычайно пестромъ на первый взглядъ, фактическомъ матеріалѣ, надо прежде всего вспомнить, что исчезновеніе захватныхъ формъ всегда обусловливается недостаткомъ (конечно, очень часто лишь весьма относительнымъ) въ угодьяхъ, а слѣдовательно, и ихъ высокою цѣнностью. Но, съ другой стороны, здѣсь весьма рельефно выступаетъ и вліяніе трудового начала. Пока земли было много, начало это понималось весьма широко, и всякій вложившій свой трудъ въ землю тѣмъ самымъ на неопредѣленное время пріобрѣталъ право на исключительное владѣніе этою землею. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, когда становится тѣснѣе, община вспоминаетъ, что захватное владѣніе землею далеко не всегда основано на затраченномъ трудѣ, а нерѣдко—на простомъ фактѣ оккупаціи; что, далѣе, количество труда, вложеннаго въ раскультивированіе пашенъ или въ расчистку покосовъ, бывало весьма неодинаково: расчистка подъ пашню, положимъ, крупнаго лиственничнаго лѣса, дѣйствительно можетъ окупиться лишь весьма значительнымъ числомъ урожаевъ, расчистка же рѣдкаго березняка, а тѣмъ болѣе подъемъ степной цѣлины, вполнѣ оплачивается первыми же двумя-тремя урожаями, расчистка подъ покосъ какого-нибудь кустарника—первыми двумя-тремя укосами травы.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—если говорить о районахъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства,—оба фактора—количество вложеннаго въ землю труда и относительное изобиліе или недостатокъ угодій—дѣйствуютъ въ одномъ направленіи: недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ почти вездѣ обнаруживается значительно раньше, чѣмъ въ земляхъ, удобныхъ для хлѣбопашества,—обнаруживается раньше какъ потому, что самихъ угодій меньше, такъ и благодаря значительному въ такихъ районахъ развитію скотоводства. Въ то же время расчистка сѣнокосныхъ земель и встрѣчается рѣже, и поглощаетъ обыкновенно гораздо меньше труда, нежели расчистка пашенъ; трудовая затрата на сѣнокосныя угодья, въ видѣ правила, равна нулю. Естественно, что по отношенію къ пахотнымъ землямъ надо ожидать гораздо большей долговѣчности захватныхъ (въ широкомъ смыслѣ) формъ, нежели по отношенію къ покосамъ [2]. И въ самомъ дѣлѣ, въ сѣверо-восточной части Томской губерніи (уу. Томскій и Маріинскій), гдѣ общинъ, передѣляющихъ пашни, почти нѣтъ, душевое пользованіе покосами успѣло сдѣлать очень большіе успѣхи; на крайнемъ юго-западѣ той же губерніи (юго-западныя волости, Каинскаго у.) передѣлы пашенъ встрѣчаются, правда,

---

[1] *Качоровскій*, 138.
[2] См. тамъ же.

уже довольно часто,—зато сѣнокосы передѣляются уже почти повсемѣстно. Въ Енисейской губерніи, гдѣ пахотныя земли почти нигдѣ не поступали еще въ душевое пользованіе, захватныя формы пользованія покосами сохранились въ чистомъ видѣ всего въ 16,9% общаго числа селеній,—во всѣхъ остальныхъ пользованіе сѣнокосными угодьями, такъ или иначе, уравнивается по душамъ. Въ Иркутской губерніи покосы въ громадномъ большинствѣ общинъ передѣляются періодически; напротивъ, пашни начали уравниваться только въ немногихъ волостяхъ Иркутскаго и, главнымъ образомъ, Верхоленскаго уѣзда, и то лишь очень несовершенными способами [1]). Въ Алтайской части Томскаго уѣзда по отношенію къ сѣнокосамъ „на ряду съ вольнымъ пользованіемъ во всѣхъ волостяхъ, кромѣ одной, и во всѣхъ инородныхъ управахъ (кромѣ тоже одной) встрѣчается и душевое пользованіе, котораго въ пользованіи хлѣбопахотными землями не находимъ ни въ одной изъ изслѣдованныхъ общинъ“ [2]). Въ западномъ Забайкальѣ въ захватномъ пользованіи состоитъ еще: у казаковъ 75,0%, и даже у крестьянъ—20,2% пахотныхъ земель, сѣнокосовъ въ захватномъ пользованіи у первыхъ—10,0, у вторыхъ—8,8%. Въ восточномъ Забайкальѣ передѣляемыхъ пашенъ у казаковъ вовсе, у крестьянъ—почти вовсе нѣтъ; процентъ покосовъ, состоящихъ въ уравнительномъ пользованіи, достигаетъ у крестьянъ 92,5, у казаковъ даже—94,6%.

Иначе обстоитъ дѣло въ сѣверномъ полѣсьѣ какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи: охарактеризованныя въ первой главѣ своеобразныя условія разселенія, при господствѣ навознаго трехполья, ведутъ къ тому, что кажущійся широкій просторъ совмѣщается съ острымъ „утѣсненіемъ“ въ пашняхъ; покосовъ въ сѣверной полосѣ Сибири относительно много, въ архангельско-вологодскомъ полѣсьѣ преобладаютъ сѣнокосныя расчистки. Въ результатѣ, сѣнокосы въ сѣверномъ полѣсьѣ не только не идутъ впереди пашенъ въ дѣлѣ эволюціи уравнительныхъ формъ, но, напротивъ: въ европейскомъ полѣсьѣ весьма развитое душевое пользованіе пашнями сопутствуетъ еще продолжающемуся господству захватныхъ формъ пользованія сѣнокосами.

Развитіе формъ пользованія землею совершается неодновременно не только по отношенію къ разнаго рода угодьямъ, но и по отношенію къ *отдѣльнымъ разновидностямъ* одного угодья. Особенно часто это замѣчается по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ; если, въ самомъ дѣлѣ, взять двѣ крупныя разновидности послѣднихъ — заливные луга и незаливные, особенно лѣсные покосы, то окажется прежде всего, что первые, благодаря высокой урожайности, легкости уборки и высшему достоинству сѣна, цѣнятся гораздо выше вторыхъ; лѣсные покосы, кромѣ

[1]) Сибир. община, 70 –72.
[2]) Томскій окр., 161, 176—177.

того, требуютъ затраты труда на расчистку, тогда какъ заливные луга являются свободнымъ даромъ природы. Такія обстоятельства, очевидно, болѣе благопріятствуютъ сохраненію старыхъ формъ пользованія по отношенію къ незаливнымъ и особенно лѣснымъ покосамъ, чѣмъ по отношенію къ заливнымъ лугамъ. И дѣйствительно, если взять для примѣра изслѣдованныя пишущимъ эти строки мѣстности Томской губерніи, то окажется, что въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска, гдѣ сѣно имѣетъ выгодный сбытъ, а покосы—высокую цѣнность, заливные луга передѣлены всѣ безъ исключенія, остальные покосы—только въ меньшинствѣ общинъ; дальше на востокъ, гдѣ покосовъ много, а цѣнность ихъ ничтожна, и гдѣ поэтому по отношенію къ лѣснымъ и т. п. покосамъ не было и попытокъ перехода къ душевому пользованію, заливные луга все же передѣлены въ большинствѣ общинъ [1]). Въ Алтайской части Томскаго уѣзда луговые покосы передѣляются въ 114 случаяхъ изъ 125, тогда какъ для лѣсныхъ и степныхъ покосовъ душевое пользованіе встрѣчается всего въ 33 случаяхъ изъ 200 [2]). На Дону „въ раздѣлъ поступали сначала одни только луга, на степномъ же просторѣ еще долгое время косили гдѣ угодно и сколько угодно“ [3]).

По отношенію къ пахотнымъ землямъ постепенность въ переходѣ къ уравнительному пользованію сравнительно рѣже обусловливается видовыми отличіями пахотныхъ угодій, которыя, впрочемъ, всецѣло могутъ быть сведены, въ данномъ случаѣ, къ различіямъ въ размѣрахъ трудовой затраты. Такъ, въ Иркутской губерніи, особенно въ Верхоленскомъ уѣздѣ, нерѣдки случаи, когда общины приступали къ ограниченію захватнаго права по отношенію къ „луговой пахотѣ“ и вообще пашнямъ, распаханнымъ безъ предварительной расчистки, и оставляли это право неприкосновеннымъ по отношенію къ „лѣсной“ пашнѣ, разработанной съ большою затратою труда. Гораздо чаще мы встрѣчаемся со случаями, когда разница во времени перехода къ душевому пользованію обусловливалась различіями въ почвенныхъ условіяхъ, близости, вообще въ цѣнности земли, или когда общины, не рѣшаясь произвести общаго передѣла, передѣляютъ тѣ земли, въ которыхъ не заинтересованъ, въ отдѣльности, никто изъ домохозяевъ,—выморочные участки, „выгородки“ изъ поскòтинъ и т. д.,—но на этого рода случаяхъ намъ придется ближе остановиться въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, количество труда, затраченнаго на обращеніе земли въ годное для культуры состояніе, съ одной стороны, и изобиліе или недостатокъ даннаго рода угодій и относительная ихъ цѣнность—съ другой, таковы, повторяемъ, тѣ факторы, которыми

---

[1]) Сибир. община, 72.
[2]) Томскій окр., 178.
[3]) *Харузинъ*, 42.

опредѣляется послѣдовательность перехода отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію [1]).

Попытаемся теперь выяснить, какъ слагается самый переходъ отъ вольной заимки или чистаго захвата къ уравнительно-душевому пользованію.

Прежде всего, мы видѣли, что вольная заимка, какъ *форма пользованія* угодьями, слагается одновременно съ заимочнымъ или хуторскимъ *разселеніемъ*. И борьба общинъ противъ заимокъ или хуторовъ, какъ формы разселенія, является однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій борьбы общинно-уравнительнаго начала противъ воплощающагося въ заимкѣ и захватѣ угодій индивидуальнаго пользованія. Борьба эта происходила или и по-сейчасъ происходитъ во всѣхъ районахъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства. Но именно только въ районахъ *экстенсивнаго* хозяйства,— значитъ, на черноземномъ югѣ и юго-востокѣ Европейской Россіи и въ сибирской полосѣ экстенсивнаго земледѣлія. Въ сѣверномъ полѣсьѣ какъ европейскомъ, такъ и сибирскомъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: починки или отселки, по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, не только не уничтожаются, напротивъ—съ теченіемъ времени образуются все новые починки, а старые превращаются въ самостоятельныя селенія. И это понятно: на югѣ переходъ къ уравнительному пользованію проходитъ при господствѣ залежнаго хозяйства и задолго до возникновенія потребности въ навозномъ удобреніи; на сѣверѣ ощущаемое даже при безграничномъ „ариѳметическомъ“ просторѣ фактическое „утѣсненіе“ уже давно заставило перейти къ трехполью съ навознымъ удобреніемъ. При *такого* рода условіяхъ, деревенскія общины не имѣютъ никакого интереса возвращать въ деревни выселившихся на починки односельчанъ,— это только сократило бы и безъ того незначительное, по расчету на разверсточную единицу, количество доступной для унаваживанія трехпольной пашни. Напротивъ, при залежномъ хозяйствѣ разстояніе пашенъ отъ селенія играетъ третьестепенную роль; живущіе въ деревняхъ или станицахъ бѣдные и среднесостоятельные домохозяева, правда, до извѣстной степени заинтересованы въ томъ, чтобы живущіе на заимкахъ и хуторахъ богатеи не перехватывали у нихъ расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ селеній пахотныхъ земель; но бѣдная и среднесостоятельная масса знаетъ, что хозяйственный расчетъ все равно побудитъ сильныхъ домохозяевъ, даже если они переселятся въ селенія, продолжать распахивать болѣе удаленныя отъ послѣднихъ, но зато свѣжія земли. На сцену, поэтому, выступаютъ другіе моменты: стремленіе пресѣчь уклоненіе заимочниковъ или хуторянъ отъ отбыванія общественныхъ повинностей; желаніе изъять изъ исключительнаго „заимочнаго“ владѣнія хуторянъ и заимщиковъ загороженные ими выгоны

[1]) Сибир. община, 73.

и захваченныя ими въ окружности хуторовъ и заимокъ свѣжія или мало выпаханныя земли. И вотъ, при *такихъ* условіяхъ сельская община повсемѣстно ведетъ войну съ заимками и хуторами, которая кончается ихъ полнымъ уничтоженіемъ. Такая война еще продолжалась въ періодъ основныхъ земскихъ изслѣдованій въ Таврической губерніи: „хуторяне не несли натуральныхъ повинностей и на свободѣ занимали много земли, стѣсняя этимъ хозяйственную дѣятельность слобожанъ; для устраненія названныхъ явленій слободы начинаютъ запрещать образованіе новыхъ хуторовъ и требовать уничтоженія старыхъ“ [1]). Въ Уральскомъ войскѣ съ 1877 г. „возможность возведенія вновь хутора обусловлена согласіемъ мѣстнаго станичнаго общества и разрѣшеніемъ войскового хозяйственнаго правленія, — даже существующіе частные хутора, въ случаѣ заявленія мѣстныхъ жителей о стѣсненіи со стороны хуторянъ въ пользованіи угодьями, по существующимъ правиламъ могутъ быть сносимы по распоряженію войскового начальства“ [2]). Здѣсь рѣчь идетъ, правда, о порядкахъ, установленныхъ войсковымъ начальствомъ, но въ данномъ случаѣ, очевидно, это начальство лишь оформливало то, что̀ непосредственно вытекало изъ внутренней эволюціи земельно-хозяйственной жизни уральскаго казачества. То же самое можно сказать и о Кубанскомъ войскѣ. Сокращеніе права „вольной заимки“ начиналось здѣсь съ того, что „заимки подъ хутора начинали производиться общинниками съ разрѣшенія общинъ, „по приговору схода“, но за заимщикомъ при этомъ оставалось право выбора мѣста заимки“; затѣмъ, „въ болѣе сложной формѣ санкціонирующая роль общинъ выразилась въ установленіи опредѣленнаго мѣста подъ хутора, опредѣленныхъ правилъ для планировки ихъ и опредѣленныхъ ограниченій для хуторского пользованія общинными угодьями... Въ силу такихъ ограниченій,—говоритъ г. Щербина,—часть хуторовъ сама собою прекратила свое существованіе, другая уничтожена по приговорамъ общинъ, третья вошла въ составъ поселковъ, наконецъ четвертая, самая многочисленная, приноровлена къ новѣйшимъ хозяйственнымъ цѣлямъ“; хутора изъ способа разселенія и рѣзко выраженной формы захватнаго владѣнія превратились въ простые хозяйственные отселки, уже не препятствовавшіе дальнѣйшей эволюціи общинныхъ земельныхъ распорядковъ. Самый процессъ поглощенія хуторовъ общинами въ работѣ г. Щербины, несомнѣнно, слишкомъ идеализируется; „всѣ свои отношенія къ хуторамъ,—говоритъ г. Щербина,—общины производили въ силу присущей имъ юрисдикціи и вѣками сложившихся обычаевъ“; казачьи общины „не только никогда не возводили въ задачу борьбу съ хуторами при помощи крутыхъ мѣръ и взысканій, но даже

---

[1]) *В. В.*, Крест. община, 4.
[2]) Бородинъ, 319.

на дѣлѣ крайне рѣдко прибѣгали къ взысканію штрафовъ съ отдѣльныхъ личностей“ [1]). Однако „присущая общинамъ юрисдикція“, очевидно, далеко не всегда оказывалась достаточною,—самъ г. Щербина указываетъ, что въ борьбѣ обществъ съ хуторами „денежные штрафы, понудительныя мѣры, *обращенія къ начальству* (курс. мой. А. К.) и пр. чередуются въ отдѣльныхъ случаяхъ и часто поперемѣнно употребляются въ дѣло однимъ и тѣмъ же обществомъ“. Сама же „общинная юрисдикція“ далеко не всегда ограничивалась „нравственнымъ воздѣйствіемъ“: въ станицѣ Отрадной общество „велѣло снести 4 хутора, служившіе помѣхой для жителей; въ ст. Михайловской общество пыталось совсѣмъ уничтожить хутора и заимки“ [2]); станица Петровская въ борьбѣ съ непокорными хуторами постановляетъ „оборать эти хутора и засѣять хлѣбомъ“ и приказываетъ другимъ хуторянамъ „притѣснять“ непокорныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ „непремѣнно удалиться“ [3]), и т. д.

Въ Сибири обычнымъ пріемомъ борьбы общинъ съ заимками являлось, повидимому, разгораживаніе заимочныхъ поскóтинъ,—равносильное уничтоженію возможности существованія заимки, какъ самостоятельной земельно-хозяйственной единицы. Въ эпоху господства неограниченно-вольнаго захвата отдѣльная поскòтина была необходимою составною частью всякой сколько-нибудь крупной заимки; что̀ касается до скота мелкихъ заимщиковъ и той бѣдноты, которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ общественныя стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе „деревенской“ поскóтинѣ (которою, впрочемъ, пользовались, буде желали, и заимщики, имѣющіе свои поскóтины), частью—по неогороженнымъ пастбищамъ; нерѣдко, однако, заимщики претендовали на исключительное право выпаса скота и на всемъ томъ неогороженномъ пространствѣ, которое входило въ сферу притяженія ихъ заимокъ: они не пускали чужого скота близко подходить къ заимкамъ, какъ не пускали никого „подступаться“ съ косой или сохою.

Описанный порядокъ въ эпоху мѣстныхъ изслѣдованій пользоваться еще значительнымъ распространеніемъ въ Иркутской губерніи и въ ближайшей къ ней части Енисейской. Напротивъ, въ западно-сибирскихъ губерніяхъ община къ тому времени либо успѣла уже совершенно упразднить заимочныя поскòтины, либо находилась на пути къ такому упраздненію; она прямо запрещала огораживать поскòтины при заимкахъ, а если заимщики упорствовали, прибѣгала и къ насильственному разгораживанію поскòтинъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній заимочныя поскòтины встрѣчались еще довольно

---

[1]) Щербина, 86.
[2]) Тоже, 84.
[3]) Тоже, 74.

часто, главнымъ образомъ, потому, что крупные заимщики, опираясь на доставляемое богатствомъ вліяніе, не подчинялись волѣ общины, а эта послѣдняя не рѣшалась прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ [1]).

Такимъ образомъ, на мѣсто права каждаго огородить и захватить въ свое исключительное пользованіе нужную ему часть общественныхъ пастбищъ, становится равное право всѣхъ на пользованіе этими послѣдними. Тотъ же процессъ мы наблюдаемъ и по отношенію къ такъ называемымъ „засѣкамъ“ или „рѣдникамъ“ — спеціальнымъ выгонамъ, огораживаемымъ поодаль отъ селеній для выпаса иногда рабочихъ лошадей, иногда тѣхъ или другихъ видовъ гулевого скота. При господствѣ чистаго захвата „засѣки“ чаще всего загораживались отдѣльными зажиточными хозяевами или свободно-составляющимися группами хозяевъ, напр., имѣющихъ пашни въ одномъ урочищѣ, вблизи котораго имъ удобно имѣть огороженный выгонъ для занятыхъ на пашнѣ лошадей. И вотъ, „обычай устраивать засѣки постепенно выводится“, въ концѣ-концовъ засѣки уничтожаются по постановленію общины, какъ уничтожаются заимочныя поскòтины, и по тѣмъ же мотивамъ: „подъ засѣки богатеи захватывали лучшія земли возлѣ селенія, чѣмъ уменьшали площадь поскòтины, находящейся въ общемъ пользованіи селенія“. Иногда совершенному уничтоженію частныхъ засѣкъ предшествовало „вмѣшательство общины въ отношенія своихъ сочленовъ, вытекающія изъ вольнаго (или по нашей терминологіи—захватнаго) пользованія засѣками“; въ одномъ, напр., характерномъ случаѣ этого рода „община произвела отрѣзку половины мѣстности, занятой засѣкою одного богатаго крестьянина, и отдала ее подъ засѣку артели другихъ домохозяевъ, для которыхъ свободнаго мѣста уже не оказалось“ [2]).

Въ результатѣ описанной борьбы общинъ съ хуторами и заимками получается, съ одной стороны, сосредоточеніе населенія въ селеніяхъ, съ другой—уничтоженіе захватнаго пользованія выгонами и пастбищами.

Преобладающею формою пользованія общественными *выгонами и пастбищами*, съ этого момента, становится вольная форма. Ни одинъ общественникъ не имѣетъ права на захватъ какой-либо части пастбищъ въ свое исключительное пользованіе, но каждый можетъ выпускать на общественныя пастбища, огороженныя и неогороженныя, въ установленномъ общиною порядкѣ, весь свой скотъ, съ обязательствомъ участвовать, по общественной раскладкѣ, въ городьбѣ поскòтины. Пока еще не чувствуется „утѣсненія“, общество дозволяетъ пасти на общественныхъ угодьяхъ и „хозяйственный“ скотъ, т.-е. постоянно содержимый обществен-

1) Сибирск. община, 205—206.
2) Томскій окр., 146—149.

никами, каково бы ни было его количество, и „наборный", т.-е. закупаемый для перепродажи; пока пастбищъ еще очень много, міръ „не препятствуетъ" въ этомъ даже постороннимъ лицамъ, проживающимъ въ селеніяхъ. Гдѣ избытокъ пастбищъ уже не такъ великъ, „міръ посматриваетъ на это косо, напоминаетъ или намекаетъ, что пора бы и заплатить что-нибудь, иногда и облагаетъ какимъ-нибудь „поборомъ", но пастьбу все-таки допускаетъ" (Личковъ). Мало-по-малу міръ переходитъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій — къ пастьбѣ на общественныхъ угодьяхъ начинаютъ допускать уже одинъ только „хозяйственный" скотъ; для общественниковъ, торгующихъ скотомъ, община либо выдѣляетъ часть пастбищъ и сдаетъ ихъ подъ пастьбу „наборнаго" скота, либо разрѣшаетъ пасти его за особое вознагражденіе, поступающее въ общественную кассу. Съ такимъ порядкомъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, на югѣ Тобольской губерніи, въ алтайской части Томскаго уѣзда и т. п. [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вольная форма пользованія пастбищами уже въ большей или меньшей мѣрѣ вытѣснена пользованіемъ общинно-уравнительнымъ, которое, однако, въ виду чисто-техническихъ условій эксплуатаціи выгоновъ и пастбищъ, облекается не въ форму уравнительнаго раздѣла, а въ форму уравнительнаго обложенія скота [2]). До извѣстной степени неравномѣрность пользованія пастбищами, обусловливаемая разницею въ размѣрахъ скотоводства отдѣльныхъ домохозяевъ, устраняется уже широко распространеннымъ въ Сибири способомъ раскладки части лежащихъ на общинѣ платежей на „залишній" скотъ, т.-е. избыточный сверхъ назначаемаго общиною опредѣленнаго количества— 3, 4, 5 головъ скота на каждую разверсточную единицу, освобождаемаго отъ обложенія. Общество какъ бы предоставляетъ каждому общественнику право на опредѣленную идеальную долю своихъ пастбищъ, соотвѣтствующую извѣстному числу головъ, тѣ же, кому не хватаетъ этой идеальной доли, какъ бы арендуютъ у общества недостающую имъ пастбищную площадь. Но для бѣднѣйшихъ элементовъ общины, которые имѣютъ скота *меньше* освобождаемаго отъ обложенія числа головъ, такой порядокъ не представляетъ никакой непосредственной выгоды; они не имѣютъ способа использовать ту часть причитающейся имъ идеальной доли пастбищъ, на которую у нихъ не хватаетъ скота. Полная уравнительность пользованія пастбищами достигается зато при томъ очень распространенномъ на юго-западѣ Тобольской губерніи порядкѣ, который носитъ названіе „расположки скотскаго выпуска". Отличіе этого порядка отъ простого обложенія „залишняго скота" въ томъ, что при „расположкѣ" многоскотные уплачиваютъ за излишній скотъ не въ общинную кассу, а тѣмъ

---

[1]) Сибирск. община, 206—207; Томск. окр., 144.
[2]) Сибирск. община, 207—209.

однообщественникамъ, у кого не хватаетъ скота противъ нормы. При такомъ порядкѣ уже *каждый* домохозяинъ осуществляетъ свое право на пользованіе причитающеюся ему идеальною долею общинныхъ пастбищъ: если своего скота мало, онъ какъ бы сдаетъ въ аренду ненужную ему часть принадлежащей ему идеальной доли пастбищъ. Ясно, что „расположка“ вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ трудную, на первый взглядъ, задачу „подушнаго раздѣла безъ фактическаго распредѣленія пастбищъ на участки“ (Осиповъ) [1]).

Аналогичные порядки встрѣчаются, хотя, повидимому, и нечасто, и въ казачьихъ общинахъ. „Если будутъ происходить,—постановляетъ одна станица Донского войска,—перемѣны въ прибыли или убыли скота до 5 штукъ у каждаго хозяина, то право пользованія толокой не измѣняется; если же прибыль послѣдуетъ свыше пяти штукъ, то за попасъ оныхъ хозяинъ входитъ въ соглашеніе съ обществомъ о приплатѣ денегъ, *которыя выдаются тѣмъ лицамъ, у коихъ послѣдовало уменьшеніе скота болѣе* (менѣе?) *5 штукъ по расчету общества*“ [2]).

Въ высшей степени характерно, что въ сѣверномъ сибирскомъ полѣсьѣ, т.-е. какъ разъ въ той полосѣ Сибири, гдѣ по отношенію къ другимъ угодьямъ уже издавна установились формы уравнительнаго пользованія, по отношенію къ выгонамъ и пастбищамъ не встрѣчается даже и зачатковъ уравнительнаго пользованія. „Не къ чему поборъ на скотину класть,—говорятъ крестьяне:—у кого души, у того и скотина“. Иначе сказать: скотоводство не имѣетъ здѣсь того значенія *самостоятельнаго* источника благосостоянія, какимъ оно является на югѣ Тобольской губерніи или у донскихъ казаковъ; главная цѣль содержанія скота—работа въ полѣ и производство навоза; разъ это такъ, то количество скота у отдѣльныхъ домохозяевъ приблизительно пропорціонально размѣрамъ запашекъ, а слѣдовательно, и развертокъ земельно-платежныхъ душъ. Приблизительное соотвѣтствіе пользованія выгонами и пастбищами съ раскладкою платежей, такимъ образомъ, устанавливается само собою, а если и встрѣчаются отдѣльныя нарушенія этого соотвѣтствія, то они недостаточно существенны, чтобы обратить на себя вниманіе общины.

Переходимъ затѣмъ къ *усадебнымъ мѣстамъ* [3]). Какъ извѣстно, законъ признаетъ послѣднія собственностью отдѣльныхъ дворовъ или домохозяевъ. Въ районахъ, гдѣ мы изучаемъ процессъ сложенія общины, это постановленіе закона, повидимому, абсолютно неизвѣстно населенію, и эволюція формъ владѣнія и пользованія усадебными мѣстами идетъ, въ общемъ, въ томъ же направленіи, какъ и эволюція формъ пользованія прочими угодьями. Несо-

---

1) Детали см. „Сибирская община“, 208.
2) *Харузинъ*, 66.
3) Сибирск. община, 211—217.

мнѣнно существующая разница между усадьбами, съ одной стороны, и прочими угодьями—съ другой,—разница *не качественная*, а чисто *количественная*; разница *не въ направленіи*, а въ *темпѣ* эволюціи, и разница эта съ очевидною необходимостью вытекаетъ изъ хозяйственныхъ особенностей усадебныхъ земель.

Типичный, по крайней мѣрѣ для Сибири, порядокъ пользованія усадебными мѣстами—это чистый захватъ. Каждое вновь образующееся домохозяйство занимало и, въ значительной мѣрѣ, продолжаетъ занимать подъ усадьбу столько земли и тамъ, сколько и гдѣ заблагоразсудится; занятая такимъ образомъ усадебная земля переходила по наслѣдству въ порядкѣ, установленномъ мѣстнымъ обычнымъ правомъ; при семейныхъ раздѣлахъ новыя домохозяйства либо устраивались на усадебной землѣ коренныхъ дворовъ, съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ, либо занимали мѣсто подъ усадьбу въ общинной поско́тинѣ. „Община, — говоритъ С. П. Швецовъ,—не вмѣшивалась въ вопросы разселенія своихъ членовъ; для вмѣшательства и регулированія дѣятельности своихъ членовъ въ этомъ отношеніи община не имѣла никакихъ, ни внутреннихъ ни внѣшнихъ побудительныхъ причинъ“ [1]).

Такой порядокъ пользованія, и до сихъ поръ пользующійся широкимъ распространеніемъ, не можетъ не вести къ крайней неравномѣрности распредѣленія усадебныхъ земель, и такая неравномѣрность въ концѣ-концовъ вызываетъ, въ той или иной формѣ, регулирующее вмѣшательство общины. Въ изслѣдованной С. П. Швецовымъ алтайской части Томскаго уѣзда такое вмѣшательство, въ формѣ разнаго рода отводовъ, имѣло мѣсто уже въ 141 изъ общаго числа 214 изслѣдованныхъ селеній [2]). Но такое вмѣшательство вызывается первоначально не неравномѣрностью распредѣленія, а происходящими при самовольномъ разселеніи усадебными спорами: рѣдкіе, пока просторно, эти споры становятся все чаще, по мѣрѣ роста селенія и развитія въ немъ усадебной жизни. Когда общинѣ пришлось уже разрѣшить нѣсколько подобныхъ споровъ, она начинаетъ чувствовать неудобства, связанныя съ самовольнымъ захватомъ усадебныхъ мѣстъ, а потому начинаетъ требовать, чтобы вновь возникающіе дворы занимали мѣста подъ усадьбы съ общественнаго вѣдома и разрѣшенія. Такимъ образомъ появляются первые отводы, сначала неформальные, въ видѣ словеснаго указанія схода или старосты съ понятыми, впослѣдствіи облекающіеся въ форму писаныхъ приговоровъ. И это, повидимому, наиболѣе распространенный способъ вмѣшательства общины въ порядки пользованія усадьбами; въ алтайской части Томскаго уѣзда изъ вышеуказаннаго общаго числа 141 случая, гдѣ встрѣчены усадебные отводы, въ 99 случаяхъ дѣло ограничивалось „простымъ указаніемъ со стороны общины,

---

[1]) Томскій окр., 135.
[2]) Тоже, 135.

гдѣ можно строиться", при чемъ общинникъ „сохраняетъ за собой, попрежнему, право захвата подъ усадьбу, въ указанномъ ему мѣстѣ, такого количества земли, сколько ему нужно по хозяйственнымъ соображеніямъ; община пока его въ этомъ не стѣсняетъ" [1]).

Такимъ образомъ община вначалѣ какъ будто бы не идетъ далѣе простой *регистраціи и легализаціи факта* возникновенія новыхъ усадебъ. Но разъ вступивъ на путь отводовъ, она очень скоро переходитъ къ отводамъ-отрѣзкамъ, къ сокращенію занимаемыхъ старыми дворами, чрезмѣрно-обширныхъ усадебныхъ мѣстъ: она приселяетъ выдѣляющееся домохозяйство къ коренному двору и соглашается отвести ему мѣсто на краю деревни только если оно не можетъ помѣститься на усадебномъ мѣстѣ послѣдняго. Другія общины не только приселяютъ новыя домохозяйства къ ихъ кореннымъ дворамъ, но дѣлаютъ для нихъ отрѣзки отъ усадебъ *всѣхъ вообще* старыхъ дворовъ, имѣющихъ слишкомъ большія усадьбы, начиная обыкновенно съ тѣхъ, у кого часть занятаго подъ усадьбу мѣста совершенно неиспользована или эксплуатируется для сѣнокошенія,—у кого, слѣдовательно, явно захвачено больше земли, нежели ему нужно. Такія отрѣзки, при отсутствіи вмѣшательства извнѣ, будутъ постепенно пріобрѣтать болѣе точный характеръ и устранятъ всякую явную неравномѣрность въ распредѣленіи усадебныхъ земель. Но это наступитъ не скоро даже и въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, въ восточно-сибирскихъ же самыя отрѣзки „получили полное признаніе и вошли въ практику только въ немногихъ селеніяхъ; въ нѣкоторыхъ онѣ находятся уже на пути къ такому признанію, въ нѣкоторыхъ—въ періодѣ зарожденія" (Дубенскій). Исключеніе составляетъ, впрочемъ, Верхоленскій уѣздъ, Иркутской губерніи; здѣсь отводы-отрѣзки вошли въ обычай уже въ половинѣ всего числа общинъ—въ 62-хъ изъ 124-хъ, при чемъ въ 17 общинахъ установлена уже опредѣленная норма дворового усадебнаго мѣста.

Такимъ образомъ съ усадебными землями происходитъ тотъ самый процессъ постепеннаго перехода отъ зачаточной захватной формы къ уравнительному пользованію, какой намъ придется подробнѣе изучать по отношенію къ пашнямъ и сѣнокосамъ. Въ согласіи съ характеромъ эксплуатаціи усадебныхъ земель, этотъ процессъ происходитъ по отношенію къ нимъ гораздо медленнѣе. Только на юго-западѣ Тобольской губерніи, а также въ Верхоленскомъ уѣздѣ отмѣчены совершенно единичныя, болѣе рѣшительныя попытки общинъ въ направленіи къ полному уравненію усадебъ; такъ, въ одномъ селеніи Ишимскаго уѣзда и въ трехъ селеніяхъ Верхоленскаго всѣ усадебныя земли были перемѣрены, и дворамъ съ малыми усадьбами прирѣзаны были подъ огороды

[1]) Тоже, 137—138.

добавочныя мѣста за деревней, послѣ чего дальнѣйшіе захваты были запрещены; въ нѣсколькихъ общинахъ Курганскаго уѣзда и въ одномъ селеніи Верхоленскаго была сдѣлана попытка включить усадьбы въ общій передѣлъ угодій такимъ образомъ, что общественники, имѣвшіе непропорціонально много усадебной земли, получили соотвѣтственно менѣе пашни.

Развитіе формъ пользованія усадебными землями опредѣляется прежде всего прогрессирующимъ „утѣсненіемъ“ и возрастающею цѣнностью угодій, а потому все, что усиливало „утѣсненіе“ или увеличивало цѣнность усадебъ, вело и къ ускоренію процесса этого развитія; изслѣдованіемъ Енисейской губерніи констатировано, что во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ отводы-отрѣзки получили болѣе или менѣе широкое распространеніе, „имѣютъ мѣсто нѣкоторыя физико-географическія особенности, способствующія быстрому образованію утѣсненности и неравномѣрности“, какъ, напр., расположеніе селенія на берегу, размываемомъ водою; непосредственная близость къ усадьбамъ пахотныхъ земель или болотъ, не позволяющая селенію распространяться вширь; трудность доступа къ рѣкѣ или немногочисленность мѣстъ, гдѣ можно копать колодцы, и т. п. Съ другой стороны, цѣнность усадебъ можетъ быть высока и независимо отъ „утѣсненія“. Выше всего она въ трактовыхъ и торговыхъ селеніяхъ, и въ этихъ селеніяхъ община въ гораздо большей мѣрѣ ограничиваетъ инициативу отдѣльныхъ домохозяевъ въ дѣлѣ занятія усадебныхъ мѣстъ, нежели въ „забошныхъ“ селахъ. Во многихъ трактовыхъ селахъ въ сторонѣ отъ главной улицы не требуется никакого отвода подъ усадьбы, на главной же улицѣ и на базарной площади, гдѣ владѣніе усадьбами приноситъ значительныя выгоды и цѣнность ихъ высока, усадьбу можно получить не иначе, какъ путемъ общественнаго отвода, обыкновенно связаннаго съ отрѣзкой земли отъ прежняго владѣльца.

Казалось бы, что появленіе отводовъ, нивеллируя пользованіе самовольно-захваченными усадьбами, могло придать новую прочность владѣнію усадьбами, отведенными властью общины; на такое предположеніе даетъ право и обычная редакція отводныхъ приговоровъ, установляющихъ „полное“, „потомственное“, „безспорное“ владѣніе усадьбами; въ дѣйствительности, однако, такіе приговоры ограждаютъ интересы владѣльцевъ усадебъ лишь *противъ отдѣльныхъ лицъ*, община же „отведенными“ усадьбами распоряжается, при надобности, такъ же свободно, какъ состоящими въ простомъ захватномъ пользованіи.

При господствѣ неограниченнаго захвата каждый общественникъ не только владѣлъ своею усадьбой и передавалъ ее по наслѣдству, но могъ и *продавать* усадебную землю, даже постороннимъ лицамъ. Параллельно развитію системы отводовъ идутъ попытки общины, все болѣе и болѣе настойчивыя, ограничить и это право отчужденія. Въ настоящее время „такихъ

селеній, гдѣ бы самостоятельное право продажи усадебныхъ мѣстъ признавалось за отдѣльными домохозяевами безусловно и безъ всякихъ ограниченій, весьма немного; но немного и такихъ селеній, гдѣ бы подобное право было уже совершенно уничтожено, — въ значительномъ большинствѣ случаевъ наблюдаются только попытки его ограничить, сдѣлавшія болѣе или менѣе значительные успѣхи" (Дубенскій). Однѣ общины постановили уже прямые приговоры, запрещающіе отчужденіе усадебныхъ земель, или просто игнорируютъ такія сдѣлки, разсматривая ихъ исключительно какъ сдѣлки на продажу *построекъ*, а не земли; другія, запрещая продавать усадебную землю постороннимъ лицамъ, разрѣшаютъ продавать ее односельчанамъ, или, не разрѣшая продажи незастроенной части усадебныхъ мѣстъ, позволяютъ отчуждать землю подъ домами и вообще застройкой. Всюду, заключая словами г. Дубенскаго, „развитіе усадебно-поземельныхъ отношеній приводитъ къ одинаковымъ результатамъ, — къ тому именно, что право отдѣльныхъ лицъ распоряжаться усадебными землями путемъ отчужденія ограничивается все болѣе и болѣе и, въ концѣ-концовъ, отрицается совершенно" [1]).

Все изложенное относится исключительно къ усадебнымъ землямъ въ тѣсномъ смыслѣ,—къ дворовымъ мѣстамъ Всѣ остальные виды усадебныхъ земель—огороды, огуменники, телятники и т. п.[2])—почти повсемѣстно состоятъ еще въ типичномъ захватномъ владѣніи, и если община иногда проявляетъ по отношенію къ нимъ свое право владѣльца-распорядителя, то единственно лишь тогда, когда это необходимо въ интересахъ регулированія пользованія дворовыми мѣстами, — она беретъ у одного общественника часть телятника, огуменника и т. п., чтобы имѣть возможность отвести другому дворовое мѣсто. Что́ касается въ частности до *огородовъ*, то лишь въ одномъ, расположенномъ вблизи Красноярска, селеніи, снабжающемъ городъ овощами, путемъ постепенныхъ отрѣзокъ достигнуто вполнѣ равномѣрное распредѣленіе огородовъ между домохозяевами; даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ пригородный районъ Томскаго уѣзда, гдѣ промышленное огородничество очень развито, огороды состоятъ еще въ захватномъ пользованіи; только для занятія вновь земли подъ огородъ требуется разрѣшеніе общины, которая отказываетъ въ немъ, если просящій имѣетъ уже достаточно большой огородъ или можетъ воспользоваться—въ случаѣ выдѣла—частью огорода коренного двора. Въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ, не существуетъ и такого правила, и захватное пользованіе огородами держится безъ какихъ-либо ограниченій. Исключеніе составляютъ только *конопляники*, существующіе, какъ особый видъ угодій, лишь въ одной мѣстности Сибири — въ сѣверо-западномъ углу Ишим-

[1]) См. также Томскій у., 140.
[2]) Сибир. общ., 217—218.

скаго уѣзда: коноплеводство является здѣсь однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія; конопля сѣется на густо-удобренной землѣ; удобными для унаваживанія приусадебными землями поэтому чрезвычайно дорожатъ, и земли эти были раздѣлены на душевые участки еще въ то время, когда всѣ остальныя угодья продолжали состоять въ захватномъ пользованіи.

Переходимъ теперь къ двумъ основнымъ видамъ земельныхъ угодій: пашнямъ, или, точнѣе, пахотнымъ землямъ, и сѣнокосамъ. Остановимся, сначала на *пахотныхъ земляхъ*.

Мы знаемъ, что главнѣйшими основаніями захватнаго владѣнія являются, съ одной стороны, право перваго захвата, съ другой— право вложеннаго въ землю труда. Нерѣдки такіе случаи, когда моментъ затраты труда *не сопровождаетъ* моментъ захвата, а *слѣдуетъ* за нимъ по истеченіи нѣкотораго времени: захватывая лѣсную землю, крестьянинъ сначала лишь „зачерчиваетъ“ деревья (т.-е. снимаетъ съ нихъ кольцомъ кору) или даже только дѣлаетъ на нихъ зарубки въ знакъ завладѣнія землею; пока господствуетъ захватная форма въ ея чистомъ видѣ, „чертежъ“ сразу поступаетъ въ исключительное владѣніе „зачертившаго“, и никто другой не имѣетъ права приступать къ его расчисткѣ, хотя бы „чертежъ“ цѣлые десятки лѣтъ оставался безъ дальнѣйшей разработки. Далѣе, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ захватныя формы, вездѣ господствуетъ залежное хозяйство; при чистомъ захватѣ залежи остаются въ исключительномъ владѣніи лицъ, разрабатывавшихъ пашни; они одни имѣютъ право и вновь распахивать залежи, и косить растущую на нихъ траву. На этихъто пунктахъ начинаются ограниченія захватнаго права: и „чертежи“ и залежи мало-по-малу перестаютъ быть исключительною принадлежностью отдѣльныхъ лицъ и становятся общимъ достояніемъ. *Элементы захвата постепенно отпадаютъ* и *остается одно только чисто-трудовое пользованіе* [1]). Происходитъ „процессъ ограниченія права на захваченные участки въ пользу права захватывать“, состоящій „въ постепенномъ оспариваніи такихъ захватныхъ владѣній, которыя недостаточно основывались на затратѣ труда“,—во „все болѣе точномъ сведеніи захватнаго владѣнія къ трудовому основанію“ [2]). При долговременномъ оставленіи „чертежей“ безъ дальнѣйшей разработки возникаетъ предположеніе, что „зачертившій“ и не собирается приступить къ ихъ расчисткѣ, и расчистка такихъ оставленныхъ „чертежей“ становится свободною для всѣхъ. Затѣмъ появляются опредѣленные, 15—10-лѣтніе сроки, мало-по-малу сокращающіеся до 5, 4, 3 лѣтъ; наконецъ, исчезаютъ всякіе сроки, и „зачерчиваніе“ само по себѣ совершенно перестаетъ обосновывать право на владѣніе землей: „на зачерчиваніе не глядятъ,— другой смѣло

[1]) Сибир. общ., 73—74.
[2]) *Качоровскій*, 136.

заѣзжаетъ въ чужой „чертежъ“, ибо труда тутъ никакого не вложено. ... „Естественно,—говоритъ по этому поводу М. М. Дубенскій, — что чѣмъ неограниченнѣе пространство свободныхъ и удобныхъ для культуры земель, тѣмъ менѣе основанія ограничивать дѣйствія отдѣльнаго лица различными условіями, необходимыми для закрѣпленія его права на данный участокъ; огороженный участокъ можетъ стоять тогда долгіе годы незастроеннымъ, опаханная полоса — неразработанной, зачерченный лѣсъ — не вырубленнымъ, и, тѣмъ не менѣе, никто не станетъ оспаривать права на участокъ его первоначальнаго заимщика. Иное дѣло, если въ землѣ ощущается недостатокъ; тогда для возникновенія права владѣнія *моментъ захвата* считается уже недостаточнымъ, а требуется еще *дѣйствительное пользованіе* путемъ приложенія къ захваченному участку труда. Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самый короткій, обыкновенно едва только достаточный для того, чтобы пользованіе осуществилось, въ противномъ же случаѣ участокъ становится свободнымъ, и захватить его можетъ всякій желающій“. Такимъ образомъ *начало* владѣнія пашней мало-по-малу переносится отъ момента *захвата* къ моменту дѣйствительной *разработки* [1]). К. Р. Качоровскій различаетъ въ этомъ процессѣ ограниченія момента начала захвата три фазиса: „1) прежде всего начинаетъ отрицаться захватъ чисто-символическій — въ степи постановка знака, въ лѣсу — зарубки на деревьяхъ, занятіе угодій, просто только близкихъ къ заимкѣ; потомъ 2) устанавливается захватъ началомъ обработки: опахиваніемъ вокругъ степного участка и „зачерчиваніемъ“ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ и 3) наконецъ, это считается не достаточнымъ, и захватное право устанавливается только первою полною разработкой — вспашкой въ степи и вырубкой деревьевъ въ лѣсу“ [2]). Насколько правильна эта классификація, я—за отсутствіемъ конкретныхъ указаній—затрудняюсь сказать.

Аналогичный процессъ происходитъ и по отношенію къ моменту *прекращенія* владѣнія, который постепенно приводится къ моменту прекращенія *фактическаго пользованія*. Процессъ этотъ также происходитъ съ большею постепенностью. Во многихъ общинахъ Томской губерніи отъ владѣльцевъ пашенъ отходитъ, прежде всего, исключительное право на пользованіе растущею на залежахъ травою. Что̀ касается до исключительнаго права на *распашку* отдохнувшихъ залежей, то оно вначалѣ только ограничивается опредѣленнымъ, 20 или 15-лѣтнимъ срокомъ; продолжительный срокъ пребыванія въ залежи разсматривается какъ „болѣе или менѣе несомнѣнное доказательство того, что хозяинъ пересталъ интересоваться землею, отказался отъ своихъ правъ на

[1]) Сибир. общ., 74—75.
[2]) *Качоровскій*, 142—143.

нее, слѣдовательно, она теперь ничья, и кто хочетъ—можетъ ее себѣ присвоить путемъ вторичной расчистки" (Личковъ). Нерѣдко, ограждая право на залежи, расчищенныя изъ-подъ лѣса, община допускаетъ захватъ кѣмъ угодно заброшенныхъ степныхъ пашенъ, не требовавшихъ расчистки; иногда допускается захватъ залежей, лежащихъ уединенно, но не допускается захватъ залежей, расположенныхъ вблизи „мягкихъ" пашенъ тѣхъ же владѣльцевъ. Но мало-по-малу всѣ эти различія сглаживаются; въ то же время срокъ исключительнаго права на свою залежь постепенно сокращается отъ 15—20 до 3 лѣтъ. Мало-по-малу начинаетъ нарушаться и трехлѣтній срокъ: онъ сокращается до двухъ, до одного года,—въ концѣ-концовъ исчезаютъ всѣ сроки, и пашня становится свободной для захвата, лишь только хозяинъ оставилъ ее безъ обработки; хозяинъ, забросившій свою пашню, предполагается уже вознаградившимъ себя за затраченный на расчистку трудъ, и потому заброшенная земля сразу становится общимъ достояніемъ [1]).

---

1) Въ качествѣ *третьяго* ограниченія захватнаго пользованія, на ряду съ сокращеніемъ и уничтоженіемъ правъ на нетрудовой захватъ и на залежи, К. Р. Качоровскій отмѣчаетъ еще „назначеніе максимальнаго опредѣленнаго срока эксплуатаціи" угодій. „Ясно, — говоритъ онъ, — что въ этихъ случаяхъ трудовое право не имѣетъ такого безусловнаго и самодовлѣющаго значенія, не является какимъ-то неприкосновеннымъ „табу", а, напротивъ, само подвергается анализу и критикѣ и взвѣшивается на однихъ вѣсахъ съ общимъ правомъ на захватъ, на трудъ". Дѣло въ томъ, что „хотя трудъ, вложенный въ землю, и не выдѣлимъ изъ нея, но, во-первыхъ, онъ является причиной не всей цѣнности этой земли, и, во-вторыхъ, онъ погашается своими полезными результатами; такъ что каждый вложившій въ землю трудъ имѣетъ въ силу того право, въ сущности, не на самую эту землю, а только на тѣ измѣненія въ ней, которыя явились результатомъ соединенія взаимодѣйствія труда и земли. Значитъ, всякая затрата труда, какъ бы она ни была долга и велика, пріобрѣтаетъ землю не навсегда, или пока продолжается, а лишь до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ земли, въ видѣ полезныхъ продуктовъ, всего своего разультата" (Качоровскій, 145—146). Однако, г. Качоровскій подтверждаетъ существованіе срочнаго захватнаго владѣнія, какъ одной изъ переходныхъ формъ отъ чистаго захвата къ уравнительному пользованію, лишь очень немногими примѣрами, изъ которыхъ только небольшая часть, дѣйствительно, относится къ дѣлу. Таковыми являются наблюдаемые въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мелитопольскаго уѣзда случаи, гдѣ „установленъ былъ 3-лѣтній срокъ владѣнія пашней, послѣ чего ее могъ занять другой домохозяинъ", или нѣкоторыя общины Царицынскаго уѣзда, гдѣ „послѣ двукратнаго посѣва на участкѣ его могъ занять всякій членъ общины" (147). Со своей стороны, я могу назвать еще пару примѣровъ изъ Донской области: Раздорскую станицу, гдѣ общество „постановило приговоромъ, чтобы каждый участокъ земли, въ чьемъ бы пользованіи онъ ни находился, по истеченіи трехъ лѣтъ снова становился общественнымъ, при чемъ всякій имѣлъ бы право захватить его"; въ Гундуровской станицѣ „запаханною разъ землею хозяинъ пользуется три года на правѣ неприкосновенной собственности (sic), т.-е. онъ снимаетъ съ нея первый яровой хлѣбъ, снимаетъ старыя озими по наволоку и затѣмъ на третій годъ скашиваетъ залежную траву, — тогда уже земля становится снова общественною" (*Харузинъ*, 19—20). Другіе примѣры, приводимые г. Качоровскимъ, или сомнительны, или явно не относятся къ дѣлу. Г. Качоровскій упоминаетъ о „нѣкоторыхъ общинахъ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, гдѣ сохрани-

Одновременно съ ограниченіемъ правъ на „чертежи“ и залежи, община постепенно стѣсняетъ отдѣльныхъ лицъ и въ ихъ неограниченномъ прежде правѣ на *отчужденіе* захваченной земли и на передачу по наслѣдству: отчужденіе начинаетъ признаваться дѣйствительнымъ лишь при наличности такихъ условій, когда владѣніе можетъ быть пріобрѣтено и помимо купли - продажи; такихъ условій, какъ согласіе общества, приложеніе труда и т. п.,—и въ концѣ-концовъ общество и волостной судъ приходятъ къ совершенному игнорированію сдѣлокъ купли - продажи, считая такія сдѣлки, съ точки зрѣнія обычая, незаконными.

Въ результатѣ очерченныхъ измѣненій *чисто-захватная форма и переходитъ въ иную форму*, которую мы будемъ называть *огра-*

лись еще небольшіе лѣсные участки, разрабатываемые по праву захвата“, и гдѣ „міръ оставляетъ захваченные участки въ пользованіи расчистившихъ всего лишь 6—9—12 лѣтъ, на 4 хлѣба и т. д.“. Но вѣдь здѣсь эти свободно разрабатываемые лѣсные участки существуютъ *параллельно съ издавнимъ душевымъ пользованіемъ*,—мы имѣемъ, значитъ, дѣло не съ срочнымъ захватомъ, какъ одною изъ формъ перехода отъ чистаго захвата къ уравнительному пользованію, а съ особымъ порядкомъ пользованія расчистною землей, установляемымъ при существованіи уравнительнаго пользованія. Затѣмъ г. Качоровскій говоритъ о лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири и сѣвера Европейской Россіи, гдѣ „особенно часто устанавливается 40-лѣтній срокъ владѣнія захваченными участками“; однако, въ подтвержденіе этого своего указанія г. Качоровскій можетъ сослаться лишь на одну, для настоящаго времени совершенно устарѣлую, статью К. П. Михайлова, относящуюся къ Забайкальской области. Въ трудахъ изслѣдователей землепользованія и хозяйства крестьянъ въ Сибири г. Качоровскій едва ли могъ бы найти подтвержденіе своей мысли: льготные сроки пользованія расчистками, какъ мы увидимъ ниже, въ Сибири дѣйствительно, весьма распространены, но именно въ качествѣ *льготныхъ* сроковъ. То же самое можно сказать и о сѣверѣ Европейской Россіи; изъ работы г. Большакова совершенно ясно видно, что и здѣсь рѣчь идетъ о льготныхъ срокахъ пользованія расчистными землями, по истеченіи которыхъ эти земли включаются въ общій передѣлъ (Большаковъ, 54 и сл.). Когда наступаетъ малоземелье, тогда для нуждающейся въ землѣ части общественниковъ „не составляетъ большой трудности понять, что затрата труда на расчистку не настолько велика, чтобы не могла когда-нибудь окупиться, а разъ это такъ, дальнѣйшее исключительное владѣніе участками, разработка которыхъ окупилась, является, по ихъ мнѣнію, настолько же несправедливою, какъ, напр., захватъ природныхъ сѣнокосовъ“. Аргументація, какъ видитъ читатель, совершенно совпадающая съ тою, изъ которой К. Р. Качоровскій выводитъ свой „срочный захватъ“. Совпадаетъ, на первый взглядъ, и выводъ: „каждый можетъ разработать участокъ земли и пользоваться имъ, пока не окупятся расходы по разработкѣ; послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше“. Но изъ дальнѣйшаго совершенно ясно, что рѣчь идетъ здѣсь совершенно о другомъ: срочное пользованіе расчистками не переходная форма пользованія, *предшествующая* передѣлу, а форма, *сопутствующая* послѣднему: „устанавливаемыми сроками, просто, вся земля разбивается на двѣ группы—передѣляемую и непередѣляемую“ (56). Въ *такомъ* видѣ срочное пользованіе расчистками — явленіе чрезвычайно распространенное. Но въ *такомъ* видѣ это срочное пользованіе — одна изъ многихъ мѣръ, принимаемыхъ передѣльною общиной, чтобы согласовать уравнительный принципъ съ трудовымъ правомъ и хозяйственнымъ интересомъ, а вовсе не переходная форма, стоящая между чистымъ захватомъ и уравнительнымъ пользованіемъ, не форма, предшествующая послѣднему.

ниченнымъ захватомъ [1]). „Эта форма, какъ и захватная (= чистый захватъ), основана на принципѣ труда, но въ отличіе отъ захватной — безъ комбинаціи этого принципа съ принципами первоначальнаго захвата, давности и наслѣдованія: *при господствѣ захватной формы, общинникъ, вложившій свой трудъ въ землю, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ вѣчное право владѣнія этою землею; при захватно-общинномъ* (= ограниченный захватъ) *пользованіи общинникъ имѣетъ право на землю лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ прилагать къ ней свой трудъ*; какъ только онъ „выпуститъ землю изъ рукъ", она опять становится общественнымъ достояніемъ, и каждому общиннику предоставляется, буде онъ пожелаетъ и найдетъ для себя выгоднымъ, встать къ ней въ тѣ же чисто-трудовыя отношенія". Такое опредѣленіе „захватно-общиннаго" пользованія или ограниченнаго захвата, какъ промежуточной формы между чистымъ захватомъ и общинно-уравнительнымъ пользованіемъ, данное пишущимъ эти строки въ 1893 г., вполнѣ подтверждается работами гг. Дубенскаго и Филимонова: „характернѣйшимъ признакомъ,—говоритъ г. Дубенскій,—знаменующимъ переходъ захватной формы въ захватно-общинную, служитъ то обстоятельство, что обычно-правовымъ титуломъ индивидуальнаго владѣнія является уже не *захватъ*, а фактическое, непосредственное *пользованіе*"; захватъ остается „лишь моментомъ, сопутствующимъ или, правильнѣе, нѣсколько предшествующимъ непосредственному приложенію къ данному участку труда по его эксплуатаціи", и, слѣдовательно, „*владѣніе возникаетъ одновременно съ проявленіемъ фактическаго пользованія и одновременно съ его прекращеніемъ прекращается*". Совершенно тожественно по существу и опредѣленіе г. Филимонова: „заимочная" форма (= чистый захватъ) переходитъ въ такую форму, „при которой участокъ земли, взятый или захваченный подъ обработку, находится... во временномъ пользованіи земледѣльца, а именно *до тѣхъ поръ, пока послѣдній обрабатываетъ* захваченный имъ участокъ; въ противномъ же случаѣ, на основаніи правила „тотъ не владѣлецъ, кто не пахарь", земельный участокъ „захватывается" какимъ-либо инымъ земледѣльцемъ и тотчасъ же поступаетъ въ пользованіе этого новаго захватчика".

Итакъ, первоначальная форма владѣнія землей, чистый захватъ, постепенно смѣняется другою формой, въ основѣ которой лежитъ исключительно *одно только трудовое начало*. Какъ выяснено, преимущественно при изслѣдованіи общинныхъ порядковъ Енисейской губерніи, эта смѣна формъ связана съ глубокими измѣненіями въ народномъ правосознаніи. Что въ случаяхъ спора между лицомъ, первоначально захватившимъ землю, но не разработавшимъ ея, и лицомъ, позднѣе вложившимъ въ нее свой трудъ, преимущество начинаетъ отдаваться этому послѣднему,—

[1]) Сиб. община, 76—79.

это ясно изъ самаго опредѣленія ограниченнаго захвата; но и независимо отъ этого, совершенно измѣняется отношеніе крестьянскаго міра и выразителя его воззрѣній—волостного суда, къ вопросу о вознагражденіи за затраченный на обработку спорнаго участка трудъ: пока господствуетъ чисто-захватное начало, „право отвѣтчика требовать отъ истца вознагражденія за обработку угодья, признаннаго судомъ принадлежащимъ послѣднему, ограничивается только тѣми случаями, когда отвѣтчику удастся доказать, что онъ обработалъ чужой участокъ по ошибкѣ или, при лучшихъ обстоятельствахъ, когда истцу не удастся доказать, что захватъ произведенъ отвѣтчикомъ съ явной злонамѣренностью", завѣдомо. Когда чистый захватъ смѣняется ограниченнымъ, когда трудъ, такимъ образомъ, становится единственнымъ основаніемъ самого права на владѣніе землей,—волостной судъ вознаграждаетъ отвѣтчика за труды независимо отъ того, началъ ли онъ обрабатывать спорное угодье по ошибкѣ или даже съ несомнѣннымъ знаніемъ, что оно находится уже въ пользованіи другаго лица.

Для насъ, однако, гораздо важнѣе другая сторона дѣла: именно, что разсматриваемая форма имѣетъ уже вполнѣ опредѣленный *общинный* характеръ. Правда, община выступаетъ активно лишь въ то время, когда ограниченный захватъ только еще начинаетъ складываться, когда притязанія безземельныхъ и малоземельныхъ общественниковъ на чужіе „чертежи" и „залежи" встрѣчаютъ рѣзкій отпоръ со стороны ихъ владѣльцевъ, опирающихся на свое захватное право; *въ это время* общинѣ, какъ цѣлому, приходится вступаться въ дѣло и принуждать владѣльцевъ залежей и „чертежей" уступать ихъ нуждающимся въ землѣ общественникамъ. Когда, напротивъ, принципы новой формы землепользованія достаточно упрочились въ сознаніи крестьянства, тогда каждый общественникъ уже знаетъ взглядъ общины и волостного суда, и потому владѣлецъ залежей и „чертежей" уступаетъ ихъ, не доводя дѣла до обсужденія на сходѣ или до разбирательства на судѣ; каждый индивидуальный случай пользованія возникаетъ и прекращается уже помимо непосредственнаго вѣдома общины, на основаніи факта приступа къ обработкѣ пустопорожнихъ или брошенныхъ земель, или факта прекращенія обработки.

Тѣмъ не менѣе, именно при этой формѣ землепользованія общинное начало впервые выступаетъ съ полною ясностью и опредѣленностью: прежде всего, каждый общественникъ имѣетъ уже одинаковое съ другими право на каждый клочокъ невоздѣлываемой въ данный моментъ земли,—право, болѣе не стѣсняемое исключительными правами, принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, заимщикамъ. Съ другой стороны, индивидуальный захватъ имѣетъ за собой уже успѣвшую проявиться въ рядѣ случаевъ, регулирующую дѣятельность общины; и эта послѣдняя, не вмѣшиваясь въ распредѣленіе угодій между отдѣльными лицами, пока все идетъ тихо и гладко, тотчасъ же выступаетъ впередъ, какъ

только происходитъ какое-либо отступленіе отъ нормальнаго порядка: міръ вмѣшивается, если кто вздумаетъ, по старой памяти, продать своею землю; міру жалуются тѣ, кого не пускаютъ распахивать свободныя залежи или кого „опахали“ „не по праву и справедливости“, и въ результатѣ міръ начинаетъ все болѣе чувствовать свою силу и значеніе. Нельзя поэтому не согласиться съ мнѣніемъ г. Филимонова, что ограниченный захватъ „есть та первоначальная школа, въ которой впервые вырабатываются принципы мірского землепользованія, вырабатывается мірская совѣсть, пріобрѣтается вліяніе міра надъ своими членами и укрѣпляется связь послѣднихъ съ первымъ“.

Борьба между чистымъ и ограниченнымъ захватомъ составляетъ главное содержаніе эволюціи землепользованія въ большей части того обширнаго края, на который распространились сибирскія изслѣдованія 1887 — 1892 гг. При этомъ только въ Иркутской губерніи чистый захватъ въ эпоху изслѣдованій стоялъ еще довольно твердо, а форма ограниченнаго захвата сдѣлала сравнительно небольшіе успѣхи,—и обстоятельство это вполнѣ объясняется преобладаніемъ здѣсь расчищенныхъ изъ-подъ лѣса пашенъ, — условіемъ, какъ ясно изъ предыдущаго, очень увеличивающимъ шансы владѣльцевъ захватныхъ пашенъ и залежей. Въ Енисейской губерніи чисто-захватное владѣніе пашнями уже почти всюду уступило или уступаетъ мѣсто ограниченному захвату; первое наблюдается лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ,—но и здѣсь изслѣдованіе считаетъ „участь этой формы, въ принципѣ, рѣшенной“; съ другой стороны, однако, въ Енисейской губерніи весьма немного и мѣстностей, гдѣ уже окончательно установилась бы форма ограниченнаго захвата, въ большинствѣ же случаевъ, еще очень замѣтны слѣды переживанія болѣе ранней формы, чистаго захвата. То же самое можно сказать и о ближайшей къ границѣ Енисейской губерніи части Томской губерніи: здѣсь изслѣдованіе только въ одной волости застало крѣпкое еще чисто-захватное владѣніе, — преобладаютъ разныя переходныя формы, а въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска—вполнѣ установившійся ограниченный захватъ.

Въ кабинетской части Томскаго уѣзда форма чистаго захвата тоже уже почти исчезла, и только „воспоминанія о ней кое-гдѣ сохранились“; въ большинствѣ общинъ этого района „право домохозяина на землю прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ обработки, а возникаетъ съ момента перваго приложенія къ ней труда“,—значитъ окончательно утвердился ограниченный захватъ. Въ 60 селеніяхъ „хозяинъ, переставшій распахивать свою полосу, все же сохраняетъ въ теченіе извѣстнаго времени исключительное право на пользованіе ею“,—но только въ смыслѣ кошенія травы на залежи. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, „хотя и признается, что черезъ три года участокъ можетъ быть занятъ другимъ хозяиномъ, но община требуетъ, чтобы былъ спрошенъ прежній хо-

зяинъ, который такимъ образомъ получаетъ какъ бы извѣстное преимущество въ соисканіи на право занятія извѣстнаго участка“ [1]); здѣсь дѣло не пошло, значитъ, дальше извѣстнаго компромисса принциповъ чистаго и принциповъ ограниченнаго захвата, съ явнымъ преимуществомъ въ пользу первыхъ, — мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ *правомъ стараго хозяина* оставить пашню за собою. Далѣе, ограниченный захватъ является самою распространенною формой пользованія и въ изслѣдованной г. Филимоновымъ сѣверо-западной части Каинскаго уѣзда (а вѣроятно—и въ прилегающей къ нему юго-восточной части Тобольской губ.), хотя и здѣсь сохранилось не мало остатковъ чистаго захвата. Наконецъ, земледѣльческій сѣверъ и юго-западъ Тобольской губерніи—уже область господства общинно-уравнительной формы; въ нѣкоторыхъ волостяхъ сравнительно болѣе богатаго землею Ишимскаго уѣзда держится ограниченный захватъ, а недавно существовали еще и чисто-захватныя формы, о которыхъ у населенія сохранилось вполнѣ отчетливое воспоминаніе; напротивъ, въ Курганскомъ даже ограниченный захватъ извѣстенъ—и то лишь въ немногихъ волостяхъ—только по воспоминаніямъ, а о чистомъ захватѣ самое преданіе настолько изгладилось изъ народной памяти, что изслѣдовавшій этотъ уѣздъ, покойный Осиповъ, даже отрицаетъ самую возможность чего-либо похожаго на тотъ складъ земельныхъ отношеній, который мы обозначаемъ этимъ названіемъ [2]).

Разграничить точнѣе районы господства чистаго и ограниченнаго захвата нѣтъ возможности да и надобности, такъ какъ самыя эти формы не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкою чертой. Само крестьянство, и главный носитель его правосознанія—волостной судъ, далеко не всегда ясно отличаютъ одну форму отъ другой; характерный примѣръ такого смѣшенія представляетъ записанное мною рѣшеніе одного волостного суда, гдѣ, съ одной стороны, признано право общественниковъ на захватъ и распашку лежащей вблизи заимки истца земли, „какъ уже давно не вспахиваемой“, но съ другой указано, что „отвѣтчики не должны были занимать пашни въ непосредственной близости отъ заимки“, и эти пашни, поэтому, опредѣлено оставить въ пользованіи заим-

---

[1]) Томскій у., 167, 169, 171.

[2]) Сибирская община, 80. Насколько ограниченный захватъ, какъ переходная форма, стоящая между чистымъ захватомъ и уравнительнымъ пользованіемъ, распространена *внѣ Сибири*,—по нашимъ источникамъ трудно опредѣленно сказать. Для вологодскаго сѣвера мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній на ея существованіе; имѣющіяся въ работѣ г. Большакова указанія относятся, повидимому, къ *вольной* формѣ—*не переходной*, а *первоначальной* формѣ пользованія „гладкими“ пашнями. Нѣтъ, повидимому, достаточно опредѣленныхъ указаній и для казачьихъ областей. Вполнѣ ясный характеръ имѣетъ только имѣющееся въ работѣ М. Н. Харузина указаніе относительно стан. Камышевской, гдѣ „казаки постановили, чтобы загонъ, пролежавшій одинъ годъ паромъ, могъ быть всякимъ захваченъ“ (*Харузинъ*, 19).

щика; такимъ образомъ судъ *въ одномъ и томъ же случаѣ* руководился соображеніями, относящимися *къ обѣимъ*, принципіально различнымъ, но на практикѣ нерѣдко перепутывающимся, формамъ землепользованія.

Гораздо чаще случаи другого рода, когда захватное право, теоретически уже не признаваемое общиной, продолжаетъ существовать фактически. Съ такимъ явленіемъ пишущему эти строки приходилось встрѣчаться въ сѣверо-восточной части Томской губерніи; при разспросахъ сходы давали отвѣты, указывавшіе на существованіе ограниченнаго захвата: „у насъ земля вольная, — всякій пашетъ, гдѣ глянется"; „земля общественная,—ежели я полосу пашу, а другой возлѣ съ сохой станетъ, — какъ я могу препятствовать?" „пока я пашу — я хозяинъ, бросилъ пахать — земля общественная". А между тѣмъ фактически—добрая половина общественной земли оставалась захваченной въ черту нѣсколькихъ крупныхъ „занятій" и недоступной для массы общественниковъ, такъ какъ заимщики успѣшно сопротивлялись всякимъ попыткамъ вторженія въ сферу ихъ захвата. „Подъѣзжай къ нему (богачу) съ одной сохой,—жаловались бѣдняки,—а онъ на четырехъ, а то и на шести сохахъ выѣдетъ, да вокругъ тебя опашетъ и заборонитъ,—такъ ты на одномъ загонѣ и остался"... Такимъ образомъ заимщикъ, оставаясь на легальной почвѣ, фактически „выживалъ" всякаго пришельца изъ района своего „занятія". Но заимщики не останавливались и передъ болѣе рѣшительными мѣрами: въ книгахъ волостныхъ судовъ можно найти не мало указаній на драки, ложные доносы „по злобѣ", насильственные захваты запаханной земли и т. п. поступки, а нерѣдко заимщикамъ удавалось найти защиту своихъ притязаній со стороны состоящей по преимуществу изъ богатеевъ волостной администраціи, иногда—и волостного суда.

Нерѣдки и случаи нѣсколько иного типа: когда захватныя владѣнія продолжаютъ фактически существовать, не встрѣчая никакихъ препятствій и не вызывая никакого неудовольствія; это — именно тогда, когда община владѣетъ дальними землями, на которыя бѣднякамъ, да и среднесостоятельнымъ хозяевамъ, „не изъ-за чего ѣхать"; напротивъ, богачи охотно берутъ такія дальнія, обыкновено свѣжія земли и устраиваютъ на нихъ свои заимки; такъ какъ такія дальнія земли не привлекаютъ вниманія массы общественниковъ, то возникшія здѣсь „занятія" остаются нетронутыми, когда на ближайшихъ урочищахъ чисто-захватная форма уже окончательно смѣнилась ограниченнымъ захватомъ [1]).

По мнѣнію Е. С. Филимонова, весьма правдоподобному, хотя и не находящему себѣ достаточно общаго подтвержденія въ добытомъ изслѣдователями фактическомъ матеріалѣ, именно такая двойственность составляетъ и должна составлять общее правило:

[1]) Сибир. общ., 80—81.

„всѣ крупныя заимки,—говоритъ онъ,—лежащія отъ селеній на разстояніи не болѣе 6—7 верстъ, исчезли въ Барабѣ, но зато онѣ сохранились на периферіи дачъ“; процессъ смѣны одной формы другою сводится въ каждой данной общинѣ къ тому, что „волна захвата (=ограниченнаго захвата), начавшаяся въ центрѣ земельной дачи, съ большою стремительностью и силой направляется къ периферіи, разрушая на своемъ пути предшествовавшую заимочную форму землевладѣнія (=чистый захватъ)“, и коренные заимщики нерѣдко бѣгутъ отъ сгущающагося населенія и ищутъ неприкосновенности захвата въ безлюдномъ урманѣ. По вѣрному замѣчанію г. Филимонова, „это бѣгство заимщиковъ на вольныя земли имѣло и имѣетъ величайшее историческое значеніе въ дѣлѣ колонизаціи края и разселенія населенія по территоріи послѣдняго“ [1]).

Обладая, при нѣкоторой степени „утѣсненія“, извѣстными преимуществами передъ чисто-захватнымъ владѣніемъ, ограниченный захватъ связанъ, однако, съ существенными хозяйственными неудобствами: прежде всего, „естественно, что хозяева болѣе сильные и богатые начинаютъ стѣснять въ пользованіи хозяевъ сравнительно слабыхъ и бѣдныхъ, — отбираютъ у послѣднихъ случайно оставшіяся необработанными пашни или „чертежи“, и въ земельныя отношенія вносятся произволъ и безпорядокъ; исчезновеніе ограниченій права распашки пустопорожней земли, прилегающей къ распаханнымъ полосамъ, ведетъ къ учащенію и обостренію споровъ между владѣльцами сосѣднихъ пашенъ; возможность для каждаго захватывать пашню на первый же или второй годъ по оставленіи ея въ залежь ведетъ къ непрерывной, безъ отдыха, эксплуатаціи пашенъ, весьма вредной при мѣстной системѣ полеводства“ (Дубенскій). Что̀ касается требованій равномѣрности, то при извѣстной степени земельнаго простора ограниченный захватъ создаетъ такія же условія, какія ранѣе, при большемъ просторѣ, создавались чистымъ захватомъ: каждый пользуется землею „по трудамъ своимъ“, и если чье-либо фактическое пользованіе незначительно, то обиженному приходится „на себя пенять“, ибо *возможность* расширять свое хозяйство предъ нимъ совершенно открыта. Но настаетъ моментъ, когда всѣ лучшія земли разобраны „по рукамъ“, а доступными для свободнаго захвата остаются лишь земли худшія по почвѣ или истощенныя. Тогда ограниченный захватъ становится столь же стѣснительнымъ для болѣе или менѣе значительной части населенія, какъ когда-то сталъ чистый захватъ. Отсюда — дальнѣйшія вмѣшательства міра въ земельныя отношенія его членовъ и постепенный переходъ отъ ограниченнаго захвата къ формѣ *общинно-уравнительной* или *душевой*, черезъ промежуточную форму *отводовъ*.

---

[1]) Тоже, 82.

Главные недостатки ограниченнаго захвата можно свести — мы видѣли,—къ *непрочности и неравномѣрности* землевладѣнія. Соотвѣтственно этому и отводы имѣютъ двоякій характеръ[1]). имѣя цѣлью, „съ одной стороны, сдѣлать данное владѣніе возможно прочнымъ и безспорнымъ, съ другой — по возможности урегулировать землепользованіе въ количественномъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ *отводами земель, никѣмъ незанятыхъ*, во второмъ—съ тѣмъ, что принято называть *отводами-отрѣзками*“ (Дубенскій). Отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ: сначала община присваиваетъ себѣ только исключительное право распоряжаться такъ называемыми „безродными“, выморочными пашнями; она ограничивается наложеніемъ своего veto только на захватъ земель, никѣмъ не занятыхъ, отводя ихъ по своему усмотрѣнію или въ пожизненное пользованіе, или на неопредѣленный періодъ, или, наконецъ, до „новаго передѣла“ (собственно отвода); на ряду съ выморочными землями отводы распространяются и на залежи и „чертежи“. При такихъ условіяхъ „воздѣйствіе общества на размѣры землепользованія остается, такъ сказать, отрицательнымъ, ибо этимъ путемъ общество можетъ только препятствовать дальнѣйшему росту неравномѣрности“. Однако „разъ только обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя бы только пустующими землями..., онъ неизбѣжно, съ теченіемъ времени, распространяетъ это право уже на всѣ земли безъ изъятія, какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются отводы-отрѣзки“, носящія уже характеръ *частнаго поравненія* [2]). Отводы этого типа—отводы-отрѣзки, или частныя поравненія—простой логическій выводъ изъ отводовъ просто регистрирующихъ или отводовъ

---

1) Г. *Качоровскій* (стр. 156—157) различаетъ четыре главныхъ типа или ступени въ развитіи отводовъ: 1) отводные акты на свободно занимаемые отдѣльными домохозяевами участки, выдаваемые по ихъ личному ходатайству: „въ такихъ случаяхъ община, отводящая участокъ, является просто лишь штемпелюющимъ, такъ сказать, захватъ автоматомъ“. 2) Отводъ, какъ результатъ разбора обществомъ спора по поводу захватываемаго участка; „міръ уже отправляетъ не формальную, нотаріальную, такъ сказать, функцію, а существенную, судейскую“. 3) Отводъ изъ „безродныхъ“ участковъ или изъ отдѣльныхъ угодій общаго района захвата,—„община въ полномъ смыслѣ и прямо распоряжается извѣстными земельными участками, но функція эта имѣетъ, такъ сказать, половинное значеніе, такъ какъ община только даетъ, надѣляетъ этими участками, но не отбираетъ ихъ“. 4) Отводъ земель отъ однихъ хозяевъ другимъ—это уже „извѣстное перераспредѣленіе земли, т.-е., несомнѣнно, грубая, зачаточная форма общинно-передѣльнаго владѣнія“. Типы 1, 3 и 4 не вызываютъ возраженій. Но выдѣлять особый 2-ой типъ и притомъ ставить его послѣ 1-го едва ли правильно: община можетъ выступать въ судейской функціи и независимо отъ начинающейся эволюціи отъ захвата къ уравнительному пользованію. Самъ г. Качоровскій, какъ мы видѣли выше, констатируетъ выступленіе міра въ судейской функціи и при чистомъ захватѣ, и въ такомъ выступленіи видитъ—на мой взглядъ неосновательно—проявленіе, при господствѣ чистаго захвата, момента общиннаго распоряженія землею.

2) Сибир. община, 82—84.

за счетъ района общаго захвата. Отводы этого послѣдняго типа, по мѣткому замѣчанію К. Р. Качоровскаго [1]), сдѣлавшись общимъ правиломъ, „начинаютъ имѣть уже, такъ сказать, обратное дѣйствіе: такъ какъ для каждаго лично-захватнаго владѣнія требуется санкція общиннаго отвода, то захватныя владѣнія, возникшія *безъ* такого отвода, начинаетъ считаться общиною принципіально-неправильными, не имѣющими полной силы, и потому въ отдѣльныхъ случаяхъ особенной сомнительности правъ захватчиковъ или нужды въ землѣ другихъ семей такіе участки община начинаетъ частью отбирать и отводить другимъ".

Отводы-отрѣзки, въ свою очередь, распространяются медленно и съ большою постепенностью: дѣло начинается съ отдѣльныхъ случаевъ отрѣзокъ отъ тѣхъ, у кого, по мнѣнію общества, захвачено слишкомъ много, и отводовъ тѣмъ, у кого земли явно недостаточно или чаще—совершенно безземельнымъ; во всѣхъ случаяхъ отводовъ-отрѣзковъ „фигурируютъ два мотива: съ одной стороны, особенно острая нужда въ данномъ участкѣ, за невозможностью найти подходящій свободный участокъ, для того, кому отводятъ, и съ другой—сравнительная ненужность этого участка фактическому его владѣльцу" [2]). Отрѣзки вначалѣ дѣлаются „глазомѣрно", на основаніи близкаго знакомства міра съ размѣрами землевладѣнія каждаго общественника; въ Курганскомъ уѣздѣ сохранилось еще воспоминаніе о времени, когда „отрѣзали землю отъ тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ было много земли, причемъ не соображались ни съ качествомъ земли, ни съ количествомъ душъ какъ у тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ производили отрѣзки, такъ и у тѣхъ, въ пользу которыхъ эти отрѣзки дѣлались, лишь бы безъ пашни не остались". Община, обыкновенно, ждетъ просьбы отдѣльныхъ домохозяевъ, заинтересованныхъ въ такого рода отрѣзкахъ: „просящій указываетъ, большею частью, на такой-то участокъ, который онъ просилъ бы отрѣзать для него отъ другого, приводитъ свои соображенія, почему этотъ участокъ ему такъ необходимъ, и почему онъ для нынѣшняго владѣльца ненуженъ. Тотъ, у кого хотятъ произвести отрѣзку, обыкновенно возражаетъ, что у него земли совсѣмъ не такъ много или даже очень мало, что она ему не лишняя, а напротивъ, очень нужна, и проч."; рѣшеніе вопроса нерѣдко зависитъ отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, а иногда отъ „угощенія" (Личковъ). Нерѣдко такія случайныя отрѣзки дѣлаются очень несправедливо и не только не уменьшаютъ, но даже усиливаютъ неравномѣрность распредѣленія земли. Иногда первыя отрѣзки являются актомъ мести или дисциплинарною мѣрой противъ чѣмъ-либо провинившихся передъ общиной лицъ. Одинъ общественникъ по какому-то поводу „поднялъ шумъ и началъ оскорблять многихъ

[1]) *Качоровскій*, 153.
[2]) Тожѣ, 157.

лицъ изъ общества, *тѣмъ самымъ и возбудилъ вопросъ о самовольно загороженной въ большомъ количествѣ лѣсной заросли* (курсивы мои. А. К.), примѣрно около восьми десятинъ"; онъ же „постоянно въ обществѣ производитъ шумъ, безпорядки и наноситъ каждому почти оскорбленія", почему сходъ, „*имѣя въ виду неравенство размѣра занимаемой имъ земли*, какъ лѣсной, такъ и сѣнокосной, постановили... лѣсную заросль и покосъ раздѣлить между обществомъ поровну для уравненія къ отбыванію въ равенствѣ повинностей". По другому приговору общество постановляетъ отобрать покосъ у одного крестьянина изъ ссыльныхъ „*за неповиновеніе обществу* и неплатежъ мірскихъ повинностей, и взамѣнъ того дать ему другой, нечищеный" [1]). Очевидно, въ такого рода случаяхъ община не очень задумывалась надъ соображеніями уравнительности и т. п...

Тѣмъ не менѣе, уже и такія отрѣзки, хотя и безпорядочныя и дурно организованныя, имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ являются вполнѣ опредѣленными и несомнѣнными проявленіями власти міра, какъ верховнаго распорядителя и распредѣлителя общинной земли.

Отрѣзки, повторяю, начинаются обыкновенно съ единичныхъ, болѣе или менѣе нерѣшительныхъ попытокъ, и постепенно учащаются. Дѣйствіе послѣдовательныхъ отрѣзокъ можетъ быть уподоблено работѣ струга, который сначала срѣзываетъ только наиболѣе значительныя неровности, затѣмъ начинаетъ захватывать и болѣе мелкія и постепенно превращаетъ неровную поверхность въ совершенно гладкую. Параллельно съ учащеніемъ отрѣзокъ, онѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе точный характеръ; прибылыя души начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ числомъ десятинъ, малоземельнымъ добавляютъ недостающее до той же нормы, а отрѣзки, хотя и производимыя, попрежнему, „глазомѣрнымъ" порядкомъ, постепенно подгоняютъ къ той же нормѣ и землепользованіе многоземельныхъ; такимъ образомъ, постепенно, безъ рѣзкаго скачка, устраняется всякій *явный*, бросающійся въ глаза, избытокъ или недостатокъ въ землѣ. Производство правильнаго передѣла тогда является только вопросомъ времени, такъ какъ передѣлъ является уже только способомъ болѣе полнаго достиженія той цѣли, которая въ значительной мѣрѣ достигнута дѣйствіемъ системы постепенныхъ отрѣзокъ [2]).

Въ другихъ случаяхъ (преимущественно въ Иркутской губерніи и въ Каинскомъ уѣздѣ) отрѣзки сосредоточиваются къ *одному* моменту и производятся на основаніи *одного* общественнаго приговора, — получается „*общее поравненіе*". Такое поравненіе происходитъ путемъ отрѣзки отъ тѣхъ, „у кого сообразно числу его душъ земли много", и отвода тѣмъ, у кого земли „противъ

[1]) З.-Сибир., XVIII, 280, 285.
[2]) Сиб. община, 85—86.

душъ не хватаетъ"; все уравненіе „основывается на показаніяхъ относительно количества земель, данныхъ на сходѣ самими владѣльцами и ихъ сосѣдями по пашнѣ, при чемъ тѣмъ, у кого не хватаетъ земли до нормы, предоставлено право „разыскивать себѣ землю". Намѣтивъ хозяина съ лишней землей, проситель „заявляетъ объ этомъ сходу, большею частью выставляетъ извѣстное количество вина и получаетъ отводный актъ на указанный участокъ". За отрѣзкою оказавшихся излишковъ, остальная земля каждой данной семьи „оставалась та же, какою она владѣла и раньше; прибавка, въ свою очередь, дѣлалась къ тому количеству и той самой землѣ, которою хозяинъ владѣлъ и раньше; иначе говоря, коренные участки оставались у каждаго на своихъ мѣстахъ, и только отрѣзки переходили изъ рукъ въ руки, мѣняли своихъ хозяевъ". „Поравненіе", однако, было далеко не полнымъ: „нѣкоторыми были скрыты излишки, другіе не дополучили, и имъ предоставлено было только право „доглядывать за другими, нельзя ли у нихъ открыть излишекъ, которымъ бы можно было покрыть недостающее до нормы; качественнаго уравненія, обыкновенно сопровождающаго коренные передѣлы, тоже не было". Такимъ образомъ, и такія общія поравненія „представляютъ собой все-таки весьма несовершенныя передѣльныя формы, являются не болѣе и не менѣе, какъ тѣми же отводами, только распространяющимися на всѣхъ членовъ общины, унормированными и введенными въ систему" (Личковъ). Въ Енисейской губерніи (и въ сѣверо-восточной части Томской) дѣло нигдѣ не дошло еще даже до этой несовершенной формы, „общаго поравненія", а въ Иркутской такія „поравненія", по даннымъ изслѣдованія, производились, главнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ Верхоленскомъ уѣздѣ; въ южной полосѣ губерніи общія поравненія отмѣчены всего въ двухъ десяткахъ общинъ, — переходъ же къ болѣе правильнымъ формамъ общаго передѣла для всего обширнаго пространства, лежащаго къ востоку отъ Томска, есть еще дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго [1]).

---

[1]) Не вполнѣ ясною остается послѣдовательность эволюціи въ Забайкальской области. Авторъ монографіи о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ, г. Кроль, настаиваетъ на томъ, что эта эволюція представляетъ существенныя особенности по сравненію съ тою, какая наблюдалась въ лежащихъ къ западу отъ Байкала частяхъ Сибири. Прежде всего, въ Забайкальѣ очень мало распространена, въ частности у крестьянъ и у казаковъ, окончательно выработанная форма ограниченнаго захвата, при которой пашня становится свободною для захвата сейчасъ же послѣ того, какъ она оставлена въ залежь: „по общему правилу,—говоритъ г. Кроль,—вездѣ, гдѣ существуетъ срокъ залежности, онъ не меньше трехъ лѣтъ, т.-е. времени, большею частью достаточнаго для того, чтобы земля отдохнула"; и, напротивъ, „случаи, когда брошенною пашней тотчасъ же или черезъ годъ послѣ оставленія въ залежи можетъ воспользоваться другой, насчитываются единицами, и значенія въ исторіи крестьянскаго землепользованія они имѣть не могутъ". Столь же рѣдко, по словамъ г. Кроля, встрѣчается у забайкальскихъ крестьянъ, по отношенію къ пашнямъ, форма „частныхъ поравненій", и это потому, что „установившійся обычай

Кромѣ такого постепеннаго перехода отъ захватнаго пользованія къ несовершеннымъ формамъ „частнаго“ или „общаго поравненія“ и уже отъ нихъ—къ правильному передѣлу, общинно-уравнительное пользованіе иногда возникаетъ и инымъ путемъ: передѣлъ совершается *сразу* и достаточно точнымъ способомъ, но лишь по отношенію къ *части* пахотныхъ земель. Такъ, въ передѣлъ нерѣдко пускаются только тѣ пашни, по отношенію къ которымъ общинѣ совершенно не приходится считаться съ захватными правами отдѣльныхъ лицъ. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, бывали случаи, что община пускала въ раздѣлъ оставшіяся въ ея распоряженіи выморочныя пашни. Гораздо чаще случаи раздѣла подъ пашню земель, раньше имѣвшихъ другое назначеніе и безспорно состоящихъ въ распоряженіи міра—таковъ рядъ

считать пашню по снятіи городьбы или по истеченіи срока залежности, свободною для всѣхъ въ значительной степени дѣлаетъ излишними отводы-отрѣзки“ (*Кроль*, 53, 82 — 84, 162). Набросавъ, затѣмъ, картину постепеннаго упадка захватныхъ формъ, какъ она рисуется по преимуществу на основаніи данныхъ, собранныхъ въ другихъ частяхъ Сибири, г. Кроль (83 — 84) замѣчаетъ: „подобной картины въ Забайкальѣ нарисовать нельзя. Въ Забайкальской области форма пользованія пашнями, при которой владѣніе прекращается съ прекращеніемъ самого пользованія, почти нигдѣ не зарегистрирована. Отводы и отрѣзки пашенъ, какъ формы, сопутствующія захватному пользованію, также представляютъ въ Забайкальѣ большую рѣдкость, а между тѣмъ почти въ половинѣ крестьянскихъ селеній практикуются уже поравненія или чистыя, или рядомъ съ захватными формами“. Если бы указанная въ текстѣ схема эволюціи отъ захватныхъ формъ была вѣрна, то „на рубежѣ этихъ формъ, самыхъ распространенныхъ въ Забайкальѣ, должны были бы размѣститься многочисленные случаи захватно-общиннаго (=ограниченный захватъ) пользованія пашнями, симптомы подготовляющихся исподволь новыхъ поравненій и передѣловъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было отмѣчено“, а потому забайкальскія данныя, по мнѣнію г. Кроля, въ значительной мѣрѣ подрываютъ упомянутую схему.

Соображенія г. Кроля не исключаютъ, однако, возможности сомнѣнія. Прежде всего, неубѣдительно даваемое имъ объясненіе малой распространенности въ Забайкальѣ частныхъ поравненій: вѣдь захватъ, ограниченный срокомъ залежности или даже прекращающійся вмѣстѣ съ фактическимъ пользованіемъ, весьма распространенъ и въ другихъ частяхъ Сибири; если тамъ существованіе этихъ формъ не помѣшало большому развитію отводовъ-отрѣзокъ, то трудно видѣть *именно въ этихъ* формахъ причину малой распространенности частныхъ поравненій въ Забайкальѣ. Затѣмъ, и самый фактъ малой распространенности частныхъ поравненій не достаточно твердо установленъ. Приводимые въ текстѣ работы г. Кроля (53, 84, 97, 99, 162) случаи „частныхъ поравненій“ пашенъ, правда, немногочисленны, но г. Кроль, какъ онъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, вовсе не стремился дать исчерпывающаго обзора фактовъ и приводилъ таковые лишь въ видѣ примѣровъ, иллюстрирующихъ тѣ или другія общія положенія; приложенныя же къ его работѣ „текстовыя таблицы“, очевидно, не полны, такъ какъ въ нихъ не показаны даже тѣ случаи „частныхъ поравненій“, о которыхъ упоминается въ текстѣ. Затѣмъ, приводимые г. Кролемъ конкретные факты относятся почти исключительно къ *настоящему* или *недавно—прошедшему* времени. Что касается до *болѣе давнихъ* случаевъ перехода къ уравнительному пользованію, то „населеніе совсѣмъ не помнитъ или очень смутно помнитъ эти передѣлы, и потому не можетъ объяснить, были ли это дѣйствительно передѣлы, или только общія, а быть-можетъ, *даже и частныя поравненія*“ (193). Возможно, что при пер-

отмѣченныхъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Сибири случаевъ передѣла такъ называемыхъ „выгородокъ“, выдѣленныхъ изъ огороженнаго присельнаго выгона. Съ другой стороны, постепенность перехода къ душевому пользованію опредѣляется нерѣдко свойствами передѣляемыхъ и остающихся въ свободномъ пользованіи угодій. Иногда въ передѣлъ пускается только сравнительно небольшая часть общинныхъ земель, по условіямъ почвы или мѣстоположенія исключительно пригодная для той или другой, особо-доходной культуры: такой смыслъ имѣютъ, напримѣръ, обычные въ конопляномъ районѣ Ишимскаго уѣзда передѣлы коноплянниковъ, при свободномъ пользованіи всѣми другими пашнями [1]). Такой же смыслъ имѣетъ и наблюдаемый въ нѣкоторыхъ уральскихъ станицахъ раздѣлъ одной только бахчевой земли: „мѣстъ, удобныхъ для посѣва бахчей, въ обычные разливы р. Урала не вездѣ достаточно, а между тѣмъ бахчи сѣютъ положительно всѣ“; поэтому, „съ цѣлью болѣе равномѣрнаго распредѣленія бахчевыхъ мѣстъ, выработалась система раздѣловъ такой земли на паи“, при полномъ, опять-таки, господствѣ захватныхъ порядковъ пользованія остальными пашнями [2]). Гораздо чаще, по крайней мѣрѣ въ юго-западной Сибири, постепенность перехода къ душевому пользованію опредѣляется просто различіями въ достоинствѣ пашенъ—въ почвенныхъ условіяхъ, разстояніи отъ усадебъ и т. д. Передѣлу на первый разъ подвергаются только лучшія или поддворныя пашни, всѣ же остальныя, худшія или отдаленныя, остаются, попрежнему, въ захватномъ пользованіи и поступаютъ въ передѣлъ лишь по истеченіи болѣе или менѣе продол-

---

выхъ попыткахъ перехода къ уравнительному пользованію, когда каждой отдѣльной общинѣ приходилось самостоятельно вырабатывать и проводить въ жизнь идею поравненія, „частныя поравненія“ были болѣе обычною переходною формой; напротивъ, общины, гдѣ этотъ переходъ совершился въ новѣйшее время, имѣли уже передъ собою примѣръ ранѣе передѣлившихъ или поравнявшихъ землю общинъ, а потому, дѣйствительно, легко могли перескочить черезъ ту ступень разрозненныхъ и нерѣшительныхъ попытокъ проведенія въ жизнь уравнительнаго начала, которая находитъ себѣ выраженіе въ „частныхъ поравненіяхъ“. Только принявъ это предположеніе, мы въ состояніи будемъ примирить нѣкоторое противорѣчіе между изложенными выше соображеніями г. Кроля и тѣмъ мѣстомъ его работы (176), гдѣ почтенный авторъ, выясняя общую схему развитія уравнительныхъ формъ, прямо говоритъ о „частныхъ поравненіяхъ“, какъ „первомъ и, пожалуй, самомъ трудномъ шагѣ по пути къ общимъ кореннымъ передѣламъ; разъ онъ сдѣланъ — говоритъ здѣсь г. Кроль, частныя поравненія, повторяясь все чаще и чаще, приводятъ наконецъ, къ поравненіямъ общимъ, т.-е. къ такой формѣ землепользованія, когда община уже вполнѣ признаетъ права каждаго изъ своихъ членовъ на полученіе одинаковой части земельныхъ угодій“.

[1]) О коноплянникахъ я упоминалъ уже выше, въ той части настоящей главы, гдѣ идетъ рѣчь о приусадебныхъ мѣстахъ; но, конечно, коноплянники правильнѣе разсматривать, какъ особую категорію пашенъ, по своему мѣстоположенію вблизи усадебъ допускающую то интенсивное унавоживаніе, которое необходимо для постояннаго разведенія конопли.

[2]) *Бородинъ*, 320.

жительнаго времени; въ Курганскомъ уѣздѣ такой смѣшанный порядокъ пользованія, какъ и всѣ вообще формы, описанныя въ предыдущемъ изложеніи, отошелъ уже въ область воспоминаній; напротивъ, въ Ишимскомъ, а равно въ Каинскомъ уѣздѣ, общины, передѣляющія однѣ только ближнія или лучшія пашни, еще довольно многочисленны, а слѣды такого двойственнаго порядка, въ видѣ оставшихся внѣ передѣла „послѣдовъ", сохранились едва ли не въ большинствѣ тѣхъ общинъ, которыя въ остальномъ уже окончательно перешли къ общинно-уравнительному порядку. Наконецъ, довольно многія общины, особенно въ Верхоленскомъ уѣздѣ, Иркутской губерніи, пускаютъ въ передѣлъ лишь тѣ земли, которыя либо совершенно не обрабатываются, — залежи, либо обрабатываются настолько давно, что съ избыткомъ окупили трудъ, затраченный на ихъ расчистку, оставляя внѣ передѣла всѣ тѣ пашни, отобраніе которыхъ могло бы нарушить чье-либо трудовое право. Такихъ оставляемыхъ внѣ передѣла пашенъ— большинство даже въ тѣхъ общинахъ Верхоленскаго уѣзда, гдѣ уже появились передѣлы: *число* такихъ общинъ равно 40,6% всего числа общинъ округа, площадь передѣляемыхъ пашенъ— всего 5,4% всей распаханной въ округѣ земли [1]).

---

[1]) Сиб. община, 87—88. По мнѣнію М. А. Кроля, такого рода „смѣшанная" форма пользованія, при которой часть даннаго угодья подверглась уже общему передѣлу или поравненію, а другая остается въ захватномъ пользованіи, является *господствующею* въ Забайкальской области. Мнѣ кажется, однако, что и въ данномъ случаѣ разница между Забайкальемъ и ранѣе изслѣдованными частями Сибири—результатъ не столько дѣйствительнаго различія въ *формахъ* пользованія, сколько слишкомъ широкаго пониманія г. Кролемъ той формы, о которой идетъ рѣчь въ данную минуту, стоящаго въ связи съ общими взглядами его на взаимное отношеніе захватнаго и уравнительнаго началъ. Для г. Кроля—какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ—*всякое* проявленіе вниманія общины къ правамъ отдѣльнаго ея члена, основаннымъ на давности или на затраченномъ трудѣ, есть пережитокъ захватныхъ формъ пользованія. Г. Кроль относитъ поэтому къ „смѣшаннымъ" формамъ всѣ тѣ случаи, когда какая-либо часть даннаго угодья не входитъ въ общій передѣлъ и остается, хотя бы временно, въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ (89 — 105), — въ томъ числѣ случаи, когда новыя расчистки, при общемъ передѣлѣ, оставляются внѣ передѣла на заранѣе опредѣленный общиною срокъ; или когда изъ общаго передѣла исключается и передѣляется между членами свободно составившейся артели пашня, орошенная соединеннымъ трудомъ или на общій счетъ участниковъ этой артели. Въ слѣдующей главѣ мнѣ придется подробно остановиться на общихъ взглядахъ г. Кроля по вопросу о взаимномъ отношеніи захватнаго и уравнительнаго началъ. Здѣсь я замѣчу только, что не вижу никакой внутренней связи между индивидуальнымъ пользованіемъ, когда оно опирается *на захватъ*, и индивидуальнымъ пользованіемъ, когда источникомъ его является *распоряженіе общины*. Если во всѣхъ приведенныхъ только что случаяхъ форму пользованія и можно назвать „смѣшанною", то это смѣшеніе является результатомъ комбинаціи душевого пользованія *не съ захватнымъ*, а съ *нѣкоторыми особыми видами общинныхъ распорядковъ*, а потому „смѣшанная" форма здѣсь никакъ и не можетъ быть разсматриваема, какъ переходная отъ захвата къ уравнительному пользованію. Если же исключить подобнаго рода случаи изъ числа случаевъ „смѣшанной захватно-передѣльной" формы, то центръ тяжести

Очень значительную роль сыграла, въ свое время, разсматриваемая переходная форма и въ Европейской Россіи, въ районѣ земскихъ изслѣдованій: „въ очень многихъ, если не въ большинствѣ случаевъ,—говоритъ, г. В. В.[1]),—первые передѣлы коснулись лишь ближайшихъ участковъ, на отдаленныхъ же продолжало господствовать право захвата. Постепенно, однако, площадь, подлежащая передѣламъ, расширялась и, наконецъ (во многихъ общинахъ лишь въ 50—60-хъ г.г.), вся лично эксплуатируемая земля подверглась передѣламъ, хотя захватъ мѣстами остался до послѣдняго времени"; въ большинствѣ такого рода случаевъ онъ сохранился лишь „какъ самовластное дѣйствіе членовъ общины, съ которымъ послѣдняя ведетъ борьбу"...

Наконецъ еще одинъ типъ ограниченій захватнаго владѣнія, почти совсѣмъ не встрѣчающійся, повидимому, въ Сибири и распространенный, судя по имѣющимся указаніямъ, главнымъ образомъ въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи. Это именно случаи, когда „ограничиваются самыя формы и размѣры затраты труда, ложащейся въ основу захватнаго владѣнія", или когда установляются для захвата сроки и очереди, имѣющія цѣлью предотвратить скопленіе угодій въ рукахъ немногихъ сильныхъ домохозяевъ. Какъ ограниченіе въ смыслѣ формъ затраты труда можно отмѣтить запрещеніе косить сѣнокосилками, производить распашку болѣе чѣмъ однимъ плугомъ на каждое домохозяйство, причемъ многолемешные плуги мѣстами приравниваются къ однолемешнымъ, мѣстами же производить распашку цѣлинъ и залежей дозволяется только однолемешными плугами. Подобнаго рода ограниченія практикуются по преимуществу у уральскихъ и кубанскихъ казаковъ[2]); и г. Качоровскій справедливо замѣчаетъ, что запрещеніе сѣнокосилокъ, „регрессивное по принципу правило, вызвано скорѣе не развитіемъ общиннаго принципа, а недостаточнымъ развитіемъ его": гдѣ дѣло дошло до передѣла сѣнокосовъ, такого рода запрещеніе отпадаетъ, „такъ какъ тутъ, при уничтоженіи самаго захвата, оно теряетъ всякій смыслъ". Затѣмъ, въ Уральскомъ же и Кубанскомъ казачьихъ войскахъ очень распространены прямыя ограниченія *размѣровъ* захвата каждаго домохозяина,—это въ особенности въ тѣхъ общинахъ, гдѣ заведено правильное чередованіе распашныхъ и залежно-выгонныхъ полей—царины и толоки: одно станичное общество Кубанскаго общества постановило, напр., распахать въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ сплошную, по 2 дес. „на вѣнецъ", другое — распахивать тоже по 2 десятины на отбывную душу, третье—по 1 десятинѣ на взрослую душу, четвертое — по 3 десятины на совершеннолѣтнихъ, по $^1/_2$ десятины на подростковъ и по $2^1/_2$ деся-

замѣтно перемѣстится отъ этой къ другимъ переходнымъ формамъ,—можетъ-быть, согласно изложенному выше, даже къ формѣ „частныхъ поравненій".

[1]) Крест. община, 13.

[2]) *Качоровскій*, 147—148; *Бородинъ*, 319.

тины на бездѣтныхъ вдовъ [1]). Въ Уральскомъ войскѣ съ 1882 г. „пользованіе пахотной землей ограничено въ соотвѣтствіи съ чинами и служебнымъ положеніемъ отдѣльныхъ казаковъ: казакамъ служилаго разряда предоставлено распахивать не свыше 25 десятинъ, отставнымъ — до 15, „чисто-отставнымъ“ и „малолѣткамъ“, несущимъ повинности,—до 10 десятинъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и генераламъ — до 50, 75 и 100 десятинъ, причемъ передача права на распашку другимъ лицамъ строго воспрещена. Однако, по свидѣтельству Н. А. Бородина, „такой порядокъ представляетъ собой уже не продуктъ обычно-правовыхъ воззрѣній населенія, а мѣропріятіе административнаго характера“ [2]). „Ясно,— говоритъ г. Качоровскій,—что во всѣхъ такихъ случаяхъ территоріальнаго ограниченія захвата съ болѣе или менѣе грубымъ приближеніемъ установляется соотвѣтствіе захватнаго владѣнія съ рабочей силой и влагаемымъ трудомъ“ [3]). До нѣкоторой степени такое соотвѣтствіе достигается и путемъ назначенія очередей, причемъ даются преимущества маломощнымъ передъ многоземельными и мощными хозяевами. Въ одномъ, напр., селеніи Мелитопольскаго уѣзда, въ 30-хъ годахъ, хозяева съ малымъ числомъ скота имѣли право выѣхать въ поле раньше другихъ и обойти любой клокъ земли, который съ этого момента считался неприкосновеннымъ въ теченіе года; это давало бѣдняку возможность засѣять землю постепенно, въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, безъ опасенія, что за это время вся удобная земля будетъ распахана богачами [4]). Въ Кубанскомъ войскѣ практикуется „назначеніе дня, съ котораго должна начинаться распашка оставленныхъ подъ паръ клиньевъ“, — этимъ способомъ „общества лишали возможности особенно жадныхъ домохозяевъ захватывать земли больше того количества, какое позволяли имъ ихъ рабочія силы и средства“ [5]).

Переходимъ теперь къ эволюціи формъ пользованія *сѣнокосными угодьями*.

Мы знаемъ, что по отношенію къ одной части сѣнокосныхъ угодій первоначальною формой является *вольное* пользованіе, по отношенію къ другой—*прочный захватъ*.

Въ мѣстностяхъ особенно богатыхъ сѣнокосными угодьями *вольное* пользованіе — мы тоже видѣли — принимаетъ ту форму, при которой допускается „закашиваніе“ или „затяпываніе“ покосовъ,—форму однолѣтняго захвата. По мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, эта форма уступаетъ мѣсто другой, при которой „закашиваніе“ не допускается, и каждый общественникъ можетъ

---

[1]) *Щербина*, 92—94.
[2]) *Бородинъ*, 318.
[3]) *Качоровскій*, 149—150.
[4]) По *Качоровскому*, 150.
[5]) *Щербина*, 110.

косить, гдѣ ему угодно, не стѣсняясь тѣмъ, гдѣ косятъ другіе, но и самъ никого не стѣсняя. По отношенію къ заливнымъ лугамъ, какъ упоминалось, и этотъ порядокъ пользованія большею частью уже исчезъ и смѣнился порядкомъ общинно-уравнительнымъ, причемъ, къ сожалѣнію, изслѣдованію нигдѣ не удалось наблюдать по отношенію къ этимъ угодьямъ самого переходнаго процесса. Напротивъ, по отношенію къ незаливнымъ покосамъ въ южной части Тобольской губерніи сдѣланы обстоятельныя наблюденія, показавшія, что переходъ отъ вольнаго пользованія къ обычнымъ формамъ ежегоднаго передѣла посредствомъ „расписыванія по урочищамъ“ или „набоя“ (см. ниже, гл. IV) совершался съ чрезвычайною постепенностью. Общественники, чтобы не столкнуться слишкомъ многимъ на одномъ урочищѣ и не терять времени на поиски свободныхъ мѣстъ, начинаютъ передъ выѣздомъ на покосъ условливаться, кому куда ѣхать: „ты здѣсь коси, а я туда поѣду“; при такомъ уговорѣ, конечно, каждый старается не попасть на тѣ урочища, куда „набивается“ слишкомъ много народу. и благодаря этому достигается приблизительно правильное распредѣленіе общественниковъ по сѣнокоснымъ урочищамъ. Если нѣсколько человѣкъ сошлось на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ—опять-таки условливаются: одному косить одинъ уголъ, другому—другой. Позднѣе всѣ общественники въ опредѣленный день выѣзжаютъ для осмотра покосовъ; каждый намѣчаетъ себѣ мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ косить, и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ: если кому при такой разбивкѣ достанется слишкомъ мало, „общество“ дѣлаетъ ему прирѣзку отъ кого-либо изъ сосѣдей. Очевидно, что переходъ отъ такого порядка, котораго въ сущности еще нельзя назвать передѣломъ, къ настоящему передѣлу однимъ изъ вышеназванныхъ способовъ уже чрезвычайно легокъ,— и вся эволюція совершается такъ медленно и постепенно, что сами крестьяне не могутъ, обыкновенно, указать года, съ котораго у нихъ начались передѣлы покосовъ. Невозможно установить и опредѣленную границу между охарактеризованными только что переходными порядками, которые вѣрнѣе всего назвать урегулированнымъ или „добросогласнымъ“ захватомъ, и настоящимъ сѣнокоснымъ передѣломъ [1]). Въ слѣдующей главѣ мнѣ придется подробнѣе характеризовать сибирскіе сѣнокосные передѣлы. Теперь я приведу только одинъ примѣръ — сѣнокосные порядки нѣкоторыхъ донскихъ станицъ. Ежегодно, весной, „старики на коняхъ отправляются въ луга и осматриваютъ траву; смотря по качеству уродившейся травы, они назначаютъ въ одинъ „улежъ“ (урочище) больше паевъ, въ другой меньше противъ прошлогодняго; затѣмъ приступаютъ къ раздѣлу“: каждый станичникъ записывается въ тотъ или другой „улежъ“, если же въ какой-либо „улежъ“ наберется паевъ больше, нежели положено

[1]) Сибирск. община, 89—91.

при осмотрѣ травъ, то всѣ лишніе паи „оттрясываются жребіемъ“ и причисляются въ тѣ „улежи“, гдѣ недостаетъ паевъ до положеннаго числа [1]). Это уже *несомнѣнный* передѣлъ, а между тѣмъ *по существу* онъ ничѣмъ не отличается отъ охарактеризованныхъ выше переходныхъ формъ добросогласнаго захвата. И трудность точно опредѣлить моментъ перехода къ общинно-уравнительной формѣ еще увеличивается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ покосы при хорошихъ урожаяхъ травы продолжаютъ оставаться въ вольномъ пользованіи, при худыхъ же передѣляются способомъ „разъѣзда по урочищамъ“ [2]).

Въ казачьихъ областяхъ пользуется, повидимому, широкимъ распространеніемъ другой, также промежуточный между вольнымъ и уравнительнымъ, типъ пользованія покосами: установленіе опредѣленнаго числа косцовъ на каждую разверсточную единицу. Въ рядѣ донскихъ станицъ „косить позволяется вольно, но по обычаю каждая семья не должна выводить болѣе косарей, чѣмъ она имѣетъ семейныхъ паевъ“ [3]). Въ громадной Уральской войсковой общинѣ существуютъ очень сложныя правила, которыхъ основные пункты могутъ быть сведены къ слѣдующему: неограниченное право личнаго участія въ покосѣ каждаго „войскового лица“; право найма рабочихъ изъ лицъ „невойскового сословія“ — простымъ казакамъ чаще всего по 2 человѣка, офицерамъ по чину, отъ 6 до 12 человѣкъ; строгое воспрещеніе кошенія изъ части съ лицами „невойскового сословія“; точное опредѣленіе дня и часа выѣзда на сѣнокосъ. Это—общія правила, установленныя войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, въ соотвѣтствіи съ заключеніями съѣзда станичныхъ выборныхъ; затѣмъ отдѣльныя, обособившіяся въ пользованіи покосами, станицы издаютъ для себя дополнительныя правила, значительно сильнѣе ограничивающія зажиточное меньшинство: однѣ станицы допускаютъ наемныхъ рабочихъ не болѣе одного на пай, другія постановляютъ „косить безъ рабочихъ“ въ теченіе всего сѣнокоса или въ теченіе первыхъ его дней,—такого рода приговоры „встрѣчаются въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ *при относительномъ недостаткѣ луговъ* (курсивъ мой. А. К.) бѣдныя хозяйства терпятъ сильное стѣсненіе отъ богачей“ [4]).

Переходимъ теперь къ другимъ категоріямъ сѣнокосныхъ угодій, и остановимся прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ сферу „занятій“ крупныхъ заимщиковъ. Такіе покосы слѣдуютъ судьбѣ вообще „заимокъ“ и окружающихъ ихъ захватныхъ участковъ. Пока захватное право крѣпко, захватное пользованіе держится и по отношенію къ покосамъ; параллельно

---

[1]) *Харузинъ*, 45—46.
[2]) Сибирск. община, 91.
[3]) *Харузинъ*, 43.
[4]) *Бородинъ*, 299—301.

съ ослабленіемъ захватнаго начала по отношенію къ пашнямъ, захватное пользованіе призаимочными покосами тоже уступаетъ мѣсто вольному пользованію: въ Томской губерніи отмѣчено не мало общинъ, гдѣ эта послѣдняя форма лишь въ самое недавнее время одержала верхъ надъ первою. И здѣсь переходъ совершается не безъ сильнаго сопротивленія со стороны крупныхъ заимочниковъ; мѣстами община не признаетъ уже захватнаго права на заимочные покосы, но фактически заимщики не допускаютъ косить въ чертѣ своихъ „занятій"; мѣстами форма пользованія покосами при заимкахъ имѣетъ неопредѣленный характеръ: большинство общественниковъ еще продолжаетъ косить на насиженныхъ мѣстахъ, но нерѣдки и случаи „заѣзда" на чужіе покосы, которые иногда ведутъ къ спорамъ и судбищамъ, но чаще оканчиваются мирно: старый владѣлецъ и пришелецъ устанавливаютъ между собой какую-либо границу: „ты по сю сторону коси, а я по ту буду". Не рѣдкость и случаи, когда богачи дѣйствуютъ аггрессивно и пользуются вновь возникающими порядками, чтобы „окашивать" бѣдняковъ и такимъ образомъ „выживать" ихъ съ лучшихъ сѣнокосныхъ урочищъ.

Какъ бы то ни было, но захватное пользованіе по отношенію къ „заимочнымъ" покосамъ исчезаетъ одновременно съ исчезновеніемъ, вообще, неприкосновенности заимочныхъ „занятій", — и покосы становятся открытыми для свободнаго пользованія всѣхъ общественниковъ [1]).

Захватное владѣніе сѣнокосными расчистками, съ наступленіемъ „утѣсненія", иногда претерпѣваетъ такія же измѣненія, какъ и захватное владѣніе пашнями. Мѣстами захватное владѣніе обусловливается исправностью городьбы остожьевъ: „пока хозяинъ остожье блюдетъ, до тѣхъ поръ раскашиваемое имъ мѣсто никто захватить не въ правѣ; чуть онъ остожье убралъ,—коси, кто хочетъ" (Дубенскій). Мѣстами оно держится лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ дѣйствительно выкашиваетъ свое мѣсто; если онъ не косилъ его два года подъ рядъ, то это мѣсто становится „вольнымъ". „Такимъ образомъ, — говоритъ г. Дубенскій, — захватное владѣніе сѣнокосами, такъ же точно и почти въ такой же формѣ, какъ и владѣніе пашнями, обнаруживаетъ стремленіе перейти, въ концѣ-концовъ, во владѣніе захватно-общинное" (= ограниченный захватъ). Но по отношенію къ сѣнокосамъ оно не успѣваетъ упрочиться. Пашни при залежномъ хозяйствѣ обрабатываются лишь въ теченіе болѣе или менѣе короткаго времени; разъ установится ограниченный захватъ, то „въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени нѣтъ серьезныхъ побудительныхъ причинъ къ вмѣшательству общества въ поземельныя отношенія его членовъ, въ смыслѣ количественнаго регулированія ихъ пашневладѣнія, ибо регулированіе происходитъ само собой, путемъ за-

[1]) Сибирск. община, 91.

хвата и распашки оставленныхъ залежей". Напротивъ, сѣнокосы вполнѣ допускаютъ многолѣтнее непрерывное пользованіе: „при такихъ условіяхъ неудобства индивидуальной свободы пользованія обнаруживаются очень скоро, и такъ же скоро становится необходимымъ прямое вмѣшательство міра" (онъ же). Короче говоря, возможность *непрерывной эксплуатаціи* покосовъ не даетъ простора развитію ограниченнаго захвата, самая возможность котораго неразрывно связана съ *періодическими перерывами* эксплуатаціи. Переходъ отъ захватнаго пользованія къ душевому обыкновенно происходитъ, поэтому, помимо этой промежуточной формы. Вмѣшательство міра выражается прямо въ „частныхъ поравненіяхъ", затѣмъ переходитъ къ поравненіямъ всеобщимъ и въ концѣ-концовъ—къ періодическимъ передѣламъ. Г. Дубенскій констатируетъ при этомъ, что частныя „поравненія" входятъ въ обычай по отношенію къ сѣнокосамъ гораздо легче, нежели по отношенію къ пашнямъ: для расчистки сѣнокосовъ дѣлались, въ видѣ правила, лишь ничтожныя затраты, окупаемыя первыми же двумя-тремя сборами сѣна; съ другой стороны, удобныя для сѣнокошенія мѣста почти всегда занимаютъ болѣе или менѣе обширныя сплошныя пространства, чѣмъ значительно облегчается, съ технической стороны, самое осуществленіе „поравненій". Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, оставлено безъ доказательства и въ дѣйствительности едва ли справедливо: лѣсные, степные и т. п. покосы не менѣе, а скорѣе болѣе разбросаны и разнокачественны, нежели пахотныя земли, и *точное* ихъ измѣреніе было бы еще труднѣе, нежели измѣреніе пашенъ.

Первымъ, очень робкимъ шагомъ къ душевому „поравненію" является отводъ „прибылымъ душамъ" пустолежащихъ или освобождающихся за выбытіемъ прежнихъ владѣльцевъ мѣстъ сѣнокосовъ. Разъ сдѣлавъ этотъ шагъ, община уже не можетъ на немъ остановиться: съ одной стороны, для отвода „прибылой душѣ" не всегда оказывается въ наличности выморочный сѣнокосъ; съ другой — „прибылыя души" скоро перестаютъ довольствоваться отводомъ сѣнокоснаго участка изъ „пустопорожнихъ", всегда болѣе плохихъ и удаленныхъ мѣстъ, — и община начинаетъ отбирать путемъ „глазомѣрныхъ" отрѣзокъ часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общественниковъ, которые захватили особенно много: „Выѣдемъ въ Петровъ день, — разсказывали пишущему эти строки крестьяне окрестностей Томска,— увидимъ, у кого покосовъ больно много, да и скажемъ: ты, братъ, отдай сколько-нибудь, а то крестьянину косить нечего; да такъ и назначимъ: по сю сторону лога ты коси, а онъ по ту сторону". Уже въ силу самой глазомѣрности этого рода отрѣзокъ, въ силу отсутствія какого-либо точнаго критерія, первые шаги общины на этомъ пути очень не легки; владѣльцы обширныхъ посоковъ нерѣдко отказываются отдать свою „отцовщину", свои „чи-

щòбы", ссылаясь то на право давности, то на затраченный трудъ; они „галдятъ" на сходахъ, и нерѣдко успѣваютъ воспрепятствовать постановленію невыгоднаго для нихъ приговора; если приговоръ состоялся, они жалуются по начальству, обращаются въ волостной судъ, пытаются насильственно не допустить получившаго отводный приговоръ общественника на „свои" покосы [1]), и лишь мало-помалу отказываются отъ сопротивленія и примиряются съ невыгодными для нихъ новыми порядками.

При отсутствіи точныхъ измѣреній, при разнокачественности покосовъ и непостоянствѣ ихъ урожайности, путемъ прирѣзокъ и отрѣзокъ можетъ быть, конечно, достигнуто далеко не полное уравненіе сѣнокосныхъ участковъ; поэтому, въ дополненіе къ этому пріему общества, какъ отмѣчено главнымъ образомъ въ Енисейской губерніи, прибѣгаютъ къ двумъ другимъ: 1) къ способу *обмѣна паями* между домохозяевами: „будетъ тебѣ,—говорятъ въ такихъ случаяхъ,—насидѣлся на хорошемъ паѣ, посиди теперь на плохомъ"; 2) къ прирѣзкамъ и отрѣзкамъ, въ зависимости отъ урожая травъ: за нѣсколько дней до начала сѣнокоса на сходѣ выясняютъ, у кого будетъ много травы и у кого мало, а затѣмъ производятъ соотвѣтственныя прирѣзки и отрѣзки.

„Частныя поравненія", постепенно учащаясь, приводятъ къ приблизительно-равномѣрному распредѣленію покосовъ, сглаживаютъ слишкомъ рѣзкую, сразу очевидную, неравномѣрность. Когда эта цѣль достигнута, міру, при новой потребности въ отводѣ сѣнокосныхъ участковъ, приходится уже прибѣгнуть къ равномѣрнымъ отрѣзкамъ отъ участковъ *всѣхъ* общественниковъ,—наступаетъ необходимость „общаго поравненія". „Общія поравненія", производимыя безъ предварительнаго измѣренія сѣнокосныхъ урочищъ, путемъ неоформленныхъ обоюдныхъ соглашеній общественниковъ,—наиболѣе распространенная въ Енисейской губерніи и въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска форма пользованія покосами; они находятся, по словамъ г. Дубенскаго, „въ полномъ соотвѣтствіи съ замѣтно сократившимся уже земельнымъ просторомъ, но сократившимся все-таки еще не настолько, чтобы ощущалась настоятельная необходимость въ переходѣ къ правильнымъ передѣламъ, имѣющимъ цѣлью привести уравнительность пользованія къ возможному идеалу".

---

[1]) Весь характерный отрывокъ изъ „заявленія", найденнаго мною въ „дѣлѣ" одного изъ волостныхъ судовъ Томскаго округа: „крестьянами д. Аркашевой былъ данъ мнѣ покосъ, которымъ раньше пользовался крестьянинъ С., на этотъ покосъ, на пользованіе имъ дана, мнѣ обществомъ бумага, и когда я пришелъ косить его, то С. не допустилъ меня косить его, угрожая сжечь его и бросился первоначально на косившаго вмѣстѣ со мной крестьянина Сир. съ литовкой (косой), а потомъ бросился съ него на меня, ударивъ меня въ грудь, хотя таковой (покосъ) и былъ мною скошенъ по приказанію сельскаго старосты, но, тѣмъ не менѣе, С. вопреки приказанію старосты сгребъ его и сметалъ и теперь взялъ это сѣно въ свое пользованіе, а мнѣ таковое не отдаетъ".

Какъ упомянуто, и при общихъ поравненіяхъ отрѣзки дѣлаются „глазомѣрно“,—на „стожокъ“, „на полъ-стожка“; неудивительно, что при этомъ господствуетъ изрядный безпорядокъ: „старыя души“ увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ никакого излишка, „прибылыя“ считаютъ себя обдѣленными; отсюда масса споровъ и „галдѣнія“, и передѣлъ нерѣдко затягивается на цѣлыя недѣли: „дѣлимъ съ Петрова и до Ильина дня,—говорятъ крестьяне,—всякій реветъ (кричитъ): мнѣ мало,—а начнутъ косить, у всѣхъ остается“... Но *принципъ* общаго „поравненія“ тотъ же, что и правильнаго передѣла, и переходъ къ послѣднему совершается впослѣдствіи уже безъ всякихъ затрудненій, хотя остатки захватныхъ формъ, въ видѣ какихъ-нибудь недѣленныхъ, „вольныхъ“ покосовъ, встрѣчаются еще очень долго послѣ того, какъ главная масса угодій подверглась правильному передѣлу [1]).

Переходимъ, наконецъ, къ *крестьянскимъ лѣсамъ* [2]). Въ такихъ еще изобилующихъ или не такъ давно изобиловавшихъ лѣсомъ мѣстностяхъ, какъ бо́льшая часть пространства четырехъ сибирскихъ губерній, Забайкалье, сѣверъ Европейской Россіи, крестьянскіе лѣса до сихъ поръ состоятъ въ неограниченномъ вольномъ пользованіи: каждый общественникъ и даже посторонній можетъ рубить лѣсъ въ произвольномъ количествѣ, въ случаѣ надобности даже нанимая рабочихъ,—можетъ рубить и для собственнаго обихода, и на продажу,—можетъ рубить вездѣ, „куда топоръ ходитъ“, не стѣсняясь даже границами „занятій“, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ недоступныхъ для постороннихъ лицъ.

Такое безусловно свободное пользованіе лѣсами—естественный результатъ ихъ малой цѣнности и изобилія—„лѣса много, и его не берегутъ“ [3]); вмѣстѣ съ тѣмъ оно вытекаетъ и изъ того, что для эксплуатаціи лѣса не требуется никакой предварительной затраты труда: „послѣднее обстоятельство исключаетъ всякую возможность поступленія отдѣльныхъ участковъ лѣса въ чье-либо индивидуальное пользованіе; первыя же два условія дѣлаютъ совершенно ненужнымъ установленіе какихъ бы то ни было правилъ общаго пользованія лѣсомъ, имѣющихъ цѣлью предупредить обиду однихъ членовъ общины другими“ (Смирновъ). Мало того: въ наиболѣе лѣсистыхъ и слабонаселенныхъ мѣстностяхъ лѣса являются серьезнымъ препятствіемъ расширенію площади земледѣльческой культуры („не рубить лѣсъ, такъ изба заростетъ“), и чрезмѣрное изобиліе лѣса дурно отражается на урожаяхъ хлѣбовъ, а также (благодаря массѣ водящагося въ лѣсахъ „гнуса“) на скотоводствѣ,—а потому крестьяне не только не заботятся о сохраненіи лѣсовъ, но радуются ихъ усиленному истребленію. Въ силу этихъ самыхъ условій свобода пользованія лѣсомъ не

---

[1]) Тоже, 92—96.
[2]) Тоже, 184—186.
[3]) *Кроль*, 130.

ограничивается ни обычными, ни, нерѣдко, даже юридическими границами: свобода рубки лѣса всегда распространяется на цѣлую межевую дачу, и, напримѣръ, во многихъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній, гдѣ владѣніе пашнями и покосами уже пріурочилось къ отдѣльнымъ селеніямъ, право свободной рубки лѣса осталось общимъ для цѣлыхъ волостей. При недостаткѣ лѣса въ своей межевой дачѣ крестьяне не стѣсняются рубить лѣсъ и на государственныхъ пустопорожнихъ земляхъ, и въ дачахъ постороннихъ, богатыхъ лѣсомъ, межевыхъ общинъ; мѣстами такое право въѣзда для рубки лѣса въ чужую дачу санкціонировало обычаемъ и продолжаетъ существовать и даже тогда, когда запасъ лѣса во въѣзжей дачѣ уже значительно сократился.

Неограниченное вольное пользованіе лѣсами сохранилось, прежде всего, почти вездѣ, гдѣ сохранились захватныя формы пользованія культурными угодьями: во всей Иркутской и Енисейской губерніяхъ, во всемъ, за немногими изъятіями, Забайкальѣ, въ восточной и средней части Томской, за немногими исключеніями, которыя будутъ указаны ниже, а въ Тобольской губерніи—въ большей части Тарскаго уѣзда и на восточной окраинѣ Ишимскаго. „На нашъ вѣкъ хватитъ“, разсуждаютъ въ такихъ мѣстностяхъ крестьяне, а о будущей судьбѣ лѣса крестьянинъ мало думаетъ, пока не ощущаетъ въ немъ непосредственнаго недостатка. Вольное пользованіе лѣсомъ существуетъ еще и въ сѣверныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи—Туринскомъ и отчасти Тюменскомъ и Тобольскомъ, а также, повидимому, на вологодскомъ сѣверѣ, гдѣ оно совмѣщается съ весьма развитыми формами душевого пользованія пашней и покосами; и это опять-таки понятно, потому что культурныя земли занимаютъ лишь незначительную часть территоріи этихъ мѣстностей, тогда какъ лѣса еще имѣются въ избыткѣ.

Гдѣ обезлѣсеніе уже даетъ себя чувствовать, или гдѣ, благодаря выгодному сбыту, является слишкомъ большой соблазнъ вырубать на продажу общественные лѣса,—тамъ община начинаетъ понемногу стѣснять неограниченную свободу рубки, и появляются другія формы, способныя въ большей или меньшей мѣрѣ обезпечить сохраненіе общественныхъ лѣсовъ [1]). Община перестаетъ пускать крестьянъ „сторонніхъ“ селеній; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи общества выбираютъ изъ своей среды особыхъ „лѣсничихъ“, чтобы слѣдить, не рубятъ ли лѣсъ крестьяне чужихъ обществъ, и не допускать поджоговъ. Появляются ограниченія и для постороннихъ лицъ, проживающихъ въ селеніяхъ, — сначала имъ запрещаютъ рубить лѣсъ только на продажу, или, дозволяя свободно рубить лѣсъ для отопленія своихъ избъ и т. п., облагаютъ „оброкомъ“ за

[1]) Тоже, 186—187.

лѣсъ, заготовляемый на продажу, а затѣмъ облагаютъ сборомъ и за право рубки на собственныя потребности.

Мало-по-малу община начинаетъ „обижаться“ и на чрезмѣрныя вырубки для продажи, производимыя отдѣльными общественниками,—но ограничить въ этомъ отношеніи свободу своихъ общественниковъ она рѣшается далеко не сразу. Въ окрестностяхъ Томска многія общины, не стѣсняя общественниковъ въ правѣ рубить лѣсъ на продажу и не воспрещая даже пользоваться для лѣсныхъ заготовокъ наемными рабочими, запретили только нанимать лошадей для вывозки лѣса и дозволяютъ вывозить послѣдній не иначе, какъ на собственныхъ коняхъ. Въ Иркутской губерніи нѣкоторыя общины облагаютъ продаваемый лѣсъ особымъ „оброкомъ“, съ бревна или съ сажени дровъ. Значительно дальше пошли нѣкоторыя волостныя общины южной части Туринскаго уѣзда, Тобольской губерніи: онѣ запретили продажу заготовляемыхъ въ волостныхъ дачахъ дровъ,— воспрещеніе, которое, однако, не особенно строго соблюдается; а маленькая Туринская городовая волость, насчитывающая въ своей средѣ много кустарей-кузнецовъ, запрещаетъ, кромѣ того, заготовлять въ волостной дачѣ нужный для кузнечнаго промысла древесный уголь.

Въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи наблюдается другое любопытное явленіе, смыслъ котораго также, несомнѣнно, въ стремленіи къ сохраненію лѣсовъ [1]). При господствѣ вольнаго пользованія лѣсами, здѣсь возникаютъ такъ называемые „сады“ или „рощи“, оберегаемые отдѣльными домохозяевами и за это предоставляемые общиною въ ихъ исключительное пользованіе: каждый домохозяинъ можетъ окопать или огородить участокъ лѣса, въ одну или нѣсколько десятинъ; такой „садъ“ или „рощу“ онъ обязанъ очищать отъ бурелома, во время же опалки покосовъ, а также при степныхъ и лѣсныхъ пожарахъ, оберегать отъ огня; за это онъ остается, пока продолжаетъ заботиться о лѣсѣ, исключительнымъ его владѣльцемъ. Право владѣнія „садами“ переживаетъ, нерѣдко, захватныя формы пользованія другими угодьями и остается неприкосновеннымъ даже тогда, когда по отношенію ко всей массѣ общественныхъ лѣсовъ уже установилось душевое пользованіе; не рѣшаясь еще взять на себя инициативу мѣръ, направленныхъ къ охраненію лѣсовъ, община поддерживаетъ своимъ авторитетомъ направленную въ этомъ смыслѣ дѣятельность отдѣльныхъ общественниковъ.

Въ другихъ случаяхъ [2]) инициативу охраненія извѣстной части общественнаго лѣса беретъ на себя сама община, образуя заказныя или, по мѣстному выраженію, „запрещенныя“ рощи. „Заказы“, большею частью, дѣлаются даже безъ письменнаго приговора; къ заказнымъ рощамъ нигдѣ не приставляютъ особаго ка-

[1]) Тоже, 187—188.
[2]) Тоже, 188—189.

раула,—„мы всѣ караульщики“, говорятъ крестьяне. И, тѣмъ не менѣе, „заказы“ вездѣ соблюдаются чрезвычайно строго [1]). Заказныя рощи—обычное явленіе въ степной полосѣ западной Сибири. „Запрещаются“ иногда лѣсные участки, особенно цѣнные по свойствамъ растущаго на нихъ лѣса; такъ, въ пригородной Жиляковской волости, Ишимскаго уѣзда, „запрещены“ два небольшихъ сосновыхъ бора—единственные среди сплошной массы лиственныхъ лѣсовъ; во многихъ общинахъ „запрещены“ сосновые „рямы“, т. е. болотца, поросшія мелкорослымъ соснякомъ. Въ другихъ случаяхъ, „запрещаютъ“ поддворныя рощи, расположенныя въ поскóтинѣ, вблизи усадебъ, при чемъ имѣется въ виду не столько сохраненіе лѣса отъ порубокъ, сколько созданіе для скота тѣнистаго выгона на время зноя и закрытія отъ бурь. Иногда, напр. въ нѣкоторыхъ общинахъ алтайской части Томскаго уѣзда, „заказъ“ принимаетъ почти характеръ лѣсоразведенія, — „запрещаются“ уже совершенно обезлѣсныя вырубки [2]).

Самое отношеніе общинъ къ заказнымъ рощамъ довольно разнообразно: въ рощахъ, „запрещенныхъ“ сравнительно недавно, не допускается безусловно никакой рубки; гдѣ лѣсъ успѣлъ подрасти, рубка допускается подъ строгимъ контролемъ общины: въ большинствѣ случаевъ община ежегодно или разъ въ нѣсколько лѣтъ (въ зависимости отъ размѣра рощи) разрѣшаетъ вырубать опредѣленное, на каждую платежную душу, число деревьевъ, иногда за особый небольшой сборъ въ общественную кассу или чаще—въ пользу церкви; иногда лѣсъ изъ заказной рощи продается на срубъ, но лишь общественникамъ и не свыше извѣстнаго, очень небольшого, числа деревъ въ однѣ руки. Самая вырубка обыкновенно производится выборочнымъ способомъ, но иногда и лѣсосѣкой; лѣсная почва въ заказныхъ рощахъ всегда очищается отъ сучьевъ, и вообще онѣ содержатся въ прекрасномъ порядкѣ.

Въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ заказныя рощи охватываютъ лишь небольшія части общественныхъ лѣсовъ. Иной характеръ „запрещенія“ имѣютъ въ пригородномъ, спеціально-лѣсопромышленномъ районѣ Томскаго уѣзда, а также въ юго-западной части Каинскаго [3]), гдѣ безлѣсье уже заставило серьезнѣе подумать объ урегулированіи пользованія лѣсомъ [4]). „Запрещенія“ и здѣсь возникали, первоначально, болѣе или менѣе слу-

---

[1]) Томскій у., 214.

[2]) Тоже, 204.

[3]) Изрѣдка такія рощи встрѣчаются и на сѣверѣ Тобольской губ., а одинъ случай „запрещенія“ отмѣченъ и по Иркутской; въ этой послѣдней характеръ заказныхъ имѣютъ и многочисленныя шаманскія рощи инородцевъ, которыя, однако, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, такъ какъ сохраняются по религіознымъ соображеніямъ. Въ Забайкальѣ „заказныхъ“ лѣсовъ и рощъ изслѣдованіемъ зарегистрировано чрезвычайно мало“. (*Кроль*, 130).

[4]) Сибирск. общ., 189—190.

чайнымъ образомъ: увидитъ общество, что весь лѣсъ или часть его пришла въ совершенно плачевное состояніе, такъ что и рубить-то, собственно говоря, уже нечего, и приговоритъ: не рубить лѣса, пока не послѣдуетъ новаго распоряженія. Но въ настоящее время „запрещенія“ вошли здѣсь въ систему и создали, во многихъ общинахъ, нѣчто въ родѣ лѣсосѣчнаго хозяйства. Обыкновенно общественные лѣса дѣлятся на двѣ лѣсосѣки, каждая изъ которыхъ „запрещается“ поочередно, чрезъ промежутки времени, колеблющіеся между 4—5 и 30—40 годами, чаще всего—не свыше 7—10 лѣтъ; установленный срокъ нерѣдко сокращается, подъ вліяніемъ настоящій „малолѣтокъ“ и бѣдноты, обыкновенно въ первые же два - три года вырубающей свою долю лѣса въ отводимой подъ рубку лѣсосѣкѣ. Въ выпускаемой изъ-подъ „запрещенія“ лѣсосѣкѣ нѣкоторыя общины предоставляютъ всѣмъ неограниченную свободу рубки; чаще пускаемая въ рубку лѣсосѣка передѣляется „глазомѣрно“ на душевыя доли, разбираемыя по соглашенію или по жребію; вырубать разрѣшается, обыкновенно, лишь болѣе крупныя деревья, молоднякъ же („въ оглоблю“) не рубится, а оставляется на выростъ, до истеченія срока слѣдующаго „запрещенія“.

Довольно многія общины „запрещаютъ“ лѣсъ не по лѣсосѣкамъ, а цѣликомъ. По истеченіи срока „запрещенія“ нѣкоторыя изъ такихъ общинъ опять допускаютъ свободную рубку; другія передѣляютъ лѣсъ на постоянные или временные душевые участки; чаще всего по окончаніи срока „запрещенія“ установляется норма ежегодной выборочной рубки—столько - то саженъ дровъ или бревенъ на душу; мѣстами, гдѣ строевого лѣса очень мало, разрѣшеніе рубить дается лишь тѣмъ общественникамъ, кто дѣйствительно нуждается въ матеріалѣ для новыхъ построекъ или для ремонта старыхъ [1]).

Значительно болѣе распространено *общинно - уравнительное* пользованіе лѣсами съ распредѣленіемъ ихъ на *постоянныя душевыя доли* [2]).

Одною изъ мѣстностей, гдѣ практикуются передѣлы общинныхъ лѣсовъ, является уже упоминавшійся лѣсопромышленный районъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска. Лѣса передѣлены здѣсь въ пятнадцати общинахъ,—во всѣхъ, кромѣ одной, „глазомѣрными“ участками, размѣромъ обратно пропорціональными качеству лѣса; первоначальный передѣлъ вездѣ произведенъ былъ такъ давно, что о примѣненныхъ при передѣлѣ пріемахъ почти не сохранилось воспоминаній.

Другой, несравненно болѣе обширный, районъ распространенія лѣсныхъ передѣловъ представляетъ собой обширная полоса, охватывающая почти цѣликомъ южную половину Тобольской гу-

---

[1]) См. Томск. у., 215—218.
[2]) Сибирская община, 191.

берніи—уѣзды Курганскій (а по всей вѣроятности—и смежный съ нимъ Ялуторовскій), Ишимскій, Тюкалинскій и ближайшую къ послѣднему часть Каинскаго, Томской губерніи [1]), причемъ распространенность общинно - уравнительной формы растетъ въ направленіи съ востока къ западу: въ Курганскомъ уѣздѣ безпорядочное вольное пользованіе лѣсомъ почти исчезло, тогда какъ въ Ишимскомъ оно еще преобладаетъ по всему сѣверу и востоку, и только въ юго-западной части уѣзда вольное пользованіе окончательно вытѣснено общинно-уравнительною формой.

---

[1]) Къ сожалѣнію, о существованіи лѣсныхъ передѣловъ въ Каинскомъ округѣ мы знаемъ только по свѣдѣніямъ, случайно собраннымъ мною при объѣздѣ округа въ 1894 г.,—объѣздѣ, имѣвшемъ совершенно постороннія изслѣдованію общинныхъ порядковъ цѣли. Въ „Матеріалахъ“ соотвѣтствующихъ указаній совершенно нѣтъ.

ГЛАВА IV.

Грядущее вольной заимки.

(Сибирскіе передѣлы).

Собственно говоря, наша задача, поскольку рѣчь идетъ объ эволюціи формъ *землепользованія* у крестьянъ, выполнена: настоящій трудъ посвященъ вѣдь изученію *слагающейся* общины; община *сложившаяся*, передѣльная, уже выходитъ изъ намѣченныхъ авторомъ рамокъ. Но формы общинно-уравнительнаго пользованія, какъ онѣ сложились въ Сибири и въ рядѣ другихъ многоземельныхъ мѣстностей, стоятъ въ непосредственной генетической связи съ захватными и съ изученными въ предшествующей главѣ переходными формами, и наше изложеніе производило бы впечатлѣніе незаконченности, если бы мы не выяснили, какой видъ имѣютъ тѣ формы только что сложившейся общины, которыя составляютъ, такъ сказать, цѣль намѣченной въ предшествующихъ главахъ эволюціи. Въ настоящей главѣ мы дадимъ поэтому характеристику формъ общинно-уравнительнаго пользованія, какъ онѣ сложились, главнымъ образомъ, въ Сибири. Характеристика эта будетъ возможно сжата; за подробностями мы отсылаемъ читателя, главнымъ образомъ, къ нашей „Крестьянской общинѣ въ Сибири“, а также къ монографіи г. Кроля и къ моей небольшой работѣ о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ. Тамъ же читатель найдетъ и данныя о способахъ разверстки земли; собственно *этого* вопроса мы касаться совершенно не будемъ: по существу сибирскія данныя не добавляютъ здѣсь ничего новаго къ тому, что уже достаточно твердо установлено въ Европейской Россіи, земскими статистическими изслѣдованіями.

Въ предыдущей главѣ намъ пришлось съ достаточною подробностью охарактеризовать начальныя формы общинно-уравнительнаго пользованія, какъ онѣ складываются въ результатѣ постепенно-нарастающихъ ограниченій вольнаго захвата. „Всѣ такія поравненія, по справедливому замѣчанію К. Р. Качоровскаго, представляютъ еще скорѣе неопредѣленное, такъ сказать, пере-

распредѣлительное броженіе, чѣмъ правильно функціонирующій передѣльный механизмъ. Во-первыхъ, уравнительность преслѣдуется пока лишь грубо—приблизительная, перемѣрки полей обыкновенно не происходитъ, а все перераспредѣленіе совершается глазомѣрно, объ уравненіи качественномъ участковъ разныхъ хозяевъ не возникаетъ обыкновенно и рѣчи. Во-вторыхъ, совершенно не выработанъ самый процессъ передѣла: часто отводы-отрѣзки совершаются даже не цѣлымъ „міромъ", а лишь десяткомъ-другимъ хозяевъ,—понятно, что тутъ сравнительно часты злоупотребленія, подкупы, подпаиванія и т. п. Наконецъ не выяснено даже и будущее передѣловъ, ибо обыкновенно не назначается срока для будущихъ передѣловъ, и совершаются они какъ бы случайно, по мѣрѣ образованія настойчиво требующей ихъ группы хозяевъ, и часто сопровождаются ожесточенною борьбой". Но именно на этомъ хаотическомъ процессѣ,—сугубо правильно заключаетъ г. Качоровскій—„проявляется съ особенною яркостью то, что передѣлы медленно и самопроизвольно выростаютъ изъ внутри-общинной борьбы за землю, а отнюдь не привносятся сверху законодательно-административными вліяніями" [1]). На серединѣ между захватомъ и передѣломъ стоятъ, такимъ образомъ, сначала частныя, а затѣмъ общія „поравненія"—какъ бы зачаточная, недоразвившаяся форма передѣловъ. Нѣчто аналогичное мы наблюдаемъ и тамъ, гдѣ первоначальною формой является не длящійся захватъ, а вольное пользованіе: путемъ все большаго и большаго усиленія элемента взаимныхъ соглашеній, „гдѣ кому косить", вырабатываются такія, также зачаточныя, также недоразвившіяся, формы уравнительнаго пользованія, которыхъ еще нельзя назвать *настоящимъ* передѣломъ, но при которыхъ все же достигается извѣстная грубая уравнительность въ распредѣленіи пользованія угодьемъ; этихъ зачаточныхъ формъ уравненія нельзя назвать „передѣлами", хотя бы уже по одному тому, что община, какъ таковая, еще не выступаетъ здѣсь въ активной роли, а упомянутая только что грубая уравнительность достигается въ результатѣ ряда партикулярныхъ соглашеній, какъ слѣдствіе свободной игры и борьбы личныхъ интересовъ.

Если перейти теперь уже къ „настоящимъ" передѣламъ, какъ они происходятъ въ районахъ только что „сложившейся" общины, то мы должны будемъ свести ихъ къ двумъ основнымъ

[1]) *Качоровскій*, 233—234; см. *Кроль*, 204—205; *Большаковъ*, 77. „Мысль о томъ, чтобы ввести уравненіе въ принципъ,—говоритъ, въ частности, г. Большаковъ собственно по вопросу о періодичности передѣловъ,—повторяя передѣлы чрезъ опредѣленные, болѣе или менѣе продолжительные сроки, еще не создается; на первый планъ выступаетъ желаніе ослабить неравенство только въ данный моментъ; разъ добившись уравненія, община не устанавливаетъ на первыхъ порахъ никакого срока, благодаря чему каждому новому передѣлу предшествуетъ и новая борьба; бываютъ случаи, когда община, разъ пришедшая къ соглашенію относительно передѣла, въ другой разъ такого соглашенія не достигаетъ"...

типамъ: съ одной стороны, передѣлъ, основанный на принципѣ „старшинства“ или отрѣзки излишковъ; съ другой—передѣлы „съ торговъ“, аукціонными способами.

Сущность передѣла „по старшинству“ въ томъ, что каждый „старожитель“—каждый хозяинъ, ранѣе пользовавшійся землею, удерживаетъ на свои „старожительныя души“, въ „любомъ“ мѣстѣ, такую часть изъ ранѣе состоявшей въ его пользованіи земли, какая ему слѣдуетъ „по новому расчисленію“, а излишнюю, по расчету, землю „отдаетъ въ общество“; общественники, впервые получающіе землю, или имѣющіе право на добавку—„малолѣты“ или „заревизные“, надѣляются, во-первыхъ, изъ выморочныхъ или вообще свободныхъ надѣловъ, имѣющихся въ распоряженіи общества, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, изъ сдѣланныхъ отъ „старожителей“ отрѣзокъ. Какъ правило, община стремится надѣлять „малолѣтовъ“ землею, принадлежавшею ихъ отцамъ, дѣдамъ, дядьямъ и т. п. (отсюда выраженіе „по отечеству“), и только „малолѣты безъ отечества“ получаютъ всю землю изъ отрѣзковъ, которые комбинируются въ душевые надѣлы по соображеніямъ схода или общественныхъ довѣренныхъ. Смыслъ этого способа или типа передѣла очень ясно высказанъ во многихъ приговорахъ: „если кто изъ ревизскихъ, читаемъ мы въ одномъ, пожелаетъ занимать прежній свой надѣлъ, то дозволить, но только съ тѣмъ, чтобы было уравненіе“; въ другомъ постановляется произвести передѣлъ, „не сживая съ мѣстъ старожиловъ; гдѣ они ранѣе производили хлѣбопашество, по положенію надѣлить, а остальная земля должна перейти слѣдующему“; въ третьемъ предписывается „измѣрять каждаго домохозяина, если же у кого окажется лишняя земля, то таковую отобрать и передать другому, у котораго недостаетъ противъ числа его душъ“ и т. д. [1]).

Другой основной типъ передѣловъ, пользующійся весьма широкимъ распространеніемъ въ районахъ „только что сложившейся“ общины,—это безконечно пестрая по внѣшнимъ проявленіямъ совокупность всѣхъ тѣхъ способовъ передѣла, которые крестьяне, по крайней мѣрѣ въ Сибири, обозначаютъ общимъ названіемъ

---

[1]) Сиб. община, 142—144. „При перетасовкахъ полосъ при уравненіи,— такъ характеризуетъ разсматриваемый типъ передѣла г. Большаковъ,— общинники стараются по возможности избѣгать сдвиженія крестьянъ съ разработанныхъ ими участковъ, производя это только въ крайнихъ случаяхъ, когда имѣется уже слишкомъ большая неравномѣрность“ (*Большаковъ*, 95—96). Несомнѣнно, что данный способъ передѣла встрѣчается и въ казачьихъ областяхъ. Принципіальной, такъ сказать, его характеристики въ посвященныхъ формамъ казачьей общины монографіяхъ не находимъ, но сущность его вполнѣ ясно видна изъ примѣровъ, приводимыхъ, напр., въ работѣ Ф. А. Щербины о кубанской казачьей общинѣ: „паи распредѣлялись такимъ образомъ, чтобы каждый могъ получить пай по возможности въ предѣлахъ своей прежней царины“; при передѣлѣ рѣшили „отбирать для нуждающихся излишки царинъ у тѣхъ, у кого были обширныя царины“, и т. п. (*Щербина*, 98).

„набоя“ или „торга“. Устраивается нѣчто въ родѣ аукціона либо въ отдѣльности на каждый душевой участокъ, либо—гдѣ землю распредѣляютъ сначала между группами общественниковъ—на „десяточные“ и т. п. участки. Каждый участокъ, прошедшій черезъ „торгъ“, отводится тому общественнику или тому десятку, кто согласится взять на душевую пропорцію либо наименьшую площадь, либо хотя и ту же, напередъ назначенную площадь даннаго угодья, но худшаго качества или съ менѣе благопріятнымъ распредѣленіемъ по сортамъ. Отсюда—двѣ основныхъ разновидности аукціоннаго передѣла, которыя можно назвать *количественною* и *качественною* [1]).

Начнемъ съ послѣдней. Это—преобладающій въ юго-западной части Тобольской губерніи, значитъ въ районѣ наибольшаго въ Сибири развитія общинно-уравнительнаго пользованія, способъ передѣла „въ надорожку“: при конкуренціи нѣсколькихъ желающихъ взять одну и ту же полосу, „конкурентами повышается *оцѣнка* пашни, такъ что въ результатѣ „перебоя“ является, при равномъ общемъ размѣрѣ всѣхъ душевыхъ надѣловъ, только различное распредѣленіе послѣднихъ по сортамъ“ (Осиповъ). Если, напримѣръ, „общество“ положило, что въ данномъ 4-десятинномъ участкѣ десятина можетъ быть зачислена въ первый сортъ и по $1^1/_2$ десятины во второй и въ третій, то въ результатѣ „надорожки“ данный участокъ останется за тѣмъ, кто приметъ, положимъ $1^1/_2$ десятины за первый, $1^1/_2$ десятины за второй и десятину за третій сортъ.

Перейдемъ теперь къ количественной разновидности, которая въ отличіе отъ качественной, примѣняется не только и даже не столько къ пашнямъ, сколько ко всякаго рода другимъ угодьямъ сѣнокосамъ, лѣсу и т. п. Формы ея весьма разнообразны. Прежде всего—передѣлъ „на сбавокъ“; дѣло сводится къ вопросу: кто возьметъ, на данное число разверсточныхъ единицъ, наименьшую площадь даннаго угодья. Другая разновидность — передѣлъ „навалкою“ или „набоемъ душъ“, иногда тоже называемый передѣломъ „въ надорожку“: кто съ наибольшимъ числомъ душъ „сядетъ“ на опредѣленный участокъ пашни, покоса и т. п.;—кто „набьетъ“ больше душъ на полосу пашни или участокъ сѣнокоса. Земля въ обоихъ случаяхъ достается тому или тѣмъ изъ конкурентовъ, кто, по расчету на душу, удовольствуется наименьшею площадью; разница—исключительно въ формѣ, въ порядкѣ передѣла. При передѣлѣ пашенъ или покосовъ „на сбавокъ“ какъ распредѣленіе земли на сорта, такъ и размѣръ душевого надѣла обыкновенно устанавливаются заранѣе. Пахотныя земли нарѣзываются, чаще всего, протягивающимися поперекъ „гривы“ или „увала“ лентами, по площади равными либо десятинѣ, либо душевой пропорціи земли даннаго сорта. Покосы

[1]) Сиб. община, 144—148.

нарѣзаются полосами же, равной ширины, поперекъ всей ширины даннаго луга. На каждую смѣренную полосу сейчасъ же вызываются желающіе, и если ихъ нѣсколько, между ними происходитъ „торгъ“, причемъ размѣръ сбавокъ выражается торгующимися въ саженяхъ и въ частяхъ сажени поперечника. Отводъ полосъ въ каждомъ сортѣ продолжается, пока каждый общественникъ получитъ, *номинально*, столько земли, сколько ему слѣдуетъ по сдѣланному предварительно душевому расчету. Получающійся отъ сбавокъ свободный излишекъ обыкновенно оставляется, въ каждомъ сортѣ особо, въ запасъ, на прибылыя души; иногда поступаютъ иначе: получившійся въ первомъ сортѣ остатокъ переводятъ во второй сортъ, остатокъ во второмъ сортѣ — въ третій, и только остатокъ въ послѣднемъ сортѣ зачисляютъ въ „общественный запасъ“.

При наиболѣе обычномъ порядкѣ передѣла „на сбавокъ“ хозяева, берущіе худшія въ каждомъ сортѣ полосы, получаютъ *ровно столько* земли, сколько имъ слѣдуетъ „по общественному расчисленію“ — послѣднее даетъ *максимальный* размѣръ душевого надѣла; но въ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень немногихъ, общинахъ общественники, берущіе плохія полосы, получаютъ *прибавки* къ нормѣ, тѣмъ бо̀льшія, чѣмъ хуже качество каждой данной полосы. Суть дѣла въ обоихъ случаяхъ, конечно, одна: компенсація различій въ качествѣ отдѣльныхъ полосъ, разстояніи ихъ отъ усадебъ и прочихъ свойствахъ соотвѣтственными различіями въ ихъ размѣрѣ.

„Набоемъ душъ“ или „навалкою“ передѣляются, повидимому, исключительно покосы [1]). Въ назначенный для „дѣлежа травы“ день общественники выходятъ или выѣзжаютъ на сѣнокосныя мѣста, „высматриваютъ“ приблизительно однородныя по качеству травы и по урожаю ея въ данномъ году участки („косяки“, „углы“ и пр.) [2]), и по общему согласію опредѣляютъ число душъ, какое должно „сѣсть“ на каждый данный участокъ; затѣмъ вызываютъ желающихъ; если участокъ великъ, желающіе складываются въ небольшую артель („лу̀ку“), если онъ малъ, претендентами могутъ явиться и отдѣльные хозяева, располагающіе достаточнымъ числомъ душъ. Если желающихъ оказалось нѣсколько, между ними начинается „надорожка“: за участокъ, назначенный на 10 душъ, конкуренты „даютъ“ 11, $11^1/_2$, 12,— въ концѣ-концовъ, участокъ достается тому, кто беретъ участокъ на наибольшее число душъ и, слѣдовательно, на каждую душу

---

[1]) Тоже, 173—174.

[2]) Въ мѣстностяхъ, гдѣ сѣнокосы разбросаны, болѣе или менѣе мелкими участками, по лѣснымъ полянамъ и, слѣдовательно, отдѣльныя сѣнокосныя урочища имѣютъ естественныя, неизмѣнныя и ясныя границы, „торгъ“ ведется не на назначаемые каждогодно „косяки“, а именно на эти естественныя урочища, неизмѣнныя въ своихъ границахъ и только измѣняющіяся въ своей оцѣнкѣ.

довольствуется меньшею его частью. Такъ продолжаютъ, переходя отъ урочища къ урочищу, до тѣхъ поръ, пока не разберутъ по душамъ всѣхъ общественныхъ покосовъ. Такъ какъ всѣ участвующіе въ „дѣлежѣ травы“ отлично знаютъ всѣ сѣнокосныя урочища и заранѣе ознакомляются съ состояніемъ на нихъ травы, то обыкновенно случается, что на послѣдній свободный „косякъ“ садятся послѣднія ненадѣленныя еще души. Сравнительно рѣдко случается, что остаются неразобранныя урочища или ненадѣленныя души. Остатки иногда косятся желающими на захватъ, иногда сдаются кому-нибудь обществомъ за деньги или „угощенье“, иногда идутъ на добавки тѣмъ, кто „ошибся въ расчетѣ“ „зарвался“ при „торгѣ“. Если, наоборотъ, за разборомъ всѣхъ урочищъ остаются ненадѣлившіяся души, имъ или отрѣзывается отъ каждаго „косяка“ по клочку покоса, или дается по 1—2 копны готоваго сѣна. Затѣмъ распредѣленіе сѣнокосовъ между лицами, взявшими отдѣльный „косякъ“, является уже ихъ частнымъ дѣломъ, въ которое община вмѣшивается только, если между ними не послѣдуетъ соглашенія: чаще всего „косяки“ разбиваются по душамъ „добросогласно“, рѣже нарѣзываются душевые „пайки“, которые разбираются по жребію, на „сбавокъ“ или другими способами.

Тотъ же смыслъ имѣетъ, въ существѣ, форма передѣловъ посредствомъ „развода“ или „расписыванія по урочищамъ“ [1]). Гдѣ пашни расположены на отдѣльно расположенныхъ „гривахъ“ или „островахъ“, гдѣ покосы занимаютъ обширныя сплошныя урочища, тамъ каждая грива или каждый отдѣльный сѣнокосный лугъ разсматриваются какъ особое урочище, изъ года въ годъ остающееся въ неизмѣнныхъ границахъ. Гдѣ пахотныя и сѣнокосныя урочища не имѣютъ такихъ опредѣленныхъ границъ, тамъ пашни или покосы, опять-таки издавна, распредѣлены на 3—4 крупныя части („углы“), обыкновенно разграничиваемыя дорогами, расходящимися отъ селенія; каждая такая часть распадается на меньшія, послѣднія— иногда на еще меньшія урочища, имѣющія каждое особое названіе. Для передѣла общественники распредѣляются на столько группъ, сколько въ данномъ обществѣ числится „гривъ“ или большихъ урочищъ, и каждая такая группа беретъ на свою долю одно изъ нихъ, которое затѣмъ и раздѣляетъ между входящими въ составъ ея общественниками. Если подлежащія распредѣленію урочища имѣютъ очень опредѣленныя границы и самое качество ихъ достаточно извѣстно (напримѣръ, при передѣлѣ пахотныхъ „гривъ“), общественники, не выѣзжая изъ деревни, записываются въ особый реестръ, гдѣ обозначается, кто на какой „гривѣ“ хочетъ пахать или въ какомъ „стеклѣ“ косить; затѣмъ каждая группа на мѣстѣ, безъ всякаго вмѣшательства общины, какъ цѣлаго, распредѣляетъ „гриву“ или „стекло“ между своими

[1]) Тоже, 148, 174—176.

участниками. Чаще, въ особенности при передѣлѣ покосовъ, поступаютъ иначе: въ назначенный день выѣзжаютъ верхами въ центръ мѣстоположенія покосовъ; здѣсь разбиваются на двѣ группы, одна изъ которыхъ беретъ покосы вправо отъ дороги, другая — влѣво; каждая изъ двухъ группъ ѣдетъ по приблизительно-центральной, для своей половины сѣнокосныхъ угодій, дорогѣ и опять разбивается надвое; такое дробленіе продолжается, пока общественники не разобьются на столько небольшихъ группъ, сколько считается самыхъ мелкихъ „стеколъ“, а затѣмъ каждое „стекло“, опять-таки, дѣлится между заинтересованными лицами по ихъ усмотрѣнію. Въ томъ и другомъ случаѣ община, какъ цѣлое, не играетъ въ передѣлѣ активной роли; она только принимаетъ записи общественниковъ и, въ случаѣ нужды, чрезъ своихъ представителей — старосту и понятыхъ — разрѣшаетъ возникающія при окончательной разбивкѣ урочищъ на душевыя полосы недоразумѣнія и споры.

Нетрудно понять смыслъ описаннаго порядка. Каждый общественникъ, конечно, стремится получить землю тамъ, гдѣ земля лучше или удобнѣе. На лучшія урочища, поэтому, могло бы записаться такъ много лицъ, что каждому изъ нихъ досталось бы слишкомъ мало пашни или покоса, тогда какъ другіе получили бы несоразмѣрно много. Но если какое-либо урочище притягиваетъ слишкомъ много желающихъ, то всегда найдутся такіе, которые, не желая получить слишкомъ мало, измѣнятъ свое намѣреніе и перепишутся туда, гдѣ земля, можетъ-быть, хуже, но куда, зато, записалось мало народу, и гдѣ поэтому на душу можетъ достаться больше; такой переходъ увеличитъ размѣръ доли, достающейся каждому записавшемуся въ первомъ урочищѣ, и уменьшитъ — во второмъ, и въ результатѣ на долю каждаго общественника получится тѣмъ менѣе пашни, чѣмъ лучше ея качество, и наоборотъ; получится такое же уравновѣшеніе размѣра каждой душевой доли съ ея качествомъ, какъ и при передѣлѣ „на сбавокъ“ [1]).

---

[1]) Очень сходенъ, по существу, описанный на стр. 317—318, по Харузину, способъ передѣла сѣнокосовъ, встрѣчающійся у донскихъ казаковъ. Близокъ къ нему, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ похожъ и на передѣлъ посредствомъ „набоя“ или „навалки душъ“, описываемый г. Бородинымъ порядокъ передѣла покосовъ же, принятый въ нѣкоторыхъ поселкахъ Уральскаго войска: „луга дѣлятся на нѣсколько участковъ по ихъ топографическому положенію“; ежегодно, когда опредѣлится урожай травъ, производится таксація участковъ, опредѣляется, сколько въ каждомъ должно косить паевъ. „Въ день раздѣла казаки выѣзжаютъ на опредѣленный пунктъ къ лугамъ; собравшимся объявляется, сколько паевъ назначено въ первый участокъ по оцѣнкѣ состоянія травъ, и вызываются общинники, желающіе производить покосъ въ данномъ участкѣ. Изъявившіе согласіе отходятъ въ особую группу, при чемъ ведется счетъ тому количеству паевъ, на которое они имѣютъ право по составу семьи. Между этою отдѣлившеюся группой и остальными происходитъ торгъ, при которомъ число паевъ этой группы то уменьшается, то увеличивается выходомъ изъ нея или присоединеніемъ къ ней новыхъ общинниковъ, при чемъ, однако,

Какъ я уже сказалъ, описанный способъ передѣла имѣетъ много общаго съ „набоемъ“ или „навалкой душъ“. Но есть и различіе: если, при „навалкѣ“, „на перебой“ пускаются крупныя урочища, то возможность для отдѣльнаго общественника получить покосъ именно въ томъ урочищѣ, которое ему наиболѣе „сподручно“, зависитъ отъ того, удастся ли ему собрать компанію для участія въ „торгѣ“, или нѣтъ. Напротивъ, при „расписываніи“ каждый общественникъ зависитъ только отъ самого себя: разъ онъ, видя число желающихъ подѣлить между собой данное урочище, найдетъ выгоднымъ записаться туда же, то онъ дѣлаетъ это, не спрашивая ничьего согласія, и если кто-либо изъ ранѣе записавшихся этимъ недоволенъ, ему остается только „выписаться“ изъ даннаго „стекла“ и перейти на другое, болѣе просторное.

Таковы два основныхъ сибирскихъ типа передѣла. Я до сихъ поръ совершенно не касался третьяго типа, господствующаго въ Европейской Россіи, именно жеребьевки; я и теперь только упоминаю о немъ,— говорить о жеребьевкѣ нѣсколько болѣе подробно мнѣ будетъ удобнѣе тогда, когда я перейду къ обзору, отдѣльно, формъ пользованія пашнями и сѣнокосными угодьями. Въ данную минуту мнѣ достаточно отмѣтить, что въ районахъ слагающейся или только что сложившейся общины жеребьевка пользуется, въ общемъ, ничтожнымъ распространеніемъ и играетъ совершенно второстепенную роль по сравненію съ другими, охарактеризованными выше типами передѣла. Теперь же я попытаюсь выяснить тѣ принципы, которые лежатъ въ основѣ каждаго изъ послѣднихъ: передѣла „по старшинству“, съ одной стороны, „торговъ“—съ другой.

Съ формальной точки зрѣнія [1]) въ основѣ передѣла можетъ лежать начало либо *объективнаго*, либо *субъективнаго равенства*; на первомъ изъ этихъ принциповъ основанъ передѣлъ „по старшинству“, равно какъ и жеребьевка; на второмъ — всякаго рода „торги“, а также описываемый ниже способъ „уравновѣшенія сортовъ“, вмѣстѣ съ разнообразными другими компромиссными пріемами [2]). Если въ основу передѣла положено начало *объектив-*

вообще добиваются того, чтобы въ данный участокъ записалось косить приблизительно столько паевъ, сколько ихъ опредѣлено было предварительно оцѣнкой“ (*Бородинъ*, 308—309).

[1]) Сиб. община, 153—155, 172.

[2]) Сходную постановку вопроса можно найти у г. В. В. въ его „Крестьянской общинѣ“. Уравненія,—говоритъ г. В. В.,—можно достигнуть однимъ изъ двухъ способовъ: „во-первыхъ, его можно достигнуть, сохраняя начало распредѣленія земли по возможности сплошными участками, путемъ такой правильной и точной расцѣнки каждаго клочка угодья, чтобы возможно было восполнить качественные недостатки извѣстныхъ участковъ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ ихъ площади; во-вторыхъ, та же цѣль будетъ достигнута раздѣленіемъ угодья по качеству и разстоянію отъ усадьбы на крупныя части, въ каждой изъ которыхъ должны получить свои доли всѣ совладѣльцы. Первый

наго равенства, то каждая душевая полоса предполагается безусловно равноцѣнною каждой другой полосѣ того же сорта, и распредѣленіе полосъ либо предоставляется случайности жеребьевки, либо основывается на принципѣ „старшинства“. При этомъ либо будутъ приняты во вниманіе, дѣйствительно, *всѣ* признаки, вліяющіе на цѣнность угодій, и будетъ достигнуто объективное равенство душевыхъ полосъ,— но это возможно только при связанномъ съ мелкополосицей распредѣленіи пашенъ на множество сортовъ; либо, напротивъ, община приметъ за основаніе расцѣнки угодій только небольшое число основныхъ признаковъ, и тогда земля въ каждомъ сортѣ не будетъ равноцѣнна, а душевыя полосы не будутъ, въ дѣйствительности, объективно равны другъ другу. Первое мы видимъ въ великороссійскихъ, второе — въ сибирскихъ передѣлахъ; въ частности — при передѣлѣ „по старшинству“, „малолѣткамъ безъ отцовщины“, въ видѣ правила, достаются надѣлы, и хуже расположенные и по качеству уступающіе надѣламъ „старыхъ душъ“. Когда передѣлъ основанъ на началѣ *субъективнаго равенства*, община стремится уже не къ тому, чтобы всѣ душевые надѣлы были *совершенно равны* между собой, а къ тому, чтобы *всякій общественникъ былъ такъ же доволенъ своимъ надѣломъ, какъ и каждый другой*. Цѣль, преслѣдуемая общиной,— чтобы „все было по согласію“; чтобы „не было недовольныхъ“, и „всѣ были успокоены“; для этого стараются, „съ одной стороны, отводить надѣлы каждому домохозяину по соображенію съ *совокупностью удобствъ отвода именно отдѣльному крестьянину*, а съ другой — чтобы уравнительность раздѣла заключалась, главнымъ образомъ, въ *равенствѣ совокупности удобствъ* надѣленія всѣхъ домохозяевъ“ (Осиповъ). „У всякаго вора свой расчетъ“, говоритъ мѣстная пословица,—и это обстоятельство даетъ возможность достигнуть общаго удовлетворенія: при передѣлѣ пашенъ, напримѣръ, однодушный хозяинъ согласится до извѣстной степени пожертвовать качествомъ земли ея кучности; другой предпочтетъ взять полосы, разбросанныя по многимъ урочищамъ, лишь бы получить пашню наилучшаго качества; одинъ охотно возьметъ меньше пашни, да поближе, чтобы избавиться отъ необходимости далеко ѣздить; другой, многолошадный, поѣдетъ куда угодно, лишь бы получить побольше; хозяинъ, имѣющій избушку на своей старой пашнѣ, возьметъ эту пашню за первосортную, тогда какъ другой не оцѣнитъ ея выше средняго сорта; бѣднякъ охотно возьметъ вмѣсто „застрамленной“ (запущенной) первосортной земли хорошо „угоенную“ второразрядную, тогда какъ мощный крестьянинъ,

---

способъ значительно труднѣе второго, почему послѣдній находитъ себѣ преимущественное примѣненіе при размежеваніи даже частнаго владѣнія“ (В. В., 398). Читатель видитъ—въ случаѣ, указанномъ у г. В. В. подъ цифрой 1, имѣется въ виду одна существенная сторона дѣла: уравновѣшеніе количества качествомъ; но нѣтъ налицо элемента субъективной оцѣнки.

конечно, не обратитъ вниманія на это обстоятельство. И вотъ, посредствомъ разнообразныхъ комбинацій этихъ, чисто субъективныхъ, преимуществъ и недостатковъ, достигается *равномѣрное удовлетвореніе всѣхъ домохозяевъ*, другими словами — *субъективное равенство* душевыхъ надѣловъ. То же самое—пожалуй, еще яснѣе—можно констатировать по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ. Бѣдняку, имѣющему лошадь, корову съ теленкомъ и нѣсколько овецъ, можетъ пригодится только доброкачественное сѣно: ему необходимо косить поблизости, такъ какъ съ дальняго покоса ему не на чемъ вывезти сѣно. Другой, тоже недостаточный, хозяинъ обязанъ, напр., отдать за долгъ сто копенъ сѣна, со сдачей на мѣстѣ заготовки; для него не важно ни качество травы, ни удаленность покоса,— для него важна возможная обширность участка, чтобы травы хватило и на свои потребности, и на задолженную сотню копенъ, и возможно крупная и густая, хотя бы грубая, трава, чтобы эту сотню заготовить съ наименьшею затратой труда. Охотно возьметъ дальній и плохой по качеству, но обширный участокъ и богатый мужикъ: сѣно ему есть на чемъ вывезти—лошадей много; много у него и „гулевого“ скота, для котораго не требуется сѣна хорошаго качества. Если первый изъ взятыхъ на выдержку хозяевъ возьметъ на душу всего на 30 копенъ ближняго и хорошаго покоса, а второй и третій — по 100 копенъ дальняго и худого, то всѣ трое могутъ остаться одинаково довольны, и такимъ образомъ участки, во всѣхъ отношеніяхъ различные, окажутся *субъективно равными* между собой.

Переходя затѣмъ съ *формальной*, такъ сказать, на *матеріальную* точку зрѣнія, мы сейчасъ же видимъ, что на формы передѣла, съ одной стороны, вліяетъ *хозяйственный интересъ*, совпадающій, въ общемъ, съ интересами „старыхъ жителей“, съ другой — *требованія всеобщаго равенства*, на которыя опираются „малолѣтки“ и нехозяйственные элементы общины; или по терминологіи К. Р. Качоровскаго, съ одной стороны выступаетъ *право труда*, съ другой—*право на трудъ*[1]).

Требованія *хозяйственнаго интереса* находятъ себѣ выраженіе, очевидно, въ принципѣ „старшинства“, „старины“. Мы уже видѣли, какимъ образомъ *проявляется* этотъ принципъ; понятны и *основанія* его: община „не шевелитъ стараго хозяина“, потому что „у него есть постройки, переносъ которыхъ приведетъ его къ большимъ убыткамъ; потому далѣе, что онъ примѣнился къ своей пашнѣ, пригналъ къ ней покосъ и лѣсокъ“; потому, наконецъ, что онъ хорошо разработалъ свои участки, можетъ-быть, уже удобрилъ ихъ, и что, слѣдовательно, онъ „имѣетъ преимущественное предъ всякимъ другимъ право на занятіе своего прежняго участка“ (Осиповъ).

---

[1]) Сиб. община, 155—157.

Однако, дѣло имѣетъ и другую сторону: принципъ „старшинства“, примѣняемый въ чистомъ видѣ, всегда будетъ невыгоденъ для части общественниковъ, именно „для малолѣтовъ“. Важнымъ недостаткомъ „малолѣтскихъ“ надѣловъ является, прежде всего, ихъ разбросанность: между тѣмъ какъ „старожительскія“ души имѣютъ обыкновенно землю каждаго сорта въ одной полосѣ, а иногда и всѣ сорта въ одномъ участкѣ, „малолѣтамъ“ можетъ достаться въ каждомъ сортѣ по нѣскольку обрѣзковъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ. Правда, отрѣзки обыкновенно подгоняютъ къ однимъ мѣстамъ, но это удается въ далеко неполной мѣрѣ, и „малолѣтскіе“ надѣлы всегда гораздо болѣе разбросаны, нежели надѣлы „старожительныхъ“ душъ [1]). Съ другой стороны понятно, что „старые жители“, имѣя право выбора, оставятъ за собой, въ каждомъ сортѣ, лучшія полосы или части полосъ, „малолѣтамъ“ же достанутся худшія,—слѣдовательно, „малолѣты“ проигрываютъ, говоря вообще, не только въ смыслѣ расположенія надѣловъ, но и въ отношеніи ихъ качества. Весьма естественно, что „малолѣтки“ всегда являются противниками основанныхъ на началѣ „старшинства“ способовъ передѣла, тогда какъ, напротивъ, особенно ревностными ихъ защитниками являются тѣ общественники, которые сумѣли удержать нѣкогда захваченную лучшую землю, или успѣли какъ-нибудь заполучить такую землю при предыдущемъ передѣлѣ. Такимъ образомъ, принципъ старшинства становится въ противорѣчіе съ принципомъ всеобщаго *равенства*, который лучше всего воплощается въ чистыхъ формахъ „торга“. Само по себѣ, требованіе равенства, конечно, въ общинѣ вполнѣ законно; но, въ свою очередь, подъ его знаменемъ выступаютъ на сцену „худые пахари“, которымъ хочется занять полосы хорошихъ хозяевъ, и, такимъ образомъ, съ небольшою затратой труда получить нѣсколько хорошихъ урожаевъ; защитниками „торговъ“ всегда являются, поэтому, приписанные къ обществамъ ссыльные, и въ Ишимскомъ уѣздѣ отмѣчено нѣсколько случаевъ, когда „торги“ прошли главнымъ образомъ по ихъ настояніямъ; напротивъ, значительная часть мѣстнаго крестьянства относится къ нимъ весьма неодобрительно, считая ихъ направленными исключительно къ выгодѣ „лѣнтяевъ“ и въ ущербъ „хорошимъ“, „старательнымъ“ крестьянамъ.

Такимъ образомъ и принципъ „старшинства“, и начало равенства имѣютъ *свою* правду и *свою* неправду: если „добрый пахарь“ на сходѣ заявляетъ, что онъ свою полосу „угòилъ“ (хорошо раздѣлалъ) и потому не хочетъ съ нея сходить, то „бѣднота“

---

[1]) Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что такое дробленіе „малолѣтскихъ“ надѣловъ въ Сибири тоже представляется только относительнымъ: размѣръ душевого надѣла и вообще, и особенно въ тѣхъ общинахъ, которыя придерживаются разсматриваемаго порядка передѣла, опредѣляется почти всегда въ цѣломъ числѣ десятинъ, а потому отрѣзки не могутъ быть менѣе десятины и не могутъ вести къ чрезмѣрному дробленію полосъ.

съ полнымъ, можетъ-быть, правомъ возражаетъ ему: „ты и такъ уже 60 лѣтъ первую землю пашешь, и сейчасъ насъ на нее не пускаешь!..“ если „бѣднота“ распространяется на тему, что „всѣ мы хозяева“, то ей справедливо возражаютъ: „вы свои пашни засрамили, а теперь насъ съ нашихъ полосъ сживаете; вы нашими трудами хлѣбъ ѣсть будете, а мы вамъ готовь пашню къ будущему передѣлу!..“ Поставленные такимъ образомъ спорные вопросы трудно разрѣшимы по существу,—и рѣшеніе ихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, за кѣмъ въ обществѣ сила: за „добрыми пахарями“ или за многочисленною „бѣднотой“. Иногда побѣда въ борьбѣ за форму передѣла всецѣло остается за одною изъ сторонъ, и тогда пускается въ ходъ въ чистомъ видѣ: при побѣдѣ „старыхъ душъ“ и сильныхъ хозяевъ—передѣлъ по старшинству; при побѣдѣ „малолѣтовъ“ и хозяйственно-слабыхъ элементовъ—„торги“ или иной видъ передѣла, связанный съ общимъ перемѣщеніемъ полосъ. Очень часто, однако, проходитъ то или иное, компромисное рѣшеніе. Такъ, при чистомъ типѣ передѣла „въ надорожку“, очень распространенномъ, напр., въ Ишимскомъ уѣздѣ, Тобольской губ., община, разъ начался „торгъ“ [1]), уже не признаетъ за „старымъ хозяиномъ“ никакихъ преимуществъ; въ Курганскомъ уѣздѣ „старый хозяинъ“ и при „торгѣ“ всегда сохраняетъ нѣкоторое преимущество предъ другими конкурентами: если при „торгѣ“ остановилось на одной оцѣнкѣ нѣсколько конкурентовъ, то „старому хозяину“ нѣтъ надобности итти дальше—ему достаточно „принять надорожку“, сдѣланную другими, чтобы „остаться на старомъ мѣстѣ“, и, такимъ образомъ, не сходить съ насиженной и разработанной имъ полосы.

Однако, и при такихъ ограниченіяхъ „надорожка“ всегда вводитъ въ передѣлъ нѣкоторый элементъ азарта и игры, особенно со стороны ссыльныхъ и другихъ безхозяйныхъ элементовъ, а потому нерѣдко ведетъ къ неудовольствіямъ, не только со стороны тѣхъ лицъ, которыхъ „сжили“ съ ихъ прежнихъ участковъ, но иногда и со стороны самихъ тѣхъ, кто взялъ „съ набоя“ соблазнявшія ихъ полосы. При передѣлѣ „на перебой“, какъ при всякомъ аукціонѣ, многіе зарываются; съ другой стороны, нерѣдко случается, что участокъ, въ рукахъ хорошихъ хозяевъ дававшій хорошіе урожаи, попавъ въ руки плохого пахаря, начинаетъ родить хлѣбъ плохо, и тогда „набившіеся“ начинаютъ жаловаться на свою „ошибку“.—Съ цѣлью уменьшенія этого элемента игры и случайности большинство общинъ, по крайней мѣрѣ въ Курганскомъ уѣздѣ, „не лишаетъ себя права вмѣшаться въ каждый частный случай, гдѣ общество видитъ, что торгующіеся на землю преслѣ-

[1]) До начала „торга“ полоса, во всякомъ случаѣ, остается за прежнимъ хозяиномъ, если онъ только этого желаетъ, и желающіе сжить его съ полосы должны „возвысить землю противъ владѣльца“, „повысить его участокъ“ (выраженія приговоровъ).

дуютъ не столько цѣли уравнительной разверстки земли, сколько побуждаются желаніемъ „рыться въ землѣ“ и „всучить“ кому-нибудь его собственную землю по дорогой цѣнѣ“. Но и независимо отъ этого, большинство общинъ Курганскаго уѣзда, какъ отмѣчаетъ покойный Осиповъ, ввело еще тѣ или другія ограниченія процесса „надораживанія“, направленныя къ дальнѣйшему огражденію интересовъ „старыхъ хозяевъ“: такъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ „надорожка“ по отношенію къ первому сорту вовсе не допускается; гдѣ допускается „надораживаніе“ участковъ перваго сорта путемъ прибавленія къ нимъ полосъ низшаго сорта, принимаемыхъ „надораживающимъ“ за высшій, тамъ иногда прямо постановляется, что нельзя переводить въ высшій сортъ менѣе половины десятины или десятины, иногда $^1/_2$ или $^1/_3$ „надораживаемаго“ участка; нѣкоторыя общины допускаютъ „надорожку“ въ извѣстной части высшихъ сортовъ, и въ конечномъ результатѣ передѣлъ „надорожкою“ въ Курганскомъ уѣздѣ, по удостовѣренію Н. О. Осипова, лишь въ минимальной степени идетъ въ ущербъ законнымъ интересамъ „старыхъ душъ“, а роль случайности и азарта сводится къ ничтожной величинѣ.

Передѣлъ „по старшинству“ практикуется преимущественно по отношенію къ пахотнымъ землямъ и къ общественнымъ лѣсамъ. По отношенію къ послѣднимъ въ юго-западной части Тобольской губерніи, главномъ районѣ распространенія лѣсныхъ передѣловъ, выработался рядъ поправокъ, имѣющихъ цѣлью до извѣстной степени оградить интересы „малолѣтскихъ душъ“. Этихъ ограниченій мнѣ удобнѣе будетъ коснуться ниже, говоря спеціально о лѣсныхъ передѣлахъ. Что̀ касается до пашенъ, то существенною поправкою къ передѣлу „по старшинству“ является довольно широко примѣняемый, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, принципъ „уравновѣшенія сортовъ“ [1]), который, впрочемъ, комбинируется, хотя и рѣже, и съ другими способами передѣла. При наиболѣе обычной комбинаціи способа уравновѣшенія сортовъ съ передѣломъ „по старшинству“ „каждому домохозяину предоставляется безусловное право выбрать на владѣемыхъ имъ участкахъ, въ одномъ или двухъ сортахъ, такое количество земли, которое ему причитается въ каждомъ изъ этихъ сортовъ“... Послѣ этого общество, по своему усмотрѣнію, надѣляетъ каждаго домохозяина землею остальныхъ сортовъ, при чемъ „соображаетъ, какія земли надо отвести каждому, чтобы уравновѣсить его собственный выборъ, и чтобы никому не было обидно“. Если у надѣляемаго домохозяина самого есть „такія плохія земли, которыя могли бы уравновѣсить первоначальный его выборъ, то общество всегда отводитъ именно эти земли; но если у домохозяина послѣ его добровольнаго выбора все-таки остались хорошія земли“, то ему „отводится надѣлъ уже на чужихъ участкахъ, оставшихся свободными отъ

[1]) Сибир. общ., 149—150.

другихъ домохозяевъ". „Всякому хозяину, — говоритъ по этому поводу покойный Осиповъ,—который не жадничаетъ, не думаетъ обдѣлить другихъ, почти всегда удается остаться на старыхъ своихъ участкахъ не только въ лучшихъ сортахъ, но и въ худшихъ земляхъ, отводомъ которыхъ распоряжается уже общество, потому что послѣднее, видя, что надѣленный хозяинъ, при избраніи лучшихъ земель, ничьихъ интересовъ не покушался нарушить и дѣйствительно не нарушилъ, само старается отвести такому крестьянину землю непремѣнно на его старомъ владѣніи". Сказанное, однако, примѣнимо къ способу „уравновѣшенія сортовъ" только въ его вышеописанной формѣ, распространенной по преимуществу въ Курганскомъ уѣздѣ; въ Ишимскомъ встрѣчаются еще другія разновидности и комбинаціи этого способа,—такъ, довольно часто полосы второго и третьяго сорта заранѣе „спариваются" съ первосортными, и, затѣмъ, „спаренныя" полосы разбираются аукціономъ „на сбавку". Любопытно, что хотя отводъ „нелюбыхъ половинъ" зависитъ отъ неограниченнаго усмотрѣнія общины, изъ этого, повидимому, не происходитъ особыхъ неудовольствій: пишущему эти строки приходилось слышать жалобы на „ошибки" при добровольномъ выборѣ „любой" половины; на неправильности при отводѣ „нелюбой"—ни разу.

Нашей задачей является исключительно обзоръ главнѣйшихъ типовъ передѣловъ, господствующихъ въ районахъ „слагающейся" или недавно „сложившейся" общины. Мы не будемъ поэтому останавливаться на рядѣ встрѣчающихся въ тѣхъ же районахъ второстепенныхъ типовъ передѣла [1]), и могли бы вообще покончить съ характеристикою передѣльныхъ формъ, господствующихъ въ интересующихъ насъ районахъ, если бы намъ не нужно было разобраться въ одномъ существенномъ вопросѣ: объ отношеніи охарактеризованныхъ нами типовъ передѣла, съ одной стороны, къ первобытному захвату, а съ другой—къ выработаннымъ и законченнымъ формамъ общиннаго землепользованія. Мы должны посвятить этому вопросу нѣкоторое вниманіе въ виду высказывавшагося въ спеціальной литературѣ мнѣнія, будто передѣлъ „по старшинству"—лишь остаточная форма отмирающаго захватнаго владѣнія, и будто окончательное утвержденіе порядковъ общинно-уравнительнаго пользованія необходимо связано съ окончательнымъ исчезновеніемъ начала „старшинства".

Мы цитировали выше характеристику передѣла „по старшинству", какъ ее даетъ М. А. Большаковъ въ своей „Общинѣ у зырянъ". Община,—говоритъ названный изслѣдователь,—„не можетъ еще совсѣмъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ эпохи индивидуальнаго владѣнія взгляда на связь между землею и разработавшимъ ее лицомъ и признаетъ за послѣднимъ преимущественное передъ другими право на участокъ, даже послѣ перехода

[1]) Тамъ же, 150—151.

его въ общинное пользованіе“ [1]). Стремленіе общины „по возможности избѣгать сдвиженія крестьянъ съ разработанныхъ ими участковъ“ разсматривается, такимъ образомъ, какъ пережитокъ отъ „эпохи индивидуальнаго владѣнія“ или, примѣняя нашу терминологію, отъ временъ первобытнаго захвата. Гораздо подробнѣе, мы знаемъ [2]), развиваетъ ту же мысль С. А. Егіазаровъ въ своихъ работахъ о земельной общинѣ въ Закавказьѣ. По мнѣнію г. Егіазарова, „сущность передѣла заключается именно въ томъ, что всѣ надѣльные участки соединяются въ одну общую массу, которая путемъ жребія заново разверстывается между общинниками, такъ что отдѣльные участки могутъ перейти отъ прежнихъ владѣльцевъ къ другимъ общинникамъ“. Передѣлъ „по старшинству“, съ этой точки зрѣнія,—не предѣлъ, а только „уравненіе земли, съ прирѣзкой ея однимъ и отрѣзкой ея у другихъ“: это—упадочная форма общины, „начало возникновенія подворнаго землевладѣнія, потому что общинникъ, отъ котораго только отрѣзываются излишки, исподволь привыкаетъ къ мысли, что участокъ составляетъ его исключительное владѣніе“.

Приблизительно такъ же смотритъ на дѣло авторъ монографіи о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ, М. А. Кроль. Для г. Кроля „всѣ привилегіи старыхъ хозяевъ, владѣльцевъ расчищенныхъ участковъ“, — это „послѣдняя дань, приносимая уравнительнымъ принципомъ неуравнительному, захватному“. Всякаго рода случаи, когда отдѣльные домохозяева при передѣлахъ выговариваютъ себѣ право воспользоваться частью удобренныхъ или расчищенныхъ покссовъ „въ вознагражденіе за труды“ и удержать свой пай изъ имѣвшихся у нихъ угодій по собственному выбору (типичный передѣлъ „по старшинству“), для г. Кроля — результаты незакончившейся еще борьбы общины съ представителями захватнаго начала, доказательство той „огромной фактической силы“, которою еще пользуются захватчики; право владѣльцевъ получить при передѣлѣ свою долю именно изъ ранѣе состоявшихъ въ ихъ пользованіи участковъ — „отголосокъ первоначальныхъ захватныхъ формъ“. *Настоящій* передѣлъ, по мнѣнію г. Кроля,—это только такіе способы распредѣленія угодій, при которыхъ „исчезаютъ всякіе слѣды правъ захвата *или предшествовавшей затраты труда* (курсивъ нашъ. А. К.), и каждый участокъ земли по жребію, съ торговъ ли, или какимъ угодно другимъ путемъ можетъ попасть къ любому изъ членовъ общества“ [3]).

И С. А. Егіазаровъ и М. А. Кроль—горячіе сторонники общиннаго землевладѣнія. Но едва ли злѣйшій врагъ могъ бы дать болѣе отрицательную характеристику общины, изобразить ее бо̀ль-

---

[1]) *Большаковъ*, 95.
[2]) Стр. 202—203, 205—206.
[3]) *Кроль*, 42, 176—177, 197—198.

шимъ препятствіемъ для хозяйственнаго прогресса. Если, въ самомъ дѣлѣ, всякое проявленіе уваженія къ затраченному отдѣльнымъ домохозяиномъ труду есть лишь слѣдъ первоначальнаго захвата; если община, „окончательно вступившая въ свои права", непремѣнно установляетъ такіе порядки, при которыхъ „земли, входящія въ передѣлъ, какъ бы теряютъ всякую связь со своимъ прежнимъ хозяиномъ, и послѣдній имѣетъ нисколько не болѣе шансовъ получить въ надѣлъ свой участокъ, нежели всякій другой общественникъ", то „вступленіе общины въ свои права" должно быть разсматриваемо, какъ рѣшительное препятствіе и для качественнаго, и даже для количественнаго хозяйственнаго прогресса. Если бы это было такъ, то я бы первый сталъ привѣтствовать всякую мѣру, направленную къ разрушенію общины, такъ какъ не могъ бы не признать, что община, въ своихъ дѣйствіяхъ исходящая *исключительно* изъ начала равенства и нисколько не считающаяся съ правами затраченнаго труда, можетъ, въ концѣ-концовъ, привести только къ равной для всѣхъ нищетѣ и культурной отсталости.

Однако въ дѣйствительности это не такъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что передѣлъ „по старшинству" стоитъ въ генетической связи съ чистымъ захватомъ, являясь лишь усовершенствованіемъ системы „поравненій". Но въ непосредственной генетической связи съ первобытными захватными формами стоятъ и передѣльныя формы, основанныя на принципѣ „торговъ",—формы которыя въ чистомъ своемъ видѣ абсолютно игнорируютъ „всѣ привилегіи старыхъ хозяевъ", и которымъ, поэтому, г. Кроль не отказываетъ въ правѣ на титулъ „коренного передѣла": и эти передѣлы,—говоритъ К. Р. Качоровскій,—„строго говоря, остаются еще тоже захватомъ, только съ максимально-уравненными шансами захватчиковъ и примиренными и соглашенными формами ихъ соперничества" [1]). Оба основныхъ типа сибирскихъ передѣловъ, повторяю, генетически связаны съ первобытнымъ захватомъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тотъ или другой изъ нихъ и по существу представлялъ собою лишь „пережитокъ, слѣдъ первоначальнаго захвата". Такъ можетъ думать лишь тотъ, для кого община вообще отождествляется съ московскою общиной, описанною В. И. Орловымъ, общинное землепользованіе — съ временными и преходящими передѣльными формами. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, перетасовка полосъ есть самоцѣль, съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ общиннаго землевладѣнія? Очевидно, нѣтъ: община дѣлаетъ это только для того, чтобы уравнивать пользованіе отдѣльныхъ своихъ членовъ. А между тѣмъ, при обычно-практикуемыхъ ограниченіяхъ, „принципъ надѣленія землей по мѣсту расчистки или по фактическому пользованію, по справедливому замѣчанію г. Большакова, нисколько не противорѣчитъ проведе-

[1]) *Качоровскій*, 185.

нію полнаго и всесторонняго уравненія: оставляя за домохозяиномъ тѣ участки, на которыхъ онъ много лѣтъ трудится, къ обработкѣ которыхъ онъ приспособился, община тѣмъ самымъ вноситъ устойчивость въ землепользованіе, безъ ущерба для уравнительности" [1]). Неужели эта „устойчивость въ землепользованіи" безъ ущерба для уравнительности *противорѣчитъ существу* общиннаго землевладѣнія и уравнительнаго землепользованія?..

Къ счастью для общины, эволюція формъ общинно-уравнительнаго пользованія въ районахъ слагающейся общины никоимъ образомъ не можетъ быть сведена къ простому вытѣсненію принциповъ давности, труда, хозяйственной цѣлесообразности чистымъ, грубо-уравнительнымъ началомъ. Какъ замѣчаетъ К. Р. Качоровскій, внимательно изучившій весь сибирскій матеріалъ, крайнія формы распредѣленія, основанныя: однѣ — *исключительно* на правѣ труда, другія—*только* на правѣ на трудъ, „встрѣчаются въ чистомъ видѣ лишь очень рѣдко и *преимущественно именно въ мѣстахъ, гдѣ передѣлы еще только вырастаютъ изъ отводовъ;* въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждая изъ нихъ корректируется другою, и онѣ взаимно сближаются", въ конечномъ же результатѣ установляются „*среднія*, компромисныя системы, при которыхъ *и право труда, и право на трудъ уживаются, взаимно приспособившись*" (курсивы наши. А. К.) [2]). Г. Качоровскій весьма удачно отмѣчаетъ, что въ Ишимскомъ уѣздѣ, Тобольской губ., гдѣ передѣлы начались сравнительно недавно, до сихъ поръ преобладаютъ тѣ или другія *крайнія* системы передѣловъ, тогда какъ въ Курганскомъ, гдѣ передѣлы начали практиковаться гораздо раньше, получили всеобщее распространеніе *среднія*, *компромисныя* системы. При передѣлахъ пашенъ въ Ишимскомъ уѣздѣ въ однѣхъ общинахъ, очень многочисленныхъ, примѣняется въ чистомъ видѣ принципъ „старшинства", тогда какъ другія передѣляютъ пашни „торгомъ", безъ всякихъ ограниченій въ пользу „старыхъ душъ"; въ Курганскомъ чистый типъ передѣла „по старшинству" отмѣченъ всего въ какихъ-нибудь двухъ десяткахъ общинъ, и только въ одной общинѣ встрѣтился чистый типъ „надорожки"; въ громадномъ большинствѣ общинъ этого уѣзда констатированы компромисныя формы — передѣлъ „надорожкой" или „уравновѣшеніемъ сортовъ" съ ограниченіями, достаточно ограждающими интересы „старыхъ хозяевъ" [3]). По отношенію къ лѣсамъ въ Ишимскомъ уѣздѣ преобладаетъ чистая форма передѣла „по старшинству", при которой всѣ „старыя души" остаются, за отрѣзкою излишковъ, на старыхъ мѣстахъ, „малолѣтки" же надѣляются „отеческимъ лѣсомъ, такъ что бережное обращеніе съ лѣсомъ награждается, а небрежное наказуется не только на

---

[1]) *Большаковъ*, 96.
[2]) *Качоровскій*, 235—237.
[3]) Сибир. община, 156—157.

самихъ виновникахъ, но и на ихъ дѣтяхъ и родственникахъ". Напротивъ, въ Курганскомъ уѣздѣ хотя и соблюдается начало „старшинства", но община стремится оставить каждому „старожителю" хорошій и вырубленный лѣсъ въ той же пропорціи, въ какой онъ сохранилъ или вырубилъ лѣсъ, принадлежавшій ему по прежнему передѣлу, и надѣлить каждаго „малолѣта", какъ вырубками, такъ и хорошимъ лѣсомъ [1]). Что принципъ „старшинства" не есть особенность совершенно примитивной общины, обреченная на уничтоженіе по мѣрѣ укрѣпленія общиннаго начала, объ этомъ свидѣтельствуютъ также и данныя о формахъ передѣла въ сибирскомъ и сѣверно-русскомъ полѣсьѣ—мѣстностяхъ, гдѣ передѣльныя формы достигли уже высокой степени выработанности. Въ зырянскомъ краѣ, дѣйствительно, есть группа общинъ, „гдѣ трудовое (или захватное! А. К.) право еще настолько сильно, что уравненіе выражается лишь въ видѣ какъ бы нѣкоторыхъ частичныхъ поправокъ, вносимыхъ въ землепользованіе", гдѣ, иначе сказать, дѣло не пошло еще дальше „поравненій" пахотныхъ земель. Но есть и такія, „гдѣ преимущественное право лица на расчищенные имъ, но перешедшіе въ общинное пользованіе участки, хотя и продолжаетъ находить себѣ признаніе, но лишь постольку, поскольку оно не противорѣчитъ ни качественному, ни количественному уравненію" [2]). На земледѣльческомъ сѣверѣ Тобольской губерніи, какъ мы увидимъ ниже, господствующимъ способомъ передѣла является передѣлъ „по старшинству", корректируемый по принципу „уравновѣшенія сортовъ", и соблюденіе начала „старшинства" объясняется здѣсь не какими-либо пережитками, а яснымъ сознаніемъ хозяйственной цѣлесообразности этого начала.

Итакъ, если пока оставить въ сторонѣ жеребьевый порядокъ передѣла, то передѣльныя формы въ районахъ слагающейся общины представляютъ собою либо чистыя проявленія, либо разнообразныя комбинаціи двухъ основныхъ типовъ передѣла: передѣла „по старшинству", основаннаго на формальномъ принципѣ объективнаго равенства и направленнаго, главнымъ образомъ, къ огражденію интересовъ „старыхъ душъ", опирающихся на право затраченнаго труда, и на соображенія хозяйственной цѣлесообразности; и передѣла съ „торговъ", основаннаго на формальномъ началѣ субъективнаго равенства и выгоднаго преимущественно для „малолѣтовъ" и для хозяйственно-слабыхъ элементовъ, опирающихся на „право на трудъ" и на принципъ всеобщаго равенства. Завися въ каждомъ данномъ случаѣ отъ соотношенія силъ борющихся сторонъ, исходъ борьбы за форму передѣла, въ общемъ и цѣломъ, въ значительной степени предрѣшается нѣкоторыми объективными условіями. Здѣсь вліяютъ:

[1]) Тоже, 195—197.
[2]) *Большаковъ*, 95—96.

1. Однокачественность или разнокачественность угодій. Гдѣ угодья однокачественны, тамъ, во-первыхъ, они легче поддаются раздѣлу на объективно-равныя доли; чѣмъ они разнокачественнѣе, тѣмъ это труднѣе,—тѣмъ необходимѣе поэтому примѣненіе порядковъ передѣла, основанныхъ на формальномъ началѣ субъективнаго равенства. Съ другой стороны, чѣмъ пестрѣе и неоднороднѣе угодья, тѣмъ „старому хозяину“ труднѣе доказать, что высшая, положимъ, урожайность его пашенъ, въ самомъ дѣлѣ, результатъ лучшаго хозяйства, болѣе тщательной обработки и т. п., а не какихъ-нибудь естественныхъ различій въ почвенныхъ условіяхъ; чѣмъ, напротивъ, угодья однороднѣе, тѣмъ труднѣе „малолѣткамъ“ настоять на смѣщеніи „стариковъ“, которымъ, при такихъ условіяхъ, нетрудно доказать, что получаемые ими лучшіе урожаи—результатъ исключительно ихъ собственной хозяйственной заслуги. Въ концѣ-концовъ, какъ формальныя или техническія соображенія, такъ и существо дѣла, ведутъ къ тому, что однородность угодій увеличиваетъ шансы передѣла „по старшинству“, пестрота—аукціонныхъ и т. п. способовъ передѣла.

2. Характеръ даннаго угодья или вида угодій съ точки зрѣнія трудовой затраты: шансы передѣла „по старшинству“, очевидно, тѣмъ больше, чѣмъ больше была затрата труда на приведеніе данной площади въ пригодное для непосредственной эксплуатаціи состояніе; чѣмъ она была меньше, тѣмъ больше шансы „торговъ“ и т. п. способовъ передѣла. Это ясно уже потому, что эволюція пользованія, такъ сказать, нетрудовыми угодьями идетъ отъ вольнаго пользованія, отъ котораго естественный переходъ къ „торгамъ“; эволюція пользованія трудовыми угодьями—отъ прочнаго захвата, откуда, черезъ посредство „поравненій“, получается передѣлъ „по старшинству“. Но и независимо отъ этого затрата труда на расчистку—лишній аргументъ въ пользу „старыхъ жителей“ и противъ требованій „малолѣтовъ“: расчистка—это *моя* земля, которую у меня хотятъ отобрать при передѣлѣ, степная пашня или луговой покосъ—*общественная* земля, случайно попавшаяся мнѣ въ руки, и я имѣю на нее не больше права, чѣмъ всякій другой однообщественникъ.

До нѣкоторой степени совпадаютъ съ этимъ вторымъ моментомъ еще

3. Соображенія хозяйственной цѣлесообразности—степень воспріимчивости даннаго угодья къ хорошему или, наоборотъ, къ плохому хозяйству, при наличности или отсутствіи въ населеніи сознанія необходимости улучшенія даннаго угодья или, по крайней мѣрѣ, предотвращенія его порчи. Я сказалъ, что этотъ моментъ до извѣстной степени совпадаетъ съ предыдущимъ: если въ самомъ дѣлѣ *уже производившееся* удобреніе пашни, уже сдѣланная подчистка покоса и т. п., съ одной стороны, являются трудовыми затратами, которыя, какъ таковыя, укрѣпляютъ позицію „старыхъ хозяевъ“, то съ другой—еще гораздо болѣе убѣди-

тельнымъ аргументомъ являются необходимость *дальнѣйшаго* унавоживанія и дальнѣйшихъ подчистокъ сѣнокоса и невозможность разсчитывать ни на то, ни на другое, при такихъ порядкахъ передѣла, которые игнорируютъ принципъ старшинства. Но совпадаетъ именно только до извѣстной степени: лѣса — естественный даръ природы, и о трудовомъ правѣ на лѣсъ не можетъ быть рѣчи; между тѣмъ по отношенію къ лѣсамъ хозяйственный мотивъ выступаетъ чрезвычайно сильно: истребить лѣсъ очень легко, а исправить послѣдствія истребленія чрезвычайно трудно; необходимость въ унавоживаніи полей вліяетъ на форму передѣла и по отношенію къ „свѣтлымъ“ пашнямъ, гдѣ трудовое право не играетъ роли, и т. п. Ясно, что разсматриваемый хозяйственный моментъ — моментъ хозяйственной цѣлесообразности, выступаетъ съ наибольшею силою по отношенію къ лѣсамъ, а по отношенію къ пашнямъ—съ большею, чѣмъ по отношенію къ покосамъ: пашня съ самаго начала *обрабатывается* и качество обработки всегда имѣетъ существенное значеніе; сѣнокосы въ продолженіе вѣковъ только *эксплуатируются*, только косятся—и потому переходъ ихъ изъ рукъ въ руки, до поры, до времени, не можетъ имѣть неблагопріятнаго вліянія. При этомъ важны не только объективныя свойства извѣстнаго угодья, но совокупность условій, позволяющихъ населенію въ однѣхъ мѣстностяхъ и въ одно время не задумываться надъ хозяйственными мотивами, а въ другихъ мѣстностяхъ и въ другое время выдвигающихъ эти мотивы на первый планъ. Пока лѣса много и имъ не дорожатъ, до тѣхъ поръ способы раздѣла лѣсовъ слагаются внѣ всякаго вліянія мотива лѣсосбереженія; пока не возникла потребность въ унавоживаніи полей, передѣлъ „съ торговъ“ имѣетъ гораздо больше шансовъ, чѣмъ когда приходится унавоживать; пока луговъ много и зарастаніе ихъ не смущаетъ населеніе, хозяйственный мотивъ остается на заднемъ планѣ,—но онъ рѣшительно выдвигается впередъ, когда приходитъ время для расчистки луговъ.

Итакъ, однородность или пестрота угодій; характеръ угодій, устраняющій или, наоборотъ, создающій почву для трудового права, и хозяйственныя условія, выдвигающія на первый планъ моментъ продолжительности пользованія угодьями или оставляющія этотъ моментъ въ тѣни,—таковы три важнѣйшихъ условія, оказывающихъ вліяніе на форму передѣла. Вліяніе каждаго изъ нихъ мы прослѣдимъ на способахъ передѣла каждаго изъ главнѣйшихъ видовъ угодій.

Начнемъ съ *пахотныхъ земель*,—но прежде чѣмъ перейти, собственно, къ способамъ ихъ передѣла, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, отличающихъ общинные распорядки сибирской полосы экстенсивнаго земледѣлія и другихъ рѣдконаселенныхъ, по преимуществу степныхъ, мѣстностей, гдѣ община слагалась при дѣйствительно широкомъ земельномъ просторѣ, отъ общинныхъ порядковъ сибирскаго и сѣверно-русскаго

полѣсья, гдѣ значительный, а во многихъ мѣстностяхъ огромный „ариѳметическій“ просторъ сопровождается фактическимъ „утѣсненіемъ“, въ особенности въ отношеніи пахотныхъ земель. Въ первой главѣ настоящей второй части я указывалъ, что въ мѣстностяхъ первой категоріи преобладаетъ залежное хозяйство, въ Сибири—въ его залежно-паровой разновидности, постепенно переходящее въ беззалежное зерновое хозяйство, и лишь кое-гдѣ появляются разрозненныя, нерѣшительныя попытки примѣненія навознаго удобренія. Сѣверное полѣсье какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи,—это районъ установившагося трехпольнаго хозяйства съ интенсивнымъ навознымъ удобреніемъ [1]).

---

[1]) Не могу обойти молчаніемъ, при этомъ случаѣ, не совсѣмъ правильнаго освѣщенія вопроса о соотношеніи формъ землепользованія и способовъ или системъ земледѣлія, которое даетъ К. Р. Качоровскій. „Очень часто,— говоритъ онъ,—ко времени первыхъ передѣловъ пашни наступаетъ уже пора интенсификаціи земледѣлія (такъ какъ это именно періодъ рабочей нормы землевладѣнія), установленія общаго правильнаго сѣвооборота съ пастьбою скота на поляхъ и т. д.; ясно, что этотъ крайне важный шагъ въ общинной систематизаціи земледѣлія долженъ дать сильный и часто рѣшающій толчокъ къ высшей формѣ общинной систематизаціи землевладѣнія въ формѣ періодическихъ уравнительныхъ передѣловъ. Такъ именно и происходитъ дѣло въ дѣйствительности. Въ значительномъ числѣ случаевъ *моментъ перваго передѣла и перехода къ трехполью бываютъ очень близки* (курс. мой. А. К.); часто пашня, ближайшая къ селенію, представляетъ передѣльное трехполье, а болѣе отдаленные участки остаются захватно-отводною залежью“ (*Качоровскій*, 225—226). Я позволяю себѣ утверждать, что въ данномъ случаѣ г. Качоровскій рѣшительно неправъ. Правда, въ сѣверномъ полѣсьѣ, котораго, впрочемъ, г. Качоровскій въ данномъ случаѣ, повидимому, и не имѣетъ въ виду, передѣляются, дѣйствительно, трехпольныя пашни, и параллельно съ ними, дѣйствительно, продолжаютъ существовать мѣстами непередѣляемыя, но мѣстами и передѣляемыя залежныя или подсѣчныя пашни. Но изъ этого рѣшительно не слѣдуетъ, чтобы появленіе передѣловъ стояло въ причинной зависимости отъ перехода къ навозному трехполью, да еще къ регулированному трехполью съ общественными полевыми смѣнами. Даже въ области хозяйства съ удобреніемъ есть мѣстности (Туринская и частью Пушкаревская волости, Туринскаго уѣзда), гдѣ нѣтъ никакой „общинной систематизаціи земледѣлія“, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, пашни издавна передѣляются. И обратно—въ южно-русскихъ степяхъ, въ частности въ казачьихъ областяхъ, довольно распространена „систематизація земледѣлія“ въ видѣ общинныхъ толочныхъ смѣнъ,—и параллельно съ такою систематизаціею продолжаютъ держаться захватные порядки или наблюдаются еще только первые шаги къ ограниченію захвата. Но главное—вѣдь и г. Качоровскій, какъ и я, черпалъ фактическій матеріалъ, главнымъ образомъ, изъ сибирской полосы экстенсивнаго земледѣлія, въ частности изъ юго-западныхъ уѣздовъ Тобольской губерніи; а между тѣмъ въ этомъ районѣ хозяйство еще безконечно далеко отъ правильнаго трехполья, связаннаго съ „общинною систематизаціею земледѣлія“, т.-е. съ разбивкой общинныхъ полей на смѣны и обязательнымъ чередованіемъ посѣвовъ и пара: эволюція земледѣлія не пошла здѣсь дальше беззалежнаго парового хозяйства, притомъ хозяйства, совершенно не регулируемаго общиной: полное отсутствіе „общинной систематизаціи“ является одною изъ характернѣйшихъ чертъ сибирской передѣльной общины; равнымъ образомъ, „общинной систематизаціи земледѣлія“ не знаетъ, какъ мы видѣли, и закавказская община, которая, тѣмъ не менѣе, не только успѣла выработать у себя общинно-уравнительныя формы, но въ значительной степени успѣла уже и пережить ихъ. Если уже приводить упроченіе передѣловъ въ связь съ какими-либо моментами эволюціи земледѣлія, то для Сибири—развѣ

Въ тѣснѣйшей связи со сказаннымъ стоятъ и существенныя различія въ общинно-передѣльныхъ распорядкахъ. Прежде всего, въ сѣверномъ полѣсьѣ господствуетъ *принудительное* трехполье: трехпольныя пашни разбиты на общественныя смѣны или „перемѣны", гдѣ хозяйство подчиняется самому типичному Flurzwang'y, съ общимъ выпасомъ скота въ свободныхъ отъ посѣвовъ смѣнахъ. Въ сибирской полосѣ экстенсивнаго земледѣлія, равно какъ во многихъ мѣстностяхъ юго-восточной Россіи, въ частности въ очень многихъ казачьихъ общинахъ, принудительнаго хозяйства, Flurzwang'a не существуетъ: каждый домохозяинъ въ правѣ поступать съ доставшимися ему по передѣлу пашнями, какъ ему заблагоразсудится,—засѣвать чѣмъ угодно и когда угодно; ему приходится считаться только съ временемъ „запора" и „отпора" общественныхъ поскòтинъ, т.-е. весенняго и осенняго выпуска общественнаго скота на вольный выпасъ. Сказанное не есть правило, не знающее исключеній: съ одной стороны, въ сѣверномъ полѣсьѣ не мало мѣстностей, гдѣ Flurzwang'a нѣтъ: таковы, напримѣръ, Туринская и Кошукская волости Туринскаго уѣзда, почти весь Тюменскій уѣздъ, Тобольской губерніи, нѣкоторыя мѣстности зырянскаго края, нѣкоторыя вотяцкія общины Вятской губерніи. Съ другой стороны, въ степяхъ Европейской Россіи залежное хозяйство принимаетъ регулированный характеръ, въ видѣ обязательнаго чередованія пахотныхъ и толочныхъ смѣнъ; отдѣльныя попытки этого рода встрѣчаются и въ Сибири, чаще въ переселенческихъ поселкахъ, но изрѣдка—и въ старожильскихъ селеніяхъ. Правило, однако, остается вѣрнымъ; въ частности, одной изъ характернѣйшихъ чертъ передѣльной общины въ сибирской полосѣ экстенсивнаго земледѣлія является то, что община какъ при первыхъ ограниченіяхъ захвата, такъ и при передѣльномъ пользованіи совершенно не стѣсняетъ хозяйственной свободы отдѣльныхъ домохозяевъ.

Другое различіе относится къ вопросу о дробленіи полосъ. Характернѣйшею чертою передѣловъ въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія является совершенное отсутствіе „мелкополосности", составляющей одну изъ существенныхъ чертъ общинныхъ порядковъ Европейской Россіи. Великороссійская община стремится распредѣлить пашни на равнокачественные во всѣхъ отношеніяхъ

только съ переходомъ отъ залежнаго къ беззалежному паровому хозяйству; и даже между этими двумя моментами трудно будетъ установить непосредственную причинную связь: *оба* они вытекаютъ *изъ одной и той же общей причины* — наступленія извѣстной степени земельнаго утѣсненія. Извѣстную связь съ трехпольемъ можно, пожалуй, установить для великорусской передѣльной общины съ мелкимъ дробленіемъ полосъ и принудительнымъ хозяйствомъ; но и то—лишь съ большими оговорками, ибо формы передѣла, господствующія въ сибирскомъ полѣсьѣ или въ зырянскомъ краѣ, также при господствѣ трехполья, существенно отличаются отъ великорусскихъ или, точнѣе, среднерусскихъ формъ,—отличаются хотя бы отсутствіемъ, или, во всякомъ случаѣ, ничтожною распространенностью жеребьевки.

участки, каждый изъ которыхъ дѣлится на пространственно равныя полосы, по числу разверстočныхъ единицъ; въ районѣ экстенсивнаго земледѣлія (Сибирь, казачьи области) община, правда, также сортуетъ пашни, но число сортовъ очень рѣдко превышаетъ три и почти никогда не бываетъ выше четырехъ. Крестьяне здѣсь „отлично понимаютъ истину, что землю на вѣсахъ не развѣсишь“, и что поэтому „какіе точные съ формальной стороны пріемы ни выдумывай, все-таки „настоящаго“ (т.-е. идеально-совершеннаго) по точности раздѣла нельзя достигнуть“ (Осиповъ). Община поэтому стремится, какъ мы видѣли, отвести каждому не *абсолютно-равные*, а *субъективно-равноцѣнные* душевые надѣлы,—а при такой постановкѣ дѣла „крестьяне пашутъ, самое большее, въ 5—6 мѣстахъ, а сплошь и рядомъ попадаются случаи, что домохозяинъ пашетъ въ одномъ, двухъ мѣстахъ и очень мало тратитъ времени на переѣзды“ (онъ же), и такимъ образомъ дробленіе пашенъ на узкія полосы, „ленты“, совершенно не можетъ имѣть мѣста; въ Ишимскомъ уѣздѣ нѣкоторыя общины особыми постановленіями запрещаютъ дробленіе пашенъ далѣе извѣстнаго предѣла — обыкновенно десятины: „этакъ для пахоты много годнѣе будетъ“, говорятъ крестьяне, въ объясненіе такихъ запрещеній.

Совершенно иное мы видимъ въ сѣверномъ полѣсьѣ. Здѣсь, прежде всего, значительно меньше общіе размѣры душевыхъ надѣловъ пахотной земли. А такъ какъ за основаніе расцѣнки пашенъ въ трехпольныхъ „перемѣнахъ“ принимаются, кромѣ качества, и разстояніе ихъ отъ усадебъ (особенно важное при хозяйствѣ съ удобреніемъ), то число сортовъ нерѣдко бываетъ довольно значительно—до 4—5 въ каждой смѣнѣ, а общее число полосъ, достающихся на душу, не считая даже „запольныхъ“ земель, колеблется между 6 и 15 при трехъ и 4 и 10 при двухъ „перемѣнахъ“. Неудивительно, что внѣшній видъ этихъ послѣднихъ представляетъ близкое сходство съ видомъ полей въ великороссійскихъ общинахъ: каждая „перемѣна“ изрѣзана въ разныхъ направленіяхъ на узкія лентообразныя полосы, ширина которыхъ нерѣдко падаетъ до 5—3 саженъ и ниже [1]).

Перехожу теперь къ вопросу о *срокахъ передѣловъ* пахотныхъ земель [2]). Я уже упоминалъ о томъ, что первые, такъ сказать, зачаточные передѣлы нерѣдко бывали безсрочными. Но гдѣ передѣлъ окончательно утратилъ характеръ „поравненія“, передѣлы всегда производятся на опредѣленный, и притомъ, почти безъ исключенія, на продолжительный срокъ. Гдѣ передѣлы практикуются издавна, тамъ въ прежнее время они сопровождали ревизіи, и всякій передѣлъ былъ дѣйствителенъ до слѣдующей реви-

---

[1]) Сибир. община, 135—137.
[2]) Тоже, 137—140, 160—161.

зіи. Въ 80-хъ годахъ населеніе перестало ждать ревизіи, а потому всѣ передѣлы, произведенные въ это время, объявлены дѣйствительными на опредѣленный срокъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ — не менѣе десяти лѣтъ; такъ, въ Ишимскомъ уѣздѣ только 8 общинъ передѣлили пашни на 6 лѣтъ, двѣ—на 5 и на 3 года; во всѣхъ остальныхъ срокъ назначенъ либо въ 10, либо въ 15 лѣтъ. Общины Курганскаго уѣзда распредѣляются по продолжительности установленнаго срока слѣдующимъ образомъ:

Въ районахъ:	На 10 лѣтъ.	На 12 лѣтъ.	На 15 лѣтъ.
Западномъ Притобольномъ . . .	73	51	148
Восточномъ Приозерномъ . . .	13	12	137
Всего по уѣзду . .	86	63	285

Двѣ общины назначили 20-лѣтній срокъ, другія двѣ — срокъ менѣе 10 лѣтъ, и такимъ образомъ только треть всего числа приняла 10—12-лѣтній срокъ, а почти двѣ трети (65%) произвели передѣлъ на 15 лѣтъ.

Незыблемость установленнаго срока нерѣдко особо оговаривалась въ мірскихъ приговорахъ („чтобы не было между нами передѣла“; „пользоваться безъ новаго передѣла въ теченіе 10 лѣтъ“; „на 10 лѣтъ безъ перемѣны *во избѣжаніе въ частомъ перемѣрѣ земли*“, и т. п.). Исключеніе допускается только, въ нѣкоторыхъ приговорахъ, на случай „перемѣнъ въ пользованіи землею отъ вышняго начальства“, въ другихъ—на случай XI ревизіи, за которой, такимъ образомъ, все же признается обязательное, въ отношеніи внутренней разверстки земли, значеніе.

То же самое, по существу, можно сказать и о забайкальскомъ районѣ уравнительнаго пользованія пашнями: и здѣсь „пашни всюду почти передѣляются на долгіе сроки“ [1]). Тѣмъ болѣе можно сказать то же о сибирскомъ и, повидимому, о вологодскомъ полѣсьѣ, гдѣ систематическое примѣненіе навознаго удобренія является, очевидно, лишнимъ аргументомъ въ пользу продолжительныхъ сроковъ передѣла. И здѣсь, въ срединѣ 80-хъ годовъ, въ большинствѣ общинъ произведены были либо коренные передѣлы, либо переверстки „по ѣдокамъ“. Эти послѣднія произведены были либо безъ опредѣленнаго срока, такъ что за общиной сохранялось право во всякое время производить дальнѣйшія переверстки, сообразно текущимъ измѣненіямъ въ составѣ домохозяйствъ,—либо на весьма короткій, обыкновенно 5-лѣтній срокъ. Коренные передѣлы тоже, большею частью, произведены были безсрочно, до необходимости въ новомъ коренномъ измѣненіи земельно-податной раскладки. При иныхъ условіяхъ такая неопредѣленность срока могла бы привести къ слишкомъ частому

[1]) *Кроль*, 214.

повторенію передѣловъ; но въ виду консерватизма, въ данномъ отношеніи, жителей полѣсья и слабости въ его средѣ тѣхъ нехозяйственныхъ элементовъ, для которыхъ слишкомъ частые передѣлы могли бы быть выгодны, этого совершенно не приходилось опасаться; отсутствіе опредѣленнаго срока могло привести скорѣе къ слишкомъ рѣдкому, чѣмъ къ слишкомъ частому повторенію передѣловъ. Изъ 13 волостей Туринскаго уѣзда заранѣе опредѣленный срокъ для слѣдующаго передѣла установленъ былъ только въ двухъ волостяхъ крайняго сѣвера; и любопытно, что въ одной изъ нихъ (Гаринской), гдѣ земледѣліе въ превосходномъ состояніи и почти нѣтъ безхозяйной „бѣдноты", передѣлъ повсемѣстно произведенъ былъ на 15 лѣтъ; въ другой (Пелымской), гдѣ земледѣліе поставлено хуже и нехозяйственные элементы гораздо многочисленнѣе, срокъ нигдѣ не превышаетъ десяти, а въ большинствѣ обществъ падаетъ до 5—6 лѣтъ.

Кореннымъ вопросомъ является, однако, вопросъ о *пріемахъ распредѣленія полосъ*, въ частности о степени распространенности, по отношенію къ пахотнымъ землямъ, каждаго изъ двухъ намѣченныхъ въ предшествующемъ изложеніи типовъ передѣла. Къ сожалѣнію, нашъ матеріалъ почти не даетъ намъ возможности дать этому вопросу количественное освѣщеніе. Въ Забайкальской области, несомнѣнно, самою распространенною формою передѣла пашенъ является „общее поравненіе" [1]), хотя въ виду отмѣченнаго выше слишкомъ широкаго, у г. Кроля, пониманія „захвата" и „пережитковъ захвата", мы не можемъ съ увѣренностью сказать, какая роль, въ самомъ дѣлѣ, принадлежитъ въ Забайкальской области настоящимъ „поравненіямъ", и какая — законченнымъ передѣламъ по принципу „старшинства". Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что многія общины, и въ Забайкальской области, „успѣли уже, не подрывая самаго принципа поравненія, изобрѣсти средства, чтобы нѣсколько ослабить неравномѣрность поравненій: въ одномъ мѣстѣ общины сами, а не хозяева участковъ, отрѣзываютъ излишки, въ другомъ онѣ вводятъ въ поравненіе старыя расчистки; въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ пашни дѣлятся на сорта и старымъ хозяевамъ оставляется изъ каждаго сорта лишь столько, сколько на его долю приходится"; другими словами—совершается переходъ отъ *поравненія* къ *передѣлу по старшинству*. Если затѣмъ оставить въ сторонѣ недостаточно отчетливо выясненный въ работѣ г. Кроля способъ передѣла, который онъ называетъ „передѣломъ по сортамъ", и жеребьевку, къ которой мы обратимся нѣсколько ниже, то вторымъ по степени распространенности типомъ пахотныхъ передѣловъ въ Забайкальской области оказываются „торги", по преимуществу въ формѣ „набоя душъ", при чемъ обыкновенно передѣлъ бываетъ двустепеннымъ: сначала между группами

[1]) *Кроль*, 204—205.

общественниковъ, а затѣмъ внутри группъ — между отдѣльными домохозяевами [1]). Очень распространены и разнообразные смѣшанные способы, которые, по замѣчанію г. Кроля, иногда чрезвычайно любопытны, ибо показываютъ, „сколько ума и знанія мѣстныхъ условій, сколько пониманія всевозможныхъ частныхъ интересовъ и уваженія къ нимъ можетъ обнаружить такой коллективный организмъ, какъ община“ [2]).

Для западно-сибирскаго района душевого пользованія пашнями я, на основаніи наличнаго матеріала, не берусь сказать, какому типу передѣловъ принадлежитъ преобладаніе [3]). Здѣсь зато мы можемъ для одного изъ подробно изслѣдованныхъ уѣздовъ, Ишимскаго, весьма ясно прослѣдить намѣченную на предшествующихъ страницахъ зависимость преобладающаго типа передѣла отъ степени однообразія или пестроты пахотныхъ земель.

Если, именно, оставить въ сторонѣ сѣверо-западную часть уѣзда, гдѣ господствуютъ способы передѣла несомнѣнно заноснаго происхожденія, то уѣздъ этотъ можно разбить на два крупныхъ района: побережье рѣки Ишима и юго-западный, пріозерный районъ. Въ первомъ пахотныя земли расположены по широкимъ прирѣчнымъ „уваламъ“ съ однообразною черноземною почвой. Во второмъ пашни, прежде всего, очень разбросаны; но, кромѣ того, и самыя почвенныя условія мѣняются не только отъ одной „гривы“ къ другой (не говоря уже о коренной разницѣ между „гривными“, „колочными“ и „степными“ пашнями), но на одной и той же гривѣ почва южнаго склона обыкновенно отличается отъ почвы сѣвернаго, и каждая едва замѣтная впадина отражается и на свойствахъ почвы. И вотъ, громадное большинство общинъ пріишимскаго района произвело передѣлъ „по старшинству“; „разводъ по урочищамъ“ и „уравновѣшеніе сортовъ“ здѣсь совершенно не встрѣчаются, передѣлъ „въ надорожку“ отмѣченъ всего въ шести случаяхъ, аукціонъ „на сбавокъ“ — въ одномъ. Напротивъ, въ одиннадцати волостяхъ пріозернаго района господствуютъ именно эти способы передѣла, основанные на субъективной равноцѣнности надѣловъ,—разные виды „торга“, „уравновѣшеніе сортовъ“, „расписываніе по урочицамъ“; передѣлъ „по старшинству“ въ шести изъ этихъ 11 волостей вовсе не встрѣчается, а по остальнымъ пяти волостямъ отмѣченъ всего въ 16 общинахъ.

Въ сѣверномъ полѣсьѣ [4]), гдѣ господствуетъ хозяйство съ навознымъ удобреніемъ, на сцену выступаетъ, очевидно, моментъ хозяйственный, не допускающій частаго перехода изъ рукъ въ руки унавоживаемыхъ земель. „Торги“ по отношенію къ пашнямъ здѣсь совершенно не примѣняются. Если не считать встрѣ-

[1]) Тоже, 212—213.
[2]) 213—214.
[3]) Сибир. общ., 156—159.
[4]) Тоже, 163—165.

чающагося въ очень мелкихъ селеніяхъ „добросогласнаго“ передѣла, основаннаго просто на полюбовномъ соглашеніи заинтересованныхъ лицъ, пашни повсемѣстно передѣляются по принципу „старшинства“, который здѣсь имѣетъ ясно сознаваемое хозяйственно-трудовое основаніе: „съ гоенной пашни не сживали“; „одинъ землю хорошо назьмилъ, другой безъ мала что вовсе не назьмилъ,—какъ ихъ съ мѣста шевелить?“ „каждаго у своихъ назьмовъ оставляли“; „кто какую пашню уважилъ, ту и держитъ“... Но въ совершенно чистомъ видѣ порядокъ передѣла „по старшинству“ встрѣчается лишь въ немногихъ общинахъ: громадное большинство общинъ комбинируетъ принципъ „старшинства“ съ другимъ принципомъ, тоже уже извѣстнымъ намъ изъ предыдущаго изложенія, — „уравновѣшенія сортовъ“. Обыкновенно эта комбинація принимаетъ такой видъ; разборъ полосъ перваго сорта производится „добросогласно“, при чемъ „старыхъ хозяевъ“ не смѣщаютъ противъ ихъ желанія съ „угоѣнныхъ“ ими полосъ. Затѣмъ община уже сама отводитъ полосы второго и слѣдующихъ сортовъ, причемъ получившимъ лучшія полосы въ первомъ сортѣ даетъ худшія во второмъ и третьемъ, и наоборотъ,—но при этомъ все же стремится, по возможности, оставлять хозяевъ „на старинѣ“, на „угоѣнныхъ“ ими пашняхъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ дѣлаютъ иначе: каждый беретъ въ первомъ сортѣ любую полосу; но порядокъ заявленій тщательно отмѣчается, и затѣмъ, кто первый взялъ первосортную полосу, получаетъ землю второго сорта послѣ всѣхъ другихъ, второй дѣлается предпослѣднимъ, послѣдній — первымъ. Такъ какъ, разумѣется, каждый, будучи предоставленъ самому себѣ, беретъ наилучшую изъ всѣхъ еще свободныхъ полосъ, то такой порядокъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ достиженіе той же цѣли,—„уравновѣшенія сортовъ“.

Теперь нѣсколько словъ объ отношеніи передѣльной общины къ расчисткамъ,—вопросъ, имѣющій первостепенное значеніе для сѣвернаго полѣсья, гдѣ издавнее уравнительное пользованіе существуетъ рядомъ съ продолжающеюся расчисткой изъ-подъ лѣса новыхъ пахотныхъ земель. Для безлѣсныхъ районовъ особаго вопроса о расчисткахъ не существуетъ, потому что свѣжераспаханная степная цѣлина весьма быстро окупаетъ трудъ расчистки, и потому при ближайшемъ передѣлѣ можетъ, безъ нарушенія правъ и законныхъ интересовъ распахавшаго, поступить въ общую массу передѣляемыхъ земель.

Въ предыдущей главѣ намъ уже приходилось мимоходомъ касаться вопроса объ отношеніи передѣльной общины къ пахотнымъ расчисткамъ,—приходилось возражать тамъ тѣмъ, кто склоненъ во всякаго рода льготахъ владѣльцамъ расчищенныхъ пашенъ видѣть пережитокъ старыхъ захватныхъ формъ пользованія землею, и кто, поэтому, чрезмѣрно расширяетъ сферу еще не сложившейся, а только еще слагающейся общины. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что какъ сама передѣльная община, такъ и въ

частности — отношеніе ея къ расчисткамъ находится въ тѣсной генетической связи съ порядками захватнаго владѣнія. Дѣло, при существованіи еще захватнаго владѣнія, начинается съ распространенія въ зарождающейся общинѣ сознанія, что „затрата труда на расчистку не настолько велика, чтобы не могла когда-нибудь окупиться; а разъ это такъ, дальнѣйшее исключительное владѣніе участками, разработка которыхъ уже окупилась, является настолько же несправедливою, какъ, напр., захватъ природныхъ сѣнокосовъ“ (Большаковъ). И отсюда лозунгъ — „довольно ты пользовался землею, надо дать и другимъ“: „каждый можетъ разработать участокъ земли и пользоваться имъ, пока не окупятся расходы по обработкѣ; послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше“ [1]). Эта формула остается въ силѣ и тогда, когда душевое пользованіе вошло въ полную силу по отношенію къ главной массѣ угодій. Первоначально она проводится въ жизнь, такъ сказать, на глазомѣръ; „земля грубо разбивается на двѣ части: дѣдовскую или старинную и новочисти или распашки. Въ первую входятъ участки, разработанные много лѣтъ тому назадъ, „дѣдами“ современнаго поколѣнія; во вторую—участки новѣйшей разработки, расчищенные недавно, на глазахъ общинниковъ“. Но такая неопредѣленность „ведетъ къ тому, что при уравненіяхъ, въ однихъ случаяхъ, болѣе старинныя земли остаются нетронутыми, расчищенныя же сравнительно недавно поступаютъ въ разрядъ земель, предназначаемыхъ для уравненія. Все основывается на памяти населенія и на совѣсти понятыхъ“, откуда — почва для широкаго произвола. Вотъ почему „дальнѣйшіе шаги общины направлены къ установленію опредѣленнаго срока, достаточнаго для возвращенія издержекъ по расчисткѣ“, — община назначаетъ тотъ или другой, 5, 20, 40, 60-лѣтній срокъ и беретъ на себя опредѣленное обязательство „отнюдь никому изъ насъ не вступаться въ чужія мѣста самовольно въ теченіе сорока лѣтъ и не допускать къ раздѣлу между собою по числу душъ“ [2]). Съ момента назначенія такихъ сроковъ совершенно измѣняется характеръ правъ отдѣльныхъ хозяевъ: это уже не захватъ, продолжающій успѣшно сопротивляться посягательствамъ заинтересованныхъ въ уравненіи однообщественниковъ, а особый видъ общинныхъ распорядковъ, имѣющій цѣлью согласовать „право труда“ съ „правомъ на трудъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ создать благопріятныя условія для дальнѣйшихъ расчистокъ. Разъ установлены льготные сроки пользованія расчистками, дальнѣйшія расчистки, само собою, дѣлаются уже съ вѣдома общины, — безъ этого не было бы возможности слѣдить за соблюденіемъ сроковъ. Затѣмъ, по мѣрѣ нарастаю-

[1]) *Большаковъ*, 54—55.
[2]) Тоже, 55—59.

щаго „утѣсненія“, дѣло идетъ и еще дальше: „становится возможнымъ столкновеніе одновременныхъ притязаній на лучшіе и болѣе легкіе участки для разработки; во избѣжаніе споровъ и пререканій община бываетъ вынуждена иногда взять въ свои руки районъ, который почему-либо болѣе другихъ привлекаетъ взгляды крестьянъ“ [1]); такіе участки, предназначаемые подъ расчистку, передѣляются по душамъ, въ видѣ особаго „пая“, въ дополненіе къ старо-пахотнымъ землямъ. Большинство общинъ „устанавливаетъ сначала одинъ общій для всѣхъ угодій срокъ; но уже вскорѣ выясняется необходимость разнообразить сроки по отношенію къ разнымъ участкамъ“ [2]); въ зырянскомъ краѣ есть общины, гдѣ льготный срокъ колеблется между двумя и сорока годами, гдѣ установляется три, четыре и болѣе сроковъ, въ зависимости отъ разнообразія условій, въ которыхъ приходится производить расчистки. Чаще всего, однако, устанавливаются одинъ или два льготныхъ срока, — иногда опредѣленный срокъ установляется для болѣе тяжелой чистки, для болѣе легкихъ участковъ рѣшеніе вопроса о зачисленіи ихъ въ душевую пропорцію или признаніи ихъ „причистью“ предоставляется усмотрѣнію и совѣсти общественныхъ понятыхъ.

Такова общая картина отношеній общины къ расчисткамъ въ зырянскомъ краѣ,—въ такихъ же чертахъ она рисуется, въ общемъ и цѣломъ, и для сибирскаго полѣсья [3]). Я позволю себѣ привести здѣсь, in extenso, характеристику порядковъ, существующихъ въ данномъ отношеніи въ изслѣдованномъ мною Туринскомъ уѣздѣ,—она дастъ намъ возможность прослѣдить и здѣсь зависимость общинныхъ распорядковъ отъ совокупности основныхъ условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства.

На крайнемъ земледѣльческомъ сѣверѣ уѣзда, къ которому принадлежатъ, напримѣръ, четыре притавдинскія волости, населеніе чрезвычайно рѣдко; къ селеніямъ прилегаютъ лишь небольшіе клочки разработанной земли, а отъ нихъ на обширныя пространства тянутся дремучіе лѣса и болота; расчистка крупнаго лѣса здѣсь такъ трудна, а природная производительность почвы, безъ удобренія, настолько ничтожна, что нерасчищенная земля совершенно не имѣетъ цѣнности. И вотъ, дѣло расчистки лѣсныхъ земель повсемѣстно предоставлено здѣсь иниціативѣ отдѣльныхъ домохозяевъ, — каждому общиннику предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ. Что касается отношенія общины къ расчищеннымъ землямъ при общихъ передѣлахъ, то вопросъ о судьбѣ „новинныхъ“ пашенъ вызываетъ нерѣдко ожесточенную борьбу, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ приводитъ и къ крайне несправедливымъ рѣшеніямъ, включи-

---

[1]) Тоже, 57—58.
[2]) Тоже, 55.
[3]) Сибир. общ., 244—247.

тельно до раздѣла *всѣхъ* „новинныхъ“ пашенъ, не исключая тѣхъ, съ которыхъ не было еще снято ни одного хлѣба. Но говоря вообще, отношеніе къ расчисткамъ въ данной мѣстности самое бережное: если „новинныя“ земли пускались въ передѣлъ, то только выслужившія гдѣ 30, а гдѣ и 40 лѣтъ, а во многихъ общинахъ исключались изъ передѣла *всѣ* безъ исключенія „новинныя“ пашни. И такое бережное отношеніе къ „новинамъ“ вполнѣ понятно: расчистка „новинъ“ изъ-подъ густого хвойнаго лѣса требуетъ огромной, обыкновенно многолѣтней затраты труда; тощая почва почти тотчасъ же послѣ расчистки требуетъ удобренія и потому лишь весьма медленно окупаетъ трудъ расчистки. При такихъ условіяхъ расчистка можетъ оплатиться развѣ пятнадцатью, двадцатью, тридцатью посѣвами, и община не можетъ, не рискуя сдѣлать крупной несправедливости, „замѣрить“ въ число передѣляемыхъ пашенъ „новины“, не прослужившія соотвѣтственнаго числа десятковъ лѣтъ.

Совсѣмъ другія условія представляетъ южная половина уѣзда. Здѣсь пашни расчищаются изъ-подъ мелкаго лѣса, и потому расчистка ихъ не требуетъ сколько-нибудь значительной затраты труда; „новина“ всегда даетъ безъ удобренія нѣсколько болѣе или менѣе хорошихъ урожаевъ, которые обыкновенно въ два-три года окупаютъ небольшой трудъ расчистки. Въ дальнѣйшемъ, однако, замѣчается существенная разница между западными и восточными волостями. Въ этихъ послѣднихъ осталось еще довольно много удобныхъ для расчистки земель,—но расположены онѣ по преимуществу въ отдаленныхъ, недоступныхъ для унаваживанія урочищахъ, почему имѣютъ для крестьянъ весьма незначительную цѣнность; соотвѣтственно этому каждому общественнику и здѣсь предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ, кромѣ передѣляемыхъ сѣнокосныхъ угодій. „Новины“, расчищенныя изъ-подъ лѣса, остаются въ льготномъ пользованіи лишь до ближайшаго передѣла; при передѣлѣ *всѣ* „новины“ включаются въ учетъ, но отводятся, въ счетъ „душевой пашни“, тѣмъ именно хозяевамъ, которые ихъ расчищали; община, такимъ образомъ, уравниваетъ землепользованіе количественно, но въ то же время представляетъ общественникамъ, расчищавшимъ пашни, использовать весь присущій „новиннымъ“ землямъ избытокъ производительной силы. Напротивъ, удобными для расчистки пустопорожними мѣстами, близкими къ селеніямъ и потому пригодными для хозяйства съ удобреніемъ, здѣсь очень дорожатъ. Иниціативу производства расчистки въ такихъ мѣстахъ, поэтому, всегда беретъ на себя община: назначенная подъ расчистку часть поскòтины или иной, близкій къ усадьбамъ, участокъ земли дѣлится на душевыя полосы, причемъ каждый общественникъ косвеннымъ образомъ *понуждается* расчистить всю отведенную ему полосу: при ближайшемъ общемъ передѣлѣ общественникъ, не успѣвшій расчистить всей отведенной ему „въ распашку“ полосы, какъ бы въ

наказаніе оставляется именно на нерасчищенной части и отдаетъ „на общество“, если слѣдуетъ „по новому расчисленію“, уже разработанную землю.

Въ юго-западныхъ волостяхъ Туринскаго уѣзда количество удобныхъ для расчистки земель совершенно ничтожно: вблизи селеній удобной для расчистки земли нѣтъ, обыкновенно, ни пяди, въ удаленныхъ же отъ усадебъ урочищахъ, при плохихъ почвенныхъ условіяхъ, огромное большинство пустопорожнихъ мѣстъ не стоитъ расчистки, и лишь небольшіе клочки обладаютъ болѣе плодородною почвой. Расчистки въ такихъ урочищахъ, поэтому, производятся здѣсь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ; если притомъ расчищенное мѣсто обладаетъ сколько-нибудь удовлетворительною почвою, то послѣ первыхъ же трехъ, четырехъ, а то и двухъ хлѣбовъ расчищенная земля, не ожидая общаго передѣла, отбирается и либо отводится въ надѣлъ подросткамъ или причисляемымъ ссыльнымъ, либо сдается въ аренду въ пользу мірскихъ суммъ. Кто хочетъ упрочить за собой пользованіе расчисткою на болѣе опредѣленное и продолжительное время, тотъ долженъ заарендовать облюбованное для расчистки мѣсто у общества, причемъ плата колеблется въ прямомъ отношеніи съ качествомъ почвы и въ обратномъ—съ густотою лѣса, продолжительность аренды—въ прямомъ отношеніи съ послѣднимъ факторомъ и въ обратномъ съ первымъ. Нѣкоторыя общины и въ этой мѣстности брали на себя иниціативу производства расчистокъ, раздѣляя по душамъ, для обращенія въ пашню, пустопорожнія мѣста. Иногда, наконецъ, въ очень малоземельныхъ общинахъ, лѣсныя площади отводились въ видѣ дополненія къ душевымъ надѣламъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, „не могущимъ“, по выраженію постановлявшихся на этотъ предметъ приговоровъ, „пропитать семьи на надѣльной землѣ“, въ сорокалѣтнее безплатное пользованіе.

Переходимъ теперь къ *сѣнокоснымъ* передѣламъ. Основные ихъ типы тѣ же, что и пахотныхъ; но относительное значеніе и распространенность ихъ совершенно иныя, и это прямо вытекаетъ изъ того, что сѣнокосы не обрабатываются, а только эксплуатируются, въ главной своей массѣ, безъ всякой предварительной разработки, въ виду чего община по отношенію къ покосамъ въ гораздо меньшей степени связана въ послѣдовательномъ проведеніи своихъ уравнительныхъ стремленій [1]).

Различіе между пашнями и сѣнокосами отражается прежде всего на *частотѣ* повторенія передѣловъ. Въ то время, какъ пахотные передѣлы въ районахъ слагающейся общины почти исключительно долгосрочные, по отношенію къ покосамъ чаще всего практикуется ежегодный передѣлъ, значительно рѣже—передѣлы на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

---

[1]) *Кроль*, 204.

На вопросъ, какъ отражаются на срокахъ передѣловъ свойства различныхъ видовъ сѣнокосовъ [1]), очень трудно дать опредѣленный отвѣтъ. И это потому, что различныя условія взаимно перекрещиваются между собой, да и относительно самого характера вліянія разныхъ условій между изслѣдователями не замѣчается единодушія. Явное разногласіе оказывается по вопросу о вліяніи *цѣнности* сѣнокосныхъ угодій. Такъ, авторъ настоящей книги, на основаніи собраннаго въ западно-сибирскихъ губерніяхъ матеріала, высказывалъ, что „высокая цѣнность угодій обыкновенно ведетъ къ установленію продолжительныхъ сроковъ передѣла, низкая—къ ежегоднымъ передѣламъ", и объяснялъ такую зависимость слѣдующимъ образомъ: „гдѣ сѣнокосы не имѣютъ высокой цѣнности, тамъ крестьяне считаютъ лишнимъ затрачивать свой трудъ на поддержаніе ихъ въ хорошемъ состояніи; гдѣ, напротивъ, каждая лишняя копна имѣетъ уже нѣкоторую цѣнность, гдѣ поэтому для крестьянъ является расчетъ содержать сѣнокосы въ чистотѣ, предохранять ихъ отъ зарастанія кустарникомъ и т. д., тамъ ежегодные передѣлы являлись бы сильнымъ тормозомъ для подобнаго рода начинаній, а потому при такихъ условіяхъ всегда наблюдается стремленіе къ удлиненію сроковъ передѣловъ". Г. Личковъ, на основаніи данныхъ о формахъ землевладѣнія въ Иркутской губерніи, пришелъ къ діаметрально противоположному выводу: „покосовъ много,—говоритъ онъ,—не стоитъ ихъ дѣлить или *не стоитъ ихъ дѣлить часто*; покосовъ мало — надо ихъ уравнивать *почаще*, получше, поправильнѣе". Объяснить это противорѣчіе я могу лишь предположительно: суть дѣла, вѣроятно, въ томъ, *откуда происходитъ*, въ данной мѣстности, общинно-уравнительное пользованіе: въ Западной Сибири оно произошло, по преимуществу, изъ *вольнаго* сѣнокошенія; послѣднее смѣнялось ежегодными передѣлами, и лишь постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, общины переходятъ къ передѣламъ на болѣе продолжительные сроки; въ Иркутской губерніи, напротивъ, первоначальною формой пользованія покосами, въ большинствѣ случаевъ былъ простой захватъ; постепенно развивавшіяся „поравненія" переходили въ долгосрочный передѣлъ, и лишь съ теченіемъ времени для этого послѣдняго устанавливается годичный срокъ.

Какъ бы то ни было—въ настоящее время, какъ мы сказали, ежегодный передѣлъ на всемъ пространствѣ четырехъ сибирскихъ губерній и Забайкалья является по отношенію къ покосамъ общимъ правиломъ; такъ, въ Иркутской губерніи около 75% покосныхъ общинъ передѣляетъ покосы ежегодно, и лишь небольшое число общинъ—на срокъ болѣе трехъ лѣтъ; ежегодно передѣляются покосы и на сѣверо-восточной, и на юго-западной

[1]) Сибир. общ., 166—171.

окраинѣ Томской губерніи; въ Ишимскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи, передѣлъ „на года“ (т.-е. на одинъ срокъ съ пашнями) встрѣчается всего въ трехъ десяткахъ общинъ, въ Курганскомъ—въ „очень немногихъ обществахъ“, во всѣхъ остальныхъ сѣнокосы передѣляются ежегодно.

Такое преобладаніе ежегодныхъ сѣнокосныхъ передѣловъ изслѣдователи единодушно объясняютъ крайнимъ непостоянствомъ урожаевъ травъ: передѣлъ, вполнѣ уравнительный для одного года, можетъ оказаться совершенно неуравнительнымъ для другого. Съ другой стороны, покосы, большею частью, являются свободнымъ даромъ природы, почему продолжительное пользованіе ими не имѣетъ за себя достаточнаго основанія, а самый способъ ихъ эксплуатаціи не требуетъ, вообще говоря, длящагося отношенія хозяина къ эксплуатируемой площади.

Сказаннымъ опредѣляются и условія распространенности передѣловъ на болѣе продолжительные сроки: прежде всего—постоянство урожаевъ; урожаи постояннѣе на заливныхъ лугахъ,—и они, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ передѣляются на продолжительные сроки. Съ другой стороны, передѣляются на продолжительные сроки или безсрочно сѣнокосы, расчищенные изъ-подъ лѣса или расположенные среди лѣсовъ и очень легко зарастающіе; здѣсь ежегодный передѣлъ былъ бы несправедливъ по отношенію къ лицамъ, расчищавшимъ покосы, и нецѣлесообразенъ, такъ какъ парализовалъ бы возможность подчистки покосовъ.

Какъ извѣстно, ежегодные передѣлы связаны съ существенными неудобствами. Прежде всего—ежегодная значительная затрата времени на производство передѣла; передѣлъ часто продолжается по нѣскольку дней, даже по цѣлой недѣлѣ, отвлекая значительную часть общественниковъ отъ очередныхъ работъ. Еще серьезнѣе другое, уже упомянутое, неудобство,—что ежегодные передѣлы отнимаютъ у отдѣльныхъ хозяевъ побужденія заботиться о незаростаніи покосовъ кустами и объ очисткѣ ихъ отъ засоренія. И подъ вліяніемъ сознанія этихъ неудобствъ, отдѣльныя общины и въ Тобольской, и особенно въ Иркутской губерніи перешли уже отъ ежегодныхъ передѣловъ къ болѣе долгосрочнымъ. Въ большинствѣ случаевъ удлиненіе сроковъ мотивировалось, при статистическихъ опросахъ, стремленіемъ избѣжать хлопотъ: стали дѣлить рѣже, потому что „хлопотно,—каждый годъ на передѣлъ 3—4 дня уходитъ“, что „много времени даромъ уходитъ“, „во избѣжаніе хлопотъ“, „чтобы хлопотъ было меньше“ (Личковъ). Другой мотивъ при опросахъ приводился рѣже, но зато запечатлѣлся и въ нѣкоторыхъ письменныхъ общественныхъ приговорахъ. Такъ, и въ одномъ записанномъ мною въ Туринскомъ уѣздѣ, приговорѣ установленіе 12-лѣтняго срока мотивируется тѣмъ, что ежегодный передѣлъ „лишаетъ возможности на удобреніе (=улучшеніе) луговъ. Каждый изъ

домохозяевъ знаетъ и твердо убѣжденъ, что луга отъ каждогоднаго передѣла не улучшаются, а напротивъ—ухудшаются отъ заростанія кустарникомъ". Въ другомъ приговорѣ о передѣлѣ на 5-лѣтній срокъ, цитируемомъ г. Личковымъ, говорится, что „сѣнокосные луга отъ каждогоднаго дѣлежа и нерадѣнія насъ самихъ же къ ихъ расчисткѣ пришли въ такой безпорядокъ, что значительная часть травы не скашивается". Въ томъ и другомъ случаѣ община не ограничивается установленіемъ продолжительнаго срока, дающаго *возможность* расчищать и осушать покосы; она *обязываетъ* каждаго общественника производить такія работы, угрожая, „кто не исполнитъ, за тѣмъ оставить при будущемъ дѣлежѣ старый участокъ, или же дать худшій".

Однако, этотъ процессъ перехода отъ каждогодныхъ къ долгосрочнымъ передѣламъ идетъ, повидимому, чрезвычайно медленно,—и это несмотря на то, что колоссальное распространеніе маслодѣлія въ Западной Сибири, значительно возвысивъ доходность скотоводства, тѣмъ самымъ подняло доходность и цѣнность сѣнокосныхъ угодій. Вопросъ о переходѣ къ долгосрочнымъ передѣламъ сильно занималъ, въ 1902 году, сельскохозяйственные комитеты и крестьянскія совѣщанія, особенно въ являющейся центромъ развитія маслодѣлія Тобольской губерніи [1]); въ разсужденіяхъ комитетовъ и совѣщаній всесторонне выяснялись неблагопріятныя стороны ежегодныхъ передѣловъ, указывалось даже на желательность правительственнаго воздѣйствія, но совершенно нѣтъ указаній на случаи фактическаго перехода отъ ежегодныхъ къ долголѣтнимъ передѣламъ. Въ однихъ отзывахъ указывается на то, что сходы не могутъ прійти къ соглашенію въ данномъ направленіи благодаря давленію богатыхъ заинтересованныхъ лицъ; въ другихъ ясно видно недостаточно упрочившееся въ крестьянскихъ массахъ сознаніе необходимости отказаться отъ ежегодныхъ передѣловъ; въ большинствѣ случаевъ защитники ежегодныхъ передѣловъ и не пытаются отрицать ихъ вреднаго вліянія на состояніе сѣнокосовъ, но не видятъ никакого болѣе подходящаго способа распредѣленія сѣнокосныхъ угодій [2]).

---

[1]) Сводъ трудовъ к—товъ, Сибирь и т. д., стр. 545—549.

[2]) Въ данномъ случаѣ мы должны опять возражать противъ того взгляда на взаимное отношеніе ежегодныхъ и долгосрочныхъ передѣловъ, который высказываетъ М. А. Кроль въ своей монографіи о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ,—взгляда, стоящаго въ тѣснѣйшей связи съ изложенными и разобранными выше его общими взглядами на взаимоотношеніе между общиною и захватомъ. По мнѣнію этого автора, передѣлы безсрочные и на продолжительный срокъ являются однимъ изъ проявленій той борьбы, которую сторонникамъ уравнительной формы пользованія приходится вести противъ ея противниковъ, другими словами — опять-таки пережиткомъ захватныхъ формъ. По мнѣнію г. Кроля, сроки передѣловъ, по мѣрѣ упроченія уравнительнаго начала, сокращаются; „матеріалы не даютъ только возможности прослѣдить, какимъ темпомъ идетъ сокращеніе сроковъ". Сокращеніе сроковъ передѣла доказывается, прежде всего, ссылкою на три случая, когда общины, дѣйстви-

Какъ отличительныя свойства сѣнокосныхъ угодій съ необходимостью ведутъ, до поры до времени, къ преобладанію ежегодныхъ передѣловъ, такъ они должны вести къ преобладанію способовъ передѣла, основанныхъ не на *пространственномъ равенствѣ*, а на *субъективной равноцѣнности* душевыхъ надѣловъ [1]). И въ самомъ дѣлѣ—если трудно достигнуть объективнаго равенства душевыхъ долей при передѣлахъ пахотной земли, то еще гораздо труднѣе достигнуть его при ежегодныхъ передѣлахъ сѣнокосныхъ угодій, гдѣ приходится принимать во вниманіе и такой измѣнчивый признакъ, какъ урожай травы на разныхъ урочищахъ общественныхъ покосовъ. Но между разными видами сѣнокосныхъ угодій замѣчается въ этомъ отношеніи существенное различіе: лѣсные и суходольные покосы, небольшими клочками разбросанные по лѣснымъ полянамъ, окаймляющіе узенькими полосками берега лѣсныхъ рѣчекъ и окраины болотъ, разсѣянные по степи между пашенъ, перелѣсковъ и солонцовъ, рѣшительно не поддаются ни сколько-

---

тельно, перешли отъ долгосрочныхъ передѣловъ къ ежегоднымъ, а кромѣ того—тѣмъ соображеніемъ, что „наиболѣе распространены въ настоящее время передѣлы *ежегодные*, между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ приговоровъ о первыхъ передѣлахъ или „поравненіяхъ“ такой короткій срокъ не назначается; да и назначеніе такого короткаго срока можетъ состояться лишь въ общинахъ, довольно долго практиковавшихъ передѣлы и вполнѣ освоившихся съ положеніемъ полнаго хозяина и распорядителя всей принадлежащей имъ земли“ (*Кроль*, 199—202). Я не буду входить здѣсь въ детальную критику изложенныхъ соображеній, отсылая интересующагося читателя къ моей работѣ о „земельныхъ отношеніяхъ и уравнительномъ пользованіи въ Забайкальѣ“ (стр. 147—150). Скажу только вкратцѣ: г. Кроль доказываетъ свой взглядъ всего только *тремя* случаями перехода отъ долгосрочныхъ къ краткосрочнымъ передѣламъ, приводя самъ *десятки* примѣровъ противоположнаго характера. Взглядъ г. Кроля опровергается, между прочимъ, и тѣмъ приводимымъ имъ самимъ соображеніемъ, что долгосрочные передѣлы встрѣчаются исключительно по отношенію къ покосамъ, требующимъ расчистки, удобренія и т. п., ежегодные—по отношенію къ тѣмъ, которые не требуютъ такого рода затратъ труда. И конечный выводъ сводится къ тому, что долгосрочный и краткосрочный передѣлъ первоначально были *не смѣняющимися*, а *параллельно*-существующими формами, и что затѣмъ, подъ вліяніемъ требованій хозяйственной цѣлесообразности, общины, первоначально практиковавшія ежегодный передѣлъ, понемногу переходятъ къ долгосрочному. Параллелизмъ этотъ—тотъ же, что и въ отношеніи самихъ *пріемовъ* передѣла, и въ концѣ-концовъ для Забайкалья, какъ и для другихъ частей Сибири, получается, забѣгая нѣсколько впередъ, такая схема:

Для покосовъ, не требующихъ предварительной затраты труда, вольное сѣнокошеніе, и реходящее въ *ежегодные передѣлы аукціонными или жеребьевыми способами;* при возникновеніи необходимости въ улучшеніи покосовъ—*переходъ къ передѣлу на болѣе продолжительные сроки*, вѣроятно, параллельный съ переходомъ къ *„компромисснымъ“* пріемамъ распредѣленія угодій.

Для покосовъ, требующихъ предварительныхъ затратъ труда,—захватное пользованіе, переходящее черезъ стадію ограниченнаго захвата и „частныхъ поравненій“ къ стадіи *„общихъ поравненій“*, совершаемыхъ *на продолжительный срокъ* или чаще *безсрочно*, а затѣмъ—къ *долгосрочнымъ передѣламъ по „старшинству“*, съ отрѣзкою излишковъ.

[1]) Сибирск. община, 171.

нибудь точному измѣренію, ни разбивкѣ на сорта, внутри которыхъ отдѣльныя полосы были бы сколько-нибудь равноцѣнны между собой. Свойства заливныхъ луговъ нѣсколько иныя: расположенные въ долинахъ болѣе значительныхъ рѣкъ, они уже по этому самому не могутъ страдать такой разбросанностью, какою обыкновенно отличаются лѣсные и т. п. покосы; урожайность, качество травы и т. п. свойства заливныхъ луговъ, правда, разнообразны,—но отдѣльныя урочища луга обыкновенно болѣе или менѣе однокачественны. Поэтому распредѣленіе заливныхъ покосовъ на сорта не представляетъ, въ большинствѣ случаевъ, большой трудности, и въ каждомъ сортѣ почти всегда оказывается возможнымъ приблизительно точный раздѣлъ на равновеликія и, приблизительно, равноцѣнныя полосы.

Изложенныя условія очень сильно отражаются на способахъ передѣла того и другого рода сѣнокосныхъ угодій.

Незаливные—лѣсные, болотные, степные и т. п. покосы [1]), въ видѣ правила, передѣляются однимъ изъ способовъ, основанныхъ на *субъективной равноцѣнности* душевыхъ паевъ—тою или другою разновидностью „торговъ“. Характеръ этого рода покосовъ въ значительной мѣрѣ предопредѣляетъ даже и господствующія по отношенію къ нимъ разновидности „торговъ“. Въ самомъ дѣлѣ: и степные, и лѣсные покосы, въ видѣ правила, не занимаютъ обширныхъ сплошныхъ пространствъ, которыя съ удобствомъ могли бы быть нарѣзаны на равновеликіе или хотя бы только равные по своей длинѣ участки или полосы. Къ нимъ, поэтому, мало примѣнимъ типичный передѣлъ „на сбавокъ“, предполагающій такую нарѣзку. Передѣлъ незаливныхъ покосовъ производится поэтому, въ видѣ правила, либо „набоемъ душъ“, либо „разводомъ“ или „расписаніемъ по урочищамъ“,—все пріемы, наиболѣе соотвѣтствующіе разбрасанности этого рода покосовъ и отсутствію у отдѣльныхъ сѣнокосныхъ урочищъ опредѣленныхъ границъ и очертаній. „Набой“ и „расписываніе“ примѣняются то порознь, то въ комбинаціи, обыкновенно такъ, что общественники сначала „разъѣзжаются“ по наиболѣе крупнымъ урочищамъ, а затѣмъ уже въ каждомъ изъ послѣднихъ производятся „торги“ посредствомъ „навалки душъ“; тотъ и другой способъ нерѣдко комбинируется еще съ разборомъ душевыхъ полосъ „на сбавокъ“ или по жребію, обыкновенно и съ простымъ „добросогласнымъ“ распредѣленіемъ полосъ. Община, какъ цѣлое, при такого рода передѣлѣ остается, въ видѣ правила, пассивною; только въ мѣстностяхъ съ болѣе разработанными формами уравнительнаго пользованія, въ родѣ Курганскаго уѣзда, община беретъ на себя болѣе активную роль, стремясь предотвратить или исправить послѣдствія неизбѣжныхъ при „тор-

---

[1]) Тоже, 172—179.

гахъ“ и „расписываньи“ ошибокъ и просчетовъ. Наиболѣе интересный пріемъ, практикуемый съ этою цѣлью,—это описываемый покойнымъ Осиповымъ „раздѣлъ травы“: „когда сѣно убрано въ копны, травяной довѣренный объѣзжаетъ всѣ покосы, считаетъ у каждаго домохозяина копны и замѣчаетъ тѣхъ, кто не докосилъ до установленнаго ранѣе (общиною) душевого оклада“; всѣхъ такихъ домохозяевъ общество удовлетворяетъ до сказанной нормы либо путемъ дорѣзокъ изъ оставляемаго для этой цѣли запаснаго участка, либо путемъ отрѣзки отъ накосившихъ несоразмѣрно много домохозяевъ или даже отъ самого „травяного довѣреннаго“; это послѣднее случается тогда, когда община поручаетъ довѣренному единолично руководить передѣломъ, но за то дѣлаетъ его и лично отвѣтственнымъ за допущенные недосмотры.

Описанные порядки передѣла господствуютъ по отношенію къ незаливнымъ сѣнокосамъ во всей Тобольской и почти во всей Томской губерніи; для Иркутской губерніи границы распространенія различныхъ формъ душевого пользованія покосами очерчены изслѣдованіемъ довольно неясно, такъ что по отношенію къ этой губерніи можно только отмѣтить довольно значительную распространенность жеребьевого порядка передѣла; въ Енисейской передѣлы путемъ „торговъ“ или аукціона имѣютъ мѣсто сравнительно рѣдко: эта форма отмѣчена всего въ 8,6% общаго числа обслѣдованныхъ селеній; сравнительно бо̀льшимъ распространеніемъ пользуется и здѣсь жеребьевый способъ раздѣла сѣнокосовъ (въ 12,5% общинъ), но господствуютъ въ Енисейской губерніи менѣе совершенныя передѣльныя формы—„поравненія“; многія общины (22,7%) не пошли еще дальше „частныхъ поравненій“, почти двѣ пятыхъ (39,2%) произвели „общія поравненія“ и, слѣдовательно, перешли уже окончательно къ душевому пользованію, хотя и не въ совершенной его формѣ. Тотъ же порядокъ передѣла лѣсныхъ покосовъ господствуетъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска,—очень онъ распространенъ и у забайкальскихъ инородцевъ, что̀ и весьма естественно, такъ какъ у нихъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, большою распространенностью пользуется захватная форма пользованія покосами, отъ которой естественный переходъ именно къ „общимъ поравненіямъ“. У забайкальскихъ крестьянъ „поравненія“ мало распространены,—господствуетъ у нихъ, повидимому, жеребьевый способъ, и лишь на второмъ мѣстѣ стоятъ разнаго рода „торги“, причемъ и здѣсь „торги всегда являются на очередь тамъ, гдѣ разнообразіе въ качествахъ сѣнокосовъ въ одной и той же общинѣ вынуждаетъ ея членовъ стремиться не къ объективному, а къ субъективному равенству“ [1]).

---

[1]) *Кроль*, 218—226.

Порядки передѣла *заливныхъ луговъ*[1]) представляются, вообще говоря, гораздо болѣе совершенными. Передѣлы „на глазъ“ встрѣчаются по отношенію къ заливнымъ лугамъ сравнительно рѣдко, и притомъ преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно существовали захватныя формы пользованія: общественники разбиваются на артели — „десятки“ и т. п., которыя разбираютъ между собой крупныя урочища заливного луга путемъ „набоя душъ“, жребія и т. п.; доставшійся каждой артели покосъ, затѣмъ, разбивается на душевыя полосы, которыя разбираются иногда „добросогласно“, иногда „на сбавокъ“, по жребію и т. п. Таковы порядки передѣла заливныхъ луговъ,— притомъ передѣла ежегоднаго или, во всякомъ случаѣ, краткосрочнаго,—господствующіе, напримѣръ, въ такихъ богатыхъ лугами мѣстностяхъ, какъ Маріинскій уѣздъ и ближайшія къ нему окраины Томскаго; есть указанія, что эти способы и въ другихъ мѣстностяхъ предшествовали болѣе точнымъ формамъ, и исчезали по мѣрѣ возвышенія цѣнности покосовъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ душевое пользованіе установилось уже издавна, и гдѣ нѣтъ особеннаго изобилія покосныхъ угодій, подобнаго рода способы передѣла примѣняются, если луга, всѣ или большею частью, имѣютъ влажный или даже болотистый характеръ, если они изрѣзаны болотистыми лощинами („лягами“) или старицами, между которыми тянутся узкія „гривы“ или „веретья“ съ хорошей травой,—словомъ, гдѣ естественныя условія дѣлаютъ точный обмѣръ луговъ и разбивку ихъ на пространственно-равныя полосы очень затруднительными или невозможными.

Обычные способы передѣла заливныхъ луговъ находятся въ тѣсной связи съ обычными свойствами этого рода угодій: заливные луга почти всегда занимаютъ болѣе или менѣе обширныя сплошныя пространства; качество ихъ внутри каждаго даннаго урочища представляется болѣе или менѣе постояннымъ, причемъ обыкновенно наилучшая трава родится у самого урѣза воды („по бечевѣ“). Поэтому распредѣленіе заливныхъ луговъ на сорта не представляетъ, обыкновенно, особенной трудности. Но нарѣзка въ каждомъ сортѣ пространственно-равныхъ душевыхъ полосъ все же была бы связана съ неудобствами, особенно при извилистомъ теченіи рѣки: для полученія пространственно-равныхъ душевыхъ полосъ пришлось бы измѣрять длину и ширину каждой такой полосы особо, что̀ было бы связано съ значительными хлопотами, а главное—цѣнность пространственно-равныхъ полосъ все же колебалась бы въ зависимости отъ малѣйшихъ измѣненій уровня луга надъ горизонтомъ воды, относительной ширины „бе-

[1]) Спб. община, 179—183. Характеристика способовъ передѣла заливныхъ луговъ основывается почти исключительно на данныхъ, собранныхъ лично авторомъ этой книги въ четырехъ уѣздахъ Западной Сибири. Другіе изслѣдователи обращали мало вниманія на особенности передѣловъ въ примѣненіи къ заливнымъ лугамъ.

чевной" полосы и влажнаго луга и другихъ подобныхъ обстоятельствъ.

Со всѣми этими условіями считается наиболѣе употребительный, по отношенію къ заливнымъ лугамъ, способъ передѣла, — аукціономъ „на сбавокъ", хотя и основанный на принципѣ субъективнаго равенства, но въ то же время не отказывающійся и отъ приблизительнаго, пространственнаго, уравненія душевыхъ полосъ. Обыкновенно заливные луга разбиваются на сорта или „паи", и каждая душа получаетъ въ каждомъ сортѣ узкую „ленту" поперекъ всего луга, отъ урѣза воды до „материка". Нарѣзываются полосы одна за другою, начиная съ лучшей части луга, — и на каждую полосу производится „торгъ на сбавку"; сбавки при „торгѣ" выражаются обыкновенно въ частяхъ короткой стороны и измѣряются чаще всего „шагами", „лаптями" (длина ступни) или въ „переступку" (ширина ея), а совокупность сбавокъ идетъ затѣмъ на прибавки къ ширинѣ менѣе доброкачественныхъ или болѣе короткихъ полосъ.

Гдѣ заливные луга по качеству очень пестры, передѣлъ „на сбавокъ" обыкновенно комбинируется съ „набоемъ душъ" или расписываніемъ по урочищамъ: если бы распредѣлить равнокачественные луга на сорта, то пришлось бы намѣтить слишкомъ много сортовъ, и получились бы слишкомъ узкія полосы. Поэтому община или вовсе отказывается отъ распредѣленія луговъ на сорта, или дѣлитъ ихъ всего на два-три сорта, а затѣмъ общественники „расписываются" по крупнымъ урочищамъ или разбираютъ послѣднія путемъ „набоя душъ"; этимъ путемъ достигается нѣкоторое уравновѣшеніе среднихъ размѣровъ душевыхъ полосъ, а затѣмъ каждая артель раздѣляетъ свой лугъ по описанному только что способу—аукціономъ „на сбавокъ", и въ результатѣ достигается уже высокая степень уравнительности распредѣленія луговъ. Гдѣ, напротивъ, заливные луга болѣе ровны по рельефу и равнокачественны, гдѣ притомъ луговая пойма тянется сплошною полосою приблизительно равной ширины, тамъ луга, нерѣдко, нарѣзываются на душевыя полосы совершенно одинаковой ширины, для того же, чтобы уравновѣсить неизбѣжныя мелкія различія въ площади и въ качествѣ полосъ, практикуется ежегодный обмѣнъ полосъ: иногда путемъ передвижки, производимой такимъ образомъ, что каждый общественникъ занимаетъ полосу, смежную съ прошлогоднею; иногда покосныя полосы занимаются общественниками, просто, въ порядкѣ выѣзда на покосъ,—выѣхавшій первымъ обязанъ взять первую съ любого конца полосу, второй слѣдующую и т. д.; довольно часто встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ и жеребьевка. Лишь немногія общины, изъ числа придерживающихся разсматриваемаго способа нарѣзки душевыхъ полосъ, отказываются отъ ежегоднаго обмѣна ихъ, какъ средства достиженія уравнительности, и придерживаются порядка передѣла „по старшинству".

Этотъ послѣдній порядокъ можетъ быть, напротивъ, признанъ господствующимъ въ тѣхъ сравнительно многочисленныхъ общинахъ, которыя передѣляютъ заливные луга полосами опредѣленной въ десятинахъ или доляхъ десятины площади. Это, впрочемъ, и понятно: такая нарѣзка луговъ встрѣчается только тамъ, гдѣ луга очень равнокачественны, и потому есть возможность достигнуть, вмѣстѣ съ пространственнымъ равенствомъ, и равноцѣнности полосъ; а разъ это такъ, то исчезаетъ потребность въ ежегодномъ обмѣнѣ послѣднихъ, и на первый планъ выступаетъ стремленіе поддержать луга въ хорошемъ состояніи, требующее возможно продолжительнаго пребыванія полосъ въ рукахъ однихъ и тѣхъ же хозяевъ: общественники, при передѣлѣ, остаются на разъ отведенныхъ имъ мѣстахъ, и отдаютъ только излишекъ сверхъ новаго душевого расчета. Этотъ способъ передѣла особенно распространенъ въ окрестностяхъ Томска, гдѣ, благодаря выгодному сбыту для сѣна, особенно заботятся и о поддержаніи луговъ въ хорошемъ состояніи, и о расширеніи ихъ площади посредствомъ расчистокъ.

Теперь остановимся подробнѣе на способѣ передѣла, котораго мы до сихъ поръ касались лишь мимоходомъ,— именно на *жеребьевкѣ*[1]). Въ этомъ отношеніи замѣчается опять-таки коренная разница между пашнями и сѣнокосными угодьями, стоящая въ тѣснѣйшей связи съ ихъ естественными свойствами и съ условіями хозяйственной эксплуатаціи; пашня—угодье *обрабатываемое*, качество пашенъ остается неизмѣннымъ изъ года въ годъ; сѣнокосъ—угодье не обрабатываемое, а только *эксплуатируемое*, а качество сѣнокосовъ подвержено рѣзкимъ колебаніямъ во времени: сухой годъ, благопріятный для однихъ, будетъ крайне неблагопріятнымъ для другихъ урочищъ, и наоборотъ. Ясно, что вся эта совокупность условій гораздо болѣе благопріятствуетъ примѣненію жеребьеваго способа къ передѣлу сѣнокосныхъ угодій, нежели къ передѣлу пахотныхъ земель. И дѣйствительно, жеребьевка *пашенъ* встрѣчается въ Сибири чрезвычайно рѣдко. Такъ, въ Ишимскомъ уѣздѣ жеребьевый способъ въ чистомъ его видѣ примѣненъ былъ всего въ 10 общинахъ, да еще въ нѣсколькихъ общинахъ онъ примѣнялся въ комбинаціи съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ способовъ передѣла; въ Курганскомъ отмѣчено всего 17 случаевъ примѣненія жеребьевки, изъ нихъ большинство — также въ комбинаціи съ другими способами; за немногими исключеніями, жеребьевка въ обоихъ уѣздахъ встрѣчается лишь у крестьянъ изъ переселенцевъ,—въ большинствѣ же случаевъ отказались отъ примѣненія жеребья и общины переселенцевъ. Совершенно то же самое можно сказать и относительно забайкальскаго района душевого пользованія пашнями,—и здѣсь „передѣлъ пашенъ только путемъ жребія встрѣчается чрезвычайно рѣдко“;

[1]) Сибирск. община, 152—153.

если жеребьевкой и пользуются при передѣлѣ пашенъ, то только какъ вспомогательнымъ пріемомъ (Кроль). Вездѣ, гдѣ только практикуются по Сибири пахотные передѣлы, жеребьевка признается „не Божескимъ", „худымъ" порядкомъ. И это понятно: „жеребьевый способъ,—писалъ авторъ этой книги въ своей работѣ объ общинныхъ порядкахъ Ишимскаго уѣзда,—можетъ повести къ всеобщему удовлетворенію только въ томъ случаѣ, если при раздѣлѣ земли на сорта будутъ приняты во вниманіе тончайшія различія пашенъ по качеству, разстоянію отъ усадебъ и т. п."; между тѣмъ въ Сибири „пашни дѣлятся обыкновенно на небольшое число сортовъ. Нарѣзанныя душевыя полосы не могутъ поэтому быть настолько уравнены между собой, чтобы возможно было безобидное для всѣхъ распредѣленіе ихъ по жребію". То же по существу говоритъ и Н. О. Осиповъ: необходимое условіе примѣненія жребія—„раздробленіе и разбросанность надѣла каждаго хозяина. Между тѣмъ у сибиряковъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ отводѣ земли каждому домохозяину, по возможности, въ немногихъ мѣстахъ"; а разъ это такъ, то при жеребьевкѣ „сфера случайности въ отводѣ надѣла во много разъ увеличилась бы по сравненію съ передѣломъ великороссійскимъ", гдѣ многочисленность отводимыхъ каждому домохозяину полосъ „служитъ гарантіей равномѣрности".

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ покосамъ: въ Енисейской губерніи, какъ мы видѣли, жеребьевка практикуется по отношенію къ сѣнокосамъ въ 12,5% общинъ, противъ 8,6%, передѣляющихъ сѣнокосы „съ торговъ". У забайкальскихъ крестьянъ жеребьевка занимаетъ первое мѣсто въ числѣ пріемовъ передѣла сѣнокосныхъ угодій, и уже за нею, опять-таки, слѣдуютъ „торги", при чемъ жеребьевка, въ видѣ правила, имѣетъ двухстепенный характеръ: сначала по жребію распредѣляются болѣе или менѣе крупныя сѣнокосныя урочища между „десятками" или иными группами общественниковъ, а затѣмъ въ каждой группѣ производится жеребьевка душевыхъ паевъ между вошедшими въ группу общественниками [1]). По наблюденіямъ г. Кроля, жеребьевка практикуется, главнымъ образомъ, въ тѣхъ общинахъ, гдѣ сѣнокосы приблизительно одинаковаго качества, такъ что, получая тотъ или иной участокъ по жребію, домохозяинъ не остается въ обидѣ. Но этотъ же способъ передѣла примѣняется и тамъ, гдѣ на урожай травъ вліяютъ случайныя, не предвидимыя обстоятельства — засуха, разливы рѣкъ и т. п.: берущій участокъ рискуетъ,—но риску подвергаются всѣ участники раздѣла. Напротивъ, тамъ, гдѣ сѣнокосные участки неодинаковы по качеству, но эти качества поддаются учету, опредѣленію, тамъ примѣняется не жеребьевка, а „торгъ" [2]).

---

[1]) *Кроль*, 221—226.
[2]) Тоже, 238—239.

Въ приведенной только что выдержкѣ прекрасно выяснена зависимость формъ сѣнокосныхъ передѣловъ отъ свойствъ угодій, при чемъ соображенія о *непредвидимыхъ случайностяхъ*, какъ условіи, благопріятствующемъ примѣненію жеребьеваго способа, являются существеннымъ дополненіемъ къ установленной по даннымъ болѣе раннихъ изслѣдованій теоріи зависимости передѣльныхъ формъ отъ свойства передѣляемыхъ угодій.

Но едва ли не пестрѣе всего способы передѣла общественныхъ *лѣсовъ*. И это безконечное разнообразіе „логически неизбѣжно и всецѣло обусловливается специфическими свойствами самого лѣсного угодья. Съ одной стороны, общинное, равное для всѣхъ общинниковъ право пользованія лѣсомъ особенно сильно, такъ какъ, во-первыхъ, лѣсъ представляетъ наиболѣе цѣнное угодье“ (конечно, именно *только тамъ*, гдѣ дѣло дошло до регулированнаго пользованія лѣсомъ! А. К.); во-вторыхъ, въ него не затрачено ничьего труда; съ другой же стороны, самый процессъ пользованія лѣсомъ прекращаетъ его существованіе, какъ такового, на долгое время или даже навсегда, и, значитъ, полное осуществленіе этого права могло бы быть равносильно лишенію лѣса не только будущихъ поколѣній на счетъ (въ пользу?) нынѣшняго, но и въ данный моментъ—хозяина болѣе бережливаго на счетъ жаднаго“. Поэтому „по отношенію къ лѣсу общины силятся каждая по-своему изыскать такую систему его обобществленія и распредѣленія, которая соединяла бы наибольшую уравнительность послѣдняго съ наилучшею охраной лѣса отъ истребленія“ (Качоровскій)[1]). Переходъ отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію и по отношенію къ земельнымъ угодьямъ вызывался, до извѣстной степени, хозяйственными соображеніями—стремленіемъ крестьянъ поставить отдѣльныхъ хозяевъ въ болѣе устойчивыя отношенія къ землѣ. Но нигдѣ эти хозяйственныя соображенія не играли такой роли, какъ по отношенію къ лѣсамъ: едва ли не основнымъ мотивомъ раздѣла лѣсовъ на душевые участки было именно стремленіе „приставить къ лѣсу хозяйскій глазъ, чтобы каждый лѣсной участокъ находился подъ наблюденіемъ отдѣльнаго домохозяина, лично заинтересованнаго въ его сохраненіи“ (Осиповъ). Само собой понятно, что требованіямъ лѣсоохраненія въ наибольшей степени соотвѣтствуетъ способъ передѣла „по старшинству“, хотя,—мы увидимъ ниже,—какъ разъ по отношенію къ лѣсамъ чрезмѣрно послѣдовательное проведеніе этого принципа можетъ оказаться неблагопріятнымъ даже и съ лѣсоохранительной точки зрѣнія; требованіямъ всеобщаго равенства будутъ отвѣчать, оставляя въ сторонѣ совсѣмъ не употребительную по отношенію къ лѣсамъ жеребьевку, разнообразныя разновидности „торговъ“. И такъ же, какъ и по отношенію къ другимъ родамъ угодій, носителями хозяйственнаго и въ частности—лѣсо-

[1]) *Качоровскій*, 195. Сибир. община, 191—194.

хозяйственнаго начала являются наиболѣе крѣпкіе, состоятельные изъ „старыхъ хозяевъ", выростившіе хорошій лѣсъ на своихъ душевыхъ пайкахъ; они стоятъ, конечно, за передѣлъ „по старшинству", тогда какъ передѣла съ „торговъ", во имя начала всеобщаго равенства, требуютъ, съ одной стороны, „малолѣты", желающіе имѣть такой же лѣсъ, какой имѣютъ старыя души, съ другой—наиболѣе слабые и нехозяйственные изъ „старыхъ хозяевъ", истребившіе свои пайки и желающіе „сѣсть" на выросшенный другими лѣсъ. Такимъ образомъ, борьба между лѣсоохранительнымъ началомъ и требованіями равенства сводится въ сущности къ борьбѣ внутри общины зажиточныхъ и несостоятельныхъ элементовъ. Но особенный характеръ лѣсныхъ угодій даетъ, несомнѣнно, лишній шансъ сторонникамъ передѣла „по старшинству" [1]). Изучая въ Курганскомъ уѣздѣ географическое распредѣленіе пріемовъ передѣла лѣсовъ, покойный Осиповъ пришелъ къ тому заключенію, что способъ передѣла „набоемъ" практикуется въ болѣе богатыхъ лѣсомъ мѣстностяхъ, передѣлъ „по старшинству"—въ болѣе обезлѣсенныхъ, гдѣ потребность въ сохраненіи лѣсовъ даетъ себя чувствовать гораздо сильнѣе; и это обстоятельство привело Н. О. Осипова къ заключенію, что во всѣхъ лѣсныхъ волостяхъ *первые* передѣлы произведены были „набоемъ душъ" [2]). „По мѣрѣ уменьшенія лѣсовъ,—говоритъ онъ,—„набой душъ" начинаетъ ограничиваться разными правилами и постепенно переходило въ такія формы передѣла, въ которыхъ принципъ „старозаимочности" (=„старшинство") выступаетъ на первый планъ". Начинается обыкновенно съ того, что часть душъ, на которыхъ ихъ хозяева вырубили лѣсъ, къ „набою" не допускается; владѣльцу участка, на которомъ происходитъ „набой", предоставляется преимущественное право или принять высшую данную за участокъ цѣну, или остаться на старомъ мѣстѣ въ части съ домохозяевами, набившими цѣну; исключается часть лѣсовъ отъ всякаго „набоя душъ" и распредѣляется между домохозяевами на основаніи точнаго измѣренія и оцѣнки, и эта часть, обыкновенно, съ каждымъ передѣломъ становится все больше и больше". Въ концѣ-концовъ передѣлъ „набоемъ душъ" лишь въ очень немногихъ общинахъ сохранился въ его чистой формѣ; обыкновенно же и при этой формѣ передѣла „старыя души" пользуются существенными преимуществами: если именно, какъ

---

[1]) Сибирская община, 194—197.

[2]) Это предположеніе покойнаго Осипова находитъ себѣ, съ одной стороны, косвенное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ общинахъ съ двоякимъ порядкомъ передѣла передѣлъ „по старшинству" практикуется по отношенію къ болѣе цѣннымъ, „торги"—къ менѣе цѣннымъ лѣсамъ; съ другой—и прямое подтвержденіе въ исторіи лѣсныхъ передѣловъ въ Томскомъ уѣздѣ; здѣсь первый передѣлъ лѣсовъ произведенъ былъ, повидимому, однимъ изъ пріемовъ „торга"; въ большинствѣ общинъ этого района передѣлъ не повторялся; повторный передѣлъ имѣлъ мѣсто только въ четырехъ общинахъ, во всѣхъ—„по старшинству"..

обыкновенно бываетъ, въ составъ артели, „набившейся“ на какое-либо лѣсное урочище, вошли въ числѣ прочихъ и такіе домохозяева, прежніе душевые участки которыхъ находятся въ томъ же урочищѣ, то ихъ оставляютъ, за отрѣзкой лишняго, на тѣхъ же участкахъ, какими они владѣли до передѣла.

Что̀ касается до передѣла „по старшинству“, то въ Ишимскомъ уѣздѣ преобладаетъ наиболѣе чистая форма этого порядка: всѣ „старыя“ души остаются, за отрѣзкой излишковъ, на своихъ старыхъ мѣстахъ; „малолѣтки“ надѣляются по возможности „отеческимъ“ лѣсомъ; „малолѣты безъ отечества“ должны довольствоваться остатками и обрѣзками, куда всегда попадаетъ худшій и вырубленный лѣсъ, потому что „старыя“ души имѣютъ право оставить за собой *любую*, слѣдовательно, *лучшую* часть своего прежняго пользованія, а отдать—самую худшую.

Само собою разумѣется, что этотъ способъ передѣла въ его чистомъ видѣ не допускаетъ расцѣнки лѣсовъ на сорта по возрасту, густотѣ и т. п.,—уравненіе душевыхъ лѣсныхъ надѣловъ по *этимъ* признакамъ было бы равносильно, до извѣстной степени, отрицанію лѣсоохранительнаго принципа. Поэтому за основаніе расцѣнки лѣсовъ на сорта, если таковая и практикуется, въ Ишимскомъ уѣздѣ обыкновенно принимаются только естественныя или топографическія свойства: порода лѣса, разстояніе отъ усадебъ, высокое или низменное мѣстоположеніе, сухой или влажный грунтъ. Лишь въ немногихъ общинахъ Ишимскаго уѣзда встрѣчается расцѣнка лѣса по его качеству или росту (дровяной—жердевой; хорошій—худой лѣсъ—пеньки), и такая расцѣнка, очевидно, является уже серьезной уступкой интересамъ „малолѣтовъ“ и бѣдной части населенія.

Напротивъ, въ Курганскомъ уѣздѣ преобладаетъ другая разновидность передѣла „по старшинству“: выдѣлъ частей лѣса, остающихся въ пользованіи „старыхъ душъ“, производится не по усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ, а по рѣшенію общины, которая стремится оставить каждому хорошій и вырубленный лѣсъ *въ той же пропорціи, въ какой онъ сохранилъ или вырубилъ лѣсъ*, принадлежавшій ему по прежнему передѣлу; если, напримѣръ, хозяинъ изъ принадлежавшихъ ему ранѣе 10 десятинъ вырубилъ 6, а 4 десятины сохранилъ, и если ему слѣдуетъ по „новому расчисленію“ $7^1/_2$ дес., то ему останется изъ его прежняго пользованія 3 дес. хорошаго и $4^1/_2$ дес. вырубленнаго лѣса, а отберется 1 дес. перваго и $1^1/_2$ дес. второго. „Совершенно очевидно лѣсоохранительное значеніе этой формы раздѣла: свойство надѣла каждаго крестьянина поставлено въ зависимость отъ его прежняго хозяйства на этомъ надѣлѣ“ (Осиповъ). Но въ то же время эта форма гораздо болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ уравненія, и такимъ образомъ общинные порядки Курганскаго уѣзда и по отношенію къ лѣсамъ стоятъ на высшей ступени развитія, нежели порядки Ишимскаго уѣзда: господствующая въ первомъ

форма передѣла въ большей мѣрѣ служитъ задачѣ лѣсоохраненія, не нарушая въ то же время и требованій равенства. Каждая изъ двухъ основныхъ разновидностей лѣсныхъ передѣловъ,—говоритъ г. Качоровскій,—„установившись первоначально въ чистой формѣ, потомъ постепенно ограничивается и корректируется противуположной", и получающаяся такимъ образомъ компромисная система „представляетъ наиболѣе точную равнодѣйствующую трехъ цѣлей: во-1-хъ, интересовъ самихъ владѣльцевъ, во-2-хъ, новонадѣляемыхъ молодыхъ и бѣдныхъ семей, и, наконецъ, сбереженія лѣса" [1])...

Чтобы покончить со способами передѣла лѣсовъ, надо еще упомянуть, что нѣкоторыя общины передѣляютъ свои лѣса двоякимъ способомъ, при чемъ та часть лѣса, которою крестьяне по той или другой причинѣ особенно дорожатъ, передѣляется обыкновенно мѣрными участками, „по старшинству", а менѣе цѣнная передѣляется „набоемъ душъ" или „расписываніемъ по урочищамъ".

Рѣзко сталкивающіеся въ вопросѣ о способѣ передѣла лѣсовъ, интересы разныхъ группъ общественниковъ не менѣе рѣзко сталкиваются и въ другомъ существенномъ вопросѣ: о судьбѣ лѣса на участкахъ, переходящихъ по передѣлу изъ однѣхъ рукъ въ другія [2]). Интересъ „малолѣтковъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ — бѣдной части населенія, требуетъ, конечно, чтобы отбираемый у „старой души" участокъ переходилъ къ „малолѣту" со всѣмъ растущимъ на немъ лѣсомъ; интересъ „старыхъ жителей",—чтобы переходило одно только *мѣсто*, а выросшій лѣсъ оставался въ пользу прежняго владѣльца. И если, съ одной стороны, было бы не „по-божески", принявъ первый порядокъ, лишить прежняго владѣльца всѣхъ плодовъ его бережливости, то съ другой—нельзя надѣлять „одними пнями" и ни въ чемъ неповинную „малолѣтскую" душу. И дѣйствительно, перваго порядка въ его чистомъ видѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ, второй—только въ очень немногихъ общинахъ; въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, въ Ишимскомъ уѣздѣ, владѣльцамъ разрѣшается срубать только наиболѣе крупный лѣсъ, мелкій же лѣсъ передается, вмѣстѣ съ мѣстомъ, новымъ владѣльцамъ. При этомъ однѣ общины предоставляютъ срубать только строевыя деревья, другія—и „заплотникъ", третьи—все до жердей включительно; но смыслъ этого порядка во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же: община, не желая „обижать" прежняго владѣльца, разрѣшаетъ ему воспользоваться тою частью лѣса, сохраненіе которой требовало наиболѣе продолжительнаго воздержанія, слѣдовательно, болѣе крупнымъ лѣсомъ, мелкій же отдаетъ „прибылымъ" душамъ на топливо и выростъ. По вынесенному авторомъ этой книги изъ бесѣдъ съ

[1]) *Качоровскій*, 197—198.
[2]) Сибирская община, 197—198.

крестьянами впечатлѣнію, такой порядокъ наиболѣе соотвѣтствуетъ крестьянскому правосознанію,—и это понятно, такъ какъ онъ представляетъ собой очень справедливый компромиссъ между вліяющими на порядки пользованія лѣсомъ антагонистическими интересами. Но побѣда его явилась результатомъ продолжительной борьбы, а мѣстами — и прямого вмѣшательства администраціи; такъ, въ одной волости Ишимскаго уѣзда (Гагарьевской) первоначально предполагалось отбирать лѣсные участки вмѣстѣ со всѣмъ растущимъ на нихъ лѣсомъ, и только по распоряженію крестьянскаго чиновника, вызванному жалобами владѣльцевъ рощеннаго лѣса, имъ дозволено было срубить всѣ деревья, „толще оглобли“.

Наконецъ еще вопросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ о лѣсныхъ передѣлахъ,—это именно вопросъ объ *объемѣ правъ* отдѣльныхъ общественниковъ на отводимые имъ при передѣлахъ душевые лѣсные надѣлы [1]). Вопросъ этотъ, повидимому, сталъ на очередь только въ послѣднее время: прежде каждый общественникъ свободно вырубалъ доставшійся ему лѣсъ, продавалъ его на срубъ, корчевалъ и обращалъ лѣсную площадь въ пахотную землю, и только въ 80-хъ годахъ появилось стремленіе къ ограниченію правъ отдѣльныхъ лицъ на душевые лѣсные участки: въ нѣкоторыхъ общинахъ установлено запрещеніе обращать лѣсныя площади въ пашню; мѣстами состоялись приговоры волостныхъ сходовъ, запрещающіе продажу лѣсныхъ участковъ на срубъ, а также вывозъ срубленнаго лѣса за предѣлы волости,—и эти приговоры, хотя и не строго соблюдаемые, успѣли уже повести къ значительному сокращенію спекулятивныхъ вырубокъ лѣса. Дальнѣйшихъ шаговъ въ дѣлѣ ограниченія правъ полноправныхъ общественниковъ въ отношеніи пользованія лѣсными надѣлами, по крайней мѣрѣ, въ Ишимскомъ уѣздѣ, не дѣлалось, но мѣстами сильному ограниченію подверглись права „шатающихся“ ссыльнопоселенцевъ, которые и брали лѣсъ только для того, чтобы сейчасъ же продать его на срубъ: нарѣзая лѣсъ на всѣхъ ссыльнопоселенцевъ, общины передаютъ лѣсные пайки только тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ домообзаводство, а пайки „шатающихся“ оставляютъ подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, какъ бы въ неприкосновенномъ запасѣ.

---

[1]) Тоже, 199—200.

ГЛАВА V.

Эволюція землевладѣнія.

Въ I-ой главѣ этой 2-ой части мнѣ приходилось говорить о крайней пестротѣ межевого дѣла въ Сибири. Мѣстами до сихъ поръ или, во всякомъ случаѣ, до момента мѣстнаго изслѣдованія не было совершенно никакихъ межевыхъ работъ, или дѣло не пошло дальше простой инструментальной съемки. Мѣстами были составлены проекты отграниченія земель крестьянскихъ отъ казенныхъ (или кабинетскихъ), но по тѣмъ или другимъ причинамъ они остались безъ утвержденія; такіе проекты въ однихъ случаяхъ остались безъ всякаго вліянія на фактическое землепользованіе крестьянъ, въ другихъ послѣднее въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ вошло въ границы такого проектнаго межеванія. Мѣстами проекты разграниченія были, въ свое время, утверждены и исполнены въ натурѣ, съ изъятіемъ въ распоряженіе казны (или кабинета) оказавшихся излишковъ; мѣстами, однако, и такое окончательное разграниченіе вовсе не отразилось или слабо отразилось на фактическомъ пользованіи населенія,—это въ особенности тамъ, гдѣ оказавшіеся излишки были оставлены въ крестьянскихъ дачахъ въ расчетѣ на приселеніе переселенцевъ. Наибольшіе успѣхи регулированіе крестьянскаго землевладѣнія сдѣлало въ Западной Сибири, въ особенности въ западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи. По средне-сибирскимъ губерніямъ окончательнаго разграниченія почти нигдѣ не было, повидимому, благодаря Иркутскому пожару 1879 года, уничтожившему весь накопившійся до того времени плановой матеріалъ. Основою крестьянскаго землевладѣнія, при такихъ условіяхъ, до самаго послѣдняго времени оставалось либо простое завладѣніе, либо „приведеніе въ извѣстность“, либо проектное межеваніе; крестьяне считали своими всѣ земли, которыя по съемкѣ были показаны „состоящими въ ихъ пользованіи“, или которыя проектированы были къ отводу имъ въ надѣлъ. Такого рода проектныя межеванія, въ видѣ правила, лишь очень слабо отразились на дѣйствительномъ пользованіи населенія, очень мало его стѣснили. Это тѣмъ болѣе, что проектированный надѣлъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ либо совпадалъ съ границами фактическаго пользованія, либо

даже превосходилъ размѣры послѣдняго. Гдѣ крестьянскія земли со всѣхъ сторонъ охвачены тайгою, тамъ границы эти не задержали крестьянскихъ расчистокъ и, слѣдовательно, не помѣшали распространенію земледѣльческой культуры вширь. Напротивъ, тамъ, гдѣ крестьянскія селенія расположены болѣе или менѣе густо, проектное межеваніе, мѣстами, существенно отразилось на фактическомъ землепользованіи крестьянъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ часть земель, находившихся въ фактическомъ пользованіи однихъ обществъ, по проекту должна была отойти къ другимъ: мѣстами такая передача земли отъ одного общества къ другому дѣйствительно осуществилась, въ большинствѣ же подобныхъ случаевъ между обществами возникали недоразумѣнія, споры и тяжбы [1]).

Значеніе межеваній въ исторіи эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія заключается, однако, не только въ отграниченіи земель крестьянскаго владѣнія отъ пространствъ, поступавшихъ въ единственное владѣніе казны, не только въ обусловленномъ такимъ отграниченіемъ механическомъ стѣсненіи нѣкогда безграничнаго простора. Межеванія преслѣдовали, кромѣ того, и цѣли внутренняго землеустройства. И въ этомъ отношеніи результаты межевыхъ работъ были чрезвычайно разнообразны, въ зависимости частью отъ желаній населенія, частью отъ измѣнявшихся „вѣяній“ и настроеній центральной и высшей мѣстной администраціи, частью, несомнѣнно, и отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣній ближайшихъ исполнителей. Иногда обмежевывались общія дачи на цѣлыя волости съ населеніемъ отъ 4—5 до 12—15 тысячъ душъ; иногда отводились отдѣльные поселенные отрубы, иногда, наконецъ, надѣлы отводились группамъ, гдѣ изъ 2, 3, 4, гдѣ изъ десятка и болѣе селеній. Такимъ образомъ, правительственное межеваніе создавало или фиксировало *межевыя или юридическія единицы землевладѣнія*; такими единицами дѣлались то волость, то отдѣльное селеніе, то сельское общество изъ нѣсколькихъ селеній или группа селеній, не объединенная никакою административною связью. Но такія единицы чаще всего именно только *фиксировались*. Если онѣ создавались вновь, то это происходило, въ видѣ правила, только на бумагѣ; на практикѣ межеванія, очень часто, совсѣмъ не отражались или очень слабо отражались на внутреннемъ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнія. Это въ особенности приходится сказать о межевыхъ работахъ первой половины XIX вѣка, носившихъ, въ большей части, лишь подготовительный къ окончательному размежеванію, съемочный или проектный характеръ. „Населеніе, — говоритъ по этому поводу С. П. Швецовъ,—разумѣется, не могло не знать о производящихся межевыхъ работахъ, тѣмъ болѣе, что границы фактическаго землепользованія должны были устанавли-

[1]) Сибирск. общ., 6—9.

ваться черезъ „лучшихъ людей“ общины, выбиравшихся въ понятые для присутствованія при межеваніи. Но отношеніе населенія было совершенно безучастное, какъ къ чему-то постороннему, смыслъ и значеніе чего совершенно ускользали отъ него. По мнѣнію населенія, „межеваніе нужно было не для него, а „для начальства“. При такомъ отношеніи населенія къ межевымъ работамъ,—продолжаетъ С. П. Швецовъ,—ни для кого не представляло интереса, вообще говоря, какъ землемѣромъ ведутся работы; смѣшалъ ли онъ границы землевладѣнія съ границами фактическаго землепользованія, совершенно не разобрался въ разныхъ фактахъ и отношеніяхъ, превративши сложныя формы владѣнія въ однодеревенскія, и т. п. Не все ли равно, когда всѣ эти работы непосредственнаго отношенія къ практическимъ вопросамъ землевладѣнія, казалось, не имѣютъ... Этимъ только и можно объяснить ту удивительную кройку на дачи всего Алтайскаго округа (и многихъ другихъ областей Сибири! А. К.), какую произвели межевые техники въ 20—30-хъ годахъ, и которая не имѣла ничего общаго съ размѣрами и границами землевладѣнія“. Но „устанавливая бывшія въ такомъ-то году границы фактическаго *землепользованія* отдѣльныхъ общинныхъ единицъ или группъ ихъ, иногда, можетъ-быть, и цѣльныхъ общинъ, придавая имъ, по недоразумѣнію, значеніе границъ фактическаго *землевладѣнія*, межеваніе не могло *дѣйствительно* ввести крестьянское землевладѣніе въ данныя рамки,—не могло, потому что не имѣло никакого юридическаго значенія, будучи лишь подготовительною работой. Тѣмъ болѣе не могло произойти измѣненія въ дѣйствительныхъ, фактическихъ междуобщинныхъ и внутриобщинныхъ отношеніяхъ, которыя продолжали развиваться, нимало не справляясь съ проведенными землемѣрами „гранями“. Общинная жизнь деревни шла своею дорогой; прежнія формы или продолжали развиваться, или же распадались, уступая мѣсто другимъ; возникали совершенно новыя отношенія, и т. д.“ [1]).

Но этого мало: даже тамъ, гдѣ межеваніе было доведено до конца, гдѣ разграничительные проекты были не только утверждены, но и „приведены въ исполненіе въ натурѣ“, оно далеко не вездѣ возымѣло практическое дѣйствіе. Нечего уже говорить о томъ, что намежеваніе *общихъ дачъ* не создавало *общаго владѣнія*, гдѣ его не существовало раньше, и не могло его увѣковѣчить,—напротивъ, разложеніе составныхъ общинъ, какъ мы увидимъ, является однимъ изъ характернѣйшихъ явленій занимающей насъ эволюціи. Но даже и проведенный въ межевомъ порядкѣ раздѣлъ далеко не вездѣ положилъ конецъ существовавшей ранѣе общности землевладѣнія и пользованія землею [2]). Такъ, въ

[1]) Томск. окр., 110.

[2]) „При неудовлетворительномъ состояніи межевого дѣла,—читаемъ мы въ предисловіи къ 8-му тому „Матеріаловъ“ по Забайкальской области,— невозможно и ожидать, чтобы современное землевладѣніе довольствовалось всегда

Лянинской волости, Барнаульскаго уѣзда, сохранилось безраздѣльное владѣніе группы изъ 22-хъ селеній, хотя двѣнадцати изъ нихъ были въ свое время отведены отдѣльныя межевыя дачи. Въ *такомъ* объемѣ, впрочемъ, фактическая общность, при межевой раздѣльности владѣнія, повидимому, исключительный фактъ. Весьма обычное явленіе, напротивъ, общность владѣнія группъ изъ двухъ или трехъ селеній, получившихъ отдѣльныя межевыя дачи; чаще всего это случается, если въ дачѣ одного селенія ощущается недостатокъ въ какой-нибудь одной категоріи угодій, напримѣръ пашнѣ, въ дачѣ другого—въ другой, напримѣръ лѣсѣ или покосѣ. Вотъ типичный примѣръ изъ Алтайскаго округа, приводимый въ работѣ С. П. Швецова: „жители дер. Чертенковой пашнею и сѣнокосами пользуются совмѣстно съ крестьянами дер. Ново-Изылинской и Саламатовой. Деревни какъ бы обмѣниваются разнородными угодьями: д. Чертенкова, въ дачѣ которой много солонцеватыхъ земель, для обработки негодныхъ, поставлена въ болѣе выгодныя условія относительно сѣнокосовъ, чѣмъ хлѣбопахотныхъ земель, въ которыхъ ощущается сильный недостатокъ; въ деревняхъ же Ново-Изылинской и Саламатовой, имѣющихъ одну межевую дачу, наблюдается какъ разъ обратное—много хлѣбопахотныхъ и мало сѣнокосныхъ земель. Соединяясь въ одно цѣлое, три селенія уравниваютъ условія и даютъ возможность удовлетворять потребности въ различныхъ угодьяхъ“ [1]). На ряду съ этимъ наблюдается, однако, и иное, одностороннее „залѣзаніе“ крестьянъ однихъ селеній въ межевыя дачи другихъ; крестьяне, имѣющіе въ своихъ дачахъ мало пастбищъ или лѣса, рубятъ лѣсъ и пасутъ скотъ, съ опредѣленно-выраженнаго или подразумѣваемаго согласія другой стороны, въ дачахъ межевыхъ общинъ, имѣющихъ избытокъ въ этого рода угодьяхъ. Такъ, въ Забайкальской области крестьяне четырехъ селеній Иволгинской волости „пользуются выпусками совмѣстно со своими сосѣдями-инородцами, при чемъ чаще всего крестьянскій скотъ пасется на бурятской землѣ; въ дачѣ крестьянъ с. Ново-Казачинскаго, Усть-Илинской волости, лѣсъ рубятъ также крестьяне Усть-Илинскаго и Старо-Кугуртаевскаго селеній, а также и смежные тунгусы; въ дачѣ пос. Застепинскаго, Маковѣевской станицы, лѣсъ рубятъ

границами, указанными ему когда-то землемѣрнымъ способомъ. Иногда проектъ надѣла совершенно измѣнялъ конфигурацію ранѣе обмежеванныхъ дачъ, состоящихъ въ пользованіи сосѣднихъ селеній, при чемъ въ однихъ случаяхъ населеніе сейчасъ же измѣняло свое землепользованіе сообразно границамъ проекта, а въ другихъ, наоборотъ, продолжало пользоваться землями попрежнему, такъ что измѣненіе границъ, произведенное проектомъ, совершенно не отразилось на его землевладѣніи. Часто нѣсколько селеній, составляющихъ, по межевымъ документамъ, одно земельное общество, въ дѣйствительности владѣютъ угодьями совершенно обособленно, и такимъ образомъ фактическое владѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ юридическому“. (Забайкал., VIII, стр. V; см. Сибирская община, 17).

[1]) Томск. окр., 64.

самовольно сосѣдніе буряты и крестьяне села Кенонскаго, и т. д.“ [1]). Вообще случаи, когда дѣйствительное пользованіе распространяется за предѣлы межевыхъ дачъ, довольно заурядное явленіе; особенно обыкновенны они въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, гдѣ крестьяне нерѣдко рубятъ лѣсъ, безразлично, и въ своихъ, и въ чужихъ дачахъ; довольно обычны случаи несоблюденія границъ и по отношенію къ пахотнымъ расчисткамъ, иногда—по отношенію къ вольнымъ покосамъ и даже присельнымъ выгонамъ: на обширные вольные покосы, принадлежащіе однѣмъ межевымъ общинамъ, безпрепятственно наѣзжаютъ посторонніе крестьяне; крестьяне прирѣчныхъ селеній при большихъ разливахъ, затопляющихъ ихъ присельный выгонъ, перегоняютъ свой скотъ въ поскотины сосѣднихъ, „нагорныхъ“ селеній, но зато при засухахъ, когда поскотины „на горѣ“, остаются безъ корма, допускаютъ на свои присельные выгоны скотъ изъ „нагорныхъ“ селеній, и т. д. [2]). Наконецъ нельзя не отмѣтить совсѣмъ уже общераспространеннаго во всѣхъ частяхъ Сибири факта общности пользованія осеннимъ выгономъ, вытекающаго изъ практикуемыхъ въ Сибири пастбищныхъ порядковъ. Осенью, обычно съ 1 сентября, скотъ выпускается на волю; онъ пасется, не разбирая межевыхъ границъ, и такая общность выпаса наблюдается даже тамъ, гдѣ въ остальномъ межевыя границы соблюдаются совершенно строго.

Выводъ изъ всего сказаннаго такой: межеваніе далеко не всегда и не вездѣ предрѣшило фактическій складъ крестьянскаго землевладѣнія, и фактическія единицы послѣдняго далеко не всегда и не вездѣ совпадаютъ съ межевыми дачами. *Въ видѣ правила*, однако, границы межевыхъ дачъ образуютъ какъ бы *внѣшнія границы* дачъ или районовъ фактическаго владѣнія землею; если и происходитъ захожденіе за границы межевыхъ дачъ, то это должно быть разсматриваемо, скорѣе, какъ результатъ либо двусторонняго соглашенія заинтересованныхъ сторонъ, либо односторонняго допущенія одною изъ сторонъ пользованія другой,—допущенія, вытекающаго либо изъ большого избытка у одной изъ заинтересованныхъ сторонъ тѣхъ или иныхъ угодій, либо изъ фактическаго перевѣса силъ „залѣзающаго“ селенія.

Уже изъ сказаннаго, до извѣстной степени, ясно, что такое или иное формальное разграниченіе еще далеко не предрѣшаетъ фактическаго разграниченія. То и другое полностью совпадаетъ (и то, если не считать только что указанныхъ захожденій) только въ одномъ случаѣ: когда земля намежевывалась каждому селенію особо, односеленная межевая община является односеленною же фактическою общиной. Менѣе просто ставится вопросъ, когда земля намежевывалась на группы селеній: фактическій складъ

---

[1]) *Кауфманъ*, Забайк., 73.
[2]) Сибирск. община, 27.

землевладѣнія внутри многоселенныхъ дачъ крайне разнообразенъ, начиная съ болѣе или менѣе полной общности и кончая болѣе или менѣе полною раздѣльностью фактическаго владѣнія. Наконецъ, уже совершенно неизбѣжно поставить себѣ вопросъ о складѣ фактическаго владѣнія тамъ, гдѣ размежеванія не было, вопросъ, совпадающій съ другимъ вопросомъ: каковъ былъ складъ землевладѣнія въ нынѣ разграниченныхъ дачахъ во времена, предшествовавшія межеванію.

Первоначальная форма землевладѣнія, которую, можетъ-быть, правильнѣе всего было бы назвать *отсутствіемъ землевладѣнія*, это отсутствіе опредѣленныхъ, не только межевыхъ, но и обычныхъ границъ между селеніями [1]). Вотъ общая картина этихъ неопредѣленныхъ земельныхъ отношеній, какъ ее рисуетъ Е. С. Филимоновъ для одного изъ степныхъ районовъ Западной Сибири—для сѣверо-западной Барабы: „кругомъ отдѣльныхъ селеній, на разстояніи 2—5 верстъ отъ послѣднихъ, лежали селенныя межи (?), внутри которыхъ находилась единственная селенная земля—поскòтина, а внѣ—волостная земля съ пашнями, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Среди этой волостной, неразграниченной между селеніями земли, тамъ и сямъ, были разбросаны земельные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ хозяевамъ. Вблизи поскòтинъ эти участки лежали болѣе смежно другъ съ другомъ, нѣсколько вдали отъ поскòтинъ—болѣе разсѣянно, а еще болѣе вдали—совершенно одиноко другъ отъ друга. Первые участки принадлежали преимущественно жителямъ того селенія, подлѣ поскòтины котораго они находились; вторые—принадлежали жителямъ сосѣднихъ селеній, двухъ-трехъ; третьи—принадлежали жителямъ нѣсколькихъ селеній“, что̀ же касается земель, наиболѣе удаленныхъ, то онѣ, „будучи свободными волостными землями, представляли собой запасный земельный фондъ... и пока, до времени, составляли ничью собственность“. Или вотъ картина земельныхъ отношеній въ умѣренно-лѣсистой мѣстности средней Сибири, именно въ неразграниченныхъ волостныхъ дачахъ Маріинскаго уѣзда, какою она представляется по личнымъ наблюденіямъ пишущаго эти строки: „право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія пользованія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго,—какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ пашенъ и покосовъ отъ усадебъ и особенно съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплуатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія

---

[1]) Сибирск. община, 18—24.

урочища земельныхъ угодій, и такое распредѣленіе угодій настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья". Въ отдѣльныхъ случаяхъ распредѣленія землевладѣнія складываются иначе: напримѣръ, право рубки лѣса въ бору, лежащемъ въ чертѣ одной волостной дачи (Почитанской, Маріинскаго уѣзда), принадлежитъ и крестьянамъ сосѣдней (Баимской) волости; иногда часть покосовъ пріурочена къ отдѣльнымъ селеніямъ, часть же состоитъ, опять-таки, въ волостномъ вольномъ пользованіи (Маслянская и Готопутовская волости, Ишимскаго уѣзда), и т. д.

Сходныя по существу формы господствуютъ и въ Иркутской губерніи: и здѣсь чрезполосица и общее владѣніе составляютъ общее правило: „когда земля считается „божьей", „ничьей" или, что̀ все равно, общей, хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній выбираютъ участки вперемѣшку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего оказывается черезполосица"; совмѣстное владѣніе разныхъ селеній „замѣчается по отношенію къ выпускамъ, лѣсамъ (въ смыслѣ пользованія ими для заготовки лѣсного матеріала, а также и разработки въ нихъ земель), и главное къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совладѣніе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ, рубили лѣсъ, кто хотѣлъ, изъ окрестныхъ селеній,—значитъ, лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали удобное мѣсто, стали выгонять туда скотъ, опять изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто „не препятствуетъ". Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто, травы „вволю", „хватитъ для всѣхъ", а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ, вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ сосѣднихъ селеній; такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ". Совершенно аналогично складывались земельныя отношенія и на сѣверѣ Европейской Россіи. И здѣсь весь характеръ хозяйства, по словамъ г. Приклонскаго, „настойчиво воспитывалъ въ крестьянствѣ одну мысль; что какъ скоро люди живутъ въ одномъ лѣсу, на одной рѣкѣ, на одномъ озерѣ, то и сами должны составлять нѣчто *одно,* дѣйствовать *за одно.* Лѣсъ былъ ничей, подсѣки закладывали, гдѣ кому заблагоразсудится, въ результатѣ крестьяне „до сего времени говорятъ, что въ лѣсу они не владѣльцы, а только „работаютъ промежъ себя"; при такомъ положеніи дѣлъ волость (очевидно, разумѣемая въ качествѣ группы селеній, связанныхъ общностью свободнаго пользованія землею) „какъ нельзя лучше обезпечивала земледѣльческій бытъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ членовъ"; она „была единственнымъ хозяиномъ земли, а волостные крестьяне — не болѣе, какъ работниками на этой землѣ: всѣ имѣли равное и безобидное для другихъ право работать промежъ себя" [1]).

[1]) *Приклонскій,* 96—99.

При всемъ различіи формъ, такія неопредѣленныя отношенія въ существѣ дѣла ничѣмъ не отличаются отъ земельныхъ отношеній у кочевниковъ, въ эпоху типичнаго кочевого хозяйства или на первоначальныхъ ступеняхъ осѣданія: та же полная общность, свобода пользованія, гдѣ угодно, при фактическомъ тяготѣніи отдѣльныхъ группъ и единицъ къ извѣстнымъ частямъ или урочищамъ земельной дачи или района. И это фактическое тяготѣніе мало-по-малу переходитъ въ обычно-правовую обособленность, которая, разъ наступаетъ межеваніе, въ видѣ правила закрѣпляется и превращается такимъ образомъ въ юридическую обособленность. Повсемѣстно происходитъ тотъ самый процессъ, какой охарактеризованъ для одного изъ районовъ Сибири въ нижеслѣдующихъ словахъ С. П. Швецова: „Крестьянское землевладѣніе далеко не представляетъ собой чего-нибудь вполнѣ законченнаго, отлившагося въ извѣстную опредѣленную форму. Напротивъ, повсемѣстно наблюдается движеніе, смѣна однѣхъ формъ другими. Наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ этого движенія служитъ распаденіе сложныхъ и крупныхъ формъ владѣнія и процессъ обособленія мелкихъ земельныхъ единицъ“ [1]).

И основнымъ мотивомъ, опредѣляющимъ собою указанный процессъ, несомнѣнно, является „утѣсненіе“. Только для Забайкальской области мѣстное изслѣдованіе не уловило зависимости между „утѣсненіемъ“ и процессомъ дробленія землевладѣнія: обособленіе землевладѣнія происходило въ однихъ случаяхъ при наибольшемъ просторѣ, наиболѣе экстенсивномъ хозяйствѣ и наибольшемъ преобладаніи захватныхъ формъ пользованія, въ другихъ — при сравнительномъ малоземельѣ, болѣе интенсивномъ характерѣ хозяйства и большей распространенности душевыхъ формъ пользованія [2]). Очевидно, связь между дробленіемъ землевладѣнія и прогрессирующимъ „утѣсненіемъ“ замаскирована здѣсь какими-то другими вліяніями, для выясненія которыхъ изслѣдованіе не даетъ надлежащаго фактическаго матеріала. Для всѣхъ остальныхъ районовъ, охваченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ, связь между двумя названными моментами не подлежитъ никакому сомнѣнію. Совмѣстное или раздѣльное владѣніе устанавливается въ зависимости отъ степени изобилія и расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій—обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а потому можетъ существовать по отношенію къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ; по отношенію къ одному угодью совмѣстное владѣніе можетъ быть съ одними, по отношенію къ другому—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ общины является, во всѣхъ такого рода случаяхъ, задачею болѣе нежели затруднительной, и самое существованіе общины, какъ обособленнаго

---

[1]) Томскій окр., 57.
[2]) См. *Кауфманъ*, Забайк., 92—93.

вовнѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза, весьма сомнительно.

Таковъ общій выводъ, къ которому привело меня изученіе матеріала, собраннаго въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ [1]). Къ такому же выводу приходитъ и С. П. Швецовъ, на основаніи своихъ наблюденій въ Алтайскомъ округѣ: „Количество разныхъ угодій, — говоритъ онъ, — находящихся въ распоряженіи у общины, не всегда соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ, почему одни угодья начинаютъ болѣе цѣниться, другія меньше, и самый процессъ обособленія не всегда касается разомъ всѣхъ земельныхъ угодій",—я сказалъ бы: очень рѣдко касается всѣхъ угодій одновременно, „а лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя въ данный моментъ представляютъ наибольшую цѣнность. Отсюда обиліе смѣшанныхъ формъ общиннаго владѣнія". А такъ какъ въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія, въ видѣ правила, площадей, пригодныхъ для сѣнокошенія, значительно меньше, чѣмъ пространствъ, пригодныхъ для распашки; такъ какъ первыя, поэтому, несравненно болѣе цѣнятся, нежели вторыя, то естественно, что именно съ сѣнокосныхъ угодій начинается обособленіе владѣній.

Нѣсколько своеобразными чертами процессъ обособленія владѣній рисуется для вологодскаго сѣвера, по крайней мѣрѣ, для той его части, которая была охвачена мѣстнымъ изслѣдованіемъ 1901—1902 гг. Здѣсь обнаруживается, между прочимъ, любопытная зависимость этого процесса не только отъ степени обезпеченности земельными угодьями, но и вообще отъ всего хозяйственнаго строя данной мѣстности и данной эпохи. Безусловная общность пользованія господствовала здѣсь, пока зыряне были бродячими охотниками. „Съ переходомъ къ осѣдлости дѣло измѣнилось: уходить слишкомъ далеко отъ селенія становилось невыгоднымъ, такъ какъ, помимо большой и безполезной траты времени на переходы, чрезъ это сильно затруднялась бы доставка добычи. Волей-неволей зырянинъ былъ вынужденъ сократить неограниченныя доселѣ странствованія и изъ года въ годъ бродить по одной и той же, хотя все же обширной, территоріи". Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и характеръ промысла, промысловый инвентарь становится все болѣе тяжелымъ и громоздкимъ; а главное, появляется неподвижный инвентарь въ родѣ охотничьихъ ловушекъ, промысловыхъ избушекъ и т. п.: „охотникъ облюбовываетъ себѣ участокъ, прокладываетъ по нему тропы, разставляетъ ловушки и силья и сосредоточиваетъ весь свой промыселъ на этомъ участкѣ; отдаленныя, хотя и болѣе богатыя мѣста перестаютъ его соблазнять". Сознаніе общаго права на обширную охотничью территорію не сразу отмираетъ, „но оно утрачиваетъ всякое практическое значеніе, такъ какъ при измѣнившихся условіяхъ своей жизни зырянинъ не могъ его осуществлять.

[1]) Сибирск. община, 20.

Общая племенная территорія распадалась на части, все болѣе и болѣе терявшія между собою связь“ [1]).

Условія эти не представляютъ, конечно, ничего специфическаго для зырянскаго края. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, какъ на вологодскомъ сѣверѣ, такъ и на лѣсистомъ сѣверѣ Сибири происходитъ постепенное обособленіе охотничьихъ „вотчинъ“, заступающее мѣсто прежней неограниченной свободы пользованія охотничьими угодьями [2]).

Возвращаемся, однако, къ зырянскому краю. Появившееся на смѣну охотничьему промыслу земледѣліе первоначально имѣло подсѣчно-огневой характеръ. И вотъ, „подобно тому, какъ зырянинъ въ любомъ мѣстѣ занимаетъ охотничій участокъ, съ такимъ же сознаніемъ въ своемъ правѣ онъ закладываетъ подсѣку въ удобномъ для этого мѣстѣ. Условія этой системы,—замѣчаетъ г. Большаковъ,—таковы, что при выборѣ участка вопросъ о разстояніи играетъ второстепенную роль, и нерѣдко можно встрѣтить подсѣки за 60—70 верстъ отъ селенія. Тѣмъ не менѣе, есть извѣстный предѣлъ, дальше котораго подсѣчное хозяйство становится невыгоднымъ. Внутри района, очерченнаго этими предѣлами, для зырянина представляется фактически возможнымъ использовать любой участокъ, вся же остальная территорія за этими предѣлами теряетъ свое значеніе, какъ невыгодная для эксплуатаціи“ [3]). На смѣну подсѣчной системѣ возникаетъ затѣмъ новая, залежная система; „залежное хозяйство требуетъ несравненно болѣе заботливости и призора со стороны крестьянина, чѣмъ подсѣчно-огневое; благодаря этому появляется заинтересованность въ томъ, чтобы участокъ находился возможно ближе къ селенію; разбросанность, съ которою мирилось подсѣчное хозяйство, является тормозомъ при новой системѣ“. Въ результатѣ „территорія, на которой группою селеній практиковалось подсѣчное хозяйство, разбивается: два-три или нѣсколько селеній, расположенныя въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, попрежнему держатся стараго порядка, но болѣе отдаленныя уже отдѣляются, они лишаются возможности фактически осуществлять свое право на свободную заимку“ [4]). Дальнѣйшій толчокъ въ сторону обособленія даетъ, конечно, трехпольное хозяйство. „Условія новой системы требуютъ, чтобы участки не отстояли слишкомъ далеко отъ селенія. Разъединеніе селеній идетъ поэтому впередъ быстрыми шагами; участки съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ оказываются сконцентрированными около каждаго отдѣльнаго селенія“, и такимъ образомъ трехпольное хозяйство завершило процессъ раздробленія племенной территоріи [5]). Опять-таки и

---

[1]) *Большаковъ*, 16.
[2]) См. Сибирск. община, 223—224.
[3]) *Большаковъ*, 17—18.
[4]) Тоже, 19.
[5]) Тоже, 21—22.

въ данномъ случаѣ—полная аналогія съ условіями лѣсистаго сѣвера Сибири: и тамъ, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, трехпольныя пашни раньше всего поступаютъ въ строго-обособленное пользованіе отдѣльныхъ селеній. Но какъ и на сѣверѣ Сибири, въ зырянскомъ краѣ этотъ процессъ завершается именно только по отношенію къ трехпольнымъ пашнямъ; зырянинъ, въ то же время, „никогда не задумывается заложить подсѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ это считаетъ наиболѣе удобнымъ, хотя бы это было рядомъ съ усадьбами другой деревни". То же самое и съ сѣнокосными угодьями: сѣнокосовъ въ зырянскомъ краѣ относительно больше, чѣмъ пахотныхъ земель, пригодныхъ для навознаго трехполья; сѣнокосы, съ другой стороны, являются, въ видѣ правила, индивидуальными расчистками. Поэтому сѣнокосы, въ отличіе отъ трехпольныхъ пашенъ, не передѣляются, и, слѣдовательно, отпадаетъ важнѣйшій, какъ мы увидимъ, стимулъ къ поселенному обособленію. Съ другой стороны, въ своемъ стремленіи къ расчисткѣ сѣнокосовъ населеніе „не встрѣчаетъ тѣхъ затрудненій, которыя заставляютъ пахотныя угодья концентрироваться вблизи селенія"; напротивъ, „сѣнокосы могутъ быть расчищаемы только въ рѣчныхъ долинахъ; послѣднія очень узки, и крестьяне, по мѣрѣ занятія ближнихъ участковъ, все болѣе удаляются отъ селенія, уходя за 40—50 и далѣе верстъ. Въ районѣ, очерченномъ этими предѣлами, каждый хозяинъ имѣетъ одинаковую фактическую возможность разрабатывать сѣнокосъ въ любомъ мѣстѣ; никакого разграниченія между селеніями нѣтъ, участки ихъ перемѣшаны самымъ безпорядочнымъ образомъ"; это „влечетъ къ тому, что въ то время, какъ по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ селенія все болѣе разъединяются, сѣнокосное землепользованіе, наоборотъ, создаетъ между ними связь" [1]). Въ этомъ отношеніи зырянскій край, какъ и вообще, можно думать, вологодскій сѣверъ, рѣзко отличается отъ сибирской полосы экстенсивнаго земледѣлія, гдѣ обособленіе, наоборотъ, начинается именно съ покосовъ; и опять-таки онъ стоитъ гораздо ближе къ лѣсистому сѣверу Сибири, гдѣ общность владѣнія сохранилась по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ въ гораздо большей степени, чѣмъ по отношенію къ пахотнымъ и въ частности—къ трехпольнымъ землямъ.

Итакъ, полное обособленіе владѣнія удобряемыми трехпольными пашнями, при еще весьма широкой общности владѣнія и пользованія какъ сѣнокосными, такъ и пахотными расчистками, или, точнѣе, лѣсомъ, поскольку таковой служитъ для расчистокъ того и другого рода, а также лѣсорубомъ и лѣсными пастбищами,—такова общая формула крестьянскаго землевладѣнія какъ въ зырянскомъ краѣ, такъ и вообще на сѣверѣ, гдѣ существуютъ аналогичныя естественныя и въ значительной мѣрѣ предрѣ-

[1]) Тоже, 23—24.

шаемыя ими хозяйственныя условія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи, гдѣ появилось трехпольное хозяйство, „постоянныя угодья принадлежатъ каждому селенію отдѣльно, а лѣсъ остается въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлой группы селеній, нерѣдко въ волостномъ владѣніи“, причемъ кое-гдѣ наблюдается даже волостная организація уборки сѣнокосовъ [1]). То же самое и на лѣсистомъ сѣверѣ Сибири. Въ Верхоленскомъ уѣздѣ, Иркутской губерніи [2]), „пахотныя общины“ почти вездѣ состоятъ изъ одного селенія; во всемъ уѣздѣ оказались всего три составныя пахотныя общины, каждая отъ двухъ до шести селеній. Напротивъ, сѣнокосы въ трехъ изъ пяти волостей уѣзда состоятъ въ общемъ волостномъ владѣніи, въ остальныхъ двухъ сообща владѣетъ покосами большинство селеній. Забѣгая затѣмъ до извѣстной степени впередъ, можно теперь же отмѣтить, что во всѣхъ трехъ волостныхъ общинахъ Верхоленскаго уѣзда волостные передѣлы сѣнокосовъ производятся черезъ продолжительные промежутки времени, съ обмѣромъ и разверсткою по числу десятинъ; волость распредѣляетъ сѣнокосы между сельскими обществами, состоящими каждое изъ нѣсколькихъ селеній, а затѣмъ каждый такой „участокъ“ передѣляетъ покосы непосредственно по душамъ, безъ предварительнаго раздѣла между селеніями, какъ будто бы весь „участокъ“ составлялъ одну простую общину. Такимъ же порядкомъ передѣляются покосы и въ одной изъ двухъ крупныхъ составныхъ покосныхъ общинъ, не охватывающихъ цѣлыхъ волостей; напротивъ, въ другой (Манзурской) общій передѣлъ производится ежегодно, причемъ покосы сначала разбиваются на 4 равноцѣнныя „части“ и эти послѣднія разбираются по жребію между четырьмя крупными группами общественниковъ, а затѣмъ каждая группа передѣляетъ свою „часть“ независимо отъ другихъ. Этотъ порядокъ передѣла, связанный съ массой хлопотъ и потерей времени, очень тяготитъ крестьянъ, почему въ Манзурской волости существуетъ движеніе въ пользу раздѣла покосовъ „навѣчно“ на поселенные участки, тогда какъ волостные передѣлы, совершаемые въ другихъ волостяхъ черезъ продолжительные промежутки времени, повидимому, не представляютъ неудобствъ и не возбуждаютъ никакого неудовольствія.

Аналогичныя по существу формы землевладѣнія наблюдаются и на сѣверѣ Тобольской губерніи [3]), гдѣ онѣ были подробно описаны пишущимъ эти строки. Говоря вообще, „границы единицъ земельныхъ общинъ здѣсь совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены: по отношенію къ каждаго рода угодьямъ насе-

[1]) *Приклонскій*, 14; см. ст. *Щепотьева*, въ „Русской Мысли“ 1883 г., XII, стр. 5.
[2]) Сибирск. община, 24—28.
[3]) Тоже.

леніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такою группою является иногда отдѣльное селеніе, иногда—состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда—нѣсколько селеній, не составляющихъ сельскаго общества, иногда — нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ, цѣлая волость, и община — волость, община— сельское общество и община—селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ". Однако, при всей этой пестротѣ, и здѣсь наблюдается рѣзкое обособленіе владѣнія трехпольными пашнями, при далеко болѣе сохранившейся общности владѣнія другими угодьями. Если, напр., взять огромную Пелымскую волость, Туринскаго уѣзда, то единицей владѣнія пашнями окажется здѣсь, въ однѣхъ частяхъ волости, „десятокъ", селеніе; въ другихъ „сотня", сельское общество изъ нѣсколькихъ селеній. Но и въ большинствѣ такихъ „сотенъ" каждый „десятокъ" имѣетъ свои „перемѣны"; уравненіе земли между „десятками" происходитъ только во время ревизій, въ обычное же время каждый „десятокъ" передѣляетъ пашни совершенно независимо отъ другихъ. Напротивъ, сѣнокосы по всей волости состоятъ въ общемъ владѣніи цѣлыхъ „сотенъ", нѣкоторыя же „сотни" соединяются по двѣ въ одну сѣнокосную общину. Присельные выгоны состоятъ во владѣніи крайне разнообразныхъ группъ: и отдѣльныхъ „десятковъ", и „сотенъ", нѣкоторыя же „сотни" распредѣляются на двѣ-три группы, имѣющихъ, каждая, общую поскотину. Изъ обширныхъ кедровниковъ, составляющихъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія крестьянъ Пелымской волости, въ безраздѣльномъ общемъ владѣніи состоитъ одинъ только огромный Носовскій кедровникъ, остальные же, менѣе крупные кедровники пріурочены, главнымъ образомъ, къ сельскимъ обществамъ, „сотнямъ". Рыбными ловлями владѣютъ гдѣ отдѣльныя селенія, гдѣ цѣлыя „сотни" и даже по двѣ „сотни" сообща; въ одной изъ „сотенъ" рыболовными угодьями фактически пользуются только три „десятка", которые зато „не вступаются" въ пользованіе поддворными кедровниками остальныхъ трехъ „десятковъ". Общимъ правиломъ является, такимъ образомъ, преобладаніе общаго „сотеннаго" владѣнія и надъ волостнымъ, и надъ „десяточнымъ", или селеннымъ. Исключеніе—мы видѣли—составляютъ пахотныя земли, распоряженіе которыми сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, „десяткѣ": это потому, что при господствѣ хозяйства съ удобреніемъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она, по своему мѣстоположенію, можетъ быть удобряема; при „поравненіяхъ" между различными селеніями одной „сотни" малоземельнымъ селеніямъ прирѣзывались бы такія полосы, которыхъ, за удаленностью, нельзя было бы удобрять, а потому крестьяне, хотя бы и обдѣленные землей, обыкновенно и не настаиваютъ на „поравненіи" между всѣми селеніями своей „сотни".

Совершенно иныя условія сибирской полосы экстенсивнаго земледѣлія. Безраздѣльное господство залежнаго или, во всякомъ случаѣ, безнавознаго хозяйства отодвигаетъ на задній планъ вопросъ о разстояніи пашенъ отъ селеній; разъ отпадаетъ этотъ вопросъ, избытокъ пашенъ и земель, пригодныхъ для распашки, продолжаетъ существовать еще долго, въ то время какъ количество покосовъ, въ силу чисто-естественныхъ условій гораздо болѣе ограниченное, уже давно не только не превышаетъ весьма широкихъ потребностей населенія въ кормахъ, но можетъ быть даже и очень недостаточнымъ по сравненію съ этими потребностями. Вотъ почему процессъ обособленія владѣній начинается здѣсь не съ пахотныхъ земель, а именно съ сѣнокосовъ. Съ наибольшею полнотою и наглядностью картина раздробленія землевладѣнія въ этого рода условіяхъ нарисована въ работѣ Е. А. Смирнова о землевладѣніи трехъ южныхъ уѣздовъ Иркутской губерніи [1]). Группировка землевладѣнія и здѣсь зависитъ, главнымъ образомъ, отъ трехъ условій: 1) отъ сравнительной цѣнности и важности этихъ угодій, 2) отъ ихъ относительнаго обилія или недостатка и 3) отъ сравнительной величины затраты труда, необходимой для того, чтобы сдѣлать землю пригодною для эксплуатаціи. Наименѣе цѣннымъ и наиболѣе обильнымъ угодьемъ являются *лѣса*; для ихъ эксплуатаціи на срубъ не требуется никакой предварительной затраты труда, а потому „лѣса каждой юридической общины [2]) являются открытыми для совершенно свободнаго пользованія всѣхъ ея членовъ; каждый изъ нихъ можетъ рубить лѣсъ гдѣ, когда и сколько хочетъ..., естественныя общины по отношенію къ совмѣстному пользованію лѣсомъ на срубъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ или совпадаютъ съ юридическими общинами, или даже выходятъ за ихъ предѣлы". Право *расчистки подъ пашню* или *сѣнокосъ* „всегда признается также за всѣми членами данной юридической общины, и если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ (составныхъ) общинъ пояса новыхъ расчистокъ отдѣльныхъ селеній являются рѣзко отграниченными другъ отъ друга, то такое обстоятельство объясняется лишь естественными условіями данной мѣстности, на почвѣ которыхъ могутъ, конечно, создаться и обычаи правового характера". Поскòтинныя общины состоятъ иногда только изъ одного селенія, иногда изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, которыя „свелись" своими поскòтинами.—Такое соединеніе нѣсколькихъ селеній обусловливается исключительно географическимъ положеніемъ ихъ выгонныхъ земель и потому не стоитъ ни въ какой причинной связи ни съ группировкой ихъ въ естественныя

[1]) Сибирск. община, 20—24.

[2]) Этимъ терминомъ Ирк.-Енис. стат. экспедиція обозначаетъ селенія или группы селеній, заключенныя въ одну межевую границу.

общины по другимъ угодьямъ ни даже съ дѣленіемъ на юридическія общины". *Покосныя* земли, какъ угодья, весьма цѣнныя и притомъ не требующія для своей эксплуатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти вездѣ передѣляются по душамъ; покосныя общины „по своему составу также обыкновенно не совпадаютъ съ юридическими общинами, но почти никогда не выходятъ изъ предѣловъ этихъ послѣднихъ; наоборотъ, часто бываетъ, что одна юридическая община состоитъ изъ нѣсколькихъ покосныхъ". Это „иногда объясняется полюбовнымъ соглашеніемъ входящихъ въ юридическую общину селеній, рѣшившихъ „развестись" лугами", иногда—„исконнымъ отдѣльнымъ владѣніемъ покосами, имѣвшимъ мѣсто еще до замежеванія земель различныхъ селеній въ одну общую дачу. Гдѣ покосовъ сравнительно много, часть ихъ (очень отдаленные участки, небольшія лѣсныя поляны и т. п.) обыкновенно не идетъ въ передѣлъ, а предоставляется въ свободное пользованіе всякому желающему изъ числа членовъ юридической общины". *Пахотныя* земли, напротивъ, почти повсемѣстно находятся въ одной изъ формъ захватнаго пользованія, и только въ немногихъ мѣстностяхъ произведено нѣкоторое „поравненіе" старыхъ пашенъ. Только „въ примѣненіи къ такимъ мѣстностямъ можно говорить объ особыхъ пахотныхъ общинахъ, состоящихъ обыкновенно изъ одного или двухъ селеній одной и той же юридической общины"; тамъ же, гдѣ пашни и сейчасъ находятся въ захватномъ владѣніи, пахотныя общины совпадаютъ или съ юридическими (если обращать вниманіе на то, въ какихъ границахъ можно захватывать землю подъ пашни), или съ селеніями и обществами (если смотрѣть на то, въ чье распоряженіе поступаютъ выморочныя пашни); другими словами, въ области господства захватнаго начала особыхъ пахотныхъ общинъ не существуетъ вовсе"; взамѣнъ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной обособленности или чрезполосности пахотныхъ полей. Наконецъ *усадебныя* земли, какъ и пашни, состоятъ почти повсемѣстно въ захватномъ владѣніи, почему и по отношенію къ нимъ объ общинѣ, какъ о владѣльцѣ земли, „можно говорить лишь съ нѣкоторою натяжкою".

Такова одна форма общности владѣнія, которую К. Р. Качоровскій, такъ же, какъ и пишущій эти строки, противополагаетъ другой формѣ, о которой будетъ итти рѣчь ниже, — именно волостной общинѣ. Г. Качоровскій, на мой взглядъ не совсѣмъ удачно, называетъ эту первую и, несомнѣнно, болѣе раннюю форму „путаницей границъ",—я предпочелъ бы назвать ее *„путаницей владѣній"*, потому что эта форма владѣнія существуетъ, въ видѣ правила, именно тамъ, гдѣ нѣтъ *никакихъ* границъ, кромѣ, можетъ-быть, одной общей, внѣшней границы, которая охватываетъ цѣлую болѣе или менѣе многочисленную группу се-

леній, и внутри которой складывается охарактеризованная на предыдущихъ страницахъ „путаница владѣній“ [1]).

Перейдемъ теперь къ другому типу общности владѣнія — именно къ *волостной общинѣ*. Сибирскія мѣстныя изслѣдованія, давшія главную массу матеріала для настоящей работы, изучали волостную общину преимущественно въ западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи — Туринскомъ и Курганскомъ, частью — въ Ишимскомъ уѣздѣ [2]). Въ первомъ изъ названныхъ уѣздовъ, гдѣ обслѣдованіе общинныхъ порядковъ производилось авторомъ этой книги, характеръ волостныхъ общинъ имѣютъ 8 южныхъ волостей, сплошною полосою вытянувшихся по теченію р. Туры. Земельное единство ихъ находитъ себѣ двоякое выраженіе: во-первыхъ, въ общемъ и нераздѣльномъ правѣ пользованія лѣсами и „запольными“ пастбищами, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ — и въ правѣ производства расчистокъ; во-вторыхъ, въ общихъ *волостныхъ передѣлахъ* пашенъ и сѣнокосовъ, а въ одной волости, Пушкаревской,—и кедровниковъ. Волостные передѣлы пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій всегда были пріурочены къ ревизіямъ, и въ шести изъ волостныхъ общинъ разсматриваемой мѣстности повторялись совершенно правильно; въ одной волости, Усениновской, очередной волостной передѣлъ не состоялся при послѣдней, въ другой, Туринской,—даже при двухъ послѣднихъ ре-

---

[1]) *Качоровскій*, 101—102. Когда г. Качоровскій говоритъ на стр. 101 о „появленіи и развитіи границъ“, при которомъ „селенія группируются вокругъ отдѣльныхъ угодій“, и противополагаетъ такой процессъ образованія „путаницы границъ“ другому процессу—появленію границъ „вокругъ извѣстныхъ группъ людей“, то легко допустить, что онъ совершенно правильно рисуетъ себѣ сущность дѣла и только употребляетъ слово „границы“ въ не совсѣмъ обычномъ смыслѣ. Но на стр. 102 г. Качоровскій говоритъ уже прямо о *„размежеваніи* по населеннымъ единицамъ или по угодьямъ“ и констатируетъ, напримѣръ, что по Иркутской губерніи преобладаетъ размежеваніе по угодьямъ; это, повидимому, уже недоразумѣніе по существу: какъ видно хотя бы изъ приведенныхъ въ текстѣ подробныхъ выдержекъ, ни о какомъ *размежеваніи* по угодьямъ ни въ Иркутской, ни въ какой-либо иной губерніи не можетъ быть и рѣчи,—мы имѣемъ дѣло лишь съ *фактическою группировкой* владѣнія внутри охватывающихъ извѣстную группу селеній межевыхъ границъ, либо при полномъ отсутствіи этихъ послѣднихъ. Долженъ сказать, что страницы, посвященныя „размежеванію вокругъ группъ людей“ и вокругъ „участковъ земли“ принадлежатъ къ числу наименѣе ясныхъ въ образцово-отчетливомъ, говоря вообще, изложеніи г. Качоровскаго. По словамъ г. Качоровскаго, напр., первый типъ размежеванія даетъ „владѣнія заимочныя, общины - селенія, общины изъ группъ селеній, общины сельскообщественныя, волостныя *и, наконецъ, юридическія, т.-е. входящія въ одну земельную дачу по официальному межеванію*“ (курс. мой. А. К.). Юридическія общины ставятся такимъ образомъ *рядомъ* съ волостными, сельскими и пр. Это ошибка приблизительно такого же рода, какъ сказать, что люди бываютъ высокаго, средняго и низкаго роста—и блондины: юридическая община можетъ быть и волостною, и сельскообщественною, и сельскою, а община, напримѣръ, сельская или волостная, можетъ быть юридическою (если она имѣетъ обмежеванную дачу), и не быть таковою.

[2]) Сибирск. община, 28—38.

визіяхъ; въ первой причиною неудачи волостного передѣла было случайное обстоятельство — неудачный выборъ уполномоченныхъ; во второй передѣлы не состоялись вслѣдствіе сопротивленія крестьянъ огромной Туринской слободы, которые отказались избрать отъ себя уполномоченныхъ и не допустили уполномоченныхъ другихъ селеній къ обмѣру своихъ земель. Общимъ правиломъ, однако, остается—или, можетъ-быть, вѣрнѣе — оставался общеволостной передѣлъ, повторяемый при ревизіяхъ. При этомъ большинство волостныхъ общинъ разсматриваемой мѣстности стремилось достигнуть равномѣрнаго распредѣленія *каждаго* изъ основныхъ видовъ угодій особо, съ уравненіемъ, по возможности, въ *разстояніи* угодій отъ селеній; къ уравненію *по качеству* угодій волостная община не стремилась,—только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ есть поёмные и непоёмные покосы, „равнялись“ отдѣльно поёмные луга и отдѣльно—лѣсные, болотные и т. п. покосы. Особаго порядка придерживается Жуковская волостная община: при растянутости ея территоріи и неравномѣрности распредѣленія угодій, чтобы уравнять отдѣльно пахотныя земли, пришлось бы отводить нѣкоторымъ обществамъ дополнительные участки въ 40—50 верстахъ отъ селеній; Жуковская волостная община, поэтому, стремится къ уравнительному распредѣленію *всей совокупности угодій*, уравновѣшивая недостатокъ однихъ угодій избыткомъ другихъ: селенія сѣверо-западной части волости получили на душу по десятинѣ и менѣе пашни, но зато по 100 и болѣе копенъ покоса, тогда какъ юго-восточныя селенія имѣютъ по 2 десятины и болѣе пашни, покоса же всего по 25 копенъ на душу.

Такимъ уравненіемъ между селеніями важнѣйшихъ видовъ угодій ограничиваются въ разсматриваемой мѣстности функціи общины-волости; распредѣленіе угодій между домохозяйствами и раскладка платежей сосредоточиваются уже *въ селенной общинѣ*, въ громадномъ большинствѣ случаевъ состоящей изъ одного селенія; лишь немногія селенныя общины состоятъ изъ двухъ селеній, совмѣстно передѣляющихъ всѣ угодья; нѣсколько селеній, образуя въ остальныхъ отношеніяхъ самостоятельныя общины, совмѣстно, по два или по три, передѣляютъ пашни или покосы.

Чрезвычайно детально формы волостного землевладѣнія и землепользованія описаны въ работѣ покойнаго Н. О. Осипова по Курганскому уѣзду. Изслѣдованіе застало здѣсь четыре проявлявшихъ жизнедѣятельность волостныхъ общины и цѣлый рядъ большихъ составныхъ или многоселенныхъ общинъ, не составляющихъ цѣлыхъ волостей. Пріемы уравнительнаго распредѣленія угодій въ волостныхъ и вообще составныхъ общинахъ Курганскаго уѣзда гораздо разнообразнѣе. Правда, въ видѣ правила функціи общины и здѣсь какъ бы раздваиваются между волостью и селеніемъ: сначала происходитъ уравненіе угодій между обществами, а затѣмъ уже, въ каждомъ обществѣ особо, передѣлъ земли между домохозяевами. Но въ нѣкоторыхъ волостяхъ, напр.,

Шмаковской и Глядянской, такой двойственности нѣтъ: волость надѣляетъ *непосредственно каждаго домохозяина*, и этотъ порядокъ, повидимому, долженъ быть признанъ болѣе раннимъ, нежели порядокъ двустепеннаго передѣла; по крайней мѣрѣ, для одной волости (Усть-Суерской) опредѣленно установлено, что передѣлъ 1858 года произведенъ былъ непосредственно между домохозяевами, а въ 1886 году онъ имѣлъ двустепенный характеръ [1]). Передѣлъ 1858 года засталъ еще сложившуюся при захватномъ пользованіи сильную чрезполосицу домохозяевъ различныхъ селеній; разбить волостную территорію на поселенные участки, поэтому, въ то время нельзя было бы иначе, какъ сдвинувъ очень многихъ домохозяевъ съ насиженныхъ ими мѣстъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ обусловленнаго „утѣсненіемъ“ сокращенія размѣровъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ, сохранять ихъ за собой, при дальности проѣзда, дѣлается невыгодно для самихъ владѣльцевъ; среди крестьянъ начинаетъ обнаруживаться стремленіе стягивать участки поближе къ селеніямъ; чрезполосица между домохозяевами различныхъ селеній мало-по-малу исчезаетъ, и такимъ естественнымъ путемъ складываются поселенные районы, на которые и разбивается волостная территорія.

Въ случаяхъ двустепеннаго передѣла обычный способъ „уравненія“ и въ Курганскомъ уѣздѣ заключается въ томъ, что излишнія по расчету земли отрѣзаются у многоземельныхъ обществъ и прирѣзываются малоземельнымъ. Но встрѣчается и другой порядокъ, при которомъ границы поселенныхъ участковъ остаются неизмѣнными, если же въ какомъ-либо изъ нихъ оказывается недостатокъ въ угодьяхъ, то излишнія души „припускаются“ для надѣленія угодьями къ селеніямъ, имѣющимъ въ нихъ излишекъ.

Въ высшей степени интересны порядки землепользованія въ волостныхъ и вообще въ составныхъ общинахъ вологодскаго сѣвера, какъ онѣ обрисовываются въ вышеотмѣченной работѣ С. А. Щепотьева. И здѣсь землеуравнительныя функціи раздваиваются между общиною-волостью и отдѣльнымъ селеніемъ. Роль волостного схода сводится къ разсмотрѣнію и утвержденію предположеній выборныхъ отъ всѣхъ селеній относительно предстоящаго междуселеннаго поравненія; при этомъ не только сопоставляются размѣры земельнаго обезпеченія каждаго селенія съ наличнымъ его населеніемъ, но также „оцѣнивается и качество владѣній отдѣльныхъ деревень“..., принимаются во вниманіе и „осо-

1) Съ такою же двойственностью порядковъ землепользованія въ составныхъ (уже не волостныхъ, конечно, а станичныхъ) общинахъ мы встрѣчаемся и у донскихъ казаковъ. „Въ однихъ мѣстахъ юртъ (общая станичная дача) распредѣляется на хуторскіе участки; этими участками хуторскія общества распоряжаются по своему усмотрѣнію въ продолженіе всего срока раздѣла—„каждый хуторъ что хотитъ, то и дѣлитъ“; въ другихъ станицахъ „хуторамъ отдѣльныхъ нарѣзовъ нѣтъ, и паи распредѣляются между всѣми казаками даннаго юрта безъ различія, живутъ ли они въ станицахъ или въ хуторахъ“ (*Харузинъ*, 30—31).

быя условія, при которыхъ недостаточность земли выкупается, напр., болѣе удобнымъ расположеніемъ селенія на большой дорогѣ или рѣкѣ, близостью къ торговымъ пунктамъ и т. д."; на обязанности выборныхъ лежитъ „указать общему сходу путь возможно справедливымъ и удобнымъ образомъ устранить встрѣтившіяся неравенства во владѣніи, не нарушая при этомъ, безъ крайней необходимости, изгородей (границъ) отдѣльныхъ деревень". Затѣмъ, „когда на сходѣ рѣшено, какія деревни должны между собою поравняться, выборъ того или другого средства для уравненія самихъ владѣній зависитъ собственно уже отъ согласія самихъ заинтересованныхъ деревень", причемъ выборъ дѣлается между нижеслѣдующими четырьмя выработанными обычаемъ пріемами уравненія: „1) переселеніе жителей изъ мало въ многоземельную деревню; 2) припусканіе (отрѣзка угломъ) части полевыхъ угодій къ полямъ другого, малоземельнаго селенія, съ перестановкой изгородей (межъ); 3) выдѣлъ извѣстною деревней жителямъ другого селенія надѣловъ въ своихъ поляхъ, наравнѣ со своими односельчанами, и 4) „наносъ" податей съ одного селенія на другое, взамѣнъ уступки земли, такъ называемый выкупъ или окупъ платежомъ податей". На выборъ того или другого способа „оказывали большое вліяніе и мѣстныя особенности расположенія селенія, близость или дальность разстоянія между деревнями, удобства пользованія чужими полями для извѣстнаго селенія и т. д." [1]). Сначала сходъ селенія, получившаго право на прибавку земли, вызывалъ желающихъ переселиться въ другую деревню, обязанную поступиться опредѣленною частью земли; желающихъ перевозили общими силами цѣлой деревни на новое мѣсто жительства. При отсутствіи желающихъ переселиться, если поля равняющихся между собою деревень лежали рядомъ, „самымъ обычнымъ пріемомъ поравненія служило „припусканіе" опредѣленной части полевыхъ угодій къ владѣніямъ сосѣдняго селенія: отрѣзывали угломъ необходимое число полосъ во всѣхъ трехъ поляхъ и переставляли изгороди между деревенскими полями". Если же „припусканіе" оказывалось неудобнымъ, то „деревня, обязанная уступить столько-то душевыхъ надѣловъ, взамѣнъ этого принимала на себя платежъ податей за столько душъ малоземельной деревни, сколько земельныхъ душевыхъ надѣловъ должна была ей уступить" [2]). Пока господствовало „лѣсоподсѣчное хозяйство съ необходимымъ переходомъ пашенъ и дворовъ съ мѣста на мѣсто, въ новые починки и т. д., обычай переселенія жителей изъ деревни въ деревню вполнѣ соотвѣтствовалъ окружающимъ условіямъ"; переселеніе являлось поэтому самымъ обычнымъ пріемомъ поравненія. По мѣрѣ успѣховъ трехпольнаго хозяйства „случаи переселеній по необходимости становятся рѣд-

[1]) *Щепотьевъ*, l. c., 7—9.
[2]) Тоже, 10—13.

кими", и преобладаніе переходитъ къ другимъ пріемамъ „поравненія" [1]).

Таковы главнѣйшія формы, въ которыхъ проявляется общность землевладѣнія и землепользованія въ волостныхъ и вообще составныхъ общинахъ [2]). Прежде чѣмъ итти дальше и переходить

---

[1]) Тоже, 22.

[2]) Мы не вводимъ въ общую систему нашего изложенія своеобразныхъ порядковъ землепользованія, существующихъ въ огромной Уральской войсковой общинѣ,—не вводимъ, главнымъ образомъ, потому, что не имѣемъ возможности отграничить того, что было здѣсь продуктомъ естественной эволюціи, отъ того, что привнесено извнѣ, воздѣйствіемъ казачьей администраціи. Вся войсковая территорія распадается на 5 „дачъ" или общинъ, изъ которыхъ одна обнимаетъ 27 станицъ съ населеніемъ до 81 тыс. душъ и владѣетъ территоріею въ 6.235.000 дес. Основною причиною, объединившею эту колоссальную общину, послужило, повидимому, господство рыболовнаго промысла въ хозяйственномъ быту уральскихъ казаковъ. Если бы теченіе р. Урала было раздѣлено на участки, принадлежащіе отдѣльнымъ станицамъ, то жители низовыхъ станицъ перехватывали бы всю рыбу,— общность пользованія промысломъ въ Уралѣ являлась единственнымъ способомъ обезпечить всему войсковому населенію возможность равномѣрнаго пользованія промысломъ. Скотоводство и, тѣмъ болѣе, земледѣліе появились у уральскихъ казаковъ позднѣе рыболовства; съ ними явились стимулы для обособленія отдѣльныхъ станицъ; но, съ одной стороны, уральское рыболовство и посейчасъ осталось главнымъ промысломъ, съ другой—войсковая территорія состоитъ по преимуществу изъ малоудобныхъ для земледѣлія сухихъ степей: земли, удобныя для пашни, сосредоточиваются болѣе или менѣе исключительно въ сѣверной ея части, чѣмъ обусловливается опять-таки невозможность равномѣрнаго раздѣла между станицами (*Бородинъ* 269). Вотъ почему Уральская войсковая община до сихъ поръ не утратила своего единства. Однако налицо имѣются уже несомнѣнные признаки фактическаго обособленія. Луга формально не раздѣлены, но утвердился „обычай безспорно раздѣльнаго пользованія лугами", причемъ каждый отдѣльный поселокъ можетъ установлять свои правила пользованія покосами, лежащими „въ районѣ поселка" (300). Обособляется и пользованіе выпасомъ: выгонныя площади выдѣляются отъ пахотной степи, главнымъ образомъ, чтобы предотвратить распашку казаками изъ отдѣльныхъ поселковъ; каждый поселокъ заберегаетъ выгонъ исключительно для себя, и такимъ образомъ появляются обособленные поселковые выгоны, которые тамъ, гдѣ поселки расположены густо, по размѣрамъ своимъ приблизительно „пропорціональны населенію поселковъ" (326). Далѣе, гдѣ практикуется періодическій переносъ выгона съ мѣста на мѣсто, распахиваемая изъ-подъ выгона пашня считается принадлежащей также уже только казакамъ даннаго поселка,—получается обособленіе пашенъ при правильномъ переложномъ сѣвооборотѣ (327). Такимъ образомъ и Уральская войсковая община находится на пути къ разложенію, и это послѣднее является естественнымъ слѣдствіемъ прогрессирующей дифференціаціи и разрозненности интересовъ: во многихъ станицахъ преобладающая роль въ хозяйствѣ перешла къ земледѣлію,—населеніе ихъ начинаетъ индифферентно относиться къ общему праву рыболовства и тяготиться сопряженными съ нимъ обязанностями по охраненію рыболовныхъ водъ; въ то же время оно стремится присвоить въ свое исключительное обладаніе близко расположенныя земельныя угодья, въ особенности пахотныя степи. Однѣ станицы концентрируютъ свое хозяйство на скотоводствѣ, другія—на земледѣліи, и скотоводческія станицы оказываются, естественно, въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ земледѣльческими. Рѣзкій антагонизмъ развивается также между рѣчными рыболовами, съ одной стороны, и морскими—съ другой (348). На этой почвѣ возникаетъ взаимная рознь, исчезаетъ взаимное довѣріе и солидарность, вообще исчезаетъ то единство настроенія,

къ вопросу о *будущемъ* волостной общины, необходимо остановиться на вопросѣ *о причинахъ*, почему эволюція крестьянскаго землевладѣнія пошла въ однихъ случаяхъ въ сторону волостной общины, въ другихъ—въ сторону „путаницы владѣній". Къ сожалѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только предположительный. Вотъ какъ отвѣчаетъ на вопросъ о причинахъ двойственности эволюціи крестьянскаго землевладѣнія А. А. Чупровъ, въ своей нѣмецкой монографіи объ общинѣ и общинномъ землевладѣніи [1]).

При общности и неопредѣленности владѣнія,—говоритъ онъ,—*у каждаго* отдѣльнаго домохозяина есть связь, съ одной стороны, съ селеніемъ, съ другой—съ тою болѣе обширною группой селеній, которая объединена общимъ правомъ на землю, осуществляемымъ путемъ свободной заимки угодій. И вотъ, направленіе эволюціи всецѣло зависитъ отъ того, что̀, въ каждомъ данномъ случаѣ, сильнѣе: сознаніе обособленности или сознаніе общности, связь домохозяина со своею деревней или съ цѣлою группою селеній. А это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ топографіи мѣстности и отъ относительнаго расположенія угодій. Если отдѣльное селеніе имѣетъ подъ рукой всѣ необходимыя угодья, если поэтому захваты домохозяевъ одного селенія не заходятъ или слабо заходятъ за захваты другого, отдѣльный домохозяинъ на каждомъ шагу чувствуетъ свою связь съ односельчанами и не чувствуетъ или слабо чувствуетъ связь съ болѣе обширною группой. При одностороннемъ расположеніи угодій, когда, напримѣръ, одни селенія имѣютъ подъ руками только пашню, другія—только или преимущественно покосъ, когда, значитъ, крестьянамъ каждаго селенія приходится пользоваться различными угодьями вперемѣшку съ крестьянами другихъ селеній группы; когда на этой почвѣ происходятъ постоянныя соприкосновенія между крестьянами всѣхъ селеній, домохозяинъ, напротивъ, будетъ ясно сознавать свою хозяйственно-необходимую связь съ объединенною существенными хозяйственными интересами группою селеній. Въ первомъ случаѣ, естественно, послѣдуетъ обособленіе селенныхъ общинъ, во второмъ, скорѣе всего, наступитъ общій передѣлъ.

Какъ гипотеза, такое психологическое объясненіе вполнѣ пріемлемо. Но обосновать его фактически едва ли есть возможность,—факты скорѣе опровергаютъ, нежели подтверждаютъ его: если, напримѣръ, взять южную часть Туринскаго уѣзда — одну изъ мѣстностей, гдѣ волостная община достигла наибольшаго развитія и выработанности формъ, то здѣсь мы найдемъ расположеніе угодій хотя и одностороннее, но не такое, которое соот-

---

которое является необходимымъ условіемъ правильнаго функціонированія такой огромной сложной общины.

[1]) *A. A. Tschuprow*, Feldgemeinchaft, 152.

вѣтствовало бы гипотезѣ А. А. Чупрова: въ большинствѣ волостей селенія густо расположены вдоль р. Туры, на границѣ между поясомъ луговъ и поясомъ сплошныхъ пашенъ; дальше отъ рѣки тянется широкая полоса лѣсовъ, испещренная мелкими участками лѣсного сѣнокоса. При такомъ расположеніи угодій крестьянамъ отдѣльныхъ селеній вовсе не было надобности занимать угодья вперемѣшку съ угодьями другихъ: каждое селеніе отлично могло освоить непосредственно прилегающія къ нему пашни, отдѣльный участокъ луговъ, отдѣльный районъ для лѣсоруба и расчистокъ и т. д.; землепользованіе каждаго селенія, въ такомъ случаѣ, сложилось бы изъ нѣсколькихъ участковъ, но это вовсе не обусловило бы того сознанія связи съ цѣлою группой, которое въ гипотезѣ А. А. Чупрова играетъ первенствующую роль. Очень естественно было бы объяснить возникновеніе составныхъ общинъ условіями разселенія: самою естественною почвой для развитія составныхъ общинъ было бы заселеніе извѣстнаго района путемъ образованія выселковъ изъ одного центральнаго селенія: эти выселки легко могли сохранить связь съ кореннымъ селеніемъ по землевладѣнію и землепользованію. Но въ матеріалахъ мѣстнаго изслѣдованія мы находимъ всего одинъ случай, гдѣ возникновеніе волостной общины съ несомнѣнностью можетъ быть сведено *именно къ этой* причинѣ: это Туринская волость, Туринскаго уѣзда, состоящая изъ большой „слободы“ и полуторыхъ десятковъ выселковъ, превратившихся въ самостоятельныя селенія. Во всѣхъ остальныхъ, мнѣ извѣстныхъ, случаяхъ изслѣдованіе не даетъ опредѣленныхъ основаній для такого, такъ сказать, генетическаго объясненія происхожденія волостныхъ общинъ. Вопросъ о причинѣ, почему, въ однихъ случаяхъ, эволюція пошла по пути сложенія замкнутыхъ волостныхъ или вообще многоселенныхъ общинъ и уже послѣдующаго ихъ распаденія, въ другихъ — непосредственно по пути обособленія отдѣльныхъ селеній, приходится поэтому оставить открытымъ. Нѣкоторую роль, несомнѣнно, сыграли здѣсь способы обмежеванія земель. Поселенное размежеваніе, конечно, легко могло явиться и, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно явилось активнымъ факторомъ обособленія поселенныхъ общинъ,—обмежеваніе волостей могло направить эволюцію по пути сложенія волостныхъ общинъ. Что между этими двумя явленіями есть извѣстная причинная связь,—въ этомъ убѣждаетъ уже тотъ фактъ, что замкнутыя волостныя общины существуютъ или существовали—по крайней мѣрѣ, въ Сибири—*только* тамъ, гдѣ земля обмежевана въ видѣ волостныхъ отрубовъ. Но я не рѣшился бы вмѣстѣ съ К. Р. Качоровскимъ утверждать, что въ волостной общинѣ „и самыя границы, и форма даны извнѣ административнымъ дѣленіемъ населенія и государственнымъ межеваніемъ земли“ [1]). Когда государственное межева-

[1]) *Качоровскій*, 104.

ніе, дѣйствительно, являлось механическимъ, извнѣ привходящимъ факторомъ, оно не могло создать и дѣйствительно не создавало фактическаго единства владѣнія и пользованія землею. Во многихъ случаяхъ „отсутствіе формальнаго разграниченія между селеніями, входящими въ составъ волости или большого района, совмѣщается съ полнымъ фактическимъ обособленіемъ землевладѣнія отдѣльныхъ селеній: общія дачи разграничены между селеніями „на вѣчныя времена“ [1]). Для тѣхъ же случаевъ, гдѣ „волостныя границы удачно сплачиваютъ въ одну общину заключающіяся въ нихъ селенія и вырабатываютъ замѣчательно правильно и точно функціонирующій уравнительно-распорядительный механизмъ“, наши источники не даютъ никакого основанія утверждать, чтобы этотъ механизмъ былъ, дѣйствительно, *созданъ* обмежеваніемъ общей дачи. Мы имѣемъ два *сопутствующихъ* явленія: обмежеваніе общей дачи, и существованіе, въ настоящемъ или въ прошломъ, волостной общины. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя была *продуктомъ* перваго. Гдѣ межевыя учрежденія, просто, чтобы облегчить свою задачу, охватывали общими границами группы селеній, фактически не связанныхъ общностью землевладѣнія, получалось то механическое соединеніе, которое совмѣщается „съ полнымъ фактическимъ обособленіемъ землевладѣнія“. Въ видѣ правила земля обмежевывалась въ общихъ дачахъ *именно потому, что между селеніями уже существовала болѣе или менѣе ясно выраженная связь*, либо въ видѣ общихъ передѣловъ, либо въ видѣ общаго права свободнаго пользованія угодьями; обмежеваніе волостныхъ районовъ не создавало общности владѣнія и пользованія, а только вводило *уже существовавшую* общность въ болѣе опредѣленныя рамки, давало только форму, въ которую вкладывалось уже готовое или постепенно назрѣвавшее содержаніе.

Какъ бы, однако, ни разрѣшался вопросъ о причинахъ, направившихъ эволюцію въ сторону „путаницы владѣній“ или въ сторону волостной общины, — направленіе *дальнѣйшей* эволюціи не подлежитъ сомнѣнію: это — разложеніе волостныхъ или вообще сложныхъ общинъ и постепенная замѣна сложныхъ и неопредѣленныхъ формъ землевладѣнія замкнутою односеленною общиной [2]). Сохранившіяся волостныя общины — это не болѣе, какъ пережитокъ, какъ послѣдніе остатки нѣкогда гораздо шире распространенной формы землевладѣнія. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ волостныя и вообще сложныя общины распались или находятся въ послѣднихъ фазисахъ процесса распаденія. Въ волостныхъ общинахъ Верхоленскаго уѣзда, мы видѣли, общность пользованія сохранилась только по отношенію къ сѣнокосамъ. Волостныя общины Туринскаго уѣзда не производили

---

[1]) Крест. землепольз. въ Тоб. и Том. губ., 28.
[2]) Сибир. община, 32—43.

общихъ передѣловъ въ теченіе 30 лѣтъ, протекшихъ со времени десятой ревизіи. Даже сенатскій указъ 1883 года не вызвалъ волостныхъ передѣловъ. Такіе передѣлы были предприняты здѣсь только въ 1888 году, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ увлеченнаго идеей волостной общины чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, который ради этого объѣзжалъ волости, говорилъ на сходахъ, вліялъ на волостныхъ старшинъ и т. п. Въ результатѣ въ семи изъ восьми волостей южной полосы Туринскаго уѣзда дѣйствительно, состоялись приговоры объ общемъ уравненіи земель. Всѣ эти приговоры, въ свое время бывшіе у меня въ рукахъ, написаны одною рукой и изложены въ совершенно тожественныхъ выраженіяхъ, во многомъ неясныхъ и едва ли соотвѣтствовавшихъ намѣреніямъ какъ крестьянъ, такъ даже и самого пропагандировавшаго идею волостного передѣла крестьянскаго чиновника [1]),—все это совершенно несомнѣнные и безспорные признаки чисто-искусственнаго происхожденія этихъ приговоровъ.

Если, затѣмъ, въ семи волостяхъ состоялись приговоры объ общеволостномъ передѣлѣ, то не безъ сильнаго сопротивленія со стороны тѣхъ обществъ, которымъ передѣлъ обѣщалъ быть невыгоднымъ. Не говоря уже о селеніяхъ, располагавшихъ, по расчету на наличное населеніе, несоразмѣрно большимъ количествомъ земли, благодаря малому приросту населенія, — сопротивленіе это исходило отъ обществъ, владѣвшихъ значительнымъ количествомъ „новинныхъ“, расчищенныхъ послѣ послѣдняго передѣла пашенъ, которыя по установившейся традиціи волостныхъ передѣловъ, совершенно несогласной съ традиціею передѣловъ сельскихъ, подлежали бы зачисленію въ учетъ передѣляемой пашни, безъ всякаго вниманія къ праву затраченнаго труда. Въ Туринской волости противники волостного передѣла опять взяли верхъ, и приговоръ о передѣлѣ не состоялся вовсе; въ Пушкаревской одно общество отказалось выбрать уполномоченныхъ; соединенный сходъ остальныхъ селеній „оставилъ безъ уваженія“ этотъ протестъ, и на случай упорства несогласнаго селенія постановилъ „просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать для сей цѣли человѣкъ пять благонадежныхъ понятыхъ“. Въ Коркинской волости въ приговоръ, во избѣжаніе какихъ-либо запоздалыхъ протестовъ, было внесено такое постановленіе: „если кто изъ обществъ не согласится на полюбовную разверстку земли, то нежеланіе оставить безъ уваженія; не входя во внутренній распорядокъ между членами того общества, для разграниченія поселенно измѣрить и ихъ земли, съ каковой цѣлью, если они не выберутъ довѣренныхъ, просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать человѣкъ пять благонадежныхъ понятыхъ“.

Чѣмъ кончилась борьба за волостной передѣлъ, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній—изслѣдованіе производилось въ Турин-

[1]) Тамъ же, 29.

скомъ уѣздѣ въ самый разгаръ этой борьбы, и мои наблюденія не давали мнѣ права на какое-либо опредѣленное предсказаніе относительно возможнаго ея исхода.

Но Туринскій уѣздъ — это мѣстность, гдѣ волостная община являлась еще наиболѣе живучей, что̀ объясняется, главнымъ образомъ, отмѣченными выше особенностями расположенія угодій: всѣ южныя волости уѣзда расположены по теченію р. Туры, вблизи которой густо сгруппировались почти всѣ селенія, а волостныя дачи протянулись на 30 и болѣе верстъ къ югу, вглубь междурѣчнаго нагорья; въ каждой изъ этихъ дачъ за полосою поёмныхъ луговъ слѣдуетъ полоса унавоживаемыхъ пашенъ, а дальше тянется лѣсное пространство, по которому разбросаны клочки пашни и сѣнокоса. Чтобы разбить такія территоріи на поселенные отрубы, пришлось бы либо вытянуть селенныя дачи длинными и узкими лентами, либо создать невозможную черезполосицу, либо отказаться отъ всякой мысли уравнять качество надѣловъ и посадить одни селенія на сплошныя увальныя пашни и заливные луга, другія же надѣлить однимъ лѣсомъ съ клочками плохой пашни и покоса. Существованіе общины-волости, такимъ образомъ, вызывается здѣсь самими естественно-хозяйственными условіями, вліяніе которыхъ перевѣшиваетъ вліяніе условій, толкающихъ волостную общину къ разложенію, а потому и можно думать, что община-волость въ разсматриваемой мѣстности и другихъ, ей подобныхъ, имѣетъ шансы на дальнѣйшее существованіе и едва ли разрушится безъ какихъ-либо постороннихъ вліяній.

На югѣ или, точнѣе, на юго-западѣ, Тобольской губерніи, разрушеніе волостныхъ общинъ въ полномъ ходу, а въ значительной мѣрѣ уже закончилось. Сравнительно не такъ далеко зашелъ процессъ ихъ разрушенія въ Курганскомъ уѣздѣ: здѣсь еще въ 80-хъ годахъ состоялись общіе междуселенные передѣлы въ четырехъ волостныхъ и въ рядѣ другихъ большихъ составныхъ общинъ, повидимому безъ давленія извнѣ и, повидимому же, безъ особенныхъ столкновеній между заинтересованными селеніями. Въ рядѣ другихъ волостей уѣзда волостная община успѣла въ большей или меньшей степени распасться; въ одной общій передѣлъ коснулся уже только покосовъ и не распространился на пашни; въ нѣсколькихъ другихъ волостной передѣлъ вовсе не осуществился. Отчасти это было слѣдствіемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ родѣ злоупотребленій волостныхъ мѣрщиковъ, отсутствія увѣренности въ законности передѣла внѣ ревизіи и т. п.,—но ясно, что подобнаго рода обстоятельства могли оказать рѣшающее вліяніе лишь на почвѣ уже сильно расшатаннаго волостного единства. Еще гораздо большіе успѣхи распаденіе волостныхъ общинъ сдѣлало въ Ишимскомъ уѣздѣ. Къ 1887 году здѣсь формально не распались всего только двѣ волостныхъ общины: Абатская и Челноковская. Въ Абатской во-

лости въ 1887 году, благодаря настояніямъ, опять-таки, мѣстнаго крестьянскаго чиновника, состоялся приговоръ о волостномъ передѣлѣ,—но до середины 1888 года не былъ законченъ даже обмѣръ пахотныхъ земель: дѣло постоянно останавливалось то изъ-за явно апатичнаго отношенія къ дѣлу селенныхъ довѣренныхъ, то изъ-за отказа отдѣльныхъ селеній допустить къ себѣ мѣрщиковъ, то изъ-за попытокъ ихъ обмануть довѣренныхъ, и весь ходъ дѣла позволялъ питать увѣренность въ томъ, что волостной передѣлъ не будетъ доведенъ до конца. Въ Челноковской волости послѣднее общее поравненіе было въ 70-хъ годахъ,—послѣ того случались только частичныя переуступки земли одними селеніями другимъ. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ волостяхъ ко времени изслѣдованія оставались уже только слѣды былого земельнаго единства, въ видѣ общаго владѣнія отъѣзжими вольными покосами, въ уравненіи которыхъ масса населенія не была заинтересована. Наконецъ, въ рядѣ другихъ волостей волостное единство исчезло окончательно, и вся территорія распалась на отдѣльныя, въ видѣ правила односеленныя, дачи. Не рѣдкостью однако, какъ при чисто фактическомъ распаденіи волостныхъ общинъ, такъ и при оффиціальномъ ихъ размежеваніи, являлись сохранившіяся еще составныя общины изъ двухъ, рѣже трехъ или четырехъ селеній. Общность владѣнія въ такихъ составныхъ общинахъ проявляется иногда только по отношенію къ нѣкоторымъ, иногда—ко всѣмъ угодьямъ. Самая организація ихъ, такъ же, какъ и большихъ волостныхъ общинъ, имѣетъ двоякій характеръ: въ однѣхъ сначала производится уравненіе между селеніями, а затѣмъ уже окончательный передѣлъ, по каждому селенію особо, въ другихъ производится сразу общій по всѣмъ селеніямъ передѣлъ между отдѣльными общественниками, причемъ пашни крестьянъ каждаго изъ входящихъ въ составную общину селеній, по соображеніямъ хозяйственнаго удобства, группируются, въ главной массѣ своей, около его усадебъ.

Итакъ, общій смыслъ тѣхъ фактовъ, какіе даютъ намъ сибирскія изслѣдованія,—это *распаденіе волостной общины*, завершающееся либо тѣмъ, что фиксируется распредѣленіе землевладѣнія, установленное при послѣднемъ передѣлѣ,—общность владѣнія отмираетъ, значитъ, чисто-фактическимъ путемъ; либо, чаще, формальнымъ размежеваніемъ на отдѣльные поселенные отрубы. Спрашивается теперь, *каковы причины* этого процесса разложенія и распаденія волостныхъ общинъ? *Ближайшихъ* причинъ приходится искать въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ. По мнѣнію покойнаго Н. О. Осипова, посвятившаго данному вопросу особенно много мѣста и вниманія, на первомъ мѣстѣ необходимо поставить здѣсь массовыя приселенія переселенцевъ; вездѣ, гдѣ не было приселенія, „до сихъ поръ сохранилось волостное землевладѣніе. Наоборотъ, въ волостяхъ, гдѣ было сколько-нибудь значительное приселеніе, почти всегда производилось поселенное размежеваніе“.

Такое вліяніе приселенія Н. О. Осиповъ объясняетъ прежде всего тѣмъ, что переселенцы стремились остаться при тѣхъ формахъ, къ которымъ привыкли на родинѣ, — при общинѣ деревенской; въ томъ же направленіи дѣйствовала и рознь между старожилами и переселенцами, побуждавшая послѣднихъ стремиться къ полному обособленію своего землевладѣнія. Серьезное значеніе, въ данномъ случаѣ, имѣла и разница въ нормахъ надѣленія переселенцевъ и старожиловъ: первымъ отводилось на ревизскую душу ровно по 15 десятинъ, второму—съ разными прибавками, доводившими размѣръ надѣленія до 18, $18^3/_4$ и даже 21 дес. на ревизскую душу. Значитъ, надѣленіе въ общихъ съ переселенцами дачахъ являлось невыгоднымъ для старожиловъ, что́ и должно было побуждать первыхъ стремиться къ обособленію отъ вторыхъ. Разлагающее вліяніе на волостную и вообще составную общину оказывали и единичныя приселенія, на основаніи общественныхъ пріемныхъ приговоровъ: законъ предоставляетъ право выдачи такихъ приговоровъ отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ; эти послѣднія при волостномъ землевладѣніи осуществляютъ это свое право особенно охотно, такъ какъ пользуются въ полной мѣрѣ всѣми связанными съ пріемомъ выгодами (денежныя платы, угощенье виномъ, увеличеніе числа лицъ, отбывающихъ натуральныя повинности), а надѣленіе принятыхъ землею ложится на всю волость; волостная же община не признаетъ правъ лицъ, принятыхъ по такимъ приговорамъ, на волостную территорію и не принимаетъ ихъ въ расчетъ при общеволостныхъ „поравненіяхъ“.

Наконецъ важное значеніе покойный Осиповъ приписывалъ послѣдовавшему въ началѣ 80-хъ годовъ введенію въ дѣйствіе въ Сибири „Общаго положенія о крестьянахъ“. „Прежде,—говоритъ онъ,—волость была не только административною, но и земельно-хозяйственною единицей. Общее положеніе выдвинуло только *первую* сторону волостного управленія, совершенно оставивъ въ тѣни вторую, вслѣдствіе чего крестьянинъ сталъ смотрѣть на волость, какъ на чисто-внѣшнее учрежденіе“.

Если остановиться теперь на каждомъ изъ только что перечисленныхъ обстоятельствъ, то введенію „Общаго положенія“ едва ли можно приписать серьезное значеніе, хотя бы уже потому, что „Общее положеніе“ введено въ Сибири только въ 1883 году, а между тѣмъ процессъ разложенія волостной общины охватываетъ по меньшей мѣрѣ полстолѣтія; при этомъ „Общее положеніе“ скользнуло, въ сущности, лишь по поверхности народной жизни, выразившись преимущественно въ переименованіи разныхъ лицъ и учрежденій крестьянскаго управленія, и потому само по себѣ не могло ни способствовать, ни препятствовать разложенію волостныхъ общинъ. Остальныя перечисленныя обстоятельства могли имѣть болѣе существенное значеніе, но все-таки лишь частичное, второстепенное: такія событія, какъ массовое приселеніе переселенцевъ, какъ разбивка волостей надвое или перечисленіе селеній

изъ одной волости въ другую, несомнѣнно сыграли, гдѣ они имѣли мѣсто, свою роль въ дѣлѣ разложенія волостной общины; но они могли сыграть свою роль именно *только тамъ, гдѣ они были.* Имѣли мѣсто они, однако, далеко не вездѣ, а между тѣмъ процессъ распаденія волостныхъ общинъ наблюдается въ Сибири и тамъ, гдѣ приселялись переселенцы, и тамъ, гдѣ они не приселялись, гдѣ происходило дробленіе волостей и гдѣ не было ничего подобнаго. Рѣзкимъ примѣромъ является хотя бы Ишимскій уѣздъ: процессъ разложенія волостныхъ общинъ сдѣлалъ во всемъ уѣздѣ весьма значительные успѣхи, а между тѣмъ приселеніе переселенцевъ происходило только въ южной его половинѣ, дробленіе же и вообще измѣненія административнаго дѣленія имѣли мѣсто лишь въ очень немногихъ волостяхъ. Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что всѣ перечисленныя и другія подобныя обстоятельства могли развѣ только *способствовать* ускоренію того процесса разложенія волостной общины, основной причины котораго надо искать глубже, въ слабомъ сознаніи крестьянами междуселенной солидарности. Пока существуетъ просторъ, количество угодій превышаетъ потребности наличнаго населенія, а цѣнность ихъ ничтожна, до тѣхъ поръ общность владѣнія не затрогиваетъ ничьихъ существенныхъ интересовъ, и на первый планъ выступаютъ выгодныя стороны общаго владѣнія, позволяющаго каждому пахать и косить, гдѣ ему, по его хозяйственнымъ соображеніямъ, кажется болѣе выгоднымъ. Но появляется „утѣсненіе“; земля пріобрѣтаетъ цѣнность, изъ-за нея начинаются споры, которые мало-по-малу заставляютъ общину взять въ свои руки распредѣленіе земельныхъ угодій; при этомъ ясно проявляется слабость связи между крестьянами различныхъ селеній, въ сравненіи съ крѣпкою связью, соединяющей односельчанъ, и центръ тяжести мало-по-малу переносится изъ большого, но плохо сплоченнаго волостного въ небольшой, но крѣпко связанный селенный союзъ.

И такое ослабленіе общинной связи между крестьянами разныхъ селеній, связанныхъ общностью волостного землевладѣнія, отнюдь не равносильно ослабленію общинной связи и общиннаго духа вообще. Напротивъ, *разложеніе волостныхъ общинъ идетъ болѣе или менѣе параллельно процессу перехода отъ захватныхъ способовъ пользованія къ пользованію душевому*; вѣроятнѣе всего, что оба эти явленія—развитіе душевого пользованія и распаденіе волостной общины—связаны между собой не только зависимостью отъ одной общей причины—сгущенія населенія, но и *непосредственною причинною связью:* волостная община—союзъ слишкомъ крупный и неповоротливый, чтобы организовать передѣлы угодій; волостной передѣлъ затягивается на слишкомъ много времени, расцѣнка угодій по цѣлой волости слишкомъ затруднительна, самыя податныя разверстки не могутъ производиться всею волостью, которая недостаточно близка къ индивидуальному плательщику; большин-

ство земельныхъ и податныхъ функцій, поэтому, мало-по-малу сосредоточивается въ *общинѣ-селеніи*; за общиною-волостью остается только производство, время отъ времени, волостного „поравненія“, но и это послѣднее — дѣло настолько трудное, что начинаетъ мало-по-малу затягиваться на болѣе продолжительные сроки, а затѣмъ и вовсе выходитъ изъ употребленія.

Таковъ былъ общій выводъ, къ которому привело меня, десять лѣтъ тому назадъ, изученіе эволюціи землевладѣнія въ Сибири. И этотъ выводъ совпадаетъ съ мнѣніемъ болѣе или менѣе всѣхъ, кто въ послѣднее время трудился надъ научною разработкой вопроса о волостной общинѣ и о процессѣ ея разложенія,— назову гг. В. В., Качоровскаго, А. А. Чупрова и др. *Распаденіе волостныхъ общинъ*—въ этомъ сходятся они всѣ—отнюдь не равносильно *распаденію общиннаго землевладѣнія*. Напротивъ, распаденіе волостного землевладѣнія и формированіе селенныхъ общинъ идетъ, въ общемъ, параллельно развитію и укорененію тѣхъ уравнительныхъ формъ пользованія, которыя составляютъ вѣдь высшее изъ до сихъ поръ испытанныхъ на практикѣ проявленій принципа общиннаго землевладѣнія. Переходъ къ уравнительному пользованію имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распаденіе волостной общины на деревенскія. „На извѣстной ступени густоты населенія,—говоритъ К. Р. Качоровскій [1]),—она становится крайне нецѣлесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватываетъ пространства въ десятки верстъ совершенно разнокачественныхъ угодій, требующихъ огромнаго количества труда для періодическаго равномѣрнаго распредѣленія, и поэтому разложеніе ея на общины-селенія представляетъ шагъ къ развитію, а не къ упадку общинной организаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ общинная форма, переставшая соотвѣтствовать уравнительному распредѣленію, замѣняется формою, болѣе къ тому приспособленною“.

Для своего времени, однако, при извѣстной совокупности условій и обстоятельствъ, волостная община имѣла важное положительное значеніе—прежде всего тѣмъ, что облегчала процессъ разселенія по слабо и неравномѣрно заселеннымъ территоріямъ. „Образованіе починковъ,— правильно замѣчаетъ С. А. Приклонскій,—возможно только при волостной организаціи поземельнаго владѣнія, а гдѣ существуютъ поземельныя владѣнія отдѣльныхъ деревень, тамъ, наоборотъ, мелкія селенія уничтожаются въ пустоши“ [2]). И это совершенно понятно: на обширной территоріи, состоящей въ нераздѣльномъ владѣніи двухъ или трехъ десятковъ селеній, гораздо легче найти пункты, удобные для образованія новыхъ выселковъ и окруженные всею совокупностью необходимыхъ угодій, чѣмъ на территоріи, разбитой на двадцать или

[1]) *Качоровскій*, 105.
[2]) *Приклонскій*, 166.

тридцать поселенныхъ отрубовъ, изъ которыхъ въ одномъ легко можетъ оказаться удобное усадебное мѣсто безъ пашенъ и покосовъ, въ другомъ — покосы безъ хорошихъ пахотныхъ земель и безъ мѣста, удобнаго для устройства поселка. Вотъ почему то искусственное разрушеніе волостныхъ общинъ, какое имѣло мѣсто при поземельномъ устройствѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, было большою ошибкою: крестьяне замыкались въ узкія рамки отдѣльныхъ поселенныхъ отрубовъ, когда процессъ образованія починковъ былъ еще въ полномъ ходу. Мѣстами поселенное надѣленіе остановило этотъ процессъ и фиксировало существовавшую скученность населенія по побережьямъ болѣе значительныхъ рѣкъ; мѣстами образованіе починковъ продолжается и до сихъ поръ, но уже въ видѣ „самовольнаго“ разселенія, со всѣми вытекающими отсюда затрудненіями и неудобствами.

Насколько преждевременно было поселенное размежеваніе на сѣверѣ Европейской Россіи, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей, въ этомъ убѣждаютъ, между прочимъ, обработанныя г. Большаковымъ данныя мѣстнаго изслѣдованія зырянскаго края. Въ этой мѣстности, оказывается, не только не наблюдается еще *разложенія* составныхъ формъ общиннаго землевладѣнія,—онѣ, напротивъ, находятся еще въ процессѣ сложенія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что аналогичные условія и порядки землевладѣнія и землепользованія существовали 20—25 лѣтъ тому назадъ во многихъ изъ мѣстностей, въ то время охваченныхъ поземельнымъ устройствомъ, и, значитъ, поселенное размежеваніе пошло рѣшительно наперекоръ потребностямъ крестьянъ и естественной эволюціи землевладѣнія.

Тѣ специфическія условія вологодскаго сѣверо-востока, благодаря которымъ сложныя формы землевладѣнія здѣсь еще безконечно далеки отъ естественнаго разложенія, — это, прежде всего, крайняя чрезполосность пахотныхъ расчистокъ: „въ погонѣ за лучшими участками крестьяне удаляются отъ общей массы угодій, разбрасываются заимками по свободной лѣсной площади, и вскорѣ аванпосты отдѣльныхъ селеній встрѣчаются“. Въ совокупности съ покупкою, дареніемъ и другими видами отчужденія, „всѣ эти причины перепутываютъ участки до того, что сплошь и рядомъ крестьянинъ одного селенія имѣетъ участокъ возлѣ самыхъ усадебъ другого“, и „поля сливаются въ одну сплошную массу“. Но при такихъ условіяхъ „селенія слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы передѣлъ и вызываемыя имъ перетасовки полосъ въ одномъ не задѣвали интересовъ другого; отсюда проистекаетъ стремленіе производить одновременные передѣлы, откуда уже одинъ шагъ до сліянія наиболѣе заинтересованныхъ селеній въ одну составную общину для совмѣстной разверстки угодій“ [1]). Еще сильнѣе чрезполосность

[1]) *Большаковъ*, 63—64.

сѣнокосныхъ расчистокъ, и притомъ по отношенію къ покосамъ не дѣйствуютъ тѣ отмѣченныя выше условія, которыя толкаютъ къ индивидуализаціи, обособленію владѣнія пахотными землями; поэтому „переходъ къ совмѣстной разверткѣ сѣнокосовъ имѣетъ болѣе сильныя основанія и совершается скорѣе“, и когда выдвигается вопросъ о совмѣстной разверткѣ пахотныхъ угодій, то „между простыми общинами есть уже точка соприкосновенія, такъ какъ фактически онѣ представляютъ изъ себя одну сѣнокосную общину“; мало того—„переходъ къ совмѣстной разверткѣ покосовъ является настоятельною необходимостью въ виду той неустойчивости, которую получаетъ хозяйство отъ хронологическаго несоотвѣтствія передѣловъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель“. При хозяйствѣ съ навознымъ удобреніемъ пашни безъ покосовъ ничего не значатъ, и поравненіе пашенъ не можетъ имѣть никакого значенія для получающихъ добавки, если они одновременно не дополучатъ соотвѣтственнаго количества покосовъ; „населеніе ищетъ выхода изъ затруднительнаго положенія и находитъ его въ переходѣ къ совмѣстной одновременной развертк пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій“, а въ конечномъ результатѣ „образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами“ [1]). „Мы не знаемъ,—заключаетъ г. Большаковъ,—ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ, соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную—заурядное явленіе“; мало того, „составныя общины составляютъ отличительную черту не только зырянскаго землепользованія, но и вообще всего сѣвера Европейской Россіи“. Но, конечно, отличительныя черты русскаго сѣвера — это только особенности *данной стадіи*, ступени развитія: „въ лицѣ зырянской и московской общинъ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными стадіями развитія; вторая, осложнившись многими факторами, какихъ еще не испытала первая, ушла значительно дальше впередъ“. Неизбѣжно уйдетъ отъ составной общины и сѣверъ, — „несомнѣнно, что хозяйственная жизнь въ своемъ неуклонномъ поступательномъ движеніи выработаетъ такія формы, которыя встанутъ въ рѣзкое противорѣчіе съ существующими формами землепользованія и откроютъ возможность дальнѣйшаго развитія общины по пути, уже пройденному другими частями Россіи“ [2]). То обособленіе владѣнія трехпольными пашнями, о которомъ намъ приходилось уже говорить выше, является, повидимому, предвѣстникомъ этого дальнѣйшаго развитія.

Мы закончили, такимъ образомъ, обзоръ тѣхъ данныхъ, какія даетъ намъ матеріалъ мѣстныхъ изслѣдованій по вопросу собственно объ эволюціи *землевладѣнія*. Какія же, спрашивается,

---

[1]) Тоже, 65—68.
[2]) Тоже, 73—75.

указанія можемъ мы извлечь изъ сведенныхъ въ настоящей, а частью и въ предыдущихъ главахъ, данныхъ для рѣшенія вопроса о *происхожденіи общины*, какъ замкнутой вовнѣ и объединенной внутри общественной единицы владѣнія и пользованія землею?

Мы видѣли прежде всего, что мѣстное изслѣдованіе, имѣвшее дѣло, въ главной массѣ, съ деревнями, населеніе которыхъ связано между собой не родственными, а исключительно сосѣдскими отношеніями, встрѣчалось, однако, и съ селеніями, обитатели которыхъ объединены болѣе или менѣе тѣсными узами родства; и мѣстное изслѣдованіе не даетъ никакихъ указаній на наличность какой-либо разницы въ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія между „однопородными“ и „разнопородными“ селеніями. И тутъ и тамъ эволюція землепользованія шла черезъ тѣ же самыя переходныя формы, отъ свободно-захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ, эволюція землевладѣнія—отъ общности къ обособленію отдѣльныхъ селеній. Но разъ это такъ, то уже *этимъ устраняется возможность видѣть въ родственной или родовой связи источникъ сложенія и развитія общинныхъ формъ и отношеній.*

Мы подробно изучили затѣмъ, въ настоящей главѣ, замкнутую волостную, вообще — составную общину и прослѣдили процессъ ея распаденія на селенныя общины. Но ясно, что *получающаяся въ результатѣ распаденія волостной общины селенная община представляетъ собою не продуктъ разложенія какихъ-либо первобытныхъ родовыхъ соединеній, не исконную или, во всякомъ случаѣ, издавнюю земельную ячейку, вырабатывающую въ себѣ и изъ себя общинное право;* поскольку она является продуктомъ разложенія—она *продуктъ разложенія гораздо болѣе обширнаго, чисто-земельнаго союза, въ которомъ было бы совершенно безполезно искать элементовъ какой-либо первобытной родовой связи, и который, въ свою очередь, создался исключительно на почвѣ общихъ земельныхъ интересовъ и столкновеній этихъ интересовъ;* и не менѣе ясно, что выдѣлившаяся изъ волостной *селенная община не предшествуетъ общинно-уравнительнымъ формамъ, не творитъ ихъ,—напротивъ, она слѣдуетъ за ними и слагается подъ вліяніемъ потребностей этихъ уже сложившихся или слагающихся общинно-уравнительныхъ формъ.*

Вотъ, значитъ, одинъ изъ путей образованія крестьянской деревенской общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза; въ этомъ случаѣ, очевидно, она является не первичною, а вторичною формою землевладѣнія, не творящимъ началомъ, а слѣдствіемъ эволюціи общинно-уравнительнаго землепользованія.

Съ еще большею ясностью проявляется этотъ не первичный, а производный характеръ земельной общины въ тѣхъ болѣе обычныхъ случаяхъ, когда крестьянское землевладѣніе проходитъ

черезъ фазисъ „путаницы владѣній“. При такой „путаницѣ“ уже совершенно ясно, что *и при наличности ясно выраженныхъ и детально разработанныхъ формъ общинно-уравнительнаго пользованія общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри союза, совмѣстно владѣющаго и распоряжающагося землей, еще не существуетъ, что общинно-уравнительныя функціи остаются распыленными между самыми разнообразными по объему, взаимно-перекрещивающимися группами населенія, что община слагается лишь постепенно, по мѣрѣ перехода отъ свободно-захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованію землею.*

Такимъ образомъ, у крестьянъ въ районѣ слагающагося общинно-уравнительнаго пользованія наблюдается, только въ болѣе полномъ объемѣ и въ яснѣе выраженномъ видѣ, тотъ же самый процессъ эволюціи землевладѣнія, какой мы наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ. *Не въ общинѣ слагаются общинные порядки — сама община слагается вмѣстѣ съ этими послѣдними; не община творитъ общинное земельное право,—какъ и это послѣднее, она является продуктомъ извѣстной эволюціи, а не средою, въ которой эта эволюція совершается;* не органъ вырабатываетъ функцію, а функція создаетъ приспособленный для ея выполненія органъ [1]). Отдѣльные индивиды (заимщики!) и отдѣльныя селенія вступаютъ между собой въ извѣстныя отношенія на почвѣ пользованія тѣми или другими угодьями. Пока запасъ этихъ угодій значительно превышаетъ наличную потребность, пользованіе каждаго не подвергается никакимъ ограниченіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ никакихъ границъ. Надвигающееся „утѣсненіе“ вызываетъ необходимость въ регулированіи землепользованія, и за это дѣло берется каждая изъ тѣхъ безконечно пестрыхъ по объему и составу многоселенныхъ или односеленныхъ, „однопородныхъ“ или „разнопородныхъ“ группъ, въ которыя населеніе объединяется по чисто-хозяйственнымъ мотивамъ, — каждая изъ тѣхъ пестрыхъ группъ, внутри которыхъ индивиды соприкасаются и сталкиваются между собой на почвѣ пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ, тѣмъ или другимъ видомъ даннаго угодья, можетъ-быть, даже просто тѣмъ или инымъ пахотнымъ или сѣнокоснымъ урочищемъ. Но по мѣрѣ того, какъ вырабатываются и одерживаютъ верхъ общинно-уравнительныя формы, выясняется неудобство такихъ большихъ соединеній, какъ волость или многоселенная группа, а тѣмъ болѣе — слагающейся

---

[1]) Сходную по существу мысль высказываетъ С. П. Швецовъ въ своей статьѣ „Крестьянская община. Схема ея возникновенія и развитія“ (издана отдѣльной брошюрой. Спб., 1906). „*Общинному землевладѣнію*, — говоритъ онъ,—въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, *должно было предшествовать* (курс. мой. *А. К.*) *общинное землепользованіе*, т.-е. установленіе опредѣленныхъ отношеній къ землѣ ея составныхъ единицъ—хозяйствъ,—другими словами, *общинное землевладѣніе должно опираться на общинное землепользованіе*“.

при неограниченномъ просторѣ „путаницы владѣній“; выступаетъ на первый планъ та тѣсная сосѣдская связь, которая объединяетъ каждое данное селеніе и противопоставляетъ его, съ его объединенными интересами, интересамъ всѣхъ другихъ селеній, и изъ неповоротливой волостной общины или изъ пестрой „путаницы владѣній“ постепенно выкристаллизовывается община-селеніе, замкнутая вовнѣ и объединенная внутри, совмѣстно владѣющая и распоряжающаяся всѣми видами угодій, — выкристаллизовывается *земельная община* въ точномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

„Живая исторія" общины и ея значеніе.

Среди множества спорныхъ вопросовъ русской исторіи едва ли найдется болѣе спорный, нежели вопросъ о происхожденіи современной русской поземельной общины и характерныхъ для нея формъ уравнительно-душевого пользованія землею. Вотъ уже сорокъ пять лѣтъ, какъ предметъ спора поставленъ съ совершенною ясностью, и какъ рѣзко высказаны два діаметрально противоположныхъ, другъ друга исключающихъ взгляда: съ одной стороны—взглядъ Гакстгаузена, Аксакова и Бѣляева, по мнѣнію которыхъ принятая у русскихъ крестьянъ система равнаго дѣлежа земли основана „на первоначальной идеѣ единства общины и равенства правъ каждаго члена на соотвѣтствующую долю земли, принадлежащей общинѣ"; съ другой—взглядъ Чичерина, полагавшаго, что первобытная община на Руси была безповоротно и безслѣдно разрушена вторженіемъ новыхъ стихій, разложившихъ патріархальныя родственныя отношенія, и что современная русская община „не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ". Сорокъ пять лѣтъ прошло,—и несмотря на огромные успѣхи русской исторической науки, на колоссальные запасы новыхъ фактовъ, освѣтившихъ вопросъ о происхожденіи общины въ нѣкоторыхъ совершенно новыхъ направленіяхъ, вопросъ этотъ остается попрежнему открытымъ, и взаимно другъ друга исключающіе взгляды попрежнему находятъ одинаково многочисленныхъ и авторитетныхъ сторонниковъ. Въ видѣ примѣровъ укажу, съ одной стороны, хотя бы на А. С. Лаппо-Данилевскаго [1]), полагающаго, что „происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы котораго стали мало-по-малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами; общность экономическихъ интересовъ выражалась въ

[1]) „Организація прямого обложенія", С.-Пб., 1890 г., стр. 76—77.

существованіи общинной поземельной собственности, которая, съ постепеннымъ переходомъ правъ на собственность къ великому князю, мало-по-малу смѣнилась потомственнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Неопредѣленныя границы этой собственности вызывали захватный способъ землевладѣнія; въ кое-какихъ мѣстностяхъ, болѣе населенныхъ, при ближайшемъ опредѣленіи границъ поземельныхъ владѣній общины, онъ превращался въ общинное землевладѣніе со свойственными ему краткосрочными или долгосрочными передѣлами"... На противоположной сторонѣ мы находимъ, напримѣръ, П. Н. Милюкова [1]), по убѣжденію котораго „русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравненіемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена". Эта тяглая община превращается въ хозяйственную, земельную, прежде всего на земляхъ частныхъ собственниковъ, у крѣпостныхъ крестьянъ; затѣмъ, уже позднѣе, „правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ", что̀ ему, въ концѣ-концовъ, и удается,—и въ конечномъ результатѣ „русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія". Не менѣе категорически высказывается въ томъ же смыслѣ проф. Сергѣевичъ [2]). Онъ безъ оговорокъ принимаетъ взглядъ Б. Н. Чичерина, поскольку онъ „приписываетъ возникновеніе общины правительственнымъ мѣропріятіямъ, а потому и называетъ ее государственной". Единство общины создавалось оброкомъ, который возлагался на цѣлое крестьянское общество волости или нѣсколькихъ волостей; благодаря этому „въ крестьянскихъ обществахъ возникаютъ общія дѣла по управленію оказавшимися въ ихъ владѣніи землями и угодьями",—причемъ „общій оброкъ, налагаемый отдѣльно на цѣлый рядъ селъ и деревень, долженъ былъ повести къ равномѣрному распредѣленію угодій между разными селами и деревнями. На этомъ и останавливаются успѣхи общиннаго землевладѣнія въ до-петровской Руси; равные надѣлы тяглецовъ и періодическіе передѣлы земель по ихъ числу составляютъ послѣдствіе подушной подати", — въ до-петровскую же эпоху „обязательнаго надѣла землей не было, и каждый крестьянинъ бралъ участокъ такихъ размѣровъ, какіе были ему нужны. Повинности передѣлялись по землѣ, а не земля нарѣзалась для платы повинностей".

Такимъ образомъ, въ результатѣ почти полувѣковой исторіи вопроса о происхожденіи общины, этотъ вопросъ не приблизился.

---

[1]) „Очерки по исторіи русск. культуры", 4-е изданіе. С.-Пб., 1900 г., стр. 139 и сл., 204—206, 224—225.

[2]) „Древности русскаго права", стр. 123, 362—4, 423.

можно сказать, ни на шагъ къ своему рѣшенію. И уже самая авторитетность тѣхъ именъ, которыя мы находимъ на сторонѣ каждаго изъ этихъ взглядовъ, заставляетъ поставить себѣ вопросъ: въ чемъ *коренная причина, первоисточникъ* этого разногласія? Я позволяю себѣ думать, что первоисточникъ этотъ—*въ самомъ свойствѣ матеріаловъ, на которыхъ историкамъ, по существу дѣла, приходится основывать свои заключенія*; что *частный* историческій вопросъ о происхожденіи нашей крестьянской общины связывается съ весьма важнымъ *общимъ* историко-методологическимъ вопросомъ—о значеніи разныхъ категорій источниковъ, какъ основы историческаго познанія. Намеки на подобнаго рода постановку даннаго вопроса уже имѣются въ литературѣ. Такъ, А. А. Чупровъ въ своей изданной по-нѣмецки сводной работѣ [1]) обращается, ради выясненія дѣйствительнаго характера эволюціи общины, къ непосредственному наблюденію современной жизни, гдѣ „нѣтъ необходимости прибѣгать къ гипотетическимъ построеніямъ на невѣрной основѣ недостаточныхъ или неясныхъ показаній историческихъ источниковъ"; г. В. В. [2]) опредѣленно высказываетъ, что „существующія въ нашей литературѣ разногласія по вопросу о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи обусловливаются, главнымъ образомъ, крайнимъ недостаткомъ относящагося сюда фактическаго матеріала". Я позволяю себѣ думать, что разногласія эти обусловливаются не только количественнымъ *недостаткомъ*, но и *качествомъ матеріала*, съ которымъ приходится имѣть дѣло историку, что этотъ матеріалъ *неизбѣжно долженъ приводить къ неполному и одностороннему*, притомъ въ одну опредѣленную сторону, *освѣщенію фактовъ исторической дѣйствительности*.

Исторія русской общины, какъ извѣстно, строится всецѣло на разнаго рода актахъ, вообще на документальномъ матеріалѣ. Сторонники теоріи ея естественнаго развитія ищутъ въ этомъ матеріалѣ слѣдовъ когда-то происходившихъ передѣловъ. Сторонники фискально-государственной теоріи въ немъ же ищутъ доказательства тому, что община создана правительственными распоряженіями. Но тѣ и другіе знаютъ лишь тѣ факты, которые оставили слѣдъ въ какомъ-нибудь актѣ или документѣ, сохранившемся до нашего времени, и отвергаютъ или, вѣрнѣе, не знаютъ тѣхъ, которые не оставили достовѣрнаго документальнаго слѣда [3]). При-

---

[1]) *Alex. Tschuprow.* Die Feldgemeinschaft. Strassburg 1902, стр. 115; см. также мою книгу „Крестьянск. община въ Сибири", С.-Пб., 1897 г., стр. I.

[2]) „Къ исторіи общины въ Россіи", М., 1902 г., стр. 7.

[3]) Общій характеръ построеній сторонниковъ государственно-фискальной теоріи хорошо очерченъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, г. Иванова. „Измѣненіе взгляда на объемъ власти общины,—говоритъ онъ, имѣя въ виду крайнихъ послѣдователей теоріи Б. Н. Чичерина,—отчасти обусловлено почти совершеннымъ отсутствіемъ матеріала, безспорно доказывающаго наличность у волости такихъ правъ, какихъ нельзя было бы объяснить изъ тяглыхъ отно-

веду только два примѣра: г-жа Ефименко упоминаетъ о нѣкоторыхъ намекахъ и указаніяхъ актовъ, дающихъ основаніе предполагать существованіе на сѣверѣ свободныхъ черныхъ общинъ. Но противъ этого предположенія,—говоритъ она,—„стоитъ грозная и несокрушимая твердыня писцовыхъ книгъ: исключительное значеніе этихъ документовъ для рѣшенія вопросовъ подобнаго рода не можетъ подлежать никакому спору, никакому сомнѣнію. Писцовыя же книги не даютъ ни малѣйшихъ основаній предполагать такія общины черныхъ людей“ [1])... „Во всѣхъ документахъ XVI вѣка,—говоритъ, наконецъ, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ-экономистовъ, Н. А. Рожковъ [2]),—мы тщетно стали бы искать сколько-нибудь ясныхъ и обильныхъ слѣдовъ порядковъ, примѣняемыхъ въ современномъ крестьянскомъ мірскомъ землевладѣніи“, и отсутствіе такихъ слѣдовъ, при наличности документальныхъ указаній противоположнаго характера, принимается за достаточное основаніе для совершенно опредѣленнаго и категорическаго рѣшенія даннаго вопроса. Quod non est in actis, non est (или non fuit) in mundo, какъ когда-то говорили римскіе юристы.

Позволительно, однако, поставить вопросъ, не впадаютъ ли историки въ данномъ случаѣ въ серьезную ошибку, противъ которой предостерегаетъ историческая методологія. „Къ авторамъ историческихъ источниковъ,—говорятъ Ланглуа и Сеньобосъ въ своемъ „Введеніи въ изученіе исторіи“ [3]),—примѣняется судебная процедура, классифицирующая свидѣтелей на правоспособныхъ и неправоспособныхъ; разъ допустивъ свидѣтелей, считаютъ себя обязанными соглашаться со всѣми ихъ показаніями... Инстинктивно берутъ сторону автора (вѣрнѣе—историческаго источника), котораго считаютъ достойнымъ довѣрія, и въ концѣ-концовъ, какъ и въ судахъ, заявляютъ, что „обязанность представить улику“ лежитъ на томъ, кто отвергаетъ „законнаго свидѣтеля“; иначе сказать—„подлинность“ документа вызываетъ къ нему уваженіе и понуждаетъ принимать безъ разсужденій и его содержа-

---

шевій. Существованіе передѣловъ подвергнуто сомнѣнію вслѣдствіе того, что всѣ имѣвшіяся въ рукахъ данныя о нихъ относились къ вотчинной Россіи; а наличность неограниченнаго права распоряженія у сѣверныхъ крестьянъ препятствовала принять положенія, выработанныя на основаніи этихъ документовъ“. *Ивановъ*, Поземельн. союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ. Древности; Труды арх. коммиссіи Имп. Моск. Арх. общ., т. II, вып. 2, стр. 196.

[1]) „Изслѣдованія народной жизни“, т. I, М., 1884, стр. 196. Г. Ивановъ въ уже цитированной работѣ такъ характеризуетъ общее построеніе г-жи Ефименко: „сдѣлавши предположеніе, что его источниками исчерпывается весь матеріалъ, какой только могла дать исторія сѣвернаго землевладѣнія, онъ (авторъ) строитъ теорію происхожденія всѣхъ поземельныхъ организацій сначала для сѣвера, а впослѣдствіи распространяетъ свои выводы на всю остальную Россію—отрицаетъ существованіе большихъ, чѣмъ деревня, поземельныхъ союзовъ, наконецъ, указываетъ дальнѣйшую судьбу найденной имъ на сѣверѣ долевой деревенской организаціи“ (l. c., стр. 197).

[2]) „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ“. М., 1899, стр. 201.

[3]) Цитирую по переводу Серебряковой, изд. Поповой, С.-Пб., 1899, стр. 127.

ніе; „*подлинность* инстинктивно принимается за синонимъ *достовѣрности*“ [1]). А между тѣмъ „выраженіе *подлинный* относится, въ сущности, только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ „подлиннымъ“—значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію, но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія“.

Было бы, конечно, странно отвергать значеніе документовъ, актовъ, какъ источника историческаго знанія. „Документы (Ueberreste),—говоритъ Бернгеймъ [2]),—если оставить въ сторонѣ поддѣлки, легко обнаруживаемыя внѣшнею критикою, не подвержены субъективному извращенію заключающихся въ нихъ свидѣтельствъ, тогда какъ свидѣтельства преданія, другими словами, источники описательнаго или повѣствовательнаго характера (Tradition) могутъ быть повреждены или извращены многочисленными субъективными вліяніями“. „Чѣмъ дальше притомъ документы отходятъ отъ политической сферы, тѣмъ чище и исключительнѣе ихъ характеръ, какъ документальныхъ свидѣтельствъ о фактахъ (Ueberreste); таковы документы административнаго и законодательнаго характера, документы, касающіеся частноправовыхъ сдѣлокъ, судебные акты и т. п.“ [3]). И, тѣмъ не менѣе, „документальные слѣды историческихъ фактовъ, хотя и представляютъ собою *непосредственныя свидѣтельства,* но отнюдь не всегда съ несомнѣнностью устанавливаютъ *факты.* Въ документахъ и дѣловыхъ бумагахъ *событія довольно часто изображаются* [4]), по какимъ-либо побужденіямъ, *иначе, нежели они происходили въ дѣйствительности*“; съ другой стороны, „*матеріалъ во многихъ случаяхъ сохранился въ столь неполномъ видѣ, что случайно сдѣлавшіеся намъ извѣстными документы даютъ одностороннее или даже совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ событіяхъ* [5]). Документъ, даже безусловно достовѣрный, далеко не всегда свидѣтельствуетъ о фактѣ: „Нерѣдко случается,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ [6]) Бернгеймъ,—что *документы и акты совершены въ законномъ порядкѣ* (ausgefertigt und vollzogen), а между тѣмъ, *событія*, къ которымъ они относятся или которыя должны были явиться ихъ послѣдствіемъ, *въ дѣйствительности не имѣли мѣста*... Документы остаются несомнѣнными свидѣтельствами; но то *заключеніе*, которое я дѣлаю на основаніи этихъ документовъ,—именно, что извѣстныя событія въ дѣйствительности наступили,—*является преждевременнымъ и должно быть подтверждено другими источниками, которые свидѣтельствовали бы, что данныя событія дѣйствительно наступили въ согласіи съ*

---

[1]) Стр. 128, 134.
[2]) *E. Bernheim,* Lehrbuch der histor. Methode, 3-te Aufl., 1903, стр. 430.
[3]) Стр. 442.
[4]) Всѣ курсивы мои. *А. К.*
[5]) Стр. 176.
[6]) Стр. 495.

указаніями документовъ". Въ конечномъ результатѣ, по мнѣнію Бернгейма [1]), *„документы и акты очень часто только тогда дѣлаются понятными, когда мы ихъ интерпретируемъ при помощи источниковъ повѣствовательнаго характера"*, иначе—при помощи историческаго преданія; и это, между прочимъ, потому, что, „возникнувъ изъ извѣстныхъ отношеній, *документы, по большей части, вовсе и не преслѣдуютъ цѣли быть понятными во всѣ времена* и предназначаются для пониманія лишь непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ (Interessenten)".

Историкъ, изучающій отдаленное прошлое русской земельной общины, лишенъ, повидимому, возможности интерпретировать сохранившійся отъ тѣхъ временъ неполный и отрывочный, нерѣдко неясный документальный матеріалъ при помощи свидѣтельствъ историческаго преданія. Но „живая исторія" русской общины, другими словами—изученіе современныхъ или весьма недавнихъ явленій эволюціи формъ землевладѣнія на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, открываетъ передъ нами полную возможность подобнаго рода интерпретаціи, такъ какъ располагаетъ, кромѣ тоже неполнаго и тоже иногда неяснаго документальнаго матеріала, весьма обширнымъ описательнымъ матеріаломъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ изслѣдованій; этотъ матеріалъ можетъ служить провѣркою показаній документовъ, и сопоставленіе съ нимъ проливаетъ яркій свѣтъ на значеніе послѣднихъ [2]). Я, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы тѣ выводы, которые даетъ въ „живой исторіи" интерпретація документовъ свидѣтельствами источниковъ описательнаго характера, могли быть непосредственно распространены на отдаленное прошлое. Но мнѣ кажется, что подобнаго рода интерпретація способна *въ принципѣ* выяснить степень достовѣрности сужденій, основанныхъ на документахъ, и потому поможетъ разобраться и въ общемъ вопросѣ о внутренней достовѣрности основанныхъ на такого рода источникахъ заключеній относительно отдаленнаго прошедшаго русской земельной общины.

Позволю себѣ начать съ примѣра, относящагося къ совершенно другой, хотя и близкой области,—съ нѣсколькихъ фактовъ, которые меня лично впервые заставили задуматься надъ вопросомъ о значеніи основанныхъ на документальномъ матеріалѣ историческихъ заключеній.

Въ 1896 году мнѣ пришлось произвести мѣстное изслѣдованіе арендныхъ отношеній русскихъ поселенцевъ на киргизскихъ земляхъ Тургайской области [3]). Какъ мнѣ приходилось мимоходомъ упоминать въ гл. II, дѣйствующій здѣсь съ 1891 года законъ,

---

[1]) Стр. 562.

[2]) *Tschuprow*, назв. соч., стр. 115; *моя* „Крестьянская община въ Сибири", стр. I.

[3]) См. *мою* книгу „Переселенцы-арендаторы Тургайской обл." СПБ., 1897, главн. обр., стр. 38—50.

урегулировавшій, между прочимъ, земельныя права и отношенія киргизъ, создалъ, въ отношеніи аренды киргизскихъ земель, юридическую аномалію: онъ предоставилъ право сдачи земель въ аренду исключительно киргизскимъ *волостнымъ* съѣздамъ и потребовалъ, чтобы выручаемыя отъ сдачи деньги обращались на общественныя надобности киргизскихъ *волостей*. Между тѣмъ киргизская волость—исключительно *административная*, а *не земельная* единица; по землевладѣнію киргизы группируются въ совершенно иные общественные союзы—родовые или хозяйственные аулы, а нѣкоторыя угодья, мѣстами, состоятъ во владѣніи даже отдѣльныхъ домохозяйствъ. Получается такое положеніе: лица и и группы, въ дѣйствительности владѣющія землею, лишены права сдавать ее въ аренду, а волостной союзъ, имѣющій это право, не владѣетъ ни пядью земли, которая могла бы быть объектомъ сдачи. Между тѣмъ въ Тургайской области уже во время изданія закона сидѣли и съ каждымъ годомъ подходили вновь многія тысячи русскихъ поселенцевъ,—и эти тысячи людей не имѣли другого способа устраиваться, какъ на арендованной землѣ. Естественно, что жизнь должна была создать какой-либо выходъ изъ созданнаго упомянутою выше юридическою аномаліею невозможнаго положенія. И дѣйствительно—при молчаливомъ согласіи администраціи, выработались разнообразные обходы закона. Иногда арендныя сдѣлки приводились въ формальное согласіе съ требованіями закона: земля сдавалась по приговорамъ волостныхъ съѣздовъ, и деньги вносились арендаторами въ волостныя кассы. Но эти деньги составляли обыкновенно только *небольшую часть* дѣйствительной арендной платы; остальное поступало въ пользу дѣйствительныхъ владѣльцевъ сдаваемой въ аренду земли, отъ согласія которыхъ фактически зависѣла и самая сдача. Еще чаще аренды облекались въ форму фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ, которыя разсматривались администраціею не какъ запрещенные закономъ договоры аренды, а какъ договоры найма, съ вознагражденіемъ за трудъ извѣстною долей обработанной пашни. За кулисами, однако, киргизъ словесно или даже письменно обязывался передать испольщику и свою треть или половину обработанной земли за извѣстное, заранѣе условливаемое денежное вознагражденіе, и такимъ образомъ мнимая испольщина сводилась къ простой денежной арендѣ. Въ большомъ ходу были и прямыя нарушенія закона: вопреки категорическимъ постановленіямъ послѣдняго, множество крестьянъ продолжало арендовать землю, безъ всякаго прикрытія, у отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ или мелкихъ ауловъ; такія аренды происходили, чаще всего, на основаніи простого словеснаго соглашенія; иногда арендаторы даже брали отъ сдатчиковъ расписки, которыя, однако, какъ лишенныя законной силы, нигдѣ не регистрировались и, большею частью, уничтожались по истеченіи срока аренды.

Будущему историку русскихъ аграрныхъ отношеній будетъ, конечно, не трудно составить себѣ правильное понятіе о дѣйствительномъ характерѣ описанныхъ только что, въ самыхъ общихъ чертахъ, явленій. Если онъ и будетъ обращаться къ подлиннымъ документамъ, то будетъ ихъ интерпретировать при помощи результатовъ произведеннаго мною мѣстнаго изслѣдованія. Но предположимъ, что эти результаты утратились, и что историкъ, скажемъ, XXIII вѣка долженъ писать исторію арендныхъ отношеній въ Тургайской области на основаніи однихъ только документовъ, сохранившихся въ архивахъ областного правленія, уѣздныхъ управленій, волостныхъ правленій и т. п.; допустимъ еще, что ему не посчастливилось напасть на тѣ немногія бумаги, въ которыхъ имѣются указанія на фиктивный характеръ большинства испольныхъ сдѣлокъ и приговоровъ волостныхъ съѣздовъ. Этотъ историкъ нарисовалъ бы совершенно, можетъ-быть, вѣрную документамъ, но совершенно невѣрную дѣйствительности картину: онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что киргизская волость дѣйствительно была *земельною* единицей, и ничего не узналъ бы о роли мелкихъ ауловъ и отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ, какъ дѣйствительныхъ владѣльцевъ и сдатчиковъ земли; онъ совершенно невѣрно изобразилъ бы хозяйственныя отношенія киргизъ и переселенцевъ, какъ основанныя преимущественно на испольномъ наймѣ первыми послѣднихъ на земледѣльческія работы; наконецъ, онъ пришелъ бы къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ относительно арендныхъ цѣнъ на киргизскія земли. *Отъ всѣхъ этихъ ошибокъ избавляетъ только интерпретація документовъ при помощи воплощеннаго въ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія описательнаго матеріала.*

Возвращаемся теперь къ нашей темѣ. Мы приводили выше, въ гл. III 2-ой части этой книги, фактическія данныя, касающіяся роли административнаго давленія въ эволюціи формъ землепользованія въ Сибири отъ вольнаго захвата къ уравнительному пользованію. Административное давленіе—мы видѣли—несомнѣнно было, и въ нѣкоторомъ числѣ случаевъ это давленіе, дѣйствительно, вызвало переходъ отъ захватнаго къ уравнительному пользованію. Изслѣдованіе даетъ, однако, факты и другого рода [1]). Въ томъ же Ишимскомъ уѣздѣ, гдѣ давленіе администраціи, дѣйствительно, вызвало рядъ случаевъ передѣла, нѣкоторыя общества одной очень многоземельной волости, „хотя на бумагѣ и постановили приговоры о передѣлѣ, но въ дѣйствительности не произвели передѣла и остались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія“, а въ другой, еще болѣе многоземельной волости не состоялось и приговора, и всѣ настоянія начальства разбились

---

[1]) „Сибир. общ.“, стр. 69, 70; *Кроль*, стр. 178, 163—4; Иркут.-Енис., т. II, вып. 3, стр. 202—3; т. IV, въ вып. 3, стр. 193; Зап.-Сибир., вып. V, 142; вып. XIII, 9—11.

объ упорное сопротивленіе богатой части населенія. Характерны затѣмъ констатированные изслѣдованіемъ Забайкальской области случаи, когда эволюція формъ землепользованія, искусственно направленная, путемъ административнаго воздѣйствія, на путь передѣла, затѣмъ возвращалась къ своему естественному теченію,— когда, другими словами, слѣды искусственно введеннаго передѣла стирались и на мѣсто уравнительнаго вновь водворялось захватное пользованіе. Такъ, въ нѣкоторыхъ инородческихъ общинахъ, гдѣ сѣнокосы были передѣлены послѣ отграниченія инородцевъ отъ казаковъ, „слѣды этихъ передѣловъ настолько стерлись, что юридическое ихъ значеніе совершенно уничтожилось, и владѣльцы покосовъ основываютъ теперь свое право на всѣ владѣемые ими участки на томъ, что пользуются ими со старины"; въ нѣкоторыхъ казачьихъ общинахъ казакамъ пришлось сдѣлать поравненіе пашенъ, чтобы надѣлить вновь приписанныя, распоряженіемъ начальства, казачьи семьи; но „такъ какъ земельныхъ угодій у нихъ очевидно оставалось достаточно и послѣ поравненія, то пользованіе пашнями, по существу, до сихъ поръ, несмотря на протекшія 40 лѣтъ, остается захватнымъ".

Еще болѣе краснорѣчивы, нежели эти частные факты, общія данныя о степени распространенности передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Сенатское разъясненіе 1884 года, о которомъ говорилось въ III главѣ, въ равной мѣрѣ относилось ко всѣмъ четыремъ сибирскимъ губерніямъ и къ Забайкальской области; и вездѣ за нимъ послѣдовали постановленія и циркуляры, превращавшіе это разъясненіе въ совѣтъ, а затѣмъ — и въ приказаніе. Но *вліяніе* административныхъ воздѣйствій оказалось далеко не одинаковымъ. Въ западной, малоземельной части Тобольской губерніи передѣлы, въ той или другой формѣ, послѣдовали болѣе или менѣе повсемѣстно, при чемъ, однако, лишь въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ это были *первые* передѣлы,—другими словами, лишь въ немногихъ случаяхъ сенатское разъясненіе вызвало или ускорило *дѣйствительный переходъ* отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію. Въ другихъ мѣстностяхъ — весь Курганскій уѣздъ, бо́льшая часть Ишимскаго и Ялуторовскаго, Туринскій, Тобольскій — послѣдовавшіе за разъясненіемъ передѣлы были уже вторыми, третьими, четвертыми передѣлами,—другими словами, душевая форма существовала уже десятки, если не сотню лѣтъ, и, повидимому, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы первоначальное возникновеніе ихъ было связано здѣсь съ какимъ-либо административнымъ воздѣйствіемъ. Въ многоземельныхъ Томской и Енисейской губерніяхъ передѣлы констатированы изслѣдованіемъ всего въ немногихъ, единичныхъ случаяхъ,—напримѣръ, въ Енисейской губерніи пахотныя земли, ко времени изслѣдованія, были передѣлены всего въ трехъ общинахъ. Въ Иркутской губерніи зарегистрировано, мы видѣли, всего 20 случаевъ „общаго поравненія" пашенъ, въ

томъ числѣ 15—подъ непосредственнымъ вліяніемъ разъясненій 1884 года. *Но всѣ эти 15 случаевъ относятся къ одной мѣстности*—именно къ нѣсколькимъ смежнымъ между собою, малоземельнымъ волостямъ Иркутскаго уѣзда, гдѣ и до циркуляра шли толки о передѣлѣ, и послѣдній не осуществлялся лишь благодаря тому, что крестьяне „не знали своихъ правовъ"; послѣдовавшій за сенатскимъ разъясненіемъ циркуляръ только *устранилъ препятствія*, не дававшія осуществиться уже назрѣвшему здѣсь переходу къ душевому пользованію. Въ другихъ частяхъ губерніи, болѣе богатыхъ землею, тотъ же циркуляръ совершенно не отразился на формахъ землепользованія. Наконецъ, въ Забайкальской области замѣчается рѣзкая разница между многоземельнымъ восточнымъ Забайкальемъ и сравнительно малоземельною, западною половиною области: въ восточномъ Забайкальѣ, у казаковъ и инородцевъ, еще всецѣло господствуютъ захватныя формы; уравнительно-душевое пользованіе начало распространяться лишь среди крестьянъ, при чемъ, однако, и у нихъ поравненія примѣняются только по отношенію къ 4,1% общей площади пашенъ. Въ западномъ Забайкальѣ уравнительно-душевое пользованіе сдѣлало несравненно бо̀льшіе успѣхи, и въ настоящее время передѣляется: у некрещеныхъ инородцевъ — 26,5%, у крещеныхъ — 59,4%, у казаковъ русскихъ 25,0%, у казаковъ - инородцевъ— 45,9%, у крестьянъ даже 79,8% общей площади пахотныхъ земель.

Конечно, какъ изслѣдователи сибирской общины, такъ и авторы, сводившіе и разрабатывавшіе добытые ими матеріалы, не могли не задаваться вопросомъ о роли административнаго воздѣйствія,—не могли не ставить себѣ, въ частности, вопроса, почему это воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ дѣйствительно влекло за собой передѣлъ земель, въ другихъ—оставалось совершенно безрезультатнымъ. Нѣкоторые намеки на рѣшеніе поставленнаго такимъ образомъ вопроса приведены уже въ предыдущемъ изложеніи,—сущность дѣла, говоря словами А. А. Чупрова [1]), сводится къ тому, что „воздѣйствіе администраціи отражается только на *темпѣ* эволюціи: тамъ, гдѣ внутренній процессъ развитія формъ землепользованія не успѣлъ подготовить почвы для перехода къ душевому пользованію,—тамъ администрація, несмотря на всѣ свои старанія, не могла добиться никакого результата". Или, какъ подробнѣе развиваетъ ту же мысль г. Кроль: распоряженія начальства „въ иныхъ мѣстахъ являются *послѣднимъ толчкомъ* къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль этого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе: жизнь общины продолжаетъ итти своимъ путемъ,—поравненія или передѣлы повторяются по мѣрѣ надобности, регулируемые согласно

[1]) Назв. сочин., стр. 132; *Качоровскій*, 160, 238—248.

выработаннымъ общиною на этотъ счетъ обычно-правовымъ воззрѣніямъ. Тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ [другими словами—гдѣ земельный просторъ даетъ каждому возможность и безъ поравненія пользоваться, на захватномъ правѣ, достаточнымъ по его потребностямъ и хозяйственной силѣ количествомъ земли. А. К.], циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ. Передѣлы или поравненія наступаютъ лишь тогда, когда въ поравненіи земельныхъ угодій заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которое при раздѣлахъ земли ревниво слѣдитъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены по справедливости“ [1]).

Данныя мѣстныхъ изслѣдованій даютъ, затѣмъ, не мало и другихъ указаній, способныхъ пролить свѣтъ на дѣйствительное значеніе административнаго воздѣйствія. Прежде всего, извѣстную роль можетъ играть здѣсь слѣдующее, такъ сказать, хронологическое соображеніе: въ болѣе систематическомъ видѣ административное воздѣйствіе на формы землепользованія проявилось въ Сибири лишь въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Между тѣмъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ западная часть Тобольской губерніи, западное Забайкалье, а повидимому, и сѣверныя (не охваченныя экспедиціоннымъ изслѣдованіемъ) окраины губерній Томской и Иркутской, передѣлы имѣютъ гораздо болѣе раннее происхожденіе, и начало ихъ относится къ такимъ временамъ, когда либо вовсе нѣтъ данныхъ предполагать административнаго воздѣйствія, либо это послѣднее могло встрѣчаться только спорадически и вызываться лишь тѣми или другими случайными обстоятельствами. Гораздо важнѣе, однако, слѣдующее соображеніе: административное воздѣйствіе, — гдѣ оно явилось не *послѣднимъ поводомъ*, устранившимъ тѣ или иныя внѣшнія препятствія къ передѣлу, а *самостоятельнымъ*, *творческимъ моментомъ*,—неизбѣжно должно было выразиться въ какомъ-либо рѣзкомъ скачкѣ, въ какомъ-либо переломѣ въ ходѣ развитія формъ пользованія землею. И дѣйствительно: въ сѣверозападномъ углу Ишимскаго уѣзда, гдѣ естественный ходъ вещей, несомнѣнно, еще не требовалъ перехода къ душевому пользованію, захватное пользованіе, подъ вліяніемъ распоряженій администраціи, было разомъ замѣнено передѣломъ на души *всѣхъ* угодій, въ нѣкоторыхъ общинахъ—до выгоновъ включительно (!), при чемъ примѣнявшіеся здѣсь пріемы обмѣра и уравнительнаго распредѣленія угодій совершенно не гармонировали съ общимъ характеромъ землевладѣнія и землепользованія и съ традиціонными формами „поравненія“ въ данной мѣстности [2]). Въ видѣ общаго правила дѣло шло совершенно иначе. Процессъ эволюціи

---

[1]) См. также *мою* „Сибир. общину“, 70; *Кроль*, 178, 188; Ирк.-Енис., т. II, вып. 3, стр. 202—203.

[2]) Зап. Сиб., вып. V, стр. 142—143; см. также *Кауфманъ*, Забайкал., 163.

формъ землепользованія совершался не быстрыми и рѣзкими скачками, а медленно и постепенно. Неограниченный захватъ прежде всего уступалъ мѣсто ограниченнымъ захватнымъ формамъ; затѣмъ, мало-по-малу, появлялись „частныя поравненія“,—община въ отдѣльныхъ случаяхъ отбирала излишекъ земли у многоземельныхъ дворовъ и отводила отрѣзанную землю въ надѣлъ дворамъ, особенно въ ней нуждающимся; постепенно учащаясь, такія частныя поравненія, въ концѣ-концовъ, приводили къ „общему поравненію“—несовершенной формѣ передѣла, изъ которой, въ свою очередь, развивались болѣе точныя и совершенныя формы уравненія пахотныхъ земель. Въ другихъ случаяхъ постепенность эволюціи выражалась въ иной формѣ: передѣлялась лишь *часть* пахотныхъ земель, которая либо имѣетъ особенную цѣнность, либо по отношенію къ которой менѣе приходится или вовсе не приходится считаться съ захватными правами отдѣльныхъ общественниковъ и въ особенности—съ правомъ затраченнаго на разработку труда. Такъ или иначе,—естественный процессъ эволюціи формъ пользованія совершался весьма медленно и постепенно; въ мелкоступенчатой лѣстницѣ послѣдовательно-смѣняющихся формъ пользованія нѣтъ такого перерыва, въ которомъ могло бы помѣститься административное воздѣйствіе, не въ качествѣ случайнаго, помогающаго или ускоряющаго момента, а въ качествѣ органическаго творческаго фактора; съ другой же стороны, переходъ съ одной ступени на другую совершается такъ просто и естественно, что для объясненія его нѣтъ и надобности вводить такой искусственный факторъ, какъ административное давленіе [1]). Въ еще большей мѣрѣ сказанное справедливо по отношенію къ другого рода угодьямъ, — сѣнокосамъ, общественнымъ лѣсамъ и т. п. Эволюція формъ пользованія лѣсными сѣнокосами, иначе — сѣнокосными расчистками, шла, въ общихъ чертахъ, приблизительно тѣмъ же путемъ постепенныхъ ограниченій захватнаго права, какъ и эволюція формъ пользованія пахотными землями. Первоначальною формой пользованія степными и т. п. покосами было вольное пользованіе съ ежегоднымъ закосомъ, иначе сказать, — однолѣтній захватъ; ограниченіе захватнаго права выразилось, прежде всего, въ уничтоженіи права закоса; дальнѣйшій переходъ отъ вольнаго пользованія къ общеупотребительнымъ для степныхъ покосовъ формамъ ежегоднаго передѣла („набой душъ“, „расписываніе по урочищамъ“) совершается черезъ рядъ столь неопредѣленныхъ формъ и столь незамѣтныхъ переходныхъ ступеней, не поддающихся, нерѣдко, даже точному описанію и разграниченію, что исчезаетъ всякая возможность опредѣлить моментъ, когда прекращается вольное пользованіе и начинается душевое; трудность точно опре-

[1]) См. „Сибир. община“, 77—88; см. также *Кроль*, 45—58, 78—107, 176—191 и др., а также *Кауфманъ*, Забайк., 128—136.

дѣлить этотъ моментъ еще возрастаетъ въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда форма пользованія покосами измѣняется въ зависимости отъ урожая травъ: при хорошихъ урожаяхъ покосы косятся вольно, при худыхъ они передѣляются по способу „расписыванія по урочищамъ". Очевидно безъ подробныхъ разъясненій, что все это происходило не только помимо воздѣйствія, но даже и безъ вѣдома какого бы то ни было начальства,—да воздѣйствіе, по существу, и не могло найти себѣ мѣста въ очерченной, въ краткихъ словахъ, эволюціи.

Далѣе, въ Западной Сибири уравнительно-душевое пользованіе существуетъ еще по отношенію къ лѣсамъ, при чемъ душевой принципъ иногда выражается въ формѣ ежегодной вырубки опредѣленнаго, на каждую разверсточную единицу, количества лѣсныхъ матеріаловъ, иногда — въ формѣ періодическаго передѣла лѣсной площади на душевые участки; къ кедровникамъ, при чемъ нѣкоторыя общины ежегодно отводятъ на душу, для сбора орѣха, опредѣленное количество деревъ, по большей же части душевой принципъ находитъ себѣ выраженіе въ опредѣленіи числа сборщиковъ, которыхъ каждая земельно-платежная единица можетъ выпустить на сборъ кедроваго орѣха; наконецъ, къ рыболовнымъ угодьямъ, по отношенію къ которымъ наблюдаются весьма интересныя комбинаціи общинно-душевого начала *пользованія угодьемъ* съ артельною формою *организаціи труда*. И во всѣхъ этихъ случаяхъ не только не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо административномъ воздѣйствіи, но напротивъ—раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ на душевые участки даже воспрещался, какъ несогласный съ закономъ и вредный для сохраненія лѣсовъ [1]).

Очень любопытныя данныя по разсматриваемому вопросу добыты изслѣдованіемъ Забайкальской области. Изслѣдованіе это констатировало рядъ фактовъ, гдѣ возможность административнаго воздѣйствія исключалась самимъ существомъ вещей, или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось вопреки закону и распоряженіямъ администраціи. Такъ, объ административномъ воздѣйствіи не могло быть, конечно, рѣчи по отношенію къ такъ называемымъ „китайскимъ покосамъ",—сѣнокоснымъ угодьямъ, которыми казаки нѣкоторыхъ пограничныхъ станицъ свободно пользуются въ китайскихъ предѣлахъ; а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ станицахъ „китайскіе" покосы состоятъ въ душевомъ пользованіи, при чемъ иногда они вводятся въ общій передѣлъ съ надѣльными покосами, а иногда казачьи поселки, для распредѣленія „китайскихъ" покосовъ, образуютъ сложныя общины совершенно особаго состава. Не менѣе характерны и другіе случаи, гдѣ крестьянскія и инородческія общества передѣляютъ, на общихъ съ надѣльными угодьями основаніяхъ, угодья, самовольно захваченныя въ чужихъ межевыхъ дачахъ. Столь же рѣзкій примѣръ

[1]) См. въ особенности Зап. Сиб., вып. VIII, 95—192, вып. XXI, 401 и сл.

того же рода представляютъ формы пользованія пашнями у бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго уѣзда; получивъ надѣльныя пахотныя земли, по уставнымъ грамотамъ, въ *подворное* владѣніе, они возбудили ходатайство о сдачѣ имъ земли въ аренду въ общее пользованіе, при чемъ „распредѣленіе между домохозяевами обязывались произвести по усмотрѣнію сельскаго схода, а за исправную уплату арендной платы ручались круговою порукой"; и это—въ отвѣтъ на объявленіе начальства Нерчинскаго округа, предлагавшее *каждому домохозяину отдѣльно* взять въ аренду участокъ въ 15 десятинъ [1])... И, напротивъ—общинно-уравнительныя формы наименѣе распространены у казаковъ, т.-е. какъ разъ у единственнаго разряда населенія Забайкальской области, которому законъ *предписываетъ* уравнительное пользованіе земельными угодьями: законъ, какъ и административное воздѣйствіе, оказался безсильнымъ ввести уравнительныя формы, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ; и, наоборотъ—общинно-уравнительныя формы слагались помимо всякаго правительственнаго воздѣйствія или даже вопреки ему, гдѣ находили благопріятную для себя почву въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Изслѣдованіе крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ Сибири, использовавъ, хотя далеко не исчерпывающимъ образомъ, документальный матеріалъ, оперировало, однако, по преимуществу экспедиціоннымъ путемъ, собирая на мѣстахъ, помощью опроса крестьянъ, тѣ данныя, которыя могли служить для характеристики интересовавшихъ изслѣдованіе явленій. Благодаря этому изслѣдованіе дало возможность нарисовать широкую и детальную картину современныхъ формъ землепользованія крестьянъ и инородцевъ и послѣдовательности въ ихъ смѣнѣ. Эта картина охватываетъ формы пользованія всѣми видами крестьянскихъ угодій и самыя разнообразныя, нерѣдко едва поддающіяся точному различенію, разновидности этихъ формъ, благодаря чему и получается возможность съ достаточною точностью выяснить послѣдовательную смѣну формъ и установить относительное значеніе разныхъ моментовъ, вліяющихъ на ихъ эволюцію. Я попросилъ бы, однако, читателя поставить себя въ положеніе историка XXII столѣтія, которому пришлось бы возсоздать эту картину на основаніи одного лишь того документальнаго матеріала, который собранъ изслѣдованіемъ, или который еще будетъ найденъ впослѣдствіи въ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ канцеляріяхъ. Не трудно видѣть, какое однобокое, неправильное представленіе такой историкъ получилъ бы объ интересующихъ его явленіяхъ: ему нетрудно было бы запутаться въ разныхъ формахъ первобытнаго захвата, а допускаемыя при господствѣ этихъ формъ переуступки, документальные слѣды которыхъ попали бы

[1]) *Кроль*, 145.

ему въ руки, принять за доказательство наличности индивидуальнаго или подворнаго владѣнія; отъ него осталась бы скрытою вся та медленная эволюція формъ пользованія, которая не находила себѣ выраженія въ письменныхъ приговорахъ, и отдѣльные моменты которой не вызывали ни жалобъ, ни вмѣшательствъ начальства, ни тяжбъ въ волостныхъ судахъ; онъ не зналъ бы ничего ни о тѣхъ случаяхъ, когда воздѣйствіе правительственныхъ органовъ вовсе разбилось о пассивное сопротивленіе населенія; ни о тѣхъ, гдѣ эволюція, отклонившись, подъ вліяніемъ административнаго давленія, отъ нормальнаго теченія, затѣмъ возвращалась въ свое естественное русло; ни, наконецъ, о тѣхъ, когда состоявшіеся подъ такимъ воздѣйствіемъ документальные акты имѣли болѣе или менѣе фиктивный характеръ, а жизнь, подъ покровомъ этихъ актовъ, шла совершенно инымъ путемъ. И для него было бы не только вполнѣ возможно, но даже, можетъ-быть, неизбѣжно видѣть въ исторіи сибирскаго общиннаго землепользованія только рядъ административныхъ воздѣйствій, въ концѣ-концовъ, успѣвшихъ внѣдрить въ нѣкоторыхъ районахъ Сибири, несмотря на явное, мѣстами, нежеланіе и сопротивленіе населенія, совершенно чуждыя ему и не вытекавшія ни изъ какого внутренняго процесса развитія формы землепользованія.

Вернемся, однако, къ исторіи. Факты административнаго и землевладѣльческаго воздѣйствія на формы крестьянскаго землепользованія настолько несомнѣнны и общеизвѣстны, что мнѣ нѣтъ надобности напоминать о нихъ читателю. Просматривая книгу г-на В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи“, содержащую богатый архивный матеріалъ по исторіи формъ землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ, или соотвѣтствующія главы второго тома „Крестьянъ при Екатеринѣ II“ В. И. Семевскаго, я не разъ испытывалъ такое впечатлѣніе, что читаю не *„исторію общины“*, а *исторію административныхъ мѣропріятій*, направленныхъ къ болѣе или менѣе насильственному внѣдренію въ крестьянскую среду общинныхъ формъ и распорядковъ [1]). Аналогичные факты даетъ намъ въ изобиліи и исторія четвертныхъ крестьянъ — и здѣсь, казалось бы, все сводится къ усмотрѣнію и степени энергіи тѣхъ или другихъ представителей администраціи. „Гдѣ окружные начальники дѣйствовали однообразно,—говоритъ Н. А. Благовѣщенскій въ своей книгѣ „Четвертное право“ [2]),—все выходило гладко. Такъ, напримѣръ, Обоянскій окружной почему-то страшно

---

[1]) Несмотря на разъясненіе департамента удѣловъ, что его распоряженія имѣютъ въ виду производство уравненія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда сами крестьяне того пожелаютъ, „нѣкоторые управляющіе удѣльными конторами особенно настаивали на производствѣ раздѣла земель и издавали повторныя предписанія о примѣненіи циркуляра 29 февраля 1812 г., не всегда будучи побуждаемы къ этому ходатайствами малоземельныхъ крестьянъ“ (Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, Спб., 1902, т. II, ч. II, стр. 14).

[2]) Стр. 139.

расположенъ былъ къ душевому поравненію; въ результатѣ мы видимъ почти сплошной переходъ этого уѣзда съ четвертей на души". Я не буду напоминать и о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, приводимыхъ въ особенномъ изобиліи въ только-что названной работѣ г-на В. В., когда распоряженія подлежащихъ властей приводились въ исполненіе вопреки рѣшительному нежеланію и упорному, иногда многолѣтнему сопротивленію населенія, и такимъ образомъ дѣйствительно являлись, употребляя образное выраженіе г-жи Ефименко, „декретами конвента", ломавшими жизнь и направлявшими ее на совершенно новые, чуждые ей пути.

Но, *даже оставаясь въ предѣлахъ того же документальнаго матеріала,* мы находимъ не мало указаній и другого рода—указаній, которыя, мнѣ кажется, уже сами по себѣ должны заставить усомниться въ нашемъ *правѣ обобщать* не подлежащіе никакому сомнѣнію факты административнаго или вообще внѣшняго воздѣйствія и придавать имъ самостоятельно-творческое значеніе.

Прежде всего, въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства по данному вопросу нельзя усмотрѣть ничего похожаго на сколько-нибудь опредѣленную, планомѣрно-проводимую политику, при которой, вообще, только и можно было бы ожидать серьезнаго вліянія правительственныхъ воздѣйствій на столь сложное явленіе, какъ формы землепользованія,—явленіе, затрогивающее притомъ существеннѣйшіе народные интересы. Напротивъ, въ этой политикѣ замѣчаются постоянныя и рѣзкія колебанія, и распоряженія не только различныхъ, но даже иногда однихъ и тѣхъ же органовъ центральной или мѣстной администраціи полны непримиримыхъ противорѣчій. Къ 1766 году относятся знаменитыя межевыя инструкціи, которымъ приписывается такая творческая роль въ дѣлѣ созданія крестьянской земельной общины [1]). Между тѣмъ почти къ тому же моменту, именно къ 1767 году, относится и приводимое В. И. Семевскимъ распоряженіе главной дворцовой канцеляріи, предписывавшее „пашенною землею и угодьями, впредь до разсмотрѣнія канцеляріею, владѣть, какъ до сего владѣли, и собою другъ у друга не отнимали бы и во владѣніе не вступали", а указомъ 1789 года предписывается дѣлить землю „не по прихотямъ, а по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ" [2]). Какъ во внутриобщинной жизни, такъ и въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства „постоянно сталкиваются, какъ отмѣтила еще г-жа Ефименко [3]), два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго и другъ друга взаимно исключающихъ: съ одной стороны—право, держащееся на старыхъ документахъ и другихъ законныхъ [или, какъ осторожнѣе было

---

[1]) О нихъ см. выше, стр. 283—284.
[2]) *Семевскій,* „Крестьяне при Екатеринѣ II", т. II, Спб. 1901, стр. 73, 651.
[3]) Назв. соч., стр. 326.

бы выразиться, облеченныхъ въ законныя формы. А. К.] основаніяхъ; съ другой стороны, тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе“,— и это столкновеніе принциповъ, если не порожденное, то, во всякомъ случаѣ, поддерживаемое, главнымъ образомъ, непослѣдовательностью правительственной политики, „раскрывало широкое поле дѣйствію хищническихъ инстинктовъ и злоупотребленіямъ всякаго рода“. В. И. Семевскій [1]) приводитъ любопытнѣйшія данныя о поравненіи земель въ Олонецкой губерніи, которое, начавшись вслѣдствіе приказовъ директора экономіи, основанныхъ на распоряженіяхъ генералъ-губернатора Тутолмина, вскорѣ затѣмъ прекратилось вслѣдствіе діаметрально-противоположныхъ распоряженій губернатора Державина, не стѣснявшагося даже отбирать у крестьянъ директорскіе приказы,—и совершенно аналогичную исторію поравненія въ Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ „управительскія дѣла“ не рѣшились привести въ исполненіе приказа дворцовой канцеляріи о передѣлѣ въ виду распоряженія губернатора Головцына „о неотниманіи отъ большетяглыхъ нынѣ имѣющихся за ними во владѣніи земель и о неотдачѣ малотяглымъ и нерадивымъ крестьянамъ“. Но особенно яркую картину подобной непослѣдовательности и подобныхъ колебаній представляетъ намъ изображенная г-номъ В. В. въ его новѣйшей, уже названной, работѣ исторія передѣловъ у удѣльныхъ крестьянъ. Удѣльное вѣдомство по самому своему учрежденію брало на себя обязанность пещись объ уравнительномъ надѣленіи землею крестьянъ. Между тѣмъ центральное его учрежденіе — департаментъ удѣловъ, принимая удѣльныхъ крестьянъ въ свое завѣдываніе, „не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно вопроса объ уравненіи крестьянскихъ земель и обладалъ даже очень смутными понятіями о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ“ [2]). Въ 1799 г. департаментъ предписываетъ произвести передѣлъ „съ наблюденіемъ совершеннаго равенства, включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону“,— а въ 1802 году признаетъ себя „не въ правѣ уничтожать законно совершонныя крѣпости и закладныя“ и предписываетъ, чтобы „малоземельные крестьяне получали удовлетвореніе своихъ требованій, по возможности, не отводами земли отъ многоземельныхъ хозяевъ, а надѣленіемъ изъ впустѣ лежащихъ при селеніяхъ земель, которыя должны быть расчищены общими силами всего селенія“. По одному представленію своихъ мѣстныхъ органовъ департаментъ отмѣнялъ начатый раздѣлъ земель, по другому — возстановлялъ его; удѣльная администрація „первоначально многократно побуждаетъ свои приказы къ производству уравнительнаго

---

[1]) Назв. соч., стр. 633—41; см. также стр. 61.
[2]) Стр. 20; см. также стр. 13, 58.

раздѣла земель, а впослѣдствіи не только терпимо относится къ приговорамъ крестьянъ о сохраненіи за селеніями прежнихъ владѣній, но и сама поощряетъ ихъ къ этому"; одинъ и тотъ же удѣльный чиновникъ по одному и тому же дѣлу даетъ три совершенно противорѣчащія другъ другу предписанія. Въ собранныхъ г. В. В. документахъ имѣется, съ одной стороны, не мало указаній на „многократныя понужденія" къ производству передѣла, на „угрозы, насилія и притѣсненія", на „битье и сажанье на цѣпь несогласныхъ",—но съ другой стороны, приводятся и случаи, когда низшій чиновникъ удѣльнаго вѣдомства постановлялъ „начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить и рекомендовалъ удовлетворить въ недостающемъ изъ пустопорожнихъ земель съ помощью отъ большеземельныхъ" [1])... Не менѣе любопытныя данныя мы находимъ въ работѣ г. Благовѣщенскаго о четвертномъ правѣ [2]). Я упоминалъ уже о роли Обоянскаго „окружного" въ дѣлѣ перехода на души. Зато другой окружной, Суджанскій, былъ рѣшительно противъ такого перехода; „хотя онъ былъ почти безсиленъ пресѣчь дѣйствіе циркуляра, разъяснявшаго право четвертныхъ по общественному приговору переходить къ душевому владѣнію, но не мало затормозилъ ходъ душевого поравненія своими совѣтами противникамъ передѣла, а также кое-какими препятствіями и проволочками",—и, напримѣръ, въ пригородныхъ слободахъ, успѣвшихъ передѣлить одно поле пахотныхъ земель, другія два поля, благодаря его вмѣшательству, остались попрежнему „по четвертямъ".

У В. И. Семевскаго и въ особенности у г. Благовѣщенскаго [3]), оперировавшаго не только съ документальнымъ, но и съ разспроснымъ матеріаломъ, имѣются прямыя указанія на „денежную молитву", которая приносилась то сторонниками, то противниками передѣла, то тою и другою стороною одновременно, и которая являлась если не главною, то, во всякомъ случаѣ, существенною причиной, обусловливавшею иногда слишкомъ активное сочувствіе, иногда рѣшительное противодѣйствіе мѣстныхъ органовъ администраціи введенію уравнительнаго передѣла. Но эта „денежная молитва", прежде всего, гораздо больше благопріятствовала зажиточнымъ „широкодачникамъ", противникамъ передѣла, нежели хлопотавшей о поравненіи бѣднотѣ. А затѣмъ—вѣдь взятка, въ особенности если она была результатомъ сбора, производившагося среди сторонниковъ или противниковъ передѣла, являлась лишь однимъ изъ проявленій той борьбы за передѣлъ, которая происходила издавна *внутри* самихъ общинъ. Но даже и независимо отъ „золотой молитвы", постоянныя колебанія во взглядахъ пра-

---

[1]) *В. В.*, назв. соч., стр. 16, 20, 25, 27, 31, 41, 123—124; см. *Семевскій*, назв. соч., стр. 77.

[2]) Стр. 138—139.

[3]) *Благовѣщенскій*, тамъ же; *Семевскій*, назв. соч., стр. 651.

вительственной власти и противорѣчивость ея распоряженій въ значительной мѣрѣ вытекали изъ того обстоятельства, что правительственное вмѣшательство не было какимъ-то deus ex machina, не проистекало изъ предначертаній какой-то общей, послѣдовательно проводимой по заранѣе начертанному плану, аграрной политики, а являлось лишь откликомъ на ту борьбу, которая издавна происходила въ общинахъ между сторонниками и противниками передѣла. Уже наказы крестьянскихъ депутатовъ Екатерининской законодательной комиссіи, по свидѣтельству В. И. Семевскаго [1]), „доказываютъ, что начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались введенія передѣловъ земли, и что правительственныя мѣры были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждавшихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею"; точнѣе выражаясь—отвѣтомъ на просьбы *малоземельной части* крестьянъ, которая не могла собственными силами справиться съ сопротивленіемъ широкодачниковъ. Такимъ отвѣтомъ или откликомъ, по крайней мѣрѣ, въ видѣ правила, являлись какъ общіе законодательные акты и административныя мѣропріятія, такъ и въ особенности частныя распоряженія центральныхъ и мѣстныхъ властей, и, напримѣръ, департаментъ удѣловъ, издавъ въ 1812 году циркуляръ объ уравненіи земли по душамъ 6 ревизіи, затѣмъ неоднократно разъяснялъ, что этотъ циркуляръ изданъ лишь „съ цѣлью производства уравненія земель, *если сами крестьяне признаютъ это нужнымъ*" [2]). Въ работахъ гг. Семевскаго и В. В. [3]) мы находимъ не мало документальныхъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что администрація въ принудительномъ, хотя бы, введеніи передѣла видѣла единственный способъ „для отвращенія неустройствъ и взаимныхъ распрей", для пресѣченія „буйствъ и дальнѣйшихъ опасныхъ непріятностей". Въ центральныя и мѣстныя учрежденія поступали то прошенія малоземельныхъ, болѣе или менѣе убѣдительными доводами доказывавшихъ безусловную для нихъ необходимость въ земельномъ поравненіи и неосновательность притязаній широкодачниковъ, и за такими прошеніями слѣдовали распоряженія и настоянія о производствѣ уравнительнаго передѣла; то обставленныя также весьма существенными доводами жалобы широкодачниковъ на нарушеніе ихъ правъ, основанныхъ, съ одной стороны, на вложенномъ въ разработку угодій трудѣ, съ другой — на разнаго рода, если не законныхъ, то во всякомъ случаѣ облеченныхъ въ законную форму документахъ,— и сдѣланное распоряженіе о передѣлѣ отмѣнялось или ограничивалось новымъ распоряженіемъ, вовсе пріостанавливавшимъ раз-

[1]) Назв. соч., стр. 605.

[2]) „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія", СПБ. 1902, т. II, ч. II, стр. 14.

[3]) Тоже, стр. 36, 54, 62, 71, 76; *В. В.*, назв. соч., стр. 6—7, 10, 17, 64, 93—99.

дѣлъ или исключавшимъ изъ него расчистныя и крѣпостныя земли.

Далѣе, самое содержаніе тѣхъ распоряженій, которыми правительство пыталось регулировать и измѣнять внутриобщинныя отношенія, несомнѣнно заимствовалось изъ жизни, изъ дѣйствительно практиковавшихся порядковъ внутриселенняго или междуселеннаго поравненія. „Циркуляръ 29 февраля 1812 года объ уравненіи землепользованія удѣльныхъ крестьянъ по душамъ 6 ревизіи,—читаемъ мы въ оффиціальной „Исторіи удѣловъ“ [1]),— исходилъ изъ того положенія, что, *какъ извѣстно по опыту, крестьяне сами* хорошо знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно *разверстывали ихъ между собой*, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ“. И достаточно прочесть, напримѣръ, такой документъ, какъ напечатанное въ книгѣ г. В. В. [2]) „наставленіе“ о порядкѣ производства передѣловъ, составленное въ 1798 году Вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, чтобы видѣть, что изложенныя здѣсь детальныя указанія относительно техники уравненія разныхъ видовъ угодій не могли быть теоретически построены полуграмотными канцеляристами „нижняго суда“, а были лишь сколкомъ со способовъ уравненія, уже фактически практиковавшихся, въ данной мѣстности, крестьянами. Съ другой стороны, распоряженія эти содержатъ также и немаловажныя фактическія указанія, дающія имъ, до извѣстной степени, характеръ свидѣтельствъ исторической традиціи. Я не склоненъ, конечно, придавать рѣшающаго значенія ссылкамъ на „мѣстный обычай, въ каждомъ селеніи издавна принятый“ [3]), которыя встрѣчаются въ распоряженіяхъ о производствѣ передѣла: обычай могъ быть и сочиненъ ad hoc, если не тѣмъ или другимъ чиновникомъ, то крестьянами, ходатайствовавшими о передѣлѣ, хотя конкретныя ссылки на способы раздѣла „четвертями, паями, полосами и т. п. подраздѣленіями“ и позволяютъ предполагать въ такихъ ссылкахъ отраженіе дѣйствительныхъ жизненныхъ фактовъ. Но зато весьма существенными я считаю тѣ указанія, которыя могутъ быть извлечены изъ нѣкоторыхъ распоряженій, направленныхъ къ *запрещенію* или *ограниченію* передѣловъ. Въ книгѣ г. В. В. [4]) приводится, напримѣръ, одинъ циркуляръ департамента удѣловъ, гдѣ говорится объ обычныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодныхъ передѣлахъ, производящихся „не по какой-либо необходимости, но безъ всякой цѣли, единственно токмо по укоренившемуся издавна обычаю, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ земледѣлія вообще и для

---

[1]) Стр. 12, т. II, ч. II.
[2]) Стр. 11.
[3]) *В. В.*, стр. 86.
[4]) Тамъ же.

крестьянъ въ частности", и предписывается на будущее время допускать передѣлы и поравненія тяголъ только при ревизіяхъ, а проф. Ходскій [1]) приводитъ распоряженіе дореформеннаго министерства государственныхъ имуществъ, которое вмѣняло своимъ мѣстнымъ учрежденіямъ въ обязанность „въ отношеніи передѣла земли между крестьянами *наблюдать, чтобы къ передѣлу не приступали безъ крайней необходимости*, допуская его только при новой ревизіи или въ случаѣ значительнаго измѣненія числа наличныхъ душъ". Правда, эти распоряженія относятся къ сравнительно позднему времени, которому предшествовало болѣе полувѣка всякихъ распоряженій и воздѣйствій. Но никакія распоряженія и воздѣйствія никогда не задавались цѣлью ввести въ обычай *частые*, а тѣмъ болѣе *ежегодные*, передѣлы, и потому приведенныя и другія подобныя распоряженія должны быть приняты за несомнѣнныя свидѣтельства существованія такого бытового явленія, которое возникло, существовало и, какъ извѣстно, продолжаетъ существовать независимо или даже вопреки административному воздѣйствію.

Я долженъ, затѣмъ, коснуться имѣющаго тѣсную связь со сказаннымъ вопроса о вліяніи на общинно-земельные распорядки правительственныхъ мѣропріятій въ области податного обложенія. Какъ извѣстно, водвореніе среди государственныхъ и вообще некрѣпостныхъ крестьянъ общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія представляется сторонникамъ „государственной" теоріи происхожденія общины результатомъ, главнымъ образомъ, введенія подушной подати,—подобно тому, какъ душевое пользованіе у крѣпостныхъ крестьянъ было введено помѣщиками, чтобы гарантировать болѣе исправное отбываніе крѣпостного тягла. „Спрашивается, однако,—говоритъ по этому поводу г. В. В. [2]),—есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частновладѣльческаго владѣнія землею, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей (исчисляемыхъ въ общей суммѣ по числу душъ, занесенныхъ въ ревизскія сказки) производилась внутри общины (тяглой) не по числу душъ, а по количеству владѣемой каждымъ земли, — система, извѣстная населенію по прежней практикѣ. И если вмѣсто упроченія этой системы простого сообразованія платежей каждаго двора съ размѣрами его землевладѣнія (что̀ неоднократно предписывалось администраціею, но оставалось неисполненнымъ) государство громадно усложнило дѣло, потребовавъ, чтобы вмѣстѣ съ переложеніемъ платежей внутри общины съ душъ на землю было произведено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ, — то не произо-

[1]) *Ходскій*, „Земля и земледѣлецъ", ч. II, стр. 97.
[2]) Стр. 5.

шло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ; что, предписывая передѣлы крестьянскихъ угодій, правительство удовлетворяло не только требованіямъ фиска, но и выяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія?“ Эти и сходныя въ существѣ соображенія, высказываемыя г. В. В. по вопросу о вліяніи помѣщичьяго давленія на развитіе формъ душевого пользованія у крѣпостныхъ крестьянъ, мнѣ кажется, чрезвычайно убѣдительны. Какъ было выяснено еще покойнымъ Трироговымъ, подушное обложеніе *податныхъ общинъ* совмѣстимо съ какимъ угодно принципомъ *внутренней раскладки* лежащихъ на общинѣ платежей, въ томъ числѣ и съ раскладкою по фактическому пользованію землею. А между тѣмъ, введеніе (вѣрнѣе, сохраненіе) внутри земельныхъ общинъ раскладки по существовавшему пользованію землею было бы мѣрою не только болѣе простою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе цѣлесообразною, собственно съ финансовой точки зрѣнія, нежели передѣлъ земли на ревизскія души. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, правительство заставило податныя общины разверстывать платежи пропорціонально существовавшему распредѣленію землевладѣнія,— то этимъ самымъ была бы достигнута разверстка соотвѣтственно *дѣйствительной хозяйственной силѣ*, а слѣдовательно, и *платежной способности* отдѣльныхъ домохозяйствъ, что̀ явилось бы, конечно, лучшею гарантіею исправнаго поступленія платежей. Напротивъ, понуждая податныя общины передѣлять землю, правительство ослабляло широкодачниковъ, т.-е. лучшихъ плательщиковъ, и перелагало значительную долю платежей на вновь надѣляемыя землей малоземельныя хозяйства, т.-е. на такія платежныя единицы, которымъ еще предстояло обосновать свое благосостояніе на вновь отводившейся имъ въ надѣлъ землѣ, и которыхъ хозяйственная будущность, а слѣдовательно, и платежная способность, являлась болѣе или менѣе проблематической и даже сомнительной,—сомнительной потому, что самая малоземельность этихъ домохозяйствъ, при наличности простора для новыхъ разработокъ, являлась *не причиною, а слѣдствіемъ* хозяйственной ихъ слабости, причины которой лежали гдѣ-либо внѣ вопроса о размѣрахъ землевладѣнія. Что подушное обложеніе само по себѣ не обусловливаетъ внутренней необходимости въ душевомъ поравненіи земель и не ведетъ за собой, какъ свое естественное слѣдствіе, административнаго воздѣйствія въ пользу передѣла,— это подтверждается, между прочимъ, и данными сибирскихъ изслѣдованій. Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири (совершенно такъ же, впрочемъ, какъ и на сѣверѣ Европейской Россіи) захватныя формы продолжаютъ существовать у крестьянъ, несмотря на вѣковое существованіе подушной подати,—и въ то же время, мы знаемъ, душевыя формы, при наличности извѣстнаго „утѣсненія“, сдѣлали большіе успѣхи среди инородческаго населенія, обложеніе котораго построено на совершенно другихъ началахъ. Стре-

мленіе крестьянскихъ общинъ привести податное бремя въ соотвѣтствіе съ размѣрами пользованія землею выравнялось и выражается, пока земли много, *не въ раздѣлѣ угодій пропорціонально платежамъ, а въ раскладкѣ платежей пропорціонально посьвамъ, скотоводству, вообще благосостоянію.* Административное давленіе, если оно направлялось къ внѣдренію душевого пользованія, оставалось безрезультатнымъ, а въ Енисейской губерніи это давленіе было даже прямо направлено на измѣненіе платежныхъ раскладокъ въ соотвѣтствіи со сложившимся при захватныхъ формахъ дѣйствительнымъ пользованіемъ землею. Переходъ же къ уравнительно-душевому пользованію совершался только тамъ, гдѣ того требовали общія условія землевладѣнія и, главнымъ образомъ, наступившее земельное утѣсненіе, при чемъ при *такихъ* обстоятельствахъ подушное обложеніе, дѣйствительно, являлось однимъ изъ доводовъ, на которые ссылалась требовавшая передѣла часть населенія, и которымъ мотивировался передѣлъ въ разныхъ ходатайствахъ и въ общинныхъ постановленіяхъ.

То же самое, несомнѣнно, относится и къ сѣверу Европейской Россіи: если здѣсь, въ податныхъ цѣляхъ, правительство стремилось къ введенію душевого поравненія земель, то это потому, что стремленіе къ такому поравненію существовало, если не среди всей массы, то среди извѣстной части плательщиковъ, и принимавшіяся въ данномъ направленіи мѣры, несмотря на существованіе подушной системы обложенія, лишь въ томъ случаѣ приводили къ положительнымъ результатамъ, если находили подготовленную почву въ общемъ складѣ земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній.

Мы возвращаемся, такимъ образомъ, къ вопросу о практическихъ послѣдствіяхъ правительственнаго воздѣйствія на формы крестьянскаго землепользованія. И я позволю себѣ спросить, прежде всего: *могло ли* это воздѣйствіе привести къ дѣйствительной ломкѣ? Былъ ли, другими словами, правительственный аппаратъ XVIII вѣка достаточно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и, какъ думаютъ, чуждыя ей формы, притомъ въ такихъ существенныхъ основахъ этой жизни, какъ распредѣленіе земли? Вѣдь даже и въ настоящее время, несмотря на всю сложность и сравнительное совершенство современнаго административнаго аппарата, правительственное воздѣйствіе нерѣдко оказывается безсильнымъ бороться съ вытекающими изъ хозяйственной необходимости явленіями народной жизни. Напомню читателю хотя бы о многолѣтней борьбѣ съ переселеніями, которая не смогла предотвратить значительнаго роста числа переселяющихся, тогда какъ благосклонная къ переселенію политика конца 90-хъ годовъ не мѣшала сокращенію его размѣровъ; объ общепризнанномъ фіаско законодательной попытки ограничить семейные раздѣлы,—попытки, которая нисколько не сократила этого явленія, несомнѣнно, во многихъ отношеніяхъ нежелатель-

наго, но вызывавшагося всею совокупностью новыхъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условій, а только поставила раздѣлы въ сугубо неблагопріятныя условія и вызвала разнообразные обходы ограничительнаго закона; о постоянныхъ нарушеніяхъ изданнаго въ 1893 году, тоже ограничительнаго, закона о передѣлахъ; наконецъ, о крайне слабомъ вліяніи административнаго воздѣйствія на платежно-земельные порядки въ Сибири. Тѣмъ менѣе было мыслимо серьезное воздѣйствіе, якобы вносящее въ крестьянскую жизнь какія-то новыя, измышленныя администраціею начала, въ XVIII в., съ его слабою по составу продажною, невѣжественною администраціею, которой высшіе представители должны были сознаваться въ своемъ совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми сторонами крестьянской жизни, которыя будто бы складывались и перерабатывались благодаря ихъ, именно, воздѣйствію [1]), и которой низшіе органы, за „золотую молитву", съ одинаковымъ рвеніемъ поддерживали и сторонниковъ, и противниковъ передѣла. И это — въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ, разбросаннымъ среди дремучихъ лѣсовъ, самая изолированность котораго отнимала у разнаго рода „воздѣйствій" почти всякое практическое значеніе. И дѣйствительно—въ работѣ, напримѣръ, г. В. В. [2]) приводятся многочисленные случаи, когда крестьяне, несмотря на всѣ предписанія и настоянія, оставались при старыхъ захватныхъ формахъ, не производили предписывавшагося имъ поравненія, и когда, въ концѣ-концовъ, администрація отмѣняла свои распоряженія, пріостанавливала насильственно навязанный передѣлъ и санкціонировала сохраненіе старыхъ, захватныхъ формъ пользованія землею. Чтобы не удлинять изложенія, я не буду цитировать здѣсь этого рода фактовъ. Приведу только одинъ любопытный случай изъ исторіи четвертныхъ крестьянъ, сообщаемый г. Благовѣщенскимъ на основаніи, впрочемъ, не документальныхъ разысканій, а данныхъ мѣстнаго изслѣдованія,—именно случай, когда административное воздѣйствіе въ пользу передѣла не только не имѣло положительныхъ послѣдствій, но, напротивъ, привело къ діаметрально-противоположному результату. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ четвертныхъ селеній Фатежскаго уѣзда (въ которомъ, вообще, несмотря на всѣ воздѣйствія, ни одна четвертная община не перешла къ душевому поравненію), гдѣ сѣнокосы раньше состояли въ душевомъ пользованіи, послѣ же посѣщенія чиновника, посланнаго пропагандировать душевой раздѣлъ, крестьяне „убоялись и стали косить по дворамъ" [3]). И это—въ то время, какъ въ Суджанскомъ уѣздѣ несочувствовавшій душевому пользованію „окружной" оказался „почти безсильнымъ пресѣчь дѣйствіе циркуляра", разъяснявшаго

---

[1]) *В. В.*, назв. соч., стр. 76, 81, 83; *Семевскій*, стр. 55, 58, 635.
[2]) Стр. 5, 10, 29, 31—32, 36, 45, 50, 57, 68, 119, 125, 133—135.
[3]) Назв. соч., стр. 235.

право четвертниковъ переходить къ душевому пользованію: „все, что онъ могъ дѣлать въ данномъ случаѣ, исчерпывалось совѣтами и кое-какими препятствіями и проволочками“ [1]).

Почему же, спрашивается, правительственное воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ, дѣйствительно, приводило къ осуществленію передѣловъ, въ другихъ разбивалось объ упорное сопротивленіе крестьянъ? Отвѣтъ ясенъ: оно осуществлялось тамъ, гдѣ среди общины, или, точнѣе, среди достаточно многочисленной и вліятельной группы общественниковъ, „выработалось міровоззрѣніе, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить ее, какъ ему угодно“; гдѣ поэтому „достаточно было незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней формы землевладѣнія рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ“; гдѣ та или другая „бумага“ должна была сыграть только роль „искры, упавшей на порохъ“ [2]); гдѣ на осуществленіи передѣла настаивали малоземельные крестьяне, обращавшіеся съ жалобами по начальству [3]). И всякія приказанія или циркуляры оставались мертвою буквою— я говорю, конечно, о правилѣ, а не о случайныхъ исключеніяхъ,— когда „община не доразвилась до извѣстной ступени, такъ сказать, предусмотрѣнной законами эволюціи“ [4]); когда „идея уравнительнаго раздѣла земель еще недостаточно назрѣла“; когда „не находилось такихъ малоземельныхъ селеній (въ данной цитатѣ рѣчь идетъ о междуселенномъ или волостномъ передѣлѣ. А. К.), которыя требовали бы уравненія съ селеніями многоземельными, и потому естественное желаніе послѣднихъ сохранить за собою старыя владѣнія легко могло получить удовлетвореніе“ [5]); когда, наконецъ, сторонники передѣла „подчинялись общему рѣшенію (противниковъ)“, объясняя, что „о раздѣлѣ земли они имѣли просьбы въ теченіе 10 лѣтъ, но не видѣли между собою спокойствія, кромѣ одного на другого вчиняемыхъ исковъ“ [6]),—другими словами, когда нужда въ землѣ была еще недостаточно остра и потому сторонники передѣла готовы были ради устраненія распрей и тяжбъ пожертвовать своими земельными интересами. И уже въ знаменитыхъ статьяхъ Б. Н. Чичерина, признаннаго родоначальника „государственной“ теоріи происхожденія русской общины, мы находимъ указанія на первопричину, обусловливавшую въ однихъ случаяхъ одно, въ другихъ — другое отношеніе общинъ къ вопросу о передѣлѣ. „Передѣлъ земли, — говоритъ Чичеринъ [7]), — можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать

---

[1]) Стр. 138.
[2]) *Благовѣщенскій*, стр. 137—8.
[3]) *В. В.*, стр. 58.
[4]) *Благовѣщенскій*, стр. 130.
[5]) *В. В.*, стр. 125.
[6]) Тоже, стр. 32.
[7]) „Опыты“, стр. 99.

новыхъ поселеній. Въ то время — рѣчь идетъ о XVI вѣкѣ — земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, — какъ же тутъ образоваться передѣлу?" Но „съ умноженіемъ населенія въ общинѣ,—говоритъ Б. Н. Чичеринъ въ другомъ мѣстѣ [1]), — при невозможности (а также—добавляю отъ себя—при затруднительности или невыгодности. А. К.) перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство; слѣдовательно, для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія необходимъ былъ передѣлъ земель; это сдѣлать было легко, ибо земля принадлежала казнѣ или частному лицу, а крестьяне были только временные владѣльцы, укрѣпленные на ней для государственной пользы". Такимъ образомъ, передѣлъ, который,. по очевидно справедливому мнѣнію Чичерина, былъ совершенно несовмѣстимъ съ условіями населенности и землевладѣнія въ XVI вѣкѣ, представляется этому ученому совершенно естественнымъ и даже необходимымъ при умноженіи населенія [2]). Сгущеніе населенія и сокращеніе земельнаго простора подготовляетъ ту почву, на которой назрѣваетъ передѣлъ; оно увеличиваетъ число недовольныхъ, настаивающихъ на передѣлѣ, и отнимаетъ сильнѣйшую опору отъ притязаній широкодачниковъ [3]).

Вопросъ, такимъ образомъ, только въ томъ, существовала ли на сѣверѣ Европейской Россіи, въ эпоху межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними правительственныхъ распоряженій, направленныхъ къ водворенію общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія, готовая почва для развитія и упроченія этихъ формъ? Въ частности, можно ли предполагать, что русскій сѣверъ въ то время достигъ той степени населенности и земельнаго утѣсненія, на которой возникшее земельное неравенство можетъ быть устранено лишь посредствомъ передѣла? И здѣсь я позволю себѣ рѣшительно разойтись съ мнѣніемъ г. В. В. По мнѣнію этого автора [4]), въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и въ частности — въ удѣльныхъ владѣніяхъ, „благодаря размноженію населенія уже ясно почувствовалось утѣсненіе въ землѣ, и настало время регулированія, въ интересахъ всѣхъ, пользованія ею". Мнѣ кажется, напротивъ, что совокупность приводимыхъ уважаемымъ авторомъ данныхъ способна привести скорѣе къ противоположному заключенію. Какъ констатируетъ г. В. В. на той же страницѣ, сѣверная община „оказалась не въ силахъ сама справиться со всѣми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли". Потребовалось, чтобы устра-

[1]) Тоже, стр. 44.
[2]) Сходныя указанія находимъ, напримѣръ, у г. *Семевскаго*, стр. 648 и у г. *В. В.*, стр. 4, 63, 72, 143.
[3]) См. выше, гл. III.
[4]) Назв. соч., стр. 7.

нить эти препятствія, вмѣшательство правительственной власти. И это вмѣшательство не было, для данной мѣстности и въ данную эпоху, незначительнымъ толчкомъ, заставляющимъ рушиться уже шатающееся зданіе, не было маленькою искрою, производящею взрывъ накопившагося горючаго вещества. Чтобъ добиться осуществленія передѣловъ, правительству пришлось прибѣгнуть къ усиленнымъ давленіямъ и настояніямъ,—но даже и эти настоянія во многихъ случаяхъ, вѣроятно въ большинствѣ, остались болѣе или менѣе безрезультатными; остались безрезультатными именно потому, что въ средѣ самихъ общинъ, какъ видно и изъ данныхъ г. В. В., еще недостаточно созрѣло убѣжденіе въ необходимости передѣла; что внутри ихъ не было налицо тѣхъ многочисленныхъ и вліятельныхъ элементовъ, которые были бы достаточно заинтересованы во введеніи передѣловъ и достаточно сильны, чтобы добиться ихъ осуществленія. Воздѣйствіе правительственной власти въ пользу передѣловъ, въ данномъ районѣ и въ данную эпоху, было *преждевременнымъ*, такъ какъ земельный просторъ былъ здѣсь еще достаточно великъ, и потому захватныя формы землепользованія еще не утратили своего законнаго права на существованіе. Исторія землевладѣнія на нашемъ сѣверѣ является, поэтому, не доказательствомъ творческой роли административнаго воздѣйствія, а скорѣе доказательствомъ его безсилія, гдѣ оно не находило подготовленной почвы во внутренней эволюціи формъ пользованія землею. Вѣдь даже и по настоящее время захватныя формы, несмотря на межевыя инструкціи и на всѣ послѣдующія правительственныя воздѣйствія, весьма распространены, если не господствуютъ на сѣверѣ Россіи; еще въ 70-хъ годахъ настоящаго столѣтія сѣнокосныя расчистки въ среднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, какъ знаютъ читатели изъ работъ Соколовскаго, Щепотьева, Лалоша, вводились въ крестьянскіе надѣлы въ качествѣ участковъ подворнаго владѣнія, а на сѣверо-востокѣ этой губерніи захватъ сохранился въ совершенно чистомъ видѣ и до нашихъ дней [1]).

Я лично, поэтому, склоненъ думать, что на сѣверѣ Европейской Россіи межевыя инструкціи и другія проявленія правительственнаго воздѣйствія въ пользу передѣловъ были дѣйствительно, какъ выражается А. Я. Ефименко, „декретами конвента“; что это воздѣйствіе *здѣсь* было, въ видѣ общаго правила, не менѣе преждевременно, нежели циркуляры 80-хъ годовъ XIX столѣтія гдѣ-нибудь въ Иркутской или Енисейской губерніяхъ. Но изъ этого, мнѣ кажется, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы *русская община вообще* была продуктомъ государ-

[1]) Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, г. Рума, еще въ 1902 году описываетъ „подворное землепользованіе“ (вѣрнѣе — захватное!), какъ преобладающую форму для Усть-Сысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи (*Рума*, „Къ вопросу о колониз. пригодности Лѣтск. и Ношульск. лѣсничествъ, Усть-Сысольскаго уѣзда“. Пермь, 1902, стр. 92—94).

ственнаго воздѣйствія на народную жизнь. Такой, по моему убѣжденію, ошибочный выводъ, какъ и вообще „существующія въ нашей литературѣ разногласія по вопросу о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, обусловливается, по справедливому мнѣнію г. В. В. [1]), главнымъ образомъ, крайнимъ недостаткомъ относящагося сюда фактическаго матеріала". И притомъ матеріалъ этотъ, по самому существу дѣла, какъ тщательно ни изучаются и ни будутъ изучаться разные архивы, *неизбѣжно* будетъ чрезвычайно одностороннимъ и *необходимо* будетъ, поэтому, давать не только *неполное,* но и *неправильное*, однобокое представленіе о дѣйствительномъ ходѣ эволюціи формъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія.

Нѣкоторые намеки въ этомъ смыслѣ мы можемъ найти, между прочимъ, въ такъ много использованной мною работѣ г-на В. В. объ удѣльныхъ крестьянахъ [2]). „Наши свѣдѣнія,—говоритъ г. В. В.,—о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются, приблизительно, срединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что *возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстѣ и не восходили на разсмотрѣніе* [3]) департамента удѣловъ". Г-нъ В. В. указываетъ затѣмъ на то, что его матеріалы, изобилуя данными о междуселенныхъ уравненіяхъ, „весьма бѣдны свѣдѣніями относительно разверстки земли между хозяевами одного селенія; причину сказаннаго,—говоритъ онъ,—надлежитъ видѣть *въ мирномъ характерѣ этого акта, въ отсутствіи такихъ споровъ и недоразумѣній, которыя требовали бы вмѣшательства администраціи*". Обобщая сказанное: *при мирномъ, спокойномъ теченіи эволюціи формъ крестьянскаго землепользованія, отдѣльные моменты этой эволюціи не оставляютъ документальныхъ слѣдовъ,—и эти послѣдніе возникаютъ лишь тогда, когда явились затрудненія или недоразумѣнія, требующія вмѣшательства правительственной власти.*

Въ самомъ дѣлѣ: въ настоящее время, какъ извѣстно, земельно-податные порядки внутри общинъ поставлены подъ извѣстный контроль правительства. Приговоры о раскладкахъ и передѣлахъ должны записываться въ особыя книги, имѣющіяся въ волостныхъ правленіяхъ, и требуютъ утвержденія земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ или равнозначащихъ имъ учрежденій; правительственный надзоръ стоитъ гораздо ближе къ крестьянской жизни, гораздо чаще, такъ или иначе, въ нее вмѣшивается, вмѣшательство это гораздо чаще оставляетъ какіе-либо бумажные слѣды, нежели это могло быть сто или полтораста лѣтъ тому назадъ. И, тѣмъ не менѣе, „живая исторія общины", если бы она

[1]) Назв. соч., стр. 7.
[2]) Стр. 43, 75, 104, 106, 160.
[3]) Курсивы мои. А. К.

писалась на основаніи одного только документальнаго матеріала, дала бы совершенно превратное представленіе о ходѣ эволюціи формъ землепользованія на нашихъ окраинахъ: историкъ, оперирующій надъ одними только документами, едва ли могъ бы избѣжать серьезныхъ ошибокъ въ пониманіи смысла самихъ документовъ (примѣръ—переуступочные акты!) и принималъ бы за дѣйствительность все то, что было только фикціей; онъ ничего не зналъ бы о тѣхъ случаяхъ, когда писавшіеся приговоры оставались безъ исполненія или исполнялись не такъ, какъ они были написаны; ничего не зналъ бы о тѣхъ процессахъ постепенной эволюціи формъ пользованія угодьями, которые являются нормальнымъ типомъ перехода отъ захватныхъ формъ къ уравнительно-душевому владѣнію, и вообще о всѣхъ тѣхъ проявленіяхъ общиннаго начала, которыя совершаются безъ всякаго письменнаго постановленія, вообще не оставляютъ послѣ себя никакого документальнаго слѣда. И если бы ему случайно удалось найти въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ или въ дѣлопроизводствѣ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій указанія на тяжбы и недоразумѣнія, проистекшія изъ столкновенія вымирающаго захватнаго начала съ наростающимъ общинно-уравнительнымъ, то ему пришлось бы либо оставаться въ совершенномъ недоумѣніи относительно дѣйствительнаго смысла этихъ документальныхъ указаній, либо, можетъ-быть, понять ихъ совершенно не соотвѣтственно ихъ настоящему значенію. *Лишь интерполируя сравнительно бѣдныя и не всегда ясныя указанія документовъ въ тѣ богатые ряды фактовъ, которые добыты путемъ мѣстнаго изслѣдованія,* — другими словами, интерпретируя показанія документовъ свидѣтельствами источниковъ повѣствовательнаго характера, *изслѣдователь „живой исторіи общины“ получаетъ возможность построить болѣе или менѣе полную картину эволюціи формъ землепользованія,*—картину, совершенно не похожую на тѣ контуры, которые было бы возможно набросать на основаніи одного лишь документальнаго матеріала.

Все сказанное, кажется мнѣ, примѣнимо къ исторіи общины въ Европейской Россіи. Я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ, *были ли*, или нѣтъ, въ XVI или XVII столѣтіи передѣлы пахотныхъ земель; существовали ли въ то время, или нѣтъ, ежегодные передѣлы сѣнокосныхъ угодій; какъ происходилъ—если происходилъ—независимый отъ административнаго воздѣйствія переходъ отъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительнымъ, и какое мѣсто въ естественномъ процессѣ развитія формъ землепользованія должно быть отведено долевой или складнической формѣ владѣнія, такъ хорошо изученной, по документамъ, у крестьянъ архангельскаго и вологодскаго полѣсья [1]). Меня зани-

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что долевое владѣніе, какъ его изображаетъ г-жа Ефименко, вполнѣ свободно умѣщается въ схемѣ естественнаго, не предполагающаго давленія со стороны, развитія формъ землепользованія. Въ извѣст-

маетъ въ данную минуту только вопросъ: *можетъ ли знать о такихъ фактахъ*, если они были, *оперирующій съ одними документами историкъ?* Можно ли надѣяться возстановить, по документамъ, *дѣйствительный* видъ и *дѣйствительную* эволюцію формъ землепользованія въ XVI, XVII или XVIII вѣкѣ? И отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть, по моему крайнему разумѣнію, отрицательный. Документъ, при отсутствіи на этотъ счетъ, въ тѣ отдаленныя времена, какихъ-либо опредѣленныхъ требованій закона, при болѣе или менѣе поголовной безграмотности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться непремѣннымъ спутникомъ даже коренного передѣла пахотныхъ земель, который чаще всего происходилъ, вѣроятно, какъ происходитъ иногда и посейчасъ, по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію общественниковъ. Лишь въ видѣ исключенія—разъ только передѣлъ обошелся безъ вмѣшательства правительственной власти—отъ него могъ остаться какой-либо документальный слѣдъ, и потому отсутствіе такого слѣда ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсматриваться какъ доказательство отсутствія факта передѣла. Если даже слѣдъ остался и сохранился до нашего времени, то документъ, говоря словами Бернгейма, и не преслѣдовалъ вѣдь цѣли быть понятнымъ во всѣ будущія времена, и потому свидѣтельства документовъ—какъ мы это видимъ на примѣрѣ актовъ, используемыхъ П. А. Соколовскимъ и другими авторами—допускаютъ самое разнообразное пониманіе и истолкованіе. И уже окончательно не могли оставить документальнаго слѣда такіе факты внутриобщинной жизни, какъ ежегодный передѣлъ покосовъ, какъ въ особенности тѣ отводы, отрѣзки и прирѣзки, при помощи которыхъ скорѣе всего могъ совершаться—если, повторяю, совершался—естественный переходъ отъ чистаго захвата къ душевому пользованію, или какъ еще труднѣе уловимыя переходныя формы отъ вольнаго пользованія къ ежегодному передѣлу,—явленія, которыя и въ настоящее время протекаютъ, не оставляя послѣ себя никакого документальнаго слѣда.

„Старинные кодексы,—говоритъ М. М. Ковалевскій [1]), разбирая вопросъ о значеніи источниковъ исторіи индійской общины,—

ной работѣ М. М. Ковалевскаго, посвященной, главнымъ образомъ, общинному землевладѣнію въ Индіи, показывается, какъ „индивидуальные надѣлы перестаютъ зависѣть въ своемъ протяженіи отъ близости ихъ владѣльцевъ къ общему родоначальнику; большій или меньшій размѣръ ихъ опредѣляется теперь тѣмъ, какъ велико пространство земли, подвергаемое фактической обработкѣ тѣмъ или другимъ семействомъ [трудовой захватъ! А. К.]“; какъ затѣмъ „неравномѣрность надѣловъ подаетъ поводъ къ спорамъ между членами общинъ,—спорамъ, въ которыхъ одни стоятъ за существующую нарѣзку, другіе требуютъ передѣла“, при чемъ „люди, требующіе передѣла, стоятъ за равномѣрность участковъ и одинаково враждебны какъ системѣ опредѣляемыхъ наслѣдственнымъ правомъ надѣловъ, такъ и системѣ санкціонированнаго фактическаго владѣнія“ *(М. М. Ковалевскій.* Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Часть первая, М. 1879, стр. 80—81).

[1]) Назв. соч., стр. 72.

являются скорѣе сборниками религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, нежели сводомъ всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ и формъ. *Ихъ цѣль—не столько кодифицировать обычное право, сколько свести воедино массу измѣненій, внесенныхъ въ него верховною властью подъ вліяніемъ требованій, предъявляемыхъ ей привилегированными сословіями, и въ числѣ ихъ прежде всего духовенствомъ* [1]). При такихъ условіяхъ,—заключаетъ проф. Ковалевскій,—неудивительно, если *повседневныя явленія общественной жизни менѣе всего останавливаютъ на себѣ вниманіе законодателей, и регулирующіе ихъ обычаи не входятъ вовсе въ составляемые ими своды, продолжая жить попрежнему въ внутреннихъ распорядкахъ отдѣльныхъ общинъ, родовъ и семей*". Mutatis mutandis, сказанное примѣнимо и къ документальнымъ источникамъ изученія исторіи русской общины. Нормальная жизнь шла, опредѣляясь обычаемъ и не оставляя послѣ себя, въ видѣ правила, никакого документальнаго слѣда; лишь случайно, при такомъ ходѣ вещей, появлялся письменный слѣдъ, въ видѣ записи писца или иного оффиціальнаго акта, да и то „не предназначеннаго для пониманія во всѣ будущія времена". Документъ возникалъ именно тогда, когда нормальное развитіе „внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ общинъ, родовъ и семей" осложнялось какимъ-либо вмѣшательствомъ правительственной власти: когда эта власть, по собственной иниціативѣ (напримѣръ, въ податныхъ цѣляхъ), находила необходимымъ повліять на внутриобщинныя отношенія, или когда къ ея помощи обращались, изъ среды общины, отдѣльныя лица или группы лицъ, недовольныя распоряженіями общины, либо, наоборотъ, не имѣвшія способа добиться отъ нея удовлетворенія своихъ притязаній. И если не всегда, то весьма часто, вмѣшательство правительственной власти въ дѣла русской земельной общины вызывалось, какъ и появленіе тѣхъ или иныхъ статей въ индійскихъ кодексахъ, требованіями юридически-привилегированныхъ сословій или фактически-привилегированнаго, въ силу своей зажиточности, меньшинства деревенскаго населенія: правительственная власть вмѣшивалась либо чтобы оградить обширные захваты зажиточныхъ противниковъ передѣла, либо чтобы отстоять интересы представителей духовнаго или городского класса, церквей и монастырей, пріобрѣвшихъ путемъ покупки, завѣщанія или даренія освоенную отдѣльными общественниками землю. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ, письменный документъ только потому и появится, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто либо обращеніе къ правительственной власти, либо непосредственное ея вмѣшательство въ общинные распорядки; происходили ли въ общинѣ, или нѣтъ, какія-либо событія, *не* вызванныя вмѣшательствомъ администраціи или суда и, въ свою очередь, его не вызывавшія,—во всякомъ случаѣ такія событія, въ

[1]) Курсивы мои. А. К.

видѣ правила, *не могли* оставить документальныхъ слѣдовъ, и потому отсутствіе такихъ слѣдовъ не можетъ служить доказательствомъ ни существованія ни несуществованія соотвѣтствующихъ событій; эти послѣднія остаются *недоказанными*, но они и *не опровергаются* отсутствіемъ документовъ. События, происходившія внутри общины, помимо правительственнаго вмѣшательства, могли бы быть изучаемы лишь на основаніи данныхъ исторической традиціи, и только данныя, полученныя изъ источниковъ этой категоріи, могли бы выяснить истинный характеръ тѣхъ явленій, къ которымъ относится документальный матеріалъ, уяснить ихъ жизненную, бытовую обстановку, помочь историку пополнить пробѣлы документальнаго матеріала и отдѣлить дѣйствительные факты отъ документальныхъ фикцій. Но если не считать немногихъ, отрывочныхъ и не всегда ясныхъ показаній, исторія формъ крестьянскаго землевладѣнія пока не располагаетъ такого рода матеріаломъ. И пока она имъ не располагаетъ, всякія дальнѣйшія изслѣдованія, какъ бы ни были велики запасы могущихъ еще быть найденными документовъ, неизбѣжно будутъ давать неполные, а главное—односторонніе результаты.

На этомъ заканчиваются тѣ историко-методологическія соображенія, которыми мнѣ хотѣлось заключить эту книгу. Цѣль ихъ была—ближе выяснить значеніе той „живой исторіи“ общины, которую рисуютъ намъ современныя мѣстныя изслѣдованія, для освѣщенія явленій давняго прошлаго; показать, что, изучая „живую исторію“, мы пріобрѣтаемъ ключъ къ уясненію гораздо болѣе широко поставленныхъ общихъ вопросовъ, мы открываемъ себѣ путь къ гораздо болѣе широкимъ обобщеніямъ. Изучая „живую исторію“, мы примѣняемъ къ изученію исторіи давняго прошлаго тотъ самый „методъ переживаній“, который рекомендуется М. М. Ковалевскимъ: чтобы пополнить пробѣлы, оставляемые документальными источниками, „мы обращаемся къ изученію дѣйствующихъ въ наше время обычаевъ и обрядовъ, съ цѣлью найти въ нихъ какіе-нибудь слѣды исторической старины“. Но *предѣлы убѣдительности* тѣхъ заключеній, къ которымъ приводитъ пользованіе этимъ методомъ, приходится признать довольно ограниченными. Изучая живую исторію, примѣняя методъ переживаній, мы можемъ съ достаточною, мнѣ кажется, научною объективностью прійти къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ *не могла быть* продуктомъ административнаго воздѣйствія; что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль; что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только *ускорять* естественную эволюцію, но не въ состояніи было *навязать* крестьянской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы. Но наше положеніе станетъ гораздо болѣе рискованнымъ, если мы пойдемъ дальше этого, чисто-отрицательнаго, заключенія; если мы захотимъ путемъ приложенія метода

переживанія достигнуть и положительныхъ заключеній,—если, въ частности, мы будемъ пытаться этимъ способомъ реконструировать картину дѣйствительной эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ нашемъ отдаленномъ прошломъ, а тѣмъ болѣе, если мы этимъ методомъ захотимъ выяснять причины интересующей насъ эволюціи. Я лично думаю, что, при полномъ тождествѣ условій, эволюція крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи должна была итти, въ общихъ чертахъ, тѣмъ же путемъ, какимъ она еще и въ настоящее время идетъ на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогіи заключеніе будетъ убѣдительно только для того, кто такъ или иначе предрасположенъ къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія и развитія формъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія...

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ III главѣ 2-ой части.

Цифровыя данныя о формахъ землепользованія въ переселенческихъ поселкахъ.

Въ концѣ II, а также въ III главѣ 2-ой части этой книги [1]), разсматривая отдѣльные факторы, въ той или иной мѣрѣ вліявшіе на процессъ сложенія общины, я упоминалъ, между прочимъ, о значеніи „тѣхъ привычекъ и воззрѣній, которыя приносятъ съ собой съ родины приходящіе изъ мѣстностей съ душевымъ пользованіемъ переселенцы", при чемъ высказывалъ убѣжденіе, что этотъ факторъ не могъ играть, въ данномъ случаѣ, сколько-нибудь существенной роли. Положеніе это осталось, въ своемъ мѣстѣ, почти совершенно не мотивированнымъ — по недосмотру я не сдѣлалъ ссылки даже на „приложеніе" къ моей „Крестьянской общинѣ въ Сибири", озаглавленное: „Матеріалы по вопросу о вліяніи переселенческаго элемента на развитіе общинныхъ формъ въ Сибири" (стр. 265—277) и содержащее полную сводку тѣхъ указаній, какія можно было извлечь изъ результатовъ основного изслѣдованія крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ. Въ настоящемъ приложеніи я имѣю въ виду, въ предѣлахъ возможности, пополнить этотъ пробѣлъ и привести, въ цифровой обработкѣ, тѣ фактическія данныя по вопросу о формахъ землепользованія у переселенцевъ, какія можно извлечь изъ статистическихъ описаній переселенческихъ поселковъ, выполненныхъ, въ разное время и разными лицами или организаціями, въ Западной Сибири, Степномъ краѣ и Алтайскомъ округѣ. И безъ того не въ мѣру разросшійся объемъ этой книги заставляетъ меня ограничиться именно только цифровою обработкой этихъ данныхъ и нѣкоторыми выводами изъ цифръ, оставляя почти совершенно въ сторонѣ содержащіяся въ нашихъ источникахъ, иногда очень интересныя, описательныя данныя.

---

[1]) Стр. 165, 181.

Источниками этими послужили: 1) для Тобольской губерніи—результаты статистическихъ изслѣдованій переселенцевъ, произведенныхъ въ 1893 году А. А. Станкевичемъ и въ 1896 году Н. Я Новомбергскимъ; такъ какъ послѣднимъ описывались поселки, возникшіе *послѣ* обслѣдованія А. А. Станкевича, то данныя обоихъ изслѣдователей приводятся параллельно и въ итоговыхъ таблицахъ суммируются; 2) для района казенныхъ земель Томской губерніи—результаты сплошного статистическаго изслѣдованія поселковъ, произведеннаго мною лично въ 1894 году; 3) для Алтайскаго округа—работа С. П. Швецова, выполненная также въ 1894 году и изданная обществомъ любителей изслѣдованія Алтая и 4) для Степного края—результаты статистическаго описанія поселковъ, выполненнаго экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей за время съ 1896 по 1902 гг. При этомъ, съ одной стороны, изъ подсчета исключены тѣ уѣзды, гдѣ оказалось слишкомъ небольшое число переселенческихъ поселковъ (Тобольскій, Ялуторовскій), равно какъ и тѣ, гдѣ ненормальныя условія землевладѣнія переселенцевъ ставили въ исключительныя условія и развитіе формъ ихъ землепользованія (уѣзды Семипалатинской и Тургайской областей); съ другой—имѣющіяся по нѣкоторымъ поселкамъ указанія, по своей неясности исключавшія возможность отнесенія ихъ къ той или иной опредѣленной рубрикѣ,—по нѣкоторымъ же поселкамъ и вовсе не оказалось указаній о формахъ землепользованія.

Въ нижеслѣдующей, основной таблицѣ переселенческіе поселки распредѣлены, по составу населенія, на слѣдующія пять группъ: 1) великороссы; 2) малороссы; 3) поселки со смѣшаннымъ или невыясненнымъ составомъ населенія; 4) латыши, литовцы, нѣмцы и т. п. и 5) чуваши, мордва, татары и т. д. Для большинства переселенческихъ районовъ это распредѣленіе сдѣлано на основаніи содержащихся въ текстовыхъ характеристикахъ поселковъ описательныхъ данныхъ, при чемъ опредѣлять *національность* нерѣдко приходилось предположительно, на основаніи указаній о *мѣстахъ выхода* переселенцевъ; по Акмолинской области группировка сдѣлана на основаніи помѣщенныхъ въ таблицахъ цифровыхъ данныхъ о племенномъ составѣ поселковъ. При этомъ къ группамъ 1, 2, 4 и 5 мною относились поселки какъ съ совершенно однороднымъ составомъ, такъ и съ безусловнымъ преобладаніемъ какой-либо одной этнографической группы; по Акмолинской области къ этимъ четыремъ группамъ относились тѣ поселки, гдѣ инородныя подмѣси составляютъ не болѣе четверти всего населенія поселка. Остальные поселки относились къ группѣ 3—поселковъ со смѣшаннымъ составомъ, куда я отнесъ и тѣ сравнительно немногіе поселки, этнографическій составъ которыхъ не могъ быть выясненъ, хотя бы съ приблизительною достовѣрностью. Подавляющее большинство поселковъ этой группы составляютъ, надо замѣтить, такіе, гдѣ въ той или другой

пропорціи смѣшаны великороссы съ малороссами; въ частности—среди поселковъ съ неяснымъ составомъ преобладаютъ такіе, населеніе которыхъ нельзя было съ увѣренностью отнести къ той или другой изъ тѣхъ же, только что названныхъ, этнографическихъ группъ.

По пяти же рубрикамъ разнесены и указанія нашихъ источниковъ относительно формъ землепользованія у переселенцевъ. Группы эти слѣдующія: 1) передѣлъ; 2) захватное или вольное пользованіе; 3) смѣшанныя формы; 4) неопредѣленныя и несложившіяся формы и 5) подворное владѣніе. Первыя двѣ категоріи не требуютъ особыхъ разъясненій. Къ группѣ смѣшанныхъ формъ отнесены поселки, гдѣ часть (обыкновенно лучшая или наиболѣе цѣнная) даннаго угодья передѣляется, а остальное состоитъ въ вольномъ или захватномъ пользованіи. Въ четвертую категорію вошли какъ такіе поселки, гдѣ наши источники прямо указываютъ на еще несложившійся характеръ землепользованія, такъ и такіе, напримѣръ, гдѣ переселенцы сначала раздѣлили-было по душамъ „мягкія" земли, но затѣмъ перешли къ вольному пользованію, или гдѣ они „собираются" передѣлить, но еще не передѣлили землю. Что̀ касается подворнаго владѣнія, то совершенно особое мѣсто занимаютъ, въ данномъ отношеніи, Петропавловскій и Омскій уѣзды, Акмолинской области: уѣзды эти были изслѣдованы въ 1901 и 1902 гг.,—между тѣмъ какъ разъ передъ этимъ въ Акмолинской области былъ сдѣланъ опытъ „насажденія" подворно-хуторского владѣнія: по поселкамъ прочитывался и разъяснялся соотвѣтственный циркуляръ и для осуществленія его на мѣста выѣзжали крестьянскіе начальники и землемѣры, въ результатѣ чего въ значительномъ числѣ поселковъ и послѣдовали приговоры о передѣлѣ. Какъ видно и изъ указаній нашего источника, и изъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, приговоры эти, во многихъ случаяхъ, составлялись безъ достаточнаго пониманія сущности дѣла и въ большинствѣ случаевъ остались безъ практическихъ послѣдствій. Поэтому, использовавъ соотвѣтственныя указанія при составленіи какъ нижеслѣдующей основной, такъ и обѣихъ сводныхъ таблицъ, я, однако, исключилъ, по обоимъ названнымъ уѣздамъ, поселки съ подворнымъ владѣніемъ изъ вычисленія относительныхъ чиселъ; здѣсь же я считаю необходимымъ особо подчеркнуть, что подворное владѣніе въ поселкахъ Акмолинской области представляетъ собой явленіе совершенно *искусственнаго* происхожденія и потому вовсе не можетъ итти въ счетъ при изученіи *естественной* эволюціи землепользованія.

Въ нижеслѣдующей основной таблицѣ сгруппированныя на изложенныхъ основаніяхъ данныя подсчитаны по уѣздамъ, для Алтайскаго округа — по естественно-историческимъ районамъ, а въ каждомъ уѣздѣ или районѣ — по этнографическимъ группамъ:

Губерніи, уѣзды и группы переселенцевъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.
	Число поселковъ.									
Тобольская, Тарскій у. (Станк.)										
Великороссы . . .	5	7	—	1	(1)	3	9	—	1	—
Малороссы	1	3	—	—	—	1	3	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	—	4	4	—	—	1	5	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—
Чуваши, мордва, татары и пр. . . .	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—
Итого по уѣзду . .	6	16	5	1	1	5	19	—	1	—
Курганскій у. (Станк.).										
Великороссы . . .	9	—	—	—	—	8	—	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	11	—	—	—	—	10	—	—	—	—
Ишимск. у. (Станк.).										
Великороссы . . .	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Малороссы	1	—	1	—	—	1	1	—	—	—
Чуваши, мордва и пр.	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Тоже (Новомб.) . .										
Великороссы . . .	7	5	7	—	—	14	4	—	1	—
Малороссы	5	2	1	1	—	5	2	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	3	—	3	—	—	5	1	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	—	1	1	—	—	1	1	—	—	—
Итого по уѣзду . .	19	8	13	1	—	29	9	—	1	—

Губерніи, уѣзды и группы переселенцевъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.
	Число поселковъ.									
Тюкалинскій у. (Станк.)										
Великороссы . . .	7	4	5	6	—	15	4	—	3	—
Малоруссы	3	3	—	2	—	5	1	—	2	—
Смѣшанн. поселки.	6	3	1	3	—	10	2	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—
Тоже (Новомберг.). .										
Великороссы . . .	4	6	5	—	—	9	5	1	—	—
Малороссы	—	16	1	—	—	3	13	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	3	5	2	—	—	9	1	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	2	3	—	—	—	4	1	—	—	—
Итого по уѣзду . .	25	40	15	12	—	56	27	1	5	—
Всего по губерніи .	61	64	33	14	—	100	55	1	7	—
Томская, Маріинск. у.										
Великороссы . . .	5	18	2	1	—	7	18	1	1	—
Малороссы	—	9	—	—	—	—	8	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	1	7	4	1	—	2	6	—	1	—
Чуваши и пр. . .	—	3	—	1	—	—	3	—	1	—
Итого по уѣзду . .	6	37	6	3	—	9	35	1	3	—
Томскій у.										
Великороссы . . .	4	3	—	—	—	5	2	—	—	—

Губерніи, уѣзды и группы переселенцевъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.
	Число поселковъ.									
Томскій у.										
Малороссы	2	6	—	—	—	2	4	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	9	10	—	—	—	10	7	—	—	—
Каинскій у.										
Великороссы . . .	4	1	—	1	—	5	—	—	1	—
Малороссы	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	3	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	10	2	—	1	—	11	1	—	1	—
Всего по губерніи .	25	49	6	4	—	30	43	1	4	—
Акмолинская, Кокчетавскій у.										
Великороссы . . .	14	—	—	1	—	14	—	—	—	—
Малороссы	3	3	—	3	—	6	2	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	7	—	2	—	—	9	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	24	3	2	4	—	29	2	—	—	—
Акмолинскій у.										
Великороссы . . .	6	—	1	1	—	7	—	—	—	—
Малороссы	11	—	2	2	—	14	—	—	—	—

Губерніи, уѣзды и группы переселенцевъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и воль. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и воль. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.
	Число поселковъ.									
Акмолинскій у.										
Смѣшанн. поселки.	10	1	3	2	—	14	—	—	—	—
Латыши, нѣмцы и пр.	3	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	30	1	6	5	—	38	—	—	—	—
Атбасарскій у.										
Великороссы . . .	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Малороссы	9	—	—	1	—	9	—	—	1	—
Смѣшанн. поселки.	5	—	—	—	—	4	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	15	—	—	1	—	14	—	—	1	—
Петропавловск. у.										
Великороссы . . .	7	—	—	—	—	7	—	—	—	—
Малороссы	17	2	—	6	(11)	28	—	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	8	1	—	—	(4)	9	—	—	—	—
Чуваши, мордва и пр.	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	32	3	—	7	(15)	45	—	—	—	—
Омскій уѣздъ.										
Великороссы . . .	3	1	—	—	—	3	1	—	—	—
Малороссы	4	9	4	3	(3)	13	4	1	—	—
Смѣшанн. поселки.	1	2	—	—	—	2	1	—	—	—
Нѣмцы, латыши и пр.	6	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Итого по уѣзду . .	14	12	4	3	(3)	21	6	1	—	—
Всего по области.	115	19	12	20	18	147	8	1	1	—

Губерніи, уѣзды и группы переселенцевъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неслож. и неопред. формы.	Подворное владѣніе.
	Число поселковъ.									
Алтайскій округъ, Степн. безлѣсн. районъ.										
Великороссы . . .	—	3	—	—	—	3	—	—	—	—
Малороссы	1	13	—	—	—	11	—	3	—	—
Смѣшанн. поселки.	1	19	—	2	—	19	1	2	—	—
Итого по району .	2	35	—	2	—	33	1	5	—	—
Степной лѣсист. районъ.										
Великороссы . . .	—	4	—	1	—	2	—	3	—	—
Малороссы	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Смѣшанн. поселки.	4	3	—	1	—	6	—	1	—	—
Итого по району .	4	8	—	2	—	9	—	4	—	—
Горный лѣсной районъ.										
Великороссы . . .	9	36	—	—	—	29	5	8	2	1(?)
Смѣшанн. поселки.	—	2	—	1	—	1	—	2	—	—
Чуваши и пр. . . .	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Итого по району. .	10	38	—	1	—	31	5	10	2	1(?)
Горный безлѣсн. районъ.										
Великороссы . . .	1	8	—	—	—	5	2	—	2	—
Смѣшанн. поселки.	—	5	—	—	—	3	2	—	—	—
Итого по району .	1	13	—	—	—	8	4	—	4	—
Всего по округу .	17	94	—	5	—	81	10	19	4	1

Таблица эта, сама по себѣ, почти не даетъ матеріала для сколько-нибудь опредѣленныхъ заключеній. Единственное, что рѣзко бросается въ глаза даже при самомъ бѣгломъ просмотрѣ цифръ — это рѣзкая разница между пашнями и сѣнокосными угодьями: какъ у сибирскихъ старожиловъ, какъ у осѣдающихъ кочевниковъ, общинно-уравнительные порядки у переселенцевъ несравненно болѣе распространены по отношенію къ сѣнокосамъ, нежели по отношенію къ пахотнымъ землямъ, что и совершенно естественно, потому что и переселенцы гораздо чаще испытываютъ недостатокъ въ сѣнокосахъ и гораздо раньше начинаютъ испытывать его, чѣмъ недостатокъ въ пашняхъ и земляхъ, удобныхъ для распашки. Если затѣмъ сопоставить, внутри отдѣльныхъ уѣздовъ и районовъ, данныя о формахъ землепользованія у различныхъ этнографическихъ группъ, то наиболѣе рѣзко и неожиданно выдѣлится группа латышей, нѣмцевъ и т. п. — въ нѣмецкихъ, латышскихъ поселкахъ передѣлы распространены *болѣе*, чѣмъ въ какой бы то ни было другой этнографической группѣ. Но это заключеніе, даже съ чисто-фактической точки зрѣнія, можетъ быть принято лишь съ большими оговорками въ виду общеизвѣстныхъ, хотя, можетъ-быть, и нѣсколько позднѣйшихъ по времени фактовъ разбивки земли на подворные и даже хуторскіе участки въ рядѣ латышскихъ поселковъ Тарскаго урманнаго района; тѣмъ болѣе, конечно, было бы неумѣстно истолковывать его въ смыслѣ особой склонности къ передѣламъ нѣмцевъ или латышей. Что касается до двухъ наиболѣе многочисленныхъ этнографическихъ группъ — великороссовъ и малороссовъ, то поуѣздныя данныя не даютъ права на какое-либо единообразное заключеніе: передѣлы пахотныхъ земель въ уѣздахъ Тобольской и Томской губерній болѣе распространены среди великороссовъ, чѣмъ среди малороссовъ; въ южныхъ уѣздахъ Акмолинской области и въ соотвѣтственныхъ районахъ Алтайскаго округа, напротивъ, малорусскіе поселки передѣляютъ пашни не только не рѣже, но даже чаще, чѣмъ великорусскіе; въ отношеніи сѣнокосовъ никакой бросающейся въ глаза разницы между великорусскими и малорусскими поселками не замѣчается, — какъ не выдѣляются въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи, если разсматривать поуѣздныя данныя, и поселки смѣшаннаго состава, равно какъ и поселки чувашей, мордвы и т. п. Очень характерны данныя о подворномъ владѣніи въ Омскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ, Акмолинской области: я указывалъ выше, что подворное владѣніе здѣсь „насаждалось“ администраціей, и что результаты оказаннаго послѣднею воздѣйствія имѣли, въ значительной степени, условный характеръ; какъ видно изъ таблицы, и такого рода результаты получились только въ чисто-малорусскихъ и отчасти въ смѣшанныхъ поселкахъ, гдѣ административное воздѣйствіе, значитъ, нашло для себя болѣе или менѣе благопріятную

почву, — въ великорусскихъ же поселкахъ оно осталось совершенно безрезультатнымъ.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведенныя въ основной таблицѣ данныя сведены въ итогахъ по пяти этнографическимъ группамъ, при чемъ для каждой группы вычислено процентное отношеніе къ общему числу поселковъ, для которыхъ имѣются данныя о формахъ землепользованія:

Группы поселковъ.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.
	Верхняя цифра—число поселковъ, нижняя—% къ общему ихъ числу въ данномъ горизонт. ряду.									
Великороссы	88	96	20	12	1	139	50	13	11	1
	41	44	9	6	0	65	23	6	5	0
Малороссы	58	66	9	18	(14)	100	39	4	1	
	38	44	6	12	—	69	27	3	1	—
Смѣшанн. поселки	54	53	19	10	(4)	99	20	5	1	
	40	39	14	7	—	79	16	4	1	—
Латыши, поляки, нѣмцы	16	5	3	1		20	3			
	64	20	12	4	—	87	13	—	—	—
Чуваши, мордва, татары	2	4		2		3	4		1	
	25	50	—	25	—	37	50	—	12	—

Если остановиться, прежде всего, на пахотныхъ земляхъ и оставить въ сторонѣ латышскіе и т. п. поселки, о которыхъ уже была рѣчь выше, то передѣлы пахотныхъ земель оказываются нѣсколько болѣе распространенными въ великорусскихъ поселкахъ, чѣмъ въ малорусскихъ, поселки же смѣшаннаго состава занимаютъ середину между тѣми и другими; но разница въ процентныхъ цифрахъ (41—38—40%) такъ ничтожна, что даже и по отношенію къ пахотнымъ землямъ исключаетъ возможность говорить объ особой склонности къ передѣламъ одной или несклонности другой изъ сравниваемыхъ нами группъ. Если же обратиться къ формамъ пользованія сѣнокосами, то мы увидимъ,

что по распространенности сѣнокосныхъ передѣловъ великорусскіе поселки занимаютъ предпослѣднее мѣсто, стоя ниже и латышскихъ и т. п., и смѣшанныхъ, и чисто-малорусскихъ поселковъ, что, впрочемъ, находитъ себѣ очень естественное объясненіе въ томъ, что малороссы водворяются, по преимуществу, въ степныхъ районахъ, гдѣ особенно остро испытывается недостатокъ въ покосахъ. На послѣднемъ мѣстѣ по распространенности и пахотныхъ, и сѣнокосныхъ передѣловъ стоятъ чувашскіе и т. п. поселки, но, съ одной стороны, эта группа крайне малочисленна, а съ другой—поселки этой группы расположены по преимуществу въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, передѣлы, вообще, распространены гораздо менѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ степного и полустепного типа.

Въ нижеслѣдующей, второй сводной табличкѣ сведены и приведены въ процентныя отношенія поуѣздные и порайонные итоги, независимо отъ состава населенія поселковъ. (См. табл., стр. 452—453).

Въ отличіе отъ сравнительно ничтожныхъ — особенно, если имѣть въ виду только три наиболѣе многочисленныя этнографическія группы—колебаній процентныхъ цифръ предшествующей таблички, въ данной сводной табличкѣ, гдѣ поселки распредѣлены по чисто-территоріальному признаку, наблюдаются огромныя колебанія: процентъ передѣляющихъ поселковъ колеблется для пахотныхъ земель между 5, 7, 12% съ одной стороны, и 100%, съ другой; процентъ поселковъ, передѣляющихъ покосы, падая въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 19 и 20%, въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ и районовъ не падаетъ ниже 63% и колеблется между этою цифрою и 100%. Отсюда ясный выводъ: *если этнографическій составъ поселковъ и оказываетъ вліяніе на формы землепользованія, то вліяніе это ничтожно по сравненію съ вліяніемъ географическихъ условій, и въ конечномъ счетѣ первое изъ этихъ вліяній совершенно маскируется послѣднимъ.* Приведенная только что сводная табличка даетъ ясное представленіе и о томъ направленіи, въ которомъ дѣйствуетъ вліяніе географическаго фактора. Какъ въ Тобольской, такъ и въ Томской губерніи, по отношенію притомъ какъ къ пашнямъ, такъ и къ сѣнокосамъ, процентъ поселковъ, производящихъ передѣлы, правильно понижается въ направленіи съ запада къ востоку, и эта правильность находитъ себѣ полное объясненіе какъ въ естественныхъ условіяхъ края, такъ и въ исторіи его заселенія: на западѣ мы имѣемъ, въ видѣ правила, ранѣе возникшіе и болѣе обжившіеся поселки, нежели на востокѣ,—а въ болѣе обжившихся поселкахъ потребность въ поравненіи, естественно, сказывается острѣе, чѣмъ въ болѣе новыхъ, которые, въ видѣ правила, далеко не используютъ всей площади отведенныхъ имъ обширныхъ надѣловъ. Съ другой стороны, въ такихъ уѣздахъ, какъ Маріинскій, Томскій, Тарскій, переселенцы водворялись преимущественно на умѣренно-лѣсистыхъ участкахъ, въ остальныхъ трехъ уѣздахъ Тобольской

Уѣзды и районы.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захватн. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захватн. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.
	Верхняя цифра—число поселковъ, нижняя—% къ общему ихъ числу въ данномъ горизонт. ряду.									
Тобольск. губ., Курганск. у.	11 / 100	—	—	—	—	10 / 100	—	—	—	—
„ Ишимск. у. .	19 / 46	8 / 19	13 / 32	1 / 2	—	29 / 74	9 / 23	—	1 / 2	—
„ Тюкалинск. у.	25 / 27	40 / 44	15 / 16	12 / 13	—	56 / 63	27 / 31	1 / 1	5 / 6	—
„ Тарск. у. .	6 / 21	16 / 55	5 / 17	1 / 3	1 / 3	5 / 20	19 / 76	—	1 / 4	—
Томск. губ., Каинск. у. .	10 / 77	2 / 15	—	4 / 8	—	11 / 85	1 / 8	—	1 / 8	—
„ Томск. у. .	9 / 47	10 / 53	—	—	—	10 / 59	7 / 41	—	—	—
„ Мар. у. . .	6 / 12	37 / 72	6 / 12	3 / 6	—	9 / 19	35 / 73	1 / 2	3 / 6	—
Алтайск. окр., Степн. безлѣсн. районъ.	2 / 5	35 / 90	—	2 / 5	—	33 / 85	1 / 2	5 / 13	—	—
„ Степн. лѣс. районъ. .	4 / 29	8 / 57	—	2 / 14	—	9 / 69	—	4 / 31	—	—
„ Горн. безлѣсн. районъ.	1 / 7	13 / 93	—	—	—	8 / 57	4 / 29	—	2 / 14	1 / 2
„ Горн. лѣс. районъ. .	10 / 20	38 / 77	—	1 / 2	—	31 / 63	5 / 10	10 / 21	2 / 4	1 / 2
Акмолинск. обл., Омск. у.	14 / 42	12 / 36	4 / 12	3 / 9	(3)	21 / 75	6 / 21	1 / 4	—	—
„ Петропавл. у.	32 / 76	3 / 7	—	7 / 17	(15)	45 / 100	—	—	—	—

Уѣзды и районы.	ПАШНИ.					ПОКОСЫ.				
	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.	Передѣлы.	Захват. и вольн. польз.	Смѣшанн. формы.	Неустанов. и неопред. фор.	Подворное владѣніе.
	Верхняя цифра—число поселковъ, нижняя—% къ общему ихъ числу въ данномъ горизонт. ряду.									
Акмолинск. обл., Кочетав. уѣздъ.	24 / 73	3 / 9	2 / 6	4 / 12	—	29 / 94	2 / 6	—	—	—
„ Акмолин. уѣздъ.	30 / 71	1 / 2	6 / 14	5 / 12	—	38 / 100	—	—	—	—
„ Атбасарскій у.	15 / 94	—	—	1 / 6	—	14 / 93	—	—	1 / 7	—

губерніи и въ Каинскомъ—на болѣе или менѣе рѣзко-выраженныхъ степныхъ; между тѣмъ въ географическихъ условіяхъ Западной Сибири степныя мѣстности гораздо бѣднѣе сѣнокосами, пахотныя же степи съ хорошею черноземною почвой, въ видѣ правила, расположены островами среди малоудобныхъ или вовсе неудобныхъ для распашки солонцеватыхъ, щеловатыхъ и т. п. пространствъ; самая легкость распашки пахотныхъ степей дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными и создаетъ для населенія гораздо болѣе сильныя побужденія стремиться къ передѣлу, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ лѣсныхъ районахъ, гдѣ бо̀льшая часть удобныхъ для распашки земель требуетъ еще извѣстнаго труда по предварительной расчисткѣ.

Если перечисленныя условія достаточно рѣзко выражены въ степныхъ уѣздахъ Тобольской и Томской губерній, то еще рѣзче они выражены въ киргизскомъ районѣ, въ частности—въ Акмолинской области: недостатокъ въ покосахъ испытывается здѣсь гораздо острѣе,—еще рѣзче и разница между хорошею черноземною и неудобною для распашки солонцеватою или каменистою степью. Ничего удивительнаго, что передѣлы пашенъ и сѣнокосъ въ Акмолинской области, *несмотря на преобладаніе малосемейскихъ и смѣшанныхъ поселковъ,* распространены еще гораздо больше, чѣмъ въ степныхъ уѣздахъ Тобольской и Томской губерній. Въ Алтайскомъ округѣ, въ томъ числѣ и въ населен-

ныхъ исключительно великороссами горныхъ районахъ, передѣлы пахотныхъ земель мало распространены; между прочимъ, они почти совершенно не практикуются въ степномъ—безлѣсномъ районѣ, что̀, надо думать, объясняется болѣе однообразнымъ характеромъ алтайскихъ степей, обусловливающимъ широкій избытокъ въ земляхъ, пригодныхъ для распашки; но именно это самое обстоятельство обусловливаетъ максимальную, въ этомъ же районѣ, распространенность *сѣнокосныхъ* передѣловъ—недостатокъ въ сѣнокосахъ въ безлѣсной степи испытывается значительно острѣе, чѣмъ въ лѣсо-степномъ и въ горныхъ районахъ.

И конечный выводъ изъ сказаннаго будетъ, мнѣ кажется, такой: *обработанныя статистическимъ методомъ данныя о формахъ землепользованія въ переселенческихъ поселкахъ если не безусловно опровергаютъ, то, во всякомъ случаѣ, не подтверждаютъ наличности какого-либо рѣшающаго вліянія „приносимыхъ съ родины привычекъ и воззрѣній“ на формы землепользованія у переселенцевъ*, не позволяютъ, въ частности, разсматривать уравнительное землепользованіе какъ продуктъ специфически-великорусскихъ обычаевъ и традицій. И если этотъ факторъ играетъ въ данномъ случаѣ какую-либо роль, то *значеніе его не только перевѣшивается, но совершенно маскируется вліяніемъ той совокупности естественныхъ и экономическихъ условій, которая находитъ себѣ рельефное выраженіе въ территоріальномъ распредѣленіи поселковъ.*

А затѣмъ я добавлю здѣсь нѣкоторыя соображенія, о которыхъ я, опять-таки по недосмотру, не упомянулъ въ соотвѣтствующихъ главахъ настоящей книги: если даже допустить, что „общинныя традиціи“ играютъ извѣстную роль въ процессѣ сложенія формъ землепользованія у переселенцевъ, то вѣдь старожилое населеніе Сибири—это потомки людей, уходившихъ изъ европейской Россіи, главнымъ образомъ, изъ сѣверной, въ такія времена, когда *и здѣсь*, можно съ извѣстною увѣренностью думать, еще не происходило передѣловъ. Если, затѣмъ, даже допустить, что предки нынѣшнихъ старожиловъ приходили съ общинными традиціями,—это не мѣшало тому, что у нихъ вырабатывалось *не общинно-уравнительное,* а наоборотъ—исключающее всякую уравнительность *захватное* пользованіе; попадая въ новую обстановку, при чрезвычайномъ просторѣ, они такъ же точно должны были забыть объ общинныхъ порядкахъ, какъ забываетъ о нихъ, по отношенію къ пашнямъ, огромное большинство нынѣшнихъ переселенцевъ, въ томъ числѣ и тѣ, которые первые годы по приходѣ на „новое мѣсто“ передѣляютъ между собою „мятыя земли“, а потомъ переходятъ къ свободнымъ формамъ землепользованія. А къ душевому землепользованію переходятъ, въ результатѣ описанной въ настоящей книгѣ вѣковой эволюціи, тѣ отдаленные потомки первыхъ насельниковъ Сибири, которые, конечно, не сохранили въ своей памяти какихъ бы то ни было

общинныхъ традицій. При такихъ обстоятельствахъ тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь объ общинно-уравнительныхъ формахъ, какъ о чемъ-то приносимомъ съ собой переселенцами изъ мѣстностей съ общиннымъ владѣніемъ и общинными традиціями, что наиболѣе напряженныя и выработанныя формы общинно-уравнительнаго пользованія намъ пришлось констатировать какъ разъ въ такихъ мѣстностяхъ Сибири (Туринскій и Тобольскій уѣзды, Тобольской губерніи, вообще полоса спорадическаго земледѣлія), гдѣ переселенческаго элемента совершенно нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не было, когда производились мѣстныя изслѣдованія, послужившія основнымъ источникомъ для изученія процесса сложенія общины.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

DEC 1973

CANCELLED

4145584